
ИЗ КНИГ
Н·С·КРОВЯКОВА
841

На правахъ записокъ.

Н. Л. Кладо.

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
КУРСЪ ИСТОРІИ ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА.

Цѣль и методъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

„На вопросъ: что дѣлать, я отвѣтилъ себѣ—не бояться истины, куда-бы она ни привела меня“.

Л. Толстой (мысли о переписи).

„Если я вѣрю, что тутъ правда, то стоитъ-ли служить лжи... Кромѣ того меня ободрила и вѣра въ моихъ читателей: они разберутъ...“.

Достоевскій (дневникъ писателя).

С.-Петербургъ.
1910 г.

Передъ чтеніемъ слѣдуетъ исправить нижеслѣдующія пропуски и опечатки *).

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
III	5 св.	военнаго	военного
4	18 св.	смысла.	смысла (см. стр. 63).
9	11 сн.	истратегіи	и стратегіи
10	1 св.	*o bjet*	*objet*
10	4 св.	*commende*—	*commande*—
11	12 св.	Ииколаевской	Николаевской
11	2 сн.	Лорингофенъ	Лорингофанъ
11	1 сн.	Клоаузевицу	Клаузевицу
12	2 св.	они	онѣ
17	10 сн.	ненія:	неній:
17	9 сн.	*Seetaktik*».	*Seetaktik*» и *Rittmeyer*—«*Seekriege und Seekriegswesen in ihrer weltgeschichtlichen Entwicklung*»
17	8 сн.	появилась	появились
17	7 сн.	первая часть этого труда.	первыя части этихъ трудовъ.
17	7 сн.	относящаяся	первая часть **) труда *Stenzel-a* относится
17	3 сн.	источники.	источники. Такой-же характеръ носитъ и трудъ *Rittmeyer'a*, который доведенъ пока до 1740 года.
22	11 св.	«анархія	«анархія (сравнить стр. 4 и 63)
28	13 св.	болѣ	болѣе
34	17 св.	борьбы)	борьбы),
34	3 сн.	равличными	различными
35	2 сн.	*)	**)
36	5 сн.	философкаго	философскаго
37	18 св.	*выполнецы*	*выполнены*
40	15 сн.	сословія	сословій
44	13 сн	силъ	силъ,
47	16 сн.	лятся	ляется
47	4 сн.	извѣстный	извѣстной
47	2 сн.	всѣ	всѣ.
52	8 св.	теоріи	теоріи военнаго дѣла
55	12 св.	задачъ	задачъ,-
56	16 св	ности	ности,
58	14 св.	незнакомъ	не знакомъ
58	15 сн.	морокой	морской
60	3 св.	его	это
60	14 св.	Мсгенъ	Мегенъ

*) Вслѣдствіе спѣшности и особыхъ условій печатанія, пропусковъ и опечатокъ набралось очень много, а потому безъ исправленія ихъ положительно нельзя приступать къ чтенію.

**) Въ Февралѣ 1910 г. появилась въ печати вторая часть.

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
61	16 сн.	*эволюцій*	*эволюцій!*
62	15 сн.	офицеры	офицеры—
63	6 св.	стратегію	стратегію (см. стр. 4)
74	8 сн.	*Attamayr.*	*Attmayr.*
74	7 сн.	*takties*	*tactics*
76	12 сн.	вытекающихъ	вытекающихъ,
78	6 св.	В. Н.	военныхъ наукъ
86	10 св.	прнццпы	принципы
88	3 св.	разумно	разумно (см. стр. 435—437)
90	1 сн.	безсознательности	безсознательности (см. стр. 146)
91	9 св.	дажо	даже
97	11 св.	что только они	что они
99	13 сн.	оно	онъ
108	10 сн.	зрѣетъ	зрѣетъ,
108	10 сн.	путемъ	путемъ,
112	10 св.	смыслъ».	смыслъ (см. стр. 230)».
113	13 сн.	собственному	собственному,
113	13 сн.	попимаетъ	понимаетъ,
117	14 св.	прици-	принци-
118	6 св.	состава	состава,
119	14 св.	арръергардъ	арьергардъ
119	7 сн.	поддержки	поддержки,
128	11 сн.	энтузіамъ	энтузіазмъ
128	8 сн.	ипмульсивности	импульсивности
129	6 св.	основанная	которая основана
129	14 св.	опасностъ	опасность
132	13 св.	массѣ	массѣ.
133	11 сн.	преи-мущественность	преимущественность
133	4 сн.	направляются	управляются
133	2 сн.	элементарная	Элементарная
134	3 сн.	бестрашіе	безстрашіе
136	12 св.	непосредвтвенно	непосредственно
137	13 св.	всѣ не	не всѣ
138	1 св.	небхо-	необхо-
138	18 св.	такще	также
139	7 св.	представляетси	представляется
139	19 св.	Еслн	Если
139	14 сн.	ддя	для
139	9 сн.	мотивовъ.	мотивовъ,
140	12 св.	его—	его
142	16 сн.	искушеніе	искупленіе
142	15 сн.	даже	также
143	3 сн.	средствомъ	средствомъ.
145	7 св.	Эмоціи	эмоціи,
149	7 св.	выбора	выбора (см. стр. 90 выноска).
152	17 сн.	болѣе	болѣе идутъ
154	13 св.	Донскимъ	Дмитріемъ Донскимъ
154	12 св.	атогея	апогея
154	9 сн.	настрооніе	настроеніе
154	8 сн.	дѣйствительно	Дѣйствительно
155	14 сн.	промедлившп	промедлившіи,
159	12 сн.	изслѣдованія	преслѣдованія
163	16 сн.	иные	иные,
167	13 св.	хотите	хотите,
175	1 сн.	Н К.	Н. К.
179	1 сн.	матеріальный, Н. К.	моральный. Н. К.
180	2 св.	побѣдителемъ	побѣдителемъ.

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
180	16 св.	останутся	остаются
182	13 св.	1866 г.	1866.,
186	2 св.	войны	войны.
186	20 сн.	на	не
188	6 сн.	водить	водитъ
188	1 сн.	Черкасовъ.	Черкасовъ 1-й.
189	1 св.	разстояніе	разстояніи
191, 193 и 194	1 сн.	Черкасовъ	Черкасовъ 1-й.
197	7 св.	хоршо	хорошо
198	7 св.	жизни	пищи
198	15 св.	искренніи	искренній
198	3 сн.	цитируюлся	цитируются
199	20 сн.	иуть	путь
200	2 св.	познать.	познать (см. стр. 279).
200	15 сн.	всеннаго	военнаго
200	5 сн.	поучатьск	поучаться
201	8 св.	истину	истину,
201	9 св.	истинѣ	истинѣ,
201	13 св.	женіе	женіе,
201	15 св.	не возможно	невозможно
201	18 сн.	каукъ	наукъ
201	11 сн.	взгляда	взгляда,
202	19 св.	изслѣдованію	изолированію
202	1 сн.	тотъ	тотъ,
203	6 св.	и показываетъ	показываетъ
203	18 сн.	доказываетъ	доказываетъ,
208	14 сн.	огромные	огромныя
209	8 св.	неизмѣнные	неизмѣнныя
216	13 сн.	нѣскользихъ	нѣсколькихъ
216	6 сн.	распрострэнилось	распространилось
217	19 сн.	ножемъ	пожомъ
217	18 сн.	угрожающіи	угрожающіе
222	7 св.	іюня	Іюля
222	15 сн.	поредѣлать	передѣлать
227	15 сн.	случайно	случайно,
230	16 сн.	смысломъ",	смысломъ (см. стр. 112),
232	16 сн.	знали	знали,
234	13 св.	корабля.	корабля!
235	21 св.	заимствованіяхъ	заимствованіяхъ,
235	24 св.	изучанію	изученію
238	1 св.	нлана	плана
241	10 сн.	которыя	которые
242	12 св.	относящихся,	относящихся
243	17 св.	дѣятельносто	дѣятельности
245	4 св.	не	ни
246	2 св.	руль	руль,
246	17 св.	личный взглядъ	взглядъ
246	3 сн.	указаніями	указаній
247	1 сн.	содержаніе	созданіе
248	14 св.	этъ	это
249	4 св.	напротивъ	напротивъ,
249	5 св.	какества	качества
252	20 св.	способны,	способны (см. стр. 420 и 457),
252	7 сн.	вснупила	вступила
256	12 и 4 сн.	Сюфренъ	Сюффренъ
257	4 сн.	что	это
258	11 сн.	участникамъ	участникамъ (см. стр 486)
258	12 св.	зскадры	эскадры

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
261	11 св.	врага.	врага (см. стр. 474—481).
264	12 св.	противы	противны
264	18 сн.	бозотчетному	безотчетному
264	14 сн.	безсознательнаго	безсознательнаго
265	9 св.	безотчетныѣ	безотчетный
266	8 св.	пособности	способности
268	21 св.	стрѣльбѣ,	стрѣльбѣ
268	1 сн.	времеиы	времени
270	9 св.	ніе	ніе,
271	1 св.	особенноств	особенности
272	2 св.	достаточными	достаточнымъ
273	3 сн.	отъ	онъ
275	9 св.	качальни-	начальни-
275	22 св.	изученіеиъ	изученіемъ
276	8 св.	идтъ	идетъ
277	18 сн.	силовй	силой
277	15 сн.	едингласнымъ	единогласнымъ
279	23 св.	презреніе	презрѣніе
280	1 сн.	психологій	психологіи
284	23 св.	дѣленностью?	дѣленностью.
284	16 сн.	цѣли	цѣли,
287	7 св.	которыя	которые
293	13 св.	веленіямъ	велѣніямъ
294	14 сн.	значитъ что	значитъ—
295	7 сн.	А значитъ	А значитъ,
295	5 сн.	необхоонмо т. е.	необходимо; т. к.
303	13 сн	веенной	военной
304	6 сн.	вообще	вообще,
305	13 сн.	сцѣпитьсь	сцѣпиться
307	12 св.	маневрированію	маневрированіи
309	18 сн.	укладывалось	укладывалась
317	3 св.	педдержать	поддержать
317	15 св.	несоблюдая	не соблюдая
320	14 св.	спрашивается	спрашивается,
328	1 сн.	оне	онъ
329	19 сн.	наудачи	неудачи
334	20 св.	затѣмненъ	затемненъ
341	12 св.	нскали	искали
346	15 св.	осторіи	исторіи
349	21 св.	презренія	презрѣнія
350	10 св.	обрацовъ	образцовъ
351	11 сн.	стороны	стороны (см. стр. 227)
352	7 сн.	привычныя	привычные
357	6 св.	слабой	сильной
357	6 св.	силь-	сла-
357	7 св.	ной	бой
357	17 св.	Сюфренъ	Сюффренъ
359	20 св.	не прииятія	непринятія
362	19 св.	приглащенныыъ	приглашенныхъ
368	14 св.	другихъ	другихъ,
370	15 сн.	задумаля	задумался
370	13 сн.	Затѣмъ	Затѣмъ,
370	8 сн.	а	и
371	22 св.	фрагаты	фрегаты
373	16 св.	непріятелимъ	непріятелемъ
374	10 сн.	инціатива	инціатива
374	6 сн.	искуства	искусства
375	1 св.	французскомъ	французскомъ
376	7 сн,	цыполненія	выполненія

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
376	5 сн.	отетупитъ	отступить
378	8 св.	избав-	изба-
379	10 св.	Каллинг-	Коллинг-
380	19 св.	„Дмитрій	Дмитрій
381	7 св.	кооторые	которые
382	1 сн.	непріятельскаоо	непріятельскаго
387	15 св.	дипло-	дипло-
388	2 сн.	предкувство-	предчувство-
393	14 св.	разцвѣла	расцвѣла
397	17 сн.	наетигаетъ	настигаетъ
409	8 св.	епуститъ	спустить
409	12 св.	*по сы-*	*носы-*
413	18 сн.	вступитъ	вступить
414	1 сн.	рапорть	рапортъ
417	19 св.	вее	все
417	4 сн.	угошеніе	угощеніе
418	8 св.	среди	средѣ
420	13 св.	опятъ	опять
420	9 сн.	словомъ.	словомъ (см. стр. 252).
423	11 сн.	товности.	товленности.
427	2 сн.	могуществунной	могущественной
428	7 сн.	любознательиости	любознательности
431	2 св.	*Insitut*	*Institut*
431	2 сн.	мѣсяцевъ	мѣсяцевъ
434	22 сн.	безпомощьностью	безпомощностью
435	14 св.	„Морскомъ Сборникѣ“.	Морскомъ Сборникѣ №№ 1—4 за 1909 г.
435	13 сн.	чикъ	чикъ
435	2 сн.	надѣясъ	надѣясь
438	11 св.	явилисъ	явились
441	20 св.	преимущессву	преимуществу
444	8 св.	крайнец	крайней
447	11 сн.	привезенная и	привезенная
447	3 сн.	разсѣяли	развѣяли
450	12 сн.	остановка“?	остановка?“
453	4 св.	надо и	и надо
453	8 св.	благотріятной	благопріятной
453	11 сн.	мчатся	мчится
457	11 св.	дѣламъ	дѣломъ
457	10 сн.	410	252, 410
470	9 сн.	разчетъ	расчетъ
470	1 сн.	**)	*)
471	5 сн.	Кондрагенко	Кондратенко
477	8 св.	очевидно, очевидно	очевидно,
486	16 сн.	искуство	искусство
487	22 сн.	выполнитъ	выполнить
487	16 сн.	какіе	какія
487	12 сн.	оченъ	очень
488	6 сн.	морякамь	морякамъ
491	12 сн.	вѣсскія	вѣскія
492	3 св.	врамя	время
495	11 св.	фтота	флота
495	9 сн.	именно	именно
496	3 сн.	корстантированію	констатированію
509	13 сн.	изрѣченная	изреченная
513	15 св.	свѣдѣнія	свѣдѣній
513	18 сн.	стр.	стр. 497 и 498
515	15 св.	нѣтъ	нѣтъ
516	10 сн.	знать“	„знать“

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
517	11 св.	Чемборкскаго	Чембарскаго
518	6 сн.	оченъ	очень
520	4 сн.	гражданско	гражданское
522	9 св.	газ	газ.
522	29 св.	послѣднія	послѣдніе
522	26 сн.	вѣроятро	вѣроятно
524	9 сн.	святыя	святое
544	8 св.	показаній	показаніи
544	21 св.	пе-	не-

546 и 547 надо перемѣнить мѣстами.

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
577	6 сн.	принципы, здравый	принципы—здравый
586	3 сн.	корпусѣ	Корпусѣ
589	12 сн.	церства	царства
593	16 св.	72.	72,
597	22 св.	разходовъ	расходовъ

Поправка къ стр. 497. выноска **), 15—17 строки снизу: эти свѣдѣнія были присланы въ Академію послѣ напечатанія этой книги.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА IV.

Стр.

ГЛАВА V.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ возникли курсы военно-морскихъ наукъ.

Въ Январѣ 1896 года при Николаевской Морской Академіи, въ которой за 70 лѣтъ ея существованія не отводилось никакого мѣста для военныхъ знаній, были открыты курсы военно-морскихъ наукъ. Вопросъ объ открытіи этихъ курсовъ былъ рѣшенъ очень быстро, такъ что приглашенные читать на курсахъ лекторы, имѣли едва нѣсколько мѣсяцевъ для подготовки. Трудность еще увеличивалась тѣмъ, что собственно задача курсовъ являлась тогда очень смутной, многіе морскіе офицеры считали эти курсы совершенно безполезными, и даже вредными, а въ большинствѣ — относились къ нимъ иронически, и во флотѣ ихъ иначе и не называли какъ «кулинарными курсами».

И можетъ быть еще долго русскій флотъ оставался-бы безъ учрежденія, гдѣ морскіе офицеры могли-бы получать, хотя бы зачатки высшаго военнаго образованія, если-бы не толчекъ извнѣ.

Въ 1895 году, въ союзной намъ странѣ — во Франціи — комиссія изъ членовъ парламента, назначенная для разслѣдованія состоянія флота, пришла къ выводу, что французскіе морскіе офицеры не имѣютъ *общихъ* идей о веденіи морской войны, и что въ этой столь важной области замѣчается или разноголосица или индифферентизмъ. Этотъ неожиданный фактъ такъ обезпокоилъ комиссію, что она, въ особомъ протоколѣ, признала этотъ фактъ «опаснымъ для государства», и вошла въ парламентъ съ представленіемъ о настоятельной необходимости немедленно учредить во флотѣ «высшую военную школу», которая имѣла-бы задачей разрабатывать и обобщать, сообразно съ развитіемъ военно-морского дѣла, способы веденія войны на морѣ, и въ видѣ общихъ идей — распространять высшее военное образованіе въ флотѣ.

Представленіе это однако не встрѣтило сочувствія во французскомъ флотѣ — тамъ отнеслись недовѣрчиво и даже враждебно къ критикѣ и выводамъ штатскихъ людей. Я лично имѣлъ случай слышать отъ одного изъ французскихъ морскихъ министровъ, адмирала Бэнара, много плававшаго, бывшаго директора морского училища, что «его старые мозги не могутъ понять—для чего можетъ быть нужна флоту высшая военная школа».

И вѣроятно проэктъ комиссіи остался-бы въ области благихъ пожеланій, если-бы вскорѣ на посту морского министра не оказался Локруа — бывшій предсѣдатель этой комиссіи. Онъ очень энергично принялся за дѣло и уже въ Декабрѣ 1895 года появился декретъ объ учрежденіи высшей военно-морской школы. Конечно нашимъ союзникамъ было далеко не безразлично, въ какой степени былъ подготовленъ къ войнѣ русскій флотъ, и весьма вѣроятно, что по различнымъ мѣропріятіямъ, сопровождавшимъ имѣвшее тогда мѣсто быстрое увеличеніе нашего флота, не разъ возбуждался, въ той или иной формѣ, обмѣнъ мнѣній между союзниками. Вѣроятно такой обмѣнъ мнѣній произошелъ и по поводу высшаго военнаго образованія морскихъ офицеровъ. Что французы принимали близко къ сердцу вопросъ о личномъ составѣ нашего флота показываетъ тотъ фактъ, что въ курсѣ тактики 1893 г. для гардемариныъ, въ той его части, которая введена въ курсъ особымъ декретомъ*), имѣется указаніе, что «русскіе морскіе офицеры лишены военнаго образованія».

На самомъ дѣлѣ, французы видѣли въ нашемъ глазу сучекъ, не видя въ своемъ бревна. Но тѣмъ не менѣе фактъ отсутствія въ личномъ составѣ нашего флота военнаго образованія былъ замѣченъ правильно. И когда оказалось, что тѣмъ-же самымъ страдаетъ французскій флотъ, и что первый шагъ къ устраненію этого недостатка — учрежденіе высшей военной морской школы, легко могъ возникнуть обмѣнъ мнѣній по поводу желательности того, чтобы и нашъ

*) Декретъ указывалъ. что будущимъ офицерамъ должны сообщаться не только свѣдѣнія о матеріальной части иностранныхъ флотовъ, но и характеристика ихъ личныхъ составовъ.

флотъ обзавелся подобной школой. Въ пользу вѣроятности этой догадки говоритъ и тотъ фактъ, что декретъ объ учрежденіи во Франціи высшей военно-морской школы и приказъ о курсахъ военно-морскихъ наукъ у насъ — помѣчены однимъ и тѣмъ-же числомъ — 15 Декабря, по старому стилю, 1895 года.

Первые лекторы курсовъ военно-морскихъ наукъ.

Очевидно при такомъ быстромъ возникновеніи курсовъ, трудно было найти подходящихъ лекторовъ, тѣмъ болѣе что лицъ, посвятившихъ себя изслѣдованію вопросовъ морской войны съ точки зрѣнія военной науки, въ нашемъ флотѣ почти не оказалось. По крайней мѣрѣ, кому только изъ строевыхъ послужившихъ уже офицеровъ ни предлагали вести на курсахъ занятія по морской стратегіи и морской тактикѣ — всѣ отклоняли отъ себя это предложеніе. Такимъ образомъ въ русскомъ флотѣ не нашлось среди адмираловъ и командировъ судовъ такихъ лицъ, которыя считали-бы для себя возможнымъ изложить къ извѣстной системѣ свои мысли о томъ, какъ вести морскую войну и морской бой. Одинъ такой человѣкъ несомнѣнно былъ въ русскомъ флотѣ — это покойный адмиралъ Макаровъ. Но въ моментъ открытія курсовъ онъ находился въ пути, возвращаясь съ дальняго востока, и, хотя по возвращеніи, онъ и сдѣлалъ въ Морскомъ Собраніи, въ Кронштадтѣ, рядъ чрезвычайно цѣнныхъ сообщеній по морской тактикѣ, но и онъ отклонилъ отъ себя предложеніе читать на курсахъ военно-морскихъ наукъ. Французскій флотъ въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе. Въ числѣ первыхъ лекторовъ высшей военной морской школы оказался одинъ адмиралъ и три капитана 1-го ранга, не считая того, что и остальные лекторы въ большинствѣ принадлежали къ личному составу строевого плавающаго флота.

Для курсовъ-же военно-морскихъ наукъ не оказалось возможнымъ найти другихъ лекторовъ, кромѣ нѣсколькихъ совсѣмъ молодыхъ офицеровъ, въ чинѣ лейтенанта, притомъ очень мало плававшихъ и стоявшихъ, по своему служебному положенію — что очень характерно — внѣ строя. Конечно эти офицеры, даже при усиленной, хотя очень кратковременной подготовкѣ, обладали къ моменту открытія курсовъ, очень скудными познаніями и не могли дать своимъ слушателямъ

чего-либо систематичнаго или законченнаго, и должны были ограничиваться посильными компиляціями изъ литературы по разбираемымъ вопросамъ.

Но по нѣкоторымъ предметамъ даже и такихъ лекторовъ нельзя было найти въ русскомъ флотѣ, и напр. читать стратегію — науку казалось-бы чисто военную и безъ знакомства съ которой постороннему человѣку трудно даже представить себѣ строевого офицера — пришлось пригласить офицера генеральнаго штаба. Впрочемъ это не должно казаться столь страннымъ, если вспомнить, что всего какихъ нибудь 50 лѣтъ тому назадъ, извѣстный французскій адмиралъ *Bouët-Willaumez*)*—военно-морской писатель и флотоводецъ—писалъ:

Какъ относились къ тактикѣ и стратегіи выдающіеся моряки въ серединѣ XIX стол.

«На сухомъ пути тактика и стратегія связаны между собою и необходимы для успѣха операціи арміи, но по отношенію къ флоту, въ то время какъ тактика еще допускаетъ извѣстныя, хотя и очень трудно принимаемыя правила, слово «стратегія» собственно не имѣетъ смысла (см. стр. 63), въ особенности со времени изобрѣтенія компаса». А французскій флотъ еще всегда былъ впереди по военному образованію своихъ офицеровъ. Также и для чтенія лекцій по нѣкоторымъ спеціальнымъ предметамъ, — напр., по оборонѣ береговъ въ инженерномъ и артиллерійскомъ отношеніи — были приглашены сухопутные офицеры спеціалисты. Ихъ курсы конечно были и систематичны и закончены — они состояли профессорами въ академіяхъ инженерной и генеральнаго штаба.

Но, въ свою очередь, и наши доморщенные лекторы имѣли передъ ними одно преимущество — у нихъ не было за спиной рутины, что позволяло имъ, при заимствованіи у сухопутныхъ своихъ коллегъ методовъ и пріемовъ изслѣдованія, изложенія и веденія занятій — безъ чего конечно они обойтись не могли — относиться къ нимъ безъ предвзятыхъ понятій, только съ точки зрѣнія здраваго смысла. Благодаря этому курсы военно-морскихъ наукъ при постановкѣ дѣла веденія занятій избѣгли слѣпого подражанія уже существовавшимъ въ

---

*) *„Batailles de terre et de mer“. Paris 1855.*

то время военно-сухопутнымъ академіямъ, заимствуя отъ нихъ только хорошее, и перерабатывая его сообразно потребностямъ флота.

Выше было уже сказано, что флотъ, въ особенности въ высшихъ его слояхъ, отнесся съ большимъ предубѣжденіемъ къ учрежденію курсовъ военно-морскихъ наукъ, считая ихъ совершенно ненужными для флота. Конечно этому много способствовало несовершенство курсовъ, въ особенности неопытный и стоявшій внѣ строя личный составъ лекторовъ. Къ тому-же, учреждая курсы, морское министерство совершенно лишило ихъ какого либо практическаго оттѣнка, установивъ занятія только въ продолженіе 6-и зимнихъ мѣсяцевъ, безъ всякой возможности вести какія либо изысканія и повѣрки теоріи въ плаваніи на корабляхъ. Въ этомъ отношеніи французская высшая военно-морская школа была поставлена въ несравненно лучшія условія — она имѣла въ своемъ распоряженіи три крейсера.

Отношеніе флота къ курсамъ военно-морскихъ наукъ.

Все это привело къ тому, что несмотря на очень легкія условія поступленія на курсы, они никогда не имѣли полнаго комплекта слушателей, хотя число вакансій было очень небольшое — всего 15 человѣкъ. Только послѣ войны въ первый разъ число желающихъ поступить на курсы превысило число вакансій.

Такое положеніе курсовъ военно-морскихъ наукъ, при недовѣрчивомъ отношеніи къ нимъ флота съ одной стороны, и при скудости средствъ и крупныхъ недостаткахъ въ организаціи съ другой, ставило лекторовъ курсовъ въ очень тяжелую обстановку для разработки порученныхъ имъ предметовъ, и крупныя ошибки были неизбѣжны.

Со всѣми этими трудностями пришлось считаться и мнѣ при разработкѣ порученнаго мнѣ курса «Военно-морской исторіи».

Прежде всего надо было отвѣтить себѣ на вопросъ — для чего собственно долженъ читаться этотъ предметъ и какая у него связь съ остальными предметами, читаемыми на курсахъ.

Никакихъ руководящихъ идей, поясненій, программъ и т. п. лекторы при открытіи курсовъ не получили, да и самая цѣль существованія курсовъ не была нигдѣ формулирована.

Французская высшая военно-морская школа и въ этомъ отношеніи была поставлена въ лучшія условія.

Въ декретѣ президента отъ 15/27 Декабря 1895 года, въ § 2, значится:

Цѣль поставленная при учрежденіи высшей военно-морск. школы во Франціи.

«Высшая военно-морская школа имѣетъ цѣлью: 1) дать возможность изученія вопросовъ, связанныхъ съ современной войной на морѣ; 2) подготовить возможно большое количество офицеровъ къ команднымъ должностямъ и къ той отвѣтственности, которая съ ними связана».

Въ Октябрѣ слѣдующаго года формула опредѣляющая цѣль школы была измѣнена, и въ Февралѣ 1897 года (отчетъ о засѣданіи палаты депутатовъ отъ 11 Февр. 1897 г.) окончательно было установлено, что высшая военно-морская школа имѣетъ цѣлью:

«1) устанавливать и распространять во флотѣ общность идей о веденіи войны на морѣ: 2) подготовлять офицеровъ флота къ командованію».

Идеи, положенныя въ основаніе этой формулы, подробно развиты въ докладѣ депутата графа де Тревенекъ, отъ имени морской комиссіи, при обсужденіи закона объ учрежденіи школы въ палатѣ депутатовъ.

Докладъ графа де-Тревенекъ.

Въ виду отсутствія у насъ опубликованныхъ подобныхъ документовъ, приходится остановиться на этомъ докладѣ.

Графъ де Тревенекъ началъ свой докладъ съ напоминанія депутатамъ того характернаго факта, что всѣ, которымъ приходилось обращаться къ морскимъ офицерамъ за разъясненіями по морскимъ вопросамъ, поражались различіемъ въ мнѣніяхъ въ получаемыхъ ими отвѣтахъ.

При этомъ, даже въ бесѣдахъ съ самыми выдающимися моряками, и когда рѣчь шла только объ общихъ представленіяхъ о будущей войнѣ, по большей части отвѣты получались очень неопредѣленные, иногда — противорѣчивые.

Случалось даже слышать признанія очень *тревожнаго* свойства, что таковыя общія представленія и не существуютъ; что они даже и не могутъ существовать вслѣдствіе отсутствія опредѣленности въ элементахъ, входящихъ въ составъ будущей

морской войны; что таковая война разыграется въ совершенно новой обстановкѣ; что никакія стратегическія и тактическія представленія для такой войны не могутъ имѣть мѣста.

Но съ другой стороны, ясно, что какъ на сушѣ такъ и на морѣ, общность идей о томъ какъ должна вестись война — это главный и рѣшительный элементъ для достиженія успѣха.

Въ современной войнѣ, въ особенности на морѣ, надо наносить сильные и быстрые удары; для этого съ перваго же момента войны должны начать свою дѣятельность всѣ организованныя части морской силы, къ которымъ въ самомъ скоромъ времени должны присоединиться всѣ средства морской войны, которыми обладаетъ государство.

Это гигантское усиліе потребуетъ немедленнаго содѣйствія такихъ элементовъ, которые до этого момента въ извѣстной мѣрѣ были чужды другъ другу. Начальники будутъ имѣть и такихъ подчиненныхъ, которыхъ они не знаютъ; нѣкоторые могутъ передъ самымъ боемъ оказаться на такомъ посту, о которомъ они еще наканунѣ и не думали. А все-таки для побѣды необходима немедленная согласованность дѣйствій всѣхъ средствъ. Надо, чтобы на всѣхъ ступеняхъ іерархіи *направляющая* мысль понималась и даже предвидѣлась или угадывалась — безъ необходимости спѣшныхъ наставленій въ послѣднюю минуту.

Прошли тѣ времена (если только таковыя когда нибудь были), когда можно было надѣяться на побѣду, благодаря мысли осѣнившей генія во время самого боя. Будущая война должна быть подготовлена задолго и ея средства должны быть тщательно подготовлены къ употребленію. Вдохновенная мысль послѣдняго момента должна опираться и должна быть поддержана силой *общности мысли* у всѣхъ.

Для современной войны уже никуда не годится старая аксіома «война изучается только на войнѣ». Нѣтъ, теперь послѣдняя война не будетъ служить школой для подготовки къ слѣдующей войнѣ—таковой школой служатъ въ настоящее время періоды вооруженнаго мира. Теперь прошли тѣ времена, когда Дюкены, Турвили, Сюффрены могли во время без-

конечныхъ переходовъ и крейсерствъ выучить не только свои команды и офицеровъ, но выучиться и сами, подготовляя рядомъ блестящихъ стычекъ почву для рѣшительныхъ побѣдъ. Теперь во время войны должны сразу наноситься быстрые и рѣшительные удары, и тѣ, которые должны ихъ наносить, должны быть задолго къ этому подготовлены.

Къ тому же театры военныхъ дѣйствій все расширяются и множатся и разнообразятся средства для веденія войны. Одному человѣку невозможно со всѣмъ справиться — каждый долженъ быть на своемъ посту, готовый, по данному сигналу, выполнить назначенную ему роль.

Вотъ здѣсь и выступаетъ огромное значеніе *общности мысли* — въ высшемъ проявленіи этого качества — *инціативѣ*.

Вѣдь это было-бы безразсудно предполагать, что всѣ многочисленныя средства морской войны — корабли различныхъ типовъ, береговыя батареи, мины загражденія и т. п. вступятъ въ дѣло одновременно, въ одномъ какомъ нибудь районѣ, и смогутъ быть непосредственно руководимы однимъ человѣкомъ.

А тогда единственная связь между ними, которую можно себѣ вообразить — это *общія идеи*, извѣстныя всѣмъ, всѣми понимаемыя, всѣми одинаково толкуемыя.

Не менѣе, чѣмъ для примѣненія средствъ морской войны, важна общность мнѣній и для матеріальной части флота.

Вѣдь ясно, что эта матеріальная часть исходитъ изъ стратегическихъ представленій о войнѣ, что въ данномъ случаѣ именно средство должно отвѣчать цѣли, а не наоборотъ, что это безуміе — строить корабли, стоимость которыхъ считается многими милліонами, если не знаютъ — какое примѣненіе они будутъ имѣть на войнѣ?

Прямое послѣдствіе отсутствія общности мысли — это разнообразіе въ типахъ кораблей.

Да собственно откуда и взяться этой общности мысли? Все воспитаніе, обученіе и прохожденіе службы морского офицера такъ поставлены, что онъ все время занимается частностями военно-морского дѣла, на нихъ уходитъ вся его

энергія — а общія соображенія остаются въ сторонѣ. Каждый какъ-бы пріученъ думать, что общее — это не его дѣло, что это дѣло выше его стоящаго начальства, а потому онъ этимъ общимъ и не интересуется. И такъ проходитъ вся служба — отъ чина къ чину, отъ должности къ должности; въ командованіи за миноносцемъ слѣдуетъ броненосецъ, затѣмъ отрядъ и эскадра — и моментъ, когда наконецъ будетъ схвачено и изучено общее, заключающее въ себѣ всѣ частности — все представляется гдѣ то впереди, и въ результатѣ — не наступаетъ никогда. А между тѣмъ необходимость, чтобы этотъ моментъ имѣлъ мѣсто — прямое требованіе національной обороны. Однимъ словомъ *общность мысли* — эта необходимость настоятельная, неоспоримая, вытекающая изъ сущности современной войны — для нашей военной силы, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ — это вопросъ о томъ быть или не быть.

Общность военной мысли — настоятельная необходимость для военной силы.

Созданіе этихъ общихъ мыслей — доктрины — дѣло высшаго командованія: дѣло высшей военно-морской школы — ее распространить. Въ тоже время эта школа представляетъ изъ себя, въ рукахъ высшаго командованія, превосходный инструментъ для соотвѣтствующихъ изслѣдованій; она превосходно приспособлена, чтобы помогать высшему командованію создать вышеупомянутую доктрину, точно ее формулировать и разработать ее въ такомъ видѣ, чтобы слѣдствія изъ нея могли быть повѣрены практическимъ путемъ.

Преимущественное назначеніе школы *(par excellence)* — это служить *техническимъ отдѣломъ* по тактикѣ и стратегіи, находящимся постоянно подъ рукой начальника генеральнаго штаба, которому она и подчиняется.

При разъясненіи второй задачи для которой существуетъ высшая военно-морская школа, — для подготовки начальниковъ — въ докладѣ комиссіи опять видно стремленіе выдвинуть на первое мѣсто значеніе обобщающихъ идей — доктрины — въ противовѣсъ частностямъ. Для этого составитель доклада воспользовался непереводимымъ двойнымъ значеніемъ слова *«general»* — «общій» и «начальникъ». Въ виду этого привожу это мѣсто доклада въ подлинникѣ.

„Son (de l'Ecole) deuxième objet, et ce n'est pas sa moindre mission, est de former des chefs à notre marine, de lui préparer des officiers généraux). Nous retenons ici le vocable général dans son sens absolu. Un officier investi du commandement doit être un officier général dans l'acception étymologique du mot".*

Начальникъ, говорится дальше въ докладѣ, долженъ быть выше всѣхъ частностей, чтобы охватить ихъ въ ихъ общемъ; онъ долженъ знать всѣ отрасли службы, какъ тѣ, которыми онъ руководитъ непосредственно, такъ и тѣ, которыя болѣе или менѣе тяготѣютъ къ послѣдней.

Въ его рукахъ долженъ производиться синтезъ всѣхъ живыхъ силъ приложенныхъ къ веденію войны. Внѣ этихъ живыхъ силъ — все безполезно, все — пустословіе, все — потеря труда, времени и денегъ. Ни въ какомъ случаѣ начальникъ не долженъ идти на буксирѣ у вспомогательныхъ отраслей службы. Его дѣло — приказывать, ихъ дѣло — исполнять. Приказанія должны быть исполнимы. А для этого нужно, чтобы тотъ, отъ котораго они исходятъ, зналъ-бы нужды, способы дѣйствій и точныя границы производительности тѣхъ органовъ, къ которымъ онъ обращается со своими приказаніями. Дѣйствительность командованія — слѣдствіе этого синтеза, посредствомъ котораго и достигается планомѣрность и стройность въ общемъ ходѣ дѣла. При отсутствіи такого синтеза — царятъ разброска усилій, безсвязность и безсиліе.

Какъ во время мира, такъ и во время войны начальникъ долженъ быть готовъ къ командованію раньше чѣмъ онъ облеченъ соотвѣтственною властью. Существуютъ такіе опыты, такіе промахи, которые недопустимы для того, кто облеченъ властью.

Престижъ начальника долженъ оставаться безупречнымъ. «Дѣйствительная» дисциплина — единственная, по мнѣнію Дра-

*) Во Французскомъ флотѣ адмиральскіе чины носятъ общее названіе—*officiers generaux.*

гомирова, имѣющая цѣну, можетъ исходить только изъ увѣренности подчиненнаго въ качествахъ своего начальника.

Высшая военно-морская школа должна быть разсадникомъ высшаго командованія.

Отсутствіе формулировки цѣли существованія курсовъ военно-морскихъ наукъ.

Я намѣренно остановился на подробномъ изложеніи той цѣли, которая была поставлена во Франціи при учрежденіи высшей военно-морской школы, такъ какъ изъ яснаго пониманія этой цѣли вытекаетъ и весь характеръ и методъ изложенія всѣхъ предметовъ. При открытіи-же курсовъ военно-морскихъ наукъ у насъ, эта цѣль не была формулирована и когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (23 Мая 1896) появилось новое положеніе о Николаевской морской академіи, то въ отдѣлѣ озаглавленномъ: «Цѣль и составъ академіи» значилось только, что: «Николаевская морская академія имѣетъ цѣлью доставлять чинамъ флота высшее образованіе, соотвѣтствующее спеціальнымъ требованіямъ того рода службы, къ которому они предназначаются», а даже о томъ къ чему собственно предназначаются офицеры, прослушавшіе курсы военно-морскихъ наукъ при академіи, въ положеніи не говорится ни одного слова. И такая болѣе чѣмъ неопредѣленная формулировка столь важнаго вопроса продолжаетъ существовать и до настоящаго времени, и за все время существованія курсовъ она ни разу не была соотвѣтственнымъ образомъ разъяснена или заполнена.

Накакихъ основаніяхъ разрабатывался курсъ исторіи военно-морского искусства на курсахъ военно-морскихъ наукъ.

Вотъ почему при разработкѣ порученнаго мнѣ курса „военно-морской исторіи“ я руководствовался задачами поставленными для высшей военной морской школы во Франціи.

И я поставилъ себѣ задачу — стремиться къ тому, чтобы, читаемый мною курсъ наилучшимъ образомъ способствовалъ созданію тѣхъ общихъ идей о веденіи войны на морѣ *), въ которыхъ, судя по вышеприведенному докладу во французской палатѣ депутатовъ, столь нуждаются современные

*) „Индивидуальность вождей и разнообразіе во взглядахъ ведутъ къ треніямъ, ослабить которыя, до извѣстной степени, можно только путемъ развитія однородныхъ взглядовъ на веденіе войны“. *Фрейтагъ Лорингговенъ.* Господство личности на войнѣ. Изслѣдованіе по Клаузевицу. Ст. 49.

флоты. Эти идеи и ихъ слѣдствія, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ могли-бы непосредственно прикладываться на войнѣ, могли въ большей или меньшей степени вылиться только при разработкѣ курсовъ морской стратегіи и морской тактики. Мой-же курсъ могъ лишь этому способствовать такимъ подборомъ и освѣщеніемъ фактовъ изъ военно-морской исторіи, которые давали-бы возможно ясное представленіе объ общихъ идеяхъ, руководившихъ подготовкой и веденіемъ войны на морѣ въ различныя эпохи, объ эволюціи этихъ идей, объ ихъ отношеніи къ средствамъ войны и обстановкѣ и, наконецъ въ видѣ результата вѣкового опыта исторіи, мнѣ предстояло отдѣлить и формулировать тѣ идеи, которыя неизмѣнно способствовали успѣху на войнѣ, отъ идей ложныхъ и умалявшихъ дѣйствительность военно-морской силы.

Эти историческіе и логическіе выводы и должны были лечь въ основаніе главнѣйшихъ предметовъ курсовъ—морской стратегіи и морской тактики, которымъ предстояло на этомъ фундаментѣ построить теорію подготовки и веденія войны и боя,

Такимъ образомъ, несмотря на то, что самъ по себѣ курсъ военно-морской исторіи не могъ имѣть практическаго примѣненія въ военно-морскомъ дѣлѣ, значеніе его было очень важно—служить фундаментомъ для созданія вышеупомянутыхъ общихъ идей о веденіи войны на морѣ, а потому и работа надъ этимъ курсомъ являлась въ высшей степени отвѣтственной.

Никакого образца такой работы, какъ на русскомъ такъ и на иностранныхъ языкахъ, я не имѣлъ. Всѣ извѣстныя мнѣ сочиненія по исторіи флотовъ и морскихъ войнъ носили почти исключительно характеръ повѣствовательный. Въ нихъ устанавливались болѣе или менѣе достовѣрно лишь извѣстные факты. Связь-же этихъ фактовъ съ основными причинами ихъ порождавшими—съ существовавшими въ морской средѣ или у отдѣльныхъ людей правильными или ошибочными идеями о подготовкѣ и о веденіи войны на морѣ—совершенно не устанавливалась. Часто не устанавливалась достаточно подробно обстановка, которая могла-бы пролить извѣстную долю свѣта

на то почему фактъ произошелъ именно такъ, а не иначе. Наконецъ—почти совершенно игнорировалась исторія развитія общихъ идей о веденіи морской войны и вліяніе различныхъ стадій этого развитія на результаты войнъ.

Въ виду этого я обратился къ изученію военно-сухопутныхъ писателей, которые уже давно стали на путь научнаго изслѣдованія военныхъ событій, и рѣшилъ сдѣлать попытку примѣнить принятый ими методъ къ разработкѣ порученнаго мнѣ курса. Главнымъ руководствомъ мнѣ послужили мысли, высказанныя профессоромъ Г. А. Лееромъ, въ особенности въ его сочиненіи „Методъ военныхъ наукъ". Согласно его указанію я началъ работать надъ изслѣдованіемъ исторіи флотовъ и морскихъ войнъ, примѣняя къ этой работѣ критико-историческій методъ, При этомъ, такъ какъ цѣль моя заключалась въ полученіи общихъ широкихъ выводовъ, то я не входилъ въ детальное разсмотрѣніе какой либо одной эпохи, или отдѣльной войны, а тѣмъ болѣе—отдѣльнаго боя. Я старался уловить лишь то общее, что всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, способствовало успѣху и отдѣлить его отъ различныхъ заблужденій.

Въ результатѣ получилась собственно не «военно-морская исторія», повѣствующая—не мудрствуя лукаво—о происшедшихъ событіяхъ, заботящаяся главнымъ образомъ о вѣрномъ изложеніи этихъ событій, а «исторія военно-морского искусства», стремящаяся въ каждомъ событіи усмотрѣть олицетвореніе извѣстной идеи, принимающая событія на вѣру, какъ они установлены въ военно-морской исторіи и уже не занимающаяся спеціально ихъ провѣркой, а лишь ихъ сопоставляющая и пользующаяся ими для широкихъ обобщеній и выводовъ. Конечно въ этотъ курсъ вошло изслѣдованіе и событій относящихся къ русскому флоту, принимая и ихъ въ той степени достовѣрности, какъ она установлена въ существующихъ сочиненіяхъ по русской военно-морской исторіи.

Сознавая все несовершенство своей работы, я всѣми силами стремился вызвать критику, какъ поставленныхъ мною себѣ цѣлей и методовъ ихъ достиженія, такъ и достигнутыхъ

результатовъ. Къ сожалѣнію такой критики я такъ и не добился, и лишь случайныя обстоятельства ясно указали мнѣ на серьезные пробѣлы въ моей работѣ.

Годъ тому назадъ появился почтенный трудъ А. Н. Щеглова подъ заглавіемъ „История военно-морского искусства", во введеніи къ которому онъ подробно излагаетъ (стр. 5—12) цѣль изученія военно-морской исторіи. При этомъ, говоря о необходимости извѣстнымъ образомъ систематизировать историческій матеріалъ. ибо нѣтъ никакой надобности и возможности ознакомиться со всѣми морскими войнами, происходившими въ разныя времена у различныхъ народовъ А. Н. Щегловъ указываетъ, что принято выяснять поучительные образцы тактики и стратегіи «только тѣхъ народовъ, которые являются наиболѣе яркими представителями данной эпохи».

И вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей книгѣ А. Н. Щегловъ, не смотря на то, что курсъ его составленъ, судя по предисловію, спеціально для русскаго морского корпуса,—совершенно не касается событій, относящихся къ русскому флоту. Такъ какъ онъ нигдѣ не даетъ объясненія этому факту, то остается предположить, что онъ сдѣлалъ это именно потому, что событія относящіяся къ русскому флоту не даютъ подходящаго матеріала для курса исторіи военно-морского искусства. Между тѣмъ я, съ самаго начала своей работы надъ такимъ же курсомъ, держался противнаго мнѣнія, и ввелъ въ свой курсъ разборъ цѣлаго ряда русскихъ морскихъ сраженій. И если, несмотря на то, что этотъ курсъ дважды являлся въ литографированномъ видѣ, и на полное отсутствіе въ литературѣ такихъ курсовъ, А. Н. Щегловъ все-таки не ввелъ въ свой трудъ разбора русскихъ морскихъ сраженій, то мнѣ это показало, что значитъ взгляды на цѣли, для которыхъ должна изучаться исторія военно-морского искусства у меня и у А. Н. Щеглова различные, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ моемъ курсѣ помимо различныхъ другихъ его недостатковъ, существуетъ несомнѣнный и очень важный пробѣлъ, а именно—въ немъ очень плохо разъяснена та цѣль, для которой изучается исторія военно-морского искусства и та роль, которую оно играетъ въ образованіи морского офицера. А между тѣмъ, именно ясность

пониманія цѣли каждаго изучаемаго предмета значительно содѣйствуетъ установленію *общей* для него цѣли, а значитъ и разработкѣ *общихъ* мыслей о веденіи морской войны, въ чемъ собственно и состоитъ главная задача высшаго военнаго образованія, если стать на вышеприведенную французскую точку зрѣнія при учрежденіи тамъ высшей военно-морской школы.

Вотъ почему подробному и всестороннему выясненію цѣлей, которыя преслѣдуются при изученіи того или другого предмета, слѣдуетъ придавать самое серьезное значеніе, въ особенности при организаціи столь новаго и важнаго дѣла, какъ высшее военное образованіе флота. И вотъ почему я понялъ всю важность пробѣла въ моемъ курсѣ, который я замѣтилъ лишь благодаря появленію труда А. Н. Щеглова.

Вслѣдъ за этимъ и другое обстоятельство обратило мое вниманіе на тотъ-же допущенный мною пробѣлъ, но уже съ другой точки зрѣнія.

Въ концѣ прошлаго 1908 года въ Морскомъ Корпусѣ состоялось совѣщаніе изъ преподавателей морской тактики, стратегіи и исторіи военно-морского искуства по вопросу о формѣ и объемѣ преподаванія основъ морской стратегіи. Морская стратегія, морская тактика и исторія военно-морского искуства по существу крѣпко связаны между собою, а потому, отъ того *какъ* преподается одна изъ этихъ наукъ, зависитъ вопросъ — *какъ слѣдуетъ* или *какъ приходится* преподавать другія. Поэтому въ вышеуказанномъ совѣщаніи поднялся вопросъ и о трудѣ А. Н. Щеглова, и было высказано сожалѣніе по поводу того, что въ немъ нѣтъ разбора фактовъ изъ исторіи русскаго флота и было установлено положеніе, что ихъ необходимо ввести въ курсъ. При этомъ нѣкоторые изъ членовъ этого совѣщанія дали объясненіе— почему до сихъ поръ событія русской морской исторіи не вошли въ курсъ исторіи военно-морского искусства въ Морскомъ Корпусѣ. Причина оказывается въ томъ, что русскій историческій матеріалъ еще никѣмъ не былъ разработанъ съ примѣненіемъ критико-историческаго метода, и что все существовавшее до сихъ поръ имѣло лишь эпизодическій характеръ. А потому работа эта представляетъ большія трудности,

для преодолѣнія которыхъ *необходимо* не только *знакомство съ архивнымъ матеріаломъ* (перво-источниками), но и большой опытъ въ работахъ этого рода. Въ заключеніе совѣщаніе постановило предложить эту работу мнѣ.

Такъ какъ еще 12 лѣтъ тому назадъ я сдѣлалъ попытку примѣненія критико-историческаго метода къ разбору цѣлаго ряда русскихъ морскихъ сраженій, и попытка эта имѣется въ изданныхъ тогда же литографированныхъ запискахъ, и такъ какъ я для этого не прибѣгалъ ни къ какимъ архивнымъ изысканіямъ, то для меня было ясно, что члены совѣщанія считаютъ мою тогдашнюю попытку неправильно поставленною и неудавшеюся, но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаютъ. что съ тѣхъ поръ я измѣнилъ свой взглядъ на методъ и средства для такой работы и въ настоящее время могу ее выполнить надлежащимъ образомъ. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ, то ужъ это одно обязывало меня разобраться въ моемъ пониманіи цѣли изученія и метода разработки исторіи военно-морского искуства, и опять мнѣ стало ясно, что существуетъ у меня и у членовъ совѣщанія какая то разница во взглядахъ на эти цѣль и методъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ опять пришлось констатировать, что въ своемъ курсѣ я не обратилъ достаточнаго вниманія на этотъ важный вопросъ, потому что и самъ недостаточно въ немъ разобрался.

Съ перваго-же взгляда мнѣ показалось, что въ указаніи нѣкоторыхъ членовъ совѣщанія на особыя трудности, которыя представляетъ включеніе фактовъ изъ русской военно-морской исторіи въ курсъ исторіи военно-морского искусства, кроется какое-то недоразумѣніе.

Мнѣ какъ то никогда не приходило въ голову, что въ этомъ отношеніи можетъ существовать какая либо разница между напр. Абукирскимъ сраженіемъ и Чесменскимъ, между Минорскимъ и Гогландскимъ, или между Трафальгарскимъ и Аѳонскимъ.

Мнѣ казалось, что разъ мы имѣемъ передъ собою ясную цѣль — для чего предметъ изучается, если мы ясно сознаемъ

какого рода мысли и выводы мы хотимъ почерпнуть изъ этого изученія, то въ чемъ-же можетъ быть разница — *гдѣ* ихъ черпать — въ иностранной или русской исторіи, и почему можетъ существовать какая-то разница въ степени глубины источниковъ, т. е. — почему событія иностранныхъ флотовъ поддаются изученію съ приложеніемъ критико-историческаго метода по печатнымъ источникамъ, а событія русскаго флота необходимо изучать для той-же цѣли по архивнымъ даннымъ, и почему безъ такой работы въ архивахъ нельзя событіями изъ русской морской исторіи иллюстрировать тѣ мысли, которыя мы иллюстрируемъ войнами на морѣ другихъ государствъ?

Или, быть можетъ, тѣ, которые ощущаютъ эту разницу, изучаютъ исторію иностранныхъ флотовъ по архивнымъ даннымъ? Едва-ли такое предположеніе можетъ имѣть какое либо основаніе.

Или свѣдѣнія о событіяхъ относящихся къ русскому флоту въ печатныхъ источникахъ столь скудны, что нѣтъ возможности установить — какъ именно они происходили? Такое утвержденіе было-бы просто невѣрно.

Или быть можетъ въ иностранной литературѣ уже сдѣлана работа приложенія критико-историческаго метода, напр., къ разбору иностранныхъ морскихъ сраженій, причемъ авторы такихъ работъ потому и могли это сдѣлать, что работали по архивнымъ даннымъ? Я долженъ сознаться, что такихъ работъ я не знаю. Я не знаю на иностранномъ языкѣ ни одного курса исторіи военно-морского искусства, кромѣ сочиненій: „*Stenzel. Seekriegsgeschichte in ihren wichtigsten Abschnitten mit Berücksichtigung der Seetaktik*“ и *Rittmeyer* „*Seekriege und Seekriegswesen in ihrer weltgeschichtlichen Entwicklung*“, но и то въ печати появились всего 2 года тому назадъ (1907 г.) только первыя части этихъ трудовъ, а первая часть(+) труда *Stenzel'a* относится почти исключительно къ древнему періоду, и то къ незначительной лишь его части — персидскимъ войнамъ и пелопонезской войнѣ, — и въ своихъ многочисленныхъ ссылкахъ авторъ нигдѣ не ссылается на архивные источники. Такой же характеръ носитъ и трудъ *Rittmeyer'a*, который доведенъ пока до 1740 года.

Самый лучшій, извѣстный мнѣ, критическій разборъ цѣлаго ряда сраженій англійскаго флота, хотя и далеко не

(+) В феврале 1910 г. появилась в печати 2 вторая часть.

удовлетворяющій требованіямъ критико-историческаго метода, сдѣланъ 125 лѣтъ тому назадъ Джономъ Клеркомъ, причемъ онъ съумѣлъ это сдѣлать по очень скуднымъ фактическимъ даннымъ. И могъ онъ это сдѣлать, по моему мнѣнію, только потому, что онъ совершенно ясно понималъ — *для какой цѣли* онъ дѣлалъ свою работу, а потому и находилъ и въ очень скудныхъ источникахъ соотвѣтственный матеріалъ для своихъ заключеній.

И потому, если, напр., А. Н. Щегловъ приложилъ критико-историческій методъ къ изслѣдованію исторіи иностранныхъ флотовъ и написалъ на основаніи этихъ изслѣдованій курсъ исторіи военно-морского искусства, то какъ онъ, такъ и всякій другой, имѣя въ своемъ сознаніи *ту-же цѣль*, которую онъ себѣ поставилъ, и кромѣ того, имѣя передъ глазами и *образецъ метода* его работы, тѣмъ болѣе легко могли приложить этотъ методъ по отношенію къ изслѣдованію событій относящихся къ исторіи русскаго флота.

И однако ни онъ, никто либо другой этого не сдѣлали, причемъ нѣкоторыми, какъ было указано выше, приводилось и объясненіе этому факту — особая трудность такой работы, вслѣдствіе необходимости работы въ архивахъ.

И я считаю, что такое разногласіе — прямое послѣдствіе того, что не достаточно еще полно и опредѣленно формулированы задачи курса исторіи военно-морского искусства.

Быть можетъ, именно благодаря тому, что я недостаточно продумалъ эти задачи, мнѣ и въ голову не пришло, что можетъ существовать какая либо разница въ степени удобопримѣнимости критико-историческаго метода къ событіямъ иностранной и русской морской исторіи, а потому я, ничтоже сумняшеся, примѣнялъ его и къ тѣмъ и другимъ, причемъ долженъ откровенно признаться — никогда ни въ какомъ архивѣ не работалъ.

Но и теперь, обсудивъ, на сколько мнѣ это оказалось по силамъ, эти задачи со всѣхъ сторонъ, я пришелъ къ убѣжденію, что, при разработкѣ курса исторіи военно-морского искусства, охватывающаго и исторію этого искусства въ русскомъ флотѣ,

нѣтъ настоятельной надобности въ архивной работѣ, и тѣмъ болѣе для разработки такого курса для морского корпуса.

Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что работа въ архивахъ имѣетъ въ какомъ либо отношеніи второстепенное значеніе.

Мой курсъ исторіи военно-морского искусства составленъ безъ работы въ архивахъ.

Совсѣмъ нѣтъ. Я просто хочу указать, что именно для вышеуказанной работы нѣтъ въ ней необходимости, а кромѣ того я считаю себя обязаннымъ констатировать фактъ моей непричастности къ архивной работѣ, такъ какъ не хочу брать на себя излишняго груза учености, котораго у меня нѣтъ. Я просто еще не дошелъ до архивной работы, я считаю, что и всей моей жизни не хватитъ, чтобы разобраться въ той массѣ печатныхъ трудовъ, изъ которыхъ многіе именно и созданы на основаніи архивныхъ изысканій. Если-бы моя задача состояла въ подробномъ изслѣдованіи какой либо одной эпохи, или тѣмъ болѣе — отдѣльнаго событія, тогда — дѣло другое. Безъ изысканій въ архивахъ въ данномъ случаѣ обойтись нельзя, такъ какъ въ такой работѣ главное — это *точное, во всѣхъ деталяхъ, изложеніе факта.*

И хотя въ исторіи военно-морского искусства достовѣрность факта несомнѣнно имѣетъ огромное значеніе, но такъ какъ она охватываетъ огромные періоды и цѣлую массу событій у цѣлаго ряда народовъ, то очевидно, ни провѣрка всего матеріала, ни самостоятельный подборъ матеріала по первоисточникамъ, въ этомъ случаѣ совершенно немыслимы, и обращеніе къ архивнымъ изысканіямъ тутъ можетъ быть лишь чисто случайное, для выясненія какихъ либо отдѣльныхъ темныхъ мѣстъ.

Трудъ использованія «мысли и труда» прошлаго для настоящаго долженъ быть раздѣленъ.

Изслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ относящихся къ исторіи военно-морского искусства, и обобщеніе ихъ всѣхъ въ одномъ цѣломъ для полученія изъ нихъ широкихъ выводовъ — это двѣ одинаково важныя и необходимыя отрасли той-же работы — использовать для настоящаго «мысль и трудъ» прошлаго. Но разработать обѣ эти отрасли не по силамъ одному человѣку, и если бы кто либо за это взялся — работа его впередъ была-бы обречена на неудачу. Въ особенности требуетъ работы

многихъ людей и въ продолженіи огромнаго времени первая отрасль. А потому трудъ долженъ быть раздѣленъ, и работающіе во второй отрасли принуждены пользоваться сдѣланнымъ въ первой отрасли какъ матеріаломъ подлежащимъ лишь критической оцѣнкѣ, но не провѣркѣ, прибѣгая къ послѣдней лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Очевидно цѣнность результатовъ работъ во второй отрасли всегда будетъ зависѣть отъ того, какую цѣнность имѣетъ состояніе работъ въ первой отрасли. Чѣмъ добросовѣстнѣе отдѣльныя изслѣдованія и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ плодотворнѣе и цѣннѣе будутъ общія заключенія и выводы, и тѣмъ значитъ, въ данномъ случаѣ, будетъ совершеннѣе курсъ исторіи военно-морского искусства. Но это совсѣмъ не значитъ, что его совсѣмъ нельзя разработать, или что онъ не принесетъ никакой пользы, если въ томъ матеріалѣ, на основаніи котораго онъ составленъ, имѣются большія или меньшія погрѣшности.

Съ ними приходится мириться, такъ какъ устранить ихъ всѣ сразу и одному человѣку немыслимо. Если-бы кто нибудь вздумалъ по архивнымъ источникамъ разработать всѣ событія, на основаніи которыхъ онъ поставилъ-бы себѣ задачей составить курсъ исторіи русскаго военно-морского искусства, то безъ всякаго сомнѣнія онъ до этой послѣдней работы никогда-бы не дошелъ. А значитъ если таковой курсъ нуженъ, то надо обойтись съ имѣемымъ на лицо матеріаломъ. Вотъ и я позволяю себѣ думать, что и имѣемый въ данное время матеріалъ уже достаточенъ для включенія событій изъ исторіи русскаго флота въ общій курсъ исторіи военно-морского искусства, и не только для преподаванія въ морскомъ корпусѣ, но и въ морской академіи.

Необходимость точной формулировки задачъ изученія исторіи военно-морского искусства.

Но, какъ я уже повторялъ много разъ, для того чтобы это сдѣлать, и вообще, чтобы изученіе исторіи военно-морского искусства ближайшимъ образомъ вело къ созданію *общихъ* идей о веденіи морской войны, (см. стр. 15) необходимо точно и всесторонне формулировать задачи, которыя преслѣдуются при изученіи этого предмета.

Именно этого у меня не было сдѣлано, а потому я и рѣшилъ сдѣлать такую попытку теперь.

Въ виду важности правильнаго разрѣшенія этого вопроса для дѣла высшаго военно-морского образованія, а слѣдовательно и для флота, я рѣшилъ сдѣлать о результатахъ своей работы сообщеніе въ С.-Петербургскомъ Военно-Морскомъ кружкѣ, чтобы мнѣ могли быть указаны мои ошибки.

Начиная свою работу я рѣшилъ слѣдовать правилу высказанному графомъ Л. Толстымъ, что *при поискахъ истины не слѣдуетъ бояться куда-бы она ни привела.*

И вотъ когда, твердо придерживаясь этого правила, я закончилъ конспектъ своего доклада, нѣкоторые изъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ, показались мнѣ нѣсколько парадоксальными, а тѣ разсужденія, на которыхъ я ихъ обосновалъ — недостаточно ясными. Поэтому я хотѣлъ отложить свое сообщеніе на значительное время, чтобы дать работѣ вылежаться, — это полезно для всякой работы. Однако Инспекторъ классовъ морского корпуса и Предсѣдатель Военно-Морского кружка, которымъ я представилъ свой конспектъ для предварительнаго ознакомленія, нашли, что полезно обсудить эту работу теперь-же, а потому мое сообщеніе, подъ заглавіемъ «О преподаваніи военно-морской исторіи», состоялось въ общихъ засѣданіяхъ кружка 9-го и 16 марта этого года. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, пренія были очень сокращены, а потому мои разсужденія и не могли быть подвергнуты основательной провѣркѣ. Во всякомъ случаѣ и тѣ немногочисленныя замѣчанія, которыя были сдѣланы по поводу моего доклада, дали мнѣ возможность обсудить мои выводы съ новыхъ точекъ зрѣнія, и указали мнѣ на слабо и неясно аргументированныя мѣста, которыя и не могли быть поэтому надлежащимъ образомъ поняты моими слушателями.

Въ сообщеніи моемъ я разбиралъ главнымъ образомъ вопросъ о *цѣли*, для которой изучается и преподается военно-морская исторія, и почти не касался *метода* этого изученія. Присоединивъ въ настоящее время къ своей работѣ разсужденія по поводу и этого послѣдняго вопроса, заимствованныя мною главнымъ образомъ изъ сочиненія Г. А. Леера «Методъ военныхъ наукъ», я облекъ все это въ форму «Введенія въ курсъ исторіи военно-морского искусства», и рѣшилъ,

его напечатать, чтобы дать возможность ознакомиться съ этой работой широкому кругу читателей во флотѣ и подвергнуть ее всесторонней критикѣ.

Я увѣренъ, что для флота далеко не безразлично — для какой цѣли читается въ корпусѣ и въ академіи военно-морская исторія, и выбранъ-ли правильный методъ для достиженія этой цѣли? Вѣдь только ясно понимаемая цѣль и правильный методъ приведутъ къ *безспорности,* а черезъ нее и къ *общности* во флотѣ мыслей о веденіи морской войны. А въ этомъ, какъ мы видѣли выше, во флотѣ имѣется насущная потребность. Разноголосица, «анархія (сравнить стр. 4 и 63.) въ мнѣніяхъ о своемъ дѣлѣ» — это самая опасная болѣзнь современныхъ флотовъ, и въ особенности нашего, которому и безъ того очень трудно оправиться послѣ пережитаго имъ страшнаго разгрома. А потому, вполнѣ сознавая, что я могу стать на совершенно ошибочный путь, такъ, какъ я могу ручаться лишь за качество своихъ намѣреній, но ни въ какомъ случаѣ за качество выполненія, и кромѣ того, такъ какъ мнѣ поручено преподаваніе исторіи военно-морского искусства въ академіи, я могу натолкнуть на этотъ ошибочный путь и другихъ, отчего произойдетъ несомнѣнный убытокъ для флота, я буду искренно признателенъ за всякія устныя, письменныя и въ особенности за печатныя замѣчанія по поводу настоящаго моего труда, имѣющаго лишь одну цѣль — принести посильную пользу флоту.

Н. Кладо.

23 Іюня
1909 года.

Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства.

Цѣль и методъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

При стремленіи къ истинѣ надо идти до конца и не бояться — куда-бы ни привело логическое развитіе мысли.

Графъ Л. Толстой.

ГЛАВА I.

Военныя науки, ихъ раздѣленіе и взаимная связь.

Что такое военная наука и военное искусство.

Военныя науки — это группа наукъ разрабатывающая вопросы непосредственно связанные съ подготовкой и веденіемъ войны.

Военное искусство — это умѣнье при подготовкѣ и веденіи войны руководиться положеніями выработанными военными науками.

Существуютъ споры и разсужденія о томъ, можно-ли соединять слова «война» и «наука». Утверждаютъ что, напр., геометрія, физика и исторія — это науки, а, напр., стратегія и тактика — это только искусство и даже не болѣе чѣмъ ремесло.

Такіе споры и разсужденія едва-ли имѣютъ какой либо смыслъ. Ихъ возбуждаютъ обыкновенно люди, питающіе отвращеніе къ такому ужасному явленію какъ война, и которые, воспринявъ понятіе о наукѣ, какъ о чемъ-то достойномъ

высокаго уваженія, не хотятъ оказывать этого уваженія познаніямъ въ столь отвратительномъ дѣлѣ какъ война. Они какъ-бы противопоставляютъ всѣ остальныя познанія человѣка — познаніямъ военнымъ въ томъ смыслѣ, что первыя даютъ человѣчеству благо, а вторыя будто-бы неоспоримо ведутъ его только къ нанесенію себѣ вреда. Другого объясненія этого желанія, какъ-бы принизить военныя знанія, какъ и вообще это часто дѣлается по отношенію къ военному сословію, я не могу найти*).

Но конечно согласиться съ такимъ стремленіемъ, хотя-бы и основаннымъ на благородномъ чувствѣ гуманности, никакъ

---

*) Впрочемъ совсѣмъ не только одни военныя знанія не признавались за науку. По словамъ профессора Карѣева (Энцкл. Сл. Брокг. и Эфр. Т. XIII А стр. 505), даже исторія не всѣми признается за науку, и до сихъ поръ приходится слышать, что исторія даже и не можетъ сдѣлаться наукой. Защитники этого взгляда или понимаютъ слово „наука“ въ какомъ либо условномъ смыслѣ, подъ который не подойдутъ тогда и многія другія науки, или требуютъ отъ исторіи такой-же точности, какую имѣютъ, напр., математика и механика. Напр., Шопенгауеръ потому отрицалъ значеніе исторіи какъ науки, что всякая наука есть система общихъ понятій, находящихся между собою въ необходимомъ подчиненіи и соподчиненіи, тогда какъ исторія занимается единичными фактами, координированными между собою чисто внѣшнимъ образомъ. На это профессоръ Карѣевъ возражаетъ, что общее опредѣленіе науки Шопенгауеромъ дано чисто условное, составленное лишь по типу наукъ извѣстной категоріи. Что-же касается до ссылки на неточность историческихъ знаній, то въ каждой научной области мы найдемъ большее или меньшее количество положеній точныхъ, рядомъ съ положеніями неточными: все дѣло лишь въ степени точности отдѣльныхъ наукъ, а не въ коренной ихъ противуположности. Исторія есть наука, потому что ставитъ себѣ, вмѣстѣ съ другими науками, одну и ту-же задачу — познаніе дѣйствительности, открытіе объективной истины, установленіе причинной или эволюціонной связи между явленіями, возведеніе отдѣльныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, проникновеніе въ сущность законовъ, управляющихъ явленіями и т. п. . . . и для достиженія этихъ цѣлей пользуется такими-же мыслями, какими и другія науки добываютъ свои результаты. Другими словами, исторія есть наука и по своимъ задачамъ и по своему методу. Въ сравненіи съ другими науками изслѣдующими прошлое — будетъ-ли то прошлое всей вселенной, или нашей солнечной системы, или земного шара, или наконецъ, органической жизни на поверхности земли — неизбѣжно строящими свои выводы гипотетически, исторія имѣетъ то преимущество, что обладаетъ громаднымъ, разнообразнымъ и притомъ столь подробно и ясно говорящимъ матеріаломъ, какого нѣтъ ни у одной другой науки.

нельзя, потому что оно совершенно не обосновано. Едва-ли кто будетъ спорить противъ того, что война ужасное и отвратительное явленіе въ жизни человѣчества. Но забываютъ, что это явленіе вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ не зависитъ отъ воли человѣчества, что оно *стихійно* и наконецъ — что оно *неизбѣжно,* пока люди принуждены, существующими на землѣ условіями, къ борьбѣ за существованіе, и пока кореннымъ образомъ не измѣнится натура человѣка. Признаковъ-же таковой перемѣны мы не видимъ за все историческое время существованія человѣчества.

И если, когда такое бѣдствіе обрушивается на ту или другую часть человѣчества, нѣтъ иныхъ выходовъ, какъ быть побѣжденнымъ или побѣдить, то отчего теорія и пріемы для подготовки и для достиженія именно второго выхода, т. е. теорія и пріемы борьбы со стихійными проявленіями массоваго насилія человѣчества, не могутъ составлять особую науку, какъ существуютъ таковыя, создавшіяся на почвѣ необходимости борьбы со стихійными проявленіями силъ природы, съ болѣзнями, съ невѣжествомъ и суевѣріями и вообще съ проявленіемъ дурныхъ инстинктовъ человѣческой природы.

По поводу разсужденій о томъ — можетъ-ли быть военное дѣло возведено на степень науки, существуетъ превосходное изреченіе Фридриха Великаго — «война есть *наука* для людей выдающихся, *искусство* — для посредственныхъ людей, и *ремесло* — для невѣждъ».

Это сказано очень мѣтко и годится для всевозможныхъ областей знанія, но конечно это еще не доказательство правильности примѣненія къ военному дѣлу слова «наука».

Для этого обратимся къ общему опредѣленію этого слова.

Вотъ что по этому поводу говоритъ философъ Владиміръ Соловьевъ*).

Опредѣленіе слова — наука.

«Наука — въ широкомъ смыслѣ — совокупность всякихъ свѣдѣній, подвергнутыхъ нѣкоторой умственной провѣркѣ или

*) Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ XX A, стр. 692.

отчету и приведенныхъ въ извѣстный систематическій порядокъ, начиная отъ теологіи, метафизики, чистой математики и кончая геральдикой, нумизматикой, ученіемъ о копытѣ кавалерійскихъ лошадей".

«Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ изъ области науки исключаются, съ одной стороны, всѣ чисто — фактическія и техническія свѣдѣнія и указанія, а съ другой стороны — всѣ чисто умозрительныя построенія, и она опредѣляется какъ *объективно — достовѣрное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка*».

«Существенные признаки науки какъ такой, или свойства научности сводятся къ двумъ условіямъ: 1) наибольшей провѣренности или доказательности со стороны содержанія, и 2) наибольшей систематичности со стороны формы».

«Оба эти условія ставятъ науку въ неизбѣжную связь съ философіей, какъ такою областью, въ которой 1) окончательно провѣряются понятія и принципы, безотчетно *предполагаемые* различными науками, и 2) сводятся къ всеобъемлющему единству всѣ частныя обобщенія этихъ наукъ».

«Въ самомъ дѣлѣ, математика, въ высшей степени точно и доказательно опредѣляющая всевозможныя пространственныя и числовыя отношенія, принимаетъ самыя понятія пространства и числа, какъ готовыя, безъ отчета и провѣрки; подобнымъ образомъ естественныя науки безъ доказательствъ принимаютъ бытіе матеріи и физическаго міра и постоянство естественныхъ законовъ. Съ другой стороны, если между областями всѣхъ частныхъ наукъ существуетъ связь, не входящая ни въ одну изъ научныхъ спеціальностей, то эта связь не можетъ быть опредѣлена и простымъ ихъ сложеніемъ».

«Слѣдовательно, если наука въ цѣломъ не хочетъ терять своего научнаго характера, оставаясь безъ полной доказательности своего содержанія и безъ полной систематичности своей формы, она должна ждать отъ философіи окончательныхъ принциповъ, своей достовѣрности и своего единства».

Военныя знанія — наука.

Очевидно военныя знанія подходятъ подъ опредѣленіе науки, не только въ общемъ, но и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ

этого слова. Дѣйствительно предметъ военныхъ знаній—дѣйствительныя явленія. Задача военныхъ знаній, и въ особенности, напр., исторіи военнаго искусства и стратегіи—изучить эти явленія со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка. Наконецъ эти знанія, въ мѣрѣ соотвѣтствующей степени разработки первоисточниковъ, достовѣрны, а съ примѣненіемъ соотвѣтственнаго метода обработки полученнаго изъ первоисточниковъ матеріала—объективны и систематичны.

Связь науки съ искусствомъ.

Что-же касается до связи военныхъ наукъ съ военнымъ искусствомъ, то она та-же самая, что и во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія.

И вотъ что говоритъ по поводу этой связи, извѣстный соціологъ Стронинъ.

«Умѣнье предшествуетъ знанію, эмпирическое искусство предшествуетъ наукѣ. Вышедши изъ искусства, наука и оканчиваетъ искусствомъ: но то было слѣпымъ, эмпирическимъ, безсознательнымъ,—это является зрячимъ, раціональнымъ, сознающимъ себя. Начало—эмпирическое искусство, конецъ—раціональное».

Такъ конечно эволюціонировало и военное дѣло, и въ извѣстныхъ его отрасляхъ подобная эволюція происходитъ постоянно, по мѣрѣ измѣненія средствъ и обстановки войны.

Военныя науки—особый отдѣлъ соціальныхъ наукъ.

Военныя науки принадлежатъ къ циклу такъ называемыхъ *соціальныхъ* или *общественныхъ* наукъ, т. е. такихъ, которыя изучаютъ разныя стороны жизни человѣческаго общества. Нѣкоторые считаютъ общественныя науки лишь за особый отдѣлъ *гуманитарныхъ* наукъ, изучающихъ духовную сторону жизни человѣка, и пожалуй это и правильно, такъ какъ именно эта духовная сторона служитъ основой всѣхъ проявленій общественной жизни. Другія общественныя науки—это государственныя или политическія, экономическія и юридическія, которыя изучаютъ вопросы объ устройствѣ и сношеніяхъ государствъ, о народномъ хозяйствѣ и экономической борьбѣ, о правѣ опредѣляющемъ общественныя отношенія въ государствѣ и отношенія государствъ между собою. Военныя науки отличаются отъ всѣхъ перечисленныхъ лишь тѣмъ, что онѣ

изучаютъ вопросы, связанные съ проявленіями дѣятельности человѣческихъ обществъ по подготовкѣ средствъ на случай возникновенія вооруженной борьбы между отдѣльными государствами, и по примѣненію подготовленныхъ или импровизированныхъ таковыхъ средствъ, когда эта борьба имѣетъ мѣсто.

Соціальныя науки еще не достигли до такой степени совершенства, каковой болѣе или менѣе являются науки о природѣ (*естественныя* науки), а тѣмъ болѣе — науки *математическія*. Послѣднія имѣютъ дѣло съ самыми простыми явленіями (величинами), обладаютъ самыми точными выводами и къ нимъ легче примѣнимы самые точные пріемы изслѣдованія. Естественныя науки, хотя имѣютъ уже дѣло съ явленіями природы, т. е. съ явленіями гораздо болѣе сложными, и менѣе богаты точными выводами (хотя они и носятъ названія законовъ), сравнительно съ математикой, но за то при ихъ изученіи въ широкой мѣрѣ приложимъ такой превосходный пріемъ изслѣдованія — какъ *опытъ*, который даетъ возможность по произволу мѣнять условія, въ которыхъ протекаетъ то или другое явленіе.

Соціальныя-же науки имѣютъ дѣло съ самыми сложными явленіями, математическихъ пріемовъ онѣ не допускаютъ и опытомъ при ихъ изученіи можно пользоваться лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Нельзя, напр., какъ это дѣлается при изслѣдованіяхъ въ области естественныхъ наукъ, воспроизвести или видоизмѣнить какое либо явленіе, а можно только его наблюдать. Въ особенности это трудно въ военной отрасли соціальныхъ наукъ, потому что, напр., во время маневровъ, которые и изображаютъ въ данномъ случаѣ доступный наиболѣе полный опытъ, можно воспроизвести только подготовку и обстановку явленія, напр. боя, но не самый бой, и отсутствующая при этомъ „опасность для жизни" совершенно устраняетъ изъ нихъ самый важный элементъ — духовный *). Вслѣдствіе такихъ различій по существу, вышеперечисленныя группы наукъ проходили далеко неравномѣрно различныя

*) Лееръ, Методъ военныхъ наукъ. Стр. 64 и 65.

стадіи, которыя имѣютъ мѣсто во всѣхъ областяхъ человѣческаго развитія т. е. стадію предварительную — теологическую (олицетвореніе природы) и переходную — метафизическую (исканіе общей сущности), чтобы перейти въ окончательную стадію — позитивную (научное обобщеніе безспорнаго и вполнѣ достовѣрнаго фактическаго матеріала).

Стадіи развитія человѣческихъ познаній.

По Конту*), умственное развитіе человѣчества (какъ и отдѣльнаго нормальнаго человѣка) въ его различныхъ возрастахъ послѣдовательно проходитъ черезъ три общія состоянія: въ первомъ — *теологическомъ* — человѣкъ, въ силу преобладающаго здѣсь воображенія, представляетъ весь міръ явленій по аналогіи со своею собственной дѣятельностью; онъ отлицетворяетъ предметы и явленія природы, видитъ въ нихъ произвольныя дѣйствія индивидуальныхъ существъ или боговъ.

Во второмъ состояніи — метафизическомъ, гдѣ преобладаетъ *отвлеченное*, формальное *мышленіе* — воображаемые боги вытѣсняются понятіемъ общихъ сущностей, первопричинъ и цѣлей, къ которымъ сводятся отдѣльныя явленія.

Третье, *позитивное* состояніе ума выражается въ *научномъ мышленіи*, здѣсь вымыслы теологіи и метафизическія отвлеченности замѣняются познаніемъ дѣйствительныхъ законовъ природы, т. е. постоянной фактической связи наблюдаемыхъ явленій въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности. Связь между всѣми науками, какъ это дѣлала въ первыхъ двухъ стадіяхъ теологія и метафизика, — въ окончательной стадіи ставитъ себѣ задачей *позитивная философія*, которую и создалъ Контъ. Онъ опредѣлялъ ее какъ *обобщенный и приведенный въ систему здравый смыслъ*.

Характеристика позитивнаго познанія.

Ея характерныя черты, въ отличіе отъ теологіи и метафизики, суть:

1) объективность, такъ какъ она подчиняетъ мышленіе его предмету, а не наоборотъ; *2) реальность,* такъ какъ самый предметъ ея есть всегда наблюдаемый фактъ, а не

*) Вл. Соловьевъ. Энцикл. Сл. Бр. и Эфр. Томъ XVI, стр. 124-127.

вымыселъ воображенія или логической абстрактъ, *3) достовѣрность*, такъ какъ всѣ утвержденія позитивной философіи, относясь къ фактамъ, всегда могутъ быть провѣрены фактически; *4) точность*, такъ какъ математика, будучи основой всей системы*), всегда остается нормою истиннаго познанія; *5) органичность*, такъ какъ эта философія не противупоставляетъ своихъ идей дѣйствительной жизни — какъ это дѣлаетъ метафизика въ своихъ безусловныхъ требованіяхъ, критически разлагающихъ и разрушающихъ дѣйствительность, — а смотритъ на себя какъ на органическій продуктъ, естественное продолженіе или восполненіе дѣйствительнаго хода вещей: *6) относительность*, поскольку всѣ явленія познаются здѣсь не въ своей абсолютной сущности, недоступной человѣческому уму, а въ своемъ дѣйствительномъ отношеніи къ нашему организму и взаимоотношеніи между собой; наконецъ, *7) полезность;* въ то время какъ вымышленные предметы и пустыя абстракціи по необходимости остаются безплодными, положительное познаніе явленій въ ихъ дѣйствительной связи *позволяетъ* намъ *предвидѣть событія* и до нѣкоторой степени распоряжаться силами природы.

Вотъ почему позитивная стадія, по мнѣнію Конта, представляетъ изъ себя *окончательное* состояніе человѣческаго ума, тогда какъ теологическая имѣетъ лишь *предварительное*, а метафизическая — лишь *переходное* значеніе.

Въ общей исторіи человѣчества, каждая изъ этихъ стадій представляетъ сложный процессъ развитія, въ которомъ различаются отдѣльные періоды или фазисы. Такъ напр., теоло-

*) Позитивная философія раздѣляетъ науки въ порядкѣ убывающей общности и простоты, или возрастающей спесификаціи и сложности. Такимъ образомъ, начиная съ самой общей или широкой по объему и простой по содержанію науки — математики, Контъ отмѣчаетъ шесть главныхъ ступеней, которымъ соотвѣтствуетъ шесть главныхъ наукъ: математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія — наука о законахъ, управляющихъ общественными явленіями. При дальнѣйшемъ разсчлененіи этихъ наукъ онъ руководится еще двумя относительными точками зрѣнія: противуположеніемъ 1) между абстрактнымъ и конкректнымъ и 2) между пребываніемъ и измѣненіемъ, или статическою и динамическою сторонами явленій.

гическое состоянiе, начавшись съ *фетишизма,* т. е. съ признанiя всѣхъ предметовъ одушевленными, перешло къ *политеизму* (многобожiю), и завершилось *монотеизмомъ* (однобожiемъ).

Конецъ теологической стадiи былъ подготовленъ борьбою между духовною и свѣтскою властью, тою дѣятельностью ума, которую собственно самъ монотеизмъ и возбудилъ (ереси), и возникновенiемъ самостоятельнаго естествознанiя.

Въ этомъ уже заключалось начало позитивной стадiи, но для полнаго перехода человѣчеству необходимо было пережить *критическую* или *метафизическую* стадiю, рѣшительно выраженную въ протестантствѣ, продолженную деизмомъ*), и достигшую кульминацiоннаго своего пункта во французской революцiи, которая, по мнѣнiю Конта, была совершена «метафизиками», и въ этомъ и причина ея крушенiя.

Преобразованiе цивилизацiи въ позитивномъ смыслѣ въ особенности обусловлено развитiемъ промышленности и науки, на которыхъ основана организацiя управленiя въ нормальномъ обществѣ. Въ теологической стадiи свѣтская власть принадлежитъ военнымъ, а духовная — жрецамъ; въ метафизической стадiи главное значенiе въ практическихъ дѣлахъ переходитъ отъ военныхъ къ законникамъ и юристамъ, потомъ — спецiально къ адвокатамъ, а въ дѣлахъ духовныхъ — отъ священниковъ къ отвлеченнымъ мыслителямъ (метафизикамъ), потомъ — къ литераторамъ и публицистамъ. Въ обществѣ, основанномъ на позитивныхъ началахъ, руководство практическими дѣлами и матерiальными интересами должно принадлежать промышленному классу (банкирамъ, торговцамъ, ремесленникамъ и земледѣльцамъ), а нравственный авторитетъ долженъ представляться учеными, точнѣе — позитивными

*) Деизмъ — *естественная* религiя — противупоставляется теизму т. е. вѣрѣ въ личнаго Бога и въ существованiе Промысла. Деисты критикуютъ откровенiе, съ точки зрѣнiя разума, или здраваго смысла, общаго всѣмъ людямъ. Существованiе Бога, по ихъ мнѣнiю (Шерберн), очевидно изъ разсмотрѣнiя, какъ природы, такъ и человѣческаго сознанiя. Они защищали право свободной мысли въ религiи. Ж. Ж. Руссо видѣлъ въ религiи проявленiе чувства, а не разума, и считалъ вѣру въ Бога и промыселъ возможными безъ всякаго откровенiя и культа.

философами, какъ выражающими высшую, окончательную степень въ духовномъ развитіи человѣчества.

И вотъ позитивнаго состоянія различныя науки достигаютъ только постепенно и очень неравномѣрно. Ранѣе всѣхъ другихъ положительною наукою стала математика, какъ наука, стоящая во главѣ вышеуказанной классификаціи наукъ по ихъ общности и простотѣ. Въ математикѣ только символика чиселъ и пиѳагорейская идея числа напоминаютъ пережитыя стадіи. За нею послѣдовала астрономія, приведенная въ положительное состояніе Коперникомъ и Кеплеромъ, хотя послѣдній еще вѣрилъ въ звѣздныхъ духовъ и занимался астрологіей. Въ XVII вѣкѣ, благодаря Декарту и Галилею, позитивной наукой стала физика, хотя еще до сихъ поръ въ ней находятъ себѣ мѣсто метафизическія идеи о такихъ сущностяхъ какъ теплородъ, эфиръ и т. п. Химія, послѣ долгаго періода алхимическихъ бредней, вошла въ позитивную стадію только въ концѣ XVIII вѣка (Лавуазье), но и до сихъ поръ находится еще въ крайне несовершенномъ эмпирическомъ состояніи. Въ біологіи, не смотря на обиліе фактическихъ изслѣдованій, научный духъ до сихъ поръ еще не изгналъ метафизической идеи жизненной силы.

Послѣднее и главное торжество позитивной философіи состоитъ въ созданіи соціологіи, т. е. въ сообщеніи научнаго характера общественнымъ и политическимъ доктринамъ, которыя до сихъ поръ составляютъ излюбленное поприще метафизиковъ.

Чѣмъ вызывается сравнительное несовершенство соціальныхъ наукъ.

Значитъ, сравнительное несовершенство состоянія соціальныхъ наукъ вызывается, помимо большей сложности соціальныхъ явленій, еще и болѣе долговременнымъ подчиненіемъ метафизическимъ умозрѣніямъ, и сравнительной недавностью систематической разработки ихъ методологіи. Кромѣ того понятно, что именно на нихъ вліяли гораздо сильнѣе различные практическіе интересы (напр. на экономическія и юридическія науки), партійныя (науки объ устройствѣ государства) и національныя (международное право) страсти, вѣроисповѣдныя, сословныя и т. п. традиціи, предразсудки и предубѣжденія.

Все это отразилось въ большей или меньшей степени и на военныхъ наукахъ.

Можетъ явиться вопросъ — какъ можетъ военная наука пребывать въ теологической или метафизической стадіи? А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ — это вполнѣ возможно. Стоитъ только припомнить періоды появленія всякаго новаго оружія. Въ каждый изъ такихъ періодовъ, вопреки здравому смыслу, несмотря на противорѣчіе съ дѣйствительностью изъ новаго оружія создается идолъ, которому поклоняются съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ въ былыя времена поклонялись лунѣ и солнцу. Изъ этого поклоненія вытекали совершенно абстрактныя, не имѣвшія никакихъ корней въ дѣйствительности, военныя теоріи, которымъ подчинялись и кораблестроеніе и тактика. И много проходило времени, пока идолъ ставился на присущее ему скромное мѣсто — одного изъ средствъ войны въ ряду другихъ, и взбаламученная имъ отрасль военной науки переходила въ позитивную стадію, т. е. въ разумную связь съ дѣйствительностью.

Теологическая и метафизическая стадіи военной науки.

Возвращаясь къ опредѣленію науки, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (стр. 26), изъ различныхъ знаній, относящихся къ военному дѣлу, надо исключить всѣ чисто — фактическія и техническія свѣдѣнія, а также всѣ чисто умозрительныя построенія (метафизику). Все это можетъ служить лишь какъ положительный или отрицательный матеріалъ для военной науки, которая представляетъ изъ себя объективно-достовѣрное и систематическое знаніе о военныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка.

Что нужно исключить изъ области военной науки.

Поэтому, напр., артиллерія, минное дѣло, фортификація кораблестроеніе, гиппологія и т. п. . . . — вообще всѣ познанія о *матеріальныхъ* средствахъ войны, не подходятъ подъ это опредѣленіе. Съ другой стороны всѣ эти области познаній не имѣютъ ничего общаго съ соціальными науками, и представляютъ изъ себя извѣстные конгломераты изъ различныхъ математическихъ и естественныхъ познаній, подобранныхъ съ опредѣленной цѣлью — руководствуясь требованіями обстановки войны данной эпохи, разработать теорію и практику созданія и *техническаго* примѣненія всѣхъ военныхъ средствъ.

Техническое примѣненіе я употребляю въ смыслѣ противупоставленія его *военному* примѣненію. Напр., умѣть обра-

щаться съ пушкой и стрѣлять изъ нея, т. е. попадать въ цѣль, принимая во вниманіе различныя физическія явленія, напримѣръ, вѣтеръ, состояніе атмосферы, качку, движеніе и т. п. . . . — это техническое ея примѣненіе. А, напр., *выборъ* цѣли, умѣнье сообразоваться съ психическимъ состояніемъ людей управляющихъ пушкой во время боя — это военное примѣненіе пушки. Такимъ образомъ изъ всей массы познаній, необходимыхъ для веденія войны, выдѣляется одна группа, имѣющая задачей изслѣдованіе военныхъ явленій въ человѣческомъ обществѣ въ смыслѣ ихъ цѣлесообразности, закономѣрности или неизмѣннаго порядка, причемъ вопросы по военной техникѣ затрагиваются лишь по стольку, по скольку надо изслѣдовать способность использовать эту технику при подготовкѣ къ войнѣ и во время войны.

Область военной науки.

Эту группу познаній, обнимающую собою одну изъ сторонъ общественной жизни человѣка (въ предвидѣніи и въ состояніи вооруженной борьбы), ставящихъ себѣ одной изъ главнѣйшихъ цѣлей изученіе духовной стороны человѣка при проявленіи этой стороны общественной жизни, можно значитъ отнести къ области соціальныхъ и гуманитарныхъ наукъ, и именно эту группу и слѣдуетъ понимать подъ *военными науками* *), въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Таковыми являются военная исторія**), или вѣрнѣе исторія военнаго искусства, стратегія, тактика и военная организація ***).

*) Иначе еще можно опредѣлить эту группу, какъ науки о военныхъ цѣляхъ (военная политика) и о веденіи войны.

**) Конечно только при отрѣшеніи отъ чисто описательнаго характера, иначе она не подойдетъ подъ принятое здѣсь опредѣленіе науки. Лееръ (методъ военныхъ наукъ, стр. 65) говоритъ „къ сожалѣнію военная исторія сохраняетъ и по настоящее время—1894 г.—характеръ преимущественно *описательный* и *литературный*, но далеко не *научный*. Обратить военную исторію въ науку — это задача еще будущаго".

***) Подъ военной организаціей здѣсь подразумѣвается наука, занимающаяся вопросами цѣлесообразнаго распредѣленія различныхъ задачъ военнаго дѣла между различными органами и устройствомъ этихъ органовъ.

Хотя подъ военной администраціей и подразумѣваютъ науку, занимающуюся законами устройства и существованія военной силы,

Стратегія — философія военнаго дѣла.

Наибольшее обобщеніе со стороны своей причинности, цѣлесообразности и закономѣрности военныя явленія получають въ стратегіи, которую совершенно справедливо называють иногда «философіей военнаго дѣла *)».

Именно стратегія изслѣдуетъ основной вопросъ о сущности войны какъ явленія, и на основаніи этого устанавливаетъ истины, служащія основоначалами, изъ которыхъ исходятъ всѣ остальныя военныя науки **). Въ результатѣ она снабжаетъ ихъ отправными истинами — *принципами*, на которыхъ должна быть основана вся ихъ дѣятельность, указываетъ имъ цѣли и даетъ имъ указанія — *почему, что, гдѣ* и *когда* должно быть предпринято, т. е. даетъ имъ *общій планъ* мѣропріятій, выясняя сущность каждаго изъ нихъ и взаимную ихъ связь. Воспринявъ эти указанія отъ стратегіи, соотвѣтствующія военныя науки занимаются изслѣдованіемъ вопросовъ — *какъ* выполнить указанныя мѣропріятія на дѣлѣ.

но на дѣлѣ часто въ ней отсутствуетъ тотъ ея отдѣлъ, который изслѣдуетъ сущность дѣла, т. е. заключающій въ себѣ выводъ вышеупомянутыхъ законовъ и обоснованіе на нихъ различныхъ отраслей администраціи — комплектованія военной силы, устройства военныхъ управленій и воинскихъ частей, прохожденія службы, хозяйства, высшаго командованія и т. п. и нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ переносятся въ стратегію. А тогда въ военной администраціи остается часть почти только описательная и въ этомъ случаѣ она уже никакъ не подходитъ подъ принятое здѣсь опредѣленіе науки. Потому здѣсь и принято другое названіе — военная организація. Въ Германіи, Австріи и Франціи подъ военной администраціей разумѣется лишь отдѣлъ о военномъ хозяйствѣ, а совокупность прочихъ отдѣловъ обыкновенно называютъ: *Heerwesen, Heeres-Organisation, Legislation* (законодательство) *militaire.*

*) Философія есть *свободное* изслѣдованіе основныхъ проблемъ бытія, человѣческаго познанія, дѣятельности и красоты. Это наука, которая имѣетъ задачей установленіе первыхъ основныхъ истинъ, т. е. истинъ, служащихъ основоначалами или принципами для прочихъ истинъ. Такимъ образомъ философія есть наука, имѣющая предметомъ истины *общія* всѣмъ частнымъ наукамъ. Философія твердо стоитъ на *идеѣ единства науки.* Осуществляетъ она эту идею не черезъ формальное, внѣшнее, энциклопедическое сочетаніе наукъ, которое, какъ таковое, не вноситъ въ нихъ никакой внутренней связности, но черезъ систематическое подведеніе всей области познанія подъ единство основоначала (Э. Радловъ и Н. Лебольскій. Энцкл. Сл. Брокгз. и Эфр., Томъ XXXV А стр. 822—835).

**) Какъ наука, философія установляетъ свои истины путемъ изслѣдованія и доказательства, т. е. на разумныхъ основаніяхъ, а не

Соотношеніе между задачами стратегіи и задачами другихъ военныхъ наукъ.

Иначе говоря, задача стратегіи — это разрабатывать планъ подготовки къ войнѣ и ея веденія, поддерживая его все время въ соотвѣтствіи съ обстановкой, т. е. съ географическимъ, этнографическимъ и экономическимъ положеніемъ и внутренней и внѣшней политикой какъ своего государства, такъ и возможныхъ его противниковъ, союзниковъ и нейтральныхъ, и съ ихъ мѣропріятіями.

Задача другихъ наукъ, — руководствуясь этимъ выполнить соотвѣтственныя части плана.

Такъ, напр., стратегія, выяснивши цѣли, къ достиженію которыхъ нужно стремиться при различныхъ комбинаціяхъ возможныхъ вооруженныхъ столкновеній, указанныхъ ей въ свою очередь политикой, должна опредѣлить мощность и характеръ различныхъ отраслей военныхъ силъ государства, должна указать — какъ эти силы должны быть распредѣлены, — какіе должны быть созданы для нихъ ресурсы, на какихъ основахъ должно быть организовано управленіе военными силами и ихъ ресурсами. Въ частности, послѣ того какъ война уже началась, стратегія, въ зависимости отъ исходнаго распредѣленія своихъ силъ и предполаемаго непріятельскаго, указываетъ, какія должны быть сдѣланы передвиженія силъ и желательное мѣсто и время первыхъ столкновеній.

Въ дальнѣйшихъ подобныхъ своихъ указаніяхъ стратегія считается съ результатами каждаго столкновенія, съ каждымъ новымъ извѣстіемъ о непріятелѣ, съ событіями внѣшней и внутренней политики. При всемъ этомъ она стремится направить всѣ дѣйствія къ достиженію намѣченной ею главной цѣли для данной войны, но только до тѣхъ поръ, пока эта цѣль достижима и полезна. Въ противномъ случаѣ, руковод-

---

на основаніяхъ почерпнутыхъ изъ потребностей вѣры, чувства или чужого авторитета Конечно мыслимо, что въ результатѣ философскаго изслѣдованія окажется невозможность установленія первыхъ истинъ иначе какъ сверхразумнымъ путемъ — но и этотъ результатъ долженъ быть для философіи доказаннымъ выводомъ, а не произвольнымъ положеніемъ, т. е. своего рода разумно-обоснованною первою истиною (Н. Дебольскій).

ствуясь оцѣнкой вышеуказанныхъ обстоятельствъ, мѣняется и главная цѣль, и всѣ дальнѣйшія указанія стратегіи уже приспосабливаются къ этой новой цѣли. Однимъ словомъ стратегія, направляя въ мирное время подготовку вооруженныхъ силъ, а во время войны ихъ дѣйствія, согласно съ выработанными ею научными истинами, постоянно считается съ обстановкой, вслѣдствіе чего результаты практическихъ приложеній этихъ истинъ являются наиболѣе плодотворными.

Задачи организаціи.

Получивъ соотвѣтственныя указанія отъ стратегіи, *организація* указываетъ *какъ долженъ быть распредѣленъ и организованъ трудъ исполненія* этихъ указаній между различными учрежденіями (управленіями и войсковыми частями). Въ свою очередь каждая изъ отраслей военнаго дѣла (артиллерія, инженерное дѣло, кораблестроеніе и т. п.), и каждое учрежденіе служащее военному дѣлу (генеральный штабъ, крѣпость, эскадра, полкъ и т. п.) поставленныя на свое мѣсто и получившія соотвѣтственную организацію, указываютъ *какъ именно должны быть выполнены* указанія стратегіи.

Задачи тактики.

Въ свою очередь *тактика* воспринявъ отъ стратегіи вытекающія изъ сущности войны, основы военныхъ дѣйствій, и получивъ отъ организаціи соотвѣтственные формы, въ видѣ извѣстнымъ образомъ скомбинированныхъ людей, боевыхъ средствъ и источниковъ ихъ пополненія, указываетъ — *какъ* должны производиться тѣ боевыя дѣйствія, которыя указываетъ стратегія.

Всѣ военныя науки и отрасли военнаго дѣла крѣпко связаны между собою.

Конечно всѣ военныя науки и отрасли военнаго дѣла находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Напр., тактика, хотя и получаетъ свои основы отъ стратегіи, а формы, въ которыхъ она примѣняетъ на дѣлѣ эти основы — отъ организаціи, но именно она, соприкасаясь непосредственно съ военными явленіями, даетъ стратегіи матеріалъ для изученія сущности войны, и организаціи — для соотвѣтственнаго устройства учрежденій служащихъ военному дѣлу.

Она беретъ, напр., отъ артиллеріи пушку, соотвѣтствующую опредѣленному состоянію артиллерійской техники, и именно она указываетъ этой техникѣ цѣли для ея дѣятель-

ности въ видѣ опредѣленныхъ тактическихъ требованій къ пушкѣ, и даетъ ей наиболѣе цѣнныя указанія, вытекающія изъ опыта примѣненія пушки въ бою.

Всѣ военныя науки и отрасли военнаго дѣла объединяются въ своемъ первоисточникѣ — въ сущности войны, какъ явленіи, а значитъ и въ той наукѣ, которая занимается изслѣдованіемъ этой сущности, т. е. въ стратегіи.

Главный источникъ военныхъ наукъ — военная исторія

Но для того, чтобы изслѣдовать сущность войны, надо ее наблюдать. И вотъ тутъ и приходится считаться съ серьезнымъ недостаткомъ соціальныхъ наукъ вообще, а военныхъ въ особенности, — съ огромной трудностью наблюдать тѣ явленія, которыя служатъ предметомъ ихъ изслѣдованія. Дѣйствительно, рѣдко кому приходится участвовать въ рядѣ войнъ, а въ особенности теперь, когда и самыя войны очень рѣдки. Да и наблюденіе во время войны далеко не легко. Прежде всего люди такъ заняты важнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ, что имъ часто и не до наблюденій, а тѣмъ болѣе — не до размышленій и выводовъ, которые требуютъ покойнаго состоянія духа. Затѣмъ, чтобы наблюденіе имѣло дѣйствительную цѣну, надо очень ясно знать и понимать ту обстановку въ которой происходитъ явленіе, а это доступно лишь отдѣльнымъ стоящимъ во главѣ лицамъ, да и то не въ полной мѣрѣ, такъ какъ то, что происходитъ у противника и для нихъ въ значительной мѣрѣ темно. Неполное-же наблюденіе, лишь небольшой части явленія, да еще въ столь тяжелой обстановкѣ, вліяющей сильно на психику, можетъ привести къ впечатлѣнію и выводу совершенно невѣрному. Напр., чтобы получить болѣе или менѣе вѣрное описаніе боя, надо соединить и сопоставить показанія многихъ его участниковъ.

Поэтому главный источникъ военныхъ наукъ—это военная исторія.

При этомъ особенно важно для нихъ извлечь изъ исторіи именно тѣ положенія, которыя выясняютъ сущность военныхъ явленій, которыя лежатъ въ основѣ этихъ явленій, внѣ той обстановки въ которой эти явленія происходили, и которыя слѣдовательно могутъ быть приложены ко всякой обстановкѣ, а значитъ и къ современной.

Вотъ обработку военно-историческаго матеріала въ этомъ направленіи и беретъ на себя исторія военнаго искусства.

Задача исторіи военнаго искусства.

Если матеріаломъ для такой обработки служатъ только событія связанныя съ войнами на морѣ, то такая наука называется исторіей военно-морского искусства.

Раздѣленіе военныхъ наукъ на сухопутныя и морскія.

Вообще каждая изъ военныхъ наукъ раздѣляется на два крупныхъ отдѣла — военнно-сухопутный и военно-морской.

Въ этомъ не было-бы надобности, если-бы науки эти не были столь обширны, и не прилагались-бы въ столь различной по существу обстановкѣ, какъ на сушѣ и морѣ, что вызываетъ употребленіе столь различныхъ органовъ для борьбы какъ, напр., полкъ и корабль.

Конечно въ тѣхъ своихъ частяхъ, въ которыхъ изслѣдуется сущность военныхъ явленій и отношеніе человѣка къ военнымъ явленіямъ, а также вліяніе этихъ явленій на человѣка, — изъ чего и выводятся законы, управляющіе военными явленіями, сухопутные и морскіе отдѣлы военныхъ наукъ могутъ быть совершенно тождественны, такъ какъ и военныя явленія и человѣкъ по сущности своей одинаковы, въ какой-бы обстановкѣ они не происходили и дѣйствовали.

Но какъ только дѣло коснется до *приложенія* законовъ войны къ обстановкѣ сухопутной и морской и до выработки средствъ для веденія сухопутной и морской войны, такъ разница является столь большой, что какъ стратегія и тактика, такъ и организація должны раздѣлиться на особые отдѣлы — сухопутный и морской. Помимо этого — почти нельзя себѣ представить изслѣдователя одинаково хорошо знакомаго со столь разными обстановками и средствами — каковыя имѣютъ мѣсто въ сухопутной и морской войнѣ, а потому поневолѣ эти отдѣлы сами собой складываются въ особыя науки. Изъ за этого раздѣленіе подымается и въ принципіальныя части военныхъ наукъ, о которыхъ выше было упомянуто, что онѣ могли-бы быть совершенно тождественными. Дѣйствительно, вѣдь нельзя изслѣдовать, напр., сущность войны какъ явленія только съ помощью совершенно абстрактныхъ разсужденій — надо постоянно обращаться къ различнымъ военнымъ явленіямъ.

Очевидно, въ зависимости отъ спеціальности изслѣдователя, одинъ охотнѣе будетъ обращаться къ изслѣдованію фактовъ изъ сухопутныхъ войнъ, а другой—морскихъ, уже просто потому, что въ однихъ ему легче разобраться, чѣмъ въ другихъ.

Тѣмъ болѣе это еще важно для того круга читателей, для котораго предназначается изслѣдованіе.

Вотъ почему вполнѣ естественно одновременное существованіе отдѣльныхъ военныхъ наукъ—сухопутныхъ и морскихъ. При этомъ сухопутно-военныя науки принято называть, для сокращенія, просто стратегіей, тактикой, военной исторіей, исторіей военнаго искусства, военной организаціей — а военно-морскія—морской стратегіей, морской тактикой, военно-морской исторіей, исторіей военно-морского искуства и военно-морской организаціей.

Сухопутныя и морскія военныя науки едины по существу и цѣли.

Однако это раздѣленіе, которое можетъ быть оправдано вышеуказанными причинами, отнюдь не должно нарушать ихъ единства и чисто органической, а не внѣшней только связи. Военныя науки едины по существу и цѣли, и по главенствующему въ нихъ элементу—человѣку, а различаются только по средствамъ и по обстановкѣ приложенія этихъ средствъ.

Къ сожалѣнію печальная отчужденность военно-сухопутнаго и морского сословій раздѣлила и военныя науки гораздо больше, чѣмъ то вызывается различіемъ средствъ и обстановки, и въ этой отчужденности часто упускается ихъ органическая связь и единство.

Эта отчужденность—огромный вредъ для военнаго успѣха, т. е. для того, для чего собственно и существуетъ все военное дѣло, и съ нею необходимо бороться всѣми мѣрами.

Какъ бороться съ чрезмѣрной отчужденностью сухопутныхъ военныхъ наукъ отъ морскихъ.

Военная наука должна принять въ этой борьбѣ участіе тѣмъ, что она должна самымъ тщательнымъ образомъ выяснять существующія между сухопутными и морскими военными науками органическую связь и единство, она должна опредѣленно выдѣлить тѣ причины, которыя могутъ оправдывать ихъ раздѣленіе, и указать, что эти причины чисто внѣшнія. Наконецъ она должна, по мѣрѣ силъ и подготовки изслѣдователя, вводить въ сухопутно-военныя науки параллельныя

изслѣдованія морскихъ явленій и обратно, хотя-бы въ той мѣрѣ, чтобы ясно показать, что основные законы подготовки и веденія войны на сушѣ и на морѣ одни и тѣ-же, и что эти законы могутъ быть примѣнены и къ сухопутной войнѣ, если они выведены изъ изученія морской и наоборотъ.

Твердое внѣдреніе этого понятія должно входить въ программу всякаго военнаго образованія, въ особенности высшаго.

Для этого, гдѣ это возможно и въ средне-учебныхъ военныхъ заведеніяхъ, а въ высшихъ — академіяхъ — обязательно, параллельно съ подробными курсами военныхъ наукъ, относящихся къ своей спеціальности, долженъ читаться, хотя бы и въ сжатомъ видѣ, въ сухопутныхъ — курсъ объясняющій обстановку морской войны и дающій примѣры приложенія общихъ законовъ войны къ морской обстановкѣ. и обратно.

Именно этимъ путемъ будетъ пробита серьезная брешь въ опасной для военнаго успѣха отчужденности различныхъ родовъ оружія между собою. Дальнѣйшее сдѣлаютъ совмѣстные маневры и лучше всего конечно сама война — боевое товарищество. Но для такого товарищества должна быть подготовлена почва,— иначе дезультатъ совмѣстныхъ дѣйствій на войнѣ можетъ оказаться совсѣмъ другой — взаимное раздраженіе. Примѣровъ этого сколько угодно дала именно наша послѣдняя несчастная война съ Японіей.

Породило эти случаи взаимное недовѣріе, а недовѣріе это выросло изъ взаимнаго незнанія и непониманія.

Армія и флотъ вмѣсто того, чтобы руководиться завѣтами Великаго Петра, который сказалъ, что «потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ — обѣ руки имѣетъ», и дѣйствовать какъ двѣ руки одного человѣка вполнѣ согласованно къ достиженію общей цѣли, часто слѣдуютъ завѣту, хотя и евангельскому. но совершенно не для подобныхъ случаевъ предназначенному — «да не вѣдаетъ правая рука, что творитъ лѣвая».

Извѣстно, что слабая сторона всякой союзной силы лежитъ въ отсутствіи взаимнаго довѣрія, и какъ слѣдствіе этого—въ отсутствіи согласованности дѣствій. Армія и флотъ — это тоже

союзники, но только союзники естественные, нераздѣльные и вѣчные. Разойтись имъ нельзя никогда, и въ этомъ сознаніи, имъ надо изучать другъ друга, чтобы научиться другъ другу довѣрять. Идеаломъ имъ слѣдуетъ поставить себѣ Великаго Петра, въ которомъ сухопутный военный крѣпко слился съ морякомъ.

Задача военной науки — создать единство военной мысли.

А понимать другъ друга, не только армія и флотъ, но вообще всѣ люди причастные къ военному дѣлу, будутъ только тогда, когда у нихъ будутъ общія — единыя мысли о веденіи войны.

И вотъ въ созданіи этой *общности — единства военной мысли* огромную роль играетъ военная наука. Вѣдь только тогда мысль и можетъ стать *общей*, если она всѣмъ извѣстна, и только тогда *единой* — если она всѣми принимается за истину.

А задача военной науки вѣдь въ томъ и состоитъ, чтобы вырабатывать истинныя познанія о веденіи войны и доказывать истинность этихъ познаній, и потомъ давать имъ широкое распространеніе. Этого совершенно не могутъ сдѣлать ни одинъ, ни много практическихъ дѣятелей, сколь-бы ни были они талантливы, такъ какъ работаютъ они въ самыхъ различныхъ условіяхъ, всегда находятся подъ вліяніемъ какъ этихъ условій, такъ и своей индивидуальности, возможность совмѣстныхъ повѣрокъ ихъ противуположныхъ мнѣній создается очень трудно, а потому и мысли ихъ о веденіи войны остаются очень различными.

Они только повѣряютъ положенія выработанныя наукой на практикѣ, и внося и свой опытъ въ дополненіе къ вѣковому опыту прошедшаго, уже сконцентрированному въ наукѣ, они способствуютъ совершенствованію этой науки.

А различіе въ мнѣніяхъ — это злѣйшій врагъ успѣха.

Вѣдь никто себѣ и представить не можетъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ вполнѣ управлять всѣми отраслями военной силы государства; не можетъ онъ этого сдѣлать и по отношенію только къ одной сухопутной силѣ или морской; и даже больше — непосредственно одинъ человѣкъ не можетъ

управлять ни корпусомъ, ни эскадрой и — ни полкомъ, ни кораблемъ. Какъ-бы ни было низко служебное положеніе офицера, ему въ извѣстной сферѣ дѣйствій, сплошь и рядомъ приходится рѣшать самому — какъ поступить. И предвидѣть всѣ эти случаи, оговорить ихъ въ инструкціяхъ — очевидно нѣтъ никакой возможности. И единственное средство, чтобы онъ поступилъ такъ, какъ на его мѣстѣ поступилъ-бы тотъ, отъ котораго онъ могъ-бы получить указаніе — это общность ихъ мысли о выходѣ изъ даннаго положенія.

Значитъ проявленіе личной инпціативы, безспорно качество высоко цѣнное и необходимое въ военномъ дѣлѣ, только и можетъ проявляться съ пользой при существованіи единства взглядовъ, — а для этого они должны быть истинны, — о веденіи войны.

Въ единствѣ военной мысли весь смыслъ военнаго образованія

Въ этомъ единствѣ и весь смыслъ военнаго образованія, въ особенности высшаго. Люди съ высшимъ военнымъ образованіемъ — это опорные пункты единства мысли, разбросанные въ широкомъ просторѣ разнорѣчій общей массы, и изъ этихъ пунктовъ единство мысли и должно распространяться и пропитывать эту массу, извлекая изъ нея въ свою очередь повѣрку своей истинности и препровождая полученный матеріалъ въ военную науку, для общей его сводки.

Какъ могутъ быть созданы общія идеи о веденіи морской войны.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести то представленіе, которое я имѣлъ и прежде и продолжаю имѣть и теперь о способѣ созданія общихъ идей о веденіи морской войны.

Вотъ что я писалъ по этому поводу въ моей книгѣ «Основы организаціи морской силы»*).

«Первый центръ, въ которомъ должны концентрироваться эти идеи и отсюда расходиться по флоту черезъ самыхъ молодыхъ офицеровъ, это — курсы военныхъ наукъ въ учебномъ заведеніи, которое готовитъ офицеровъ».

«Въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ службы полученныя свѣдѣнія провѣряются на опытѣ, обсуждаются въ каютъ-кам-

---

*) См. „Основы организаціи морской силы". Часть I, стр. 212 — 221. СПБ. 1900 г., или Морской Сборникъ за 1900 г. статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ.

паніяхъ, перерабатываются посредствомъ чтенія, и опять сносятся въ одинъ центръ — высшую военно-морскую школу».

«Профессоры военныхъ наукъ, поставленные въ удобную береговую обстановку, имѣющіе подъ руками богатыя библіотеки, несутъ свою долю, въ видѣ теоретическихъ выводовъ и эссенціи изъ мнѣній выдающихся морскихъ авторитетовъ всѣхъ странъ; флотъ провѣряетъ эти теоретическіе выводы посредствомъ своего опыта, и въ результатѣ должно получиться нѣчто близко подходящее къ истинѣ».

Переработанныя такимъ образомъ въ горнилѣ практическихъ умовъ теоретическія идеи, отсюда изъ этого центра, черезъ слушателей вновь расходятся по флоту».

Такимъ образомъ, въ продолженіе ряда лѣтъ, оба эти центра, съ помощью флота, единственно для пользы котораго они и существуютъ, капля по каплѣ создаютъ науку войны на морѣ, науку единую и общую, такъ какъ въ разработкѣ ея принимало участіе все морское сословіе».

«Но даже и тогда, когда это болѣе или менѣе достигнуто, общая работа не должна ослабѣвать. Успокоеніе на лаврахъ для науки столь живой, столь близко соприкасающейся съ жизнью, будетъ началомъ конца — она быстро при такихъ условіяхъ обратится въ рутину и сдѣлается мертвой».

«Какъ сказочные богатыри, какъ герои миѳологіи, которые для совершенія новыхъ подвиговъ должны были припадать къ родившей ихъ землѣ, чтобы набраться новыхъ силъ, такъ и наука морской войны должна черпать новыя силы отъ флота, который ее породилъ и для котораго она единственно и существуетъ».

«Однако, эти два центра еще не совсѣмъ рѣшаютъ вопросъ; они все-таки окажутся не достигающими цѣли, если выработанныя ими положенія не совьютъ прочныхъ гнѣздъ въ самомъ сердцѣ флота, — въ его дѣйствующихъ эскадрахъ. Здѣсь будетъ третій центръ, и притомъ самый главный. Здѣсь общія идеи о веденіи морской войны примутъ свой окончательный видъ, подъ руководствомъ опытнѣйшихъ во флотѣ адмираловъ . . . . Здѣсь создадутся крѣпкія традиціи и опредѣленная школа».

ГЛАВА II.

Теорія и опытъ (практика) въ военномъ дѣлѣ.

„Туго проникаетъ свѣтъ тамъ, гдѣ мракъ имѣетъ много прелести“.
Адмиралъ Григ. Ив. Бутаковъ „Новыя основанія пароходной тактики“ стр. 184.

По принятому нами опредѣленію, наука — это объективно достовѣрное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка (стр. 26). При этомъ высшимъ состояніемъ всякаго знанія мы признали такъ называемое *позитивное* его состояніе (стр. 29), и одною изъ черть, которыя характеризуютъ знаніе въ этомъ состояніи, мы признали — *полезность* (стр. 30), ибо въ то время, какъ вымышленные предметы и пустыя абстракціи по необходимости остаются безплодными, положительное познаніе явленій въ ихъ дѣйствительной связи позволяетъ намъ предвидѣть событія и до нѣкоторой степени распоряжаться силами природы.

Что такое теорія.

Такимъ образомъ наука въ позитивной стадіи своего развитія непремѣнно имѣетъ практическое приложеніе. Та ея часть, которая выясняетъ закономѣрность или неизмѣнный порядокъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ предметъ изученія извѣстной науки — есть ея теорія, и эта-то теорія и служитъ руководительницей при практическомъ приложеніи науки.

Знать теорію — это еще не значитъ правильно ее прилагать. Надо еще *умѣть* это дѣлать, надо имѣть опытъ въ этомъ умѣньѣ. Надо умѣть въ каждомъ явленіи отдѣлять ту его часть, которая подчиняется закономѣрности, отъ той, которая сопровождаетъ первую вслѣдствіе различныхъ постороннихъ вліяній. Приложивъ затѣмъ къ этой выдѣленной части тотъ

или другой законъ (теорію), надо умѣть опредѣлить — какія произойдуть въ немъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, отклоненія отъ этихъ постороннихъ вліяній, или, какъ принято говорить, отъ вліянія той *обстановки,* въ которой протекаетъ данное явленіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что для того, чтобы умѣть это дѣлать, надо непремѣнно знать теорію, т. е. значитъ разумная практика безъ теоріи невозможна. Большее или меньшее количество таковой (разумной) практики даетъ соотвѣтствующій *опытъ,* а онъ то и является наиболѣе цѣннымъ качествомъ человѣка во всѣхъ областяхъ его дѣятельности.

Опытъ полученный безъ помощи теоріи — слѣпой.

Нельзя конечно отрицать и того, что опытъ можно пріобрѣсти и иначе — безъ знанія теоріи — просто вслѣдствіе долговременнаго имѣнія дѣла съ явленіями извѣстнаго разряда. Идя ощупью, пріобрѣтая инстинктивное познаніе сущности явленій путемъ многочисленныхъ своихъ ошибокъ, искупая эти ошибки дорогой цѣной затраты большого труда, средствъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ и человѣческихъ жизней, можно пріобрѣсти значительный опытъ. Однако очевидно на пріобрѣтеніе такого опыта, помимо вышеуказанныхъ жертвъ, требуется очень большое время, что очень не экономично, а кромѣ того и самый опытъ можетъ оказаться одностороннимъ, такъ какъ тому или другому лицу можетъ придтись имѣть дѣло не съ полнымъ количествомъ явленій въ извѣстной области, а только съ его частью. Наконецъ едва-ли можно оспаривать, что такимъ образомъ пріобрѣтенный опытъ, будетъ въ значительной мѣрѣ безсознательнымъ, только инстинктивнымъ, и потому и трудно передаваемымъ другимъ. Эти другіе, подъ руководствомъ въ вышеуказанномъ смыслѣ опытнаго лица, конечно пріобрѣтутъ свой собственный опытъ нѣсколько скорѣе, но путь пріобрѣтенія ими опыта будетъ все тотъ-же — длительный и подверженный постояннымъ ошибкамъ при встрѣчѣ со всякимъ новымъ обстоятельствомъ, за которыя придется платить дорогой цѣной, и въ результатѣ опять таки будетъ получаться опытъ безсознательный, трудно передаваемый массѣ. Конечно современемъ изъ этого множества усилій, однако не безъ помощи выдающихся талантовъ и

умовъ способныхъ къ глубокому изслѣдованію и широкому обобщенію, выльются законы явленій въ извѣстной области, но вѣдь это и будетъ тотъ долгій и трудный путь, которымъ создается теорія всякой науки, которая, по выраженію Стронина (стр. 27), именно и выходитъ изъ искусства (умѣнья опыта) эмпирическаго, слѣпого и безсознательнаго, чтобы, будучи приложена къ практикѣ, сдѣлать то-же искусство (опытъ, умѣнье) — зрячимъ, раціональнымъ, себя сознающимъ.

И разъ теорія, съ такими тяжелыми жертвами полученная, имѣется въ извѣстной степени разработанности на лицо, то конечно болѣе чѣмъ неразумно не исходить именно изъ нея въ пріобрѣтеніи умѣнья (опыта), а вновь начинать пріобрѣтать это умѣнье первобытнымъ путемъ, или путемъ только собственныхъ усилій, или даже и подъ руководствомъ другихъ, но обладающихъ лишь слѣпымъ, инстинктивнымъ умѣньемъ.

Казалось-бы, что нечего обо всемъ этомъ и говорить, на столько это понятно само собою, однако дѣйствительность дѣлаетъ это, къ сожалѣнію, необходимымъ.

Причины почему практика отдѣляется отъ теоріи.

Дѣло въ томъ, что несмотря на совершенно ясную, необходимую и неразрывную связь, существующую въ любой области знанія между теоріей и практикой (умѣньемъ, опытомъ, искусствомъ), часто связь эта, и въ особенности польза этой связи отрицается. Причинъ этого страннаго явленія не мало. Съ одной стороны причина кроется въ томъ, что не всегда тотъ, который изучаетъ и разрабатываетъ теорію какого нибудь дѣла, т. е. тотъ который обобщаетъ и систематизируетъ все, что сдѣлано до него, занимается и приложеніемъ теоріи къ дѣлу. Это происходитъ или оттого, что работа по одной только теоріи предмета столь обширна, что можетъ захватить всю дѣятельность человѣка, или умъ этого человѣка обладаетъ способностью къ изслѣдованію и обобщенію, но не обладаетъ способностью разбираться въ дѣйствительной обстановкѣ, или просто, по какимъ-бы то ни было причинамъ, извѣстный человѣкъ самъ ограничиваетъ свою дѣятельность въ извѣстной области чисто теоретической ея стороной. Съ другой стороны, далеко не всѣ, стоящіе у практическаго дѣла въ извѣстной области, сознательно исходятъ въ пріобрѣтеніи своего опыта изъ теоріи

дѣла. У иныхъ это происходитъ просто изъ за недостатка въ образованіи и въ развитіи — изученіе теоріи обыкновенно требуетъ значительной подготовки. Другіе вообще не склонны къ изслѣдованію причинъ явленій, тогда какъ практическіе пріемы, не вдумываясь въ ихъ сущность, они воспринимаютъ очень легко. Третьи, хотя и изучившіе теорію, видя, что она не можетъ одинаково прилагаться во всѣхъ случаяхъ, и что требуется еще большая работа, чтобы выучиться прилагать ее разумно, по извѣстной вялости своего ума, отказываются отъ этого пути, и отдаются на волю теченія окружающей ихъ въ извѣстной области среды, перенимая отъ нея понемногу извѣстный навыкъ въ болѣе типичныхъ сторонахъ выбраннаго или выпавшаго на ихъ долю дѣла.

Теоретики и практики.

Однимъ словомъ, какія-бы на то не были причины — свойства ума, склонности, желанія или необходимость раздѣленія труда — налицо имѣется фактъ, что въ любой области человѣческаго знанія имѣются съ одной стороны люди, занимающіяся исключительно теоріей дѣла, а съ другой такіе, которые занимаются исключительно практикой, и между послѣдними имѣются и такіе, которые не руководятся при этомъ теоріей, не имѣя о послѣдней иногда никакого представленія.

Очевидно существованіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ совершенно естественно*), и какъ тѣ, такъ и другіе приносятъ посильную пользу общему дѣлу, и въ одномъ наличіи этого факта еще не было-бы большой бѣды. Бѣда-же въ томъ, что именно изъ такого положенія дѣла возникаетъ извѣстный

*) Чтобы стать реальнымъ двигателемъ, идея должна превратиться въ чувство, говоритъ Рибо, Наивыгоднѣйшимъ для проявленія дѣятельности, напр. для полководца, Наполеонъ считаетъ, чтобы умъ и воля составляли квадратъ. Отклоненія отъ этого могутъ быть въ обѣ стороны: или идеи не вызываютъ достаточно сильныхъ ощущеній или напротивъ, ощущенія, вызываемыя идеями, превосходятъ по напряженію важность и стоимость этихъ идей. Въ первомъ случаѣ мысли протекаютъ правильно, логически, но не связанныя съ ощущеніемъ не могутъ быть приведены въ исполненіе. Это будетъ типъ нерѣшительности. Таковы въ большинствѣ случаевъ *теоретики*, въ головѣ которыхъ идеи создались вдали отъ дѣйствительности, а

антагонизмъ между теоріей и практикой, извѣстное противупоставленіе одного другому.

Виноваты въ этомъ обѣ стороны, т. е. какъ теоретики, такъ и практики. Чистые теоретики, стоя слишкомъ далеко отъ практическаго дѣла, а потому съ нимъ и не считаясь, кромѣ обобщенія и систематизаціи всего, что было выработано раньше, иногда присоединяютъ къ теоріи и свои собственныя мысли и гипотезы, далеко не всегда удачныя и оправдывающіяся на практикѣ. При этомъ теоретики, болѣе въ общемъ образованные и начитанные, склонны иногда глядѣть на практиковъ свысока, какъ-бы забывая, что только для надобностей практики они и существуютъ, и что одна абстрактная теорія совершенно безполезна.

Съ другой стороны чистые практики, отрицая иногда теорію только изъ за того, что всегда имѣется стремленіе отрицать и относиться свысока къ тому, чего не понимаешь, слишкомъ склонны частныя ошибки теоретиковъ переносить на всю теорію вообще и отрицать ее цѣликомъ.

Такимъ образомъ теорія и практика по существу дѣла крѣпко между собою связанныя, и одна изъ другой вытекающія, такъ какъ теорія черпаетъ матеріалы для своихъ положеній изъ практики, а практика руководится теоріей — искусственно расчленяются и противупоставляются другъ другу.

Теорія и практика по опредѣленію Л. Н. Толстого.

Такое положеніе дѣла вызвало справедливое негодованіе Графа Л. Н. Толстого.

«Меня всегда удивляетъ» говоритъ онъ**) «часто повторяемыя слова: да, это такъ по теоріи, но на практикѣ-то

потому бѣдны ощущеніями. Напротивъ, *практикъ* не выходитъ почти изъ области конкретныхъ предметовъ, а потому каждая его идея покоится на широкомъ чувственнымъ основаніи. Поэтому скорѣе можетъ случиться, что онъ придастъ ей чрезмѣрно большое значеніе, и даже, оцѣнивъ значеніе вновь появляющагося фактора, *будетъ поступать попрежнему,* ибо старыя идеи богаты чувствами — и мы будемъ имѣть дѣло съ упрямствомъ, рутиной. Зыковъ, „Какъ и чѣмъ управляются люди. Опытъ военной психологіи“ стр. 15—16.

**) Мысли, вызванныя переписью. Полное собраніе сочиненій. 1886 г. Часть XII-я, стр. 252—254.

какъ? Точно какъ будто теорія это какія-то хорошія слова, нужныя для разговора, но не для того, чтобы вся практика, т. е. вся дѣятельность неизбѣжно основывалась на ней. Должно быть было на свѣтѣ ужасно много глупыхъ теорій, если вошло въ употребленіе такое удивительное разсужденіе. Теорія, вѣдь это то, что человѣкъ думаетъ о предметѣ, а практика это то, что онъ дѣлаетъ. Какъ-же можетъ быть, чтобъ человѣкъ думалъ, что надо дѣлать такъ, а дѣлалъ-бы на выворотъ? Если теорія печенья хлѣбовъ та, что ихъ надо прежде замѣсить, а потомъ поставить, то, кромѣ сумашедшихъ, никто, зная теорію, не можетъ сдѣлать обратнаго . . .»

«Истина эта (что деньги зло) мнѣ была давно извѣстна, но ложныя ученія міра скрыли ее, и она сдѣлалась для меня именно теоріей въ томъ смыслѣ, какой любятъ придавать этому слову, т. е. пустыми словами. Но какъ скоро мнѣ удалось разрушить въ своемъ сознаніи софизмы мірскаго ученія, такъ теорія слилась съ практикой и дѣйствительность моей жизни и жизни всѣхъ людей стала ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ».

Что такое теорія въ военномъ дѣлѣ.

Однако нигдѣ вѣроятно теорія не подвергалась такимъ жестокимъ гоненіямъ, какъ въ военномъ дѣлѣ. Причины все тѣ-же — ошибки и заносчивость теоретиковъ и невѣжество практиковъ.

Между тѣмъ теорія въ военномъ дѣлѣ имѣетъ тотъ-же смыслъ и значеніе, что и во всѣхъ остальныхъ областяхъ человѣческаго знанія. *Теорія въ военномъ дѣлѣ — это изслѣдованный, обобщенный, и сведенный въ систему опытъ всѣхъ предыдущихъ войнъ* (см. Гл. III). А потому тотъ, кто отвергаетъ теорію, отвергаетъ опытъ своихъ предшественниковъ, что ужъ особенно странно именно со стороны людей опыта.

Археологическая точка зрѣнія на факты военной исторіи.

Обыкновенное возраженіе противниковъ теоріи въ военномъ дѣлѣ — это указаніе, что опытъ прошлаго, положенный въ основу теоріи, создался совершенно при другой — чѣмъ теперь обстановкѣ, а потому и не можетъ быть примѣненъ къ веденію войны въ настоящее время. Бываетъ иногда, что при

этомъ ссылаются даже на Наполеона, которому дѣйствительно принадлежатъ слова — «обстановка на войнѣ повелѣваетъ».

Однако это не болѣе какъ недоразумѣніе на почвѣ непониманія, что собственно представляетъ изъ себя теорія, и какія можно предъявлять къ ней требованія, и въ чемъ заключается вліяніе обстановки.

По отношенію къ дѣятельности предшественниковъ иногда замѣчается просто даже нѣсколько обидная точка зрѣнія.

Эта дѣятельность часто оцѣнивается исключительно съ точки зрѣнія степени той пользы, которую она принесла странѣ.

Имѣется налицо эта, притомъ еще ярко выраженная, польза, виновнику ея воздается похвала, ему ставятъ памятникъ, увѣковѣчиваютъ его имя въ исторіи, но даже и въ этомъ случаѣ не хотятъ интересоваться тѣмъ — *какъ* онъ дѣйствовалъ, *какія* мысли положилъ въ основу своей дѣятельности, чтобы у него *поучиться*. Считаютъ, что учиться у него нечему, такъ какъ его дѣятельность протекла въ совершенно другой обстановкѣ, что вполнѣ достаточно оказать извѣстную долю почтенія къ его памяти. Такимъ образомъ, напр. отношеніе къ дѣятельности адмираловъ Ушакова и Сенявина по существу ничѣмъ не отличается отъ взгляда на подвиги Геркулеса, и искусство ихъ готовить и водить флоты къ побѣдѣ ставится на одинъ уровень съ искусствомъ Геркулеса владѣть своей палицей.

Отсюда вытекаетъ и пренебрежительное отношеніе къ исторіи вообще, и взглядъ на нее только какъ на болѣе или менѣе занимательное повѣствованіе о томъ, что было прежде. И такую, если такъ можно выразиться, археологическую точку зрѣнія на дѣятельность предшественниковъ, нельзя иначе назвать, какъ обидной. И это еще при наличіи принесенной и ярко выраженной пользы. Когда-же нѣтъ и этого, то или дѣятельность такого предшественника предается полному забвенію, или порицается, совершенно не входя въ оцѣнку намѣреній и мыслей, руководившихъ этой дѣятельностью и въ разборъ вопроса о томъ, на сколько вліяла на неудачу та обстановка, въ которой протекла эта дѣятельность.

Огромный вредъ такой археологической точки зрѣнія заключается въ томъ, что такимъ образомъ отъ дѣятельности предшественниковъ остается лишь—наличіе ихъ восхваленія или порицанія въ исторіи (польза и вредъ ими принесенные въ большинствѣ давно уже сгладились), вся-же работа ихъ мысли, методъ ихъ труда, ихъ опытъ — являются потерянными.

Взглядъ теоріи на факты изъ военной исторіи.

Между тѣмъ, отвергаемая, извѣстнымъ разрядомъ практиковъ, теорія военнаго дѣла смотритъ на это совершенно иначе. Она совершенно отбрасываетъ оцѣнку дѣятельности по результатамъ и ставитъ себѣ цѣлью выяснить — была-ли эта дѣятельность правильно обоснована и цѣлесообразна? И если была, и результатъ все-таки получился отрицательный, то она стремится выяснить, почему это именно случилось такъ, на сколько здѣсь вліяла, какъ и какая именно обстановка, и какія были ошибки въ примѣненіи этихъ правильныхъ основъ къ обстановкѣ, какъ вліяло ошибочное представленіе объ обстановкѣ и т. п. . . При такомъ отношеніи бѣдная результатами дѣятельность можетъ дать иногда больше матеріала для поученія, чѣмъ дѣятельность самая блестящая. Такимъ образомъ можетъ быть использована и вполнѣ отрицательная дѣятельность.

Значитъ теорія, не только не забываетъ, что «обстановка повелѣваетъ», но постоянно и твердо это помнитъ, а потому и очищаетъ тщательнѣйшимъ образомъ дѣйствія предшественниковъ отъ вліянія обстановки, и только тогда ихъ судитъ. Для сужденія-же въ этомъ случаѣ объ ихъ правильности и цѣлесообразности, она изъ тщательнаго сравненія цѣлаго ряда, очищенныхъ отъ вліянія обстановки, дѣйствій съ ихъ результатами, стремится подмѣтить и формулировать такія истины, которыя должны быть положены въ основу всякаго военнаго мѣропріятія, внѣ зависимости отъ обстановки, и которыя значитъ могутъ принести такую-же пользу и для современной военной дѣятельности.

Затѣмъ, именно теорія не ограничивается голословнымъ и мало понятнымъ, въ выхваченномъ изъ цѣлаго разсужденія видѣ, утвержденіемъ — «обстановка повелѣваетъ», а выясняетъ, что «повелѣваетъ» — это значитъ, что именно отъ обстановки зависитъ степень примѣнимости и способъ примѣ-

нения вышеуказанныхъ неизмѣнныхъ истинъ, что мало еще обладать этими истинами, что надо еще умѣть ихъ примѣнять къ обстановкѣ, но что, не имѣя этихъ истинъ, легко нарушить эти неизмѣнные законы, и приходится вмѣсто нихъ руководствоваться случайно слагающимся собственнымъ разумѣніемъ, что неизбѣжно ведетъ, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, къ увеличенію шансовъ неуспѣха. И на этомъ и кончается роль теоріи.

Что даетъ теорія практику.

Указать, *какъ* именно надо прилагать неизмѣнныя истины къ обстановкѣ, теорія на себя не беретъ, да, понятно, и взять не можетъ, такъ какъ обстановка можетъ быть столь сложна и разнообразна, что никакое человѣческое воображеніе не можетъ предвидѣть всѣхъ комбинацій. Это ужъ приходится предоставить таланту и творчеству исполнителя — практика. Теорія вполнѣ можетъ считать себя удовлетворенной, если она укажетъ практику основныя истины, докажетъ ихъ истинность, добьется того, что онъ ими проникнется, и докажетъ ему, что ихъ слѣпо примѣнять нельзя, а надо ему еще выучиться оцѣнивать обстановку и сообразно этой оцѣнкѣ примѣнять къ ней основныя истины. Въ развитіе и для доказательства своихъ положеній теорія можетъ привести рядъ историческихъ или скомбинированныхъ примѣровъ примѣненія основныхъ истинъ къ нѣкоторымъ типичнымъ обстановкамъ — и дальше теоріи идти некуда.

И вотъ эта-то строго ограниченная, хотя тѣмъ не менѣе въ высшей степени важная, роль теоріи, служитъ часто причиной — почему ее извѣстнаго сорта практики отвергаютъ цѣликомъ*).

Чего иногда требуютъ практики отъ теоріи.

Къ чему, говорятъ они, намъ теорія, если она не можетъ намъ дать указаній — какъ дѣйствовать въ каждомъ данномъ

---

*) Впрочемъ этотъ упрекъ относится не только къ невѣждамъ и лѣнивымъ. Наука честно говоритъ — вотъ что я даю и больше этого я дать не могу. Это не удовлетворяетъ и идеалистовъ. Какъ говоритъ Лесюеръ (цитирую по Лебону „психологія народовъ и массъ“ стр. 240), „въ сердцахъ жаждущихъ идеала, науку погубило то, что она не осмѣливается обѣщать больше и не умѣетъ достаточно лгать“.

случаѣ? Это значитъ, что они ждутъ отъ теоріи не общихъ указаній, что они вообще не цѣнятъ такихъ указаній, а хотятъ получить рядъ рецептовъ, которые можно было-бы выполнять, не ломая головы, какъ существуетъ стремленіе у извѣстнаго круга людей во всемъ ожидать указаній начальства, снимая съ себя всякую отвѣтственность и необходимость самому раскинуть мозгами. И, если начальство такихъ указаній давать не склонно, и даетъ лишь общія указанія, намѣчаетъ лишь цѣли, и требуетъ отъ подчиненныхъ способности къ личной иниціативѣ и къ разумному примѣненію общихъ указаній къ правильно оцѣненной обстановкѣ, однимъ словомъ, если оно требуетъ развитія, мысли, труда и умѣнья взять на себя отвѣтственность, то вышеупомянутый сортъ практиковъ, который не цѣнитъ и общихъ указаній теоріи, подвергаетъ такое начальство жестокой критикѣ. Эти люди хотятъ, чтобы теорія была такова, чтобы за ней можно было существовать какъ за каменной стѣной, какъ чувствуютъ они себя, какъ у Христа за пазухой, у такого начальства, которое все за нихъ думаетъ, все имъ указываетъ, и съ которымъ они не несутъ никакой отвѣтственности, такъ какъ все, что они сдѣлаютъ, при неудачѣ въ особенности, можно свалить на указанія начальства.

Вотъ того-же самаго они хотѣли-бы отъ теоріи, и, если она этого имъ не даетъ, они ее отвергаютъ совсѣмъ и готовы руководиться просто несущимъ ихъ общимъ теченіемъ — тогда все-таки можно свалить все на случайно сложившіяся обстоятельства, въ особенности въ столь рѣдко имѣющее мѣсто военное время. А во время мира отсутствіе руководящихъ началъ и личной иниціативы не даетъ непосредственныхъ рѣзко замѣтныхъ результатовъ.

Задача теоріи вообще.

Но пусть тѣ, которые предъявляютъ такія требованія къ теоріи военнаго дѣла, и на основаніи этихъ требованій ее отрицаютъ, пусть они подумаютъ, можетъ-ли теорія въ какой угодно научной области выполнить такія требованія, и именно въ такихъ областяхъ, въ которыхъ ужъ никто не рѣшится отрицать право теоріи на существованіе.

И если отвѣтъ получится отрицательный, то не будетъ-ли устраненъ тотъ упрекъ, который ставятъ теоріи военнаго дѣла, и на основаніи котораго рѣшаются отрицать ея значеніе.

Возьмемъ, напр. геометрію. Теорія здѣсь несомнѣнно существуетъ и обойтись безъ нея нельзя. А между тѣмъ даетъ-ли она указанія, какъ прилагать ее въ различныхъ случаяхъ на практикѣ? И отвѣтъ на это получится отрицательный Она даетъ цѣлый рядъ неизмѣнныхъ соотношеній, существующихъ между различными элементами фигуръ, она даетъ основныя свойства этихъ элементовъ, но уже при рѣшеніи болѣе или менѣе сложныхъ задачъ, даже на вычисленіе, приходится уже самому придумать, какъ приложить эти соотношенія и свойства, для того, чтобы рѣшить задачу, и каждый новый типъ задачъ требуетъ новаго пути для приложенія взглядовъ теоріи къ рѣшенію этого типа задачъ. Тѣмъ болѣе это справедливо относительно рѣшенія задачъ на построеніе, гдѣ безъ умѣнья дать правильную оцѣнку условіямъ задачи и безъ извѣстной способности къ самостоятельному творчеству, при рѣшеніи этихъ задачъ не поможетъ никакая теорія, хотя опять-таки безъ этой теоріи рѣшеніе такихъ задачъ тоже невозможно.

Все это вѣрно и для всякой науки, и для военныхъ наукъ, и разница замѣчается лишь въ томъ, что въ математическихъ и естественныхъ наукахъ значеніе и право на существованіе теоріи отрицать невозможно — это значило-бы идти противъ очевидности, — тогда какъ въ соціальныхъ наукахъ и въ особенности въ военныхъ это все-таки является возможнымъ. Въ геометріи, напр., моментально можно довести до очевидности, что если нѣтъ знанія теоріи, то невозможно и рѣшеніе задачи. Точно также и другія причины мѣшающія рѣшать задачи столь немногочисленны, что могутъ быть немедлено обнаружены — напр. отсутствіе умѣнья разобраться въ условіяхъ задачи. А въ военномъ дѣлѣ, если даже не разрабатываются, или заброшены неизмѣнныя основы, управляющія военными явленіями, если не изслѣдована сущность этихъ явленій, то чтобы показать вредныя послѣдствія отъ этого — надо ждать войны. А придетъ война и неудача — найдутъ

Трудность въ военномъ дѣлѣ довести до очевидности вредныя послѣдствія пробѣловъ въ знаніи теоріи.

цѣлый рядъ другихъ причинъ, на это повліявшихъ, и эти причины дѣйствительно будутъ существовать, такъ какъ причинъ пораженія дѣйствительно можетъ существовать много и онѣ тѣсно переплетаются между собою и расчленить ихъ дѣло далеко не такое легкое.

И если значеніе отсутствія теоріи не признавалось до войны, то очень трудно довести это значеніе до очевидности и въ только что пережитой войнѣ. А какъ только пройдетъ достаточное время, чтобы могла быть установлена вся фактическая сторона, послѣ чего уже можно установить и всѣ причины удачъ и неудачъ, какъ уже подымется возраженіе, что война эта уже перешла въ исторію, что обстановка уже измѣнилась, и что выводы изъ военныхъ явленій при прежней обстановкѣ для будущихъ войнъ непримѣнимы. И такимъ образомъ это можетъ продолжаться, да и продолжается въ дѣйствительности, для извѣстной категоріи людей, до безконечности. Отрицатели теоріи будутъ всегда, пока будутъ люди съ вялымъ инертнымъ умомъ, неспособные къ иниціативѣ и боящіеся отвѣтственности, или просто лѣнивые, или тупо-самонадѣянные, воображающіе, что они до всего могутъ дойти своимъ умомъ, а потому и презирающіе науку. Короче говоря — это явленіе всегда будетъ имѣть мѣсто, пока будутъ люди приверженные къ невѣжеству, его въ себѣ не замѣчающіе — а таковые будутъ всегда — такъ ужъ создано человѣчество.

И съ легкимъ сердцемъ такіе люди не только рѣшаются отрицать теорію военнаго дѣла и ея значеніе, но даже цѣлыя отрасли военной науки цѣликомъ, а то и вообще — высшее военное образованіе.

Такіе факты могутъ показаться съ перваго взгляда столь удивительными и даже не правдоподобными, что нельзя обойтись безъ того, чтобы не подтвердить ихъ примѣрами.

Характеристика взглядовъ на теорію военно-морской науки въ 1896 году.

Въ тотъ годъ, когда при Николаевской Морской Академіи были открыты курсы военно-морскихъ наукъ, т. е. въ тотъ моментъ, когда можно было думать, что въ русскомъ флотѣ проявилась потребность въ военномъ образованіи, хотя, судя по обстановкѣ (см. предисловіе) учрежденія этихъ курсовъ, можно сильно сомнѣваться въ такомъ стремленіи, въ Крон-

штадтскомъ морскомъ собраніи (мартъ 1896 года) было сдѣлано сообщеніе «Объ основахъ морской тактики, какъ науки». Сообщеніе было принято въ общемъ равнодушно. Оно не вызвало, ни горячихъ споровъ и полемики, ни критической оцѣнки — его просто пропустили мимо ушей, но утвержденіе лектора, что морская тактика — это наука, вызвало энергичный отпоръ. Одинъ изъ образованнѣйшихъ строевыхъ адмираловъ того времени — и именно потому его мнѣніе особенно хорошо характеризуетъ эпоху — контръ-адмиралъ Валицкій помѣстилъ въ газетѣ «Котлинъ» (№ 45 за 1896 г.) письмо въ редакцію, въ которомъ говоритъ такъ:

«До сихъ поръ неизвѣстно было, чтобы такая наука существовала. Никакихъ трактатовъ, ни иныхъ сочиненій объ этомъ не было, кажется, за все время существованія флотовъ; и не было даже сочиненій по той части тактики, которая въ береговой тактикѣ разсуждаетъ и поучаетъ объ организаціи войска, его рекрутированіи, снабженіи его и объ управленіи имъ. Не было въ морѣ этой науки, какъ нѣтъ науки у юристовъ о томъ, какъ вѣрно и справедливо судить и присуждать, хотя есть законы, и есть науки о всякомъ правѣ. Слово *«морская тактика»* и наука, подразумѣваемая подъ этимъ словомъ, были только въ морскихъ училищахъ, и то не во всѣхъ, а лишь въ нѣсколькихъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ морскомъ корпусѣ; при этомъ она обыкновенно составлялась учителями для надобностей училища, изъ стѣнъ котораго и не выходила».

«Можетъ быть, я запамятовалъ, а можетъ быть настолько былъ несчастливъ, что мнѣ никогда не попадалась книга, поучающая объ этомъ дѣлѣ, и я былъ-бы радъ исправить этотъ большой пропускъ. Если-бы лекторъ согласился указать, гдѣ эти сочиненія появлялись, въ какомъ они были видѣ и въ какомъ объемѣ, *многіе* были-бы ему очень благодарны за такую любезность. (Все писанное объ этомъ въ журналахъ въ послѣдній періодъ времени вызываетъ лишь тяжелую тоску)».

И что особенно характерно для эпохи это то, что ни редакція спеціально военно-морской газеты, которая помѣстила

это письмо, ни редакція другой военно-морской газеты (Кронштадтскаго Вѣстника), ни кто либо изъ строевыхъ адмираловъ и вообще офицеровъ — *никто* не нашелъ нужнымъ отозваться на такое отрицательное отношеніе къ морской тактикѣ. Значитъ, или военно-морское сословіе того времени было согласно съ такимъ взглядомъ, или вообще ему эти вопросы (о военныхъ наукахъ) не были знакомы и его не интересовали.

А между тѣмъ приведенная выше выдержка изъ письма показываетъ, что авторъ его, помимо отрицанія за морской тактикой права именоваться наукой въ прошломъ — это еще можно-бы было понять, — просто утверждаетъ, что и сочиненій по морской тактикѣ никакихъ никогда не было. А такъ какъ таковыхъ сочиненій было очень много, то прямой отсюда выводъ, что авторъ во-первыхъ совершенно не знакомъ съ исторіей того дѣла, которое составляетъ его профессію, и въ которой онъ дошелъ до степени руководителя, а во-вторыхъ — онъ и въ принципѣ не допускаетъ существованія теоріи своего дѣла, т. е. систематизированнаго опыта своихъ предшественниковъ, — иначе-бы онъ его искалъ, и хотя-бы съ нимъ и не соглашался и не признавалъ-бы его для себя полезнымъ, то все-таки хотя-бы зналъ, что онъ былъ, и что онъ былъ много разъ систематизированъ въ сочиненіяхъ по морской тактикѣ.

Перечисленіе всѣхъ этихъ сочиненій и выясненіе вліянія ихъ на состояніе морской тактики не входитъ въ задачу настоящей главы и вообще въ задачу введенія въ курсъ исторіи военно-морского искусства. Это будетъ подробно изложено въ самомъ курсѣ. Но на одно изъ нихъ нельзя не указать. Нельзя себѣ представить, чтобы авторъ цитированнаго выше письма, если-бы онъ хоть сколько нибудь интересовался мыслями своихъ предшественниковъ, могъ-бы пропустить мнѣніе о морской тактикѣ такого выдающагося моряка какъ Кинсбергена, который служилъ и въ русскомъ флотѣ, и одержалъ двѣ первыя побѣды въ Черномъ морѣ*), и сочиненіе котораго

*) Онъ былъ награжденъ за эти побѣды орденами Св. Георгія 4-й и 3-й степени.

«Начальныя основанiи морской тактики» было переведено на русскiй языкъ по Высочайшему повелѣнiю (1791 г.)*).

А между тѣмъ Кинсбергенъ въ своемъ введенiи къ тактикѣ говорилъ: «Морская тактика заключаетъ въ себѣ все потребное для военнаго флота, почему и раздѣлилъ я сiе искусство на двѣ части, то есть на элементарную (стихiйную и начальную) и вышнюю. Элементарная (стихiйная) содержитъ въ себѣ во всей подробности наставленiя о экзерцицiяхъ и дисциплинѣ на кораблѣ, чему обучиться можно изъ ежедневной отправляемой на кораблѣ службы».

«Вышняя собственно заключаетъ, въ чемъ состоитъ искусство или наука адмирала и содержитъ всѣ дѣйствiя и движенiя производимыя кораблями, какъ во время сраженiя, такъ прикрытiя высаживанiя войскъ на берегъ, при защищенiи берега отъ непрiятельскаго покушенiя, при осадѣ города съ моря кораблями и прочая. . .»

«. . . Разсудилъ я быть не безполезнымъ, въ краткомъ, послѣдовательномъ и ясномъ порядкѣ и содержанiи написать главнѣйшiя дѣйствiя, которыя флотомъ или эскадрою производимы быть могутъ, къ пользѣ имѣющихъ благородную охоту, въ морскомъ искусствѣ знающими учиняться».

«Сiе есть удобнѣйшее средство, для наученiя молодыхъ офицеровъ разсуждать съ наилучшимъ понятiемъ о томъ, что видятъ производимымъ на самомъ дѣлѣ: и такимъ образомъ когда знанiе ихъ распространится, могутъ въ свое время сами въ сей части упражняться, ибо если офицеръ проведетъ въ праздности молодыя свои лѣта, въ которыя, какъ понятiя его, такъ и душевныя силы еще въ полномъ жарѣ, почти невозможно надѣяться, чтобы онъ множественныя черезъ единое неутомимое прилежанiе и труды прiобрѣтаемыя знанiя, нужныя доброму адмиралу, могъ потомъ прiобрѣсть, хотя-бы по чiему предстательству или по долговременной службѣ и достигъ высшихъ степеней».

*) Эта тактика употреблялась въ нѣмецкомъ флотѣ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтiя.

Не указали на это мнѣніе Кинсбергена автору письма и его сослуживцы — и опять, надо думать, потому, что они или его не знали, или считали это мнѣніе неправильнымъ.

Характерно, что авторъ письма очевидно на столько не считалъ нужнымъ стремиться къ изученію опыта своихъ предшественниковъ, что онъ и не подозрѣваетъ о фактѣ существованія у нихъ систематизаціи этого опыта, и ищетъ отвѣта на возникающіе у него вопросы о веденіи современной морской войны только у современниковъ, но «все писанное объ этомъ въ журналахъ въ послѣдній періодъ времени вызываетъ (у него) лишь тяжелую тоску».

И такое мнѣніе складывается у русскаго передового военнаго моряка въ 1896 году, когда въ военно-морской литературѣ имѣлись на лицо такія крупныя имена какъ Коломбъ и Меганъ, когда закончилась ужъ японо-китайская война, когда напр. англійскіе авторы дали цѣлый рядъ превосходныхъ изслѣдованій по различнымъ вопросамъ морской войны, удостоенныхъ золотыхъ медалей отъ общества соединенныхъ службъ и т. п. И если все это вызвало у этого передового моряка лишь тяжелую тоску, и если его сослуживцы не нашли нужнымъ опровергнуть такое его мнѣніе, то спрашивается — чего-же требовали онъ и они отъ современныхъ имъ морскихъ писателей? И выходитъ, что они требовали отъ нихъ *рецептовъ*, т. е. ясныхъ, точныхъ и детализированныхъ указаній — какъ дѣйствовать въ различныхъ случаяхъ морской войны. Всякій-же матеріалъ, изъ котораго они *сами* должны были составлять себѣ представленіе о сущности войны и извлекать то, что пригодно для приложенія въ современной войнѣ, всякая теорія, говорившая лишь объ общихъ вещахъ, и не впадавшая въ рецептуру — производили на нихъ лишь впечатлѣніе тяжелой тоски. Мнѣніе ихъ имѣло нѣкоторое основаніе по отношенію лишь тѣхъ писателей, и такіе были, которые, или въ угоду требованіямъ времени, или изъ за того-же непониманія роли теоріи, дѣйствительно пускались въ рецептуру. Очевидно, попытки эти страдали явной выдуманностью, въ нихъ чувствовалась фальшь, и они не могли удовлетворять практиковъ. Но практики, которые только такимъ попыткамъ могли и

умѣли давать оцѣнку, валили ихъ въ одну кучу съ плодотворными изслѣдованіями по теоріи веденія войны на морѣ, которыхъ они не признавали совсѣмъ, и все это характеризовали плодомъ непригодной ни для чего, по ихъ мнѣнію, теоріи и безполезной работы «теоретиковъ», не считаясь даже съ тѣмъ, что въ числѣ этихъ «теоретиковъ», было, въ особенности въ иностранныхъ флотахъ, не мало опытныхъ строевыхъ офицеровъ.

Развѣ не характеренъ для русскаго морского сословія тотъ фактъ, что, хотя извѣстные труды Коломба и Мегена появились уже въ русскомъ переводѣ въ 1894—5 годахъ, а значитъ въ подлинникахъ — гораздо раньше *), только въ 1899 году появился критическій отзывъ о сочиненіи Мегена въ морскомъ журналѣ (Морск. Сб. №7 за 1899) и при этомъ отзывъ этотъ принадлежалъ перу. . . офицера сухопутнаго генеральнаго штаба **).

Развѣ не столь-же характерно, что, когда были основаны при морской академіи курсы военно-морскихъ наукъ, и на изученіе морской тактики было назначено 4 часа въ недѣлю, то одинъ изъ русскихъ адмираловъ выразилъ недоумѣніе — неужели потребуется столько времени на изученіе *эволюцій!* Не значитъ-ли это, что и онъ совершенно не допускалъ возможности существованія морской тактики какъ науки?

Взгляды на военно-морскую науку въ русскомъ флотѣ за 4 года до войны съ Японіей.

И такое печальное явленіе къ сожалѣнію не было случайнымъ и временнымъ. Въ 1899 въ морской газетѣ «Котлинъ» (16-го Іюня) появилась статья Капитана 2-го ранга Большева «О тактикѣ и стратегіи». Въ данномъ случаѣ автора нельзя поставить на одну доску съ предыдущимъ — контръ-адмираломъ Валицкимъ, но характерно именно то, на что мы указывали и при разборѣ предыдущаго случая, что статья эта, притомъ оченъ обширная — не произвела надлежащаго впеча-

*) „Вліяніе морской силы на исторію“ Мегена помѣчено Декабремъ 1889 года, а „Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію“ — октябремъ 1892 года.

**) Профессоръ стратегіи въ Академіи Генеральнаго штаба Н. П. Михневичъ.

тѣнія на морское сословіе — она не вызвала не только полемики, но даже хотя-бы коротенькаго возраженія.

А между тѣмъ въ этой статьѣ буквально говорилось слѣдующее:

«Въ послѣднее время современной морской темой стала «морская тактика». Но вопросъ въ томъ — что-же это за наука, которую игнорировали боевые флоты цѣлыя столѣтія и притомъ въ самое горячее боевое время... Величайшій флотоводецъ Нельсонъ никакой тактики не признавалъ, но всегда побѣждалъ. Очевидно, если-бы была наука морская тактика, то она была-бы тотчасъ-же подмѣчена такими практиками, какъ эскадра Нельсона, все время крейсеровавшая и, конечно, ею-бы пользовались . . .»

«Да и мудрено искать морскую тактику — море гладко. Еще издалека адмиралы оцѣнятъ силы, какъ только увидятъ одинъ другого. Вѣдь есть альбомы свѣдѣній боевыхъ силъ каждаго судна. Всякій маневръ, предпринятый одной стороной, будетъ немедленно замѣченъ другой, и тутъ то вотъ и проявится личное умѣнье командира, сообразительность, вѣрность взгляда при поворотѣ. Несомнѣнно произойдетъ схватка, а въ ней «на брасахъ» не зѣвай». Командиръ, артиллерійскій, минный офицеры — каждый безусловно бутутъ самостоятельны».

«Другое дѣло сухопутная тактика — та существовала еще со временъ Александра Македонскаго, Анибала и проч. Да и какъ ей не существовать — вѣдь поле сраженія не гладкая поверхность моря, тутъ есть и горы и рѣки и болота, и озера, и лѣсъ, и строенія, и овраги и т. д., да и самыя арміи состоятъ изъ трехъ родовъ войскъ: пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Здѣсь необходимы комбинаціи, знаніе мѣстности. Нельзя-же кавалерію или артиллерію послать въ болото; нельзя артиллерію помѣщать въ низменности, а не на горѣ; не оставляютъ рѣкъ въ тылу, принимаютъ мѣры, чтобы противникъ не обошелъ съ тыла, не атаковалъ съ фланговъ; прикрываютъ свои движенія и силы, чтобы противникъ не видѣлъ, да и возможны ли передвиженія въ арміи со скоростью 25 узловъ? Очевидно подобныя комбинаціи чуть-ли не безчисленны въ

арміи, и очевидно должна существовать наука «сухопутная тактика», научающая, какъ пользоваться мѣстностью и родомъ войскъ, тогда какъ на морѣ, гдѣ все видно противнымъ сторонамъ, такія комбинаціи немыслимы, — никакой выдумки».

«Но если морской тактики нѣтъ, то того-же нельзя сказать про морскую стратегію (см. стр. 4) — искусство массированія судовъ въ нужное время на рѣшительномъ пунктѣ. Вотъ о стратегіи мы ничего не слышимъ. Очевидно тактика, какъ блестящій предметъ, фиксировала на себѣ наше вниманіе, и мы забыли о стратегіи».

Въ этой статьѣ ярко выступаютъ и полное отрицаніе авторомъ даже возможности существованія морской тактики и представленіе автора объ условіяхъ возможности существованія таковой на сухомъ пути — лишь при наличіи собранія рецептовъ. Значитъ нѣтъ рецептовъ — нѣтъ и тактики. Не говоримъ уже о слѣпотѣ автора по отношенію къ обстановкѣ морской войны при сравненіи ея съ сухопутной. Онъ точно забываетъ, что соотвѣтственно тремъ родамъ войскъ на сухомъ пути во флотѣ существуетъ цѣлый рядъ различныхъ типовъ судовъ, преслѣдующихъ каждый свою опредѣленную цѣль и приспособленныхъ лишь для дѣйствія въ опредѣленныхъ, иногда рѣзко другъ отъ друга отличающихся обстановкахъ. Повидимому онъ не представляетъ себѣ, что подобно тому какъ на сухомъ пути очень разнообразна обстановка по мѣстности, на морѣ обстановка постоянно мѣняется въ зависимости отъ погоды, состоянія моря, положенія солнца и вѣтра относительно противника, близости береговъ и ихъ очертанія и т. п. . . . Къ этому прибавляется очень узкое представленіе о стратегіи, какъ только объ искусствѣ массированія кораблей, причемъ изъ дальнѣйшаго изложенія автора слѣдуетъ, что все это искусство зиждется исключительно на развитіи способовъ собиранія свѣдѣній о мѣстопребываніи противника на театрѣ военныхъ дѣйствій.

И что еще болѣе удивительно — такія представленія о тактикѣ и стратегіи авторъ почерпнулъ не только въ самомъ себѣ, но изъ чтенія — онъ цитируетъ и Мехена и Жюрьенъ-де-ла Гравьера и Наполеона.

И вотъ такія удивительныя представленія о своемъ дѣлѣ могли допускаться, безъ отпора со стороны морского сословія, въ то время какъ напоминанія, что веденіе войны на морѣ — это наука — встрѣчали немедленный отпоръ! И когда-же это было? За 4 года до войны съ Японіей! Развѣ не обрисовывался въ этомъ состояніи идей и направленіи умовъ морского сословія грядущій разгромъ въ первой-же борьбѣ съ серьезнымъ противникомъ?

Взгляды на военно-морскую науку терпѣвшіеся въ русскомъ флотѣ послѣ войны съ Японіею.

Выше было упомянуто (стр. 55—56), что если значеніе теоріи въ военномъ дѣлѣ, изъ за пренебреженія опытомъ прошлаго, не признается до войны, то для извѣстной категоріи людей это значеніе едва-ли выяснится и той войной, въ которой они сами участвовали. Особенно яркимъ образчикомъ этого являются статьи все въ той-же морской газетѣ «Котлинъ» Капитана 1-го ранга Добротворскаго въ сентябрѣ и въ октябрѣ 1906 года, значитъ черезъ годъ по окончаніи войны, въ которой онъ самъ принималъ очень дѣятельное участіе. Онъ не только не вынесъ изъ своего опыта никакого уваженія къ теоріи военнаго дѣла, и убѣжденія, что въ основу практики должна быть положена именно теорія, а также сожалѣнія, что это не имѣло мѣста въ нашемъ морскомъ сословіи до войны, но напротивъ — онъ кипитъ негодованіемъ и противъ теоріи вообще, и противъ теоретиковъ, проповѣдующихъ необходимость черпать указанія для веденія современной войны въ опытѣ прошлаго. И что еще слѣдуетъ отмѣтить въ данномъ случаѣ — авторъ статей не только поверхностно или по наслышкѣ знакомъ съ теоріей военнаго дѣла — нѣтъ онъ передъ самой войной прослушалъ курсъ военно-морскихъ наукъ при Николаевской Морской Академіи. А значитъ онъ борется съ положеніями теоріи не стихійно, какъ дѣлали это вышеприведеные авторы, а сознательно, вооруженный при этомъ драгоцѣннымъ опытомъ только что пережитой войны. Это ужъ достойно большого вниманія и опять тѣмъ болѣе это показательно для характеристики морского сословія послѣ войны, что и мысли капитана 1-го ранга Добротворскаго не вызвали отпора со стороны строевыхъ офицеровъ, которые значитъ — или съ этими мыслями согласи-

лись, или отнеслись къ нимъ равнодушно, не видя въ нихъ какой-либо значительной ереси.

Чтобы не быть голословнымъ, нельзя не привести образчиковъ отношенія вышеуказаннаго автора къ исторіи, къ выводамъ изъ нея, къ теоріи и къ теоретикамъ.

Напр., одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ выводовъ изъ исторіи войнъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ — это преобладающее значеніе человѣка и его моральныхъ качествъ въ сравненіи съ значеніемъ матеріальной части. Формулировка этого вывода принадлежитъ Наполеону, который опредѣлилъ, что «во всякомъ военномъ предпріятіи успѣхъ на три четверти зависитъ отъ данныхъ моральнаго порядка и лишь на одну четверть отъ матеріальныхъ силъ». Съ этимъ согласны всѣ какъ сухопутные, такъ и морскіе писатели, изучавшие исторію и каждая новая война даетъ яркое подтвержденіе этому цѣнному выводу изъ опыта прошлаго.

Но капитанъ 1-го ранга Добротворскій и не думаетъ считаться съ этимъ выводомъ.

Его мнѣніе такое («Котлинъ» отъ 22 Сентяря 1906 г.):

«$^7/_8$ успѣха флота зависитъ отъ машинъ, отъ техники и только $^1/_8$ отъ качествъ и свойствъ человѣка. Если другіе думаютъ иначе, то они вѣроятно исходятъ изъ представленій о борьбѣ на сушѣ и тѣмъ впадаютъ въ большую ошибку, потому-что морскія дѣйствія отъ сухопутныхъ тѣмъ и отличаются, что флоты борятся въ движеніяхъ, а войска въ неподвижныхъ состояніяхъ, первымъ не надо завоевывать позицій — они бѣгаютъ съ ними, — вторымъ надо и притомъ съ величайшей отвагой. Кораблямъ выгодныя положенія даетъ машина. — солдатамъ беззавѣтная храбрость и талантъ начальниковъ . . . Храбрость въ современныхъ флотахъ чуть не вся отошла въ область того прошлаго, когда военнымъ судамъ надо было сцѣпляться на абордажъ. Какая теперь нужна храбрость, когда за крѣпкой броней быстроходныхъ военныхъ судовъ, когда за толстымъ слоемъ воды съ подводныхъ лодокъ могутъ сражаться не только мужчины, но чуть не дѣти». Покончивъ съ моральнымъ элементомъ, цитируемый авторъ столь-же круто расправляется и съ теоретиками и съ теоріей.

«Находятся» говоритъ онъ («Котлинъ» 6 Октября 1906 г.) «и удивительные морскіе компиляторы, пользующіеся притомъ — благо спроса на науку никогда не было, (авторъ очевидно очень это одобряетъ) — не меньшимъ обаяніемъ, чѣмъ въ старину французы гувернеры нашихъ прабабушекъ, которые съ комическимъ апломбомъ, ради личныхъ цѣлей*) запугиваютъ начальство цѣлымъ арсеналомъ ржавленныхъ и проржавленныхъ выводовъ изъ Саламинскихъ и другихъ допотопныхъ сраженій, которые безъ всякой церемоніи долбятъ публику выписками изъ сочиненій Леера и другихъ, столь-же идущихъ къ морскому дѣлу, какъ рыба землѣ, какъ огню вода».

«Какая забота строевому составу флота и арміи углубляться въ бездну премудрости, когда въ сущности все дѣло обстоитъ значительно проще. Ради чьихъ выгодъ мы сами себя запугиваемъ и замучиваемъ идя по кривой дорогѣ? Развѣ Александръ Невскій, Дмитрій Донской, Петръ Великій, Суворовъ и другіе выдержали-бы экзамены даже въ Юнкерское Училище, а не только въ академію генеральнаго штаба, однако они оставили послѣ себя безсмертные образцы своего искусства».

И вѣдь заглавіе статьи въ которой проводятся такія идеи — «Нѣкоторые выводы изъ Шантунгскаго и Цусимскаго сраженій».

Именно теорія дѣлаетъ безсмертными образцы военнаго искусства прошлаго.

И авторъ какъ-бы нарочно — на самомъ дѣлѣ онъ совершенно искрененъ — не хочетъ понять, что въ томъ и заключается заслуга и необходимость теоріи, что именно она сохраняетъ для потомства и распространяетъ среди личнаго состава эти безсмертные образцы искусства, *именно она ихъ дѣлаетъ безсмертными*, давая возможность неизмѣнной сущности этихъ образцовъ возрождаться во всѣхъ послѣдующихъ

*) Тутъ цитируемый авторъ сходится съ вышецитированнымъ — контръ-адмираломъ Валицкимъ, который тоже представляетъ себѣ науку „морскую тактику“, только въ видѣ безполезныхъ упражненій учителей для надобностей морскихъ училищъ, изъ стѣнъ которыхъ она не выходила (см. стр. 57).

поколѣніяхъ, давая возможность этимъ поколѣніямъ воспитываться въ этой сущности, очищая эту сущность отъ налета обстановки прежняго времени, чтобы можно было ее приложить къ любому времени и любой обстановкѣ. Именно теорія, найдя эту сущность въ образцахъ искусства Петра Великаго и Суворова, и находя ту-же сущность и въ образцахъ искусства Ѳемистокла и Нельсона, даетъ этой сущности силу безсмертнаго закона, не зависящаго ни отъ времени, ни отъ обстановки. И вотъ такіе-то выводы авторъ и называетъ проржавленными и столько-же идущими къ морскому дѣлу, какъ огню вода, и такое глубокое презрѣніе къ работѣ и значенію теоріи, такое явное непониманіе этого значенія — не вызываютъ никакого отпора въ морскомъ сословіи.

Это не должно обозначать, что въ морскомъ сословіи не было въ это время людей думающихъ иначе. Послѣ войны среди молодыхъ офицеровъ выдвинулись цѣлыя группы ставшія совершенно на другую почву, но все таки значитъ и ихъ ухо недостаточно сильно рѣзали утвержденія подобныя вышеприведеннымъ, значитъ они не считали ихъ достаточно характерными, если они нашли возможнымъ пройти ихъ молчаніемъ. Такое равнодушіе тоже характерно для состоянія идей морского сословія.

Мнѣнія военныхъ писателей объ „отрицателяхъ военной науки“.

Конечно типъ «отрицателя науки» имѣется не только у насъ, а вездѣ, и мы привели только конкретные примѣры изъ мнѣній высказанныхъ и какъ-бы молчаливо поддержанныхъ въ русскомъ морскомъ сословіи только потому, что они намъ лучше извѣстны. Напр. Мегенъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ*) говоритъ, что онъ пришелъ къ заключенію, что явленія морской войны управляются тѣми-же основными принципами военнаго искусства, которые примѣняются и въ войнѣ сухопутной, хотя и отмѣчаетъ, что «развитіе военнаго искусства на морѣ шло медленнѣе и въ настоящее время (1892) г.) подвинуто менѣе чѣмъ искусство войны на

*) Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію стр. VI—VII.

сушѣ». Мегенъ объясняетъ это существованіемъ въ средѣ моряковъ значительнаго числа лицъ, съ пренебреженіемъ относящихся къ изученію прошлаго и преподаннаго имъ опыта, какъ «не приложимаго къ дѣлу», т. е. категоріи лицъ, отрицающихъ практическое значеніе и даже возможность существованія общихъ идей и усматривающихъ въ каждомъ новомъ историческомъ фактѣ явленіе, не имѣющее ничего общаго съ историческимъ прошлымъ.

Отмѣчая это указаніе Мегена, профессоръ стратегіи Н. П. Михневичъ говоритъ*): «это повтореніе той-же исторіи, что и въ наукѣ о сухопутной войнѣ: и тамъ существуетъ та-же категорія отрицателей, про которыхъ къ сожалѣнію можно сказать, что они за деревьями лѣса не видятъ».

Что наука плохо проникаетъ и въ армію, хотя послѣдняя по постановкѣ тамъ военного образованія должна была-бы быть болѣе къ этому подготовлена чѣмъ флотъ, который долгое время совсѣмъ былъ лишенъ военнаго образованія, отмѣчаетъ и профессоръ тактики Б. М. Колюбакинъ въ своей статьѣ «Къ реформѣ тактической подготовки арміи». Онъ видитъ причину этого въ оторванности науки отъ арміи, т. е. въ томъ, что наука является у насъ достояніемъ лишь спеціальной литературы, а жизненнаго примѣненія ея въ арміи, въ системѣ ея обученія для боя, мы, къ сожалѣнію, какъ не встрѣчали до войны, такъ не видимъ этого и послѣ.

Въ заключеніе приведемъ мнѣніе Г. А. Леера**), что «стремленіе къ научнымъ обобщеніямъ, къ раскрытію законовъ, лежащихъ въ основѣ явленій, присуще только высшему умственному развитію какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и массъ; слѣдовательно оно встрѣчается только у высоко-культурныхъ людей и обществъ. У обществъ-же низко-культурныхъ, у дикарей, этой потребности не только не существуетъ, но у нихъ даже нѣтъ словъ для выраженія хотя-бы *родовыхъ понятій*. (Въ языкѣ чоктаусовъ есть названіе черпаго, бѣлаго

*) Морской Сборникъ за 1899 г. № 7, библ. стр. 2—3.
**) „Методъ военныхъ наукъ“ стр. 53.

и краснаго дуба, но нѣтъ названія для обозначенія дуба вообще и тѣмъ менѣе дерева). Отрицаніе принциповъ (теоріи, науки), такимъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, хотя и становится понятнымъ, но тѣмъ не менѣе остается явленіемъ все-таки крайне прискорбнымъ. *Отсутствіе идейности* является весьма *нелестной* рекомендаціей для общества».

Типъ отрицателя науки — вѣченъ.

Всѣ приведенные примѣры доказываютъ высказанное выше положеніе (стр. 56), что отрицатели теоріи будутъ всегда, и никакой опытъ, даже участіе въ войнѣ — этихъ отрицателей просвѣтить не можетъ. Притомъ мы видѣли, что всѣ эти отрицанія совершенно голословны и таятъ въ себѣ въ той или иной формѣ — просто невѣжество. Поэтому приходится ограничиться лишь констатированіемъ факта такого отрицанія, но считаться съ нимъ при оцѣнкѣ значенія теоріи нельзя. Считаться съ этимъ фактомъ надо лишь только въ томъ отношеніи, что разъ онъ существуетъ и разъ онъ имѣетъ гораздо большее распространеніе, чѣмъ это принято обыкновенно думать, то надо самымъ обстоятельнымъ образомъ разобрать вопросъ о значеніи теоріи въ военномъ дѣлѣ и объ отношеніи ея къ опыту. Это и вызываетъ столь обширный размѣръ настоящей главы.

Драгомировъ объ опытѣ и теоріи.

Самая вредная тенденція, съ которой необходимо энергично бороться — это отдѣленіе теоріи отъ опыта — ихъ противупоставленіе другъ другу. Когда задали генералу Драгомирову вопросъ — что важнѣе — теорія, или боевой опытъ, то онъ высмѣялъ такой вопросъ. Точно опытъ и теорія, говоритъ онъ — отдѣльныя вещи? Вѣдь опытъ — это переживанія событія. Но много пережившій — это еще не значитъ опытный*). Необходимо извѣстное отношеніе къ факту — и именно такое, которое обезпечивало-бы цѣлесообразную дѣятельность въ будущемъ. А для этого надо умѣть отнестись къ переживаемому критически, а это возможно лишь при извѣстномъ развитіи, а таковое даетъ именно теорія.

---

*) Точно также, какъ и много плававшій — это еще не значитъ морякъ, и всегда надо помнить выраженіе адмирала Лазарева о „чемоданѣ“.

Отношеніе теоріи къ творчеству. Теорія облегчаетъ воспріятіе, сравненіе и умозаключеніе — и только такимъ путемъ пережитое обращается въ капиталъ.

Цѣнность опыта зависитъ именно отъ теоретической къ нему подготовки, а теорія всецѣло обусловливается опытомъ, такъ какъ теорія — это не болѣе какъ собранный въ выводы пережитой опытъ.

А отсюда ясно, насколько теорія и опытъ крѣпко между собою связаны, и значитъ насколько лишенъ здраваго смысла вопросъ — что важнѣе теорія или боевой опытъ.

Теорія — это компасъ для творчества. Она направляетъ его на путь правильныхъ рѣшеній, не указывая самыхъ рѣшеній, и такимъ образомъ она не сковываетъ творчества, предоставляя ему полную свободу и даетъ ему лишь правильныя отправныя точки.

Чтобы имѣть возможность это дѣлать, теорія занимается изслѣдованіемъ сущности войны какъ явленія, намѣчаетъ законы управляющіе этими явленіями, и исходя изъ нихъ оцѣниваетъ, т. е. указываетъ положительныя и отрицательныя стороны всѣхъ средствъ войны и различныхъ способовъ ихъ примѣненія. Все это она почерпаетъ изъ изученія опыта прошедшаго, и очевидно, чѣмъ шире будетъ захваченъ періодъ этого опыта, чѣмъ будетъ онъ разнообразнѣе по обстановкѣ, тѣмъ выводы теоріи будутъ убѣдительнѣе.

Теорія — это отсутствіе рецептуры. Такимъ образомъ теорія можетъ давать практикѣ указанія и общаго и детальнаго характера, но характеристика этихъ указаній будетъ неизмѣнна — одно лишь направленіе творчества на извѣстный путь съ предоставленіемъ полной свободы ему идти по этому пути, указаніе только извѣстныхъ отправныхъ точекъ — полное отсутствіе такъ называемой рецептуры.

Едва-ли надо пояснять пользу для практики указаній законовъ управляющихъ военными явленіями — это, повторяю, для творчества, которое можетъ быть направлено въ любую сторону, то-же самое, что компасъ для мореплавателя. Не столь ясно, какія детальныя указанія можетъ давать теорія практикѣ и въ чемъ польза такихъ указаній.

Для поясненія этого посмотримъ — какую пользу напр. могутъ принести въ такомъ практическомъ дѣлѣ, какъ морская тактика различныя теоретическія разсужденія, основанныя на чисто геометрическихъ соображеніяхъ*).

Значеніе теоріи въ морской тактикѣ.

Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что различныя геометрическія соображенія въ гораздо большой степени приложимы къ морской тактикѣ, нежели въ сухопутной. Такъ какъ море представляетъ изъ себя ровную поверхность, то корабли обыкновенно могутъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, избирать любой путь, чтобы перейти съ одного мѣста на другое. Поэтому только на морѣ путь боевой единицы можетъ быть прямой линіей, дугой круга, или какой либо другой кривой, поддающейся изслѣдованію (напр. боевая локсондромія), только на морѣ корабли могутъ располагаться и двигаться въ видѣ геометрическихъ фигуръ. Въ управленіе кораблемъ входитъ цѣлый рядъ геометрическихъ соображеній, совершенно неизвѣстныхъ на сухомъ пути: углы, на который положенъ руль, румбы, пеленги, вліяніе теченія, дуги описываемыя носомъ или кормой — все это сплошь и рядомъ или соображается глазомѣромъ, или прокладывается на картѣ.

Поэтому нѣтъ причины, чтобы эти и подобныя имъ геометрическія соображенія не входили, такъ или иначе, въ управленіе кораблемъ въ бою. Но разница состоитъ въ томъ, что въ бою все должно быть рѣшено быстро, чертить что либо на бумагѣ или картѣ будетъ невозможно. А потому является вопросъ — если геометрія даже и даетъ отвѣты на

*) Дальнѣйшія разсужденія взяты мною цѣликомъ изъ моихъ академическихъ лекцій по морской тактикѣ (литографированное изданіе 1897 года, часть 3-я, выпускъ IV) и моей статьи „Дозорная и развѣдочная служба", помѣщенной въ морской справочной книжкѣ В. К. А. М. за 1899, 1901 и 1904 года. Я вынужденъ сдѣлать это указаніе потому, что у нѣкоторыхъ авторовъ я встрѣтилъ дословныя цитаты, иногда цѣлыми страницами, изъ моихъ работъ, причемъ, по недосмотру конечно — безъ указанія источника. Такимъ образомъ, повторяя свои собственныя мысли, я могу быть обвиненъ въ заимствованіи ихъ у другихъ, безъ указанія источника. Къ сожалѣнію такіе случаи бывали, и потому эта замѣтка является для меня непріятной необходимостью.

нѣкоторые вопросы тактики, то какая отъ этого будетъ польза въ бою, гдѣ все-равно заниматься геометрическими соображеніями будетъ невозможно.

На это нужно отвѣтить, что геометрическіе способы рѣшенія тактическихъ вопросовъ совершенно и не предназначаются для боя — тамъ всякій вопросъ будетъ разрѣшаться моментально въ головѣ командира его опытностью и глазомѣромъ, но вотъ въ пріобрѣтеніи этого-то глазомѣра задолго до боя, въ мирное время, геометрическія соображенія могутъ играть чрезвычайно важную роль. Изъ нихъ можно прежде всего, при совершенно спокойномъ состояніи духа, у себя въ каютѣ, составить себѣ общую идею о томъ направленіи, въ которомъ надо дѣйствовать на самомъ дѣлѣ, какихъ положеній слѣдуетъ во чтобы то ни стало избѣгать, какой будетъ кратчайшій путь, который приведетъ къ поставленной себѣ цѣли, затѣмъ — какія цѣли совершенно недостижимы.

Эти первоначальныя соображенія — отправныя точки — повѣренныя нѣсколько разъ на опытѣ въ мирное время, когда имѣется достаточное время, чтобы заняться этимъ на свободѣ, конечно могутъ оказаться въ той или другой своей части неправильными, но зато другія, которыя подтвердятся на опытѣ, вызовутъ дальнѣйшую теоретическую разработку, дальнѣйшіе опыты и т. д. . . Такимъ образомъ такая постановка дѣла заставитъ умъ все время работать въ вѣрномъ направленіи, заставитъ правильно его развиваться, а правильно развитой умъ, вмѣстѣ съ прекраснымъ глазомѣромъ, вынесеннымъ изъ опытовъ, и дадутъ такого командира, который въ пылу боя, сразу, безъ всякаго раздумья, совершенно инстинктивно, всегда остановится на вѣрномъ разрѣшеніи вопроса.

Какъ понимать выраженіе — „теорія направляетъ творчество на путь правильныхъ рѣшеній“.

Вотъ это и значитъ — направлять творчество на путь правильныхъ рѣшеній, предоставляя ему полную свободу въ этихъ рѣшеніяхъ. Въ этомъ и будетъ въ данномъ случаѣ заключаться работа теоріи на пользу опыта, для подготовки его къ окончательной отшлифовкѣ въ бою — къ пріобрѣтенію *сознательнаго боевого опыта — капитала,* какъ его называетъ Драгомировъ.

Значитъ геометрія въ тактикѣ помогаетъ правильному развитію ума, направляя его на вѣрный путь. Напр. въ тотъ періодъ, когда имѣлъ смыслъ таранный бой, самыя простыя геометрическія соображенія указывали сразу, что выгодно расположиться въ извѣстномъ разстояніи въ кильватеръ противнику, и что для занятія выгодной позиціи, идя съ противникомъ контракурсами. слѣдуетъ ему поворачивать подъ корму, не позволяя того-же дѣлать противнику. Также легко разобрать на бумагѣ—какъ распредѣляются выгоды и невыгоды противниковъ, въ зависимости отъ ихъ скоростей и діаметровъ циркуляціи, и къ какимъ положеніямъ имъ надо стремиться при различныхъ комбинаціяхъ и какихъ слѣдуетъ избѣгать.

Примѣръ такой теоретической подготовки и притомъ очень обстоятельной мы имѣемъ у Бутакова—а его едва-ли можно причислить къ теоретикамъ—въ его книгѣ «Новыя основанія Пароходной тактики» вообще и въ частности въ главѣ VII (изд. 1863 г. стр. 181—235), посвященной изслѣдованію тараннаго боя.

Если съ такой подготовкой, потомъ начать практиковаться въ таранномъ боѣ—какъ напр. это дѣлали на особыхъ таранныхъ барказахъ на эскадрѣ адмирала Г. И. Бутакова, то практикующимся уже не приходилось терять времени на то, чтобы наткнуться путемъ продолжительной практики на тѣ исходныя положенія, которыя на бумагѣ получаются въ самое короткое время. Имъ оставалось только повѣрить эти положенія, и затѣмъ практиковать свой глазомѣръ въ использованіи тѣхъ указаній, которыя дала теорія, съ тѣмъ, чтобы ко времени боя и забыть о нихъ. достигнувъ *инстинктивнаго* ихъ примѣненія.

И именно адмиралъ Г. И. Бутаковъ, какъ сдѣлавшій подробный теоретическій разборъ тараннаго боя, былъ способенъ организовать таранныя упражненія и притомъ такъ, что они приносили несомнѣнную пользу участвовавшимъ въ этихъ упражненіяхъ офицерамъ. Иначе прошло-бы очень долгое время, пока таковыя упражненія стали-бы становиться осмы-

сленными, и вѣроятно онѣ-бы и не дошли до этого момента, такъ какъ гораздо раньше потеряли-бы всякій интересъ для личнаго состава.

Просматривая нѣсколько различныхъ тактикъ того періода времени, когда еще допускалось употребленіе въ бою тарана *), видно, что хотя всѣ авторы признаютъ возможность таран-наго боя, но никто изъ нихъ не разобралъ его даже приблизительно съ тою степенью подробности, какъ это сдѣлалъ Г. И. Бутаковъ. Не надо-ли отчасти именно этимъ объяснить тотъ фактъ, что ни въ одномъ флотѣ таранныя упражненія не были поставлены такъ хорошо, какъ на эскадрѣ Г. И. Бутакова. Къ сожалѣнію со смертью талантливаго адмирала окончились и таранныя упражненія въ русскомъ флотѣ и самое сочиненіе его основательно было забыто **).

Другой характерный примѣръ теоретической подготовки путемъ геометрическихъ соображеній практической постановки дѣла—это въ практикѣ дозорной и развѣдочной службы. И опять—первыя такія изслѣдованія и притомъ очень обстоятельныя появились у французскихъ морскихъ писателей, напр., у адмирала Фурнье, котораго также, какъ и Г. И. Бутакова едва-ли кто рѣшится причислить къ «теоретикамъ», и именно во французскомъ флотѣ и главнымъ образомъ въ отрядахъ и эскадрахъ, которыми командовалъ адмиралъ Фурнье, была раньше всего обстоятельно поставлена практика въ дозорной и развѣдочной службѣ. И въ русскомъ флотѣ, хотя и въ минимальныхъ размѣрахъ эта практика, начала пробивать себѣ дорогу лишь тогда, когда въ русскую морскую литературу начали проникать основанія, на которыхъ это дѣло

*) Напр. *„Eléments de tactique navale“ par le Vice-Amiral Penhoat. 1879; „Studien über Seetaktik“ Ferd. Atlmayr 1875* (австр.); *„Betrachtungen über Seetaktik“ 1892* (герм.); *„Elementary naval tactics“ by commander Bainbride-Hoff 1894* и др. . . .

**) О бывшихъ когда то таранныхъ упражненіяхъ напоминаютъ только „таранные“ барказы, существующіе при артиллерійскомъ отрядѣ въ Ревелѣ. Именно на нихъ и упражнялись Бутаковскіе командиры. Названіе ихъ сохранилось.

было поставлено во Франціи. Къ сожалѣнію эти попытки были столь единичны и разбросаны, и настолько мало успѣли проникнуть въ толщу флота ко времени войны съ Японіей, что во время этой войны, какъ дозорная, такъ и развѣдочная службы оказались на самомъ низкомъ уровнѣ, что также прибавило свою долю къ причинамъ нашихъ неудачъ.

Дѣйствительно теоретическая подготовка практики именно въ дозорной и развѣдочной службѣ можетъ принести особенно ощутительную пользу, такъ какъ здѣсь практика въ мирное время можетъ наиболѣе близко подходить къ дѣйствительности, а потому и явится наиболѣе плодотворной: въ самомъ дѣлѣ — вѣдь бой для дозорныхъ и развѣдочныхъ судовъ является исключеніемъ, и для рѣшенія всевозможныхъ задачъ относящихся къ этимъ службамъ, требуется лишь обозначить противника.

Опять повторяемъ, не надо думать, что командиръ, при рѣшеніи того или другого вопроса, относящагося къ этимъ службамъ, въ особенности имѣя непріятеля въ виду, долженъ прежде всего взяться за различныя математическія выкладки, чтобы совершить тотъ или другой маневръ. Отнюдь нѣтъ. Этого, конечно, онъ дѣлать не будетъ и будетъ совершенно правъ, ибо, занявшись выкладками, онъ можетъ упустить благопріятный моментъ, который уже больше и не представится; здѣсь очевидно, въ большинствѣ случаевъ, все будетъ зависѣть отъ его опытности и глазомѣра,

Но вотъ эти-то столь драгоцѣнные опытность и глазомѣръ не сваливаются съ неба — съ полученіемъ званія командира корабля. Для пріобрѣтенія этихъ качествъ нужна долгая практика, хотя бы и въ мирное время, и практика эта должна быть организована такъ, чтобы опытность и глазомѣръ могли быть получены въ наикратчайшій промежутокъ времени, чтобы устранить безполезные опыты, отнимающіе столько времени и приводящіе лишь къ сознанію сдѣланной ошибки. Однимъ словомъ, надо организовать правильную систему подготовки къ боевой дѣятельности, ведущую къ истинѣ прямымъ путемъ, а не окольной дорогой всякихъ попытокъ,

не имѣющихъ подъ собой никакой почвы. Вотъ здѣсь-то и принесутъ громадную пользу различныя, чисто теоретическія соображенія. Онѣ даютъ возможность сначала разобрать различныя комбинаціи того и другого вопроса на бумагѣ, выяснить — которыя изъ нихъ выгоднѣе и какъ нужно поступать, чтобы поставить себя въ эти наивыгоднѣйшія условія. Этотъ разборъ и будетъ исходной точкой для практическихъ упражненій, послѣ которыхъ оказавшееся не пригоднымъ на практикѣ можетъ быть отброшено, и вмѣстѣ съ тѣмъ практика можетъ возбудить новые вопросы, которые опять, раньше чѣмъ испытывать, надо разобрать на бумагѣ, чтобы не дѣлать безполезныхъ опытовъ. Только такой совмѣстной работой теоріи съ практикой, все время повѣряющихъ другъ друга, можетъ создаться у командировъ и глазомѣръ и опытность, которые много помогутъ имъ въ боевой обстановкѣ. Практиковаться-же, не разобравъ вопроса въ теоріи — это значило бы бродить въ темнотѣ и надѣяться набрести на истину ощупью.

Теорія помогаетъ созданію глазомѣра.

Итакъ теорія ничего не *рѣшаетъ* — она только *объясняетъ*. «Ея назначеніе», какъ выразился Наполеонъ*) — «дать только *общія идеи*, образующія умъ». Рѣшаетъ практика, но разумно можетъ она это дѣлать только руководствуясь *объясненіями* теоріи.

На почвѣ практики въ такихъ разумныхъ рѣшеніяхъ создается *сознательный опытъ*. Совмѣстная работа теоріи и опыта, постоянно другъ изъ друга вытекающихъ, даетъ *науку*. Безъ теоріи нѣтъ совсѣмъ науки, а безъ практики нѣтъ движенія науки впередъ, такъ какъ теорія только резюмируетъ въ систематическомъ сводѣ и въ разумномъ ихъ истолкованіи результаты прежняго опыта.

Лееръ объ отношеніи между теоріей и практикой.

Вотъ какъ опредѣляетъ Г. А. Лееръ**) отношеніе между теоріей и практикой. «*Наука, будучи силой регулирующею* творчество, въ тоже время является и *силой примиряющею* всякаго рода противорѣчія, а прежде всего — столь часто указываемое *противорѣчіе между теоріей и практикой*».

*) „Методъ военныхъ наукъ“, стр. 47.
**) „Методъ военныхъ наукъ“, стр. 60.

«Къ этому *примиренію ихъ* изученіе каждой науки и должно окончательно приводить. Тотъ-же (а многіе и находятся именно въ этомъ положеніи), кто противупоставляетъ теорію практикѣ (или обратно),—что конечно односторонне, а слѣдовательно и ложно—тотъ до этой *примиряющей силы,* которая заключается въ основательномъ усвоеніи той или другой науки, не доросъ».

«Для него *идеалы* науки становятся въ разрѣзъ съ *фактами* обыденной жизни. Для того-же, кто въ этихъ *идеалахъ* видитъ *руководящіе принципы для практики, направляющіе послѣднюю на путь здравыхъ рѣшеній того или другого вопроса, и безъ этой регулирующей силы не можетъ себѣ представить никакой раціональной практической дѣятельности,*— для того подобнаго противорѣчія не существуетъ, теорія и практика не становятся на дыбы одна на другую и не претендуютъ, каждая сама по себѣ, на независимое, самостоятельное существованіе; онъ очень хорошо понимаетъ, что обѣ онѣ составляютъ лишь нераздѣльныя части извѣстнаго цѣлаго, отъ дружнаго содѣйствія, отъ гармоническаго сочетанія между которыми ближе всего и зависитъ судьба этого цѣлаго».

1) Подн. сил и уним. след. спор.
2) Взаимн. поддерж.
3) Доверие к силам
4) Внезапн.
5) Экстр. усилия.

ГЛАВА III.

Принципы, правила и нормы.

„Вліяніе боя выражается главнымъ образомъ не въ убіеніи непріятельскихъ войскъ, а въ убіеніи ихъ духа“ Клаузевицъ. (По методу военныхъ наукъ Леера).

„О нравственная сила, ты — царица армій“. Маршалъ Бюжо.

(Опытъ военной психологіи Компсано, стр. VIII, изъ письма генерала Канонжа).

„Нравственная сила ставилась на первое мѣсто всѣми геніальными военными людьми, оставившими по себѣ кровавый слѣдъ въ исторіи“.

Генералъ Канонжъ.

(Тамъ-же).

Мы опредѣлили (стр. 45) теорію—какъ ту часть науки, которая выясняетъ закономѣрность или неизмѣнный порядокъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ предметъ изученія этой науки.

Значитъ первое, что должна сдѣлать теорія науки—это найти, выяснить и формулировать тѣ основанія, которыя даютъ право заключить о закономѣрности въ извѣстной области явленій.

Каждая наука строится на фундаментѣ такихъ основаній, которыя, въ зависимости отъ характера и объекта науки, и отъ степени ея совершенства, называются или аксіомами, или гипотезами, или законами. Въ дѣйствительности въ различныхъ наукахъ часто названія даваемыя вышеупомянутымъ основаніямъ являются далеко не точными—сплошь и рядомъ

напр. называютъ закономъ то, что представляетъ изъ себя не болѣе какъ болѣе или менѣе вѣроятную гипотезу, и именно благодаря этому, въ естественныхъ наукахъ, а тѣмъ болѣе въ соціальныхъ,—нерѣдко случается, что съ развитіемъ и усовершенствованіемъ науки тотъ или другой, такъ называемый, «законъ» оказывается несостоятельнымъ и замѣняется новымъ, который ничѣмъ не застрахованъ отъ того, что и его постигнетъ такая-же участь. Даже въ математикѣ, напр. нѣкоторыя аксіомы не являются таковыми въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. такими истинами,—которыя очевидны непосредственно, внѣ характера нашего представленія объ объектѣ аксіомы. Въ этомъ смыслѣ напр. положеніе, что каждая величина равна самой себѣ—аксіома въ точномъ значеніи этого слова, а напр. положеніе, что кратчайшее разстояніе между двумя точками—прямая ихъ соединяющая—это аксіома, вытекающая изъ характера нашего представленія о прямой линіи.

Что такое законъ.

Законъ, въ смыслѣ научномъ, по опредѣленію профессора В. Нечаева *)—это постоянное, опредѣленное и *неизмѣнное* соотношеніе между явленіями природы и явленіями человѣческой, какъ индивидуальной, такъ и общественной жизни, существующее, благодаря постоянному и неизмѣнному соотношенію силъ и факторовъ, производящихъ эти явленія.

Подъ такое опредѣленіе едва-ли подойдетъ хотя-бы одинъ изъ существующихъ законовъ, ужъ хотя-бы потому, что соотношеніе между извѣстными явленіями мы можемъ наблюдать и слѣдовательно знать, и въ извѣстныхъ предѣлахъ можемъ знать о неизмѣнности этого соотношенія—путемъ постоянной провѣрки,—но сущности тѣхъ силъ и факторовъ, которые производятъ явленіе мы часто не знаемъ, а значитъ и не можемъ утверждать, что мы знаемъ *всѣ* эти факторы и силы, и не можемъ знать о предѣлахъ постоянства ихъ соотношеній.

Даже напр. такой законъ какъ законъ всеобщаго тяготѣнія, съ отвлеченной точки зрѣнія, не имѣющей однако пока

*) Энциклп. Сл. Брокг. и Ефр. Томъ XII стр. 177.

никакой опоры въ опытѣ, быть можетъ тоже подлежитъ отклоненіямъ *).

Періодическій законъ элементовъ Менделѣева уже колеблется подъ вліяніемъ новѣйшихъ открытій въ химіи, и именно изъ за того, что при установленіи этого закона были замѣчены соотношенія между простыми тѣлами, но сущность этихъ простыхъ тѣлъ не была точно извѣстна, напр. возможность перехода одного простого тѣла въ другое.

Точно также опытъ напр. показываетъ, что газы не слѣдуютъ такъ называемому «закону» Бойля-Маріотта, ни при очень сильныхъ давленіяхъ, ни при очень слабыхъ, и кромѣ того характеръ отступленій неодинаковъ для различныхъ газовъ.

Тѣмъ болѣе значитъ шатки «законы» соціальныхъ явленій, такъ какъ, помимо трудности проникнуть въ сущность элементовъ производящихъ извѣстное явленіе, самые способы для того, чтобы замѣтить постоянство соотношеній, очень несовершенны и ненадежны.

Самыя совершенныя науки—математическія и не ввели въ свою терминологію слова «законъ», хотя-бы только онѣ одни и имѣли на это право по простотѣ и неоспоримому постоянству соотношеній между извѣстными категоріями величинъ.

По отношенію только къ явленіямъ природы, профессоръ Ѳ. Петрушевскій опредѣляетъ законъ—какъ количественную зависимость одного явленія отъ другого, или нѣсколькихъ другихъ, служащихъ причиною перваго или совмѣстныхъ съ нимъ явленій; также—какъ количественно выраженную взаимную зависимость свойствъ тѣлъ. При томъ признакомъ дѣйствительнаго закона считается простота этихъ количественныхъ отношеній. Если нѣтъ этой простоты, то онъ такія числовыя зависимости между явленіями или свойствами тѣлъ считаетъ заслуживающими только названія правилъ. Напр. за таковое онъ считаетъ численную зависимость между темпе-

*) Тамъ-же. Стр. 182. Статья профессора Ѳ. Петрушевскаго.

ратурой и упругостью пара въ закрытомъ сосудѣ, такъ какъ она выражается очень сложною въ математическомъ отношеніи формулою. Если-же отношенія между величинами, характеризующими явленіе, не могутъ быть измѣрены, и законъ выражаетъ только характеръ или качество явленій, то такой законъ считается неполнымъ и носитъ названіе *качественнаго* закона въ отличіе отъ закона *количественнаго*. Въ наукѣ обыкновенно первые являются предшественниками вторыхъ. На самомъ дѣлѣ огромное большинство такъ называемыхъ «законовъ» — не болѣе какъ *гипотезы*, т. е. предположенія требующія подверждения наблюденіемъ, которыя существуютъ только до тѣхъ поръ, пока какой нибудь одинъ тщательно наблюденный фактъ имъ противорѣчащій ихъ не опрокинетъ и они не замѣняются другими.

Что такое гипотеза.

Достоинство гипотезы*), оцѣнивается не только степенью согласія выведенныхъ изъ нея объясненій съ наблюденіями, но и степенью согласія самыхъ основаній гипотезы съ современнымъ ей міровоззрѣніемъ. Неограниченіе выбора гипотезы такими условіями дало-бы возможность подобрать самыя невѣроятныя основы для математическаго вывода результатовъ, совершенно согласныхъ съ наблюдаемыми явленіями. А это согласіе, вмѣстѣ со стройностью математическихъ выводовъ, часто подкупаетъ ученаго и заставляетъ его забывать непрочность самыхъ основаній выводовъ; между тѣмъ эти выводы отчасти и держатся только на этихъ зыбкихъ основаніяхъ и падаютъ вмѣстѣ съ ними. По пока это случится, задержано будетъ развитіе истиннаго объясненія явленія, особенно если творцомъ ложной гипотезы является первоклассный авторитетъ. Такова, напр., была покинутая теперь гипотеза Ньютона, объяснявшая явленія свѣта истеченіемъ изъ свѣтящагося тѣла особой свѣтовой матеріи. Наоборотъ — постоянное подтвержденіе гипотезы наблюденіемъ увеличиваетъ вѣроятность правильности ея постановки, въ особенности если гипотеза даетъ возможность предсказывать еще ненаблюденныя явленія.

*) Энцкл, Слов. Брокг. и Ефр. Т. VIII А. стр. 735. статья профессора Фанъ-деръ-Флита.

Тогда гипотеза возводится на степень теорiи даннаго ряда явленiй. Такова гипотеза того-же Ньютона о всемiрномъ тяготѣнiи: постоянное согласiе результатовъ вычисленiя съ наблюдаемыми движенiями небесныхъ тѣлъ, предсказанное заранѣе открытiе планеты Нептунъ подтвердило гипотезу Ньютона и возвело ее на степень теорiи движенiя небесныхъ тѣлъ.

Обратиться въ теорiю соотвѣтственныхъ явленiй, подтвержденную наблюденiями, могутъ лишь тѣ гипотезы или части гипотезы, которыя вѣрно выражаютъ способъ или законъ дѣйствiя причинъ, количественное отношенiе между этими дѣйствiями и этимъ самымъ даютъ основанiе для новыхъ выводовъ объясненiй и предсказанiй явленiй. Тѣ-же гипотезы, или части ихъ, которыя касаются сущности причинъ явленiй, *недоступной наблюденiю,* не могутъ разсчитывать на долговѣчность; онѣ необходимо должны или потерять свое значенiе, или видоизмѣниться вмѣстѣ съ измѣненiемъ воззрѣнiй на сущность явленiй, съ развитiемъ познанiй природы. Примѣръ тому — та же теорiя всемiрнаго тяготѣнiя. Сила тяготѣнiя по существу совершенно намъ непонятна; но гипотеза Ньютона о *проявленiи* дѣйствiя этой силы выражаетъ дѣйствительный ходъ явленiй. А это-то и важно: мы наблюдаемъ не силы между небесными тѣлами, а ускоренiе движенiя тѣлъ, а эти ускоренiя именно таковы, какъ будто-бы между тѣлами существовало взаимное тяготѣнiе по гипотезѣ Ньютона. Точно также, напр. гипотеза волнообразнаго движенiя свѣтоваго эфира вѣрна и согласна съ наблюденiями, пока она объясняетъ свѣтовыя явленiя перiодическими движенiями или измѣненiями въ нѣкоторой упругой средѣ — эфирѣ. Наблюдаемыя свѣтовыя явленiя позволяютъ дѣлать нѣкоторыя общiя заключенiя о свойствахъ этой сферы; но лишь только мы коснемся вопроса о сущности эфира, такъ тотчасъ теряемъ прочную почву подъ ногами. Сущность вещества остается намъ недоступной.

Изъ этого явствуетъ сколь опасно прибѣгать къ гипотезамъ въ соцiальныхъ наукахъ.

Въ нихъ очень трудно создать гипотезу, которая выражала-бы законъ дѣйствiя причинъ и давала-бы количественное

соотношеніе между этими дѣйствіями. Слишкомъ для этого сложна и пестра любая область соціальныхъ явленій, слишкомъ много одновременно дѣйствующихъ причинъ, и слишкомъ трудно поддаются ихъ дѣйствія какимъ-либо количественнымъ подсчетамъ. Здѣсь гипотезы скорѣе сбиваются на попытки объясненія сущности явленій, и въ результатѣ — полная разноголосица, такъ какъ взгляды на сущность, которая собственно не наблюдается, а чувствуется — чрезвычайно субъективны.

Въ области соціальныхъ наукъ не существуетъ законовъ и очень опасно прибѣгать къ гипотезамъ.

Самыми цѣнными основаніями для науки являются аксіомы, т. е. положенія, истинность которыхъ представляется очевидной нашему уму, по самому смыслу и значенію словъ его составляющихъ, положенія очевидныя непосредственно безъ всякаго вывода ихъ изъ какихъ либо другихъ. Онѣ неоспоримы, и значитъ неизмѣнны, а потому и выводы изъ нихъ не подвержены колебаніямъ. Критическая философія *) утверждаетъ, что аксіомы — какъ непосредственныя, наглядныя очевидности, существуютъ только въ математикѣ; философскія-же аксіомы это — положенія, очевидность которыхъ обусловливается характеромъ нашего представленія.

Что такое аксіома.

Можно-ли себѣ представить аксіомы въ соціальныхъ наукахъ? Намъ представляется, что по стольку, по скольку эти науки основываются на свойствахъ отдѣльнаго человѣка — нѣчто близкое къ аксіомамъ можетъ въ нихъ имѣть мѣсто. Конечно аксіомы не такого характера, какъ напр. аксіома — каждая величина равна самой себѣ — это непосредственная истинность, внѣ зависимости отъ того, что собственно мы подразумѣваемъ подъ величиной, но, напр., подобныя аксіомѣ — кратчайшее разстояніе между двумя точками — прямая линія ихъ соединяющая, которая собственно обусловливается нашимъ представленіемъ о прямой линіи.

Существуютъ-ли аксіомы въ соціальныхъ наукахъ?

Развѣ не столь-же очевидны и неоспоримы, напр., положенія, что два человѣка вмѣстѣ обладаютъ большей силой, чѣмъ каждый изъ нихъ, или чѣмъ человѣкъ по силѣ равный

*) Энцкл. слов. Брокгз. и Эфр. Томъ I, стр. 307.

одному изъ нихъ, что при спокойномъ состоянiи духа человѣкъ способенъ дѣйствовать разумнѣе, чѣмъ при неспокойномъ, что человѣкъ инстинктивно противится смерти, что опасность потерять жизнь нарушаетъ спокойное состоянiе духа и т. п.

Всѣ эти положенiя вытекаютъ изъ самонаблюденiя, изъ разума, изъ самаго простого представленiя о сущности человѣка,

Это не гипотезы, такъ какъ они сами собой складываются въ умѣ человѣка и собственно не вызываютъ потребности въ какой либо повѣркѣ. Разница между этими положенiями и гипотезами заключается въ томъ, что въ гипотезахъ предполагается какая-то сущность сама по себѣ по своимъ свойствамъ совершенно неизвѣстная и даже недоступная для наблюденiя, какъ напр. существованiе эфира, или силы тяготѣнiя и лишь надѣливъ эту сущность извѣстными свойствами (эфиръ упругостью, силу тяготѣнiя — возможностью дѣйствовать безъ посредства вещества тѣлъ) получается возможность объясненiя явленiй.

Въ приведенныхъ же выше положенiяхъ, и таковыхъ можно подобрать очень много, сущность не придумана, каждый ее и ея свойства въ себѣ чувствуетъ и сознаетъ.

Тѣмъ болѣе къ характеристикѣ свойствъ человѣка не подойдетъ названiе «законовъ», такъ какъ никакихъ количественныхъ отношенiй между этими свойствами вывести нельзя. Значитъ, если и употреблять здѣсь слово законъ, то надо, помнить, что дѣло идетъ только о законѣ, «качественномъ», т. е. собственно совсѣмъ и не о «законѣ».

Поэтому ближе всего опредѣленiя свойствъ отдѣльнаго человѣка подходятъ къ аксiомамъ, хотя безпорно это и не аксiомы.

Что такое принципъ.

Главный элементъ, который составляетъ сущность военныхъ явленiй, который всего сильнѣе влiяетъ на характеръ ихъ проявленiя—это человѣкъ, и главнымъ образомъ его моральныя качества. Поэтому, если это вѣрно, — примемъ это пока какъ гипотезу — всего правильнѣе и надежнѣе за основанiе изученiя военныхъ явленiй, т. е. за основанiе военныхъ наукъ принимать свойства человѣка, и прежде всего — моральныя.

Какъ мы видѣли выше, эти свойства нельзя выразить, ни въ видѣ аксіомъ, хотя именно къ нимъ они очень близки, ни въ видѣ гипотезъ, ни въ видѣ законовъ.

Свойства эти, или вѣрнѣе непосредственныя изъ нихъ слѣдствія, вытекающія изъ примѣненія ихъ къ военнымъ явленіямъ (слѣдствія изъ нихъ въ примѣненіи къ другимъ явленіямъ могутъ быть другія) носятъ въ военной наукѣ названіе *принциповъ*. Вотъ они то и служатъ въ военныхъ наукахъ тѣми основаніями, которыя даютъ право заключить о закономѣрности въ области военныхъ явленій (стр. 78) и выяснить это и составляетъ первую задачу теоріи.

*Принципъ или начало**) — это то, чѣмъ объединяется въ мысли и въ дѣйствительности извѣстная совокупность фактовъ. Идеальныя требованія къ метафизическому принципу сводятся къ тремъ: онъ долженъ обладать наибольшимъ внутреннимъ единствомъ и наибольшею полнотою содержанія, и связь его съ тѣмъ, что изъ него объясняется, должна быть наиболѣе ясною. Помимо такого опредѣленія этотъ терминъ употребляется также и для обозначенія извѣстныхъ особыхъ точекъ зрѣнія на ту или другую сторону мышленія и бытія.

Въ приложеніи къ соціальнымъ наукамъ мы считаемъ лучше опредѣлить *принципы — какъ неизмѣнныя условія* (точки зрѣнія) *ведущія къ достиженію опредѣленной цѣли, для которой существуетъ наука.*

Если напр. цѣль науки — правильное устройство общества, то принципы — это будутъ тѣ точки зрѣнія, которыя неизмѣнно будутъ способствовать такому устройству, внѣ зависимости отъ мѣста, времени и обстоятельствъ. Напр., таковой явится точка зрѣнія или принципъ справедливости, который и ляжетъ въ основаніе науки объ устройствѣ общества.

Что такое принципы въ военныхъ наукахъ.

Военная наука, взятая въ общемъ, только для того и существуетъ, чтобы достигнуть побѣды надъ противникомъ. Поэтому принципы военной науки — это тѣ *неизмѣнныя* условія,

---

*) Энцкл. сл. Брокг. и Эфр. Т. XXV, стр. 238. Статья Соловьева.

которыя ведутъ къ побѣдѣ, и которыя значитъ должны быть положены въ основу всякихъ военныхъ дѣйствій, внѣ зависимости отъ средствъ, мѣста и времени. Если такихъ *неизмѣнныхъ* условій — принциповъ — не существуетъ, то нѣтъ и закономѣрности въ области военныхъ явленій, и значитъ познаніе этихъ явленій не подойдетъ подъ принятое нами опредѣленіе науки (стр. 26).

Принципы военнаго дѣла должны выводиться изъ моральныхъ свойствъ человѣка.

Значитъ, чтобы положить основаніе теоріи военной науки (стр. 78), надо прежде всего сдѣлать попытку намѣтить тѣ принципы, которые могутъ быть выведены изъ моральныхъ свойствъ человѣка (стр. 84—85). А такъ какъ эти моральныя свойства по своей сущности остаются неизмѣнными, то значитъ можно съ достаточнымъ основаніемъ предполагать, что неизмѣнны и тѣ принципы, которые могутъ быть непосредственно выведены изъ этихъ свойствъ.

Основаніемъ для сужденія о слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ моральныхъ свойствъ человѣка, поставленнаго въ обстановку вооруженной борьбы — это его отношеніе къ ежеминутной возможности потерять свою жизнь. Такъ какъ человѣкъ созданъ для жизни, и жизнь для него дороже всего, и онъ инстинктивно противится смерти, то онъ можетъ заставить себя бороться съ этимъ естественнымъ стремленіемъ и идти на смерть только усиліемъ своей воли надъ физической своей природой, которая неизмѣнно противится смерти, въ силу инстинкта самосохраненія.

Способы противодѣйствія инстинкту самосохраненія.

Для проявленія этой воли ему нужно фиксировать свою мысль на такихъ представленіяхъ, которыя были-бы способны отодвинуть представленіе о смерти на задній планъ. Это могутъ быть чувства — патріотизма, чести, самолюбія, мести, злобы, отчаянія, алчности, выгоды, жадности, страха наказанія*) и т. п. . . . Эти различныя чувства могутъ быть очень различны по своему качеству, съ точки зрѣнія морали, но результатъ ихъ тотъ-же самый — такое состояніе духа, которое позволяетъ человѣку выдерживать болѣе или менѣе продолжительное время ожиданіе могу-

*) Фридрихъ Великій считалъ, что солдатъ долженъ больше бояться палки своего капрала, чѣмъ непріятельской пули.

щей придти въ каждый моментъ смерти. Храбрость, степень сознательности дѣйствій въ бою (степень хладнокровія) — все это различныя степени такого состоянія духа, а трусость — это его недостатокъ въ такой степени, что представленіе о смерти превозмогаетъ всѣ вышеперечисленныя и имъ подобныя представленія.

Надежность такого состоянія духа, т. е. его степень и продолжительность конечно будетъ очень различны, въ зависимости отъ того, на какихъ чувствахъ оно базируется. Очевидно чувство патріотизма дастъ несравнено болѣе надежное таковое состояніе, чѣмъ, напр., чувство выгоды или тѣмъ болѣе — чувство страха наказанія за проявленіе трусости. Съ помощью угрозы наказаніемъ можно въ извѣстныхъ случаяхъ человѣка заставить идти въ бой, но надѣяться при этомъ на его доблесть въ бою, на сознательность его дѣйствій — совершенно нельзя, и въ каждый данный моментъ у такого человѣка можетъ превозмочь чувство самосохраненія и онъ дастъ волю трусости. Различныя степени надежности разбираемаго состоянія духа принято обозначать выраженіями — «подъемъ духа», «высокое состояніе духа», «упадокъ духа» и т. п. . . .

Все, что ведетъ къ подъему духа въ бою, то ведетъ и къ побѣдѣ, и должно быть тщательно изслѣдовано и формулировано военной наукой, такъ какъ упадокъ духа — это вѣрное пораженіе. Какую пользу могутъ принести даже превосходное оружіе, и таковое-же умѣнье имъ дѣйствовать, если по какимъ либо причинамъ пропали — охота сражаться или сознательность дѣйствій въ бою.

Такія чувства, какъ патріотизмъ, честь и т. п. . . — развиваются соотвѣтственнымъ воспитаніемъ, гражданскимъ и военнымъ. Цѣль этого воспитанія — вселять въ человѣка высокій гражданскій и военный духъ, и согласно опредѣленію нами принциповъ, въ основу такого воспитанія непремѣнно должны лечь *принципъ патріотизма, принципъ чести* и т. п.. Японцы напр., готовясь къ войнѣ съ Россіей, клали въ основу воспитанія народа между прочимъ и *принципъ ненависти*

къ русскимъ*), и съ точки зрѣнія подъема военнаго духа при борьбѣ съ опредѣленнымъ, задолго намѣченнымъ противникомъ — это вполнѣ разумно (см. стр. 435—437). Нельсонъ говорилъ, что для того, чтобы разбить французовъ надо (конечно помимо многого другого) ихъ ненавидѣть какъ чертей. Ненависть къ поработителямъ даетъ огромный подъемъ духа возстающимъ порабощеннымъ. Впрочемъ въ этомъ случаѣ ненависть входитъ въ составъ чувствъ опредѣляющихъ патріотизмъ.

Всѣ военныя науки работаютъ надъ созданіемъ довѣрія къ своимъ силамъ.

Надъ подготовкой данныхъ для «высокаго состоянія духа» личнаго состава, собственно работаютъ всѣ военныя и военно-техническія науки. Напр. очевидно, что «на подъемъ духа» значительно вліяетъ довѣріе къ своимъ силамъ. И вотъ, напр., стратегія (см, Гл. I, стр. 35—37) создаетъ это довѣріе, указывая наилучшіе способы и средства подготовки и веденія войны, организація — указывая какъ наилучшимъ образомъ распредѣлить работу для этой подготовки и использованія этихъ средствъ, военно-техническія науки, какъ создать лучшіе корабли, пушки, мины и т. п. . . . и какъ наилучшимъ образомъ изучить ихъ технику, тактика направляетъ на наилучшій и кратчайшій путь обученія личнаго состава военному использованію оружія, и указываетъ наилучшія условія и пріемы для успѣшнаго боя.

И чѣмъ правильнѣе и энергичнѣе работа по всѣмъ этимъ отраслямъ, тѣмъ больше проникается личный составъ довѣріемъ къ обстановкѣ войны, къ оружію, къ начальникамъ, къ своимъ товарищамъ и подчиненнымъ — и несомнѣнно духъ такого личнаго состава всегда будетъ стоять очень высоко. Такимъ образомъ *принципъ развитія довѣрія къ своимъ силамъ* долженъ быть положенъ въ основу организаціи всѣхъ отраслей военнаго дѣла.

Принципъ развитія довѣрія къ своимъ силамъ.

Однако всѣ приведенные выше, пока для примѣра, принципы должны служить основами тѣхъ частей отраслей военнаго дѣла и военныхъ наукъ, которыя ставятъ себѣ цѣлью *подготовить* военную силу для войны.

*) Статья г. Азбелева „Къ характеристикѣ японскаго воина“ М. Сб. № 2 за 1909 годъ.

Но мы не затронули тѣхъ частей военныхъ наукъ, которыя относятся къ умѣнью комбинировать и пускать въ дѣло наивыгоднѣйшимъ образомъ данныя силы, имѣщіяся на театрѣ военныхъ дѣйствій, для созданія наилучшей обстановки для сраженій, и въ опредѣленномъ мѣстѣ — для побѣды въ бою.

Цѣль какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одна — сломить волю противника — заставить его упасть духомъ. Въ умѣньѣ это сдѣлать и заключается главнымъ образомъ военный талантъ начальниковъ.

Вотъ и попытаемся теперь намѣтить тѣ *неизмѣнныя* условія — принципы — которыя ведутъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и на мѣстѣ боя къ тому, чтобы поднять духъ у себя и заставить его упасть у противника.

Принципъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой.

Очевидно, что каждая военная сила имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны, которыя проистекаютъ или изъ сущности состава этой силы, — напр. слабая подвижность пѣхоты, отсутствіе брони у минныхъ судовъ, — или отъ упущеній въ организаціи и вооруженіи данной военной силы — напр. недостаточность пѣхоты или миноносцевъ въ ея составѣ, плохое обученіе, значительное количество запасныхъ, устарѣлое вооруженіе, плохой ходъ и т. п.

Такъ какъ эти сильныя и слабыя стороны, въ зависимости отъ того — каковы онѣ — или сознаются всѣмъ личнымъ составомъ, или по крайней мѣрѣ его командным элементомъ, то очевидно чѣмъ лучше, посредствомъ различныхъ мѣропріятій будетъ обезпечена и слабая сторона отъ возможности противнику ее использовать, и чѣмъ искуснѣе будетъ выдвинута возможность пустить въ дѣло противъ врага именно сильную свою сторону, тѣмъ выше будетъ состояніе духа сознающей это части личнаго состава, а значитъ такія условія всегда, внѣ зависимости отъ времени, мѣста и средствъ будутъ способствовать побѣдѣ.

Эти условія выражаются въ *принципѣ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой.*

Напр. если начальникъ, располагая миннымъ флотомъ, пошлетъ его атаковать противника, состоящаго изъ большихъ

судовъ днемъ, то конечно миноносцы выполнятъ приказаніе и пойдутъ, но личный составъ ихъ несомнѣнно въ извѣстной мѣрѣ падетъ духомъ, видя, что его посылаютъ на вѣрную неудачу и на безцѣльное избіеніе. Это вѣроятно поведетъ къ тому, что атака будетъ ведена вяло, и миносноцы отступятъ раньше при такихъ потеряхъ, которыя далеко еще не привели-бы ихъ къ отступленію при болѣе благопріятной для нихъ обстановкѣ.

Напротивъ, непріятель, увидѣвъ такую атаку, воспрянетъ духомъ, такъ какъ ему предоставляется возможность легко истребить миноносцы, которые ему, быть можетъ въ слѣдующую же ночь, надѣлали бы много вреда.

Все это будетъ прямымъ послѣдствіемъ пренебреженія принципомъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой.

Нельзя отрицать конечно, что у начальника могутъ имѣться серьезныя причины, чтобы произвести такую атаку, напр. непріятель входитъ именно днемъ въ такой раіонъ, въ который его, по какимъ либо важнымъ причинамъ, никакъ допустить нельзя, или если упустить этотъ моментъ, то непріятель получитъ значительное подкрѣпленіе и т. п. Но тогда начальникъ долженъ сдѣлать эти соображенія совершенно ясными для личнаго состава миноносцевъ и это будетъ *надежнымъ* средствомъ предупредить то паденіе духа, о которомъ было говорено выше, и атака въ данномъ случаѣ, не смотря на всю ея трудность, будетъ ведена, на сколько это окажется доступнымъ, энергично *).

---

*) Ознакомленіе людей съ предстоящими передвиженіями и маневрированіемъ, т. е. достиженіе того, чтобы каждый воинъ зналъ свой маневръ, является мѣрой противодѣйствія страху. Выясненіе цѣли маневра составляетъ сколачиваніе той логической лѣстницы, по которой идея, приказываемая къ исполненію, доберется до господствующаго положенія. А тогда она и будетъ ослаблять страхъ, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сосредоточеннѣе ожиданіе страданій. Сосредоточеніе идеи перейдетъ на маневръ. Суворовъ не только добивался, чтобы каждый воинъ зналъ свой маневръ, но чтобы онъ также сознавалъ его трудности и возможныя опасности. Зыковъ, „Какъ и чѣмъ управляются люди. Опытъ военной психологіи" стр. 125, 152 и 168.

Сознательность врагъ страха, ютящагося въ области безсознательности (см. стр. 146).

Это совсѣмъ не значитъ, что въ данномъ случаѣ, принципъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой оказался несостоятельнымъ или даже излишнимъ. Совсѣмъ нѣтъ. Это значитъ только, что принципъ этотъ былъ принятъ во вниманіе начальникомъ, и, при невозможности его не преступить, дурныя послѣдствія этого были, на сколько то отъ него зависѣло, уравновѣшены другими способами подъема духа личнаго состава.

Можно даже сказать такъ, что слабая сторона дневной минной атаки — паденіе духа личнаго состава — была въ данномъ случаѣ соотвѣтственными мѣрами изъята или укрыта.

Могло бы случиться такъ, что начальникъ не нашелъ-бы нужнымъ сдѣлать личному составу совершенно яснымъ неизбѣжность атаки, и ограничился бы только какимъ нибудь воодушевляющимъ приказомъ, сигналомъ, или рѣчью. Безспорно это тоже послужило-бы къ поднятію духа, но едва-ли это оказалось-бы столь-же надежно какъ первое средство. Это значило-бы, что начальникъ недостаточно принялъ во вниманіе принципъ подставленія сильной своей стороны и уклоненія слабой. Наконецъ, если-бы онъ просто, безъ всякаго объясненія, послалъ миноносцы въ атаку, то значеніе вышеуказаннаго принципа ему совершенно непонятно, и тутъ-то бы и сказалось все это значеніе, такъ какъ пренебреженіе имъ несомнѣнно содѣйствовало-бы неудачѣ.

Нѣкоторые, пожалуй возразятъ на это, что развѣ недостаточно будетъ въ данномъ случаѣ вліянія дисциплины и чувства долга?

Такъ, многіе поддерживаютъ формулу—воинъ повинуется не разсуждая. Его долгъ подсказываетъ ему, что онъ долженъ повиноваться отданному ему начальникомъ приказанію, и выполнить это приказаніе — въ данномъ случаѣ атаку — до конца съ полнымъ самоотверженіемъ. Все это такъ, но только забываютъ, что это идеалъ, до котораго дѣйствительность не доходитъ. Можно къ этому стремиться, но достигнуть въ полной мѣрѣ — невозможно. Ничѣмъ нельзя вытравить изъ человѣка разсужденія, въ особенности когда на карту ставится

его жизнь. И вотъ и надо умѣть использовать не только его чувство дисциплины и долга, но и способность его разсуждать — его сознательность, иначе эта сознательность можетъ умалить и чувство долга и опрокинуть дисциплину. Не надо слишкомъ натягивать струны — лучше ихъ немного ослабить, но настроить ихъ въ тонъ. Тогда это будетъ полно и наиболѣе надежно, иначе-же — односторонне и разсчетъ можетъ быть легко нарушенъ.

Можно конечно, и то только до извѣстной степени, выбить изъ человѣка и самую способность къ разсужденію, а также имѣются люди съ минимальной дозой такой способности.

Однако едва-ли нужно доказывать, что такіе люди плохой матеріалъ для воина, въ особенности для современнаго.

Значитъ начальнику въ данномъ случаѣ очень важно руководиться принципомъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой. Во всѣхъ случаяхъ сообразованіе съ этимъ принципомъ будетъ вести къ успѣху. Если дневная атака миноносцевъ являлась въ данномъ случаѣ нецѣлесообразной, справка съ принципомъ заставила бы отъ нея воздержаться, а воздержаться отъ шага, ведущаго къ болѣе чѣмъ вѣроятной неудачѣ — тотъ-же успѣхъ. Если эта атака была неизбѣжна, тотъ-же принципъ подсказалъ-бы мѣры для противодѣйствія паденію духа — а это увеличивало бы шансы на успѣхъ.

Тотъ-же самый принципъ привелъ и противника къ рѣшенію двинуться въ раіонъ, защищаемый миноносцами именно днемъ, чтобы не дать имъ возможности при столкновеніи уклонить свою слабую сторону — беззащитность противъ артиллеріи и выставить сильную — невидимость, что имѣло-бы мѣсто ночью.

Этотъ-же самый принципъ подскажетъ, что выгоднѣе употребить въ дѣло миноносцы въ ночь послѣ боя крупныхъ судовъ, когда сильная сторона (артиллерія, прожекторы, сѣти, ходъ, управляемость) таковыхъ судовъ противника значительно умалена, а не въ ночь до боя, когда придется имѣть дѣло съ совершенно неповрежденнымъ противникомъ.

Принципъ не даетъ рецептовъ для дѣйствій. Онъ только помогаетъ разсуждать.

Но это не значитъ, что принципъ даетъ какой-то *рецептъ* пригодный во всѣхъ случаяхъ. Совсѣмъ нѣтъ—онъ какъ и вообще теорія, лишь направляетъ творчество на путь правильныхъ рѣшеній, но отнюдь этихъ рѣшеній не указываетъ, предоставляя творчеству придти къ таковымъ рѣшеніямъ, принявъ во вниманіе обстановку.

Напр. и въ разбираемомъ вопросѣ о цѣлесообразности минной атаки до или послѣ боя главныхъ силъ между собою, сейчасъ-же можно указать на случай. когда можетъ быть принято обратное рѣшеніе, между тѣмъ подсказанное тѣмъ-же принципомъ подставленія своей сильной стороны и уклоненія слабой.

Представимъ себѣ два флота, изъ которыхъ одинъ, уступая другому въ силѣ эскадренныхъ броненосцевъ, имѣетъ очень много минныхъ судовъ. Тогда именно это значительное количество минныхъ судовъ его сильная сторона, а недостатокъ въ линейныхъ корабляхъ—слабая. Не имѣя тогда надежды побѣдить въ эскадренномъ бою безъ того, чтобы противникъ такъ или иначе былъ ослабленъ, можетъ оказаться выгоднымъ использовать свою сильную сторону—количество миноносцевъ—и пустить ихъ въ дѣло до боя.

Выводъ изъ строя у противника нѣсколькихъ судовъ значительно-бы способствовалъ нодъему духа въ послѣдующемъ эскадренномъ бою, а сознаніе важности выполненія такой задачи послужило-бы къ подъему духа личнаго состава миноносцевъ и повело-бы къ энергичной и рѣшительной атакѣ.

И подобныхъ рѣшеній. въ зависимости отъ обстановки, можно привести очень много.

Напр., сильная сторона приближавшейся 26 января 1904 года къ Портъ-Артуру японской эскадры состояла между прочимъ и въ томъ. что она рѣшила начать военныя дѣйствія *до* объявленія войны и знала точно слабыя стороны русской эскадры—ея неготовность и диспозицію ея на внѣшнемъ рейдѣ.

При такихъ условіяхъ цѣлесообразность минной атаки японцевъ *до* эскадреннаго боя неоспорима.

Русскіе—напротивъ, зная прекрасно, что слабая ихъ сторона—неготовность, вмѣсто того, чтобы прикрыть ее и остаться на внутреннемъ рейдѣ, вышли на внѣшній рейдъ и грузили на немъ ночью уголь, и не приняли достаточныхъ мѣръ противъ внезапнаго нападенія, хотя должны-бы были его ожидать, такъ какъ могли-бы вспомнить, что японцы всего десять лѣтъ тому назадъ произвели цѣлый рядъ нападеній на китайцевъ на сушѣ и на морѣ безъ объявленія войны.

Итакъ принципъ—это не рецептъ. Это лишь основаніе для разсужденія. Онъ не даетъ готовыхъ рѣшеній, а лишь помогаетъ разсуждать.

Развивая разсмотрѣнный принципъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой, очевидно, что онъ получаетъ особую силу, если его примѣнять какъ *принципъ дѣйствія своей сильной стороной по слабой сторонѣ противника.*

Принципы надо формулировать какъ можно шире.

Однако остановиться именно на такой формулировкѣ разсмотрѣннаго принципа было-бы неправильно. Эта формула—частный случай общей формулы, ея слѣдствіе, между тѣмъ какъ обратное положеніе не имѣетъ мѣста. Очевидно, что выгоднѣе всего конечно дѣйствовать своей сильной стороной по слабой сторонѣ противника, но это будетъ лишь частный случай, такъ какъ надо предполагать, что и противникъ будетъ стремиться подставить именно свою сильную сторону. Стремясь-же непремѣнно соединить то, что иногда несоединимо, можно иногда придти къ недостаточному использованію своей сильной стороны, чего собственно слѣдуетъ избѣгать. Такая узкая формулировка принципа можетъ привести къ вопросу—а какое-же указаніе даетъ принципъ, если слабая сторона противника недоступна? И придется отвѣтить—никакого. И только потому, что неправильной формулировкой отграничена область частностей, вмѣсто того, чтобы охватить цѣлое.

Притомъ нужно сказать, что, прилагая общій принципъ, частное его слѣдствіе, о которомъ идетъ рѣчь, во многихъ случаяхъ осуществляется само собою, если только это возможно, а если это не такъ, то иногда было-бы и неразумно этого добиваться. Напр. пусть сильная наша сторона лежитъ

въ лучшемъ обученіи стрѣльбѣ, а слабая сторона—въ числѣ орудій на кораблѣ, или на эскадрѣ—въ числѣ кораблей. Желая использовать нашу сильную сторону и прикрыть слабую, мы постараемся вести бой на большой дистанціи. На такой дистанціи очень сильно скажется разница въ искусствѣ стрѣльбы, и не смотря на меньшее количество у насъ орудій, мы можемъ даже имѣть преимущество въ числѣ попаданій; представляя изъ за меньшей по количеству артиллерійской силы и меньшую цѣль, мы еще болѣе затрудняемъ стрѣльбу противнику, значитъ выставляемъ и другую свою сильную сторону—малую цѣль, и пользуемся его слабой стороной—величиной цѣли, которая и на большомъ разстояніи еще достаточно велика, въ особенности для нашего, хорошо обученнаго стрѣльбѣ, личнаго состава. Такимъ образомъ мы противупоставляемъ наши сильныя стороны слабымъ сторонамъ противника. Сдѣлать мы это можемъ лишь при наличіи преимущества въ скорости, и значитъ мы тогда выдвигаемъ еще третью нашу сильную сторону—преимущество въ скорости опять противъ слабой стороны противника—недостатка въ скорости.

А теперь возьмемъ другой примѣръ. Пусть наша сильная сторона въ преимуществѣ въ числѣ миноносцевъ, а слабая—въ меньшемъ числѣ броненосцевъ, чѣмъ у противника. Значитъ сильная его сторона—броненосцы, слабая—миноносцы. Съ его стороны совершенно правильно будетъ добиваться эскадреннаго боя, чтобы выставить свою сильную сторону противъ нашей слабой, и также правильно будетъ съ нашей стороны стремиться къ миннымъ атакамъ, но очевидно это выставленіе нашей сильной стороны будетъ направлено не противъ слабой стороны противника (миноносцевъ), а именно противъ сильной (броненосцевъ), чтобы ее ослабить.

И такихъ примѣровъ можно подобрать много.

Такимъ образомъ принципъ тѣмъ болѣе подходитъ подъ принятое нами для него опредѣленіе (стр. 85)—*неизмѣнности*, чѣмъ онъ болѣе обще или шире выраженъ, чѣмъ больше частностей въ него входитъ само собой. А значитъ принципы надо формулировать очень осторожно.

Въ этомъ отношеніи есть основаніе считать принципъ подставленія сильной стороны и уклоненія слабой какъ-бы главнымъ и основнымъ для направленія дѣятельности военной силы на театрѣ военныхъ дѣйствій и на мѣстѣ боя*). Онъ-же долженъ побудить и къ самому тщательному изученію какъ своихъ такъ и непріятельскихъ средствъ веденія войны и боя, чтобы сразу отдать себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ сильныхъ и слабыхъ ихъ сторонахъ.

Но и этотъ, въ извѣстномъ смыслѣ «главный», принципъ заключается въ еще болѣе общемъ—принципѣ развитія довѣрія къ своимъ силамъ (стр. 88), который въ свою очередь представляетъ изъ себя неизмѣнное условіе для подъема своего духа, каковой неизмѣнно способствуетъ побѣдѣ, т. е. ведетъ къ достиженію цѣли, для которой существуетъ военная наука.

Всѣ принципы крѣпко неизмѣнно связаны другъ съ другомъ.

Впередъ можно сказать, что области всѣхъ принциповъ сойдутся въ одномъ центрѣ, такъ какъ всѣ они—условія для достиженія той-же общей цѣли. Но эти области могутъ прилегать къ этому центру съ разныхъ и съ тѣхъ-же сторонъ, другъ друга не касаясь, или задѣвая и даже совсѣмъ перекрывая другъ друга. Въ этомъ смыслѣ ихъ можно отдѣлять другъ отъ друга, находить между ними зависимость и говорить, что одинъ изъ принциповъ заключается въ другомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо помнить, что, сходясь по цѣли, они также и исходятъ изъ одного основанія, что захватываемыя ими области зиждятся на одномъ общемъ фундаментѣ—на

---

*) Выдвиганіе на первый планъ именно этого принципа въ извѣстной мнѣ военной литературѣ встрѣтилось мнѣ впервые у В. Н. Черкасова въ его трудѣ „Элементарная и прикладная тактика" изд. 1909 г., откуда я и заимствовалъ это положеніе. Но при этомъ я долженъ отмѣтить, что все время формулируя этотъ принципъ какъ „дѣйствія своей сильной стороной и уклоненія слабой", авторъ въ части своихъ разсужденій и въ окончательномъ выводѣ (стр. 19) опредѣляетъ его какъ принципъ „дѣйствія своей сильной стороной по слабой сторонѣ противника", чѣмъ значительно съуживаетъ его формулировку и тѣмъ самымъ лишаетъ его и главенства. Клаузевицъ (Лееръ. Методъ воен. наукъ стр. 48) считаетъ первымъ и наиболѣе важнымъ принципомъ въ достиженіи цѣли войны—принципъ крайняго напряженія силъ.

моральныхъ свойствахъ человѣка. А потому очевидно всѣ принципы крѣпко связаны между собою и представляютъ изъ себя нѣчто общее единое, лишь искусственно раздѣляемое для удобства разслѣдованія и примѣненія различныхъ сторонъ того-же общаго—въ различныхъ обстановкахъ.

Принципы сосредоточенія силъ и взаимной поддержки.

И вотъ, продолжая поиски за тѣми *неизмѣнными* условіями, которыя ведутъ въ обстановкѣ войны къ подъему духа у себя и къ паденію его у противника, мы прежде всего встрѣчаемся съ принципами сосредоточенія силъ и взаимной поддержки. Я соединяю изслѣдованія этихъ принциповъ въ одно, потому что ~~именно~~ они представляютъ изъ себя случай наиболѣе тѣснаго между собою единенія, ихъ области постоянно смѣшиваются—перекрываютъ другъ друга.

Психологія толпы.

На міру и смерть красна—говоритъ народная пословица. Только подъемъ духа можетъ сдѣлать и смерть «красной». И вотъ этотъ подъемъ духа даетъ «міръ». Достаточно даже если этотъ «міръ» только присутствуетъ, еще сильнѣе онъ дѣйствуетъ, если онъ участвуетъ, т. е. когда смерть грозитъ при общемъ дѣйствіи—скопомъ. Всякому извѣстно, что въ толпѣ человѣкъ себя чувствуетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если ему приходится дѣйствовать въ одиночку.

Дѣйствительно толпа*) обладаетъ совершенно другой психологіей, сравнительно съ психологіей отдѣльнаго человѣка.

Именно благодаря численности, индивидъ, находящійся въ толпѣ, пріобрѣтаетъ сознаніе непреодолимой силы. Быть можетъ это сознаніе по существу ложно, непреодолимой силы нѣтъ и въ поминѣ, но подъемъ духа участвующихъ въ организованной толпѣ, т. е. одушевленной стремленіемъ къ какой нибудь опредѣленной цѣли—это совершенно опредѣленное свойство человѣческаго духа.

---

*) При дальнѣйшемъ изложеніи я руководствовался мыслями заимствованными изъ книгъ: Лебонъ. Психологія народовъ и массъ; Зыковъ. Какъ и чѣмъ управляются люди, опытъ военной психологіи; Компсано. Опытъ военной психологіи индивидуальной и общей; Фрейтагъ Лорингъ гофанъ. Господство личности на войнѣ, изслѣдованіе по Клаузевицу.

Дѣло въ томъ, что въ толпѣ личная индивидуальность побѣждается массовой и совершенно въ ней теряется. Толпою руководитъ не разумъ, ясно опредѣляющій степень опасности, а чувства и страсти. И когда эти чувства и страсти сосредоточены въ общую мысль объ истребленіи противника, то она легко отодвигаетъ мысль каждаго въ отдѣльности о своей личной безопасности на второй планъ. Эта послѣдняя мысль, исходящая изъ чувства самосохраненія, у каждаго является только за себя, а потому всѣ эти мысли не складываются, а скорѣе теряются въ толпѣ, тогда какъ общая всѣмъ мысль или качество суммируется и пріобрѣтаетъ особую мощь.

И это относится ко всякому общему человѣческому качеству. «Если мы обозначимъ» говоритъ Максъ Нордау *) «черезъ x общее качество, а черезъ a, b, c, d и т. д. личное качество, полученное путемъ воспитанія каждымъ изъ взятыхъ индивидуумовъ отдѣльно, то собраніе изъ 20 даже геніальныхъ людей будетъ имѣть $20x$ и только одно a, одно b и т. д. Итакъ личная индивидуальность будетъ побѣждена массовой» **).

Очевидно эта массовая индивидуальность проще и низшаго порядка, сравнительно съ личными индивидуальностями участниковъ толпы. Разумъ, способность разсужденія, духъ критики—качества особенно отличающія одного индивида отъ другого—обыкновенно пропадаютъ въ толпѣ. Ей очень легко внушить то или другое, но столь-же трудно что либо доказать, такъ какъ она легко увлекается образами, но не признаетъ аргументовъ, такъ какъ не способна въ нихъ разобраться. «Дѣйствія толпы», по мнѣнію Лебона, «гораздо болѣе подчиняются вліянію спиннаго, нежели головного мозга... Толпа служитъ игралищемъ всѣхъ внѣшнихъ возбужденій и отражаетъ всѣ ихъ перемѣны; она, слѣдовательно, рабски покоряется импульсамъ, которые получаетъ. . . Различные импульсы, которымъ подчиняется толпа, могутъ быть, смотря по характеру возбужденій, великодушными или свирѣпыми,

---

*) Пародоксы.

**) Зыковъ. „Какъ и чѣмъ управляются люди“ стр. 57 и 58.

героическими или трусливыми, но они всегда *на столько сильны, что никакой личной интерес, даже чувство самосохраненія, не въ состояніи ихъ подавить. . .* Каковы-бы ни были чувства толпы, хорошія или дурныя, характерными ихъ чертами являются *преувеличеніе и односторонность* (простота)». И, какъ справедливо замѣчаетъ Компсано, преувеличенность чувствъ въ толпѣ обусловливается еще тѣмъ, что они укрѣпляются заразительнымъ одобреніемъ и силою численности.

Толпа, численность, сосредоточеніе всѣхъ силъ въ одной — сложеніе ихъ всѣхъ въ одну общую силу, силу уличной толпы, полка, эскадры, арміи, флота — все это просто гипнотизируетъ каждаго изъ участниковъ, заставляя его забывать о себѣ, а самозабвеніе — это и есть подъемъ духа.

Сознательный и безсознательный подъемъ духа.

Притомъ численность и сосредоточеніе силъ еще тѣмъ важно, что оно даетъ подъемъ духа, если такъ можно выразиться *сознательный,* имѣющій дѣйствительное основаніе, такъ какъ численность и сосредоточеніе силъ вѣдь это реальныя выгоды.

Подъ вліяніемъ извѣстныхъ импульсовъ подъемъ духа можетъ быть и *безсознательный,* т. е. не имѣющій подъ собой реальныхъ основаній, и онъ можетъ проявиться въ видѣ безграничнаго энтузіазма, можетъ привести къ геройству, но едва-ли онъ будетъ столь-же продолжителенъ и вообще столь-же надеженъ, какъ подъемъ духа сознательный. А именно таково самочувствіе отъ сознанія сосредоточенности, дружности своихъ усилій.

Масса удерживается массой. «Численность прогоняетъ боязнь» говоритъ Компсано; а боязнь это и есть то, что ведетъ къ упадку духа.

Подъемъ духа ведетъ къ большей реальной силѣ.

И на что особенно надо обратить вниманіе, это на тотъ фактъ, что подъемъ духа ведетъ не только къ большему пренебреженію смертью, отодвигая мысль о ней на второй планъ, но и прямо къ большей реальной силѣ. По мнѣнію Зыкова*),

*) Какъ и чѣмъ управляются люди. Опытъ военной психологіи. Стр. 60—61.

въ толпѣ человѣкъ не только себя чувствуетъ, но и на дѣлѣ гораздо сильнѣе чѣмъ въ одиночествѣ, и толпа можетъ совершать поступки такой силы, которая зачастую во много разъ превосходитъ математическую сумму силъ ее составляющихъ.

Каждый изъ членовъ толпы, подъ вліяніемъ психическаго зараженія, можетъ совершать такія дѣйствія, которыя для него произвольно невыполнимы, хотя возможность ихъ совершенія и дается строеніемъ человѣческаго тѣла.

Дѣйствительно, человѣкъ вообще обладаетъ гораздо большимъ запасомъ силъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ распоряжается въ нормальномъ состояніи, и этотъ избытокъ силъ легче всего вызывается къ дѣятельности вліяніемъ совмѣстной дѣятельности другого человѣка. Это взаимодѣйствіе, проявляющееся при соединеніи съ другими, повышаетъ и силу и сознаніе силы, т. е. ведетъ къ подъему духа.

Сосредоточеніе силъ неизмѣнно ведетъ къ подъему духа.

Вотъ почему сосредоточеніе своихъ силъ, уже само по себѣ, внѣ зависимости отъ того, какое примѣненіе получаетъ это сосредоточеніе, неизмѣнно ведетъ къ подъему духа, а потому и къ успѣху. Разброска силъ имѣетъ противоположный результатъ.

Эта истина и выражается въ *принципѣ сосредоточенія силъ.*

При этомъ сосредоточеніе силъ не слѣдуетъ буквально понимать, только какъ сборъ силъ.

Направленіе силъ къ одной цѣли это собственно и есть задача сосредоточенія силъ, и сообразно обстановкѣ можетъ оказаться, что въ одномъ случаѣ всѣ силы удобнѣе направить къ этой цѣли въ одной компактной массѣ, а въ другомъ — удобнѣе ихъ направить къ этой цѣли частями, напр., съ разныхъ сторонъ. И вліяніе такого способа сосредоточенія силъ на каждаго индивида будетъ то-же самое, что и въ компактной массѣ, но конечно при условіи, что всякій знаетъ, что это именно происходитъ такъ, а не иначе.

Поэтому, если части силы, направляющіяся одновременно къ той-же цѣли не видятъ другъ друга, то надо сдѣлать такъ, чтобы они объ этомъ знали и твердо этому вѣрили.

Сосредоточеніе силъ само по себѣ непремѣнно ведетъ къ подъему духа у себя и къ паденію духа у противника, если онъ не принялъ противъ этого и съ своей стороны соотвѣтственныя мѣры.

Если онъ допустилъ сосредоточить наши силы противъ какой нибудь своей части, то значитъ онъ своихъ силъ не сосредоточилъ, и такая бездѣятельность (абсолютная и сравнительная) нѣкоторыхъ частей его силы непремѣнно произведетъ въ извѣстной степени удручающее впечатлѣніе на духъ остальныхъ.

Точно также эти подъемъ и паденіе духа могутъ въ значительной степени усилиться въ зависимости отъ важности послѣдствій сосредоточенія силъ.

Если напр. удалось сосредоточить превосходныя силы въ сухопутномъ бою противъ ключа непріятельской позиціи, или въ морскомъ -- противъ флагманскаго корабля, или противъ наиболѣе значущей части непріятельскаго флота, если удалось собрать *превосходныя* силы къ мѣсту именно *генеральнаго сраженія*, то въ той части личнаго состава, которая будетъ это сознавать, соотвѣтственные подъемъ и паденіе духа будутъ гораздо больше, чѣмъ если удалось то же самое сосредоточеніе, но только не грозящее трудно поправимыми послѣдствіями.

Въ этихъ случаяхъ — уже болѣе сложныхъ, — подъемъ и паденіе духа будутъ вызываться главнымъ образомъ уже не болѣе или менѣе сильною степенью заглушенія инстинкта самосохраненія, а степенью страха передъ грядущими отвѣтственностью и чувствомъ страданія изъ за неудачи, униженіемъ и т. п. Конечно всѣ эти чувства входятъ въ причины подъема и паденія духа во всѣхъ случаяхъ, но вліяніе ихъ тѣмъ сильнѣе, сравнительно съ вліяніемъ инстинкта самохраненія, чѣмъ важнѣе по своимъ послѣдствіямъ случай, чѣмъ развитѣе, интелигентнѣе и сознательнѣе, по своей природѣ или по своему положенію, индивидъ.

Такимъ образомъ болѣе общій *принципъ сосредоточенія силъ*, можетъ для болѣе ограниченныхъ областей примѣненія

Различныя формулировки принципа сосредоточенія силъ.

выражаться въ видѣ напр. принципа сосредоточенія превосходныхъ силъ противъ части непріятеля, принципа сосредоточенія (просто или превосходныхъ) силъ на рѣшительномъ пунктѣ въ рѣшительную минуту и т. п.

Принципъ сосредоточенія силъ *именно противъ части непріятеля* черпаетъ свое основаніе еще изъ военно-психологической аксіомы*) — *„потрясающее впечатлѣніе въ одной точкѣ линіи — заставляетъ войска сдать на всемъ протяженіи линіи“.* А тогда, такъ какъ задача боя — сломить именно моральную силу противника, всего выгоднѣе сломить ее своими сосредоточенными силами въ одномъ мѣстѣ, ибо это очевидно легче.

Что нужно подразумѣвать подъ „силой“ въ принципѣ сосредоточенія силъ.

Это было-бы ошибкою думать, что возможность примѣненія какъ общаго принципа сосредоточенія силъ, такъ и частныхъ его выраженій, ограничена лишь случаями имѣемаго превосходства въ численности. Это совсѣмъ не такъ. Превосходство можетъ быть и въ обученіи, и въ матеріальной части и въ талантѣ начальника и въ чувствахъ одушевляющихъ личный составъ.

Наконецъ и при отсутствіи всякаго превосходства вообще, все-таки превосходство въ силахъ въ рѣшительный моментъ и на рѣшительномъ пунктѣ, или вообще въ какой либо моментъ или въ какомъ либо пунктѣ, можетъ быть достигнуто, благодаря искусству распредѣленія и комбинаціи силъ и средствъ, или умѣнью воспользоваться обстановкой и т. п.

Именно только этимъ и объясняются случаи когда матеріально слабѣйшій бьетъ сильнѣйшаго, а такихъ случаевъ въ исторіи сколько угодно. Но именно эти-то случаи и доказываютъ наиболѣе ярко могущество принципа сосредоточенія силъ. Нельзя конечно отрицать, что нѣкоторые изъ этихъ фактовъ можно объяснить счастливой случайностью, но во-первыхъ такія счастливыя случайности — исключенія, а во-вторыхъ и самая эта счастливая случайность — не болѣе какъ способъ, правда не подлежащій учету, но все-таки только

---

*) Леерь. Методъ военныхъ наукъ. Стр. 28.

способъ посредствомъ котораго силы одного изъ противниковъ сдѣлались превосходными, или сосредоточенными, по сравненію съ другимъ.

При сознательномъ приложеніи принципа сосредоточенія силъ, т. е. при искусствѣ распредѣленія комбинацій силъ и средствъ, само собою возникаетъ нѣсколько неизмѣнныхъ условій, ведущихъ къ достиженію цѣли, т. е. значитъ — нѣсколько принциповъ.

Принципы вытекающіе изъ сознательнаго приложенія принципа сосредоточенія силъ.

Таковы напр. принципы крайнаго напряженія силъ, принципъ экономіи силъ, принципъ подготовки удара, принципъ внутренней цѣлости дѣйствій или единства въ дѣйствіяхъ, принципъ одновременности дѣйствій и т. п.

Собственно говоря это все только различныя выраженія все того-же принципа сосредоточенія силъ, лишь опредѣляющія характеръ наилучшаго его примѣненія. Очевидно для лучшаго сосредоточенія силъ, т. е. для большаго превосход ства, надо довести до крайности, на сколько то допускаетъ обстановка, напряженіе своихъ силъ — иначе, если это небудетъ сдѣлано, а сдѣлаетъ это противникъ, то именно онъ создастъ у себя средства для возможности сосредоточенія превосходныхъ силъ, а не мы. Понятно, что особенно это важно сдѣлать въ началѣ войны, такъ какъ важно заручиться возможностью сосредоточивать превосходныя силы *первому*.

Наверстывать потерянное послѣ неудачи во всѣхъ отношеніяхъ, и въ особенности въ смыслѣ состоянія духа, куда труднѣе чѣмъ поддерживать то преимущество, которое пріобрѣтенно съ самаго начала. Притомъ это даетъ надежду на быстрое окончаніе войны, что ужъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ огромную выгоду. Этотъ принципъ, оттѣняя болѣе сильно важность не терять при этомъ времени, можно опредѣлить и какъ принципъ *одновременности* дѣйствій.

Напр. Клаузевицъ*) именно этотъ принципъ — *крайняго напряженія сразу всѣхъ силъ* — признаетъ наиболѣе важнымъ. По его мнѣнію, этотъ принципъ «служитъ основаніямъ всѣмъ

*) Цитирую по Методу военныхъ наукъ Леера, стр. 48—50.

остальнымъ. Кто распорядился сообразно съ нимъ, тотъ, основываясь на остальныхъ, можетъ рисковать въ высшей степени, не подвергая опасности всего дѣла, такъ какъ соблюденіе этого принципа даетъ возможность безпрерывно вызывать новыя силы, благодаря которымъ всякая неудача можетъ быть исправлена. Въ этомъ собственно и заключается *осторожность*, которая можетъ быть названа *благоразумною*, а не въ томъ, чтобы подаваться впередъ робко и нерѣшительно».

Выше было уже упомянуто, что всѣ прицины, проистекая изъ одного начала, крѣпко связаны между собою, а потому разные люди съ полнымъ основаніемъ могутъ ставить во главѣ остальныхъ различные принципы. Это собственно нисколько не мѣняетъ сущности дѣла и зависитъ просто отъ точекъ зрѣнія, или отъ понятій, которыя вкладываются въ то или другое выраженіе.

Напр., что собственно представляетъ собою второй изъ перечисленныхъ выше (стр. 103) принциповъ — принципъ экономіи силъ? Это вѣдь группировка силъ по важности участковъ, какъ на театрѣ войны, такъ и на мѣстѣ сраженія. Но направленіе всѣхъ возможныхъ силъ на главный участокъ, оставляя на другихъ лишь столько, сколько вызывается крайней необходимостью, т. е. возможностью противодѣйствовать противнику въ уводѣ оттуда частей своихъ силъ на тотъ-же главный участокъ, — что это такое, какъ не сосредоточеніе силъ на рѣшительномъ пунктѣ? Принципъ подготовки удара — это лишь указаніе, что самое использованіе сосредоточенія силъ (ударъ), надо производить не случайно, не очертя голову, а съ возможно болѣе разносторонней подготовкой, воспользовавшись для этого всѣми условіями обстановки. Это-же самое, но только въ другомъ видѣ, болѣе упирая лишь на одну сторону этой подготовки, говоритъ принципъ внутренней цѣлости или единства дѣйствій. Надо значитъ стремиться къ тому, чтобы всѣ части операціи, представляющей собою примѣненіе сосредоточенія силъ, были связаны между собой, чтобы онѣ представляли одно цѣлое, чтобы отдѣльныя дѣйствія не мѣшали другъ другу, а другъ друга поддерживали, и чтобы результатъ

неизмѣнно наросталъ, а не колебался-бы въ ту или другую сторону.

Принципъ сосредоточенія силъ имѣетъ преимущественно наступательный характеръ.

Изъ всего изложеннаго о принципѣ сосредоточенія силъ, какъ-бы самъ собою вытекаетъ его преимущественно наступательный характеръ. Сосредоточиваютъ свою силу, чтобы куда нибудь ее направить, чтобы нанести ударъ. Конечно и для отраженія удара нужно сосредоточить свою силу, и всѣ выгоды сосредоточенія, про которыя было говорено, имѣютъ мѣсто и при оборонѣ. Но есть и существенная разница.

Сосредоточивать силы для отраженія удара можно только въ томъ случаѣ, если извѣстно куда и когда непріятель предполагаетъ нанести этотъ ударъ. Значитъ это уже отвѣтъ на сосредоточеніе силы противникомъ для извѣстной цѣли.

Стремленіе къ возможности сосредоточить свои силы при оборонѣ ведетъ къ принципу взаимной поддержки

И если тотъ участокъ пространства, которое мы обороняемъ, на который противникъ направитъ свой ударъ, намъ точно не извѣстенъ, если этотъ ударъ можетъ быть направленъ на нѣсколько участковъ, то очевидно нѣтъ даже и возможности сосредоточить свои силы. Это можно начать дѣлать только тогда, когда опредѣлятся намѣренія противника. Заранѣе-же можно только расположить свои силы такъ, чтобы онѣ какъ можно скорѣе могли-бы сосредоточиться на любомъ изъ угрожаемыхъ участковъ или по крайней мѣрѣ на важнѣйшихъ изъ нихъ. И значитъ до выясненія намѣреній противника оборона приводитъ не къ сосредоточенію силъ, а въ извѣстной степени къ разброскѣ силъ. И болѣе или менѣе полное сосредоточеніе силъ въ этомъ случаѣ даже можетъ оказаться невыгоднымъ. Это даетъ противнику возможность направить свои сосредоточенныя силы именно на тотъ участокъ, на который всего труднѣе перевести наши главныя силы и легко одолѣть тѣ силы, которыя тамъ оставлены.

А та или другая степень разброски силъ для обороны, и неизбѣжное при этомъ ожиданіе удара противника въ разныхъ частяхъ своего расположенія, непремѣнно поведутъ къ тревожному состоянію духа, т. е. къ извѣстной степени его паденія.

И такъ какъ изъ мѣръ служащихъ для подъема духа, въ данномъ случаѣ сосредоточеніе силъ исключается, то замѣнить

его можетъ только *увѣренность,* что, когда намѣренія противника обозначатся, тогда и наши силы быстро будутъ сосредоточены—иначе говоря—всѣ быстро придутъ на помощь атакованному пункту.

Вотъ эта мысль и выражается въ *принципѣ взаимной поддержки,* который, значитъ, какъ и другіе принципы, выражаетъ лишь одно изъ неизмѣнныхъ условій, ведущихъ къ подъему духа человѣка, поставленнаго въ боевую обстановку.

Взаимная поддержка ведетъ къ подъему духа.

Но и не только для боевой обстановки это вѣрно, а и для всякой. Въ любой области человѣческой дѣятельности «готовность положить душу свою за друзей своихъ» подымаетъ духъ.

Нѣтъ ничего тяжелѣе для человѣка *), какъ дѣйствовать на какомъ-бы то ни было поприщѣ одинокимъ, безъ надежды на поддержку окружающихъ. Какъ-бы ни былъ онъ силенъ, какими-бы ни обладалъ средствами для достиженія своей цѣли, но если онъ въ своей дѣятельности не встрѣчаетъ поддержки окружающихъ, у него невольно опускаются руки, дѣйствія его являются неувѣренными, робкими и причина этому—упадокъ его духа. Бываютъ конечно, натуры исключительныя по своей энергіи, которыя не поддаются этому вліянію, но не о нихъ здѣсь рѣчь. Я говорю здѣсь о массѣ, о человѣкѣ среднемъ.

Если-же, напротивъ, человѣкъ знаетъ, что окружающіе воодушевлены одной съ нимъ мыслью, готовы поддержать его каждую минуту, духъ его пріобрѣтаетъ особую мощь, смѣлость его безгранична, никакіе удары, никакія матеріальныя потери ему не страшны. Онъ чувствуетъ, что въ тяжелую минуту его поддержатъ товарищи, а потому смѣло идетъ навстрѣчу этой тяжелой минутѣ.

Но для этого онъ долженъ быть твердо увѣренъ въ этой поддержкѣ, внутренно въ ней убѣжденъ. И вотъ въ бою, каждый въ своей области и долженъ быть поставленъ въ такую обстановку, которая давала-бы эту увѣренность.

---

*) Цитирую по запискамъ исторіи военно-морского искусства составленнымъ мною для курсовъ военно-морскихъ наукъ въ 1896—7 годахъ.

На театрѣ войны эта увѣренность должна существовать у высшихъ начальниковъ, на мѣстѣ боя—у всѣхъ, включая нижнихъ чиновъ. Въ морскомъ бою, въ которомъ корабли вмѣстѣ съ заключающимися въ нихъ людьми, направляются исключительно по волѣ отдѣльныхъ людей—командировъ, въ особенности важно создать эту увѣренность во взаимной поддержкѣ именно между командирами.

Отъ нихъ эта увѣренность передастся и всѣмъ на кораблѣ и если командиръ какого нибудь корабля дѣйствуетъ смѣло потому что онъ увѣренъ, что остальные его поддержатъ, то его подъемъ духа сообщается и всѣмъ его подчиненнымъ. Если на театрѣ военныхъ дѣйствій, начальникъ какой либо эскадры убѣжденъ, что остальные начальники всѣми силами стремятся ему оказать всевозможную помощь, то и весь личный составъ проникается этимъ убѣжденіемъ и это выражается подъемомъ духа на эскадрѣ.

Какъ создается убѣжденіе въ томъ, что взаимная поддержка будетъ имѣть мѣсто.

Этотъ фактъ становится понятнымъ, если хоть сколько нибудь углубиться въ вопросъ—а какъ создается такое убѣжденіе? Надо помнить, что *убѣжденіе не приказывается, а именно создается.* Если просто отдать распоряженіе, чтобы напр., командиры въ бою поддерживали другъ друга, то это никоимъ образомъ не создастъ у нихъ убѣжденія, что это именно такъ и будетъ. И если такого убѣжденія, по какимъ либо причинамъ у нихъ нѣтъ, то въ бою они будутъ дѣйствовать вяло, нерѣшительно, разсчитывая только на свои собственныя силы, и духъ ихъ все время будетъ находиться подъ гнетомъ опасенія, что въ тяжелую минуту можно остаться одному. А тогда, помимо другихъ чувствъ, одно только тяжелое чувство отвѣтственности заставитъ ихъ избѣгать этой минуты, наложитъ тяжелыя оковы на полетъ ихъ мысли, и въ своихъ дѣйствіяхъ они не выйдутъ изъ уровня посредственности.

Командиры только тогда получатъ убѣжденіе во взаимной поддержкѣ, когда они будутъ видѣть, что къ развитію этой поддержки на эскадрѣ направлена вся дѣятельность и помыслы адмирала, что всѣ товарищи—командиры сочувствуютъ этому

направленію и проявляютъ этотъ взглядъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ и въ мирное время, если въ распоряженіяхъ адмирала передъ боемъ сквозитъ всюду та-же мысль, если на этомъ принципѣ построенъ планъ дѣйствій—однимъ словомъ, если командиры не только умомъ, а душой и сердцемъ поймутъ, что вся эскадра пропитана этимъ принципомъ. Тогда каждый изъ командировъ внутренно почувствуетъ, что онъ и самъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы оказать поддержку любому изъ своихъ товарищей, съ него спадетъ тяжелый гнетъ отвѣтственности за каждый самостоятельный шагъ, съ него спадетъ гнетущее чувство одиночества, и при этихъ условіяхъ самый посредственный командиръ проявитъ въ бою высокій подъемъ духа, смѣлость и стойкость.

Адміралъ С. О. Макаровъ, въ своихъ лекціяхъ по тактикѣ *) указывалъ, между прочимъ, что нужно всѣми силами развивать въ военныхъ морякахъ смѣлость. Вотъ однимъ изъ средствъ къ развитію этой смѣлости въ бою и является увѣренность въ поддержкѣ какъ своихъ, товарищей и подчиненныхъ, такъ и адмирала.

Самый способъ созданія этой увѣренности, который былъ разсмотрѣнъ выше, достаточно разъясняетъ—почему, когда увѣренность во взаимной поддержкѣ возникаетъ среди высшихъ начальниковъ, она уже существуетъ и во всемъ личномъ составѣ, включая сюда и нижнихъ чиновъ. Она не создается мгновенно, по чьему нибудь приказу, а медленно зрѣетъ, на глазахъ у всѣхъ, путемъ постояннаго проявленія.

Напр. въ бою при мысѣ С. Винцентъ, никогда Нельсонъ не бросился-бы одинъ со своимъ кораблемъ на весь непріятельскій авангардъ, если-бы онъ не былъ твердо убѣжденъ, что онъ не останется безъ матеріальной поддержки своихъ товарищей и нравственной—своего адмирала. И такой поступокъ являлся-бы даже въ этомъ случаѣ съ его стороны безумнымъ, такъ какъ останься онъ одинъ, онъ не принесъ-бы никакой пользы дѣлу, погубивъ лишь свой корабль.

*) 2, 9 и 18 Декабря 1896 года въ Кронштадтскомъ морскомъ собраніи.

И дѣйствительно онъ не ошибся. И два испанскихъ мало поврежденныхъ корабля, которыми онъ завладѣлъ, имѣя свой корабль сильно избитымъ, сдались ему не потому, чтобы были не въ состояніи защищаться, чтобы были его слабѣе — это было наоборотъ, — а только потому, что совершенно не надѣялись на помощь своихъ товарищей — и оказались въ этомъ правы, тогда какъ изъ дѣйствій англійскихъ командировъ (маневръ Коллингвуда) убѣдились въ томъ, что Нельсонъ при своемъ смѣломъ натискѣ не останется одинъ.

Нельсонъ прекрасно понялъ эту разницу въ моральномъ состояніи своего экипажа и непріятельскаго, умѣло ею воспользовался, и, будучи самъ сильно поврежденъ, завладѣлъ двумя кораблями несравненно его сильнѣйшими.

Передъ Трафальгарскимъ боемъ Вильневъ говоритъ въ своемъ приказѣ*): «Всѣ усилія нашихъ кораблей должны стремиться къ тому, чтобы подавать помощь наиболѣе терпящимъ кораблямъ, и быть какъ можно ближе къ адмиральскому кораблю, который первый подастъ въ этомъ примѣръ».

Примѣръ неправильнаго толкованія принципа взаимной поддержки.

Но командиры его не были воспитаны въ принципѣ взаимной поддержки, а потому приняли эти слова, не болѣе какъ за красивую фразу, они имъ не повѣрили, на поддержку своихъ товарищей не надѣялись, и поэтому спускали флаги передъ англичанами, хотя, въ союзномъ флотѣ въ это время было еще много кораблей, которые могли-бы подать помощь. И они оказались правы — помощи подано не было. Были такія части союзнаго флота — одна изъ нихъ подъ начальствомъ французскаго контръ-адмирала, — которые не приняли участія въ бою, и значительное количество кораблей — между ними были и французскіе — послѣ самаго незначительнаго участія въ бою, вышли изъ строя и, на глазахъ у окруженныхъ англичанами отчаянно сражавшихся кораблей, пошли въ Кадиксъ. Какой-же можетъ быть здѣсь разговоръ о существованіи въ союзномъ флотѣ принципа взаимной поддержки? И конечно не удалось создать его и приказомъ.

---

*) Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ. Морскія войны временъ французской республики и имперіи. Часть II-я, стр. 116.

Однако ни въ коемъ случаѣ не нужно понимать принципъ взаимной поддержки въ томъ смыслѣ, что онъ требуетъ именно того, чтобы помогать своимъ, пренебрегая боемъ. Объ этомъ конечно можно-бы было и не говорить, если-бы даже такіе выдающіеся военные люди, какъ С. О. Макаровъ не впадали-бы въ ошибочное пониманіе принциповъ военной науки вообще, и принципа взаимной поддержки въ частности.

Вотъ напр., что говоритъ о принципахъ военнаго дѣла С. О. Макаровъ, въ самомъ капитальномъ своемъ трудѣ*):

«Есть, разумѣется, общіе принципы, которые одинаковы, какъ для сухопутныхъ силъ, такъ и для морскихъ, напр., принципъ единоначалія, но принципъ этотъ, по сущности, вѣренъ и для всякаго дѣла въ жизни вообще. Принципъ сосредоточенія силъ на рѣшительномъ пунктѣ сраженія вѣренъ для насъ, какъ и для нихъ, но другой и наиболѣе важный принципъ, который ставится какъ-бы во главѣ всего военнаго дѣла (?) — принципъ *взаимной поддержки* къ морской обстановкѣ надо примѣнять осторожно. У сухопутныхъ онъ служитъ руководящей звѣздой, которую надо имѣть, какъ при составленіи диспозиціи, такъ и при исполненіи ея на полѣ сраженія; генералъ и солдатъ должны руководствоваться этимъ принципомъ и въ каждомъ должна быть увѣренность, что въ критическую минуту къ нему должна подоспѣть помощь; только при этихъ условіяхъ люди могутъ быть стойки. Вильневъ, въ приказѣ передъ Трафальгарскимъ сраженіемъ, поставилъ помощь своимъ кораблямъ главною задачею, но былъ разбитъ на голову, а его побѣдитель всегда руководствовался тѣмъ, что въ морскомъ сраженіи нужно нѣкоторую часть своего флота предоставлять случайностямъ. Если, дѣйствительно, корабли займутся тѣмъ, что будутъ въ бою думать только о помощи другъ другу, то непріятель, ничѣмъ не стѣсненный, непремѣнно ихъ разобьетъ. Принципъ взаимной помощи морякамъ надо понимать въ смыслѣ дружнаго нападенія на врага. Лучшая помощь своимъ — есть дружное нападеніе на чужихъ. . . . Я боюсь, что коман-

---

*) „Разсужденія по вопросамъ морской тактики“. 1897 г., стр. 12 и 253.

диръ, усвоившій себѣ принципъ взаимной поддержки, можетъ въ жаркомъ бою выпустить изъ рукъ судно, которое почти разбито и не оказываетъ сопротивленія и устремится на помощь своему судну, атакованному болѣе сильнымъ противникомъ. Опасность принциповъ заключается именно въ томъ, что они могутъ быть неправильно истолкованы. Можетъ случиться, что у какого нибудь корабля въ бою испортится машина и онъ выйдетъ изъ строя, а слѣдующій за нимъ, руководствуясь принципомъ взаимной поддержки, безъ сигнала адмирала, выйдетъ изъ строя и останется при поврежденномъ кораблѣ. Такое дѣйствіе будетъ безусловно неправильно и передъ боемъ адмиралу надобно будетъ растолковать кому слѣдуетъ, что принципъ взаимной поддержки нужно понимать въ смыслѣ дружнаго боя, а не помощи одного корабля другому, которая должна быть поставлена на второстепенный планъ. Дѣло-же первостепенной важности — разбитіе непріятеля».

Адмиралъ Макаровъ о принципахъ вообще.

«Заговоривъ о принципахъ вообще, позволю себѣ сказать еще разъ, что къ нимъ надо относиться осмотрительно. Коломбъ и Мэхенъ проповѣдуютъ, что раньше, чѣмъ предпринимать дессантную экспедицію, нужно уничтожить военный флотъ противника. Руководствуясь этими принципами (?), японскій адмиралъ Ито долженъ былъ сначала уничтожить китайскій флотъ, а потомъ уже приняться за содѣйствіе арміи фельдмаршала Ямагаты. Для уничтоженія китайскаго флота, надо было перейти къ Портъ-Артуру и брать этотъ портъ съ моря, или-же блокировать этотъ портъ, чтобы запереть въ немъ китайскій флотъ. Операціи на берегу отъ этого, безъ сомнѣнія сильно пострадали-бы, ибо движеніе береговой арміи и подвозъ провіанта всецѣло зависѣли отъ поддержки флота. Перевозочныя средства береговыя были крайне недостаточны и Ямагата требовалъ, чтобы перевозка всѣхъ матеріаловъ была какъ можно дальше по линіи операціи, да и время не ждало — приближалась холодная пора. Ито, вѣроятно, понималъ, какъ важно уничтожить китайскій флотъ, но обстоятельства заставляли Ито поступить иначе. При болѣе энергичномъ противникѣ можетъ быть слѣдовало поступить иначе, но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ

которыхъ былъ адмиралъ Ито, выборъ рода дѣйствія былъ правиленъ и оправдался на дѣлѣ. Отсюда мы можемъ вывести заключеніе, что Наполеонъ былъ правъ, когда сказалъ, что на войнѣ *обстановка повелѣваетъ*».

«Объ общихъ принципахъ можно сказать, что ихъ нужно изучать, но для войны важнѣе всего глазомѣръ, т. е. умѣнье ясно представить себѣ обстоятельства и въ зависимости отъ нихъ выбрать должное рѣшеніе, руководствуясь главною идеей — разбить непріятеля и опираясь прежде всего на свой собственный здравый смыслъ» (см. стр. 230).

Дѣлаю такую длинную выписку съ намѣреніемъ, — ужъ очень ярко она показываетъ ту путаницу въ основныхъ понятіяхъ, которая встрѣчается даже у выдающихся умовъ, превосходныхъ практиковъ, но не имѣющихъ почему либо теоретической подготовки.

Чего-же тогда можно ждать отъ массы?

Можно-ли замѣнить принципы своимъ здравымъ смысломъ

С. О. Макаровъ, запутавшись въ понятіяхъ о принципахъ, разрубаетъ гордіевъ узелъ тѣмъ, что совѣтуетъ отодвинуть принципы на второй планъ, и опираться прежде всего на свой собственный здравый смыслъ. Ему это было легко не только сказать, но и примѣнить на дѣлѣ. Всѣ знавшіе покойнаго адмирала вѣроятно согласятся съ тѣмъ, что онъ въ высшей степени обладалъ именно здравымъ смысломъ, и если иногда и грѣшилъ противъ него и спорилъ даже противъ очевидности, то только поддаваясь общей человѣческой слабости, которая одолѣваетъ временами и самыхъ выдающихся и талантливыхъ людей — ложному самолюбію, не позволяющему отказаться отъ разъ высказаннаго мнѣнія хотя оно и оказалось заблужденіемъ. Такой характеръ носила его борьба за превращеніе всего флота въ небронированные крейсеры въ 3000 тонъ. Онъ не отказался отъ этого явнаго заблужденія и въ цитируемомъ трудѣ*) и продолжалъ это утверждать въ офиціальномъ документѣ еще наканунѣ войны**).

---

*) „Разсужденіе по вопросамъ морской тактики", стр. 234.

**) Замѣчанія на матеріалы для обсужденія будущей программы судостроенія съ 1903—1923 г., стр. 91—95.

И цитируемый его трудъ служитъ яркимъ олицетвореніемъ достоинствъ и недостатковъ покойнаго адмирала. Онъ полонъ здраваго смысла, талантливость адмирала блещетъ почти на каждой страницѣ, щедрой рукой онъ разсыпаетъ массу мѣткихъ практическихъ замѣчаній, и рядомъ съ этимъ, и преимущественно именно въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ адмиралу не помогалъ огромный его опытъ и надъ которыми онъ вѣроятно не имѣлъ времени достаточно подумать—въ противномъ случаѣ природная его талантливость и здравый смыслъ выручили-бы его и тутъ—такіе полеты фантазіи, которые сразу обнаруживаютъ недостатокъ въ теоретическомъ фундаментѣ.

Предлагая поставить на мѣсто принциповъ здравый смыслъ, С. О. Макаровъ какъ будто забываетъ, что истинный, свободный въ своемъ проявленіи, здравый смыслъ—рѣдкій даръ Божій, и даже установить его наличіе—дѣло далеко не легкое. Кто-же не знаетъ, что обыкновенно человѣкъ можетъ признать въ себѣ недостатокъ знаній, умѣнья, даже ума—но почти никто не откажется отъ того, что именно онъ-то и обладаетъ здравымъ смысломъ. А между тѣмъ—какъ различны сужденія различныхъ людей, опирающихся при этомъ на свой здравый смыслъ, а вѣдь истинный-то здравый смыслъ всетаки одинъ. И можно себѣ представить какой хаосъ получится въ любомъ дѣлѣ, если предоставить всякому поступать по его собственному, какъ онъ его понимаетъ, здравому смыслу.

И даже при наличіи природнаго здраваго смысла, чтобы онъ могъ свободно проявляться, онъ тоже долженъ быть воспитанъ, тоже долженъ познать основныя истины, долженъ въ нихъ углубиться, ихъ продумать и прочувствовать—иначе онъ будетъ хотя и драгоцѣннымъ, но сырымъ и непригоднымъ къ дѣлу матеріаломъ. И С. О. Макаровъ, противупоставляя здравый смыслъ принципамъ, какъ будто-бы и не подозрѣваетъ, что именно принципы веденія войны—это и есть формулированный здравый смыслъ (см. стр. 29) въ области понятій о веденіи войны, что это и есть тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется здравый смыслъ въ своихъ сужденіяхъ *).

*) См. въ главѣ IV мнѣніе о „здравомъ смыслѣ“ и „глазомѣрѣ“ Г. А. Леера.

Примѣръ путаницы въ разсужденіяхъ, вызываемой неправильнымъ представленіемъ—что такое принципъ.

Предлагая относиться къ принципамъ осмотрительно, С. О. Макаровъ очевидно не далъ себѣ труда точно ознакомиться съ тѣмъ—что собственно представляетъ изъ себя принципъ?

Изъ того, что онъ приводитъ какъ примѣръ опаснаго принципа—утвержденіе Коломба и Мэхена о томъ, что раньше, чѣмъ предпринимать десантную экспедицію, нужно уничтожить военный флотъ противника—ясно, что онъ принимаетъ за принципъ то, что ни въ коемъ случаѣ за таковой считаться не можетъ.

Принципъ—это неизмѣнное условіе, ведущее къ побѣдѣ, внѣ зависимости отъ обстановки, а вышеупомянутое утвержденіе—лишь извѣстное правило, выведенное изъ историческаго опыта, принаровленное къ извѣстной обстановкѣ, и вѣрное только въ области именно такой обстановки. Въ данномъ случаѣ оно относится лишь до морской обстановки, и еще уже—лишь до десантной экспедиціи.

Исходя изъ невѣрнаго пониманія принципа, С. О. Макаровъ вооружается противъ этого воображаемаго принципа, и возстаетъ-опять таки противъ лишь воображаемаго утвержденія военной науки, что будто-бы принципы—это рецепты.

По его мнѣнію, выводъ военной науки тотъ, что «руководствуясь этими принципами (?), японскій адмиралъ Ито долженъ былъ (?) сначала уничтожить китайскій флотъ, а потомъ уже приняться за содѣйствіе арміи фельдмаршала Ямагаты». Но вѣдь это типичный образецъ рецепта. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія С. О. Макаровъ опирается на выраженіе Наполеона—«обстановка повелѣваетъ».

Я уже имѣлъ случай указывать на злоупотребленіе этимъ выраженіемъ Наполеона (см. глава II, стр. 51), и данный случай лишь даетъ новый тому примѣръ. Можно вѣдь пожалуй подумать, что Наполеонъ не признавалъ ни военной науки, ни принциповъ, а только одну «обстановку». Можно подумать, что и онъ возставалъ противъ принциповъ, видя въ нихъ рецепты! Между тѣмъ ничего подобнаго на было.

О теоріи стратегіи, т. е. о той части военной науки, противъ которой больше всего и возстаютъ, такъ называемые,

Наполеонъ о теоріи и о принципахъ военнаго дѣла.

практики, Наполеонъ говоритъ такъ *): «ея назначеніе—дать только общія идеи, образующія умъ». А отправными точками этихъ идей, ихъ фундаментомъ и служатъ принципы.

Именно направляющую роль принциповъ Наполеонъ сознавалъ совершенно ясно.

«Истинные принципы войны» говоритъ онъ **) «это тѣ, которые направляли великихъ полководцевъ, великія дѣла коихъ намъ передала исторія: Александра, Анибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюреня, Принца Евгенія, и Фридриха». О себѣ Наполеонъ говоритъ: «планы всѣхъ 14 кампаній Наполеона отвѣчаютъ истиннымъ принципамъ войны; его войны ведены смѣло, но тѣмъ не менѣе методически».

Наполеону и въ голову не приходитъ рекомендовать руководиться такимъ неопредѣленнымъ и разнообразнымъ элементомъ, какъ «собственный здравый смыслъ».

Руководителями онъ считаетъ истинные принципы войны—вѣчные, независящіе отъ обстановки,—это ясно изъ того, что они тѣ-же самые, какъ для Александра, такъ и для Наполеона, которыхъ по времени отдѣляетъ 20 вѣковъ—и говоря, что «обстановка повелѣваетъ» онъ лишь выражаетъ, что способы примѣненія этихъ вѣчныхъ принциповъ зависятъ отъ обстановки, но ни въ коемъ случаѣ не хочетъ сказать, что къ принципамъ надо относиться осмотрительно, какъ къ чему-то опасному, могущему ввести въ заблужденіе.

Дѣйствія адмирала Ито въ 1894 году съ точки зрѣнія частныхъ правилъ морской войны и общихъ принциповъ военнаго дѣла.

Къ нимъ надо относиться не осмотрительно, а ихъ надо понимать и знать какое ихъ назначеніе. Вотъ это вѣрно. Но это вѣрно вообще,—надо понимать назначеніе всего чѣмъ пользуешься.

Принявъ правило, да еще выраженное въ формѣ рецепта за принципъ, С. О. Макаровъ хочетъ въ данномъ случаѣ показать, что адмиралъ Ито хорошо сдѣлалъ, сообразуясь съ обстановкой, а не съ правиломъ, и правильно поступилъ, не предпринимая ничего противъ китайскаго флота. Но къ сожа-

---

*) Лееръ. Методъ военныхъ наукъ, стр. 47.

**) Лееръ. Методъ военныхъ наукъ, стр. 44 и 46.

8*

ленію и это не такъ. Адмиралъ Макаровъ какъ-бы видитъ только два способа для Ито выполнить указаніе Коломба и Мегена. Либо брать Портъ-Артуръ, либо заблокировать въ немъ китайскій флотъ. Здѣсь кстати указать, что второй способъ совершенно соотвѣтствовалъ обстановкѣ, такъ какъ китайскій флотъ весь находился въ Портъ-Артурѣ, и безопасность подвоза провіанта при движеніи японской арміи по берегу была-бы совершенно обезпечена, установленіемъ блокады Портъ-Артура. Но на самомъ дѣлѣ адмиралъ Ито,—и на это не указываетъ С. О. Макаровъ—не только не установилъ блокады Портъ-Артура, но и вообще не наблюдалъ за китайскимъ флотомъ, такъ что послѣдній *безъ его вѣдома* перешелъ изъ Портъ-Артура въ Вей-ха-вей. Такой образъ дѣйствій ужъ совершенно не отвѣчалъ обстановкѣ, такъ какъ подвергалъ десантную экспедицію, назначенную для взятія Портъ-Артура, значительному и притомъ *безполезному* риску, разъ адмиралъ Ито даже не зналъ—гдѣ непріятельскій флотъ? Помимо этого, изъ за такой оплошности японцевъ, одновременно со взятіемъ Портъ-Артура, что далось имъ очень легко, не былъ взятъ и весь китайскій флотъ, а изъ за этого пришлось предпринимать тяжелую зимнюю экспедицію для взятія Вей-ха-вея, гдѣ укрылся непріятельскій флотъ, и кампанія значительно затянулась.

Такимъ образомъ никакъ нельзя говорить, что «въ тѣхъ обстоятельствахъ въ которыхъ былъ адмиралъ Ито, выборъ рода дѣйствія былъ правиленъ и оправдался на дѣлѣ», а тѣмъ болѣе нельзя было къ заключеніямъ изъ такого неправильнаго разсужденія привлекать Наполеона, который ни въ коемъ случаѣ не одобрилъ-бы такого способа дѣйствій.

Вотъ если-бы С. О. Макаровъ посмотрѣлъ на дѣйствія адмирала Ито, не съ точки зрѣнія частнаго правила, принятаго имъ за принципъ—хотя въ данномъ случаѣ и правило было примѣнимо—а съ точки зрѣнія настоящихъ принциповъ веденія войны, то онъ вѣроятно не пришелъ-бы къ ложнымъ заключеніямъ.

Правило высказанное Коломбомъ и Мегеномъ, это,—приложенное лишь къ извѣстной обстановкѣ, выраженіе *прин-*

ципа безопасности операціи. Вотъ съ точки зрѣнія этого принципа нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія адмирала Ито были неправильны, такъ какъ безопасность десантной экспедиціи не была имъ обезпечена, разъ онъ даже на столько не наблюдалъ за китайскимъ флотомъ, что не зналъ въ каждый данный моментъ—гдѣ онъ находится—въ Портъ-Артурѣ или въ морѣ?

Точно также его дѣйствія неправильны съ точки зрѣнія и принципа внутренней цѣлости и единства дѣйствій (стр. 104), и съ точки зрѣнія принципа подготовки удара.

Какъ подготовка удара, такъ и цѣльность операціи—требовали заблокированія китайскаго флота въ Портъ-Артурѣ.

Противупоставленіе принциповъ сухопутной войны принципамъ морской—печальное недоразумѣніе, вредящее созданію единства военной мысли.

Все изъ того-же непониманія—что такое изъ себя представляетъ принципъ—исходитъ адмиралъ Макаровъ, и выдѣляя принципъ взаимной поддержки, какъ не столь пригодный на морѣ, какъ на сухомъ пути, тогда какъ принципъ сосредоточенія силъ не обладаетъ этимъ опаснымъ качествомъ.

Здѣсь печально прежде всего то, что такой авторитетный голосъ раздѣляетъ основные принципы военнаго дѣла на сухопутные и морскіе, когда этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и это не только не полезно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приноситъ даже не малый вредъ, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить подробно (см. глава I, стр. 40—43). И этого-бы не было, если-бы адмиралъ Макаровъ принималъ за принципы—только *неизмѣнныя* условія, ведущія къ побѣдѣ. т. е. независящія совершенно отъ обстановки, а значитъ и отъ моря или суши, а также, если-бы онъ сознавалъ, что принципы опредѣляютъ собою сущность военныхъ явленій, какъ борьба человѣка съ человѣкомъ, и что всѣ они могутъ быть выведены изъ моральной стороны человѣка, который, по своей сущности, тотъ-же и на морѣ и на сухомъ пути, и теперь и тысячу лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ увидѣлъ-бы что всѣ принципы, какъ исходящіе изъ одного начала, крѣпко связаны между собою, что они переливаются другъ въ друга, что они по существу—едины.

Тогда онъ не рѣшился-бы утверждать, что на сухомъ пути люди могутъ быть стойки только при условіи увѣренности, что въ критическую минуту къ нимъ подоспѣетъ помощь, а что на морѣ существуетъ взамѣнъ этого нѣчто другое. Выводя принципъ взаимной поддержки, какъ неизмѣнное условіе для подъема духа личнаго состава, нельзя придти къ такому странному заключенію.

Почему адмиралъ Макаровъ думаетъ, что именно морякамъ надо принципъ взаимной поддержки понимать въ смыслѣ дружнаго нападенія на врага? Безспорно, именно такъ онъ понимается и на сухомъ пути. Именно отсутствіе сознанія—что такое принципъ вообще и принципъ взаимной поддержки въ частности, и откуда они выводятся, могли привести С. О. Макарова къ мысли, что на морѣ принципъ взаимной поддержки понимается военной наукой какъ помощь поврежденнымъ кораблямъ, а недостаточное углубленіе въ историческіе факты заставило его понять фразу приказа Вильнева (стр. 109), какъ указаніе, что онъ поставилъ главной своей задачей помощь своимъ кораблямъ именно въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ адмиралъ Макаровъ принципъ взаимной поддержки для сухопутнаго боя. Этимъ и объясняется боязнь адмирала Макарова, что «командиръ усвоившій себѣ принципъ взаимной поддержки» можетъ бросить начинающаго сдавать противника, чтобы пойти на помощь своему кораблю, что при выходѣ какого нибудь корабля изъ строя изъ за порчи машины, другой можетъ самовольно выйти изъ строя, чтобы остаться при поврежденномъ кораблѣ, и что передъ боемъ адмиралу надобно будетъ растолковать кому слѣдуетъ, какъ надо понимать принципъ взаимной поддержки и т. п...

Невѣрно утвержденіе, что адмир. Вильневъ былъ разбитъ изъ за того что онъ ,,поставилъ

На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Помощь «наиболѣе терпящимъ кораблямъ» Вильневъ понималъ именно какъ сосредоточеніе всѣхъ своихъ силъ именно къ тому участку своего строя, на который со всѣми своими силами обрушится противникъ, т. е. значитъ онъ требовалъ совершенно правильнаго приложенія принципа взаимной поддержки, который изъ себя на самомъ дѣлѣ и представляетъ не болѣе, какъ выра-

женіе того же принципа сосредоточенія силъ, но лишь при оборонѣ.

себѣ главной задачей помощь своимъ кораблямъ".

Адмиралъ Макаровъ навѣрно не высказалъ-бы такого предположенія, если-бы онъ познакомился съ классическимъ описаніемъ Трафальгарскаго боя Жюрьенъ-де-ла-Гравьера, который по поводу предположеній Вильнева говоритъ такъ*):

«Вильневъ, — что-бы противъ этого не говорили, — былъ все-таки самый свѣдующій офицеръ и самый искусный тактикъ, но только не самый твердый характеръ во французскомъ флотѣ. Онъ съ отчаяніемъ въ душѣ предугадывалъ намѣренія своего искуснаго противника. «Онъ не удовольствуется тѣмъ» говорилъ онъ своимъ офицерамъ «чтобы, построясь въ линію баталіи параллельно намъ, положиться въ остальномъ на свою артиллерію. Онъ будетъ стараться окружить нашъ арьергардъ, прорѣжетъ нашу линію, и на тѣ изъ кораблей нашихъ, которые ему удастся вырвать изъ ордера, устремить цѣлыя массы своихъ, чтобы ихъ окружить и уничтожить».

«Желая противупоставить такой необыкновенной тактикѣ подобную-же, Вильневъ предполагалъ тогда устроить въ линію только то число кораблей, которое будетъ у англичанъ; остальную-же часть флота ввѣрить адмиралу Гравинѣ, и составить такимъ образомъ резервъ, готовый устремиться на помощь угрожаемымъ кораблямъ».

Такимъ образомъ то, чего требовалъ отъ своихъ командировъ Вильневъ — было сосредоточеніе къ атакованному пункту, но чего у нихъ не было — это подготовки къ проявленію принципа взаимной поддержки и старанія адмирала растолковать имъ передъ боемъ — какъ надо понимать принципъ взаимной поддержки, не привели ни къ чему, не смотря на то, что онъ угадалъ даже участокъ куда непріятель сосредоточитъ свои силы и способъ, которымъ онъ это сдѣлаетъ.

И такъ и здѣсь принципъ взаимной поддержки самъ собою переливается въ принципъ сосредоточенія силъ.

---

*) Морскія войны временъ французской республики и Имперіи. Часть II-я, стр. 115.

Я потому неоднократно возвращаюсь къ этому приказу Вильнева и его критикѣ, что изъ одного изъ величайшихъ сраженій, именно по этому пункту дѣлаются совершенно ложные выводы. Хотятъ показать, что вотъ Вильневъ построилъ весь свой планъ на принципѣ взаимной поддержки и былъ разбитъ — а значитъ принципъ взаимной поддержки опасенъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ, Вильневъ только понималъ, что единственная надежда отбиться отъ противника — это вести бой на почвѣ энергичной взаимной поддержки, онъ стремился это сдѣлать разъясненіемъ передъ боемъ и приказомъ, но, какъ и надо было ожидать, цѣли своей не достигъ, и, какъ вкратцѣ было выше указано (стр. 109) — именно взаимной-то поддержки и не оказалось въ союзномъ флотѣ.

Тутъ конечно не мѣсто касаться тѣхъ разнообразныхъ причинъ, которыя привели союзниковъ къ разгрому при Трафальгарѣ. Но по скольку въ эти причины входятъ основные принципы военнаго дѣла, можно съ увѣренностью сказать, что не изъ за того былъ разбитъ Вильневъ, что онъ не построилъ свой планъ на принципѣ взаимной поддержки, а совершенно обратно — именно оттого, что союзный флотъ оказался неспособнымъ къ проявленію принципа взаимной поддержки.

Мы вѣдь теперь занимаемся выясненіемъ основъ военной науки, а потому ложный выводъ, касающійся этихъ основъ, сдѣланный изъ одного изъ важнѣйшихъ для военно-морского дѣла историческихъ фактовъ и притомъ лицомъ, имѣющимъ огромный авторитетъ въ нашемъ флотѣ, не можетъ остаться неопровергнутымъ въ настоящей работѣ. Въ томъ-то и дѣло, и это должно быть тщательнѣйшимъ образомъ разъяснено при установленіи основъ военной науки, что всѣ принципы — это единое, всѣ они переливаются другъ въ друга. И принципъ взаимной поддержки всего явственнѣе переливается въ принципъ сосредоточенія силъ и въ эскадренномъ бою — именно путемъ поддержки атакованнаго участка строя, т. е. способомъ примѣненнымъ Вильневомъ.

Въ эскадренномъ бою, командиру каждаго изъ кораблей, конечно, прежде всего надо стремиться къ тому, чтобы принять активное участіе въ бою, чтобы не остаться безъ против-

ника. Но при этомъ стремленіи, командиру корабля не разъ и притомъ мгновенно придется рѣшать вопросъ—направить-ли свои усилія туда, гдѣ уже сражаются его товарищи, т. е. оказать-ли имъ поддержку, или схватиться съ тѣми непріятельскими кораблями, которые еще не приняли участія въ бою?

Въ эскадренномъ бою принципъ взаимной поддержки приведетъ къ сосредоточенію силъ.

Конечно общее рѣшеніе придумать для этого трудно—очень много будетъ зависѣть это отъ обстановки и отъ глазомѣра командира, т. е. отъ его умѣнья оцѣнить данную обстановку. Но все-таки можно сказать, что общее стремленіе командировъ сцѣпиться съ неучаствующими еще въ сраженіи непріятельскими кораблями, поведетъ къ *равенству* шансовъ, къ распредѣленію своей силы по всей силѣ непріятеля, въ извѣстномъ смыслѣ—къ *разброскѣ* своихъ силъ, тогда какъ стремленіе къ поддержкѣ своихъ поведетъ къ сосредоточенію своей силы противъ части непріятеля. Конечно и непріятель можетъ поступить точно такимъ-же образомъ и тогда въ концѣ концовъ бой сдѣлается общимъ, и шансы сравняются, и вся сила одного распредѣлится по всей силѣ другого. Но вѣдь этотъ результатъ будетъ лишь тотъ, къ которому привелось-бы сраженіе съ самаго начала, если-бы мы откинули соображеніе о непосредственной поддержкѣ уже вступившихъ въ бой кораблей. Значитъ потери, при проведеніи этого принципа не произошло, а выигрышъ могъ быть, такъ какъ всякая ошибка непріятеля, всякое промедленіе съ его стороны, продолжитъ то время, впродолженіи котораго наши силы будетъ сосредоточены противъ его части.

Такимъ образомъ, въ общемъ, слѣдованіе въ бою принципу взаимной поддержки, поведетъ къ принципу сосредоточенія силъ, т. е. одинъ принципъ какъ-бы переливается въ другой.

Одно изъ общеупотребительныхъ возраженій противъ

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ по поводу одного очень общеупотребительнаго возраженія противъ какихъ-либо общихъ отвлеченныхъ идей о веденіи боя, и вообще о теоріи всякихъ способовъ получить перевѣсъ надъ противникомъ уже *въ самомъ бою*. На всякую такую идею, на всякій спо-

теоретических идей о веденіи боя.

собѣ вамъ возражаютъ — но развѣ не можетъ того-же сдѣлать и противникъ, и тогда къ чему ваша идея и способъ? Это было-бы совершенно логично, но только при одномъ условіи— при полномъ тождествѣ противниковъ. А этого-то какъ разъ и не бываетъ. Не бываетъ и матеріальнаго тождества, хотя въ большей или меньшей мѣрѣ оно все-таки допустимо, но совершенно нельзя себѣ представить тождества въ моральной сторонѣ личнаго состава и въ способностяхъ начальниковъ различныхъ степеней.

Конечно допуская и такое тождество, т. е. собственно говоря, разсуждая въ безвоздушномъ пространствѣ, можно допустить, что нѣтъ такой идеи съ одной стороны, которой не могла-бы быть противупоставлена столь-же плодотворная идея съ другой, что нѣтъ такого маневра одного изъ противниковъ, который не могъ-бы быть съ успѣхомъ отпарированъ другимъ.

Про бой происходящій при такихъ условіяхъ можно сказать только одно — онъ будетъ очень рѣшителенъ, кровопролитенъ и именно такой-то бой и рѣшитъ какая-нибудь случайность. Именно такая идеальная обстановка и создастъ царство случая.

Но вѣдь на самомъ дѣлѣ такой обстановки не бываетъ и быть не можетъ. Противники различны, какъ въ матеріальномъ такъ и въ особенности въ моральномъ отношеніи—въ обученіи, въ талантѣ руководителей. Дѣйствія какъ той, такъ и другой стороны будутъ представлять рядъ вольныхъ и невольныхъ (отъ недостатковъ въ матеріальной части) промаховъ и недостатковъ. Всякое опозданіе въ противупоставленіи идеѣ или способу употребленному противникомъ соотвѣтствующей идеи или способа — поведетъ къ тому, что примѣненная имъ идея или способъ дадутъ уже ощутительный результатъ въ его пользу, создадутъ — что особенно важно — моральный перевѣсъ, и такимъ образомъ создадутъ благопріятную почву и для дальнѣйшаго использованія идеи или способа. И вотъ для того, чтобы быть готовымъ бороться съ идеями и способами противника, чтобы предупредить его въ приложеніи выгодныхъ идей и способовъ, чтобы воспользоваться его промедленіями, ошибками и недостатками, надо имѣть совершенно

ясное представленіе объ идеяхъ и способахъ задолго до боя, сдѣлать ихъ ясными для всего личнаго состава, пропитать его ими, (одни получаютъ эту ясность сознаніемъ, другіе — посредствомъ внушенія) и тогда въ бою всѣ эти способы будутъ использованы *инстинктивно,* и вотъ это качество инстинктивности въ принятіи рѣшеній особенно цѣнно въ бою. Добиться-же этого можно только съ помощью совмѣстной работы научныхъ изслѣдованій теоріи съ безпрерывно ихъ повѣряющей и дающей для нихъ матеріалъ практикой.

Поступать иначе, т. е. положиться исключительно на наличіе хорошихъ кораблей, обильныхъ запасовъ, хорошую техническую выучку личнаго состава (командировъ — управлять кораблями, комендоровъ — стрѣлять, эскадръ — держаться въ строю и маневрировать, и т. п.) и на его мужество — это значитъ упустить все-таки главное — *творческую* способность человѣка при употребленіи всѣхъ этихъ превосходныхъ средствъ.

Эта творческая способность тоже можетъ быть развита и направлена на правильный путь и вотъ для этого-то и служитъ военная наука вообще и принципы военнаго дѣла — въ частности. Даже творчество нуждается въ развитіи и направленіи.

Къ этому вопросу я еще вернусь (см. Гл. IV), а пока обратимся къ изслѣдованію еще нѣкоторыхъ принциповъ военнаго дѣла.

Изслѣдованія о нѣкоторыхъ сторонахъ сущности моральной стороны человѣческой природы.

Какъ я дѣлалъ это и раньше, буду и въ дальнѣйшемъ выводить ихъ изъ духовной стороны человѣка. Но сначала нѣсколько дополню тѣ указанія, которыя были сдѣланы раньше (см. стр. 97—100) относительно этой духовной стороны, и относительно психологіи организованной толпы, каковой является всякая часть военной силы.

«Человѣкъ» говоритъ Компсано *) говоря вообще, есть злое животное, въ которомъ, воспитаніе и цивилизація, далекія отъ уничтоженія борьбы (матеріальной или моральной) за

*) Опытъ военной психологіи, стр. 19.

существованіе, умножили средства борьбы, сдѣлавъ его еще болѣе опаснымъ».

Первобытный человѣкъ, который легко убивалъ, чтобы не быть убитымъ самому, понемногу, путемъ культуры дошелъ до воздержанія отъ кровожадности и наконецъ — и до отвращенія къ ней, вѣдь тоже во имя непосредственнаго своего личнаго интереса. И едва-ли можно отрицать, что главнымъ средствомъ воздѣйствія на пути этой стороны культурнаго развитія человѣка — было установленіе отвѣтственности за проявленіе его дикихъ инстинктовъ вредныхъ другимъ.

Отвѣтственность матеріальная (лишеніе жизни, имущества и т. п.) перешла затѣмъ и въ нравственное чувство. Значить, чтобы теперь привести человѣка въ такое состояніе, чтобы онъ могъ убивать — а это необходимо для войны — надо пробудить въ немъ его первобытные инстинкты, снять съ него чувство отвѣтственности за нихъ и наконецъ — окружить эти поступки нравственнымъ ореоломъ и такимъ образомъ оправдать ихъ въ его глазахъ.

Чтобы человѣкъ могъ убивать, надо пробудить его первобытные инстинкты и снять съ него чувство отвѣтственности.

Суммируются инстинкты присущіе человѣку и именно низменные легче всего въ толпѣ (см. стр. 98), точно также именно въ толпѣ человѣкъ теряетъ чувство отвѣтственности за свои поступки, а потому именно въ толпѣ онъ легче проявляетъ свои инстинкты. Кромѣ того въ военной организованной толпѣ эту отвѣтственность на себя открыто принимаютъ начальники. Наконецъ — убійство на войнѣ окружается ореоломъ патріотическихъ чувствъ, еще болѣе ясно ощутимыхъ, когда человѣкъ видитъ, что кругомъ всѣ дѣлаютъ тоже.

Такимъ образомъ для веденія войны, необходимо соединить людей въ организованныя толпы, и помимо тѣхъ соображеній, которыя были уже подробно разсмотрѣны при изслѣдованіи принципа сосредоточенія силъ (см. стр. 97—100).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо считаться и съ той психологіей, которая создается въ толпѣ только потому, что она — толпа.

Лебонъ высказываетъ о человѣкѣ тотъ-же взглядъ, что и Компсано. «Инстинкты разрушительной свирѣпости» говоритъ

онъ*), составляющіе остатокъ первобытныхъ временъ, дремлютъ въ глубинѣ души каждаго изъ насъ. Поддаваться этимъ инстинктамъ опасно для изолированнаго индивида, но когда онъ находится въ неотвѣтственной толпѣ, гдѣ слѣдовательно, обезпечена ему безнаказаность, то онъ можетъ свободно слѣдовать велѣнію своихъ инстинктовъ. Не будучи въ состояніи въ обыкновенное время удовлетворять эти свирѣпые инстинкты на нашихъ ближнихъ, мы ограничиваемся тѣмъ, что удовлетворяемъ ихъ на животныхъ. Общераспространенная страсть къ охотѣ и свирѣпыя дѣйствія толпы вытекаютъ изъ одного и того-же источника».

Вотъ что, напр., приходится наблюдать въ настоящее, яко-бы культурное, время.

Кровожадные инстинкты заложены въ человѣческой природѣ.

Въ городѣ Валенціи, на рѣкѣ Ронѣ (Франція) 22 Сентября 1909 г. была совершена публичная казнь. Какъ сообщаетъ объ этомъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (10 Октября 1909 г.) публичная казнь и на этотъ разъ, какъ и въ Беттенѣ (при казни шайки Поле), сдѣлалась предметомъ народной оргіи. Казнь привлекла въ Валенцію огромную толпу не только изъ окрестностей, но даже изъ Парижа. Поѣзда накапунѣ казни вечеромъ приходили переполненные пассажирами. Окна и балконы, обращенные къ тюрьмѣ, занимались съ боя. Платили, какъ въ театрахъ на представленія знаменитостей, по 100 франковъ за мѣсто. Всю ночь передъ тюрьмой стояла огромная толпа. Ночью разразилась страшная гроза, но и она не разогнала толпу. Поведеніе толпы приняло положительно характеръ буйной и дикой оргіи, когда вывели преступниковъ. Вся толпа пѣла, кричала, смѣялась, свистала, проклинала, нѣкоторые приплясывали. Поведеніе толпы, опьяненной видомъ гильотины и запахомъ крови, вызываетъ французскихъ юристовъ на серьезныя размышленія о необходимости отмѣнить публичное совершеніе казней. Публицистовъ же — сцены въ Беттенѣ и Валенціи вызываютъ на другія размышленія — о чудовищной озвѣрѣлости французскаго народа.

*) Психологія народовъ и массъ. Стр. 192.

А вотъ какую картину суда Линча надъ негромъ даетъ Америка (Штатъ Иллинойсъ)*).

Негръ этотъ обвинялся въ изнасилованіи и убійствѣ бѣлой дѣвушки, магазинной продавщицы. Когда онъ былъ пойманъ, то для линчеванія его собралось до 10.000 человѣкъ, среди которыхъ было множество женщинъ. Толпа положительно озвѣрѣла. Сперва негра повѣсили, затѣмъ изъ ружей и пистолетовъ пробили все тѣло пулями. Протащивъ трупъ нѣкоторое разстояніе, отрубили голову и торжественно водрузили ее на шестъ, затѣмъ вырѣзали сердце и разорвали на мелкіе кусочки, а туловище сожгли. Кусочки сердца участники линчеванія забрали на память, какъ и куски веревки, омоченные кровью. Веревку при повѣшеніи затянули женщины, онѣ-же развели огонь для сожженія трупа. Послѣ этого, толпа, въ поискахъ за другимъ негромъ — соучастникомъ, бросилась въ тюрьму, разрушила камеру, въ которой содержался преступникъ (бѣлый), убившій свою жену и обрушила свою ярость на него. Несчастнаго выволокли на улицу, повѣсили на фонарномъ столбѣ и разстрѣляли.

Наличіе прирожденныхъ дурныхъ инстинктовъ въ человѣкѣ признаетъ и Шопенгауеръ.

«Кто-то сказалъ мнѣ однажды» говоритъ онъ**) «что въ каждомъ человѣкѣ таится нѣчто очень хорошее и человѣколюбивое, а также и нѣчто дурное и недоброжелательное; и смотря по тому, какъ онъ расположенъ, проявляется то одно, то другое. Это совершенно вѣрно!»

«Видъ чужихъ страданій вызываетъ не только въ разныхъ людяхъ, но и въ одномъ человѣкѣ одинъ разъ безграничное состраданіе, а другой разъ нѣкоторое удовлетвореніе, которое можетъ усилиться до самаго жестокого злорадства. Я и самъ на себѣ замѣчаю, что на всѣ существа я смотрю иногда съ задушевнымъ состраданіемъ, иногда съ величайшимъ равнодушіемъ, а подчасъ съ ненавистью и даже злорадствомъ».

---

*) Бирж. Вѣд. отъ 2/IX 9.

**) Цитирую по „Кругу чтенія“ Л. Н. Толстого, на 16-е Августа.

«Все это служитъ явнымъ указаніемъ на то, что у насъ есть два различныхъ и даже прямо противуположныхъ способа познанія: одинъ — по принципу обособленности, разобщенности, отчужденности; когда всѣ существа кажутся намъ совершенно чуждыми, когда они — рѣшительно не я: мы не можемъ тогда къ нимъ чувствовать ничего, кромѣ равнодушія, зависти, ненависти, злорадства».

«И другой способъ познанія, который мнѣ хотѣлось-бы назвать познаніемъ по сознанію нашего единства со всѣми. При этомъ способѣ познанія всѣ существа кажутся намъ тождественными съ нашимъ я, и потому видъ ихъ вызываетъ въ насъ состраданіе и любовь».

«Одинъ типъ раздѣляетъ насъ другъ отъ друга непроницаемой стѣной, другой убираетъ стѣну, и мы сливаемся въ одно. Одинъ способъ научаетъ насъ чувствовать относительно каждаго существа, что оно — я, а другой, — что оно — не я».

Первый способъ — это нравственный идеалъ къ которому стремится человѣкъ, — второй способъ — этотъ тотъ, который надо искусственно привить къ человѣку, въ той или иной степени, въ зависимости отъ того на сколько близокъ онъ къ идеалу — для того, чтобы сдѣлать его пригоднымъ для участія въ войнѣ и въ бою.

Чтобы приспособить людей для боя надо собрать ихъ въ организованную толпу и внушить ей право убивать.

Одна изъ наилучшихъ обстановокъ для этого — собрать людей въ организованную толпу. Одно изъ лучшихъ средствъ воздѣйствія — это примѣръ и внушеніе, которымъ именно легче всего поддается толпа, которая живетъ не умомъ, а чувствомъ, которая поддается не логическимъ доказательствамъ, а образамъ и заразѣ. Толпа безхитростна и проста — она первобытна.

Военная сила не всегда толпа и не во всемъ похожа на обыкновенную толпу. Въ мирное время — это каста. По опредѣленію Компсано *), «масса, состоящая изъ индивидовъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ быть можетъ различныя мысли

*) Опытъ военной психологіи. Стр. 66—69.

и желанія, но которые собраны для одного и того-же дѣла, съ полнымъ правомъ можетъ быть названа кастой. Каста преподноситъ своимъ членамъ готовую одежду, готовыя идеи, утвержденныя правила поведенія, не позволяя имъ думать своимъ умомъ. Между тѣмъ въ психологической толпѣ объединеніе чувствъ и мыслей совершается путемъ заразы, съ поразительной быстротой и съ тою-же скоростью исчезаетъ. Въ кастѣ тотъ-же процессъ совершается — въ силу привычки и традиціи, которая ничто иное, какъ привычка исторіи, — медленно, а исчезаетъ такъ же медленно и трудно, какъ и всякое качество, съ трудомъ усвоенное. На военныхъ парадахъ мы видимъ довольно крупное «множество», но не психологическую толпу, потому что для церемоніальнаго марша никто не станетъ взывать къ высшимъ чувствамъ солдатъ. На маневрахъ людямъ приходится переносить извѣстное утомленіе, но такъ какъ они рѣдко подвергаются при этомъ лишеніямъ и въ то-же время сознаютъ, что лишь изображаютъ сраженіе, то относятся къ нимъ довольно равнодушно, смотря на нихъ какъ на простыя ученья. Но на войнѣ, гдѣ солдатъ рискуетъ жизнью, условія мѣняются и армія преобразуется, да и должна преобразоваться въ психологически соединенное множество, въ толпу. Толпа эта хотя по своимъ главнымъ особенностямъ и похожа на обыкновенную толпу, но имѣетъ и особыя отличительныя черты».

Особенности организованной военной толпы.

«Тогда какъ импровизированное множество можетъ напрягать свою дѣятельность лишь въ теченіе короткаго промежутка времени, т. е. пока не улегся энтузіазмъ къ соединившему его дѣлу, организованная армія подготовлена къ продолжительному дѣйствію. Утрачивая свойства чрезвычайной импульсивности и перемѣнчивости, общихъ другимъ массамъ, армія пріобрѣтаетъ два новыхъ качества — прочность и устойчивость. Но важнѣйшая ихъ особенность — это дисциплина. Когда войска мучатся отъ голода на сыромъ и холодномъ бивакѣ, когда они въ теченіе цѣлыхъ часовъ пассивно выносятъ непріятельскій огонь или когда они, послѣ пораженія, преслѣдуются противникомъ, находясь наканунѣ полной паники, то не можетъ быть и вопроса объ энтузіазмѣ; на-

прасно-бы стали мы искать спасенія въ немъ. По мнѣнію Блюме — одна только дисциплина можетъ въ этихъ случаяхъ обезпечить связь между войсками и вернуть имъ утраченную крѣпость».

«Но именно такая дисциплина, какъ опредѣляетъ ее фонъ-деръ-Гольцъ — которая основана на обоюдномъ довѣріи между солдатами и вождями ихъ. Если солдатъ, идущій на встрѣчу непріятельскимъ пулямъ, знаетъ, что его сосѣдъ дѣлаетъ то же самое; если у него имѣется сознаніе, что онъ не будетъ покинутъ въ моментъ величайшей опасности въ бою, ни своими товарищами, ни своими начальниками, то сердце его забьется чувствомъ долга и чести, — чувствомъ, которое не позволитъ ему отстать отъ товарищей и заставитъ его презирать всякую опасность».

«Въ данномъ случаѣ вполнѣ примѣнимо выраженіе «удерживать массу массой», потому что иногда достаточно одной трещины, чтобы распалось все цѣлое, какъ внезапно охлажденное стекло, по выраженію Клаузевица».

Въ извѣстные моменты и военная часть подчиняется законамъ управляющимъ обыкновенной толпой.

Но хотя военная толпа и имѣетъ свои особенности, но въ общемъ, и въ особенности въ извѣстные моменты крайняго и быстраго напряженія, напр., въ бою, она подчиняется законамъ управляющимъ обыкновенной организованной толпой, и изученіе психологіи такой толпы непремѣнно должно войти въ область военной науки, особенно въ той ея части, которая занимается основами, сущностью науки.

Еще нѣкоторыя данныя о психологіи толпы.

«Если толпа способна на убійство, поджоги и всякаго рода преступленія» говоритъ Лебонъ*), «то она способна также и на очень возвышенныя проявленія преданности, самопожертвованія и безкорыстія, болѣе возвышенныя даже чѣмъ тѣ, на которыя способенъ отдѣльный индивидъ. Дѣйствуя на индивидъ въ толпѣ и вызывая у него чувства славы, чести, религіи и патріотизма, легко можно *заставить его пожертвовать даже своей жизнью* . . . Только толпа способна къ проявленію величайшаго безкорыстія и величайшей преданности.

*) Психологія народовъ и массъ. Ст. 192—193. Здѣсь конечно дѣло идетъ не исключительно о военной толпѣ.

Какъ много разъ толпа героически умирала за какое нибудь вѣрованіе, слова или идеи, которыя она сама едва понимала. Личный интересъ очень рѣдко бываетъ могущественнымъ двигателемъ въ толпѣ, тогда какъ у отдѣльнаго индивида онъ занимаетъ первое мѣсто. Никакъ не интересъ конечно руководилъ толпой во многихъ войнахъ, всего чаще недоступныхъ ея понятіямъ, но она шла на смерть и такъ-же легко принимала ее, какъ легко даютъ себя убивать ласточки, загипнотизированныя зеркаломъ охотника. Случается очень часто, что даже совершенные негодяи, находясь въ толпѣ, проникаются временно самыми строгими принципами морали».

Всякая толпа, а значитъ и военная, легко подвержена паникѣ.

Но именно эта легкость дѣйствія на толпу примѣра, внушенія, — эта быстрота съ которою въ толпѣ передается внушеніе, эта быстрота распространенія психической заразы — представляетъ не малую опасность для военной толпы, ибо также быстро въ ней распространяется страхъ, какъ и доблесть. Именно толпа легче всего подвержена паникѣ, безсмысленной, не разсуждающей, стихійной.

Компсано*) приводитъ такой примѣръ. Въ войну 1877—78 г. одинъ изъ румынскихъ полковъ находился въ траншеяхъ подъ Гривицей, и непріятельскія пули безвредно пролетали надъ его головами. Какъ вдругъ, огонь сдѣлался сильнѣе, и одинъ изъ солдатъ такъ перетрусилъ, что выпрыгнулъ изъ траншеи и бросился бѣжать, какъ сумашедшій. Почти всѣ остальные послѣдовали его примѣру, промѣнявъ свое *вѣрное закрытіе* на такое мѣсто, гдѣ десятая часть ихъ была выбита турецкими пулями изъ строя.

Основная причина возможности паники та, что въ каждомъ человѣкѣ крѣпко сидитъ инстинктъ самосохраненія.

И происходитъ это оттого, что каждый человѣкъ въ извѣстной степени трусъ, оттого что въ немъ сидитъ властный инстинктъ самосохраненія, который можно побороть только волей, а воля эта легко отнимается внушеніемъ и заразой ужаса.

Вотъ что говорятъ по этому поводу люди несомнѣнно обладавшіе большой храбростью, видѣвшіе не разъ смерть лицомъ къ лицу — адмиралъ С. О. Макаровъ, и по его свидѣтельству — Скобелевъ.

---

*) Опытъ военной психологіи, стр. 117.

«Всякое живое существо», говоритъ Макаровъ *) «въ силу инстинкта, боится смерти, но человѣку дана воля, чтобы побороть въ себѣ этотъ инстинктъ. Мы видимъ, что звѣри не только боятся смерти каждый для себя, но боятся и смерти другихъ, себѣ подобныхъ. Когда какое нибудь животное впадаетъ въ предсмертную агонію, то все окружавшее его стадо разбѣгается».

«Человѣкъ поборолъ въ себѣ это чувство и онъ безбоязненно работаетъ у умирающаго, чтобы облегчить его агонію или возвратить его къ жизни. Болѣе того, человѣкъ съ древнихъ временъ стремится побороть въ себѣ опасеніе за свою жизнь и военная доблесть, въ которой пренебреженіе къ смерти есть главное, давно уже была въ наибольшемъ почетѣ».

Адмиралъ Макаровъ и Скобелевъ о трусости.

«Надо однако-же имѣть въ виду, что никакимъ воспитаніемъ нельзя вполнѣ побороть природный инстинктъ. Мы для примѣра возьмемъ самого Скобелева, котораго никто не упрекнетъ въ трусости».

«Автору привелось перевозить моремъ раненыхъ подъ Плевной и въ другихъ мѣстахъ и судить объ отвагѣ Скобелева по разсказамъ людей, которымъ не было интереса хвалить его. Всѣ они въ одинъ голосъ превозносили Скобелева и говорили, что чѣмъ опасность сильнѣе, тѣмъ Скобелевъ казался веселѣе. Мы вспоминаемъ нашъ разговоръ со Скобелевымъ передъ Ахалъ-Текинской экспедиціей. Скобелевъ распрашивалъ автора о подробностяхъ минныхъ атакъ, причемъ авторъ говорилъ ему, что все дѣло тутъ въ личной храбрости».

«Я воображаю, сказалъ авторъ, что сдѣлали-бы вы, никогда не знавшій чувства страха»?

«Вы ошибаетесь, если думаете, что есть люди совершенно безъ страха, отвѣтилъ Скобелевъ. Я въ это не вѣрю и думаю, что всякій человѣкъ, въ одномъ случаѣ беззавѣтно храбръ, въ другомъ — труслнвъ. Въ большей части случаевъ, у человѣка съ достаточно сильной волей хватитъ самообладанія, чтобы побороть въ себѣ чувство страха, но я самъ помню,

*) Разсужденія по вопросамъ морской тактики. Стр. 82—85.

какъ лежалъ въ канавѣ и не смѣлъ приподнять голову, ибо мнѣ казалось, что надо мной сплошная туча пуль. Черезъ нѣсколько минутъ я поборолъ въ себѣ это чувство и чтобы наказать себя, пошелъ еще въ большій огонь, но когда лежалъ въ канавѣ, я былъ самый жалкій трусъ».

«Изъ этого разсказа Скобелева можно вывести то нравоученіе, что если подъ огнемъ у кого нибудь явится чувство страха, то надо этому не удивляться, а слѣдуетъ только сознательно побороть въ себѣ это чувство и самообладаніе сейчасъ-же явится. Чѣмъ человѣкъ развитѣе, тѣмъ въ большей мѣрѣ онъ можетъ усвоить себѣ самообладаніе».

Въ массѣ нельзя развить самообладаніе заглушающее инстинктъ самосохраненія.

Послѣднія слова очень хороши для единицъ, но они неприменимы къ массѣ. Въ массѣ нельзя развить самообладаніе, къ ней надо примѣнить внушеніе, привить полубезсознательность, заглушающую инстинктъ самосохраненія или такую идею, которая отодвинула-бы мысль о смерти на второй планъ.

«При опасности», говоритъ Компсано *), «когда человѣкъ долженъ жертвовать своей жизнью, все то, что приводитъ его въ полубезсознательное состояніе, облегчаетъ это требуемое отъ него самопожертвованіе. Шумъ (боя) оглушаетъ человѣка, подобно тому, какъ при атакѣ онъ дѣйствуетъ ошалѣвающимъ образомъ на лошадь,—и солдатъ, приведенный въ это состояніе, легче идетъ на смерть».

«Въ рукопашной схваткѣ сражающіеся находятся (подъ вліяніемъ порыва) въ полубезсознательномъ состояніи, въ которомъ они не отдаютъ себѣ отчета, ни въ томъ, что дѣлаютъ, ни въ томъ что должны дѣлать. Въ этомъ состояніи солдаты ни на что не обращаютъ вниманія. Какъ топущій безпорядочно бьется всѣми своими членами, стремясь лишь къ тому, чтобы выйти изъ воды, такъ и бойцы наносятъ удары налѣво и направо, впередъ и назадъ, лишь-бы заставить противника отступить или спастись самимъ. И въ это остервененіе одинаково приходятъ и изящный офицеръ, и грубый крестьянинъ, и посѣдѣвшій въ бояхъ ветеранъ, и неопытный новобра-

*) Опытъ военной психологіи. Стр. 133 и 61.

нецъ. Понятно, что силы тѣхъ и другихъ разныя, но не слѣдуетъ думать, что недостатокъ привычки и цивилизація дѣлаютъ человѣка неспособнымъ убивать и ранить. Это свойство лежитъ въ природѣ человѣка, и Барбостъ*), желая мотивировать влеченіе индивида къ убійству, даетъ слѣдующее объясненіе: изслѣдованія указываютъ, что въ человѣкѣ существуетъ оставшаяся отъ его первобытнаго состоянія склонность къ убійству, нѣчто въ родѣ инстинктивной свирѣпости, находящей себѣ могущественнаго союзника въ наклоности къ подражанію».

Однако рукопашныя схватки очень рѣдки и въ сухопутномъ бою. На морѣ-же онѣ едва-ли допустимы. Поэтому на морѣ едва-ли можно дойти до полубезсознательности въ бою, да къ тому же сложная техника требуетъ именно сознательности въ управленіи ею.

Поэтому именно на морѣ имѣетъ особое значеніе внушеніе, которое очень сильно дѣйствуетъ на толпу, которое лишь заслоняетъ мысль о смерти, но не лишаетъ сознательности. Подспорьемъ здѣсь будетъ служить, въ противуположность, напр., штурму на сухомъ пути, не порывъ, а методизмъ въ дѣйствіи своимъ оружіемъ, болѣе сходный съ характеромъ дѣйствія оружіемъ на сухомъ пути при оборонѣ. А потому имѣетъ особое значеніе для подготовки личнаго состава къ морскому бою тщательность обученія.

Въ морскомъ бою обученіе личнаго состава имѣетъ преимущественное значеніе.

Остановимся еще нѣсколько**) на томъ преимущественномъ значеніи, которое имѣетъ въ морскомъ бою обученіе личнаго состава, такъ какъ эта преимущественность составляетъ одно изъ характерныхъ отличій морского боя отъ сухопутнаго, въ которомъ эта преимущественность не имѣетъ столь преобладающаго значенія. Это происходитъ между прочимъ и отъ того, что на морѣ имѣетъ примѣненіе только метательное оружіе; если даже и считать таранъ холоднымъ оружіемъ — хотя едва-ли это теперь даже вообще

*) На него-же ссылка и у Зыкова „Какъ и чѣмъ управляются люди“, стр. 58.

**) Цитирую здѣсь по моей работѣ „Элементарная тактика“ изд. 1902 г. стр. 18—21.

оружіе — то примѣненіе его находится въ рукахъ одного человѣка на кораблѣ — командира*). При этомъ мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ большую сложность матеріальный части флота, вліяніе которой въ этомъ случаѣ понятно само собою.

Два вида храбрости — пассивная и активная.

Результатъ храбрости — подъемъ духа — можетъ проявляться двоякимъ образомъ — *пассивно и активно.*

Въ первомъ случаѣ храбрость — подъемъ духа выражается тѣмъ, что человѣкъ заставляетъ себя оставаться на мѣстѣ, несмотря на рискъ ежеминутной смерти отъ снарядовъ, которые ему посылаетъ издали непріятель, иногда и совсѣмъ невидимый, — не смотря на льющуюся кругомъ кровь, и стоны раненыхъ.

Во второмъ случаѣ — человѣкъ, не смотря на ту-же страшную обстановку, еще заставляетъ себя двигаться впередъ, и, не смотря на увеличеніе риска смерти и увеличеніе потерь кругомъ, доходитъ до противника и схватывается съ нимъ грудь съ грудью, въ каковой схваткѣ преимущество вооруженія и умѣнья владѣть оружіемъ сводится почти къ нулю. При такомъ движеніи впередъ, необходимый для него порывъ поддерживается примѣромъ идущаго впереди начальника, его энергичными и ободряющими словами, энергіей своего собственнаго стремленія и движенія впередъ, — наконецъ пыломъ и увлеченіемъ непосредственной схватки съ противникомъ.

Пассивная храбрость должна соединяться съ выдержаннымъ и умѣлымъ дѣйствіемъ своимъ оружіемъ, такъ какъ это будетъ единственное средство ослабленія и одолѣнія противника, — иначе она будетъ только качествомъ безропотно подставлять себя подъ удары — геройствомъ не дающимъ результатовъ.

Активная храбрость далеко не требуетъ этого въ такой степени — въ ней главное — не остановиться, и не пойти назадъ.

---

*) „При употребленіи всякаго оружія съ цѣлью уничтожить противника, который имѣетъ то-же намѣреніе относительно васъ, требуется безстрашіе и умѣнье владѣть оружіемъ, но для холоднаго — требуется преимущественно безстрашіе, для метательнаго — умѣнье. Это-же показываетъ, что холодное оружіе отвѣчаетъ преимущественно волѣ, — огнестрѣльное — уму“. Драгомировъ. Учебникъ тактики. Изд. 1881 г. стр. 8.

Въ первой все — строгая дисциплина, хорошее обученіе, методичность и выдержанное хладнокровіе; во второй все — увлеченіе, до потери сознанія опасности, бѣшеный порывъ и упоеніе непосредственной, часто прямо физической борьбой.

На сухомъ пути встрѣчаются оба вида использованія храбрости. Движеніе впередъ подъ огнемъ, для чего-бы оно ни совершалось, — для удара-ли въ штыки, или просто для уменьшенія дистанціи огня, непремѣнно требуетъ искусственнаго возбужденія и подъема духовныхъ силъ, такъ какъ каждый отдѣльный человѣкъ независимъ въ своихъ движеніяхъ: онъ можетъ идти впередъ, можетъ остановиться и наконецъ можетъ начать отступать, и даже обратиться въ бѣгство. И такія средства для подъема духовныхъ силъ, какъ указано было выше, на сухомъ пути существуютъ.

На сухомъ пути оба вида храбрости имѣютъ одинаковое значеніе.

Высокое проявленіе подъема духовныхъ силъ можетъ на сухомъ пути иногда вступить въ серьезную борьбу съ превосходствомъ въ обученіи и въ вооруженіи, и даже одержать надъ ними побѣду. Для этого нужно только, не смотря ни на какія потери, довести достаточное количество, хотя и плохо обученныхъ и плохо вооруженныхъ, но не боящихся смерти, войскъ до схватки грудь съ грудью съ противникомъ. Самымъ яркимъ примѣромъ возможности такихъ случаевъ служитъ жестокое пораженіе итальянцевъ нестройными полчищами абиссинцевъ при Адуѣ 28-го февраля 1896 года.

На сухомъ пути возможны случаи, когда активная храбрость замѣняетъ недостатокъ въ обученіи и матеріальной части.

На морѣ вся обстановка боя представляется въ совершенно другомъ видѣ, и на морѣ явленіе, подобное пораженію при Адуѣ, совершенно невозможно.

На морѣ это невозможно.

На кораблѣ нужна и должна развиваться всѣми способами храбрость именно пассивная, главные элементы которой — дисциплина, выдержка и, доведенное до степени *инстинктивности,* превосходное обученіе личнаго состава управленію сложной матеріальной частью.

На кораблѣ каждый имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и свою опредѣленную обязанность, причемъ большинство не только не видитъ противника, но даже не знаетъ съ какой онъ находится стороны. Люди группами разбиты по отдѣль-

нымъ клѣткамъ (башнямъ, казематамъ, погребамъ, кочегарнямъ, машинамъ и т. п. . . .) и одна группа не видитъ другія и не знаетъ — что они дѣлаютъ. Только низшіе начальники, часто только унтеръ-офицеры, находятся при отдѣльныхъ группахъ людей, и приказанія высшихъ начальниковъ приходятъ лишь по переговорнымъ трубамъ, телефонамъ и посредствомъ звонковъ.

Никакое увлеченіе своими собственными движеніями впередъ, никакой порывъ по направленію къ противнику, никакое упоеніе непосредственной борьбой, — не имѣютъ мѣста въ морскомъ бою, въ которомъ большинство личнаго состава, даже *и не дѣйствуетъ непосредственно оружіемъ.* Ни отъ кого, кромѣ какъ отъ командира, не зависитъ двигаться впередъ, назадъ или стоять на мѣстѣ. Корабль всѣхъ одинаково, помимо ихъ воли и даже сознанія, несетъ туда и съ тою скоростью, куда его направляетъ командиръ, — невидимый, скрытый во время боя отъ всѣхъ взоровъ въ боевой рубкѣ. Противникъ, отдѣленный воднымъ пространствомъ, для непосредственной схватки съ нимъ недостижимъ. Покинуть свое мѣсто, даже при полномъ упадкѣ духовныхъ силъ, почти невозможно. Всѣ клѣточки корабля наполнены людьми, дѣлающими каждый свое опредѣленное дѣло, и исчезновеніе человѣка изъ одной клѣтки и появленіе его въ чужой, сейчасъ-же обнаруживается. Воодушевленіе людей примѣромъ ихъ начальниковъ — затруднительно. Большинство начальниковъ невидимо, а ближайшій, непосредственно находящійся при извѣстной группѣ людей, также прикованъ къ своей клѣткѣ, какъ и они, также лишенъ возможности заразить ихъ порывомъ своего необузданнаго мужества и движенія, что на сухомъ пути оказываетъ такое громадное вліяніе на людей.

На кораблѣ все стараніе, весь порывъ, все увлеченіе людей должны быть направлены на хладнокровное, правильное, и умѣлое управленіе пушками, подачей снарядовъ, минами, рулемъ, машинами, котлами и т. п., на точную передачу и исполненіе получаемыхъ приказаній, на способность ихъ обойтись безъ приказаній, и распорядиться самимъ, въ

случаѣ порчи проводовъ и переговорныхъ трубъ, или въ случаѣ выбытія изъ строя того или другого начальника, на умѣнье справиться съ пожаромъ, затопить извѣстный отсѣкъ, исправить полученное поврежденіе . . .

Организованная толпа на сухомъ пути и на морѣ находятся въ существенно различныхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ организованная толпа на сухомъ пути и на морѣ находятся въ существенно различныхъ условіяхъ, и эти особенности должны быть соотвѣтственнымъ образомъ учтены. Личный составъ корабля труднѣе заразить порывомъ, такъ какъ нельзя заразъ внушить его всѣмъ — надо повторить внушеніе много разъ, въ различныхъ частяхъ корабля. Также не такъ легко распространяется и паника по кораблю, именно потому, что если она возникнетъ въ одномъ мѣстѣ, не всѣ сразу видятъ и слышатъ, что тутъ происходитъ, и является возможность ее заглушить. Хотя надо думать, что паника распространится все таки скорѣе чѣмъ воодушевленіе. Воодушевленіе требуетъ или примѣра — какого нибудь дѣйствія, или все таки извѣстнаго объясненія — воодушевляющихъ словъ. Пробѣжавшій по отдѣленіямъ корабля человѣкъ напр. съ крикомъ «наша взяла», не разъ будетъ остановленъ, разспрошенъ и мало кто поможетъ ему въ распространеніи радостнаго извѣстія — именно въ это время всякому понятно, что нужно энергично продолжать дѣйствовать и всякій на мѣстѣ и останется. Зато если гдѣ нибудь въ одномъ изъ отдѣленій корабля кто нибудь крикнетъ: «тонемъ братцы» и вслѣдствіе этого возникла паника, и если ее не удалось потушить, то цѣлая група людей броситъ свое дѣло и во мгновеніе ока разнесетъ эту панику по кораблю.

На кораблѣ напр. легче устранить вредное моральное впечатлѣніе смерти начальника. Командиръ можетъ быть убитъ и большинство на кораблѣ можетъ ничего не знать объ этомъ до конца боя. Напр. адмиралъ Фелькерзамъ, второй въ порядкѣ командованія послѣ адмирала Рожественскаго на 2-й эскадрѣ Тихаго океана, скончался до Цусимскаго боя, а въ бою никто не зналъ объ этомъ и въ той части флота, которая находилась подъ его командованіемъ, за исключеніемъ личнаго состава того корабля, на которомъ онъ имѣлъ свой флагъ.

О необходимости предупрежденія возможности чувства страха.

Но какъ-бы то ни было, хотя паника труднѣе распространяется по кораблю и легче предупредить ея распространеніе, все таки и на морѣ надо считаться съ очень опаснымъ свойствомъ толпы — способностью къ паникѣ. Поэтому надо принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы она не возникла, чтобы не возникло у отдѣльныхъ людей чувство смертельнаго страха, который служитъ паникѣ началомъ, на почвѣ котораго она распространяется съ ужасающей быстротой.

Ощущеніе неизбѣжности гибели парализуетъ дѣятельность.

На *вѣрную* смерть мало кто идетъ. Въ самомъ опасномъ предпріятіи существуетъ большая или меньшая вѣроятность остаться цѣлымъ, и воспользоваться результатами перенесенной опасности, и тѣмъ большими, чѣмъ больше выдержанная опасность.

Выдерживаютъ *полное* отсутствіе надежды уцѣлѣть только герои, но на героизмѣ — на исключительности никакіе разсчеты строить нельзя. И потому мысль о *неизбѣжной* смерти — въ морѣ она соединяется съ неизбѣжностью гибели корабля — а также вообще всякая мысль о *неизбѣжности* дурного исхода — надо предупреждать всѣми средствами — такое *ощущеніе* парализуетъ дѣятельность человѣка*).

Изъ чего вытекаютъ поступки.

Ощущеніе — это грань между духовной и физической дѣятельностью человѣка. Какъ воспріятіе дѣйствія внѣшняго міра, ощущенія относятся къ физическому міру. Какъ объясненіе этого воспріятія — къ духовному. Сознанное ощущеніе составляетъ сужденіе. Одновременное возбужденіе разнообразныхъ ощущеній однимъ предметомъ служитъ причиной связи идей (сужденій), возбуждаемыхъ каждымъ ощущеніемъ. Эта связь называется ассоціацией идей. Ощущенія-же обусловливаютъ и волевую дѣятельность человѣка. Волей называется сила, вызывающая поступокъ, т. е. приводящая въ дѣйствіе стремленіе человѣка къ опредѣленному ощущенію. Но при

*) Зыковъ. Какъ и чѣмъ управляются люди. Опытъ военной психологіи стр. 11—38 и 97—107. Дальнѣйшее до стр. 143 изложено все почти точно словами Зыкова, только въ сжатой формѣ.

этомъ онъ считается съ цѣлымъ рядомъ существующихъ въ немъ сужденій, вызванныхъ другими ощущеніями и воля еще должна согласовать всѣ сужденія и *выбрать* рѣшеніе, а затѣмъ уже слѣдуетъ поступокъ.

По мѣрѣ усложненія умственной дѣятельности возникаютъ такія сложныя отношенія, что согласованіе ихъ—удѣлъ весьма немногихъ: это согласованіе представляется въ формѣ особой работы, а сила ее производящая—это та-же сила воли.

И разсчитывать только на силу воли для преодолѣнія инстинкта самосохраненія и вызова поступка—такого дѣйствія, которое ведетъ къ возможности смерти—нельзя (см. стр. 132).

Сила воли—это вѣдь непремѣнно и согласованіе поступковъ съ идеями, которыя мысль находитъ правильными. Какъ принято въ психологіи, универсальный законъ человѣческой дѣятельности заключается въ томъ, что тотъ или другой поступокъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если идея его сопровождающая имѣетъ *положительный тонъ ощущенія.* Тономъ ощущенія называется отношеніе къ нему познающаго субъекта. Если человѣкъ познаетъ ощущеніе какъ пріятное—то это будетъ ощущеніе положительное, если оно познается какъ непріятное, то тонъ его отрицательный.

Тонъ ощущенія.

Управленіе поступками другихъ людей основано на томъ, что вѣдь каждый человѣкъ является для другого внѣшнимъ предметомъ, порождающимъ въ немъ рядъ опредѣленныхъ ощущеній. А значитъ, въ извѣстной степени, въ его волѣ создавать импульсы для тѣхъ или иныхъ ощущеній. Эти ощущенія вызовутъ въ тѣхъ людяхъ, которыми приходится управлять, извѣстныя ассоціаціи идей, борьбу извѣстныхъ мотивовъ, результатомъ которой будутъ извѣстные поступки.

Управленіе поступками другихъ людей.

Какова-бы ни была вызванная ассоціація идей, какая-бы изъ нихъ не заняла господствующее положеніе, необходимо, чтобы эта идея сопровождалась положительнымъ тономъ ощущенія—иначе она останется безплодной и не вызоветъ никакого поступка.

Чѣмъ выше отвлеченіе, чѣмъ абстрактнѣе понятіе, тѣмъ больше оно захватываетъ простѣйшихъ понятій, тѣмъ слож-

нѣе и неопредѣленнѣе ихъ *чувственный*, т. е. положительный или отрицательный тонъ. Чувственные тона сложнѣйшихъ представленій показываютъ безчисленные качественные оттѣнки. Сложнѣйшія представленія — отечество, право, семья, честь и т. п. слагаются изъ огромнаго числа ощущеній положительнаго и отрицательнаго характера. Всѣ онѣ суммируются и въ результатѣ у каждаго человѣка сопровождаются особымъ чувственнымъ тономъ, называемымъ этическимъ чувствомъ.

Этическій тонъ.

Этическій чувственный тонъ не отличается тою опредѣленностью, какъ, напр., тонъ идеи насыщенія, но зато, построенный на огромномъ количествѣ ощущеній и понятій, захватываетъ почти всего человѣка, приводитъ въ вибрацію всѣ его психическія силы и въ результатѣ является гораздо болѣе сильнымъ, хотя и менѣе напряженнымъ. Его можно сравнить съ гальваническимъ токомъ, производящимъ большую работу, но дающимъ едва замѣтную искру, тогда какъ тонъ менѣе общихъ понятій будетъ похожъ на статическое электричество, дающее большую искру при ничтожной работѣ.

Напр., у Сократа идея «отечества» покоилась на широкомъ основаніи всѣхъ понятій, изъ которыхъ оно слагается. Поэтому не только измѣнить отечеству, но уклониться отъ его законовъ для Сократа оказалось невозможнымъ. Когда онъ былъ приговоренъ къ казни, и ученики его предлагали ему спастись бѣгствомъ, то Сократъ сказалъ имъ, что всякій гражданинъ долженъ повиноваться отечественнымъ законамъ, и отказался отъ спасенія. Подобные примѣры показываютъ, что, вопреки часто высказываемому мнѣнію, наиболѣе отвлеченныя понятія наиболѣе опредѣляютъ поступки человѣка, хотя ихъ вліяніе и не выказывается въ столь наглядной формѣ, какъ вліяніе менѣе отвлеченныхъ идей.

Вліяніе характера чувственнаго тона идеи на поступки.

Вліяніе характера чувственнаго тона идеи на поступки чрезвычайно велико, такъ какъ только идеи положительнаго тона могутъ ихъ вызвать. Этому какъ-бы противорѣчитъ тотъ фактъ, что, когда человѣку угрожаетъ опасность или смерть, онъ проявляетъ огромную дѣятельность, хотя несомнѣнно, — идеи страданія и смерти имѣютъ весьма рѣзкій отрицательный

тонъ. Но это противорѣчіе лишь кажущееся. Когда человѣкъ находится подъ угрозой смерти и когда въ его головѣ царитъ одна эта идея смерти, идея отрицательнаго тона, тогда человѣкъ лишается возможности двигаться. Человѣкъ «каменѣетъ», «столбенѣетъ» отъ страха. Страхъ его «сковываетъ», «парализуетъ». Только когда у него являются идеи противуположнаго характера, когда въ его головѣ поднимается идея жизни, отклоненія отъ смерти, возможности спасенія, путей къ этому спасенію, т. е. идеи положительнаго тона, только тогда онъ проявляетъ свою дѣятельность. Точно также — не идея голода, а именно идея насыщенія порождаетъ сознательные поступки голоднаго.

Если идея положительнаго тона — идея насыщенія — будетъ какимъ либо средствомъ уничтожена, то никакихъ поступковъ не послѣдуетъ. Если, напр., человѣкъ, осужденный на голодную смерть, будетъ замурованъ и результатомъ его тщетныхъ поисковъ явится убѣжденіе, что пищи нѣтъ *и не будетъ,* и это убѣжденіе уничтожитъ идею насыщенія, то человѣкъ впадетъ въ отчаяніе, а это состояніе именно и характеризуется отсутствіемъ поступковъ. Это бездѣйствіе отчаянія продолжается до появленіе снова идеи положительнаго тона. Если это будетъ идея искупленія грѣховъ и вѣчнаго блаженства — человѣкъ станетъ молиться. Если это будетъ идея помощи извнѣ — онъ станетъ стучать въ стѣны, если идея сладости возмѣщенія — онъ будетъ проклинать или дѣлать то, что по его мнѣнію непріятно виновнику его несчастья и т. д. . .

Точно также сознаніе *полной* неизбѣжности смерти заставляетъ примириться даже съ ней, т. е. не вызываетъ никакихъ поступковъ. Преступникъ рвавшійся изъ рукъ стражи, моливщій о прощеніи и дарованіи жизни, хотя-бы самой несчастной, вступивши на эшафотъ и потерявши надежду на прощеніе, т. е. тѣмъ самымъ погасившій идею жизни, — дѣлается покоренъ и не оказываетъ никакого сопротивленія. Повѣрившій въ неизбѣжность смерти раньше, хладнокровно ждетъ ее задолго до казни, не могущій повѣрить до самой казни рвется до самаго конца.

Иррадіація чувственнаго тона.

Разъ это такъ, очень важно имѣть возможность придавать идеямъ тонъ соотвѣтствующаго характера. Это считается возможнымъ на основаніи слѣдующаго психологическаго положенія: «Если у двухъ одновременныхъ представленій одно сопровождается болѣе сильнымъ тономъ, потому что въ основѣ его лежитъ ощущеніе опредѣленнаго тона, между тѣмъ какъ другое представленіе, происходящее отъ безразличнаго ощущенія, не сопровождается чувственнымъ тономъ или-же, хотя и сопровождается, но весьма слабымъ, то сильный тонъ одного ощущенія сообщается и другому. Эта передача чувственнаго тона одного представленія другому, одновременно съ первымъ появляющемуся представленію, называется *иррадіаціей* чувственнаго тона».

Въ первые вѣка христіанства идея страданія, идея рѣзко отрицательнаго тона, пріобрѣтала въ умахъ христіанъ положительный тонъ вслѣдствіе иррадіаціи этого тона, получаемаго отъ идеи загробнаго блаженства. Это было не только примиреніе со страданіями, необходимыми для достиженія блаженства, но идея страданій сама по себѣ возбуждала удовольствіе, т. е. пріобрѣтала положительный тонъ. Добровольныя мученія накладывались на себя не только какъ искупленіе грѣховъ, а также потому, что «Христосъ тоже страдалъ».

Идея «Христосъ» иррадіируетъ свой тонъ на идею «страданіе», и придаетъ ей положительный тонъ. Передъ сраженіемъ воины Императора Константина были охвачены извѣстнымъ количествомъ ощущеній разнообразныхъ тоновъ. Всѣ эти тоны исчезли, покрылись однимъ могучимъ положительнымъ тономъ, когда Константинъ водрузилъ на свои знамена крестъ. Трудности, опасности смерти пріобрѣли положительный тонъ, иррадіацией его идеей «Христосъ», возбужденной этимъ актомъ.

Война поднимаетъ въ душѣ участниковъ цѣлый рядъ представленій отрицательнаго тона. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ требуется какъ можно больше дѣятельности, которая появляется только при наличности положительнаго чувственнаго тона. Поэтому примирить эти противуположныя условія можно

во-первыхъ — низведеніемъ до минимума ощущенія лишеній и опасностей, и во-вторыхъ — приданіемъ наибольшей яркости идеямъ положительнаго тона, чтобы ихъ положительный тонъ ирradіировался на идею желаемыхъ поступковъ.

Напр., всякому извѣстно, какъ сильно ирradіируетъ отрицательный чувственный тонъ голода на всѣ впечатлѣнія человѣка. Голодному человѣку непріятны даже тѣ впечатлѣнія, которыя, обыкновенно, когда онъ сытъ, доставляютъ удовольствіе. Также дѣйствуетъ и жажда и усталость, а также и печаль. Обратно дѣйствуетъ радость, бодрость духа. Всякому, напр., извѣстно какъ ирradіируетъ на всѣ впечатлѣнія чувственный тонъ впечатлѣнія на человѣка музыки. Суворовъ говоритъ, что музыка удваиваетъ, утраиваетъ силы.

Иррадіація чувственнаго тона — это краеугольный камень управленія.

«Въ сущности иррадіація чувственнаго тона*)», говоритъ Зыковъ, «это — краеугольный камень управленія, такъ какъ какова бы ни была идея, достигнувшая главенства, она можетъ вызвать поступокъ только, если она будетъ положительнаго тона. Этотъ ея положительный тонъ иррадіируетъ и заглушаетъ отрицательный тонъ ощущеній, вызываемыхъ приведеніемъ ея въ исполненіе. Иррадіація чувственнаго тона идеи исполняемаго долга придаетъ положительный тонъ лишеніямъ, страданіямъ и даже смерти. Пріятно умереть за отечество, говорили римляне, и «сладость» смерти никому не казалась абсурдной. Обратно, идея долга и отечества не можетъ подвинуть ни на какой поступокъ, если у человѣка эти идеи не сопровождаются положительнымъ тономъ». Такихъ людей называютъ лишенными нравственнаго чувства.

Иррадіація тона болѣе мелкихъ идей иногда можетъ быть интенсивнѣе, острѣе, но быстротечнѣе и слабѣе. Веселая шутка, музыка, пѣніе, острота, порою грубая, иррадіируетъ свой положительный тонъ и побуждаютъ на поступокъ, самъ по себѣ, непріятный. Ротный командиръ пустившійся на присядку передъ залегшей ротой, пользуется именно этимъ средствомъ. Тѣмъ-же средствомъ воспользовался и генералъ, обращаясь

---

*) Зыковъ. Какъ и чѣмъ управляются люди. Стр. 158—159.

къ испуганнымъ солдатамъ со словами — «За что боитесь? У васъ ничего кромѣ блохъ и клоповъ нѣтъ». Суворовъ при Треббіи, замѣтивъ отступающій батальонъ и зная, что отступленіе усиливаетъ сознаніе слабости, связалъ его съ хитростью. «Заманивай, заманивай его»! кричалъ онъ батальону. «Ну, теперь довольно. Впередъ»! и батальонъ бросился въ штыки.

Чѣмъ выше подъемъ духа тѣмъ сильнѣе онъ иррадіируетъ на страхъ.

Отсюда ясно, какъ важно всякими мѣрами возбуждать и поддерживать подъемъ духа въ воинскихъ частяхъ, такъ какъ чѣмъ онъ выше, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ иррадіировать на впечатлѣнія отрицательнаго тона, изъ которыхъ самый могущественный — страхъ. По мнѣнію Зыкова*), страхъ — это вершитель столкновеній. Когда моральныя силы противника надорваны, то послѣ этого его гонитъ и заставляетъ сдаваться не сила оружія, а страхъ. Поэтому главная цѣль боя — подорвать моральныя силы противника, вселивши въ ту или другую его часть страхъ.

Страхъ могущественно иррадіируетъ на всѣ впечатлѣнія

Страхъ болѣе чѣмъ всякія другія впечатлѣнія имѣетъ способность могущественно иррадіировать на всѣ остальныя впечатлѣнія. Страхъ кромѣ того обладаетъ огромною заразительностью въ толпѣ, и возникновеніе его въ одномъ мѣстѣ чрезвычайно быстро передается въ другія. Гибель рядомъ сражающагося корабля далеко не произведетъ такого угнетающаго впечатлѣнія, какъ его бѣгство, и именно потому, что бѣгство — это выраженіе страха — и впечатлѣніе именно страха очень заразительно и обладаетъ огромной силой иррадіаціи.

Заразительность впечатлѣній въ толпѣ.

«Чувство, возбужденное въ одномъ изъ людей, находящемся въ толпѣ, немедленно передается окружающимъ», говоритъ Зыковъ**), «такъ какъ они видятъ его мимику, слышатъ интонацію голоса и ощущаютъ его порывистыя движенія. Если это ощущеніе не найдетъ отзвука, то оно тутъ-же и гибнетъ, но если оно найдетъ соотвѣтствіе въ толпѣ — оно охватываетъ ее какъ пламень. Мимическія движе-

*) Стр. 176 и 170.

**) „Какъ и чѣмъ управляются люди“ стр. 60.

нія и жесты, созерцаемые тѣми, кто ихъ породилъ, увеличиваютъ ихъ настроеніе. Въ силу этого ихъ настроенія, выраженіе ихъ ощущеній становятся интенсивнѣе и увеличиваютъ ощущенія окружающихъ. Это увеличеніе ощущеній возвращается къ нимъ обратно и такимъ образомъ напряженіе ростетъ и достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ».

«Въ толпѣ идеи, чувства, эмоціи вѣрованія», говоритъ Лебонъ*), «все получаетъ такую-же могущественную силу *заразы*, какой обладаютъ нѣкоторые микробы. Это явленіе вполнѣ естественное, и его можно наблюдать даже у животныхъ, когда они находятся въ стадѣ. Паника, напр., или какое нибудь безпорядочное движеніе нѣсколькихъ барановъ быстро распространяется на цѣлое стадо. Въ толпѣ всѣ эмоціи также точно быстро становятся заразительными, чѣмъ и объясняется мгновенное распространеніе паники. Умственныя разстройства, напр., безуміе, также точно обладаютъ заразительностью. Появленіе заразы не требуетъ одновременнаго присутствія нѣсколькихъ индивидовъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ; оно можетъ проявлять свое дѣйствіе и на разстояніи, подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій, оріентирующихъ направленіе мыслей въ извѣстномъ смыслѣ и придающихъ ему специальную окраску, соотвѣтствующую толпѣ. Поэтому-то революціонное движеніе 1848 года, начавшись въ Парижѣ, сразу распространилось на большую часть Европы и пошатнуло нѣсколько монархій. Подражаніе, которому приписывается такая крупная роль въ соціальныхъ явленіяхъ, въ сущности составляетъ лишь одно изъ проявленій заразы».

Страхъ особенно заразителенъ.

И въ особенности это вѣрно относительно чувства страха, такъ какъ это чувство встрѣчаетъ въ каждомъ человѣкѣ сильнаго пособника — инстинктъ самохраненія. Страхъ — вѣдь это сознаніе опасности, а опасность на войнѣ — это угроза жизни. Поэтому заразить презрѣніемъ къ смерти куда труднѣе, чѣмъ страхомъ, и потому возникновеніе страха такъ опасно въ толпѣ, такъ какъ она особенно легко поддается заразѣ.

*) Психологія народовъ и массъ. Стр. 255.

Остановимся нѣсколько на вопросѣ — какъ возникаетъ страхъ.

Какъ возникаетъ страхъ.

Страхъ, или создается извѣстными представленіями, напр., о могуществѣ непріятеля, о собственной слабости, о грозящей опасности, или онъ начинается испугомъ. Испугъ мгновененъ, онъ даетъ очень сильный толчекъ отдѣльному человѣку, и толчекъ этотъ легко передается толпѣ. При отсутствіи испуга можно бороться со страхомъ разсужденіемъ, испугъ-же не даетъ мѣсто разсужденію, такъ какъ онъ мгновененъ, и нельзя его предупредить разсужденіемъ, такъ какъ неизвѣстно откуда и въ какомъ видѣ придетъ причина испуга. Поэтому въ особенности на войнѣ опасенъ страхъ, возникшій изъ испуга.

Что такое испугъ.

Значитъ надо особенно тщательно разсмотрѣть — при какихъ условіяхъ возникаетъ испугъ и каковы его послѣдствія. По этому вопросу очень интересныя данныя имѣются въ капитальномъ трудѣ врача психіатра В. В. Срезневскаго*).

«Когда какое нибудь рѣзкое раздраженіе *неожиданно* поражаетъ нашъ слухъ, зрѣніе или осязаніе» говоритъ онъ**) «является обыкновенно общее вздрагиваніе тѣла».

«Такое-же явленіе бываетъ и тогда, когда внезапное раздраженіе не рѣзко, *но необычно, незнакомо*. Часто при этомъ мы испытываемъ особое чувство, которое называемъ испугомъ. Однако одно вздрагиваніе тѣла не составляетъ еще испуга. Въ испугѣ есть своеобразное психическое содержаніе, которое при возстановленіи его въ памяти всегда примыкаетъ *къ болѣе или менѣе ясно очерченному представленію какой-то грозящей намъ опасности или непріятности*».

«Это часто — неясное, неопредѣленное представленіе, не имѣющее никакой конкретной формы, и о которомъ мы можемъ сказать только одно, что оно *страшно*. Объектъ, вызвавшій *внезапное* раздраженіе органовъ чувствъ, тотчасъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Происходитъ *мгновенное измѣ-*

*) Испугъ и его вліяніе на нѣкоторые физическіе и психическіе процессы. Экспериментальное изслѣдованіе съ обзоромъ ученій объ эмоціальныхъ состояніяхъ. Диссертація на степень доктора медицины. 1906 г.

**) Стр. 125 — Курсивы мои.

ненiе въ направленiи его *(вниманiя)* и мы субъективно переживаемъ чувство испуга, пока не исчезнетъ внезапно возникшая мысль о грозящей намъ опасности или непрiятности». «Обыкновенно *испугъ длится одно мгновенiе.* Если неясное представленiе о чемъ-то угрожающимъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ объектомъ, подтверждается, и мы убѣждаемся, что намъ дѣйствительно грозитъ что нибудь непрiятное, — *испугъ переходитъ въ страхъ,* который, уже со временъ Аристотеля былъ опредѣленъ, какъ *непрiятное чувство ожиданiя опасности.* Въ противномъ случаѣ испугъ проходитъ и наступаетъ успокоенiе».

Нѣмецкiй ученый Леманъ*) раздѣляетъ страхъ на два вида, въ зависимости отъ причины возникновенiя. Одинъ *(Schreck)* — это возникшiй подъ влiянiемъ *внезапнаго восприятiя* — испуга, который онъ опредѣляетъ какъ *внезапно* возникшее подъ влiянiемъ неожиданнаго воспрiятiя душевное состоянiе, которое связано съ *быстрымъ измѣненiемъ направленiя вниманiя* и причина котораго кажется намъ опасной. Второй *(Furcht)* — не имѣетъ связи съ испугомъ и представляетъ изъ себя длительный эффектъ страха подъ давленiемъ исключительно однихъ представленiй.

Срезневскiй считаетъ, что испугъ можетъ быть вызванъ не только однимъ внезапно поразившимъ насъ воспрiятiемъ, но и *неожиданно появившимся* въ сознанiи *воспоминанiемъ,* и приводитъ въ доказательство очень простой и вѣроятно всякимъ испытанный испугъ отъ внезапно возникшаго воспоминанiя о забытой нами гдѣ нибудь важной вещи, изъ за чего могутъ произойти непрiятныя и угрожающiя послѣдствiя.

Онъ считаетъ, что существуетъ нѣсколько формъ испуга**):

1) испугъ вызванный рѣзкимъ *неожиданнымъ* раздраженiемъ органовъ чувствъ. Раздраженiя могутъ быть очень разнообразны, начиная отъ очень рѣзкихъ и кончая самыми ничтожными;

*) Цитирую по Срезневскому, стр. 126 и 127.
**) Стр. 128 и 129.

2) вызванный индеферентнымъ по формѣ раздраженіемъ, но въ которомъ путемъ нѣкотораго психическаго процесса мы открываемъ нѣчто угрожающее безопасности или благополучію. Вида змѣи — это не рѣзкое, а обыкновенное, по формѣ, раздраженіе, но этотъ видъ связывается съ представленіемъ объ опасности;

3) вызванный возпоминаніемь, безъ всякаго раздраженія органовъ чувствъ.

«Два условія являются необходимыми для возникновенія испуга; 1) *внезапность* появленія ощущенія, воспріятія или воспоминанія, вызывающаго испугъ и 2) *угрожающій* характеръ ихъ. Одно первое условіе еще не даетъ испуга. Внезапностью воспріятія можетъ быть обусловлено и удивленіе. Это послѣднее превращается въ изумленіе, восторгъ, когда вызвавшее его воспріятіе получаетъ характеръ необычайнаго или радостнаго».

Внезапность на войнѣ создаетъ благопріятную обстановку для испуга.

На войнѣ непріятель и его дѣйствія по существу дѣла имѣютъ *угрожающій* характеръ. А значитъ *внезапное, неожиданное* появленіе непріятеля, извѣстіе о неожиданныхъ его дѣйствіяхъ — все это создаетъ благопріятную обстановку для испуга.

Посмотримъ теперь — каково-же дѣйствіе испуга, само по себѣ, помимо того, что онъ можетъ перейти въ страхъ, о чемъ было уже говорено.

Срезневскій*), на основаніи тщательно поставленныхъ опытовъ, говоритъ:

Послѣдствія испуга.

«Испугъ имѣетъ два періода: первый короткій возбуждающій, и второй длительный *угнетающій* — реактивный».

Напр., «испугъ, вызванный *внезапной* вспышкой магнія или выстрѣломъ, выражается въ первый моментъ особымъ психическимъ состояніемъ, длящимся около 0,5—1,0 секунды въ теченіи котораго *человѣкъ не можетъ предпринимать никакого произвольнаго дѣйствія.* Въ теченіи первой и второй минуты послѣ начала аффекта испуга проявляется его *угне-*

---

*) Стр. 259, 230—232.

тающее дѣйствіе на психическіе процессы . . . Вниманіе при этомъ ослаблено и неустойчиво» . . .

«Изъ опытовъ съ *памятью* видно, что испугъ или раздраженіе, вызывающее его, вліяетъ на нее *подавляющимъ* образомъ . . . угнетеніе сказывается, главнымъ образомъ, на вниманіи, которое послѣ испуга съ большимъ трудомъ можетъ быть сосредоточено на процессѣ реакціи выбора» . . . (См. стр. 90 выноска).

А вотъ какъ описываетъ Дарвинъ*) проявленія *внезапнаго* страха, происшедшаго отъ изумленія (правильнѣе — испуга): «страху часто предшествуетъ изумленіе, а оба чувства до извѣстной степени сходны между собою, такъ что оба внезапно возбуждаютъ въ насъ чувства зрѣнія и слуха. Въ обоихъ случаяхъ глаза и ротъ широко открываются, а брови поднимаются кверху».

«Испугавшійся человѣкъ сначала останавливается какъ вкопанный, задерживая дыханіе и не двигая ни однимъ членомъ, или даже нѣсколько припижается къ землѣ, какъ будто для того, чтобы пройти незамѣченнымъ. Сердце при страхѣ бьется быстро и сильно, почти ударяясь въ ребра, но. сомнительно, въ самомъ-ли дѣлѣ оно работаетъ больше обыкновеннаго, то есть посылаетъ большій притокъ крови ко всѣмъ частямъ тѣла, такъ какъ кожа становится блѣдной, точно при началѣ обморока. Блѣдность кожи по всей вѣроятности зависитъ отъ того, что *сосудодвигательные центры поражены* такимъ образомъ, что вызываютъ сокращеніе мелкихъ артерій кожи. Что страхъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствительно странно дѣйствуетъ на кожу, видно уже изъ того, что она при испугѣ тотчасъ покрывается потомъ. Это выдѣленіе пота тѣмъ замѣчательнѣе, что поверхность кожи въ это время холодѣетъ; вотъ почему мы говоримъ часто «выступилъ холодный потъ», тогда какъ въ нормальномъ состояніи дѣятельность потовыхъ железъ возбуждается теплотою. Волосы на кожѣ становятся дыбомъ и поверхностныя мышцы дрожатъ. Отъ разстроенной дѣятельности сердца дыханіе учащается. Слюнныя

*) Цитирую по Срезневскому, стр. 76.

железы дѣйствуютъ не совершенно, ротъ высыхаетъ, и человѣкъ безпрерывно то открываетъ, то закрываетъ его. Я замѣтилъ точно также, что при слабомъ страхѣ нами овладѣваетъ большое желаніе зѣвать. Одинъ изъ лучшихъ симптомовъ есть, конечно, дрожаніе всѣхъ мышцъ тѣла, и это часто прежде всего можно замѣтить на губахъ. Какъ отъ этой причины, такъ и отъ высыханія рта голосъ становится хриплымъ и неяснымъ или пропадаетъ совершенно». Извѣстныя проявленія страха Дарвинъ приписываетъ *потрясеніямъ нанесеннымъ уму страхомъ,* вслѣдствіе чего происходятъ различныя разстройства въ передачѣ нервной силы изъ черепо-спинной системы въ различныя части тѣла.

По мнѣнію психолога Бине*) страхъ можетъ вызвать два противуположныхъ эффекта: стремленіе къ бѣгству и параличъ.

«Страхъ» говоритъ Компсано**) «эмоція силы принижающей, уменьшающей физическую и умовую энергію индивида... Страхъ производитъ параличъ волевыхъ мускуловъ, параличъ мышцъ органической жизни и замѣтное уменьшеніе дѣятельности сосудо-двигательнаго аппарата, могущее дойти до смертельнаго паралича циркуляціи».

Страхъ по мнѣнію психолога Ланге***), сопровождается тѣмъ-же парализованіемъ произвольнаго двигательнаго аппарата, тѣмъ-же судорожнымъ состояніемъ сосудо-сжимающихъ мускуловъ, какъ и при печали, но оба эти явленія рѣзче выражены и внезапнѣе наступаютъ.

Испугъ и страхъ лишаютъ человѣка способности разсуждать и дѣйствовать.

Все это показываетъ, что человѣкъ лишается, въ большей или меньшей степени, при испугѣ и страхѣ своихъ способностей разсуждать и дѣйствовать, и очевидно — какъ это опасно на войнѣ и именно въ опасные моменты, въ бою — когда именно необходима вся полнота сознанія и разума и способность къ энергичной дѣятельности.

. . . .

*) Цитирую по Срезневскому, стр. 85.

**) Опытъ военной психологіи. Стр. 15.

***) Цитирую по Зыкову „Какъ и чѣмъ управляются люди", стр. 111 и 112.

Въ судебной медицинѣ обращаютъ вниманіе на цѣнность свидѣтельскихъ показаній лицъ, перенесшихъ испугъ, въ то время, къ которому относятся ихъ показанія. А вотъ въ военной исторіи еще не сдѣлано попытки — впрочемъ это и очень трудно — оцѣнить показанія лицъ участвовавшихъ въ бояхъ, въ зависимости отъ того въ какомъ психическомъ состояніи они находились во время описываемаго событія. А это очень не мѣшало бы сдѣлать, если только имѣется къ тому какая либо возможность.

Испугъ можетъ дѣйствовать прямо какъ физическое поврежденіе и вызывать такъ называемый травматическій неврозъ, хотя травмы т. е. поврежденія собственно нѣтъ, а только самый испугъ произошелъ на почвѣ представленія опасности поврежденія.

Шустеръ*) приводитъ, напр. слѣдующій случай: проводникъ электрическаго трамвая заболѣлъ серьезной формой травматическаго невроза послѣ того, какъ ему на голову упалъ оборвавшійся кабель. Между тѣмъ оказалось потомъ, что тока въ цѣпи не было въ то время, когда произошло это несчастіе, поэтому дурныхъ послѣдствій для проводника никакихъ не должно было произойти, но такъ какъ были тѣ видимыя условія при которыхъ эти послѣдствія, по представленію проводника, могли произойти, то произошелъ испугъ и въ результатѣ — неврозъ.

«Въ теченіе только что пережитыхъ событій русско-японской войны» говоритъ Срезневскій «было много случаевъ травматическихъ неврозовъ; о нихъ говорятъ доклады Автократова, Боримпольскаго и многія частныя сообщенія. Въ травматическомъ-же неврозѣ главное значеніе имѣетъ не дѣйствительная тяжесть поврежденія, а та субъективная оцѣнка, которую придаетъ ему пострадавшій. На первомъ мѣстѣ изъ аффектовъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ острое развитіе невроза, стоитъ испугъ. Дѣйствіе аффекта еще возрастаетъ, когда онъ развивается одновременно у цѣлой массы людей, когда онъ пріобрѣтаетъ массовой характеръ, когда къ

*) Цитирую по Срезневскому, стр. 6.

нему присоединяется еще сила внушенія. Желѣзнодорожныя катастрофы, пожары, кораблекрушенія, войны — служатъ прекраснымъ условіемъ появленія массовыхъ аффектовъ».

Внезапность — бичъ моральной стороны всякаго живого существа.

Такимъ образомъ изслѣдованіе духовной стороны природы отдѣльнаго человѣка и организованной толпы даетъ для войны опредѣленный выводъ — дѣлайте все, чтобы оградить свой личный составъ отъ возникновенія страха и чтобы способствовать этому возникновенію у противника*).

А такъ какъ причина его возникновенія — внезапность, то дѣлайте все, чего не ожидаетъ противникъ и принимайте всѣ мѣры, чтобы противникъ не могъ васъ ошеломить внезапностью. Внезапность — это поистинѣ бичъ моральной стороны всякаго живого существа и это одно изъ лучшихъ средствъ вызвать рѣзкое паденіе духа.

Какъ дѣйствовать на настроеніе противника.

Вообще желая дѣйствовать на настроеніе противника — прежде всего надо стараться разрушить существующій у него строй идей. «Такъ какъ поступая соотвѣтственно предположеніямъ противника, строй его идей только укрѣпляется» говоритъ Зыковъ**), «то отсюда вытекаетъ основное правило военнаго искусства — никогда не поступать такъ, какъ предполагаетъ противникъ. Обратно — чѣмъ болѣе идутъ въ разрѣзъ предположеніямъ противника поступки, тѣмъ вѣрнѣе ведутъ они къ успѣху. Наконецъ, если войска совершаютъ поступки невозможные, по его мнѣнію, если они удивляютъ его своими дѣйствіями, то побѣда уже близка для нихъ. Въ силу этого и создался афоризмъ: удивить — значитъ побѣдить».

---

*) Страхъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сосредоточеннѣе ожиданіе опасности и чѣмъ она больше. Сосредоточенность обратно пропорціональна количеству постороннихъ идей и прямо пропорціонально вниманію, которое въ съ свою очередь обусловливается отсутствіемъ движенія. Съ другой стороны — какія идеи, кромѣ идеи ожидаемыхъ страданій, имѣютъ больше всего вѣроятія существовать въ мысляхъ людей на войнѣ? Конечно, цѣль и идея передвиженія и боя. Поэтому ознакомленіе людей съ предстоящими передвиженіями и маневрированіями, т. е. достиженіе того, чтобы каждый воинъ зналъ свой маневръ является мѣрой противодѣйствія страху. Зыковъ, „Какъ и чѣмъ управляются люди“. Стр. 112.

*) „Какъ и чѣмъ управляются люди“, стр. 186—190.

«Строй мыслей достигается взвѣшиваніемъ идей, возбуждаемыхъ событіями. Появленіе новой идеи побуждаетъ къ новому взвѣшиванію. Чѣмъ рѣшительнѣе будетъ вторженіе новой идеи и чѣмъ она будетъ важнѣе, тѣмъ значительнѣе разрушеніе существующаго порядка идей. Въ этомъ заключается важное значеніе въ военномъ дѣлѣ — неожиданности. Неожиданность — это вторженіе въ сознаніе такого факта, который не входилъ въ предварительную борьбу мотивовъ, обусловившую извѣстный поступокъ, а потому уничтожающій господство опредѣленной идеи. Поэтому неожиданность считается лучшей подготовкой непріятельскаго войска для подчиненія его своей волѣ. «Искусно произведенныя внезапныя нападенія всегда удаются. Чѣмъ неожиданнѣе опасность, тѣмъ большей кажется она непріятелю (такъ какъ идеи, составляющія противовѣсъ ей, не успѣваютъ появиться) и первой мыслью внезапно атакованнаго непріятеля есть не сопротивленіе, а бѣгство» — такъ говорилъ Суворовъ. Когда группировка идей непріятеля разрушена, тогда надлежитъ выдвинуть идею подчиненія его поступковъ нашей волѣ и въ то-же время, если мы намѣрены заставить непріятеля отступить, то обратить его мысли назадъ; что всегда ассоціируется съ идеей слабости. Всѣ фланговыя движенія Фридриха II передъ австрійцами сводятся къ слѣдующему: строй мыслей австрійцевъ направленъ къ отраженію атакъ прусаковъ съ фронта. Фридрихъ разрушаетъ этотъ строй идей угрожая атакой съ фланга. Тѣмъ самымъ онъ принуждаетъ австрійцевъ перемѣнить фронтъ, т. е. совершить поступокъ, къ которому принуждаетъ ихъ Фридрихъ, другими словами подчиняетъ ихъ своей волѣ. Уже съ этого момента побѣда Фридриха начинаетъ осуществляться».

«Обращеніе вниманія на тылъ противника было примѣнено Суворовымъ напр., при Треббіи (онъ дѣлалъ это постоянно). Тамъ онъ отдалъ приказаніе: «Казакамъ, коимъ удобнѣе, испортить мостъ на р. Таро (въ тылу у французовъ) и *тѣмъ зачать отчаяніе*». Во время турецкой войны, Сувововъ съ 3-мя тысячами войска находился у Гирсова. Узнавъ, что 10 тысячъ турокъ наступаютъ на него, онъ высылаетъ впередъ казаковъ съ приказаніемъ: сначала упорно обороняться, а затѣмъ поспѣшно

отступать. Этимъ маневромъ достигается смѣна идей у турокъ. Они наступаютъ на укрѣпленіе, занятое нашей пѣхотой. Молчаніе нашихъ войскъ укрѣпляетъ въ туркахъ мысль о легкомъ продолженіи побѣды надъ казаками. Съ полу-картечнаго выстрѣла турки завершаютъ побѣду — бросаются въ штыки. Тутъ-то строй ихъ идей подвергается страшному испытанію: ихъ обдаютъ градомъ пуль и картечей. Наступленіе ихъ пріостановлено, мысли въ колебаніи. Въ это время засада изъ бригады пѣхоты съ конницей обрушивается на флангъ турокъ и навязываетъ имъ идею пораженія и бѣгства. Турки бѣгутъ, а русскіе ихъ преслѣдуютъ. Рѣшающее значеніе контръ-атаки, когда напряженіе противника достигло апогея, было, какъ извѣстно, примѣнено Дмитріемъ Донскимъ въ время Куликовской битвы. Въ этомъ бою замѣчательно поведеніе боярина Боброка, съ огромной выдержкой уловившаго нужный моментъ для производства контръ-атаки».

«Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что управленіе непріятелемъ сводится къ 1) разрушенію созданнаго въ немъ единства идей для чего: а) отнюдь не усиливать господствующей идеи, поступая соотвѣтственно ей, а наоборотъ ослабить это господство, группируя событія такъ, чтобы они шли въ разрѣзъ ей; б) поднять подавленныя идеи страданія и смерти и возбуждать страхъ: в) ослабить идеи, противодѣйствующія страху какъ-то: честолюбія, вѣры, родины и т. д. 2) Когда единство разрушено, надо поставить главенство идеи необходимости подчиненія и придать этой идеѣ положительный чувственный тонъ, сознаніемъ, что только ею сохраняются жизнь».

Принципъ внезапности.

Все сказанное о страхѣ, испугѣ, о вліяніи ихъ на человѣка и о томъ — какъ дѣйствовать на настроеніе противника — выражается въ *принципъ внезапности*. Дѣйствительно, примѣненная внезапность *неизмѣнно* способствуетъ успѣху, внѣ зависимости отъ средствъ и обстановки. Напр., пренебреженіе развѣдочной службой, вслѣдствіе чего противникъ могъ появиться неожиданно — это пренебреженіе принципомъ внезапности. Преодолѣніе такихъ затрудненій, которыя противникъ считалъ почему либо непреодолимыми — это примѣненіе принципа внезапности. Оригинальность въ пріемахъ,

быстрота и скрытность — вотъ средства для примѣненія принципа внезапности. Осмотрительность, уваженіе къ противнику т. е. отсутствіе къ нему пренебреженія, а тѣмъ паче презрѣнія, предусмотрительность—это средства, чтобы противникъ не могъ примѣнить принципъ внезапности.

Вліяніе внезапности сильно, но непродолжительно.

При примѣненіи принципа внезапности надо однако твердо помнить, что вліяніе внезапности хотя и очень сильно, но непродолжительно. Если появиться передъ противникомъ внезапно, но медлить съ нападеніемъ на него, онъ успѣетъ оправиться отъ моральнаго впечатлѣнія, отъ угнетенія духа. Если вы появились передъ нимъ въ превосходныхъ силахъ, то вліяніе этого превосходства на паденіе духа у противника останется, но тотъ огромный плюсъ, который прибавился-бы какъ вліяніе внезапности, пропадетъ, если нападеніе не будетъ произведено немедленно по внезапномъ появленіи. Помимо того, что противникъ можетъ принять и соотвѣтственныя мѣры — улучшить свою позицію, приспособивши ее къ сопротивленію уже извѣстнымъ ему нашимъ силамъ, или можетъ отступить, или поспѣетъ вызвать подкрѣпленія — онъ просто будетъ имѣть время освоиться съ новой возникшей для него обстановкой, онъ будетъ имѣть время принять какое-бы то ни было рѣшеніе, будетъ имѣть время побороть какими-либо мѣрами послѣдствія нанесеннаго ему моральнаго удара (внезапности нашего появленія), и промедливши, намъ придется уже считаться съ противникомъ гораздо болѣе сильнымъ, хотя-бы ему ничего не удалось сдѣлать въ матеріальномъ отношеніи для увеличенія своей силы. Даже, въ виду нашего промедленія при превосходствѣ силъ, онъ можетъ самъ на насъ напасть, считая что мы позволяемъ себѣ медлить именно изъ-за увѣренности въ томъ, что онъ по своей слабости на насъ не нападаетъ, и это съ его стороны и будетъ примѣненіемъ принципа внезапности, перехваченное у насъ, и всѣ благопріятныя послѣдствія, которыя онъ извлечетъ изъ такого нападенія будутъ наказаніемъ за пренебреженіе принципомъ внезапности съ нашей стороны.

Порывъ не терпитъ перерыва.

Вообще всякое моральное превосходство, всякое достигнутое угнетеніе моральнаго состоянія у противника надо *непре-*

рывно всѣми возможными мѣрами поддерживать. Иначе черезъ извѣстное время оно проходитъ. Подъемъ духа, достигнутый рядомъ успѣховъ, уменьшается отъ бездѣятельности. Паденіе духа отъ ряда неудачъ проходитъ отъ бездѣятельности противника.

Сломленный въ сраженіи духъ, заставившій отступить, можетъ быть возстановленъ въ извѣстной мѣрѣ, если нѣтъ преслѣдованія. Въ духовной области человѣка, въ которой огромную роль играетъ порывъ, врагомъ порыва является перерывъ. Это выражаютъ поговоркой — «порывъ не терпитъ перерыва». Если извѣстная часть военной силы заражена порывомъ, отодвинувшимъ отъ нея представленіе объ опасности на второй планъ, если порывъ этотъ выражается въ извѣстномъ направленіи дѣятельности, то надо дать этой дѣятельности проявиться до конца — иначе порывъ ослабнетъ или пропадетъ совсѣмъ. Перерывы допустимы лишь, напр., въ мѣрѣ необходимости для возстановленія физическихъ силъ, и вообще и по другимъ причинамъ, но *лишь въ мѣрѣ необходимости,* но никакъ не больше. Если удалось сообщить непріятелю порывъ бѣгства (панику)*), надо на сколько возможно дольше поддерживать этотъ порывъ непрерывнымъ его устрашеніемъ въ видѣ преслѣдованія.

Обыкновенно, въ тотъ моментъ когда рѣшается бой, т. е. когда одинъ рѣшаетъ, что онъ побѣжденъ и начинаетъ отступать, а другой, что онъ побѣдилъ, такъ какъ противникъ началъ отступать, потери у обоихъ противниковъ бываютъ болѣе или менѣе одинаковы. Пока не сломленъ духъ противника, онъ наноситъ полный вредъ, соотвѣтствующій его матеріальной части и степени обученія. Но вотъ когда сломленъ его духъ — этимъ и рѣшается судьба сраженія — тогда наносимый имъ вредъ становится ничтожнымъ, такъ какъ угнетенный духъ не способенъ къ дѣятельности, и вотъ тогда получается огромная разница въ потеряхъ, увеличивающаяся еще благодаря сдачѣ въ плѣнъ — неизмѣнному послѣдствію

*) Паника — тотъ же порывъ, но только въ неблагопріятную сторону. Лееръ. Методъ военныхъ наукъ. Стр. 30.

упадка духа. Но для этого необходимо энергичное преслѣдованіе.

«Вообще добившись однажды, господства опредѣленной идеи» говоритъ Зыковъ*) «самое ея осуществленіе способствуетъ возрастанію энергіи въ ея исполненіи. Это происходитъ оттого, что самый процессъ проведенія идеи въ жизнь, сознается нами и возвращается, какъ новое представленіе въ нашъ мозгъ, усиливая первоначальную идею. Вѣроятно, каждый испыталъ, какъ неохотно и трудно приниматься за что нибудь, но разъ принявшись, охотно и легко продолжается работа. Это составляетъ *явленіе психической инерціи.* Такъ, лошадь, пущенная въ карьеръ можетъ пасть, но не уменьшитъ бѣга. Долго сдерживающійся человѣкъ, разъ ударивъ своего врага, теряетъ возможность сдерживаться и бьетъ его до изнеможенія. Это какъ-бы автоматическое движеніе прекрасно характеризуется выраженіемъ — рука размахалась. Точно также солдаты, доведенные до надлежащаго напряженія и посланные въ атаку, идутъ безостановочно до столкновенія съ противникомъ, посланные для преслѣдованія — дѣлаютъ гиганскіе переходы, но только *при условіи усиленія идеи непрерывнымъ ея исполненіемъ.* Порывъ не терпитъ перерыва. Разъ, что произошла остановка — идеи, занявшія первенствующее положеніе, уже не поддерживаются притокомъ ощущенія объ ихъ существованіи, онѣ слабѣютъ и надо затрачивать снова огромную психическую работу, чтобы поставить эти идеи въ исключительно господствующее положеніе. Перерывъ напряженія — это то-же, что пробужденіе загипнотизированнаго. Ибо усиленіе идеи ея исполненіемь есть ничто иное, какъ *самовнушеніе мышечнымъ чувствомъ.* На сколько важно наступающему не прерывать разъ начатое движеніе, на столько отступающему необходимо ввести во что бы то ни стало перерывы. Идея слабости, отступленія поминутно ростетъ подъ ударами преслѣдующаго, или наступающаго противника, отступленіе переходитъ въ бѣгство и страхъ проявляется въ своей крайней формѣ — въ формѣ ужаса; армія теряетъ способность дѣйствовать, цѣне-

*) Какъ и чѣмъ управляются люди. Стр. 163—165.

нѣетъ и сдается. Ввести перерывы въ наступленіе или преслѣдованіе противника возможно, ставя между нимъ и собой или естественныя перегрworld — разстояніе, рѣки, горы, — или части своихъ войскъ. На маршѣ это послѣднее ведетъ къ арьергарднымъ боямъ, въ бою — къ контръ-атакамъ. Наступательный арьергардный бой, а тѣмъ болѣе контръ-атака могутъ имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія въ силу закона истощаемости нервнаго напряженія. При атакѣ напряженіе психики достигаетъ своего апогея. Огромное количество идей, рѣшительно противныхъ наступленію и увеличивающихъ яркость своего плана по мѣрѣ его совершенія, подавлены однако же идеей движенія впередъ, единственнымъ преимуществомъ которой является ея постоянное усиленіе производимымъ движеніемъ. Всѣ другія идеи, не получающія этого усиленія путемъ самовнушенія, какъ-бы исчезаютъ, поглощаются ею. Является крайній моноидеизмъ, т. е. существованіе всего одной идеи. Контръ-атака, пріостанавливая производство движенія, отнимаетъ источникъ силы основной идеи. Напротивъ, долго подавляемыя противуположныя идеи вспыхиваютъ пропорціонально прежнему сдавливанію и въ результатѣ атакующаго охватываетъ ужасъ или онъ обращается въ паническое бѣгство. Въ большинствѣ случаевъ сила реакціи будетъ пропорціональна предшествующему увлеченію, т. е. чѣмъ бѣшеннѣе была атака, тѣмъ при удачной контръ-атакѣ, ужаснѣе будетъ паника».

Принципъ энергической эксплоатаціи успѣха.

Все это выражается въ *принципѣ энергической эксплуатаціи успѣха.* Этотъ принципъ — неизмѣнное условіе для подъема духа у себя и подавленія его у непріятеля.

Черезъ этотъ принципъ, цѣлый рядъ принциповъ связывается съ принципомъ сосредоточенія силъ, т. е. вѣрнѣе въ него переливается.

Хорошо подготовленный ударъ, осуществленное сосредоточеніе силъ, укрытая слабая сторона и выставленная сильная, удавшаяся возможность опеломить противника внезапностью или нарушить у него взаимную поддержку, или осуществить это у себя — все это успѣхи, поднимающіе у себя духъ, пони-

жающіе или имѣющіе его понизить у непріятеля. Каждый такой успѣхъ надо энергично эксплоатировать — иначе, въ большей или меньшей мѣрѣ, духъ ослабнетъ. Но именно присоединеніе вліянія успѣха ко всѣмъ прочимъ элементамъ своей силы для того, чтобы сломить моральную силу противника — это ничто иное, какъ тоже самое сосредоточеніе силъ.

Вообще общность принциповъ, неотдѣлимость ихъ другъ отъ друга, переливаніе ихъ другъ въ друга — это очевидно на каждомъ шагу при изслѣдованіи сущности принциповъ.

Принципомъ энергической эксплоатаціи успѣха мы закончимъ перечисленіе тѣхъ принциповъ, которые являются неизмѣнными условіями для достиженія успѣха на войнѣ, имѣя въ рукахъ извѣстныя моральныя средства и извѣстный личный составъ.

Боевые принципы.

Выдѣлимъ ихъ изъ другихъ принциповъ, придавъ имъ названіе *боевыхъ*. Область ихъ примѣненія — въ стратегіи и тактикѣ. Ихъ задача — подъемъ духа у себя и паденіе его у противника посредствомъ своей *дѣятельности по отношенію къ противнику.*

Ту-же задачу преслѣдуютъ и путемъ внутренней дѣятельности, въ смыслѣ подготовки наилучшаго личнаго состава и наилучшихъ средствъ, т. е. наилучшаго матеріала для примѣненія боевыхъ принциповъ. Эта подготовка заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ областей и отдѣловъ, изъ которыхъ каждый, въ зависимости отъ преслѣдованія тѣхъ или иныхъ частныхъ цѣлей, имѣтъ свои принципы. Всѣ эти принципы опять таки объединяются въ одномъ принципѣ, уже выше указанномъ (стр. 88) — *въ принципѣ развитія довѣрія къ своимъ силамъ,* который объединяетъ въ себѣ и всѣ боевые принципы.

Принципы организаціи.

Поэтому перечислять всѣ принципы, на которыхъ базируются всѣ отрасли военнаго дѣла было бы немыслимо. Ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на принципы организаціи строевыхъ частей военной силы, такъ какъ принципы эти наиболѣе близко соприкасаются съ боевыми въ томъ смыслѣ, что и во время войны личный составъ продолжаетъ воспитываться строевыми начальниками параллельно и неразрывно съ боевою ихъ

дѣятельностью. Во время войны строевые начальники не создаютъ военную силу и рессурсы для нея, не строятъ кораблей, не организуютъ центральныхъ учрежденій, но подчиненный имъ личный составъ они воспитываютъ и притомъ наиболѣе убѣдительными и дѣйствительными способами — иллюстрируя свои мѣры боевой дѣятельностью. Бываютъ случаи когда они получаютъ части плохо воспитанныя въ мирное время, или наскоро организованныя, составленныя изъ различныхъ частей, воспитанныхъ разными начальниками. Все это конечно осуждается военной наукой, этого конечно надо всячески избѣгать, надо стремиться къ *полной* подготовкѣ военной силы къ боевой дѣятельности еще въ мирное время, но жизнь показываетъ, что далеко не всегда, удается избѣгать импровизацій. А разъ онѣ могутъ быть, надо съ этимъ считаться, и совершенно вѣрное положеніе, что «организація не терпитъ импровизацій», строевые начальники въ военное время часто принуждены и должны понимать, что именно въ ихъ задачу и входитъ «превращеніе импровизаціи въ организацію», насколько только хватаетъ ихъ средствъ и умѣнья. Между тѣмъ бываетъ, что только сваливаютъ свои неудачи на «импровизацію», далеко не приложивъ всѣхъ мѣръ, къ обращенію этихъ импровизацій въ организаціи.

Принципъ органической связи.

Легкая возможность примѣненія боевыхъ принциповъ, способствующихъ подъему духа, требуетъ сплоченной, другъ друга знающей и другъ друга легко понимающей среды. Напр. понятно, что именно въ такой средѣ наиболѣе легко проявится принципъ взаимной поддержки.

Такимъ образомъ всякая воинская часть должна имѣть внутреннюю, духовную, органическую связь. а не только внѣшнюю — механическую. Напр. на морѣ механическая связь — это соединеніе извѣстныхъ типовъ кораблей въ эскадры и отряды, совмѣстное ихъ маневрированіе, внѣшная дисциплина, проявляющаяся въ повиновеніи приказаніямъ въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Внутренняя-же связь — это — нравственное тяготѣніе другъ къ другу на почвѣ взаимнаго довѣрія, созданнаго взаимнымъ познаніемъ.

Только на почвѣ взаимнаго довѣрія возможенъ дѣйствительный, а не чисто лишь внѣшній авторитетъ старшаго, и на этой лишь почвѣ мыслимо настоящее добровольное повиновеніе подчиненнаго. Чтобы дѣйствовать сообща, а не вразбродъ, чтобы стремиться всѣмъ, каждому своимъ путемъ, къ одной, всѣми сознаваемой, цѣли, каждый долженъ быть преисполненъ довѣріемъ къ своему начальнику, подчиненному, товарищу, и наконецъ къ своему кораблю т. е. къ своему оружію.

Но взаимное довѣріе, это — чувство внутреннее — не показное, и ни въ какомъ случаѣ не являющееся по приказу. Люди только что собранные вмѣстѣ не будутъ другъ другу довѣрять, пока они другъ друга хорошо не узнаютъ.

Органическая связь имѣетъ особо важное значеніе именно для военнаго времени. Въ мирное время и механическая связь можетъ казаться крѣпкой, и даже можетъ производить *иллюзію высокаго благоустройства.* Но въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ тяжелыя минуты, напр., при выбытіи изъ строя высшихъ начальниковъ, такая связь легко нарушается, воинская часть распадается и уже не способна къ согласованнымъ дѣйствіямъ.

Вотъ это стремленіе къ внутренней духовной спайкѣ выражается въ *принципъ органической связи*).*

Если начальникъ командуетъ на войнѣ той-же частью военной силы, которой онъ командовалъ и въ мирное время, то ему остается лишь продолжать свою работу и укрѣплять ея результаты постояннымъ проведеніемъ принципа органической связи и въ боевой обстановкѣ. Но если воинская часть (армія, корпусъ, полкъ, эскадра, отрядъ, корабль) сформированы лишь для отправленія на театръ военныхъ дѣйствій, то начальники всѣхъ степеней должны употреблять всѣ мѣры для развитія органической связи.

Особенно важно, чтобы необходимость работать въ этомъ направленіи внѣдрилась въ умы высшихъ начальниковъ, такъ

---

*) Подробности о принципахъ организаціи имѣются въ моей книгѣ „Организація морской силы“ 1900 г., откуда я привожу здѣсь лишь краткія извлеченія.

какъ именно имъ легче всего отъ этого уклониться. Старшій офицеръ на кораблѣ, хотя-бы команда его была только что сформирована передъ отправленіемъ корабля на театръ военныхъ дѣйствій, поневолѣ, имѣя, постоянное дѣло съ офицерами и нижними чинами, узнаетъ ихъ, а они въ свою очередь узнаютъ его, и складывается въ той или иной мѣрѣ между ними взаимное пониманіе и взаимное довѣріе. Но командиръ, уже, напр., можетъ держаться сравнительно далеко или близко отъ остального личнаго состава, можетъ въ извѣстной мѣрѣ уменьшить или увеличить интенсивность различныхъ подготовительныхъ занятій, въ которыхъ онъ узнаетъ своихъ подчиненныхъ, можетъ дѣлиться съ ними взглядами на различныя дѣйствія въ бою, или нѣтъ. И вотъ если онъ не добивается всѣми мѣрами того, чтобы знать своихъ подчиненныхъ и дать имъ узнать себя, если онъ не старается пропитать своими взглядами своихъ подчиненныхъ, и узнать ихъ взгляды, чтобы знать на кого и въ какихъ случаяхъ можно ему положиться, то онъ грѣшитъ противъ принципа органической связи. Точно также, и еще въ большей степени, грѣшитъ противъ этого принципа начальникъ вновь сформированной эскадры, если онъ не бываетъ на корабляхъ, держитъ себя далеко даже отъ командировъ, и довольствуется тѣмъ, что управляетъ своими подчиненными лишь посредствомъ внѣшней дисциплины, — посредствомъ авторитета своего чина, а не авторитета всѣмъ извѣстной, внушающей общее довѣріе, личности.

Также погрѣшитъ начальникъ флота противъ принципа органической связи, если онъ, формируя извѣстную часть морской силы для достиженія извѣстной цѣли, надергаетъ ее изъ разныхъ уже сплававшихся и обладающихъ органической спайкой частей, напр., составляя отрядъ для минной атаки — составитъ его изъ миноносцевъ различныхъ дивизіоновъ и т. п.

Точно также противны принципу органической связи, не вызываемые исключительной необходимостью, перемѣщенія различныхъ чиновъ съ одного корабля на другой.

Напр. 9-го Іюня 1904 г. эскадра адмирала Витгефта должна была выйти изъ Портъ-Артура, рано утромъ съ полной водой. Предполагалось, что выходъ этотъ будетъ внезапнымъ для японцевъ, и изъ этой внезапности предполагалось извлечь извѣстныя выгоды.

Къ разсвѣту 9-го Іюня*) на всѣхъ судахъ пары были готовы, но въ это время оказалось, что заболѣлъ командиръ «Побѣды». Его нашли нужнымъ замѣстить командиромъ «Паллады», а на этотъ крейсеръ назначить командира «Амура».

Это было прямымъ нарушеніемъ принципа органической связи. И почему надо было замѣнить командира «Побѣды»? Вѣдь тамъ имѣлся старшій офицеръ, лучше знакомый съ кораблемъ и командой, чѣмъ вновь назначенный, хотя-бы лучшій изъ командировъ, но съ другого корабля. А тутъ еще и другой корабль — «Паллада» былъ лишенъ своего командира и управлять имъ былъ назначенъ командиръ опять таки незнакомый съ кораблемъ и командой и гораздо худшій на новомъ своемъ мѣстѣ, чѣмъ старшій офицеръ «Паллады»!

Вѣдь если-бы, въ послѣдовавшемъ бою, изъ строя выбыли командиры кораблей, то вѣдь ихъ замѣнили-бы никто иные, какъ именно старшіе офицеры, и не явилось-бы и мысли переводить командировъ съ другихъ кораблей.

Достойно замѣчанія, что въ данномъ случаѣ нарушеніе принципа органической связи повлекло за собою нарушеніе и боевого принципа — принципа внезапности. Такъ какъ новые командиры не поспѣли вступить въ свои должности, то отложили выходъ эскадры на сутки. Конечно въ этомъ случаѣ выходъ эскадры для японцевъ уже не являлся неожиданностью и 10 Іюня они всѣ были въ сборѣ, когда наша эскадра вышла, а это именно заставило нашу эскадру вернуться назадъ, т. е. все предпріятіе рушилось.

И такихъ нарушеній принципа органической связи во время японо-русской войны наблюдалось множество, какъ на сушѣ такъ и на морѣ. На сушѣ особенно этимъ отличался

*) Цитирую по моему „Очерку военно-морскихъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны“ стр. 36,

генералъ Куропаткинъ, перемѣшивая самыя различныя воинскія части при составленія отрядовъ. на морѣ — это выражалось постояннымъ перемѣщеніемъ командировъ и начальниковъ отрядовъ. Напр., владивостокскій отрядъ крейсеровъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ находился подъ начальствомъ адмирала Іессена, и вдругъ на два крейсерства онъ былъ замѣненъ адмираломъ Безобразовымъ, а потомъ адмиралъ Іессенъ опять вернулся на свое мѣсто. Случалось что командиры и офицеры послѣ боя, не будучи ранены, и получивши даже за этотъ бой выдающіяся боевыя отличія, т. е. значитъ выказавшіе въ немъ и умѣнье и доблесть, замѣщались другими, напр. вслѣдствіе отъѣзда ихъ съ театра войны и такимъ образомъ ихъ самый цѣнный боевый опытъ прородалъ для будущихъ боевъ.

Принципъ удобоуправляемости.

Второе условіе, чтобы воинская часть была приспособлена къ выполненію задачъ, которыя ей ставятся боевыми принципами — это удобоуправляемость. Всякій случай неиспользованія своей силы изъ-за неудобоуправляемости ею будетъ вызывать справедливую горечь и отражаться на состояніи духа. Удобоуправляемость, напр., на морѣ требуетъ, чтобы адмиралъ былъ расположенъ такъ (на такомъ кораблѣ и въ такомъ мѣстѣ строя), и имѣлъ-бы въ своемъ распоряженіи такія средства (система сигналовъ, эволюцій и степень умѣнья ихъ примѣнять), чтобы онъ могъ легко управлять эскадрой, чтобы эскадра была такова по численности, и такъ раздѣлена, и чтобы адмиралъ имѣлъ такое число помощниковъ, чтобы управленіе эскадрой не превышало его силъ*), и наконецъ, чтобы переходъ командованія совершался легко, въ случаѣ выбытія адмирала изъ строя. Въ послѣдней войнѣ, какъ въ бою 28 Іюля, такъ и въ Цусимскомъ сраженіи,

*) На сухомъ пути Наполеонъ рѣшаетъ его такъ: „предѣлъ человѣческихъ способностей, говоритъ онъ, таковъ, что ни одинъ изъ генераловъ не можетъ управлять (непосредственно), на одномъ и томъ-же полѣ дѣйствій, болѣе чѣмъ *пятью* отдѣльными единицами. Дѣйствительно это правило проходитъ черезъ всю военную исторію съ древнихъ временъ. Лееръ. Прикладная тактика. Часть I, стр. 28—30.

удобство перехода командаванія не было предусмотрѣно, и въ особенности въ первомъ бою, это повело къ значительному ухудшенію положенія русскихъ. На каждомъ отдѣльномъ кораблѣ удобоуправляемость опредѣляется качествомъ боевого росписанія и средствъ передачи приказаній.

Всѣ эти требованія выражаются въ *принципѣ удобоуправляемости**).

Принципъ самостоятельности.

Третье условіе — чтобы воинская часть была самостоятельна въ предѣлахъ возлагаемыхъ на нее задачъ. Напр., если минный отрядъ предназначенъ для атаки непріятеля, мѣстонахожденіе котораго точно извѣстно, то для выполненія этой задачи онъ въ извѣстной мѣрѣ самостоятеленъ безъ придачи къ нему какихъ-либо другихъ судовъ, но если на него же возлагается и отысканіе противника, то отрядъ получаетъ самостоятельность въ томъ только случаѣ, если въ него входитъ достаточное количество крейсеровъ. Эскадра, чтобы быть самостоятельной, должна имѣть извѣстную численность и заключать въ себѣ цѣлый рядъ типовъ боевыхъ и вспомогательныхъ судовъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и быть въ извѣстной мѣрѣ независимой отъ берега.

Требованія эти выражаются въ *принципѣ самостоятельности*.

Принципъ единства власти.

Затѣмъ само собою очевидно, что во всякой отдѣльной части будь это корабль, отрядъ, эскадра или флотъ, власть должна быть сосредоточена въ однѣхъ рукахъ. и при томъ въ рукахъ такого начальника, который находится въ томъ раіонѣ, гдѣ дѣйствуетъ подчиненная ему сила. Какъ выражался Суворовъ, каждому начальнику, въ предѣлахъ, въ которыхъ ему приходится вести военныя операціи, должна быть предоставлена «полная мочь». Такимъ образомъ совершенно исключается вмѣшательство центральныхъ береговыхъ учрежденій въ управленіе боевымъ флотомъ, и та или другая его часть

*) Подробный разборъ всѣхъ этихъ требованій изложенъ въ моей книгѣ „Организація морской силы“. Часть I, стр. 33—68.

хотя и может быть подчинена лицу, находящемуся на берегу, но лишь въ томъ смыслѣ, что это лицо указываетъ начальнику этой части лишь цѣли, а въ средствахъ достиженія этихъ цѣлей, и въ особенности въ морѣ, начальникъ части долженъ имѣть «полную мочь». Эти требованія выражаются въ *принципѣ единой власти.* Ни въ какомъ случаѣ у того-же дѣла не можетъ быть двухъ равныхъ по власти и другъ другу не подчиненныхъ лицъ.

Принципъ частнаго почина.

Но это не значитъ, чтобы эта единая власть задавила всякую самостоятельность во всѣхъ подчиненныхъ ей лицахъ. Это было-бы страшно вредно, такъ какъ выразилось-бы въ отсутствіи способности дѣйствовать иначе какъ по приказу. А все предвидѣть и приказать нельзя, такъ какъ нельзя самому даже всего видѣть, не говоря уже о постоянно встрѣчающемся случаѣ — не имѣть средства сообщить приказаніе. Такимъ образомъ возникаетъ *принципъ частнаго почина*, который требуетъ, какъ неизмѣннаго условія, для возможности достиженія успѣха, чтобы каждый изъ младшихъ начальниковъ имѣлъ право личнаго почина.

Починъ, или инціатива, по опредѣленію Войде*) — это свойство или, вѣрнѣе, совокупность свойствъ, позволяющихъ вѣрно оцѣнить всякую обстановку на войнѣ, принять соотвѣтствующее рѣшеніе и выполнить его на свою собственную отвѣтственность, оставаясь въ предѣлахъ полученныхъ приказаній или поставленной высшимъ начальникомъ задачи.

Такимъ образомъ, полная власть, предоставленная начальнику, централизованная въ его рукахъ, имъ самимъ какъ-бы должна быть децентрализована по отношенію къ своимъ помощникамъ т. е. имъ предоставляется извѣстная большая или меньшая степень самостоятельности въ способахъ достиженія тѣхъ цѣлей, которыя имъ ставятся начальниками.

Этимъ самымъ частная инціатива облегчаетъ управленіе всякой воинской частью, позволяя начальнику ставить лишь цѣли и не входить въ подробности выполненія.

*) „Самостоятельность частныхъ начальниковъ“.

Однако личный починъ имѣетъ также и свою вредную сторону, такъ какъ именно онъ можетъ повлечь за собой нарушеніе плана старшаго начальника. Но надо помнить, что слѣдованіе принципу частнаго почина, — это совсѣмъ не значитъ, чтобы каждый дѣлалъ, что онъ хочетъ, а это лишь значитъ, *чтобы каждый поступалъ такъ, какъ на его мѣстѣ поступилъ-бы начальникъ* — вотъ идеалъ личнаго почина. И если къ личному почину предъявить именно такія требованія, то — вредныхъ послѣдствій у него быть не можетъ.

Но какъ-же достигнуть развитія именно такого личнаго почина? Да очень просто. Подчиненному, вѣдь все равно придется предоставить дѣйствовать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, самостоятельно. При этомъ вы не хотите, чтобы онъ нарушилъ вашъ планъ, — ну, значитъ, прежде всего не держите этотъ планъ отъ него въ секретѣ, сообщите ему его во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ комбинаціяхъ, заставьте его увѣровать въ цѣлесообразность вашихъ намѣреній, *заставьте его думать вашими мыслями.* Чѣмъ дальше и чѣмъ больше распространяется среди подчиненныхъ намѣренія старшаго, тѣмъ меньше вреда принесетъ личный починъ, т. е. тѣмъ лучше въ общемъ пойдетъ дѣло. Это и хотѣлъ сказать Суворовъ когда указывалъ, что «всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ».

Вообще, если признается важность требованій, предъявляемыхъ принципомъ частнаго почина, слѣдуетъ отрѣшиться отъ столь распространенной наклонности ко всевозможнымъ секретамъ, тѣмъ болѣе, что причины ихъ вызывающія иногда довольно жалки. Это или непониманіе значенія принципа частнаго почина, или свойство характера (скрытность) начальника, или его недовѣріе къ своимъ подчиненнымъ, что конечно, очень печально, или — и что хуже всего, хотя къ несчастью нерѣдко бываетъ, — что секретъ служитъ лишь для прикрытія полной пустоты. Не имѣя никакого плана, не будучи въ состояніи его обдумать, отдавшись вполнѣ на волю случайности, всего легче прикрыть эту пустоту непроницаемымъ покровомъ тайны. И кто не знавалъ такихъ начальниковъ?

Именно развитіе личнаго почина рождаетъ смѣлость въ дѣйствіяхъ. «Излишняя смѣлость начальника въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть сочтена за недостатокъ, который легко ведетъ къ неудачѣ» говоритъ Клаузевицъ*). «Однако недостатокъ этотъ симпатиченъ; его нельзя ставить на одну доску со всякимъ другимъ. Благо той арміи, въ которой часто появляется смѣлость, хотя-бы неумѣстная; это роскошные плоды, свидѣтельствующіе о благодатной почвѣ. Нельзя пренебрегать даже дерзостью, т. е. смѣлостью безцѣльною; она, въ сущности, та-же душевная сила, переходящая въ страсть. Смѣлость достойна порицанія и преслѣдованія только тогда, когда она является неповиновеніемъ. Но и тогда ее нужно преслѣдовать, только, въ видахъ огражденія послушанія, этого корня всякаго воинскаго порядка. Кажется нечего напоминать, что при одинаковомъ знаніи дѣла, робость испортила на войнѣ въ сто разъ болѣе, чѣмъ смѣлость». Фрейтагъ Лорингтофанъ, начальникъ военно-историческаго отдѣла германскаго генеральнаго штаба, комментируя эти слова Клаузевица**), указываетъ на германскіе уставы, въ которыхъ постоянно повторяется, что бездѣйствіе является болѣе серьезнымъ упущеніемъ, чѣмъ неправильный выборъ средствъ. «И священная обязанность всѣхъ начальниковъ», говоритъ онъ. «всячески поощрять самостоятельность, вмѣсто того, чтобы втискивать духъ почина въ узкія рамки. какъ это къ сожалѣнію часто случается въ мирное время». Между тѣмъ этотъ *духъ мгновенныхъ рѣшеній*, эта *нравственная самостоятельность*, едва-ли окажется въ бою, если личный составъ не будетъ къ тому пріученъ въ мирное время. Человѣкъ, который всегда и во всемъ привыкъ, ходить на помочахъ, тѣмъ болѣе потребуетъ этихъ помочей въ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ, флагманъ долженъ по возможности чаще собирать младшихъ флагмановъ и командировъ и обсуждать съ ними возможныя комбинаціи боевыхъ дѣйствій, такъ

*) „Война". Часть I, книга III, гл. VI, русск. издан. стр. 143—144.

**) „Господство личности на войнѣ. Изслѣдованія по Клаузевичу", стр. 24.

чтобы всѣ они совершенно уяснили себѣ — чего онъ хочетъ, чего добивается, какъ намѣренъ поступать въ различныхъ случаяхъ? Тогда всякая частная иниціатива съ ихъ стороны только будетъ способствовать къ достиженію общей цѣли. Отъ командировъ эти указанія разойдутся дальше — на каждомъ отдѣльномъ кораблѣ между офицерами; надо, чтобы всѣ знали, къ чему стремится флотъ, какъ желательно дѣйствовать, въ зависимости отъ обстановки. Не то, чтобы можно было все это удержать въ памяти, — быть можетъ, все это и трудно будетъ запомнить — но непремѣнно въ этомъ случаѣ составится на эскадрѣ общій взглядъ, согласный со взглядомъ начальника, и тогда всѣмъ подчиненнымъ можетъ быть предоставлена широкая доля самостоятельности.

На этомъ я закончу перечисленіе принциповъ, лежащихся въ основу военной науки.

Относительно тѣхъ изъ этихъ принциповъ, которые мы назвали *боевыми* (см. стр. 159) необходимо отмѣтить, что наиболѣе благопріятная обстановка для ихъ проявленія, сама по себѣ уже поднимающая духъ — это наступленіе.

Вліяніе на состояніе духа наступленія и обороны.

Наступающій идетъ къ опредѣленной своей цѣли, обороняющійся лишь противодѣйствуетъ *чужой* цѣли. Поэтому въ общемъ иниціатива въ дѣйствіяхъ за наступающимъ — онъ подготовляетъ ударъ на опредѣленный участокъ обороняющагося и сосредоточиваетъ съ этой опредѣленной цѣлью свои силы. Если онъ это дѣлаетъ, то значитъ онъ считаетъ себя достаточно сильнымъ для этого — такимъ образомъ наступленіе — это сознаніе силы, это довѣріе къ своимъ силамъ, довѣріе къ возможности достигнуть успѣха — и все это конечно поднимаетъ духъ, т. е. работаетъ въ одну сторону съ боевыми принципами. На войнѣ успѣхъ — это та или иная степень надлома моральныхъ силъ противника, такъ какъ всякая его уступка, въ стратегическомъ или тактическомъ отношеніи — это лишь результатъ такого надлома. Средствомъ для произведенія этихъ надломовъ служитъ угроза смерти, страданій физическихъ и моральныхъ, которыя несетъ въ себѣ военная сила. И если эта сила наступаетъ, то это служитъ признакомъ, что она чувствуетъ свое превосходство.

Поэтому надломъ моральныхъ силъ одного изъ противниковъ начинается съ наступательнаго движенія другого. Отсюда создалось выраженіе что «надо наступать, чтобы быть сильнѣе». Всѣ великіе полководцы и флотоводцы признавали вѣрность этого положенія, и держались оборонительнаго образа дѣйствій только при полной невозможности наступать, т. е. когда имъ приходилось поневолѣ признать превосходство противника.

Оборона это несомнѣнно признаніе своей слабости — это уступка этой слабости, подчиненіе необходимости. Поэтому она сама по себѣ понижаетъ духъ. Оборона можетъ быть героической и съ огромнымъ подъемомъ духа, но этотъ подъемъ духа зызывается не самой обороной, а лишь неудачами въ наступленіи противника, т. е. сомнѣніемъ въ его превосходствѣ и можетъ перейти въ сознаніе своего превосходства, если неудачи противника столь велики, что можно съ своей стороны перейти въ наступленіе. Настроеніе духа при оборонительныхъ дѣйствіяхъ всегда тревожно — всегда въ умѣ возстаетъ проклятый вопросъ — а что и гдѣ предприметъ противникъ, и какъ-бы онъ не ударилъ въ наше самое чувствительное или слабое мѣсто. Суворовъ очень образно выразилъ давящее, принижающее вліяніе обороны на состояніе духа — «подлая оборона. Одно званіе — оборона — уже доказываетъ слабость, слѣдовательно, наводитъ робость». Поэтому, при общемъ оборонительномъ образѣ дѣйствій, необходимо въ отдѣльныхъ случаяхъ наступать, при оборонѣ крѣпости необходимы активныя дѣйствія — вылазки. Иначе отступленіе всегда и вездѣ непремѣнно окончится полнымъ паденіемъ духа.

«Чѣмъ дальше производится отступленіе» говоритъ Зыковъ*) «чѣмъ оно поспѣшнѣе, тѣмъ глубже его вліяніе. А такъ какъ оно дѣйствуетъ въ ту-же сторону, какъ и инстинктъ самосохраненія, то отсюда является легкость перехода отступленія въ бѣгство, панику и дезорганизацію. Послѣднее является результатомъ того, что при отступленіи начальники не проявляютъ своей власти и, какъ-бы помимо ихъ, войска подчиняются непріятельскому вождю».

*) Какъ и чѣмъ управляются люди. Стр. 162.

Все что было сказано о принципахъ опредѣляетъ ихъ какъ широкія обобщенія тѣхъ неизмѣнныхъ условій, которыя ведутъ къ успѣху на войнѣ. Они уже неизмѣнны потому, что вытекаютъ изъ духовной природы человѣка, которая остается все тою-же на протяженіи всего извѣстнаго намъ періода существованія человѣчества, и значитъ будутъ неизмѣнны и впредь пока не измѣнится духовная природа человѣка, а таковое измѣненіе не предвидится *). Когда человѣкъ освободится отъ инстинкта самосохраненія, отъ чувства стадности, и т. п... тогда и принципы веденія войны будутъ другіе. Но это столь-же вѣроятно, что человѣкъ освободится отъ власти своего желудка, отъ необходимости затрачивать свой трудъ и эксплоатировать себѣ подобныхъ, чтобы получать всѣ блага жизни — а тогда не будетъ и войнъ.

Выводы изъ разсужденій о принципахъ военнаго дѣла.

Принципы вѣчны.

Затѣмъ мы видѣли, это принципы — это не рецепты. Они не даютъ никакихъ указаній — *какъ* вести то или иное дѣло на войнѣ, а указываютъ лишь къ чему надо стремиться и чѣмъ нельзя пренебрегать при *всякомъ* военномъ предпріятіи. Такимъ образомъ, они ни въ какой степени не стѣсняютъ творчество, а направляютъ лишь его на путь правильныхъ рѣшеній, указывая лишь то,— *что никогда ни при какой обстановкѣ, ни въ какомъ военномъ дѣлѣ нельзя забывать.* Творчеству-же остается еще очень широкое поле дѣятельности — *оцѣнить обстановку* — вообще безконечно разнообразную, и всѣ комбинаціи которой никакая наука, и вообще никто указать не можетъ — *и рѣшить* въ какой степени и какъ всего удобнѣе приложить въ данной обстановкѣ тотъ или другой принципъ. Значитъ принципъ ничего не рѣшаетъ, а рѣшаетъ творчество, а принципъ только снабжаетъ творчество совѣтами, которые *всегда ведутъ къ успѣху*, остерегая его отъ забывчивости.

Принципы — не рецепты.

Мы видѣли, что *всѣ принципы чрезвычайно просты, понятны сами по себѣ*, и если понадобилось о нихъ много говорить,

Принципы просты.

*) „Природа человѣческая осталась та-же, что была тысячалѣтія назадъ. И теперь такъ-же реагируетъ на разныя воздѣйствія, какъ и древле; мѣняется только внѣшняя форма проявленія такой реакціи". Лермонтовъ. Объ обученіи въ училищахъ морского вѣдомства. Морской Сборникъ за 1909 г. № 8 стр. 28.

то не для того, чтобы доказывать ихъ истинность — она сразу ясна, — а для того, чтобы показать, что всѣ эти истины вытекаютъ именно изъ духовной стороны человѣка, что значитъ онѣ вѣчны, и что очень важно умѣть ихъ правильно примѣнять и создать соотвѣтственную обстановку для удобства ихъ примѣненія

Почему пренебрегаютъ принципами.

Но именно эта ихъ простота и ясность — пусть это покажется парадоксомъ — именно и составляетъ самую слабую ихъ сторону въ томъ смыслѣ, что именно изъ за этой ихъ простоты и ясности ими и пренебрегаютъ.

Считаютъ, что они именно такъ ясны сами по себѣ, что не можетъ быть и вопроса о томъ, что всякій человѣкъ имѣющій хоть каплю «здраваго смысла» — иначе и не можетъ дѣйствовать. А такъ какъ никто не считаетъ себя лишеннымъ здраваго смысла, то никто и не находитъ нужнымъ, принимать какія либо мѣры, чтобы *пріобрѣсти способность, чтобы умѣть слѣдовать такимъ простымъ вещамъ.*

Способность слѣдовать принципамъ надо въ себѣ выработать.

Правда, въ своемъ прошломъ очень многіе признаютъ, что они поступали противно тому или другому изъ этихъ ясныхъ до очевидности положеній, но они признаютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь за свою ошибку, скорѣе даже за преднамѣренность — и то и другое они объясняютъ цѣлымъ рядомъ причинъ, — но ни въ коемъ случаѣ *не за неспособность, не за неумѣніе* слѣдовать этимъ положеніямъ. Для будущаго они останутся въ увѣренности, что когда захотятъ, то конечно и будутъ поступать согласно этимъ положеніямъ. А потому вообще придаютъ и мало важности этимъ положеніямъ.

Но когда мы обращаемся къ исторіи, то видимъ, что примѣняются эти столь простыя и ясныя положенія очень рѣдко, что примѣняются они обыкновенно людьми отмѣченными военнымъ талантомъ, что остальные обыкновенно пренебрегаютъ этими положеніями, хотя конечно и знаютъ ихъ и сознаютъ ихъ истинность. Затѣмъ исторія дастъ примѣры, когда эти, казалось-бы столь неоспоримыя, положенія подвергались преслѣдованію и провозглашались вѣрными принципы прямо имъ

противуположные. А между тѣмъ, исторія доказываетъ что во всѣ времена, въ числѣ причинъ успѣха и пораженія, всегда играло выдающуюся роль примѣненіе принциповъ веденія войны. Значитъ мало эти положенія только знать — надо еще нѣчто другое, чтобы ихъ примѣнять. И это нѣчто другое — это сознаніе ихъ огромной важности, такое сознаніе, которое связывало-бы всякую мысль о военномъ предпріятіи съ этими положеніями, которое ввело-бы эти положенія въ *способъ мышленія* о военныхъ предпріятіяхъ. Это дается или природнымъ дѣйствительнымъ здравымъ смысломъ, который такой-же рѣдкій даръ природы, какъ и талантъ, или надо воспитать въ себѣ такой способъ мышленія, а это уже требуетъ серьезнаго труда надъ внѣдреніемъ въ свое мышленіе этихъ положеній, труда и теоретическаго и практическаго.

Изученіе исторіи и трудовъ выдающихся военныхъ писателей ясно показываетъ, что всѣ талантливые военные люди какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, какъ перомъ, такъ, и главное — своей военной дѣятельностью, выражаютъ глубокое уваженіе къ принципамъ веденія войны*).

Принципы служатъ основаніемъ для оцѣнки фактовъ военной исторіи.

Помимо того, что военные принципы должны быть положены въ основу всякаго военнаго предпріятія, они служатъ еще и основаніемъ для оцѣнки фактовъ при изученіи военной исторіи.

«Не руководствоваться-же въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ оцѣнка внутренняго содержанія исторически наиболѣе замѣчательныхъ стратегическихъ комбинацій» говоритъ Лееръ**) «такою крайне капризной и незаконной вещью, какъ деспотизмъ личнаго вкуса? Этотъ послѣдній путь и ведетъ къ пристрастной, *субъективной критикѣ*, къ тому *поверхностному критицизму*, который съ наукою ничего общаго не имѣетъ. Принципы необыкновенно *просты* въ основаніи (хотя и необыкновенно обильны въ послѣдствіяхъ), нѣтъ ничего легче

*) Мнѣнія по этому вопросу Наполеона, Фридриха Великаго, Ллойда, Жомини, Клаузевица и другихъ см. Лееръ „Методъ военныхъ наукъ“ стр. 43—51.

**) Тамъ-же стр. 52.

какъ понять ихъ, обнять ихъ умомъ; но рядомъ съ этимъ военная исторія свидѣтельствуетъ о безпрерывномъ нарушеніи ихъ («вся трудность заключается въ томъ, чтобы въ исполненіи, на дѣлѣ, остаться вѣрнымъ усвоеннымъ принципамъ» Клаузевицъ). Все это показываетъ, что мало обнять ихъ умомъ, недостаточно одного ихъ наружнаго воспріятія, но необходимо обратить ихъ въ практическій мотивъ дѣятельности, т. е. владѣть ими настолько, чтобы даже не думая о нихъ, всегда дѣйствовать въ ихъ духѣ, а для этого нуженъ продолжительный трудъ, настойчивая и упорная работа мысли въ ихъ направленіи. Необходимо отдаться имъ всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ, *выносить* ихъ, *выстрадать изъ самого себя,* а не повторять ихъ только съ чужихъ словъ. И только тогда они обратятся въ наше прочное достояніе. Какъ говоритъ Гете въ Фаустѣ — «что ты наслѣдовалъ отъ твоихъ предковъ пріобрѣти то вновь, чтобы сдѣлаться полнымъ его обладателемъ».

Какъ обратить принципы въ свое прочное достояніе.

Конечно это далеко не всѣмъ по плечу, и совершенно справедливо говоритъ генералъ Ронья*), что «Военное искусство основано на *неизмѣнныхъ* началахъ . . . невѣжды пренебрегутъ изученіемъ ихъ, глупцы надъ ними будутъ издѣваться, люди ограниченные имъ будутъ слѣдовать слѣпо машинально и часто некстати; одни только талантливые люди, *которые будутъ въ состояніи дойти до сознанія ихъ духа,* сумѣютъ примѣнять ихъ къ дѣлу, видоизмѣнить ихъ или отступить отъ нихъ сообразно времени, мѣсту обстоятельствамъ (т. е. до безконечности разнообразить ихъ приложеніе)».

Моральный элементъ на войнѣ — главенствующій.

Эта общепризнанная важность принциповъ военнаго дѣла, эта трудность примѣнять ихъ на дѣлѣ, не смотря на ихъ простоту, ясность и неоспоримость, эта необходимость воспріятія ихъ чувствомъ и инстинктомъ для возможности ихъ примѣнять — все это служитъ иллюстраціей къ столь многими несознаваемому, основному положенію — что на войнѣ главенствующее значеніе имѣетъ не матеріальный, а моральный

*) Цитирую по Лееру „Методъ военныхъ наукъ“ стр. 50—51.

элементъ*), и что моральный этотъ элементъ гораздо труднѣе создать чѣмъ матеріальный, и на созданіе его надо положить огромный трудъ. На самомъ же дѣлѣ часто считаютъ, что моральный элементъ какъ бы приходитъ самъ собой, разъ существуетъ воинская часть, разъ она снабжена хорошимъ оружіемъ и обильнымъ продовольствіемъ, и связана наружной дисциплиной. Остается ею только руководить. Ложность такого взгляда явно выступаетъ только на войнѣ — да только на войнѣ и можетъ выступить, — но къ сожалѣнію въ такомъ сложномъ дѣлѣ какъ война, столько можно подобрать причинъ для объясненія неудачъ и пораженій, что для людей съ предвзятыми узкими взгядами, не понимающими сущности и важности духовной стороны, очень трудно излечиться отъ этой предвзятости и непониманія, даже путемъ собственныхъ неудачъ и пораженій. Къ этому присоединяется еще то немаловажное обстоятельство, что въ недостаткахъ въ матеріальной части обвинить потерпѣвшихъ неудачи и пораженія нельзя — не они ее создавали, они принимали ее такою, какою она получалась изъ рукъ центральныхъ учрежденій, въ войнѣ непосредственно не участвующихъ, — а въ недостаткахъ въ моральномъ состояніи ихъ въ значительной степени можно считать отвѣтственными.

А тогда болѣе чѣмъ понятно, что они стремятся всю отвѣтственность за неудачи и пораженія свалить именно на матеріальную часть. Изъ побѣжденныхъ, или вѣрнѣе говоря — изъ недобросовѣстныхъ побѣжденныхъ — создаются кадры поклониковъ матеріальной части.

Чтобы быть справедливымъ нельзя не отмѣтить возможность, по тѣмъ-же причинамъ, со стороны побѣдителей извѣстнаго преувеличенія моральнаго элемента, какъ результата ихъ собственнаго таланта и труда, но тутъ то и приходитъ на

*) Моральный элементъ военной силы состоитъ изъ всего того, что вноситъ въ нее человѣкъ, т. е. изъ военнаго образованія — теоретическаго и практическаго, искусства руководительства, нравственной силы т. е. военнаго и гражданскаго мужества (способности брать на себя отвѣтственность и жертвовать своимъ благомъ въ борьбѣ за интересы дѣла), искусства созданія и обращенія съ матеріальной частью и т. п... Подробнѣе этотъ вопросъ разобранъ въ главѣ IV-й Н. К.

помощь изученіе принципіальной стороны военнаго дѣла и показываетъ — на чьей сторонѣ правда.

Это изученіе показываетъ — какъ тщательно надо подготовить моральный элементъ, какъ надо оберегать его отъ проявленія присущихъ ему недостатковъ, напр., какъ надо умѣть считаться съ психологіей толпы, чтобы имѣть возможность примѣнять боевые принципы неизмѣнно ведущіе къ успѣху. Оно показываетъ — какъ еще много надо имѣть въ головѣ, какъ много надо знать, и какъ много надо имѣть опыта, чтобы правильно оцѣнивать безконечно разнообразную обстановку — ибо только тогда и можетъ принести пользу примѣненіе принципа. А отсюда уже получается объясненіе — почему такъ рѣдки великіе полководцы и флотоводцы и вообще начальники, почему такъ рѣдко наблюдается личный составъ совершенно не поддающійся моральнымъ потрясеніямъ, съ постоянно высокимъ духомъ, почему такъ рѣдки постоянные и рѣшительные успѣхи на войнѣ, и притомъ совершенно ясное для всѣхъ по своимъ причинамъ. Эта ясность сплошь и рядомъ затемняется тѣмъ, что побѣда явилась не слѣдствіемъ достоинства побѣдителя, а лишь потому, что противникъ его надѣлалъ еще гораздо больше грубыхъ ошибокъ чѣмъ онъ. Рѣшительность результатовъ въ значительной степени можетъ быть умалена невозможностью использовать все преимущество въ моральномъ отношеніи вслѣдствіе недостатковъ въ матеріальной части. Полная рѣшительность результатовъ имѣетъ мѣсто только при соединеніи моральнаго преимущества съ матеріальнымъ — вотъ тогда и получаются разгромы.

При этомъ нельзя не отмѣтить, что при значительномъ недостаткѣ въ матеріальной части, напр., при негодности оружія, трудно допустить наличіе высокаго моральнаго состоянія — такъ какъ отсутствуетъ необходимый элементъ такого состоянія — довѣріе къ своимъ силамъ.

Это неоспоримо. Но что часто упускаются изъ вида это то, что вышеприведенное положеніе не имѣетъ обратнаго смысла. А именно — только одно превосходство въ матеріальномъ отношеніи въ численности и въ качествѣ оружія, еще не создаетъ высокаго моральнаго состоянія — оно только способствуетъ его

созданію. Результатами такого превосходства можетъ оказаться не довѣріе къ своимъ силамъ, а пустая самоувѣренность. Даже при превосходномъ оружіи, то довѣріе къ своей силѣ, которое цѣнно, можетъ создаться только на почвѣ превосходнаго обученія, и довѣрія къ начальникамъ и товарищамъ, что всѣ они сумѣютъ извлечь пользу изъ этого превосходнаго оружія, т. е. на той-же почвѣ высокаго моральнаго состоянія, а это все очевидно само не является.

Еще скорѣе можетъ быть высокое моральное состояніе при значительномъ недостаткѣ въ матеріальной части, если недовѣріе къ своей силѣ, создавшееся на почвѣ несовершенства оружія или недостатка въ численности, перевѣшивается довѣріемъ къ своему искусству въ обращеніи съ матеріальной частью и къ своимъ руководителямъ, основанномъ на увѣренности, что тѣ сумѣютъ выбрать такую обстановку, въ которой эти недостатки не ведутъ къ безнадежности на успѣхъ. Но если къ недостаткамъ въ матеріальной части прибавляется еще и недовѣріе къ своему искусству и къ искусству руководителей, то это ведетъ къ полному паденію духа.

Преимущество моральнаго элемента передъ матеріальнымъ — это тоже одно изъ основаній военной науки, какъ и изслѣдованные выше принципы. Поэтому изслѣдованіе этого положенія и помѣщено рядомъ съ изслѣдованіемъ о принципахъ.

Доказать это преимущество съ помощью однихъ разсужденій конечно задача невозможная — окончательная ясность все-таки остается при такомъ способѣ неуловимой.

То что было высказано выше, является поэтому лишь объясненіями, руководящая мысль которыхъ такая: принципы веденія войны всѣ могутъ выведены изъ духовной стороны человѣка; принципы эти очень важны — это основы военнаго дѣла, а значитъ и духовная сторона человѣка, составляющая одну изъ составныхъ частей моральнаго элемента, а значитъ и моральный элементъ — самый важный элементъ въ военномъ дѣлѣ.

Гораздо болѣе убѣдителенъ для приведенія даннаго вопроса въ полную ясность тотъ фактъ, что всѣ талантливые военные

люди, и именно практики дѣла, признавали преимущество моральнаго элемента передъ матеріальнымъ. Эта убѣдительность не умаляется ни указанной выше возможностью со стороны побѣдителей извѣстнаго преувеличенія этого преимущества, а тѣмъ паче фактомъ его черезмѣрнаго умаленія, по сравненію съ матеріальной частью, недобросовѣстными, желающими лишь себя оправдать, побѣжденными. При этомъ они часто еще говорятъ не о самомъ моральномъ элементѣ, въ полномъ значеніи этого слова, а лишь объ одной составной его части — о нравственной силѣ.

О значеніи нравственной силы.

«Важное значеніе нравственной силы» говоритъ Компсано*) «признано всѣми стратегами. Марселли въ Италіи, Клаузевицъ въ Германіи, Войде и Драгомировъ въ Россіи, Мельяръ, во Франціи — много занимались этимъ вопросомъ. И если не всѣ военачальники проникнуты сознаніемъ его важности, то только потому, что философія изслѣдованія не вполнѣ еще доступна для ихъ пониманія».

Компсано очень мѣтко замѣчаетъ, что хотя при одержаніи побѣды и приходится пользоваться двумя родами силъ — физическими и нравственными, но почему-то въ военно-учебныхъ заведеніяхъ всего міра изучаютъ только первыя изъ нихъ. Ученія объ оружіи и о способахъ его употребленія — подготовляютъ къ правильному примѣненію физическихъ силъ, что же касается до силъ нравственныхъ, то *ограничиваются только признаніемъ ихъ существованія.*

Что такое нравственная сила.

Очень хорошо эту нравственную силу, составляющую, между тѣмъ, лишь одну изъ составныхъ частей моральнаго элемента (см. выноска къ стр. 175), опредѣляетъ Мельяръ**): «Есть сила, старая какъ міръ, и тѣмъ не менѣе вѣчно юная — сила болѣе страшная чѣмъ пушка и ружье, способная къ порожденію всевозможныхъ сюрпризовъ, ибо она мгновенно созидаетъ самыя неожиданныя средства для дѣйствія, чрезвычайно разнообразныя и въ то-же время *удивительно соотвѣтствующія обстановкѣ.* Это сила нравствен-

*) Опытъ военной психологіи. Стр. 2—3.

**) „Элементы войны". Введеніе.

ная, — равнодѣйствующая трехъ силъ; разума, который рѣшаетъ, воли, которая исполняетъ, и мужества, которое презираетъ смерть. Эта сила *разлившись въ массахъ*, возбуждаетъ, одушевляетъ ихъ и дѣлаетъ ихъ способными къ принесенію величайшихъ жертвъ для побѣды. Нравственная сила заставляетъ склоняться вѣсы побѣды на свою сторону».

Этимъ и объясняется, что въ военной исторіи имѣется много примѣровъ того, какъ слабыя силы разбивали гораздо сильнѣйшія; какъ плохо вооруженные одерживали побѣды надъ хорошо вооруженными; какъ побѣждали, даже при наличіи ошибокъ въ стратегіи и въ тактикѣ — всѣ это возмѣщалось нравственнымъ элементомъ. Это не значитъ, что полагаясь на нравственный элементъ, можно пренебрегать численностью вооруженіемъ и тактическимъ и стратегическимъ искусствомъ. Это значитъ только, что ни въ какомъ случаѣ нельзя пренебрегать нравственнымъ элементомъ, и полагаться только на численность, вооруженіе и на познаніе и опытъ въ веденіи войны. «О нравственная сила, ты царица армій!» — восклицаетъ маршалъ Бюже *).

«При столкновеніи двухъ армій», говоритъ Зыковъ **) «исходъ боя опредѣляется всегда тѣмъ, которая изъ сторонъ поработитъ себѣ душу противника т. е. побѣда опредѣляется всегда моральными данными. Въ этомъ тезисѣ слово «всегда» не имѣетъ строго математическаго значенія, но именно его слѣдуетъ употребить въ немъ, въ виду того крайне ограниченнаго числа исключеній, когда побѣда является торжествомъ *грубо матеріальной силы* ***), и когда побѣжденный сохранилъ

*) Изъ письма генерала Канонжа къ доктору Компсано „Опытъ военной психологіи“ стр. VII.

**) „Какъ и чѣмъ управляются люди“, Стр. 169—173.

***) Т. е. когда побѣда является результатомъ только численности дѣйствующаго оружія, даже внѣ искусства обращенія съ нимъ которое находится на сторонѣ побѣжденныхъ. Только тогда на сторонѣ послѣднихъ находятся всѣ составныя части моральнаго элемента, а на сторонѣ побѣдителей только одинъ матеріальный элементъ, и поэтому только тогда можно сказать, что исключительно матеріальный элементъ побѣдилъ моральный. Н. К.

до конца свою моральную силу, если не на большей, то по крайней мѣрѣ на равной высотѣ съ побѣдителемъ. Это будутъ тѣ случаи когда всѣ люди одной стороны будутъ *приведены въ полную невозможность пользоваться своими физическими силами раньше сдачи.* Такова была побѣда надъ испанцами, осажденными въ Сарагоссѣ, надъ русскимъ гарнизономъ укрѣпленія Михайловскаго. Къ таковой можно причислить и сдачу Генуи Массеной, такъ какъ, если французы и не полегли всѣ, то ихъ готовность на это настолько была несомнѣнна для австрійцевъ, что они выпустили гарнизонъ прямо на позорныхъ для себя условіяхъ. Но это исключенія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, болѣе или менѣе многочисленные остатки арміи отступаютъ или сдаются и, конечно, не штыки и пули гонятъ ихъ съ поля сраженія и заставляютъ сдаваться, а страхъ. Тѣ которыхъ задѣваетъ оружіе, обыкновенно остаются лежать на полѣ сраженія. Такъ какъ побѣда является результатомъ моральнаго превосходства къ концу сраженія побѣдителя надъ побѣжденнымъ, то все искусство боя сводится къ тому, чтобы расшатать моральныя силы противника. Средствомъ къ этому расшатыванію служитъ угроза смерти...

Матеріальный элементъ—это все, кромѣ человѣка.

Сила и убѣдительность боевой аргументаціи, конечно, зависитъ отъ числа наносимыхъ пораженій, а это въ свою очередь обусловливается числомъ ружей, орудій, штыковъ и шапекъ т. е. *численностью* войскъ. Во-вторыхъ, качествомъ этихъ ружей, орудій и т. д... т. е. *технической стороной* вооруженія. Въ третьихъ *закрытіемъ* войскъ отъ выстрѣловъ и штыковъ, стѣнами, валами, неровностями мѣстности и т. д. Все это вмѣстѣ взятое и составляетъ матеріальныя причины побѣды, вліянію которыхъ Наполеонъ приписываетъ 1/4 успѣха . . .»

Нравственное пораженіе всегда предшествуетъ матеріальному

«Боевая аргументація можетъ оказать вліяніе на поведеніе непріятельскихъ войскъ, воздѣйствуя на эти послѣднія черезъ ихъ начальниковъ или воздѣйствуя на нихъ самихъ непосредственно».

«Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть войска еще способныя къ бою, но отступающія по приказанію своего начальника, попавшаго подъ моральный гнетъ противника. Таково было напр., отступленіе на сѣверную сторону Севастополя . . . Во

второмъ случаѣ, т. е. при непосредственномъ дѣйствіи на войско, оно само, нравственно разбитое и подавленное, начинаетъ отступленіе или бѣгство, въ которомъ увлекаетъ и своего начальника. Такъ Карлъ XII былъ увлеченъ своими войсками подъ Полтавой. Результатомъ различной впечатлительности можетъ быть окончательный разладъ между войскомъ и начальникомъ, при которомъ этотъ послѣдній теряетъ надъ нимъ власть. Такъ какъ самая организація войскъ гораздо болѣе способствуетъ вліянію начальника на войско, чѣмъ обратному вліянію войска на начальника, то и значеніе этого послѣдняго имѣетъ первенствующее вліяніе на ходъ войны. Поэтому древніе римляне съ убѣжденіемъ говорили, что *лучше стадо барановъ подъ предводительствомъ льва, чѣмъ толпа львовъ подъ предводительствомъ барана.* Такъ какъ на войнѣ побѣжденъ тотъ, кто поддается аргументаціи противника, а таковымъ будетъ тотъ, кто не настойчивъ и слабъ волею, то станетъ понятнымъ, отчего *на войнѣ предпочтителенъ человѣкъ съ большимъ характеромъ, но съ ограниченнымъ умомъ, чѣмъ наоборотъ.* Наивыгоднѣйшей комбинаціей будетъ, конечно, квадратъ, т. е. достиженіе при данной волѣ *maximum'а* соотвѣтствующаго ей ума».

«Сраженія рѣшаются скорѣе вслѣдствіе *потери нравственнаго равновѣсія*» говоритъ Компсано въ заключеніе своего труда*) «чѣмъ *вслѣдствіе* болѣе или менѣе значительныхъ матеріальныхъ потерь. Если-бы въ ту минуту, какъ рѣшается побѣда, сосчитать потери съ обѣихъ сторонъ, то врядъ ли оказалось-бы въ нихъ значительная разница. Какъ-бы велики ни были потери, но если армія сохраняетъ связь, мужество, довѣріе, то она все таки можетъ наступать, и если даже она на короткое время замнется, то ее все-таки легко снова устроить, чтобы снова продолжать атаку. И только когда она покидаетъ поле сраженія и начинаетъ бѣжать, потери ея возрастаютъ. . . Иначе говоря, если мы будемъ искать причины пораженія данной арміи, то найдемъ ихъ не въ количествѣ ея потерь, но въ паникѣ, которой она подчинилась первою,

*) Опытъ военной психологіи. Стр. 142.

вслѣдствіе либо какого нибудь стратегическаго или тактическаго сюрприза, либо вслѣдствіе жестокой атаки. Избытокъ потерь, слѣдующій затѣмъ, составляетъ только послѣдствіе этого упадка духа и является лишь подъ конецъ боя, когда начинается паника. Тѣми-же причинами вызываются и капитуляціи...».

«Можно привести въ примѣръ и осады, выдерживавшіяся до послѣдней крайности, и осады несравненно менѣе тяжелыя, но продолжавшіяся немного времени, потому-что одни коменданты долго сохраняли свою нравственную силу и надежду, а другіе — теряли ихъ слишкомъ рано. Число нераненныхъ плѣнныхъ достигало въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ огромныхъ цифръ. Австрійцы въ 1866., французы въ 1870 г. (вторая Луарская армія, отступившая на Вандомъ) сдавались сотнями безъ всякаго матеріальнаго принужденія. Солдаты эти, справедливо или нѣтъ, но были убѣждены, что начальники не могутъ дать имъ побѣды, что всѣ ихъ усилія, какъ-бы энергичны они ни были, не послужатъ ни къ чему. Они были истомлены, не имѣли ни мужества, ни надежды и добровольно сдавались массами. Итакъ *нравственное пораженіе всегда предшествуетъ матеріальному*».

Генералъ Блуме говоритъ *), что «Военная исторія доказываетъ, что въ концѣ боя побѣдитель рѣдко знаетъ величину пораженія своего противника и, что онъ часто считалъ бой не рѣшеннымъ и даже проиграннымъ, между тѣмъ какъ массы непріятеля бѣжали».

Въ такомъ, напр., положеніи былъ адмиралъ Ито послѣ сраженія у Ялу, а также и адмиралъ Того послѣ боя 28-го Іюля.

Изслѣдуя господство личности на войнѣ по классическимъ сочиненіямъ Клаузевица, начальникъ военно-историческаго отдѣла германскаго генеральнаго штаба Лорингофанъ говоритъ **), «Какъ во всѣ времена, такъ и теперь, главнымъ орудіемъ войны остается человѣкъ, и только форма его воз-

---

*) Цитирую по „Господству личности на войнѣ“ Лорингофанъ, стр. 3.

**) „Господство личности на войнѣ“, стр. 66.

дѣйствіе измѣнилась». Къ современному бою вполнѣ приложимо высказанное во время появленія бездымнаго пороха: «смѣло впередъ въ періодъ бездымной войны! Смѣлый все еще продолжаетъ владѣть міромъ».

Главенствующее значеніе моральнаго элемента — вѣчно.

Теперь мы вступаемъ въ область подчиненія человѣкомъ воздуха и быть можетъ совсѣмъ недалеко то время, когда и война перенесется въ воздухъ, но будемъ помнить, что и въ воздухѣ будетъ сражаться тотъ-же человѣкъ, а значитъ и принципы веденія войны въ воздухѣ будутъ тѣ-же, такъ какъ они вытекаютъ изъ духовной стороны человѣка, и въ воздушной войнѣ моральный элементъ будетъ главенствовать надъ матеріальнымъ вообще и надъ техникой въ частности. А потому смѣло впередъ въ періодъ воздушной войны. Побѣду намъ дастъ та-же наука, вѣчная, неизмѣнная, лишь прошедшая черезъ горнило опыта въ другой обстановкѣ.

Принципы — какъ результатъ изслѣдованія условій, ведущихъ къ успѣху на войнѣ.

Резюмирую теперь результаты изслѣдованія тѣхъ *неизмѣнныхъ* условій которыя ведутъ къ успѣху на войнѣ.

На войнѣ дѣйствуютъ различные элементы: человѣкъ, и всевозможные элементы обстановки — средства борьбы, время, мѣсто, суша, море, погода, характеръ мѣстности на сушѣ или на морѣ, политическія обстоятельства и т. п.

Изъ всѣхъ этихъ элементовъ неизмѣненъ только одинъ — человѣкъ; т. е. конечно и люди очень различны, но въ общемъ неизмѣнны духовныя свойства человѣка. Все остальное — въ каждомъ данномъ случаѣ различно и даетъ безчисленное множество комбинацій.

Притомъ человѣкъ неизмѣнно участвуетъ во всякой комбинаціи, и онъ и причина военныхъ явленій. Уже достаточно этихъ соображеній, чтобы придти къ заключенію, что главный элементъ — это человѣкъ.

Теорія науки, по принятому нами опредѣленію (стр. 45) — это та ея часть, которая выясняетъ закономѣрность или неизмѣнный порядокъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ предметъ изученія науки.

Очевидно, что для этого выясненія прежде всего и надо было взяться за духовную природу человѣка какъ за главный и постоянный элементъ военныхъ явленій.

Въ результатѣ получились принципы веденія войны, приложимые ко всякой обстановкѣ, такъ какъ при любой обстановкѣ необходимый элементъ военнаго явленія, безъ котораго нѣтъ и самаго явленія — это человѣкъ.

Принципы безусловны. Нельзя себѣ представить такой обстановки, въ которой они были-бы неприложимы, и только способъ ихъ приложенія зависитъ отъ обстаноки.

Принципы выражаютъ духовныя свойства человѣка.

Принципы вытекаютъ изъ изученія свойствъ духовной стороны человѣка, въ ихъ проявленіи въ военной обстановкѣ, а потому и заключаютъ въ себѣ эти свойства. Напр., принципъ внезапности выражаетъ собою слабость моральной стороны человѣка передъ внезапностью. Принципъ сосредоточенія силъ выражаетъ собою свойство усиленія моральнаго элемента въ сообществѣ себѣ подобныхъ, идущихъ къ той-же цѣли.

Принципы не могутъ быть рецептами, разъ способъ приложенія ихъ въ различной обстановкѣ различенъ и они приложимы ко всякой обстановкѣ.

Принципы — это намѣренія.

Принципъ это намѣреніе. Буду добрымъ, буду сосредоточивать свои силы — это намѣренія. Пожалуй принципъ — это и рѣшеніе, но рѣшеніе вообще, рѣшеніе въ намѣреніи безъ приложенія къ дѣлу. Рѣшаю, что буду добрымъ, рѣшаю, что буду сосредоточивать силы. Но дѣйствія еще тутъ нѣтъ. Дѣйствіе — это опредѣленный частный случай. Здѣсь рѣшеніе уже отдѣляется отъ намѣренія и должно заключать въ себѣ путь — какъ сдѣлать добро, какъ сосредоточить силы. А такъ какъ въ частномъ случаѣ сдѣлать добро надо по отношенію къ опредѣленному субъекту и въ предѣлѣ имѣемыхъ средствъ, то это необходимо отразится на пути т. е. на способѣ. Также и сосредоточить силы, въ каждомъ частномъ случаѣ, надо противъ опредѣленнаго противника, въ предѣлахъ имѣемыхъ силъ, находящихся въ опредѣленныхъ мѣстныхъ условіяхъ, обладающихъ извѣстными качествами и т. п. И значитъ рѣшеніе будетъ заключать въ себѣ способъ и будетъ зависѣть отъ обстановки. Значитъ принципъ самъ по себѣ ничего не рѣшаетъ и рѣшать не можетъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ его званію — теоретическому положенію (стр. 70 и 76). Рѣшаетъ

тотъ, кто прилагаетъ принципъ къ дѣлу, къ опредѣленной обстановкѣ т. е. практикъ, а теорія ему даетъ принципъ какъ отправную точку для рѣшеній.

Однако роль теоріи не должна ограничиваться только такими общими указаніями, столь широкими, что они пригодны для всякой обстановки. Она можетъ входить и въ детали, твердо держась лишь одного положенія—*ничего не рѣшать*, а только разъяснять (объяснять свойства) и давать отправныя точки для рѣшеній. Иначе она выйдетъ изъ своей области и стѣснитъ практика (творчество). Въ какія мелкія детали можетъ входить теорія и какую пользу она приноситъ этимъ практикѣ, было уже изложено выше (стр. 71—76).

Теорія военной науки не ограничивается выводомъ только неизмѣнныхъ условій для успѣха--принциповъ.

Изслѣдовавши постоянный и неизмѣнный элементъ военныхъ явленій—духовную сторону человѣка—теорія дала *неизмѣнныя* отправныя точки для рѣшеній — принципы.

Правила.

Изслѣдуя любой элементъ обстановки, теорія даетъ отправныя точки пригодныя для рѣшеній *лишь въ тѣхъ предѣлахъ*, которые были приняты для этого элемента обстановки при изслѣдованіи. Эти отправныя точки принято называть, въ отличіе отъ принциповъ, *правилами*. Еще не приводя ни одного правила, можно уже впередъ сказать, что и правило не рецептъ, что оно тоже ничего не рѣшаетъ, такъ какъ на способъ приложенія его будутъ вліять всѣ остальные элементы обстановки, которые не были включены въ предѣлы изслѣдованія, въ результатѣ котораго получилось правило.

Правила не рецепты.

Чтобы правило *рѣшало*, надо чтобы оно существовало для совершенно опредѣленной *полной* обстановки, и чтобы именно такая обстановка встрѣтилась на дѣлѣ. Но это очевидно невозможно, такъ какъ обстановка подобна человѣческому лицу—нельзя найти двухъ подобныхъ обстановокъ, какъ не существуетъ совершенно одинаковыхъ лицъ, хотя и есть много похожихъ.

Какъ принципы заключаютъ въ себѣ свойства духовной стороны человѣка, такъ правила заключаютъ въ себѣ свойства того или другого элемента обстановки.

Правила выражаютъ свойства обстановки.

Правила не обладаютъ свойствомъ неизмѣнности.

Правила уже не обладаютъ свойствомъ неизмѣнности. Напр. принципы тѣ-же и для сухопутной и для морской войны, и останутся тѣ-же и для войны, когда она перейдетъ въ воздухъ. Правила-же для сухопутной и для морской войны могутъ быть совершенно различны, и могутъ быть тѣ-же только по стольку, по скольку въ извѣстныхъ своихъ областяхъ сходны между собою обстановки на сушѣ и на морѣ.

Откуда получаются правила.

Можно изслѣдовать различные элементы обстановки сами по себѣ, можно изслѣдовать нѣкоторыя опредѣленныя комбинаціи изъ элементовъ обстановки, можно изслѣдовать извѣстные способы приложеній принциповъ, можно изслѣдовать извѣстное человѣческое свойство по отношенію къ извѣстнымъ элементамъ обстановки. Все это будутъ изслѣдованія извѣстныхъ свойствъ, и въ результатѣ будутъ получаться *правила.*

Нормы.

Изъ этихъ правилъ можно выдѣлить отдѣльную группу *нормъ. Норма*—это теоретическое идеальное рѣшеніе извѣстнаго вопроса *), вытекающее изъ изслѣдованія свойствъ извѣстнаго элемента военнаго явленія. Въ зависимости отъ обстановки рѣшеніе этого вопроса на практикѣ разнообразится. Значитъ и норма ничего не рѣшаетъ, напоминая лишь практику, что *нормально* этотъ вопросъ рѣшается такъ, и предоставляя ему самому вносить измѣненія сообразно обстановкѣ.

Нормы не рецепты.

Различіе между правилами и нормами трудно провести совершенно рѣзко.

Различіе между правилами и нормами.

Правила—это *указанія на способъ дѣйствій*, вытекающія изъ извѣстныхъ свойствъ элементовъ военныхъ явленій. Нормы—*порядокъ устройства* извѣстныхъ элементовъ военныхъ явленій, тоже вытекающій изъ ихъ свойствъ. Поэтому, въ зависимости отъ характера изслѣдованія свойствъ и объекта изслѣдованія, получаются то правила, то нормы.

Какъ правила, такъ и нормы измѣняются въ зависимости отъ обстановки и этимъ они отличаются отъ принциповъ, которые неизмѣнны. Лееръ приводитъ **) опредѣленіе, данное

*) Лееръ. Прикладная тактика. Стр. 29. Часть I.
**) Методъ военныхъ наукъ, стр. 55.

принципу и правилу въ курсѣ тактики французской высшей военной школы: «*принципы* служатъ основаніемъ для концепціи, для соображенія: *правила* служатъ основой исполненія, примѣненія. Принципъ *твердъ*, правило должно быть *гибко*(*Un principe est rigide, une régle doit être souple*».

Теорія военной науки — это выводъ и объясненіе принциповъ, правилъ и нормъ.

Выводъ и объясненіе принциповъ, правилъ и нормъ посредствомъ изслѣдованія свойствъ элементовъ военныхъ явленій—это и составляетъ теорію военной науки. Въ этомъ и состоитъ выясненіе закономѣрности или неизмѣннаго порядка военныхъ явленій, т. е. вѣрнѣе выясненіе степени ихъ закономѣрности или неизмѣннаго порядка. Это та форма, въ которую выливается — изслѣдованный, обобщенный и сведенный въ систему опытъ всѣхъ предыдущихъ войнъ (см. стр. 50).

Примѣры нормъ.

Возьмемъ примѣры правилъ и нормъ. Для этого, взявши напр., какой нибудь принципъ, изслѣдуемъ его приложеніе въ какой либо обстановкѣ. Напр., принципъ *удобоуправляемости* (стр. 164) требуетъ между прочимъ, чтобы военная сила, подчиненная отдѣльному начальнику, была такова по численности и такъ раздѣлена, чтобы управленіе ею не превышало его силъ. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только практика. И вотъ одинъ изъ величайшихъ практиковъ, Наполеонъ говоритъ: «передѣлъ человѣческихъ способностей таковъ, что ни одинъ изъ генераловъ не можетъ управлять (непосредственно), на одномъ и томъ-же полѣ дѣйствій, болѣе чѣмъ *пятью* отдѣльными единицами». Справедливость этого положенія подтверждается на сухомъ пути всей военной исторіей, начиная съ древнихъ грековъ и римлянъ. «Вѣроятно-же есть *законная причина*» говоритъ Леерь*) «проводящая эту цифру 4 и 5 сквозь всю военную исторію? И не въ стремленіи-ли къ возможно полному примѣненію къ организаціи армій принципа *удобства управленія* заключается, прежде всего, эта причина? Это повтореніе изъ вѣка въ вѣкъ одного и того-же явленія можетъ-ли быть дѣломъ только одного каприза или слѣпого случая?».

---

*) Прикладная тактика. Часть I, стр. 35.

Вотъ эта цифра — 4—5 отдѣльныхъ начальниковъ, съ которыми можетъ имѣть дѣло высшій начальникъ — *это предѣльная норма для сухопутной обстановки.*

Будетъ-ли она такова-же для морской обстановки—это вопросъ. Въ послѣднее время замѣтно стремленіе руководствоваться этой нормой и на морѣ*) съ легкой руки нѣмцевъ (ихъ законъ о флотѣ 1898 г.). Но вѣрно-ли это? *Норма*-ли это, или простое подражаніе, все удобство котораго состоитъ въ томъ—и конечно удобство не малое,—что устанавливается въ организаціи морскихъ боевыхъ силъ извѣстный опредѣленный порядокъ? Историческаго основанія для такого порядка нѣтъ, и основанія, которыя приводятъ къ раздѣленію боевой силы на сушѣ и на морѣ, различны**), а потому нельзя съ увѣренностью сказать, что они приведутъ къ тѣмъ-же результатамъ.

Наполеонъ говоритъ—«предѣлъ человѣческихъ способностей таковъ». Но вѣдь и на морѣ дѣйствуетъ человѣкъ. Значитъ предѣлъ способностей его не измѣняется, и значитъ какъ будто это свойство человѣка, какъ—таковое—приложимо ко всякой обстановкѣ. Но въ томъ-же и дѣло, что это не основное, естественное качество духовной стороны человѣка, изъ котораго получается принципъ. Оно зависитъ отъ легкости и способа управленія т. е. отъ обстановки, а потому изслѣдованіе его даетъ не принципъ, а правило, или норму, которыя не имѣютъ свойства быть приложенными ко всякой обстановкѣ.

Такимъ образомъ формула Наполеона для сухопутной обстановки — *норма,* а для морской — пока еще нѣтъ, — это только *предположеніе.*

Практика даетъ *нормы* для численности различныхъ тактическихъ организмовъ, дивизіи, полка, эскадры, числа броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ въ эскадрѣ и т. п.

Напр. изслѣдованіе вопроса о круговомъ дозорѣ***) приводитъ къ заключенію, что достаточно 8 крейсеровъ, чтобы

---

*) Черкасовъ 1-й. Элементарная и прикладная тактика. 1909 г. стр. 267—272.

**) Подробное выясненіе этихъ различій и рискованность прилагать формулу Наполеона къ организаціи морскихъ силъ изложено въ моей книгѣ „Организація морской силы". Часть 1-я, стр. 53—63.

***) Черкасовъ 1-й. Элементарная и прикладная тактика.

установить вокругъ эскадры такой дозоръ на разстояніи 20 миль, т. е. на такомъ разстояніи, которое позволяетъ эскадрѣ приготовиться къ бою къ моменту сближенія съ противникомъ на боевую дистанцію.

Принимая во вниманіе, что такія суда, обладая очень незначительнымъ боевымъ значеніемъ, боевой силы эскадры не увеличиваютъ, и что круговой дозоръ требуется рѣдко, и въ обычныхъ случаяхъ дозора его дальность, при тѣхъ-же 8-ми крейсерахъ, увеличится до 35 миль, цитируемый авторъ приходитъ къ справедливому заключенію, что большого числа крейсеровъ къ эскадрѣ придавать не слѣдуетъ.

Чтобы пользоваться правилами и нормами необходимо свободное творчество и знаніе теоріи.

Такимъ образомъ 8 крейсеровъ это *норма числа крейсеровъ при эскадрѣ при современной обстановкѣ. И такая норма* ни въ коемъ случаѣ не рецептъ, и творчества не стѣсняетъ. Разъ начальникъ имѣетъ основанія предполагать, что непріятель не появится съ извѣстныхъ частей горизонта, онъ можетъ ограничиться употребленіемъ и меньшаго числа крейсеровъ для дозора. Разъ напр., обстановка такова, что его эскадрѣ требуется гораздо большее время на подготовку къ бою чѣмъ то, которое было принято при вышеприведенномъ разсчетѣ крейсеровъ, то онъ употребитъ различныя мѣры для увеличенія средствъ дозора. Но для всего этого онъ долженъ знать *условія, для которыхъ выведена норма.* Разъ эти условія ему неизвѣстны — норма для него, или обращается въ рецептъ—для извѣстнаго разряда людей, или теряетъ всякое значеніе. Такимъ образомъ, чтобы пользоваться правилами и нормами, необходимо свободное творчество и знаніе теоріи. Къ рецептурѣ-же приводитъ ограниченность и невѣжество.

Напр., если представить себѣ, что дозорными судами будутъ воздушные корабли, то быть можетъ норма съ восьми спустится до одного, и если ихъ будетъ больше, то ужъ совсѣмъ по другимъ причинамъ—напр., на случай выхода изъ строя т. е. для живучести средства, для употребленія такихъ кораблей и для другихъ какихъ нибудь цѣлей и т. п.

Такимъ образомъ норма—безъ условій, для которыхъ ее вывело изслѣдованіе свойства какого-либо элемента боевого

явленія—безсмыслица. Она въ этомъ случаѣ создаетъ и питаетъ рутину.

Также напр. боевой строй на сухомъ пути и на морѣ представляютъ изъ себя норму.

Образецъ разсужденій Леера, приводящій къ нормамъ.

Превосходный образецъ разсужденій посредствомъ которыхъ приходятъ на сухомъ пути къ *нормальнымъ боевымъ порядкамъ* — далъ Лееръ въ своей прикладной тактикѣ (Глава, II). Каждый такой порядокъ имѣетъ смыслъ лишь для опредѣленнаго рода оружія, или для опредѣленныхъ комбинацій изъ различныхъ родовъ оружія и лишь при опредѣленныхъ особенностяхъ веденія боя, т. е. нормѣ постоянно сопутствуетъ условная обстановка.

При этомъ Лееръ тщательно оговариваетъ, «*что нормальный боевой порядокъ—допустимъ лишь какъ пріемъ теоретическаго изслѣдованія* вопроса о боевыхъ порядкахъ, но не какъ *практическій законъ* въ дѣлѣ ихъ примѣненія т. е. значеніе его лишь чисто *теоретическое*, но не *боевое*». Боевое значеніе придаетъ ему лишь творчество, приспособляя его къ особенностямъ обстановки. Но и тутъ теорія приходитъ ему на помощь, опять таки ничего не рѣшая, а лишь разъясняя.

Чтобы яснѣе представить себѣ работу теоріи въ ея помощи практику при пользованіи нормами, приведу перечень разсужденій Леера относящійся лишь къ нормѣ боевого порядка пѣхоты съ пѣшей артиллеріей.

«Нормы боевого порядка пѣхоты съ пѣшей артиллеріей въ примѣненіи только: а) къ основнымъ боевымъ свойствамъ обоихъ родовъ войскъ и б) характеристическимъ особенностямъ современнаго (семидесятые года прошлаго столѣтія) наступательнаго боя. Нѣсколько нормъ такого порядка, отвѣчающія различнымъ зонамъ атаки».

«Норма боевого порядка наиболѣе отвѣчающая требованіямъ обороны. Норма походнаго порядка».

Вслѣдъ за этимъ идетъ—вліяніе боевой обстановки на видоизмѣненіе приведенныхъ нормъ боевого порядка, которое разбивается на цѣлый рядъ разсужденій:

«I. *Данная рода противника:* 1) непріятель, котораго главная сила въ огнѣ и 2) непріятель, котораго главная сила въ холодномъ оружіи (кавалерія). *Задача I.* Непріятель располагаетъ исключительно одной кавалеріей и мѣстность представляетъ обширную и совершенно открытую равнину. *Задача II.* Непріятель силенъ въ особенности въ кавалеріи, имѣетъ при себѣ артиллерію и поддерживается также пѣхотой. Приближеніе непріятельской кавалеріи замѣчено заблаговременно».

«II. *Данная мѣстности.* Нѣсколько задачъ, уясняющихъ вліяніе мѣстности въ различныхъ ея видахъ на боевое расположеніе отряда (8 бат. 32 орудія и 2 эск.)».

«III. *Данная цѣли дѣйствій.* Задачи, уясняющія вліяніе этой данной на боевое расположеніе войскъ при цѣли: а) преслѣдованія опрокинутаго непріятеля (на мѣстности закрытой и открытой) и б) отступленія (преднамѣреннаго). IV. *Данная времени* (Задачи). V. *Данная случайностей.* (Задачи). VI. *Данная характера противника.* Вліяніе моральныхъ условій».

Теорія, посредствомъ правилъ нормъ и задачъ проникаетъ во всѣ детали по приложенію принциповъ на практикѣ

Значитъ теорія, посредствомъ правилъ, нормъ и задачъ проникаетъ во всѣ детали по приложенію боевыхъ принциповъ по практикѣ, и все-таки *ничего не рѣшаетъ и нисколько не стѣсняетъ творчество.* Но только при одномъ условіи, которое часто забываютъ практики, пользуясь теоріей, хотя теорія тщательно ихъ остерегаетъ — это *при полномъ пониманіи, что это не рецепты для дѣйствій, а лишь средства для пониманія свойствъ обстановки,* лишь средства для развитія ума, лишь средства для развитія правильнаго военнаго пониманія.

Тотъ-же характеръ носятъ и нормы боевого строя на морѣ*). Во времена гребныхъ флотовъ нормальнымъ боевымъ строемъ является строй фронта, у парусныхъ флотовъ — строй кильватера, у современныхъ — какъ тотъ, такъ и другой, а также и строй пеленга, причемъ выборъ ихъ за-

*) Черкасовъ 1-й. Элементарная и прикладная тактика. Гл. X-я.

висить отъ обстановки, и въ томъ-же бою строй можетъ мѣняться въ зависимости отъ дѣйствій противника и отъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуются въ данный моментъ боя.

Примѣры правилъ. Переходя къ принципу сосредоточенія силъ и изслѣдуя его приложеніе напр. въ столь различныхъ обстановкахъ, какъ на сухомъ пути и на морѣ, принципъ въ первомъ случаѣ приводитъ къ правилу — *врозь двигаться и вмѣстѣ драться,* а на морѣ — къ обратному правилу — *вмѣстѣ двигаться, чтобы вмѣстѣ драться.* Въ этихъ правилахъ выражаются свойства обстановки — опредѣленность и малая пропускная способность путей на сухомъ пути, и неограниченная пропускная способность воднаго пространства, которое почти все представляетъ изъ себя цѣликомъ пригодный для передвиженія путь.

Изслѣдуя, напр., принципъ сосредоточенія силъ, по отношенію, напр., непріятельскаго строя, получимъ *правило* — сосредоточивать силы именно противъ его фланговъ, но это лишь при условіи, что цѣль наша — сосредоточить силы противъ слабѣйшаго участка непріятельскаго строя, внѣ зависимости отъ его важности. Такимъ образомъ это правило выразитъ свойство слабости фланговъ строя. Но это правило ни въ коемъ случаѣ не рецептъ, если практикъ сознательно относится къ нему, если знаетъ при какихъ заданныхъ себѣ условіяхъ оно вытекло.

А потому, если напр., флангъ строя — голова или хвостъ кильватерной колонны — усиленъ какими либо мѣрами, напр., на сухомъ пути — укрѣпленіями, или въ морѣ — напр., расположеніемъ берега или сосѣдствомъ какого либо отряда судовъ, то очевидно сосредоточеніе силъ должно быть направлено на другой участокъ.

Точно также, если организація непріятельскаго флота такова, что есть надежда, что онъ расыпется самъ собою, если выбудетъ изъ строя адмиралъ, то очевидно выгодно направлять сосредоточеніе силъ противъ флагманскаго корабля или противъ того участка строя въ которомъ онъ находится. Напр. во времена Ушакова и Сенявина турки имѣли обыкно-

веніе ставить всѣ свои флагманскіе корабли вмѣстѣ, и настолько въ ихъ эскадрахъ не доставало органической связи, что они дрались лишь до тѣхъ поръ, пока дрались или были цѣлы ихъ адмиралы. Поэтому Ушаковъ и Сенявинъ всегда сосредоточивали превосходныя силы именно противъ турецкихъ адмираловъ, несмотря на то, что правило (Клеркъ) и вполнѣ цѣлесообразное, вытекавшее изъ обстановки боя парусныхъ флотовъ, указывало на выгоду во всѣхъ отношеніяхъ сосредоточивать свои силы на арріергардъ.

Идя дальше въ приложеніи принципа сосредоточенія силъ, и примѣняя его къ современному эскадренному бою, приходятъ къ *правилу* — сосредоточеніе силъ — это есть сосредоточеніе артиллерійскаго огня. Это правило, какъ и всякое вообще, заключаетъ въ себѣ извѣстное свойство — преимущество артиллеріи передъ другими родами оружія въ эскадренномъ боѣ.

Примѣръ вывода нормы изъ правилъ.

Изслѣдуя приложеніе этого правила въ смыслѣ рѣшенія вопроса — какое-же количество кораблей слѣдуетъ назначать для сосредоточенія огня по одной цѣли, приходятъ къ *нормѣ* — четыремъ кораблямъ *).

Опять таки практикъ, пользующійся этой нормой долженъ помнить изъ какихъ условій она вытекла — изъ мнѣнія, что «четыре корабля (бригада) есть максимумъ того чѣмъ можетъ управлять одинъ человѣкъ, и что, если по одной цѣли будутъ одновременно стрѣлять двѣ или болѣе бригады, то онѣ будутъ мѣшать другъ другу пристрѣляться и мѣткость ихъ огня отъ этого значительно понизится».

И если организація силъ подъ его командой такова, что эти условія совершенно другія, или если обстановка боя такова, что необходима другая комбинація для сосредоточенія огня, то если онъ не понимаетъ норму какъ рецептъ, она не стѣснитъ его творчества и онъ съумѣетъ видоизмѣнить норму сообразно обстоятельствамъ. Норма-же даетъ отправную точку для выбора рѣшенія.

Изслѣдуя примѣненіе принципа подставленія сильной стороны и уклоненія слабой напр., къ минной атакѣ, мы для

*) Черкасовъ 1-й. Элементарная и прикладная тактика, стр. 395.

миноносцевъ получимъ *правило* — атакуйте ночью, а для подводныхъ лодокъ — атакуйте днемъ, а для тѣхъ и другихъ — атакуйте непріятеля когда онъ стоитъ на якорѣ. Для большого корабля, атакованнаго на ходу, получимъ правило — обращайте къ атакующему корму.

Всѣ эти правила выражаютъ различныя свойства атакующаго и атакованнаго — невидимость миноносцевъ ночью, ихъ беззащитность противъ артиллеріи, невидимость подводныхъ лодокъ днемъ и слѣпоту ихъ ночью, и неуязвимость ихъ по отношенію къ артиллерійскому огню, малый процентъ попаданія минами по движущейся цѣли и т. п.

Изслѣдуя для той-же минной атаки вопросъ о числѣ минныхъ судовъ и подводныхъ лодокъ, необходимомъ для вѣроятности успѣха, приходятъ къ *нормамъ* *) — восьми миноносцамъ и тремъ подводнымъ лодкамъ, но опять таки съ точнымъ обозначеніемъ условной обстановки — атака въ первомъ случаѣ одного корабля уже раньше участвовавшаго въ бою (значитъ поврежденнаго), и позиціонный способъ атаки для подводныхъ лодокъ, т. е. ожиданіе непріятеля на опредѣленной позиціи.

Лееръ о принципахъ, правилахъ и нормахъ.

Въ высшихъ областяхъ военнаго искусства, по мнѣнію Леера **), можно обойтись безъ правилъ и нормъ. Въ нихъ «для регулированія творчества вполнѣ достаточно однихъ *отвлеченныхъ* принциповъ, предполагая дѣятеля въ высшихъ сферахъ вполнѣ на высотѣ своего положенія, т. е. сильнымъ въ отвлеченной работѣ мысли и въ творчествѣ».

«Тѣмъ, которые не обладаютъ широко-развитымъ творчествомъ и не сильны въ сферѣ отвлеченнаго мышленія которые такимъ образомъ еще больше нуждаются въ помощи, въ регулированіи теоріи, она и даетъ эту помощь въ *частныхъ* отправныхъ точкахъ, *правилахъ* и *нормахъ* уже въ болѣе осязательной, конкретной формѣ».

«Короче, въ то время, какъ люди высоко — талантливые

*) Черкасовъ 1-й. Элементарная и прикладная тактика. Стр. 270—271.

**) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 58.

нуждаются только въ помощи *отвлеченныхъ принциповъ* теоріи*), людямъ менѣе талантливымъ нужна еще дополнительная помощь теоріи въ видѣ *конкретныхъ правилъ и нормъ*».

«Этимъ ближе всего и объясняется, почему высоко-талантливые люди обыкновенно высказываются противъ правилъ и нормъ, считая ихъ лишними и даже вредными. Они правы, отвергая ихъ *для себя;* для нихъ онѣ лишнія; но они неправы, отвергая ихъ *для всѣхъ*, менѣе талантливыхъ, для которыхъ онѣ являются необходимымъ подспорьемъ. Считать ихъ вредными потому, что нормы легко могутъ обратиться въ *шаблонъ*, это значитъ смѣшивать *норму по существу*, отдѣльно взятую, съ ея *злоупотребленіемъ*. Виновато-ли правило, если имъ неумѣло пользуются? Виновато-ли орудіе только потому, что въ неумѣлыхъ рукахъ оно приноситъ вредъ?»

«Слѣдуетъ-ли послѣ того уничтожить орудіе, или-же позаботиться о томъ, чтобы неумѣлыя руки сдѣлать умѣлыми? Смѣю думать, это послѣднее будетъ вѣрнѣе. Совершенно то-же и обратно, относится къ тѣмъ, которые, не обладая синтетическимъ умомъ и способностью къ отвлеченному мышленію, вполнѣ искренно отрицаютъ существованіе принциповъ; *для нихъ* послѣдніе дѣйствительно не существуютъ».

«Но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, чтобы принципы не существовали *вообще*».

Итакъ принципы, правила и нормы, составляющіе теорію военной науки, надо усвоить такъ, чтобы они являлись, для практика не рецептами, а разумнымъ способомъ мышленія о военныхъ явленіяхъ, способнымъ примѣняться къ любой обстановкѣ.

Это дѣло метода изученія науки.

Конецъ I-й части.

*) Они приходятъ сами къ правиламъ и нормамъ для каждаго частнаго случая помощью своего таланта. Н. К.

Николай Сергеевич
КРОВЯКОВ

Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искусства.

Цѣль и методъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА IV.

Методъ разработки и пріобрѣтенія военныхъ знаній *).

„Я предпочитаю голову хорошо развитую головѣ хорошо наполненной“.
Монтень.

„Внимай рѣчамъ ученаго человѣка съ великимъ вниманіемъ, хотя-бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться, хотя-бы поученіе было написано на стѣнѣ“. *„Голистанъ“ Саади.*

Два рода знанія.

Спенсеръ опредѣляетъ два рода знанія—одно можетъ накопляться въ нашемъ мозгу въ видѣ умственнаго жира, другое—обращается въ умственныя мышцы. Первое только отягчаетъ мозгъ, второе—его развиваетъ и увеличиваетъ его способность къ работѣ. Матеріалъ для того и другого знанія можетъ быть тотъ-же и даже въ томъ-же количествѣ. Разница будетъ лишь въ способѣ усвоенія.

Тутъ является полная аналогія съ физической пищей. Одно и тоже количество одинаковой пищи можетъ совершенно различно восприниматься людьми. Если только принимать пищу, да еще въ излишнемъ количествѣ, и не работать, чтобы она могла быть усвоена всѣми рабочими органами человѣка, то она отложится въ видѣ жира, который отягчаетъ, затрудняетъ работу,

*) Изложено по „Методу военныхъ наукъ“ Леера.

атрофируетъ рабочіе органы и вообще приноситъ вредъ. Если-же ту-же пищу посредствомъ работы переводить въ рабочіе органы, она ихъ поддерживаетъ, развиваетъ и дѣлаетъ способными къ работѣ все увеличивающейся по своей производительности. Значитъ огромную важность играетъ способъ, путь усвоенія, какъ физической, такъ и духовной ~~жизни~~ пищи.

Методъ важнѣе самого ученія.

Методъ, въ переводѣ съ греческаго, значитъ дорога. Вотъ въ смыслѣ важности по результатамъ дороги, принятой для усвоенія знаній и для изслѣдованій, надо понимать выраженіе Конта — „повсюду методъ важнѣе самого ученія, доктрины". Очень образно и горячо говоритъ по этому поводу Лессингъ*): „Не истина, которою обладаетъ человѣкъ, или которою онъ предполагаетъ обладать, но тотъ искренній трудъ, который имъ былъ употребленъ для того, чтобы дойти до истины, опредѣляетъ цѣну человѣка: потому что не вслѣдствіе обладанія истиной, а вслѣдствіе стремленія къ раскрытію ея, развиваются его силы, въ чемъ собственно и заключается его все болѣе и болѣе развивающееся совершенство. Обладаніе дѣлаетъ спокойнымъ, лѣнивымъ и гордымъ. Если-бы Богъ держалъ истину въ правой рукѣ, а въ лѣвой путь къ ней и сказалъ-бы: на, выбирай! Я припалъ-бы къ его лѣвой рукѣ и сказалъ-бы: „Господи! чистая истина пригодна только для Тебя и выбралъ-бы путь къ ней".

„Только истинный *методъ* ведетъ твердымъ путемъ черезъ лѣса опыта къ свѣту закона" говоритъ Беконъ. „Успѣхи всякой науки зависятъ болѣе отъ того *плана*, по которому она разрабатывается, чѣмъ отъ дѣйствительнаго умѣнья лицъ, занимающихся ею" говоритъ Бокль**) „Разъ какъ указанъ истинный путь изслѣдованія, остальное уже сравнительно легко. Торный путь открыть во всякое время, и трудность не въ томъ, чтобы найти охотниковъ путешествовать по старой дорогѣ, а пріискать такихъ, которые проложили-бы новую".

*) Слова Конта и Лессинга цитируются по Лееру „Методъ военныхъ наукъ". Предисловіе.

**) Цитируется по Лееру. „Коренные вопросы" стр. 20.

Инициатива это мученичество.

И не легко найти такихъ охотниковъ не только потому, что таковые рѣдки по своимъ способностямъ къ проложенію новыхъ путей, но и потому, что инициатива и поиски за истиной требуютъ подвижничества и люди знаютъ это по опыту. И совершенно вѣрно Лееръ, приступая къ своей преподавательской и авторской исповѣди и къ оправданію того, что было имъ сдѣлано по занимаемой имъ кафедрѣ за 39 лѣтъ, поставилъ эпиграфомъ къ этой исповѣди *) выраженіе Прудона: „Инициатива—это мученичество, а истина—такой кинжалъ, который прежде всего убиваетъ того, кто его пускаетъ въ ходъ“.

Это изслѣдованіе—простое подражаніе Лееру.

Въ настоящей работѣ нѣтъ вопроса о нахожденіи какого либо новаго пути. Послѣ классическихъ трудовъ Леера методъ военныхъ наукъ совершенно опредѣлился. Остается только ему слѣдовать и убѣждать другихъ въ его истинности, и на сколько хватитъ умѣнья—развивать его въ деталяхъ. Не слѣдуетъ смущаться и чувствомъ сознаваемаго безсилія самому правильно примѣнять рекомендуемый методъ. Развѣ мы не оказываемъ услугу другому, если мы ему указываемъ дорогу къ тому мѣсту куда онъ идетъ, хотя сами не въ состояніи проводить его до этого мѣста? „Иногда бываетъ небезполезно *указать на самый путь*, по которому слѣдуетъ идти, если даже мы сами и не приготовлены идти по немъ“ говоритъ Джонъ Стюартъ Милль **). И степень пользы не мѣняется и тогда, когда указаніе, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ, дѣлается съ чужихъ словъ. Цѣнность истины въ ней самой, а не въ томъ источникѣ откуда она вышла ***). Это положеніе непремѣнно надо себѣ

---

*) „Коренные вопросы“. 1897 г.

**) Цитирую по Лееру. „Методъ военныхъ наукъ“. Предисловіе.

***) Провозглашающій истину человѣкъ очень часто не способенъ ей слѣдовать, но отъ этого она все таки не перестаетъ быть истиной. Чтобы привести наиболѣе рѣзкій примѣръ, укажу, что военные писатели и ораторы могутъ напр. указывать на важное значеніе въ бою личнаго, а въ мирное время—гражданскаго мужества, но сами быть можетъ совершенно не способны его проявлять. Но и истинность такого указанія отнюдь этимъ не опровергается. Извѣстенъ напр. фактъ (*Eloc. mil. trad. de Bourcanu, p. 35*, цит. по Комисано „Опытъ военной психологіи“), что Демосфенъ, осуждавшій афинянъ за то что они были вовлечены въ бой и обезоружены, былъ однимъ изъ самыхъ поспѣшныхъ бѣглецовъ въ битвѣ при Херонеѣ

усвоить всякому, который действительно ищетъ истину и стремится ее познать. √(См. стр. 279) Безпристрастіе и обузданіе своихъ личныхъ чувствъ и впечатленій—необходимое для этого условіе. Лееръ также не изобрѣлъ какого нибудь новаго метода—заслуга его и притомъ огромная—состоитъ въ томъ, что онъ къ изслѣдованію военныхъ явленій примѣнилъ *истинно-научный* методъ и кромѣ того и показалъ—какъ его примѣнить къ дѣлу*). На сколько это удастся мнѣ, покажетъ будущее - курсъ исторіи военно-морского искусства, къ которому настоящая работа и служитъ введеніемъ. И первый шагъ къ тому, чтобы мнѣ это удалось, я дѣлаю тѣмъ, что заимствую у Леера имъ уже съ успѣхомъ примѣненный методъ. Именно вѣрный методъ долженъ меня удержать отъ ошибокъ, замѣнить умѣнье, какъ это говоритъ Бокль, и провести черезъ лѣсъ опыта (фактическую часть военно-морской исторіи) къ свѣту закона. Именно вѣрный методъ долженъ привести къ тому, чтобы принципы, правила и нормы т. е. теорія науки, не отягчала мозгъ въ видѣ умственнаго жира.

и, внѣ себя отъ страха, кричалъ чертополоху, зацѣпившемуся за его платье: „пощади!“. И конечно Демосфенъ подлежитъ осужденію за свое малодушіе, но тѣмъ не менѣе онъ провозглашалъ истину, когда указывалъ своимъ согражданамъ на причину ихъ пораженія. Мы не знаемъ подробностей этого факта, но предположимъ, что онъ происходилъ такъ: афиняне, и вмѣстѣ съ ними Демосфенъ, пали духомъ въ бою, обратились въ бѣгство, и изъ за этого проиграли бой. Но вполнѣ возможно, что послѣ этого нашлись такіе, которые приписывали проигрышъ боя худшему чѣмъ у противника оружію, другіе могли приписать это неудобной мѣстности, третьи—ошибкамъ начальниковъ, четвертые — несчастной случайности и т. п... Но если Демосфенъ, хотя онъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, благодаря болѣе способному къ проникновенію въ суть дѣла своему уму, или способности къ большей искренности, видѣлъ, что настоящая причина лежитъ все таки въ паденіи духа, или напр. въ отсутствіи военнаго искусства со стороны афинянъ, то ему естественно было указать это своимъ согражданамъ. Онъ могъ даже говорить такъ: мнѣ недоступно военное искусство, мнѣ недоступно мужество, я признаю себя негоднымъ для боя, но вы—если вы хотите побѣдить, будьте искусны и будьте мужественны—иначе не побѣдите. И имъ, надо было умѣть этому повѣрить, сколь-бы они не осуждали Демосфена за его личныя качества. Какъ говоритъ знаменитый персидскій поэтъ и мудрецъ—Саади, въ своемъ не менѣе знаменитомъ сочиненіи „Голистанъ“—„Внимай рѣчамъ ученаго человѣка съ величайшимъ вниманіемъ, хотя-бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться, хотя-бы поученіе было написано на стѣнѣ“.

*) „Попыткою выйти на этотъ путь (примѣнить научный методъ) служатъ составленные мною курсы тактики (прикладная тактика, 1877 г.) и стратегіи (4-е и 5-е изданія)“. Лееръ. Предисловіе къ Методу военныхъ наукъ.

а сдѣлалась-бы способомъ мышленія о военныхъ явленіяхъ, превратилась-бы въ умственныя мышцы, способныя съ помощью опыта примѣнить выводы теоріи къ любой обстановкѣ (см. Ч. I. стр. 195).

Цѣль всякой науки при ея изученіи—найти истину или по крайней мѣрѣ подойти къ истинѣ на сколько возможно больше. Цѣль преподаванія науки—истину, или имѣющееся въ наукѣ приближеніе къ истинѣ, перевести *въ способъ мышленія* другихъ. Для этого эти другіе должны получить внутреннее убѣжденіе въ томъ, что то, что имъ преподается, есть дѣйствительно истина или посильное къ ней приближеніе, и значитъ это должно имъ быть тѣмъ или инымъ способомъ доказано, и если это по какимъ либо причинамъ, невозможно—то внушено, какъ внушается вѣра. Безъ внутренняго убѣжденія въ истинности истины,—внѣ зависимости отъ способа посредствомъ котораго это убѣжденіе получено—истина не будетъ примѣнена къ дѣлу, такъ какъ не войдетъ въ способъ мышленія. а *приказать* всего нельзя и приказъ еще не обезпечиваетъ цѣлесообразнаго, разумнаго исполненія.

Цѣль изученія и преподаванія науки.

Безъ внутренняго убѣжденія нѣтъ приложенія истины къ дѣлу.

Главнымъ препятствіемъ къ изученію и преподаванію соціальныхъ наукъ въ вышеуказанномъ смыслѣ. служитъ ихъ огромная сложность. Въ соціальныхъ явленіяхъ, къ которымъ принадлежатъ и военныя явленія, смѣшано и оказываютъ вліяніе такъ много различныхъ элементовъ, изъ которыхъ даже не всѣ могутъ быть извѣстны, притомъ эти элементы иногда такъ неопредѣленны, и такъ трудно поддаются изслѣдованію, что, съ перваго взгляда, и сами явленія кажутся какъ-бы результатомъ случайности.

Но остановиться на такомъ заключеніи значило-бы признать, что нѣтъ вообще соціальныхъ и въ частности военныхъ наукъ. Контъ не признаетъ совсѣмъ случая и называетъ случай богомъ невѣждъ. „Для невѣждъ" говоритъ Леeръ*) „все есть дѣло случая. Для того, кто способенъ найти причину явленія, нѣтъ случая; тотъ кто видитъ вездѣ случай, для того причины не существуетъ".

Случай—богъ невѣждъ.

*) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 18.

При разсматриваніи единичнаго явленія причину его раскрыть очень трудно. Но если сопоставить нѣсколько однородныхъ явленій, то при всемъ своемъ отличіи, они представятъ и сходства, и вотъ если эти сходства выдѣлить, то болѣе или менѣе ясно проявляется и какая-то общая причина, производящая эти явленія, и тѣ причины, которыя дѣлаютъ явленія отличными другъ отъ друга. Чтобы произвести такую работу, надо умѣть расчленять сложныя явленія на элементы, надо умѣть изслѣдовать сущность каждаго элемента въ отдѣльности, и надо умѣть отъ проявленій той или другой стороны этой сущности восходить къ причинамъ этихъ проявленій. Военное явленіе—это результатъ многихъ взаимно переплетающихся причинъ, и надо умѣть выяснить, какое дѣйствіе принадлежитъ той или другой причинѣ. Къ этому и ведутъ научные пріемы логическаго мышленія. Они сводятся: 1) къ *классификаціи* изслѣдуемаго матеріала или явленія т. е. къ его разнятію на части; 2) къ *изолированію, уединенію* его отъ окружающей среды, въ видахъ облегченія объясненія его сущности, и 3) къ *примѣненію правильныхъ путей научнаго изслѣдованія:* анализа (индукціи), синтезиса (дедукціи) и аналогіи, каждаго порознь или, что еще лучше, всѣхъ трехъ послѣдовательно.

Научные пріемы логическаго мышленія.

Опасность діалектики въ военныхъ наукахъ.

Чего надо въ особенности опасаться при изученіи и изложеніи соціальныхъ явленій—это вліянія діалектики. Напр. въ математикѣ опасаться этого нечего. Никакая діалектика, сколь-бы ни была она блестяща, ничего не можетъ доказать въ математикѣ. Здѣсь нужно знаніе и безъ знанія діалектика ничто. Здѣсь всѣ элементы явленій такъ опредѣленны и такъ опредѣленно связаны между собой, такъ строго логично должны вытекать одно изъ другого звенья цѣпи доказательствъ, что напустить вольный или невольный туманъ тутъ нельзя. Ошибочное звено немедленно будетъ обнаружено. Никакіе софизмы здѣсь немыслимы, и если существуютъ такъ называемые „математическіе софизмы“, то это просто своего рода фокусы, разсчитанные на то, что тотъ, которому ихъ показываютъ, не

замѣтитъ завѣдомо ошибочнаго и самого по себѣ совершенно яснаго въ его ошибочности положенія. Такъ напр. въ математикѣ доказываютъ, что 1=2, но и тутъ, хотя-бы и не было замѣчено ошибочное звено въ дѣлѣ доказательствъ, самый результатъ очевидно невѣрный, в показываетъ, что какая-то невѣрность допущена и въ доказательствѣ.

Въ изученіи и изложеніи соціальныхъ явленій это не такъ. Тамъ, благодаря сложности явленій, неопредѣленности отношеній между ихъ элементами и степени вліянія каждаго изъ нихъ на характеръ явленія, можно краснорѣчіемъ прикрыть и незнаніе и недобросовѣстность, и провести невѣрную мысль, хотя-бы и искренно исповѣдуемую. Можно самому запутаться въ логическихъ построеніяхъ, не имѣя опредѣленнаго критеріума для повѣрки каждаго звена этихъ разсужденій.

Лучшее предупрежденіе опасныхъ послѣдствій діалектики—правильный методъ изслѣдованія.

Вотъ здѣсь и будетъ главнымъ регуляторомъ цѣлесообразности разсужденій —методъ, по которому они построены. За цѣнность выводовъ будетъ здѣсь ручаться не безусловная ясность и точность проведенныхъ черезъ ходъ доказательствъ опредѣленныхъ соотношеній, а довѣріе къ тому, что тотъ, кто доказываетъ, обезпечилъ себя отъ возможности уклониться въ сторону или ввести въ разсужденіе несоотвѣтствующій или затемняющій дѣло элементъ. Здѣсь довѣріе не къ сущности, а къ инструменту для добыванія этой сущности. Въ математикѣ, желая удостовѣриться въ правильности вывода, надо только прослѣдить—соотвѣтствуютъ-ли манипуляціи, произведенныя надъ данными величинами, уже извѣстнымъ соотношеніямъ между величинами вообще. Въ физическомъ опытѣ, произведенномъ хотя-бы съ простымъ тѣломъ, надо провѣрить не вліяла-ли,—а если вліяла, то какъ,—на результатъ та среда, въ которой производился опытъ, напр. воздухъ, и довѣріе къ результату опыта въ значительной степени будетъ зависѣть отъ довѣрія къ правильности устройства тѣхъ инструментовъ, посредствомъ которыхъ производился опытъ и къ умѣнью обращаться съ этими инструментами лицъ производив-

нихъ опытъ, такъ какъ сущность того, что происходитъ въ испытуемомъ тѣлѣ ускользаетъ отъ непосредственнаго наблюденія.

Еще больше довѣрія къ правильности метода (прибора) и къ правильному логическому мышленію (умѣнью обращаться съ приборомъ) требуется для того, чтобы увѣровать въ правильность результата, вытекающаго изъ разсужденій о какомъ либо соціальномъ явленіи, гдѣ та внутренняя работа, которая строитъ результатъ изъ взаимоотношеній и вліяній другъ на друга элементовъ, еще болѣе скрыта отъ глазъ наблюдателя и того, котораго убѣждаютъ въ истинности причинъ извѣстнаго результата.

Классификація.

Классификація—разложеніе сложнаго на простое это начало методичности. Безъ классификаціи совершенно нельзя и приступить къ разсматриванію такихъ сложныхъ явленій, какъ военныя. Нельзя сразу взяться за изслѣдованіе всѣхъ явленій составляющихъ войну. Нельзя сразу всѣ ихъ наблюдать, нельзя придти ни къ какимъ выводамъ вообще о войнѣ.

Классификація основывается на основномъ законѣ логики—на *соединеніи сходнаго, однороднаго* и на *разъединеніи разнороднаго.* Этимъ путемъ она приводитъ къ *уясненію* дѣла. Обратный пріемъ—*скученности* приводитъ къ обратному, къ скученности понятій, къ путаницѣ въ нихъ. Это—пріемъ всякаго рода софистовъ, стремящихся къ искаженію истины.

Невыгодная сторона пріема классификаціи состоитъ въ томъ, что приходится раздѣлять и разграничивать то, что въ природѣ органически связано между собою, что во всякомъ случаѣ не имѣетъ строго очерченныхъ границъ, и незамѣтно переливается другъ въ друга. Но вѣдь задача классификаціи временная, подобно лѣсамъ при постройкѣ зданія, посредствомъ которыхъ зданіе отдѣлывается по частямъ. Когда зданіе готово, лѣса снимаются; когда изслѣдованіе вопроса по частямъ окончено, временныя клѣтки должны исчезнуть сами собой. Но, чтобы эти части послѣ изслѣдованія могли быть легко соединены въ одно цѣлое, надо чтобы одна часть по возможности меньше за-

хватывала область другой, т. е. чтобы раздѣленіе на части было возможно проще, естественнѣе — иначе они плохо придутся другъ къ другу—не составятъ гармоническаго цѣлаго. Если на фасадѣ дома при отдѣлкѣ точно не разграничать по характеру отдѣлки фундаментъ отъ стѣны, и послѣднюю отъ колоннъ и т. п., тогда какъ на планѣ способы отдѣлки различные, то по снятіи лѣсовъ получится архитектурное безобразіе. Таковой-же результатъ получится при неправильной и неестественной классификаціи, когда придется сопоставить вмѣстѣ то, о чемъ по неволѣ, изъ за невозможности говорить о всемъ заразъ, пришлось говорить послѣдовательно.

Раздѣленіе военныхъ наукъ на стратегію, тактику, военную исторію, военную организацію и различные техническіе отдѣлы военныхъ знаній—это начало классификаціи при изслѣдованіи военныхъ явленій, и раздѣленіе это вполнѣ естественное (см. ч. I. стр. 33—39). Каждая изъ этихъ наукъ раздѣляется на теоретическій отдѣлъ и прикладной (см. ч. I. стр. 45 и дальше). Приложеніе пріема классификаціи къ военнымъ наукамъ.

Въ свою очередь напр. тактика естественно раздѣляется на сухопутную и морскую, т. е. по рѣзко различающейся обстановкѣ. По разобравъ отдѣльно свойства и предметы возможностей напр. для пѣхоты и для линейнаго корабля, легко ихъ соединить для совмѣстныхъ дѣйствій, распредѣливъ совершенно правильно между ними работу, на основаніи точнаго знанія, какая каждому изъ нихъ нужна обстановка и чего отъ каждаго изъ нихъ можно требовать. Но если соединить въ одно—изслѣдованіе свойствъ пѣхоты съ изслѣдованіемъ свойствъ корабля, т. е. если допустить неестественную классификацію, то очевидно кромѣ хаоса ничего не получится.

Точно также, изслѣдуя въ морской тактикѣ напр. вопросъ объ эскадренномъ боѣ, хотя въ немъ и могутъ участвовать всѣ средства морского боя и всѣ типы судовъ, нельзя его изслѣдовать сразу, а необходимо сначала отдѣльно изслѣдовать вопросы о дѣйствіи артиллеріи, о дѣйствіи минами, объ удобоуправляемости кораблемъ и эскадрой, о типахъ кораблей и т. п...

потому-что иначе въ каждомъ заключенiи мы будемъ путаться. Напр. артиллерiя допускаетъ одну дистанцiю боя, а мины—другую, при боѣ линейнаго корабля съ крейсеромъ одному нужна одна дистанцiя, а другому—другая, при минной атакѣ большому кораблю надо показывать миноносцу корму, а послѣднему надо пройти мимо перваго контръ-курсомъ и т. д...

Когда-же свойства каждаго элемента будутъ изслѣдованы въ отдѣльности, тогда можно разобраться въ томъ - какой изъ нихъ и какое влiянiе оказываетъ на военное явленiе, происходящее при наличiи комбинацiи изъ этихъ элементовъ.

Наиболѣе обычная форма классификацiи при преподаванiи отдѣльной науки—это такъ называемая программа предмета, въ сочиненiи—раздѣленiе на части, главы, параграфы и т. п... представленное въ оглавленiи. Программа, оглавленiе—это скелетъ предмета изслѣдованiя, кругомъ котораго соотвѣтственнымъ образомъ наростаетъ ткань разсужденiй, сопоставленiй, выводовъ, и все это оживляется, какъ въ тѣлѣ кровью, циркулирующей по всему предмету или сочиненiю живою мыслью, логикой, исходящихъ и вновь возвращающихся къ опредѣленному центру, заключающему въ себѣ основу, цѣль предмета и тѣ неизмѣнныя основныя условiя (въ военномъ дѣлѣ принципы), которыя ведутъ къ этой цѣли.

Изолированiе.

За классификацiей идетъ такъ называемый прiемъ *изолированiя*. Для примѣненiя этого прiема и производится классификацiя. Изолированiе заключается въ томъ, что желая изучить какое либо свойство извѣстнаго элемента, считаютъ временно, пока продолжается изолированiе, что элементъ только и обладаетъ этимъ одним свойствомъ. Это приходится дѣлать потому, что каждый элементъ обладаетъ различными свойствами, обыкновенно противорѣчащими другъ другу, и другъ на друга влiяющими, и если изслѣдовать какое либо свойство, не отдѣливши его отъ другихъ, оно можетъ не выказать всей своей истинной сущности, и оказаться такимъ, какимъ оно проявляется подъ влiянiемъ другихъ свойствъ. А тогда изслѣдованiе не дастъ полнаго

результата при пользованіи этимъ свойствомъ на практикѣ, для чего собственно только и производится изолированіе. Потому—то для приложенія къ практикѣ надо знать свойство въ чистомъ видѣ, чтобы умѣть сочетать его съ другими и съ различными комбинаціями обстановки. Для этого-же, при изслѣдованіи свойствъ элемента, его обыкновенно изолируютъ отъ вліянія обстановки, которая, вслѣдствіе своего разнообразія, видоизмѣняетъ видимое проявленіе этихъ свойствъ, то въ ту, то въ другую сторону. Такой пріемъ постоянно примѣняется напр. въ естественныхъ наукахъ. Чтобы изслѣдовать свойство какого нибудь тѣла, хотя-бы оно въ природѣ не встрѣчалось въ чистомъ видѣ, и не употреблялось въ чистомъ видѣ для дѣла, его все таки химическимъ путемъ отдѣляютъ отъ всѣхъ примѣсей и опредѣляютъ его свойства, также отдѣльно изучаютъ свойства примѣсей, а затѣмъ на практикѣ употребляютъ наивыгоднѣйшее ихъ соединеніе, основанное на знаніи ихъ основныхъ свойствъ, и вліянія свойствъ одного на свойства другого. Доходятъ до того, что помѣщаютъ испытуемое тѣло въ безвоздушное пространство, чтобы изслѣдовать его свойства, хотя, ни въ природѣ, ни при пользованіи свойствами этого тѣла на практикѣ, никогда въ безвоздушномъ пространствѣ оно не будетъ. Въ естественныхъ наукахъ можно на дѣлѣ выдѣлить одно тѣло отъ соединенія съ другими, или помѣстить его въ безвоздушное пространство, въ соціальныхъ-же явленіяхъ всѣ элементы и ихъ свойства нераздѣлимы по желанію изслѣдователя, и изолированіе можно производить только *мысленно*, лишь *считая*, что другіе элементы или свойства не существуютъ.

Напр. изслѣдуя способъ маневрированія корабля въ бою, въ которомъ могутъ быть пущены въ ходъ артиллерія, мины, а въ крайности и таранъ, слѣдуетъ сначала изслѣдовать маневрированіе корабля, считая, что онъ вооруженъ одной только артиллеріей, потомъ принять, что единственное его оружіе мины, и наконецъ,—только таранъ. Какъ дистанціи, такъ и способы маневрированія окажутся совершенно разными и

Примѣненіе пріема изолированія къ военнымъ наукамъ.

противорѣчащими другъ другу, но когда ихъ свойства совершенно точно извѣстны, когда ихъ можно уже сравнивать другъ съ другомъ, то послѣ того, жертвуя менѣе важнымъ, и выдвигая впередъ болѣе важное, является то или другое комбинаціонное рѣшеніе, въ зависимости отъ цѣли и обстановки, напр. для различныхъ фазъ боя.

Въ военномъ дѣлѣ вообще, въ той его области, которая занимается не самимъ человѣкомъ, а различными приложеніями техники къ военному дѣлу, пріемъ изолированія имѣетъ обширное примѣненіе. Вѣдь пріемъ изолированія напр. въ естественныхъ наукахъ, — это и есть „опытъ“, понятіе о которомъ можно опредѣлить, какъ выдѣленіе одного основного свойства явленія и изолированія его искусственнымъ путемъ отъ воздѣйствія среды и соприкасающихся съ нимъ другихъ самостоятельныхъ явленій. Таковые „опыты“ въ техникѣ морского дѣла могутъ имѣть огромное значеніе и много могутъ сохранить денегъ и жизней во время войны. „Опыты“ эти могутъ даже выйти за предѣлы чистой техники, въ умѣло поставленныхъ маневрахъ. Но значеніе такихъ „опытовъ“ сознается далеко не всѣми одинаково, и часто жалѣютъ „деньги“ на такіе опыты, упуская изъ виду ту огромную экономію въ деньгахъ, людяхъ и вліяніе ихъ на результаты, которые они даютъ на войнѣ. Развѣ напр. не стоило затратить огромные деньги на опыты съ нашими снарядами до войны, разстрѣлявши напр. одинъ изъ броненосцевъ, чтобы имѣть такіе-же снаряды, которые въ это время имѣли англичане, и которые отъ нихъ заимствовали японцы.

Условность частныхъ выводовъ.

Въ результатѣ, изслѣдованіе изолированной части, дастъ извѣстный выводъ, но конечно вѣрный только при томъ условіи, при которомъ онъ полученъ, т. е. при томъ или иномъ условіи, которое пришлось принять для изолированія. Поэтому можно придти къ полному абсурду, распространяя *частный* выводъ внѣ предѣла принятыхъ условій. И вотъ въ этомъ-то чаще всего и грѣшатъ нѣкоторые теоретики, увлекаясь результатами своихъ изслѣдованій, но забывая, что ими обслѣ-

дованы не *всѣ* стороны явленія, а часто въ этомъ грѣшны и практики, воспринимая выводы теоріи какъ рецепты, безъ изученія самой теоріи, т. е. безъ знанія, какимъ путемъ теорія пришла къ тому или иному выводу (рутина). „Полученные такимъ путемъ, говоритъ Леерь *)“ выводы изъ *одностороннято* источника будутъ *безусловно* справедливы, какъ *частные* выводы, опредѣляющіе неизмѣнные свойства того или другого элемента, но будутъ крайне ложны въ смыслѣ безусловныхъ *общихъ* выводовъ. Въ нихъ они могутъ входить только какъ *условные* выводы, какъ входящіе въ нихъ съ извѣстными взаимными уступками. Различныя точки зрѣнія (элементы), по природѣ своей, противорѣчатъ одна другой, одна другую исключаютъ; такъ въ теоріи, но на дѣлѣ, гдѣ онѣ всегда встрѣчаются не иначе, какъ въ соединеніи между собой, онѣ взаимно уравновѣшиваются въ своихъ послѣдствіяхъ, *нейтрализуютъ* одна другую. Польза отдѣльнаго, изолированнаго ихъ изученія заключается въ томъ, что, узнавъ въ *чистой теоріи безусловныя* свойства ихъ, легче уже на *практикѣ*, въ жизни, заключать объ ихъ *условныхъ* послѣдствіяхъ, изъ которыхъ слагается вся жизненная дѣятельность. Итакъ, какъ *пріемъ* научнаго изслѣдованія, изолированіе, разъединеніе, односторонность весьма полезны и неизбѣжно необходимы; но самопроизвольно возводить эти частные выводы въ общіе и видѣть въ томъ, что составляетъ только *пріемъ* научнаго изслѣдованія, *все дѣло*, всю сущность сложнаго явленія,—вотъ что ложно“.

Пренебреженіе пріемомъ изолированія часто приводитъ къ ложнымъ заключеніямъ, а потому пріемъ изолированія преднамѣренно избѣгается тѣми, которые стремятся затемнить дѣло, чтобы провести ту или иную мысль. Послѣдствія пренебреженія пріемомъ изолированія.

Это напр. довольно часто бросается въ глаза при вѣчномъ спорѣ между собою сторонниковъ различныхъ типовъ судовъ, изъ которыхъ долженъ состоять флотъ. Флотъ нуженъ для войны, для достиженія извѣстныхъ

*) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 7—8—10.

цѣлей, а потому достоинства различныхъ типовъ исключительно зависятъ отъ способности ихъ къ достиженію этихъ цѣлей. Между тѣмъ сплошь и рядомъ не изолируютъ качества типовъ отъ ихъ денежной стоимости, которая не играетъ никакой роли въ боевомъ состязаніи, и въ результатѣ часто приходятъ къ губительному выводу —качествомъ поплоше, да цѣною подешевле.

Конечно денежная цѣнность боевыхъ средствъ— вещь очень важная, но надо ее вводить лишь послѣ того, какъ совершенно точно изслѣдована боевая цѣнность этихъ средствъ, чтобы ясно можно было сознавать—что именно получаешь въ руки, и если изъ за бѣдности получаешь худшее, то и знать это совершенно точно, и сообразно этому и дѣйствовать. Тогда возможенъ столь важный на войнѣ разсчетъ, и невозможенъ азартъ и самомнѣніе, приводящіе обыкновенно къ катастрофамъ.

Способы научнаго изслѣдованія.

Самый способъ изслѣдованія, извѣстнымъ образомъ изолированнаго отдѣла или элемента, можетъ быть троякій дедуктивный, индуктивный и аналогическій, или вѣрнѣе двоякій—дедуктивный и индуктивный, такъ какъ послѣдній собственно неизмѣнно связанъ съ аналогическимъ.

Дедукція.

Дедукція *) —это терминъ современной логики, обозначающій выведеніе (отъ *deducere* —выводить) одной мысли изъ другой, дѣлаемое на основаніи логическихъ законовъ. Въ составъ каждаго процесса дедукціи входятъ слѣдующіе элементы: положеніе, изъ котораго дѣлается выводъ и которое въ такомъ случаѣ называется основаніемъ; самый процессъ выведенія изъ основанія мысли въ немъ заключенной, и, наконецъ, выводъ или мысль, добытая изъ основанія и поставленная какъ отдѣльное положеніе. Положенія, изъ которыхъ дѣлаются выводы, могутъ быть чрезвычайно разнообразны, но, въ концѣ концовъ, сводятся къ двумъ родамъ: самоочевидныя истины (аксіомы) и обобщенія, добытыя изъ опыта. Процессъ выведенія

*) Статья Радлова въ энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Эфрона. Томъ X стр. 276.

не мѣняетъ характера основанія, изъ котораго получается выводъ, т. е. выводъ изъ аксіомы самъ получаетъ аксіоматическій характеръ; выводъ изъ эмпирическаго положенія есть фактъ, могущій быть провѣреннымъ на опытѣ. Самый процессъ дедукціи основанъ на законѣ тожества. Частное подводится подъ общее, или подъ другое частное на томъ основаніи, что оно съ нимъ тожественно по содержанію. Самый выводъ, наконецъ, есть положеніе, въ которомъ признается тожество подводимаго съ тѣмъ положеніемъ, подъ которое мы подводимъ. Иногда дедукція отожествляется съ *синтезомъ*—т. е. такимъ путемъ доказательства—прогрессивнымъ,—который ведетъ отъ основаній къ выводамъ.

Индукція или наведеніе—это способъ умозаключенія отъ частнаго къ общему. Его иногда отожествляютъ съ *анализомъ*—регрессивнымъ путемъ доказательства, идущимъ отъ слѣдствій къ причинамъ. Сократъ подъ индукціей подразумѣваетъ нахожденіе общаго опредѣленія понятій путемъ *сравненія* частныхъ случаевъ (т. е. значитъ въ индукцію входитъ аналогія) и исключенія ложныхъ, слишкомъ узкихъ опредѣленій. Индукція и аналогія.

Различаютъ двоякую индукцію—полную и неполную. Въ первой мы заключаемъ отъ полнаго перечисленія видовъ извѣстнаго рода ко всему роду; очевидно, что при подобномъ способѣ умозаключенія мы получаемъ вполнѣ достовѣрное заключеніе, которое не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Напротивъ, неполная индукція идущая отъ частнаго къ общему (способъ умозаключенія, запрещенный формальной логикой*), должна вызвать вопросъ о правѣ. Задача логики состоитъ въ томъ, чтобы указать границы, за предѣлами которыхъ, индуктивный выводъ перестаетъ быть правомѣрнымъ, а также вспомогательные пріемы, которыми

*) Силлогизмъ—это умозаключеніе, въ которомъ, на основаніи нѣсколькихъ сужденій, съ *необходимостью* выводится новое сужденіе, называемое заключеніемъ. Такимъ образомъ силлогизмъ—это *посредственное* заключеніе. Его часто отожествляютъ съ дедукціей. Непосредственнымъ умозаключеніемъ называется то, въ которомъ заключеніе получается изъ даннаго сужденія безъ помощи другого, напр. $A=B$, слѣдовательно и $B=A$. Если-же $A=B$, а $B=C$, то $A=C$, т. к. оба они $=B$. И потому это силлогизмъ.

пользуется изслѣдователь при образованіи эмпирическихъ обобщеній. Несомнѣнно, что опытъ (въ смыслѣ эксперимента) и наблюденіе служатъ могущественными орудіями при изслѣдованіи фактовъ, доставляя матеріалъ, благодаря которому изслѣдователь можетъ сдѣлать гипотетическое предположеніе, долженствующее объяснить факты. Такимъ-же орудіемъ служитъ и всякое сравненіе и *аналогія*, указывающія на общія черты въ явленіяхъ: общность-же явленій заставляетъ предположить, что мы имѣемъ дѣло и съ общими причинами; такимъ образомъ сосуществованіе явленій, на которое указываетъ аналогія, само по себѣ еще не заключаетъ въ себѣ объясненія явленія, но доставляетъ указаніе, гдѣ слѣдуетъ искать объясненія. Правомѣрность индуктивнаго заключенія не подлежитъ сомнѣнію, но надо строго установить условія (это дѣло логики), при которыхъ индуктивное заключеніе можетъ считаться правильнымъ; отсутствіе отрицательныхъ инстанцій еще не доказываетъ правильности заключенія. Необходимо, чтобы индуктивное заключеніе основывалось на возможно большемъ количествѣ случаевъ, чтобы эти случаи были по возможности разнообразны, чтобы они служили типическими представителями всей группы явленій, которыхъ касается заключеніе и т. д...

При всемъ томъ индуктивныя заключенія легко ведутъ къ ошибкамъ, изъ которыхъ самыя обычныя проистекаютъ отъ *множественности причинъ* и отъ смѣшенія временнаго порядка съ причиннымъ. Въ индуктивномъ изслѣдованіи мы всегда имѣемъ дѣло со слѣдствіями, къ которымъ должно подыскать причины; находка ихъ называется объясненіемъ явленія, но извѣстное слѣдствіе можетъ быть вызвано цѣлымъ рядомъ различныхъ причинъ; талантливость индуктивнаго изслѣдователя въ томъ и заключается, что онъ, постепенно, изъ множества логическихъ возможностей, выбираетъ лишь ту, которая реально возможна. Для человѣческаго ограниченнаго пониманія, конечно, различныя причины могутъ произвести одно и тоже явленіе; но полное адэкватное познаніе въ этомъ явленіи умѣетъ усмотрѣть признаки, указывающіе на проис-

хожденіе его лишь отъ одной возможной причины. Временное чередованіе явленій служитъ всегда указаніемъ на возможную причинную связь, но не всякое чередованіе явленій, хотя-бы и правильно повторяющееся, непремѣнно должно быть понято какъ причинная связь.

Дедуктивный методъ вывода принциповъ, правилъ и нормъ военнаго дѣла.

Въ первой части (глава III-я) были выведены принципы военнаго дѣла. Методъ ихъ полученія—былъ дедуктивный. Для этого мы мысленно отдѣлили въ военныхъ явленіяхъ человѣка отъ обстановки, потомъ въ самомъ человѣкѣ отдѣлили духовную его сторону отъ физической (классификація), намѣтили взаимодѣйствіе этихъ сторонъ другъ на друга и прослѣдили это взаимодѣйствіе при одной лишь неизмѣнной данной всякаго военнаго явленія—опасности потерять жизнь (изолированіе). Въ результатѣ мы получили боевые принципы.

Принявъ ихъ за новое *основаніе* для дальнѣйшей дедуктивной работы мы, примѣняя ихъ къ извѣстнымъ типичнымъ обстановкамъ (изолированіе), пришли къ правиламъ и нормамъ. Такъ какъ мы приводили эти правила и нормы лишь для поясненія опредѣленія этихъ словъ, то обстановки мы брали случайныя, безъ какой либо системы. Поэтому не пришлось прибѣгать къ классификаціи. При систематическомъ-же изслѣдованіи извѣстныхъ отдѣловъ военныхъ наукъ, напр. стратегіи, принципы проводятся черезъ нихъ въ извѣстной системѣ, и для этого предварительно производится классификація тѣхъ типичныхъ обстановокъ, которыя встрѣчаются въ этой области. Эти классификаціи составляютъ программу предмета. Такимъ образомъ напр. въ тактикѣ расклассифицированныя обстановки дадутъ главы объ одиночномъ и эскадренномъ боѣ, о минныхъ атакахъ, о прорывѣ и т. п.... въ стратегіи—о главныхъ операціяхъ, о крейсерской войнѣ, въ военно-морской исторіи явятся періоды гребныхъ, парусныхъ и паровыхъ судовъ, а эти періоды въ свою очередь раздѣлятся на отдѣльныя войны и наконецъ на отдѣльныя сраженія. Дедуктивныя изслѣдованія отдѣльныхъ фактовъ военной исторіи входятъ какъ иллюстраціи въ соотвѣтственные отдѣлы другихъ военныхъ наукъ.

Индуктивный методъ вывода принциповъ военнаго дѣла.

Однако одинъ только дедуктивный способъ обоснованія, напр. принциповъ, далеко не для всѣхъ является достаточно убѣдительнымъ. Да даже и для тѣхъ, кого онъ убѣждаетъ, важно повѣрить эти обоснованія и другими путями, чтобы еще сильнѣе прочувствовать истинность принциповъ. Въ предыдущей главѣ (стр. 172—174) было указано, что мало эти принципы знать—это совершенно не гарантируетъ ихъ примѣненія на дѣлѣ—а надо ввести ихъ въ свой способъ мышленія о военномъ дѣлѣ, надо себя на нихъ воспитать, надо настолько впитать ихъ въ себя, чтобы примѣнять ихъ инстинктивно.

Этому могъ-бы помочь обширный и постоянный боевой опытъ, который при благопріятныхъ условіяхъ могъ-бы выработать крѣпкое убѣжденіе въ истинности и огромной важности боевыхъ принциповъ и выработать умѣнье примѣнять ихъ инстинктивно сообразно съ обстановкой.

Но вѣдь такой опытъ невозможенъ въ настоящее время, а потому нечего о немъ и думать. А тогда приходится обратиться къ обоснованію принциповъ посредствомъ анализа различныхъ событій военной исторіи.

Здѣсь путь уже будетъ обратный дедуктивному. Здѣсь за исходную точку принимается окончательный результатъ—военное явленіе въ томъ видѣ, какъ оно произошло на самомъ дѣлѣ, часто затуманенное различными обстоятельствами иногда очень сложной обстановки.

Трудность установить полную достовѣрность военныхъ событій.

Работа анализа производится здѣсь такъ. Сначала прилагаются всѣ усилія, чтобы на сколько возможно достовѣрно установить фактическую сторону. Вѣдь изъ нея придется исходить, и ошибка въ ней отразится и на выводахъ.

Однако это далеко не легко. Даже участники событій сплошь и рядомъ совершенно искажаютъ его. Искаженія бываютъ и вольныя и невольныя, какъ въ частныхъ замѣткахъ, такъ и въ официальныхъ документахъ.

Генералъ Куропаткинъ въ предисловіи къ своему отчету о минувшей войнѣ*) говоритъ: „но и эти основные для моего отчета документы (полковыя реляціи) имѣли *недостатки присущіе вообще реляціямъ и за прошлыя войны:* начальники излагали участіе ввѣренныхъ ихъ командованію частей войскъ въ возможно благопріятномъ освѣщеніи. Были, конечно, и совершенно правдивыя изложенія, особенно цѣнныя. Въ изложеніи дѣйствія частей одной и той-же дивизіи и корпуса встрѣчались трудно согласуемыя противорѣчія".

Но очень скоро оказалось, что и отчетъ генерала Куропаткина страдаетъ тѣмъ-же недостаткомъ т. е. изложеніемъ въ возможно благопріятномъ освѣщеніи для его автора. Это доказываетъ многочисленными ссылками на документы Графъ Витте и онъ даетъ такую характеристику этому отчету**): „я призналъ предпочтительнымъ не касаться высказываемыхъ Генералъ-Адъютантомъ Куропаткинымъ личныхъ мнѣній и сужденій и даваемой имъ оцѣнки событіямъ... Иначе обстоитъ дѣло съ фактами, которыхъ касается авторъ и которые представляютъ большой интересъ для будущихъ историковъ. Въ этой области не должно быть разногласій, равно не можетъ быть споровъ и о томъ, какъ долженъ былъ относиться къ фактическимъ даннымъ авторъ, желавшій, по его словамъ, дать историкамъ матеріалъ для правдиваго выясненія причинъ нашихъ военныхъ неудачъ. Здѣсь, къ сожалѣнію, мы почти на всякомъ шагу встрѣчаемся съ неточностями, а равно умолчаніями, и установить это обстоятельство я считалъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ, что документальныя данныя, по которымъ могутъ быть провѣрены выводы автора, являются пока доступными лишь немногимъ".

Веллингтонъ сказалъ***), что разсказать сраженіе также невозможно, какъ и разсказать про балъ. Тысячи свидѣтелей даютъ свои показанія, но разсказы ихъ на

---

*) Отчетъ Генералъ-Адъютанта Куропаткина. Томъ 4. Итоги войны. Стр. 1.

**) Вынужденныя разъясненія Графа Витте по поводу отчета Генералъ-Адъютанта Куропаткина о войнѣ съ Японіей. 1909 г. стр. 2.

***) Компсано. Опытъ военной психологіи. Стр. 44.

столько искажены, что исторической критикѣ приходится недоумѣвать, разбираясь, гдѣ правда, гдѣ ложь.

Согласныя показанія многихъ свидѣтелей не служатъ ручательствомъ за ихъ достовѣрность.

Иногда историки придаютъ значеніе тому, что извѣстное явленіе видѣли многіе одновременно. Но и такое основаніе сплошь и рядомъ бываетъ обманчиво. Извѣстный фактъ*), что какая нибудь иллюзія или галлюцинація, созданныя воображеніемъ одного изъ толпы, служатъ ядромъ заразительнаго внушенія для всей прочей массы, которая вскорѣ и отдается ему всецѣло.

Лебонъ**) приводитъ такой примѣръ. Фрегатъ „*La Belle Poule*" разыскивалъ корветъ „*Berceau*", съ которымъ онъ былъ разъединенъ сильной бурей. Дѣло было днемъ и солнце свѣтило ярко. Вдругъ одинъ изъ матросовъ увидѣлъ вдали погибающее судно. По его указанію уже всѣ, офицеры и матросы ясно видѣли плотъ, наполненный людьми, букеируемый шлюпками, на которыхъ производились сигналы о бѣдствіи. Адмиралъ Дефоссе приказалъ спустить шлюпки и онѣ отправились на помощь погибающимъ. Приближаясь къ мѣсту катастрофы, офицеры и матросы, ясно видѣли кучи людей, волнующихся, протягивающихъ руки, и слышали глухой и смѣшанный шумъ большого количества голосовъ. Когда-же наконецъ шлюпки подошли къ этому мѣсту, то оказалось, что тамъ ничего не было, кромѣ нѣсколькихъ сучьевъ съ листьями, унесенныхъ волнами съ сосѣдняго берега.

На этомъ примѣрѣ можно ясно прослѣдить механизмъ образованія коллективной галлюцинаціи. Съ одной стороны—толпа въ состояніи выжидательнаго вниманія, съ другой—внушеніе, сдѣланное матросомъ, которому показалось, что онъ видитъ погибающее судно. Это внушеніе уже путемъ заразы распространилось на всѣхъ присутствовавшихъ, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ.

Точно также знаменитые опыты факировъ основаны на обманахъ чувствъ и на способности ихъ гипнотизировать толпу. Реальность при этомъ получается

---

*) Компсано. Опытъ военной психологіи.

**) Психологія массъ и народовъ. Стр. 179.

удивительная и фактъ подтверждается всѣми присутствующими, закрѣпляется протоколомъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ его не было. Описывается напр. такой случай *). Факиръ бросаетъ въ воздухъ клубокъ веревки. Клубокъ, разматываясь на лету, летитъ все выше и выше и, наконецъ, исчезаетъ изъ глазъ изумленной публики. Одинъ конецъ веревки падаетъ на землю, другой скрытъ въ облакахъ. Факиръ приказываетъ одному изъ мальчиковъ лѣзть на верхъ по веревкѣ. Мальчикъ послушно лѣзетъ и такъ быстро, что вскорѣ зрители теряютъ его изъ вида. Тогда факиръ кричитъ ему, чтобы онъ спустился, но мальчикъ не исполняетъ приказанія, несмотря на неоднократное его повтореніе. Видимо, крайне раздраженный непослушаніемъ, факиръ хватаетъ ножъ, самъ карабкается по веревкѣ вслѣдъ за мальчикомъ и вскорѣ исчезаетъ въ облакахъ. Проходитъ нѣсколько минутъ томительнаго молчанія, какъ вдругъ въ воздухѣ раздается нечеловѣческій крикъ и изъ пространства на землю падаютъ по одиночкѣ окровавленные члены, голова и туловище ребенка. Вслѣдъ затѣмъ по веревкѣ спускается внизъ и факиръ съ окровавленнымъ ножомъ въ зубахъ. Видя угрожающіе жесты возмущенныхъ зрителей, факиръ, какъ-бы изъ чувства самосохраненія, составляетъ снова разрѣзанное тѣло мальчика, шепчетъ надъ нимъ заклинанія и чертитъ пальцемъ въ воздухѣ геометрическія фигуры. Тѣло тотчасъ срослось, и мальчикъ, весело смѣясь, возвращается на свое мѣсто. Каково-же было изумленіе присутствующихъ, когда нѣсколько дней спустя, они получили снимки съ опыта, сдѣланные на мѣстѣ однимъ американскимъ журналистомъ. На каждой изъ фотографій были изображены факиръ и мальчикъ въ оживленной бесѣдѣ, сидящими на коврѣ. Оказывается, факиръ во все время опыта не вставалъ съ своего мѣста и все, что видѣла публика, было имъ разсказано, и загипнотизированные зрители пережили драму въ своемъ воображеніи. Мертвая фотографическая пластинка, конечно не подчинилась внушенію и выдала тайну факира.

*) „Факиры и гипнотизмъ". Очеркъ индійскаго факира Вайрагіананды.

Конечно, быть можетъ, опытъ и значительно пріукрашенъ, и происходилъ не совсѣмъ такъ, быть можетъ не всѣ зрители видѣли совсѣмъ одно и тоже, быть можетъ гипнозу поддалась только часть зрителей, но подобные разсказы о чудесахъ факировъ имѣютъ значительное распространеніе и въ концѣ концовъ должны-же имѣть какое нибудь основаніе.

„Казалось-бы" говоритъ Лебонъ, „что искаженія, которыя претерпѣваетъ какое нибудь событіе въ глазахъ толпы, должны имѣть весьма разнообразный характеръ. потому-что индивиды, составляющіе толпу, обладаютъ весьма различными темпераментами. Но ничуть не бывало. Подъ вліяніемъ заразы, эти искаженія имѣютъ всегда одинаковый характеръ для всѣхъ индивидовъ. Первое искаженіе, созданное воображеніемъ одного изъ индивидовъ собранія, служитъ ядромъ заразительнаго внушенія. Таковъ всегда механизмъ всѣхъ коллективныхъ галлюцинацій, о которыхъ часто говорится въ исторіи и достовѣрность которыхъ подтверждается тысячами людей. Было-бы лишнее, въ видахъ опроверженія вышесказаннаго, указывать на умственныя качества индивидовъ, входящихъ въ составъ толпы. Эти качества не имѣютъ значенія; невѣжда и ученый, разъ что они участвуютъ въ толпѣ, одинаково лишаются способности къ наблюденію. Положеніе это можетъ, пожалуй показаться парадоксальнымъ, но, чтобы доказать его, намъ пришлось-бы цитировать такое множество историческихъ фактовъ, что на это понадобились-бы цѣлые томы*)".

Для насъ, переживншихъ эпоху революціоннаго движенія, едва-ли имѣется недостатокъ въ такихъ фактахъ.

„Коллективныя наблюденія" утверждаетъ Лебонъ „самыя ошибочныя изъ всѣхъ и чаще всего представляютъ ничто иное, какъ иллюзію одного индивида, распространившуюся путемъ заразы и вызвавшую внушеніе. Тысячи людей напр. присутствовали при знаменитой кавалерійской атакѣ при Седанѣ, а между

*) У Лебона на стр. 180—183 приведены чрезвычайно характерные случаи ошибочности коллективныхъ наблюденій.

тѣмъ невозможно, въ виду самыхъ противорѣчивыхъ показаній очевидцевъ, узнать, кто командовалъ этой атакой. Англійскій генералъ Уольслей доказываетъ, что до сихъ поръ относительно важнѣйшихъ фактовъ битвы при Ватерлоо существуютъ самые ошибочные представленія, не смотря на то, что эти факты подтверждаются сотнями свидѣтелей. Можемъ-ли мы знать относительно какого-бы то ни было сраженія, какъ оно въ дѣйствительности происходило? Я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Мы знаемъ, кто были побѣжденные и побѣдители, и далѣе этого наши знанія, вѣроятно, не идутъ. То что д'Аркуръ, участникъ и свидѣтель, разсказываетъ о Сольферинской битвѣ, можетъ быть примѣнено ко всякимъ сраженіямъ: „генералы, получающіе свѣдѣнія, конечно отъ сотни свидѣтелей, составляютъ свои офиціальные доклады; офицерамъ, которымъ поручено обработать эти доклады въ отчетъ, измѣняютъ эти доклады и составляютъ окончательный проэктъ отчета; начальникъ главнаго штаба опровергаетъ его и составляетъ сызнова. Тогда уже его несутъ къ маршалу, который восклицаетъ: „Вы рѣшительно ошибаетесь!" и составляетъ новую редакцію. Отъ первоначальнаго доклада уже не остается ничего. Д'Аркуръ разсказываетъ этотъ фактъ, какъ доказательство невозможности установить истину даже относительно событія, наиболѣе поразительнаго и наиболѣе извѣстнаго".

Офиціальность донесеній о военныхъ событіяхъ не есть ручательство за ихъ полную достовѣрность.

Именно нѣчто подобное при составленіи реляцій приходилось наблюдать и во время послѣдней войны.

Ну, а не то-ли-же самое утверждаетъ Толстой въ своемъ послѣсловіи къ „Войнѣ и Миру"?

Этотъ-же вопросъ онъ затрагиваетъ въ малоизвѣстной статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Русскій Архивъ" за 1868 годъ, въ которой онъ разъясняетъ — что такое его „Война и Миръ"? Онъ противупоставляетъ свое произведеніе историческимъ сочиненіямъ, къ которымъ онъ относится съ нескрываемымъ недовѣріемъ, считая, что *исторія и не можетъ писаться правдиво.* Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой его статьи. „Историкъ *обязанъ* иногда, пригибая истину, подводить

всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лицо. Художникъ, напротивъ, въ самой одиночности этой идеи видитъ несообразность со своей задачей и старается только понять и показать не извѣстнаго дѣятеля, а человѣка. Въ описаніи самыхъ событій различіе еще рѣзче и существеннѣе. Историкъ имѣетъ дѣло до результатовъ событія, художникъ до самаго факта событія... Различіе добытыхъ результатовъ обясняется и тѣми источниками, изъ которыхъ и тотъ и другой черпаютъ свои свѣдѣнія. Для историка—главный источникъ есть донесенія частныхъ начальниковъ и главнокомандующаго. Художникъ изъ такихъ источниковъ ничего почерпнуть не можетъ, они для него ничего не говорятъ, ничего не объясняютъ. Мало того, художникъ отворачивается отъ нихъ, находя въ нихъ необходимую ложь. Художникъ, изъ своей-ли опытности, или по письмамъ, запискамъ и разсказамъ, выводитъ свое представленіе о совершившемся событіи, и весьма часто выводъ о дѣятельности такихъ то и такихъ то войскъ, который позволяетъ себѣ дѣлать историкъ, оказывается противуположнымъ выводу художника. Нечего уже говорить о томъ, что при каждомъ сраженіи оба непріятеля почти всегда описываютъ сраженіе совершенно противуположно одинъ другому; *въ каждомъ описаніи сраженія есть необходимость лжи,* вытекающая изъ потребности въ нѣсколькихъ словахъ описать дѣйствія тысячъ людей, раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, находящихся въ самомъ сильномъ нравственномъ раздраженіи, подъ вліяніемъ страха, позора и смерти".

„Въ описаніяхъ сраженій пишется обыкновенно, что такія то войска были направлены въ атаку на такой-то пунктъ, и потомъ велѣно отступать и т. д., какъ-бы предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряетъ десятки тысячъ людей волѣ одного на плацу, будетъ имѣть то-же дѣйствіе тамъ, гдѣ идетъ дѣло о жизни и смерти. Всякій кто былъ на войнѣ, знаетъ, на сколько это несправедливо; а между тѣмъ на этомъ предположеніи основаны реляціи, и на нихъ—военныя описанія. Объѣздите всѣ войска тотчасъ послѣ сраже-

нія, даже на другой, третій день, до тѣхъ поръ пока не написаны реляціи, и спрашивайте у всѣхъ солдатъ, у старшихъ и низшихъ начальниковъ о томъ, какъ было дѣло; вамъ будутъ разсказывать то, что испытали и видѣли всѣ эти люди, и въ васъ образуется величественное, сложное, до безконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатлѣніе: и ни отъ кого, еще менѣе отъ главнокомандующаго, вы узнаете—какъ было все дѣло. Но черезъ два три дня начинаютъ подавать реляціи, говоруны начинаютъ разсказывать, какъ было то, чего они не видали; наконецъ составляется общее донесеніе, и по этому донесенію составляется общее мнѣніе арміи. Каждому облегчительно промѣнять свои сомнѣнія и вопросы на это лживое, но ясное и всегда лестное представленіе. Черезъ мѣсяцъ и два разспрашивайте человѣка, участвовавшаго въ сраженіи,—ужъ вы не чувствуете въ его разсказѣ того сырого утерянного матеріала, который былъ прежде, а онъ разсказываетъ по реляціи. Такъ разсказывали мнѣ про Бородинское сраженіе многіе живые, умные участники этого дѣла. Всѣ разсказывали одно и то-же, и всѣ—по невѣрному описанію Михайловскаго-Данилевскаго, по Глинкѣ и др.; даже подробности, которыя разсказывали они, несмотря на то, что разсказчики находились на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга, однѣ и тѣ-же“.

„Послѣ потери Севастополя, начальникъ артиллеріи Крыжановскій прислалъ мнѣ донесенія артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастіоновъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе чѣмъ 20-ти донесеній—одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучшій образецъ той наивной, *необходимой военной лжи*, изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многія изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они по приказанію начальства писали то, чего не могли знать... Все это я говорю къ тому, чтобы показать *неизбѣжность лжи въ военныхъ описаніяхъ*, служащихъ мате-

ріаломъ для военныхъ историковъ, и потому показать неизбѣжность частыхъ несогласій художника съ историкомъ въ пониманіи историческихъ событій".

„Вотъ какъ пишется исторія!!" съ горечью восклицаетъ въ письмѣ ко мнѣ одинъ изъ выдающихся офицеровъ, бывшій до конца въ Портъ-Артурѣ и участвовавшій въ бою 28 іюля,—и это восклицаніе онъ считаетъ дѣйствительно классическимъ и характеризующимъ всю исторію. „Въ томъ что это такъ" продолжаетъ онъ „я убѣдился самъ, читая и слушая тѣ невѣроятныя сказки, кои дошли въ Россію о томъ, что творилось въ Артурѣ, а между тѣмъ большинство этихъ сказокъ основаны на докладахъ и офиціальныхъ извѣстіяхъ присланныхъ съ войны, т. е. документахъ „исторически неоспоримыхъ".

Характеристика показаній толпы.

„Подобнаго рода факты" продолжаетъ Лебонъ (см. стр. 218) „достаточно указываютъ, какое значеніе имѣютъ показанія толпы. Согласно логикѣ, единогласное показаніе многочисленныхъ свидѣтелей слѣдовало-бы повидимому причислить къ разряду самыхъ прочныхъ доказательствъ какого нибудь факта. Но то, что намъ извѣстно изъ психологіи толпы, показываетъ, что именно въ этомъ отношеніи трактаты логики слѣдовало-бы совершенно передѣлать. Самыя сомнительныя событія—это именно тѣ, которыя наблюдались наибольшимъ числомъ людей. Говорить, что какой нибудь фактъ единовременно подтверждается тысячами свидѣтелей,—это значитъ сказать, въ большинствѣ случаевъ, что дѣйствительный фактъ совершенно не похожъ на существующіе о немъ разсказы".

Цѣнность историческихъ сочиненій по Лебону.

„Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что къ историческимъ сочиненіямъ надо относиться, какъ къ произведеніямъ чистой фантазіи, фантастическимъ разсказамъ о фактахъ, наблюдавшихся плохо и сопровождаемыхъ объясненіями, сдѣланными позднѣе. Мѣсить известку—дѣло гораздо болѣе полезное, чѣмъ писать такія книги. Если-бы прошедшее не завѣщало намъ своихъ литературныхъ и художественныхъ произведеній

и памятниковъ, то мы-бы не знали истины о прошломъ. Развѣ мы знаемъ хоть одно слово правды изъ жизни великихъ людей, игравшихъ выдающуюся роль въ исторіи человѣчества, напр. о Геркулесѣ, Буддѣ и Магометѣ? По всей вѣроятности, нѣтъ! Въ сущности, впрочемъ, дѣйствительная жизнь ихъ для насъ имѣетъ мало значенія; намъ интересно знать этихъ великихъ людей только такими, какими ихъ создала народная легенда. Именно такіе легендарные, а вовсе не дѣйствительные герои и оказывали вліяніе на душу толпы". „Къ несчастью, легенды, когда даже онѣ записаны, все таки не имѣютъ сами по себѣ никакой устойчивости. Воображеніе толпы постоянно мѣняетъ ихъ, сообразно времени и, особенно, сообразно расамъ. Будда, обожаемый въ Китаѣ, не имѣетъ ничего общаго съ Буддой, которому поклоняются въ Индіи. Мы видѣли, какъ мѣнялась нѣсколько разъ, менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ, легенда объ одномъ изъ величайшихъ героевъ исторіи-Наполеонѣ. Когда пройдетъ еще нѣсколько десятковъ столѣтій, то ученые будущаго, въ виду такихъ противорѣчивыхъ повѣствованій о героѣ, быть можетъ подвергнутъ сомнѣнію и самое его существованіе, подобно тому, какъ они сомнѣваются иногда въ существованіи Будды, и, пожалуй, будутъ видѣть въ этихъ сказаніяхъ о героѣ какой нибудь солнечный миѳъ или-же дальнѣйшее развитіе легенды о Геркулесѣ. Но впрочемъ эти ученые вѣроятно легко примирятся съ такими сомнѣніями, такъ какъ, лучше насъ посвященные въ психологію толпы, они будутъ конечно знать, что исторія можетъ увѣковѣчивать только миѳы".

„Такихъ примѣровъ" говоритъ Комисано*) „можно привести цѣлыя сотни; они являются продуктомъ большой впечатлительности и легковѣрія толпы. Вотъ почему нельзя удивляться, что исторія войнъ содержитъ такъ много сомнительныхъ подробностей".

Во время послѣдней войны съ наблюдательныхъ постовъ около Владивостока ежедневно доносили днемъ и ночью о появленіи подозрительныхъ кораблей и огней и ни разу это не оказалось правдой, а когда

Примѣры галлюцинацій изъ послѣдней войны.

*) Опытъ военной психологіи. Стр. 44.

непріятель дѣйствительно ставилъ мины, то никто его не видѣлъ. Въ одну изъ ночей во Владивостокъ пришло извѣстіе, что къ Русскому острову подошелъ цѣлый непріятельскій флотъ и высаживаетъ войска. Весь гарнизонъ былъ поставленъ на ноги, а между тѣмъ оказалось, что ничего подобнаго не было, и просто одинъ изъ мелкихъ транспортовъ, которому поручена была работа около Русскаго острова, зашелъ на ночь въ одну изъ бухтъ и сталъ тамъ на якорь.

Во время работъ около выскочившаго на камни крейсера „Богатырь" въ Амурскомъ заливѣ, среди бѣла дня было дано знать о появленіи подозрительныхъ судовъ, которые по обслѣдованію оказались... камнями всѣмъ прекрасно извѣстными. А между тѣмъ многіе одновременно увѣряли, что это суда.

И вотъ когда является возможность провѣрить и опровергнуть такое заблужденіе, тогда и дѣлу конецъ. Но когда этого сдѣлать не удается, когда нѣчто подобное происходитъ при быстрой смѣнѣ событій и впечатлѣній въ бою, то въ результатѣ является воображаемый фактъ, подтверждаемый многими и попадающій въ офиціальные документы.

Надо быть готовымъ къ неточностямъ въ изложеніи военныхъ событій.

По этому работающіе надъ историческими изслѣдованіями, несмотря на полную свою добросовѣстность и на изученіе событія по первоисточникамъ (архивнымъ даннымъ), несмотря на пользованіе показаніями очевидцевъ, сплошь и рядомъ впадаютъ въ болѣе или менѣе крупныя ошибки.

Отъ изслѣдователя поэтому, помимо добросовѣстности и усидчивости, непремѣнно требуется талантъ, извѣстное чутье къ истинѣ, особая способность къ всесторонней критикѣ, ему приходится усвоить привычку ко всякому показанію, ко всякому документу относиться съ недовѣріемъ, и искать возможность его провѣрить.

Изъ этого слѣдуетъ, что точное установленіе фактической стороны должно дѣлаться по частямъ отдѣльными изслѣдователями изслѣдованіе обширныхъ періодовъ не по плечу одному человѣку, такое изслѣдованіе неизмѣнно явится поверхностнымъ.

Но когда дѣло касается общихъ выводовъ, которые тѣмъ шире, чѣмъ обширнѣе охвачена эпоха—тогда уже нельзя отвлекаться для установленія фактической стороны, тогда приходится уже довѣриться работамъ отдѣльныхъ излѣдователей.

Индуктивный методъ въ приложеніи къ нахожденію причинъ военныхъ явленій.

Вторая ступень аналитической работы (первая см. стр. 214) уже заключается въ томъ, чтобы пользуясь произведеннымъ изслѣдованіемъ фактической стороны извѣстнаго явленія, исходя изъ окончательнаго результата, опредѣлить сначала ближайшую причину этого результата: затѣмъ -причину этой причины; далѣе —то-же по отношенію къ слѣдующей причинѣ и т. д... пока не дойдемъ до основной, коренной причины, самой главной и всегда наиболѣе удаленной отъ результата, сидящей въ самой глубинѣ дѣла. „Оттого-то" говоритъ Леерь*) „большинство и склонно не доходить до нея, а останавливается, обыкновенно только на ближайшихъ, даже просто на ближайшей причинѣ факта".

Вотъ такое отысканіе коренной главной причины явленія, исходя изъ его фактической стороны (окончательнаго результата)—это и есть индукція.

„Работа индукціи, анализа, въ дѣлѣ *обоснованія* того или другого факта" говоритъ Леерь**) „представляется въ видѣ постепеннаго углубленія критики во *внутренній смыслъ* событія, въ расчлененіи его на цѣлый рядъ частныхъ явленій, изъ которыхъ оно слагается, съ отнесеніемъ каждаго изъ нихъ къ соотвѣтствующей ему причинѣ или причинамъ: далѣе въ открытіи связи между этими причинами, а слѣдовательно и въ раскрытіи *внутренней. причинной связи* между составляющими его частными явленіями. Такою представляется обработка путемъ индукціи сложнаго явленія, стратегической операціи, *обоснованіе* его, отнесеніе къ вызвавшимъ его къ жизни причинамъ. Такимъ путемъ, въ то-же время, не замедлитъ въ

*) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 15.

**) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 16.

концѣ концовъ и выясниться: *какая причина какое дѣйствіе производитъ*, что и составляетъ главную задачу теоретическаго изученія дѣла".

„Само собою разумѣется, что *одной* подобной индуктивной работы далеко недостаточно, чтобы имѣть право утверждать, что полученный выводъ есть не гипотеза, а полное научное обобщеніе, дѣйствительный, вѣрный *законъ*, разъ навсегда опредѣляющій дѣйствіе извѣстной причины. Одного подобнаго изслѣдованія, какъ-бы добросовѣстно оно ни было ведено, не только недостаточно для такого заключенія, а даже крайне опасно возводить *частный* выводъ въ *общій законъ*, справедливый во всѣхъ случаяхъ. Это—вѣрнѣйшій путь къ разнаго рода опаснымъ измышленіямъ. Слѣдовательно необходимо еще продолжить работу, *повѣрить полученный нами выводъ* т. е. продолжить индукцію надъ разборомъ еще нѣсколькихъ явленій, однородныхъ съ разсмотрѣннымъ (чѣмъ большее число ихъ будетъ разобрано, тѣмъ лучше), и затѣмъ сопоставить эти выводы, отбросить все имъ не общее, т. е. все *случайное, временное*, вызванное обстановкою того или другого частнаго случая, отмѣтить лишь общія всѣмъ черты т. е. обратиться къ *аналогіи*, и если и тутъ подтвердится справедливость первоначальнаго вывода, то вѣроятность значенія его какъ закона, безусловно опредѣляющаго дѣйствіе извѣстной причины, весьма велика".

Вотъ отысканіе *неизмѣнныхъ* условій, ведущихъ къ успѣху на войнѣ, т. е. принциповъ военнаго дѣла индуктивнымъ путемъ и составляетъ одну изъ задачъ исторіи военнаго искусства. Здѣсь уже нѣтъ заботы объ установленіи фактической стороны событій—она берется готовой изъ изслѣдованій по военной исторіи. Здѣсь берутся факты наиболѣе значительные, наиболѣе типичные, наиболѣе отличающіеся по обстановкѣ, напр. принадлежащіе къ совершенно различныхъ эпохамъ, этихъ фактовъ берется возможно большее количество (см. стр. 212), и въ каждомъ фактѣ отыскиваются основныя произведшія его причины, а послѣ того причины эти сопоставляются (аналогія), и на основаніи

этого судятъ о закономѣрности военныхъ явленій и о постоянствѣ причинъ ихъ производящихъ и ими управляющихъ.

Если для примѣненія индуктивнаго метода взято значительное число событій, относящихся къ самымъ различнымъ обстановкамъ, то чѣмъ ихъ больше и чѣмъ разнообразнѣе обстановки, тѣмъ меньше вліяютъ на правильность вывода различныя фактическія невѣрности отдѣльныхъ событій, которыя, какъ было указано выше, совершенно неизбѣжны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что искажены *всѣ* событія, и даже больше — допустить, что *всѣ* событія искажены *въ одномъ* направленіи — въ сторону преобладанія *все одной и той-же* причины — это ужъ трудно. Тутъ ужъ болѣе логично предположить, что факты могутъ быть сильно извращены, но то *общее*, что удалось въ нихъ подмѣтить, то *общее*, что и служитъ собственно основаніемъ къ индуктивному выводу — это *общее* дѣйствительно было и вліяло, и что извращенія относятся именно къ тому *разному*, что въ каждомъ событіи сопутствовало общему, и что мы откинули. Пусть даже извѣстный фактъ происходилъ совсѣмъ не такъ, какъ передала его намъ исторія. Пусть напр., противно историческому описанію, въ извѣстномъ бою, побѣдитель не сосредоточилъ свои силы, а разбросалъ ихъ, и сраженіе онъ выигралъ случайно, а мы, руководствуясь ложнымъ описаніемъ, сдѣлали выводъ, что причина побѣды была — сосредоточеніе силъ! Служитъ-ли это опроверженіемъ принципа сосредоточенія силъ? Случайность ничего не опровергаетъ ужъ потому, что она случайность. Тогда разбираемый фактъ выпадаетъ только изъ ряда фактическихъ доказательствъ, и присоединяется къ числу логическихъ доказательствъ, къ числу доказательствъ, посредствомъ искуственно скомбинированнаго примѣра. Для этого надо лишь не ограничиваться простымъ указаніемъ причинъ и результатовъ и ихъ сопоставленій, а показывать послѣдовательную работу причинъ по приведеніи ихъ къ извѣстнымъ результатамъ. И лишь, если этого сдѣлать нельзя, и вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ основаніе недовѣрять фактическому из-

При индуктивномъ методѣ изслѣдованія причинъ военныхъ событій сглаживается вліяніе неточностей въ изложеніи отдѣльныхъ фактовъ.

ложенію причинныхъ дѣйствій, не слѣдуетъ пользоваться этими фактами для доказательства.

Наибольшія ошибки допустимы все таки не въ самыхъ фактахъ, а въ изложеніи историками тѣхъ побужденій, которыя руководили участниками событій. Оно и понятно, такъ какъ чужая душа потемки, и даже собственныя письма участниковъ еще не всегда выдаютъ ихъ истинныя намѣренія и мысли—они сами могли не сознавать своей сущности, а поступали они именно согласно со своей сущностью. Тогда, такія ошибки историковъ, еще меньше отнимаютъ цѣнность изложенныхъ ими событій для нашихъ выводовъ.

Пусть событіе происходило не совсѣмъ такъ, какъ оно изложено, и именно въ томъ смыслѣ, что въ головѣ участниковъ не было тѣхъ мыслей, которыя мы имъ приписываемъ. Пусть событіе сложилось случайно, пусть участникъ дѣйствовалъ безсознательно, но если установленъ фактъ, что онъ дѣйствовалъ извѣстнымъ образомъ и это привело къ извѣстнымъ результатамъ, то причина успѣха, на сколько она зависитъ отъ *хода событія*—все та-же, внѣ зависимости—чѣмъ именно вызванъ такой ходъ событія. Тогда только получается невѣрное заключеніе объ участникѣ, но не объ основной причинѣ результата.

Такимъ образомъ различныя неточности въ историческомъ изложеніи фактовъ, еще не дѣлаютъ ихъ непригодными для примѣненія индуктивнаго метода, и въ особенности если этихъ фактовъ много и они очень разнообразны по обстановкѣ.

При выводѣ принциповъ индуктивнымъ путемъ они утрачиваютъ отвлеченность и получаютъ совершенно ясную содержательность.

Раньше было указано (гл. III стр. 172), что одна изъ причинъ почему принципами часто пренебрегаютъ, заключается въ томъ, что ихъ считаютъ *общими мѣстами*, не имѣющими достаточнаго содержанія. Но это можно еще допустить лишь для тѣхъ, которые просто ихъ узнали, и даже для тѣхъ кому они выведены дедуктивнымъ путемъ (см. глава III). Въ этомъ случаѣ они дѣйствительно нѣсколько отвлеченны и далеко не для всѣхъ доступны. Но стоитъ только придти къ нимъ путемъ индуктивнымъ, посредствомъ анализа цѣлаго ряда историческихъ фактовъ, какъ они совершенно

утрачиваютъ свою отвлеченность и кажущуюся съ перваго взгляда безсодержательность. Фактическое содержаніе вливается въ нихъ широкой волной въ видѣ связи ихъ какъ причинъ съ результатами въ рядѣ дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто фактовъ.

„Принципы“ говоритъ Лееръ*) „окажутся очень содержательными для тѣхъ, кто *осмысленно* владѣетъ большимъ числомъ фактовъ“.

„Польза теоріи стратегіи“ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ**) „какъ обобщенія военныхъ явленій, не безусловна, а *условна* именно *при обширныхъ свѣдѣніяхъ изъ военной исторіи.* При этомъ условіи, всѣ общія формулы стратегіи получаютъ *смыслъ* и *содержаніе.* Безъ большихъ свѣдѣній изъ военной исторіи онѣ обращаются въ безсодержательныя общія мѣста, ничего не говорящія уму и сердцу, и вся теорія стратегіи вырождается въ безсодержательную, поверхностную болтовню т. е. ни болѣе, ни менѣе, какъ въ дѣло вредное“.

Значеніе труда въ усвоеніи принциповъ военнаго дѣла и въ пріобрѣтеніи способности примѣнять ихъ на практикѣ.

Вотъ такой путь обоснованія и выводовъ принциповъ военнаго дѣла требуетъ огромнаго труда, но за то и результатъ этого труда стоитъ. Принципы военнаго дѣла, раскрытые посредствомъ тщательнаго анализа въ основѣ каждаго военнаго явленія, получаютъ огромное значеніе для изслѣдователя, поневолѣ они переливаются въ его способъ мышленія, и даютъ именно то знаніе дѣла, которое Спенсеръ назвалъ умственными мышцами.

„Укажу еще разъ“ говоритъ Лееръ о принципахъ***) „на необыкновенную простоту ихъ, на легкость ихъ пониманія, ихъ *внѣшняго* воспріятія и, въ то же время, на необыкновенную трудность *оставаться имъ вѣрнымъ въ примѣненіи.* Для этого необходимо владѣть ими на столько, чтобы, въ минуту надобности, *даже не думая о нихъ,* дѣйствовать не иначе, какъ въ духѣ ихъ требованій, т. е. владѣть ими безсознательно,

*) Методъ военныхъ наукъ. Стр. 19.

**) Стратегія. Часть I-я. 5-е изданіе. Предисловіе.

***) Коренные вопросы. Стр. 21—24.

обративъ ихъ во вторую натуру; путемъ внутренняго ихъ воспріятія, обратить ихъ въ *практическій* мотивъ нашихъ дѣйствій; для этого-же необходимо постоянно думать о нихъ, безпрерывно повторять ихъ, почаще встрѣчаться съ повтореніемъ ихъ въ жизни, въ *военной исторіи*, въ этой *мудрости вѣковъ;* короче—нуженъ большой и продолжительный *трудъ*".

„Итакъ, помимо природнаго задатка, нуженъ *большой трудъ*, чтобы развить въ себѣ способность къ отвлеченному мышленію; нуженъ не меньшій трудъ (обширный военно-историческій трудъ), чтобы *внутренно* воспріять принципы, а не только *наружнымъ* образомъ (какъ-бы заимствовать ихъ въ *долгъ* или на *прокатъ*)".

„Итакъ, *трудъ* и *трудъ большой*—вотъ что нужно, чтобы понять и прочно владѣть основными принципами военнаго дѣла, и все это въ виду того общаго свойства всѣхъ людей, которое называется *„лѣнью"* или *„закономъ наименьшаго усилія"*. Понятно послѣ того, что и по этой причинѣ принципы имѣютъ такъ мало приверженцевъ и такъ много противниковъ".

„Вотъ тутъ-то и являются услужливые массѣ люди съ рекомендаціею разнаго рода *обходныхъ путей* (неизбѣжнаго) труда, со *„здравымъ смысломъ"*, съ *„вдохновеніемъ"* и съ *„опытомъ"*, будто-бы въ избыткѣ восполняющими собою принципы, эти *общія мѣста*, ничего яко-бы не дающія уму. Таковы главные тезисы проповѣди *„свободы отъ науки"*.

Здравый смыслъ и вдохновеніе не могутъ обойтись безъ содѣйствія науки.

„Все это и *„опытъ"*, и *„здравый смыслъ"*, и *„вдохновеніе"*, какъ высшіе выразители творческой силы (послѣдніе два) весьма важны и цѣнны; но они одни не составляютъ еще всего дѣла и не могутъ обойтись безъ *содѣйствія науки*, безъ руководящихъ принциповъ. *Здравый смыслъ* не можетъ обойтись безъ правильныхъ отправныхъ точекъ, безъ *знанія* (науки), которое указываетъ ему что *истинно* и *цѣлесообразно*. Здравый смыслъ безъ руководящихъ принциповъ—это хаосъ (Карлъ XII; см. „Стратегію", ч. I, изданіе 1893 года, стр. 207—209)".

„Нѣтъ, здравый смыслъ не можетъ обойтись безъ регулирующихъ принциповъ. На столько-же несостоятельна надежда, возлагаемая на одно *вдохновеніе*, что въ минуту надобности оно само собою придетъ, и готовое рѣшеніе вопроса, какъ-бы высѣченное изъ одного куска, съ неба свалится. Были-же люди, которые вѣрили въ то, что Наполеонъ I выигрывалъ сраженія, а Ла-Фонтенъ писалъ басни и *не думая о нихъ (Stendal — „Vie de Napoléon“ 280)*, что будто все это было дѣломъ безсознательной интуиціи, какого то откровенія. Такъ могутъ смотрѣть на дѣло только люди наивные, не дававшіе себѣ никогда отчета въ томъ; *„что такое вдохновеніе?“*

Вдохновеніе—это быстро сдѣланный разсчетъ.

„По опредѣленію Наполеона I, *„вдохновеніе—это быстро сдѣланный разсчетъ“ (un calcul rapidement fait)*, слѣдовательно не что либо *„безсознательное“*, съ неба падающее, а *„сознательный разсчетъ“, накопленное заблаговременно размышленіе* объ извѣстномъ дѣлѣ. Пожалуй размышленіе и *„насиженное“*,—слово, надъ которымъ мы не прочь сильно глумиться, желая всюду видѣть *„вдохновеніе“*, а не *трудъ*. Первыя идеи о дѣлѣ хотя и приходятъ къ намъ самопроизвольно, но онѣ становятся прочнымъ достояніемъ нашимъ только въ той мѣрѣ, какъ мы освоимся съ ними, анализируемъ ихъ и классифицируемъ вполнѣ *сознательнымъ образомъ*, т. е. *не мало потрудимся надъ ними*. Какъ говоритъ Карріонъ Низа (см. эпиграфъ къ отд. II ч. II моей стратегіи)—„безъ *времени* и *труда* нельзя создать чего либо истинно великаго. И если въ дѣлахъ, которыя становятся выше уровня минуты, иногда и кажется, что причиною ихъ была *импровизація*, то, въ сущности, эта *кажущаяся* импровизація объясняется тѣмъ, что объ этихъ вещахъ *думали* (т. е. къ нимъ тщательно *готовились*) въ то время, когда о нихъ никто не думалъ, такъ, что когда наступаетъ минута, что общественное мнѣніе устремляется на нихъ, то люди, *думавшіе* о нихъ, оказываются къ нимъ и наиболѣе *подготовленными*. Вотъ тайна великихъ дѣлъ. Она заключается въ настойчивой и продолжительной работѣ мысли въ извѣстномъ направленіи“.

„Слѣдуетъ отличать *вдохновеніе — разсчетъ* отъ *вдохновенія — фантазіи. Первое* — это правильно построенное умозаключеніе, исходящее изъ правильной *объективной* отправной точки (большой посылки) при помощи настолько-же правильно построенной, *субъективной,* малой посылки; слѣдовательно представляетъ собою вполнѣ правильно построенный *мгновенный* выводъ (силлогизмъ) *). *Второе — вдохновеніе — фантазія* — это хотя и *мгновенно* сдѣланный выводъ, но не имѣющій подъ собою никакой прочной основы; оно просто является дѣломъ только одного, ничѣмъ не руководимаго *пылкаго воображенія*".

„Пріятное заблужденіе толпы, что творческій процессъ подобенъ счастливой мысли, внезапно приходящей въ голову, — это заблужденіе тотчасъ разсѣевается, какъ только мы изучаемъ то, что дѣйствительно испытывали творцы великаго и прекраснаго. *Все величіе въ области мысли — это продуктъ упорнаго труда.* Правда, часто этотъ трудъ прилагается не въ моментъ самого созиданія, но во всякомъ случаѣ когда либо этотъ трудъ былъ затраченъ. Необычайная скорость, съ которой Вальтеръ-Скоттъ писалъ свои историческіе романы, была-бы необъяснима, если-бы мы не знали, какъ много онъ работалъ, изучая жизнь, природу и исторію своей родины" (Джемсъ Селли — „Геніальность и помѣшательство"; русскій переводъ, стр. 35, 36). „Разсчетъ въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ война, требуетъ не малаго труда и тѣмъ большаго для изощренія способности къ *быстрому, мгновенному* разсчету, составляющему сущность вдохновенія. Тотъ, кто не *научился* разсчитывать, никогда не будетъ разсчитывать ни быстро, ни медленно".

Здравый смыслъ, вдохновеніе и наука — три великія силы, дополняющія другъ друга.

„Нѣтъ, ничто, ни *здравый смыслъ,* ни *вдохновеніе,* не освобождаютъ насъ отъ необходимости продолжительнаго и настойчиваго труда надъ основными принципами, господствующими надъ всѣмъ военнымъ дѣломъ т. е. отъ *военной науки.* Повторяю снова, *здравый смыслъ, вдохновеніе* и *наука* — это три великія силы,

*) См. стр. 211.

отнюдь одна другую не замѣняющія, а только дополняющія. Человѣкъ *болѣе знающій*, будетъ обладать и большею *вѣрою въ себя*, а слѣдовательно будетъ принимать не только болѣе *правильныя*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе *быстрыя* рѣшенія".

„Мало того, *наука* способствуетъ въ извѣстной степени и развитію и укрѣпленію столь важнаго на войнѣ *характера*. „Когда человѣкъ сознаетъ, что онъ свѣдущъ, что, благодаря его познаніямъ, онъ легко можетъ оріентироваться въ трудныхъ положеніяхъ, то этимъ *укрѣпляется и его характеръ*, онъ пріобрѣтаетъ способность къ принятію кстати правильнаго рѣшенія и къ практическому его осуществленію. И напротивъ человѣкъ, сознающій свое невѣжество и необходимость пользоваться совѣтами другихъ, будетъ постоянно нерѣшительнымъ, колеблющимся и склоннымъ къ деморализаціи" (прусскій генералъ Фонъ-Пейкеръ).

„Не освобождаетъ отъ науки и *опытъ*. Опытъ *коллективный (объективный)* нѣсколькихъ вѣковъ, результаты котораго освѣщены и сведены въ науку (*военную исторію)*, конечно имѣетъ громадное значеніе; но онъ не только не противорѣчитъ наукѣ, а составляетъ ея сущность; онъ и есть сама военная наука. Да и наконецъ усвоеніе его немыслимо безъ труда, а напротивъ того, оно-то и требуетъ именно наибольшаго труда". **Опытъ не освобождаетъ отъ науки.**

„*Личный*, субъективный опытъ, *опытность*, уже болѣе скудный по результатамъ сравнительно съ коллективнымъ опытомъ, представляетъ очень хорошую школу, *но только при условіи наблюденія и размышленія;* иначе это будетъ опытъ историческаго мула*) принца Евгенія (моя „Прикладная тактика", предисловіе, стр. 16 и 17); слѣдовательно и тутъ необходимъ трудъ, иначе опытъ безполезенъ".

„Для того, чтобы извлечь возможную пользу изъ опыта, необходимъ не только не малый *трудъ* (наблюденіе и размышленіе), но необходима и *наука*, какъ сила, направляющая опытъ и освѣщающая его резуль-

*) Или „чемодана" адмирала Лазарева.

таты. *Хорошимъ наблюдателемъ* можетъ быть только *хорошій теоретикъ*".

„*Скорѣе еще наука можетъ обойтись безъ опыта, чѣмъ опытъ безъ науки.* Слѣпой Саундерсонъ, *не видя отъ рожденія*, написалъ-же оптику, разъ какъ было доказано, что движеніе свѣтового эфира, вызывающее въ насъ свѣтовыя ощущенія, совершается по законамъ механики. Между тѣмъ маршалъ Ней, имѣвшій такую *громадную практику*, какимъ онъ явилъ себя стратегомъ?"

А Джонъ Клеркъ, написалъ-же онъ превосходную морскую тактику, не ступивши ни разу ногой на палубу военнаго корабля! И вотъ онъ сумѣлъ указать—какими основными положеніями надо руководиться, чтобы использовать для побѣды надъ французами лучшую морскую опытность англичанъ, а цѣлое поколѣніе морскихъ офицеровъ, имѣвшихъ огромный и морской и боевой опытъ, этихъ основныхъ положеній не видѣло.

„Итакъ", заканчиваетъ Лееръ, „безъ науки, ни *здравый смыслъ*, ни *вдохновеніе*, ни *опытъ* обойтись не могутъ. Наука-же безъ *общихъ идей*, безъ *широкихъ обобщеній* немыслима: это организмъ безъ головы, общество безъ главы".

Не пропадаетъ трудъ изученія даже не вполнѣ достовѣрныхъ историческихъ фактовъ.

Выше (стр. 224 и 227) много говорилось о томъ, что легко можетъ оказаться, что тотъ или другой историческій фактъ изложенъ неточно, что иные результаты могутъ быть приписаны причинамъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ и не было въ наличности. Но *трудъ* изученія такихъ фактовъ все таки не пропадаетъ, а приноситъ только пользу. Трудъ изученія—это практика въ извѣстномъ логическомъ развитіи мысли, онъ выковываетъ эту мысль, онъ представляетъ изъ себя ту гимнастику (ума), которая наращиваетъ умственныя мышцы, о которыхъ говоритъ Спенсеръ, именно онъ доводитъ привычку думать извѣстнымъ образомъ до инстинктивности, которая и лежитъ, при наличіи творческой силы, въ основѣ способности къ мгновеннымъ правильнымъ рѣшеніямъ.

Сравнительно—исторический методъ.

Приложеніе индуктивнаго метода къ изученію причинъ военныхъ явленій (стр. 225) приводитъ къ такъ называемому сравнительно-историческому методу, т. е. къ сравнительному изученію историческихъ фактовъ, взятыхъ изъ жизни разныхъ народовъ и разныхъ временъ*). Дѣйствительно, наблюдая однородныя явленія культурной и соціальной жизни народовъ, мы весьма часто встрѣчаемся со случаями поразительнаго между ними сходства.

Это сходство можетъ объясняться троякимъ образомъ. Вопервыхъ оно можетъ быть результатомъ *заимствованій* одними народами у другихъ тѣхъ или иныхъ продуктовъ ихъ культурнаго и соціальнаго творчества. Во вторыхъ, сходныя черты у разныхъ народовъ могутъ объясняться *общностью происхожденія* этихъ народовъ. Наконецъ, третью категорію случаевъ сходства между явленіями культурной и соціальной жизни разныхъ народовъ составляютъ тѣ, которые могутъ быть объяснены лишь тѣмъ, что *сходныя условія жизни порождаютъ и сходныя явленія*, хотя-бы и не было рѣчи ни о заимствованіяхъ, ни объ общности происхожденія.

Вотъ изученіе этой третьей категоріи случаевъ, въ приложеніи къ изученію военныхъ явленій, и даетъ цѣнный результатъ для военнаго дѣла, приводя къ объясненію *причинъ* военныхъ явленій.

Въ XIX вѣкѣ сравнительно-историческій методъ проникъ въ разныя науки, изучающія культурную и соціальную жизнь человѣчества, и въ настоящее время важное значеніе этого метода для отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, и вообще для соціологіи, находится внѣ спора. Начало методологіи сравнительнаго метода было положено Контомъ.

Критико-историческій методъ изученія военнаго дѣла.

Примѣняя сравнительно-историческій методъ къ изученію военныхъ явленій, переходя при этомъ съ помощью индукціи отъ фактовъ къ первопричинамъ ихъ породившимъ, мы приходимъ къ положеніямъ, которыя лежатъ въ основѣ военныхъ явленій. Этотъ

---

*) Профессоръ Карѣевъ. Энцикл. Словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XIIIа стр. 507 и XXXI стр. 328.

путь Г. А. Лееръ называетъ *практическимъ*, какъ основаннымъ на *критическомъ разборѣ фактовъ**). Но эти основы, напр. въ видѣ принциповъ, правилъ, нормъ и вытекающихъ изъ нихъ непосредственно слѣдствій, какъ мы видѣли (глава III), могутъ быть уяснены и чисто *теоретическимъ*, умозрительнымъ, *дедуктивнымъ* путемъ, посредствомъ изученія духовной природы человѣка поставленнаго въ обстановку смертельной борьбы съ себѣ подобными. Соединеніе того и другого метода вмѣстѣ Г. А. Лееръ называетъ *критико-историческимъ методомъ*, котораго мы значитъ и держимся при изученіи сущности военныхъ явленій.

Этотъ путь, какъ говоритъ Лееръ, воплощая безпрестанно идеи въ самыя разнообразныя формы, даетъ отвлеченностямъ, къ которымъ мы пришли исключительно дедуктивнымъ путемъ, *содержаніе*, уясняетъ зависимость этихъ формъ отъ колебаній въ обстановкѣ (условій *силы*, *времени*, *мѣста*, данной *воли* противника...) и служитъ въ то же время самымъ надежнымъ оплотомъ противъ столь опасныхъ, широкихъ умственныхъ полетовъ, такъ какъ указываетъ—*что*, *когда*, *гдѣ* и *какъ* возможно исполнить, подъ вліяніемъ той или другой обстановки, чѣмъ и развиваетъ *чувство мѣры*.

Недостатки критико-историческаго метода изложенія военнаго дѣла.

Однако, признавая всѣ выгоды критико-исторической формы изложенія, Лееръ указываетъ на ея неизбѣжные и притомъ весьма существенные недостатки.

Она все таки вѣдь на первый планъ ставитъ интересы теоріи, ибо задача ея—вывести и объяснить основы дѣла, и составляющія его теорію. Для облегченія себѣ этой задачи она прибѣгаетъ къ разбору историческихъ фактовъ, но лишь въ той степени, на сколько ей это нужно для обоснованія того или другого положенія. Значитъ она приводитъ факты только въ извѣстныхъ основныхъ ихъ чертахъ, сопровождая разборъ ихъ далеко *неполною обстановкой*, а лишь тѣми условіями, которыя въ томъ или другомъ случаѣ вызываются интересами того или другого теоретическаго вопроса, которые по отношенію къ тому или

*) Стратегія. Часть I. Предисловіе.

другому факту имѣютъ *рѣшающее* значеніе, опуская всѣ остальныя. И въ такомъ видѣ—съ *неполной обстановкой*—приводится одинъ фактъ за другимъ.

Очевидно это особенно рѣзко будетъ проявляться въ такихъ систематизированныхъ отдѣлахъ военнаго дѣла, какъ стратегія и тактика, но и въ исторіи военнаго искусства, которая преслѣдуетъ задачу подмѣтить и свести въ одно общія черты въ военныхъ явленіяхъ, происходящихъ въ самыхъ различныхъ обстановкахъ, чтобы отъ этихъ общихъ чертъ перейти къ ихъ постояннымъ и неизмѣннымъ причинамъ, изъ обстановки будетъ указываться съ одной стороны только наиболѣе типичное для данной эпохи, и съ другой стороны—именно на общее всѣмъ эпохамъ. Разборъ *полной* обстановки даже немыслимъ въ исторіи военнаго искусства. Она охватываетъ такой огромный періодъ времени, изъ котораго должна выхватить всѣ типичные факты, что разборъ во всѣхъ деталяхъ обстановки привелъ-бы къ огромной потерѣ времени, не говоря уже о томъ, что въ этихъ деталяхъ запуталась-бы руководящая нить ведущая къ цѣли поставленной себѣ исторіей военнаго искусства—обосновать исходныя положенія военной науки.

Какъ указываетъ Лееръ, интересы теоріи военнаго дѣла, напр. теоріи стратегіи, этимъ вполнѣ удовлетворяются, но далеко не удовлетворяются потребности изученія военнаго дѣла въ его цѣломъ.

Если остановиться при изложеніи исключительно только на одномъ критико-историческомъ методѣ, то у слушателей можетъ возникнуть тотъ ложный взглядъ, что на развитіе того или другого факта только и имѣли вліяніе приведенныя при объясненіи его условія, а это ведетъ къ возможности возникновенія взгляда, что напр. дѣло управленія военными событіями (составленіе плановъ операцій и ихъ исполненіе) есть дѣло весьма *легкое*, или что вообще причины военныхъ явленій довольно *просты*.

Между тѣмъ на дѣлѣ—это совершенно не такъ. Составленіе плановъ операцій, какъ указываетъ Лееръ—дѣло огромной трудности. Дѣйствительно, вѣдь въ

минуту составленія плана, обстановка на практикѣ представляется въ чрезвычайно сложномъ видѣ, а во многомъ (прежде всего во всемъ, касающемся проявленія *воли противника*)—и въ гадательномъ. Такимъ образомъ, составитель плана, изучая обстановку, долженъ, изо всѣхъ составляющихъ ее условій, выбрать лишь самыя важныя, имѣющія *рѣшающее* значеніе по отношенію къ данному случаю, отбросивъ все побочное и маловажное. А это требуетъ хорошо выработаннаго стратегическаго взгляда, для чего напр. курсъ стратегіи въ критико-исторической формѣ изложенія не даетъ ни малѣйшей практики, потому-что, въ приведенныхъ въ немъ фактахъ, эта трудная и многосложная работа правильной оцѣнки всѣхъ условій полной обстановки и классификація ихъ по степени ихъ важности дѣлается не слушателями, а заранѣе уже сдѣлана составителемъ курса и съ каѳедры излагается уже только результатъ этой работы.

Такимъ образомъ, одна изъ существенныхъ трудностей, неизбѣжно встрѣчающихся на дѣлѣ, обойдена, и *трудное дѣло можетъ представиться слушателямъ въ видѣ чрезвычайно легкаго*, а это можетъ развить въ нихъ, по мнѣнію Леера, столь нежелательную *поверхностность*. Вотъ этотъ существенный недостатокъ можно устранить, напр. въ стратегіи, подробнымъ критическимъ разборомъ хоть одной (классической) стратегической операціи, а еще лучше—цѣлой кампаніи, не упуская изъ вида ни на минуту *полной обстановки* и притомъ не въ такомъ видѣ, какъ она выяснилась по совершеніи факта, а именно въ томъ,—*какъ она представлялась дѣятелямъ въ минуту его развитія.*

Лееръ указываетъ и другіе недостатки теоретическаго курса, хотя-бы и излагаемаго въ критико-исторической формѣ.

Въ немъ, напр. всѣ частныя явленія, на которыя распадается стратегическая операція, разбираются *послѣдовательно* (по отдѣламъ и главамъ), одно за другимъ. Конечно ихъ располагаютъ по возможности въ *логическомъ* порядкѣ, чтобы выяснить *внутреннюю, причинную* между ними связь и зависимость ихъ другъ

отъ друга, но все таки, по мнѣнію Леера, эта цѣль далеко не достигается, и все таки каждый частный вопросъ болѣе или менѣе обособляется.

Но и этотъ недостатокъ опять таки лучше всего устраняется подробнымъ критическимъ разборомъ операціи или кампаніи. Здѣсь можно представить *полную картину* того, какимъ образомъ основная идея операціи (плана), по мѣрѣ развитія ея въ исполненіи, вызываетъ цѣлый рядъ частныхъ явленій: маневровъ, боевъ въ самой тѣсной, причинной ихъ связи, по *мѣсту* и *времени*. Нѣкоторыя изъ нихъ развиваются одно *возлѣ* другого, въ отношеніи *сосуществованія*, другія-же—одно *послѣ* другого, въ отношеніи *послѣдовательности*, обусловливая въ обоихъ случаяхъ, одно другимъ, помогая другъ другу; одни явленія подготовляютъ рѣшеніе, другіе—даютъ его... Вся эта внутренняя связь между частями цѣлаго, ихъ преемственность, сама собою уясняется на живой картинѣ развитія операціи и глубоко запечатлѣвается въ сознаніи слушателей.

Затѣмъ Лееръ указываетъ, что къ слабымъ сторонамъ теоріи слѣдуетъ еще отнести то, что по самымъ своимъ свойствамъ, теорія далеко *не можетъ вполнѣ освоить съ трудной стороной* собственно *исполнительной части операціи*. Она, конечно, поставитъ на видъ важность сильной воли, характера въ дѣлѣ окончательной установки плана и послѣдовательнаго исполненія его. Но такое указаніе произведетъ только легкое, скоро изгладимое впечатлѣніе. Она упомянетъ и о множествѣ разнаго рода треній, неизбѣжныхъ при передачѣ идеи начальника до послѣднихъ исполнителей, о множествѣ инстанцій, черезъ которыя воля его должна пройти. Она укажетъ, что могутъ встрѣтиться опаздыванія въ ея передачѣ, невѣрное пониманіе, а иногда и злая воля подчиненныхъ...

Необходимо одновременно съ критико-историческимъ методомъ изложенія

Но теорія безсильна представить полную картину всякаго рода препонъ и *случайностей*, которыя сопротивляющейся средой войны ставятся исполненію плана и нерѣдко опрокидываютъ самые лучшіе предварительные разсчеты. Между тѣмъ при подробномъ раз-

военнаго дѣла, излагать подробный критическій разборъ отдѣльныхъ кампаній.

борѣ отдѣльной операціи или кампаніи—можетъ быть нарисована живая картина такихъ препонъ и случайностей.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Леера, военная исторія, въ видѣ подробнаго критическаго разбора, хотя-бы только одной кампаніи (даже операціи), способна восполнить собою слабыя стороны критико-историческаго метода изученія войны.

Недостатки критическаго разбора отдѣльныхъ кампаній.

Но это не значитъ, что она можетъ его замѣнить—ей тоже присущи своего рода недостатки.

Нельзя конечно отрицать того, что подробный разборъ хотя-бы и одной кампаніи, въ сущности, самъ по себѣ, представляетъ, въ извѣстномъ случаѣ, законченный курсъ стратегіи. Дѣйствительно, всякая война, даже отдѣльная операція, является выразительницей всей стратегіи, въ полномъ ея объемѣ, со всѣми ея общими и частными задачами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это все таки будетъ только курсъ *частной стратегіи*, обособленный, индивидуализированный особенностями обстановки извѣстной войны или операціи.

Въ этой частной стратегіи прежде всего не найдется полнаго подтвержденія того, что то, что выдавалось за причину, за сущность, за принципіальную сторону въ томъ или другомъ стратегическомъ вопросѣ, за неизбѣжно присущія ему общія черты, при всевозможныхъ обстановкахъ, и будетъ дѣйствительно его *неизмѣнной сущностью*.

Вѣдь, чтобы убѣдить въ этомъ, надо доказать ихъ *безпрестанную повторяемость* въ военныхъ явленіяхъ, а для этого надо, хотя-бы и не столь подробно—для выигранія времени—разобрать возможно большое число такихъ явленій въ главныхъ ихъ чертахъ. Тогда и выяснится ихъ неизмѣнность въ принципіальной сторонѣ, при безконечномъ ихъ разнообразіи въ формальной сторонѣ—въ обстановкѣ.

И эта цѣль можетъ быть достигнута только при примѣненіи критико-историческаго метода въ изложеніи систематическаго теоретическаго курса.

Но кромѣ того, подробный критическій разборъ одной кампаніи представляетъ еще и тотъ существен-

ный недостатокъ, что *формы* рѣшеній различныхъ частныхъ вопросовъ въ этой кампаніи, вполнѣ оправдываемыя ея обстановкою, могутъ быть приняты—не за *условно лучшія, въ частности*, при извѣстной обстановкѣ, каковыми они и являются на самомъ дѣлѣ, а за—*безусловно лучшія вообще*, при всевозможныхъ обстановкахъ, а это, въ свою очередь ведетъ на опасный путь *шаблоновъ* и *рецептовъ для побѣдъ*. Именно на этомъ пути утрачивается представленіе о *гибкости формы* и важномъ значеніи *обстановки*, этой „верховной повелительницы на войнѣ", какъ называлъ ее Наполеонъ.

Очевидно и этотъ недостатокъ устраняется теоретическимъ курсомъ въ критико-исторической формѣ изложенія.

Теоретическій курсъ военныхъ наукъ въ критико-исторической формѣ и подробный критическій разборъ отдѣльныхъ кампаній дополняютъ другъ друга.

Подводя итогъ своему обсужденію вопроса о методѣ изложенія военной науки, Лееръ, изъ сопоставленія двухъ методовъ изложенія, приходитъ къ заключенію, что они другъ друга не исключаютъ, а лишь дополняютъ, такъ какъ въ чемъ слабъ одинъ, въ томъ силенъ другой, и что, слѣдовательно, надо пользоваться и тѣмъ и другимъ путемъ изученія.

Именно на этомъ основаніи, пользуясь его авторитетнымъ указаніемъ, въ программу военно-морского отдѣла морской академіи, наряду съ курсами исторіи военно-морского искусства и стратегіи, излагаемыми въ критико-исторической формѣ (съ примѣненіемъ сравнительно-историческаго метода), внесено подробное критическое изложеніе двухъ отдѣльныхъ морскихъ войнъ—русско-шведской и русско-турецкой въ 1788—1791 годахъ и русско-японской 1904—1905 годовъ*).

*) По мнѣнію Г. Л. Леера, постановка преподаванія теоріи военнаго искусства въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба до половины 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія была неправильной. Она сводилась къ обширному чисто фактическому курсу военной исторіи, который у современниковъ въ шутку назывался „вензелями, которыя арміями выписывались ногами" или „наукою о томъ, кто куда пошелъ", и къ обзору наиболѣе выдающихся сочиненій по стратегіи, исключительно въ догматической формѣ. И только съ назначеніемъ военнымъ министромъ графа Милютина, въ постановкѣ этого важнаго дѣла произведенъ былъ рѣшительный переворотъ. Подъ личнымъ предсѣдательствомъ новаго министра въ конференціи были пересмотрѣны всѣ программы и въ результатѣ—обширный фактическій курсъ военной исторіи былъ замѣненъ подробнымъ чтеніемъ двухъ кампаній, а умозрительный курсъ стратегіи—курсомъ въ критико-исторической формѣ изложенія.

Необходимость установленія въ теоріи военной науки основныхъ положеній пріобрѣтенія военныхъ знаній путемъ опыта и внушенія.

Все, что до сихъ поръ было изложено въ этой главѣ, относилось къ разбору тѣхъ путей (методовъ), которыми надо идти для разработки военныхъ знаній и для перевода тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли эти знанія, въ способъ мышленія другихъ посредствомъ доказательствъ умозрительныхъ и фактическихъ—истинности этихъ выводовъ (см. стр. 201). Это пути—теоретическіе, научные. Пути эти прилагаются наиболѣе полно въ теоретическомъ высшемъ, и, въ извѣстной мѣрѣ—въ среднемъ военномъ образованіи.

Но этимъ не можетъ ограничиться, хотя-бы и только теоретическій разборъ вопросовъ, относящихся къ методу разработки и пріобрѣтенія военныхъ знаній.

Вѣдь эти знанія и разрабатываются и пріобрѣтаются не только теоретическимъ, но и практическимъ путемъ.

Также для приложенія результатовъ этихъ знаній еще мало того, чтобы ими сознательно обладали всѣ тѣ слои личнаго состава, которые, по своему развитію, способны къ такому сознательному усвоенію этихъ результатовъ теоретическимъ или практическимъ путемъ. Надо еще, чтобы эти верхніе слои умѣли двинуть къ практическому приложенію этихъ результатовъ массу, которая для того, чтобы это осуществилось на самомъ дѣлѣ, должна увѣровать, что именно надо дѣлать такъ а не иначе, такъ какъ вполнѣ сознательно обосновать тотъ способъ дѣйствій, на который ее толкаютъ, она, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не всегда въ состояніи.

Такое вліяніе одной части личнаго состава на другую—это тоже извѣстный путь или методъ сообщенія одними и пріобрѣтенія другими военныхъ знаній.

По этому установленіе извѣстныхъ основныхъ положеній и въ этихъ вопросахъ, т. е. въ вопросахъ практическаго пріобрѣтенія военныхъ знаній и въ вопросахъ искусства направленія болѣе сознательными элементами личнаго состава менѣе сознательныхъ элементовъ къ приложенію результатовъ военныхъ знаній—все это также должно входить въ теорети-

ческій разборъ вопроса о методахъ разработки и пріобрѣтенія военныхъ знаній вообще.

Основныя положенія практическаго пріобрѣтенія военныхъ знаній.

Основныя положенія практическаго пріобрѣтенія военныхъ знаній заключаются въ установленіи понятій— *что слѣдуетъ понимать подъ обученнымъ практически личнымъ составомъ*, и на основаніи этого —*чему* и *какъ* слѣдуетъ его учить. Очевидно, что для боевой дѣятельности пригоденъ только такой личный составъ, который *практически* обученъ своему дѣлу. Теоретическія его познанія—это не болѣе какъ переходная, хотя и очень важная и необходимая, (см. стр. 71) ступень его военнаго образованія.

Но, чтобы при практическомъ обученіи совершенно сознательно идти къ опредѣленной цѣли, надо умѣть себѣ совершенно опредѣленно отвѣтить на вопросъ—когда личный составъ можно считать вполнѣ подготовленнымъ для боевой дѣятельности?

Когда личный составъ можно считать вполнѣ подготовленнымъ для боевой дѣятельности *).

Адмиралъ, изучившій за долговременную свою службу въ полной подробности качества и недостатки различныхъ типовъ кораблей, еще не подготовленъ для того, чтобы вести эскадру въ бой, если онъ таковой никогда не командовалъ въ мирное время, или командовалъ ею въ такомъ составѣ, который совершенно не соотвѣтствуетъ тому, въ какомъ она будетъ въ военное время. Я уже здѣсь не говорю про эскадры и отряды преслѣдующіе чисто учебныя цѣли и притомъ узко спеціальныя, какъ напр. отряды артиллерійскій и минный, но напр. возьмите эскадру, лишенную въ мирное время крейсеровъ. Очевидно, командующій ею адмиралъ лишенъ возможности на практикѣ изучить дозорную и развѣдочную службу и напр. ясно представить себѣ—гдѣ должно быть мѣсто этихъ судовъ при различныхъ строяхъ эскадры. Легко можетъ случиться, что онъ, и получивши въ военное время эти крейсеры, не съумѣетъ ихъ использовать вполнѣ, и вообще недостаточно обратитъ вниманіе на дозоръ и развѣдки. Въ подобномъ-же положеніи окажется адмиралъ, командовавшій въ мирное время эскадрой безъ миноносцевъ, или только миноносными флотиліями.

*) Цитирую по моему курсу „Морской тактики“ 1902 г. стр. 26—27.

Точно также и командиръ всякаго корабля. Этого еще мало, если онъ только изучилъ всѣ качества и недостатки своего корабля, въ отношеніи его личнаго состава, его эволюціонныхъ свойствъ, артиллеріи, минъ и защиты.

Необходимо, чтобы онъ умѣлъ согласовать движенія и дѣйствія своего корабля съ другими, чтобы онъ имѣлъ случай изучить своихъ будущихъ товарищей въ бою—другихъ командировъ, чтобы онъ научился имъ довѣрять, и изъ постояннаго съ ними общенія вынесъ-бы увѣренность въ готовности ихъ къ взаимной выручкѣ и къ неослабному стремленію общими силами содѣйствовать предначертаніямъ адмирала.

Подъ опытнымъ руководительствомъ адмирала, мысли его о томъ, какъ поступать въ различныхъ случаяхъ боя, когда обстоятельства легко могутъ не позволить адмиралу распорядиться сигналомъ, должны на столько войти въ плоть и кровь командировъ, чтобы они понимали его при отдачѣ приказанія—съ полуслова, во время маневрированія—по движенію адмиральскаго корабля; наконецъ, будучи предоставлены самимъ себѣ,—они съумѣли-бы поступать такъ, какъ поступилъ-бы на ихъ мѣстѣ адмиралъ,—вотъ идеалъ духовной связи адмирала съ своими командирами.

Такимъ образомъ, вліяніе совмѣстнаго плаванія въ эскадрѣ на воспитаніе командира огромно, и командиръ, еще не плававшій въ эскадрѣ, не можетъ считаться закончившимъ свое воспитаніе и образованіе командира, и считать его вполнѣ подготовленнымъ для боевой дѣятельности нельзя.

Комендоръ, превосходно знающій свою пушку и имѣющій аттестацію изъ артиллерійскаго отряда превосходнаго стрѣлка, еще не является законченнымъ по своему образованію и воспитанію, пока онъ не освоится съ обстановкой того корабля, на которомъ ему предстоитъ идти въ бой, пока онъ не стрѣлялъ въ этой обстановкѣ при различномъ состояніи моря и при различномъ характерѣ движенія корабля, пока онъ не

свыкся со своими начальниками, приказанія которыхъ ему придется выполнять въ бою, и съ товарищами, которые будутъ въ это время около него.

Рулевой, какъ-бы не былъ онъ хорошо обученъ своей спеціальности, получаетъ настоящую свою цѣну только тогда, когда онъ изучилъ до тонкости, не только всѣ эволюціонныя свойства своего корабля, *но и своего командира или штурмана*.

Во время маневрированія корабля между командиромъ и рулевымъ существуетъ невидимая духовная связь, посредствомъ которой рулевой понимаетъ командира съ полуслова, считается съ тономъ его голоса, съ характеромъ движенія его руки, указывающей рулевому—что надо дѣлать съ рулемъ. Рулевой вѣдь не столько долженъ пунктуально выполнять приказанія командира, сколько долженъ умѣть понимать, *чего хочетъ командиръ*, и такъ и направлять корабль.

При такомъ условіи и командиръ знаетъ—въ какой степени онъ можетъ положиться на рулевого, и на сколько онъ можетъ ему давать свободу въ управленіи.

Только такимъ образомъ и получаются корабли маневрирующіе и смѣло и точно.

Считаю необходимымъ отмѣтить, что такой взглядъ на качества рулевого былъ очень распространенъ въ старомъ поколѣніи командировъ, которые уже начинаютъ сходить со сцены. Теперь, какъ мнѣ указано было нѣкоторыми изъ моихъ слушателей, нарождается новый взглядъ, вызываемый быть можетъ все увеличивающейся быстроходностью кораблей, что рулевой—это автоматъ, точно выполняющій указанія командира или штурмана, что онъ кладетъ руль на точное число градусовъ ему указанное.

Но основной мысли настоящаго разсужденія такой новый взглядъ не мѣняетъ. Онъ ставитъ лишь командиру и штурману новыя требованія для того, чтобы считаться вполнѣ подготовленнымъ къ боевой дѣятельности—на столько усвоить себѣ всѣ тонкости эволюціонныхъ качествъ своего корабля, принимая во вниманіе и погоду и волну, чтобы давать рулевому

совершенно точныя и опредѣленныя приказанія и объ углѣ, на который долженъ быть положенъ руль, и о степени быстроты съ которой долженъ класться руль. А для этого они должны довести свое познаніе въ этой области до того, чтобы быть способными самимъ стать на руль и обойтись совсѣмъ безъ рулевого. Однако и представителями новаго направленія все таки признаются случаи, когда рулевому можетъ быть дана самостоятельность—править на извѣстный предметъ, подходить къ щиту и т. п.—но уже безъ вмѣшательства командира и штурмана. А тогда опять рулевому должно быть поставлено требованіе—детальное знакомство со всѣми эволюціонными качествами корабля и съ него снимается лишь требованіе о необходимости изученія характера командира или штурмана. Кромѣ того на малыхъ судахъ вѣроятно окажется болѣе примѣнимымъ ~~личный~~ взглядъ прежнихъ поколѣній.

Какъ надо понимать положеніе Наполеона о зависимости успѣха въ бою на три четворти отъ духовной стороны.

Подобныя разсужденія могутъ быть приложены ко всякому на кораблѣ, и изъ нихъ и видно—черезъ какія послѣдовательныя ступени должно пройти обученіе и образованіе личнаго состава, чтобы считаться законченнымъ. Вотъ нравственный элементъ, доведенный до такой степени, и дѣлаетъ жизненнымъ положеніе Наполеона о зависимости успѣха въ бою на $^3/_4$ отъ духовной стороны и только на $^1/_4$ отъ матеріальной. Я уже имѣлъ случай указывать на превратное толкованіе положенія Наполеона, что на войнѣ „обстановка повелѣваетъ“. Столь-же часто приходится сталкиваться и съ неустойчивыми представленіями о вышеприведенномъ его положеніи. И главная причина этой неустойчивости заключается въ томъ, что нѣкоторые какъ-бы представляютъ себѣ сумму матеріальныхъ и моральныхъ данныхъ, при сравненіи этихъ суммъ, въ видѣ нѣкоторой постоянной величины, и какъ-бы считаютъ, что если моральнымъ даннымъ отдается преимущество, то этимъ самымъ ослабляется матеріальная часть. Отсюда напр. проистекаютъ требованія для доказательства положенія Наполеона указаніями на такіе факты, въ которыхъ побѣда оказалась на сторонѣ—явно уступавшей побѣжденному въ матеріальной силѣ, а

также критика этого положенія Наполеона въ томъ смыслѣ, что при слабой матеріальной части собственно не можетъ быть преимущества въ моральныхъ данныхъ, такъ какъ отъ недостатка въ матеріальной части у личнаго состава въ извѣстной степени опускаются руки.

На самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ представляется, положеніе Наполеона надо понимать совсѣмъ не такъ, хотя въ военной исторіи и нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, когда гораздо болѣе слабый матеріально одерживалъ побѣду надъ болѣе сильнымъ въ этомъ отношеніи, именно благодаря своему моральному превосходству. Мнѣ кажется положеніе Наполеона надо понимать въ томъ смыслѣ, что, достигнувъ всей доступной матеріальной силы, нельзя на этомъ успокаиваться, и строить на этой матеріальной силѣ свои разсчеты на побѣду до тѣхъ поръ, пока еще не положено гораздо больше и труда и средствъ на достиженіе совершенства въ моральномъ отношеніи, и что если нѣтъ возможности заручиться извѣстной степенью моральнаго элемента, то затраты на созданіе матеріальнаго элемента пропадутъ даромъ.

Положеніе противное положенію Наполеона—разъ имѣется превосходная матеріальная часть, можно ужъ не особенно заботиться объ остальномъ, такъ какъ будто-бы увѣренность въ совершенствѣ матеріальной части даетъ и моральную силу личному составу. Это наиболѣе рѣзко выразилось въ приведенномъ мною (см. стр. 65) мнѣніи боевого офицера, что теперь въ морскомъ бою почти не требуется даже мужества, такъ какъ за крѣпкой броней быстроходныхъ военныхъ судовъ и за толстымъ слоемъ воды съ подводныхъ лодокъ, могутъ сражаться не только мужчины, но чуть не дѣти.

Это положеніе очень заманчиво, и если и не въ такой степени, какъ это указано въ вышеприведенномъ крайнемъ мнѣніи, то все таки приложеніе его въ жизни встрѣчается очень часто. Сплошь и рядомъ, при огромныхъ затратахъ на содержаніе матеріальной части, всѣми мѣрами урѣзываются расходы на созданіе

моральнаго элемента, который зиждется на довѣріи въ личномъ составѣ другъ къ другу и къ данной ему въ руки матеріальной части, для чего требуется превосходное обученіе и практика въ обстановкѣ наиболѣе приближающейся къ боевой. Отсюда вытекаютъ во флотѣ урѣзки на время посвященное плаванію, на составленіе эскадръ и отрядовъ въ мирное время далеко не изъ всѣхъ типовъ судовъ и не въ достаточномъ количествѣ сравнительно съ составомъ ихъ въ военное время, вслѣдствіи чего личный составъ лишается возможности должнымъ образомъ подготовляться къ боевой дѣятельности, урѣзки на уголь, на снаряды, и вообще на теоретическое и на практическое обученіе.

Отчасти это объясняется и тѣмъ, что всякая затрата на матеріальную часть даетъ ясно видимый, ощутительный результатъ и въ мирное время, тогда какъ прогрессъ въ моральномъ отношеніи остается въ мирное время какъ-бы скрытымъ.

Но на самомъ дѣлѣ, даже и это не такъ. Пробѣлы въ моральномъ элементѣ, въ который входитъ и степень военнаго образованія, и въ мирное время проявляются въ достаточно ясныхъ признакахъ, если только внимательно и вдумчиво отнестись къ состоянію той-же самой матеріальной части. Разъ нѣтъ достаточнаго развитія военныхъ знаній, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ, это непремѣнно отразится на неумѣломъ выборѣ матеріальной части, на неумѣломъ ея использованіи и въ мирное время и вообще много окажется признаковъ для внимательнаго и проникновеннаго наблюдателя.

И бѣда только въ томъ, что именно отсутствіе военныхъ знаній влечетъ за собой извѣстную степень слѣпоты въ этомъ отношеніи, признаки въ глазахъ людей безъ истиннаго военнаго образованія теряютъ свою *типичность*, свое значеніе грозныхъ предвѣстниковъ грядущаго разгрома.

И такъ, понемногу, отсутствіе даже одного элемента моральной силы—военнаго образованія—сводитъ матеріальную часть лишь къ обманчивой формѣ безъ внутренняго содержанія и силы.

Вотъ противъ такого состоянія военнаго дѣла и предостерегаетъ положеніе Наполеона, и кто имъ проникнется ни въ коемъ случаѣ не забросить матеріальную часть, а напротивъ, онъ будетъ стремиться имѣть ее наилучшаго качества, но только въ *такомъ количествѣ*, при которомъ могло-бы быть обезпечено и одухотвореніе этой матеріальной части въ полной мѣрѣ развитымъ моральнымъ элементомъ, во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ.

Изъ чего составляется моральный элементъ*).

А моральный элементъ и составляется изъ полной подготовленности личнаго состава для боевой дѣятельности, построенной на фундаментѣ выводовъ теоріи военнаго дѣла и увѣнчанной тою степенью обученія, о которой говорилось выше.

Говоря отдѣльно о моральномъ элементѣ, я не хочу показать, что онъ можетъ быть отдѣленъ отъ матеріальнаго. Какъ тотъ, такъ и другой крѣпко между собою связаны, и другъ на друга вліяютъ именно въ положительномъ смыслѣ, т. е. чѣмъ выше матеріальный элементъ, тѣмъ выше и моральный и обратно**). Раздѣленіе это чисто мысленное, искусственное, и производится лишь для того, для чего производится всякая классификація—для удобства изслѣдованія составныхъ элементовъ военной силы, которая и раздѣляется для этой цѣли на матеріальный и моральный элементы. Въ виду встрѣчающихся часто сомнѣній и разнообразныхъ мнѣній—какъ именно производится такое раздѣленіе, необходимо указать, что наиболѣе естественнымъ, а потому и общепринятымъ раздѣленіемъ является такое—неодушевленныя средства войны, которыя и носятъ названіе матеріальныхъ средствъ, и человѣкъ—съ его обученіемъ, умѣньемъ, мужествомъ, знаніемъ и

*) См. глава III стр. 174—183.

**) „Сознаніе превосходства въ вооруженіи" говоритъ Куропаткинъ (Итоги войны. Стр. 69) „приподнимаетъ нравственный духъ арміи лучше вооруженной. Наоборотъ, даже при оружіи мало отличномъ отъ оружія противника, *войска съ ихъ начальниками склонны свои ошибки сваливать на превосходство вооруженія противника* (см. стр. 175). Такой крупной разницы въ вооруженіи между турками и нами въ войну 1877—1878 г.г. не было, каковая была въ 1853—55 г.г., и тѣмъ не менѣе, послѣ первыхъ нашихъ неудачъ подъ Плевною, войска потеряли довѣріе къ своимъ ружьямъ и пушкамъ и въ превосходствѣ вооруженія турокъ искали утѣшенія въ постигшихъ войска испытаніяхъ".

талантомъ. Такимъ образомъ, напр. въ морской войнѣ матеріальный элементъ—это будутъ корабли, эскадры, запасы снарядовъ, минъ, угля, продовольствія, порта съ ихъ укрѣпленіями и ресурсами для поддержки флота въ боевой готовности и т. п... Каждая отдѣльная часть военной силы—портъ, корабль, эскадра, служба связи и т. п. будутъ имѣть свой матеріальный и моральный элементъ.

Между тѣмъ очень часто представляютъ себѣ, что моральный элементъ—это не болѣе какъ состояніе духа личнаго состава идущаго въ бой—степень его готовности къ смерти. Это далеко неполное опредѣленіе моральнаго элемента, изъ котораго никакъ нельзя исключить обученіе и искусство. Въ своемъ мѣстѣ (см. гл. III стр. 174–183 и 133–137) было уже указано что такое представляетъ изъ себя моральный элементъ и насколько именно въ морской войнѣ мужество (пассивное) связано съ превосходнымъ умѣньемъ обращаться съ матеріальной частью. Изъ неполнаго опредѣленія— что такое моральный элементъ, вытекаетъ иногда представленіе, что главное—что военный человѣкъ можетъ дать государству—это готовность пожертвовать для его пользы жизнью. Для каждаго отдѣльнаго человѣка это можетъ быть и такъ. Жизнь—это самое драгоцѣнное его достояніе. Но для государства—это не такъ. Государство ставитъ основнымъ своимъ требованіемъ къ личному составу военной силы—чтобы онъ далъ ему побѣду и для этого съ своей стороны снабжаетъ этотъ личный составъ соотвѣтствующей матеріальной частью.

А для побѣды, при наличіи извѣстной матеріальной части, нужны и умѣнье и мужество, которыя и составляютъ моральный элементъ. Въ мирное время онъ состоитъ изъ умѣнья и гражданскаго мужества, въ военное—для личнаго состава идущаго въ бой, къ этому присоединяется еще и военное мужество. Преобладаніе одного военнаго мужества, при ущербѣ въ другихъ составныхъ частяхъ моральнаго элемента—даетъ героевъ, а государство, давая должную оцѣнку героямъ, нуждается не столько въ нихъ, сколько именно въ побѣдителяхъ. Поэтому, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

военная сила какого либо государства одерживаетъ побѣду надъ врагомъ, очень мало рискуя, или вслѣдствіе огромнаго превосходства въ численности, или вслѣдствіе особаго искусства, хитрости, предусмотрительности и т. п... государство даетъ побѣдителямъ высшую оцѣнку чѣмъ побѣжденнымъ, хотя-бы и выказавшимъ при этомъ самое высокое мужество. И происходитъ это само собой, хотя съ точки зрѣнія справедливости это не выдерживаетъ критики, и только потому, что военное мужество государство цѣнитъ только какъ средство къ побѣдѣ, если не въ настоящемъ (при пораженіи), то для будущаго и для воспитанія этого мужества въ другихъ т. е. опять таки для будущихъ побѣдъ.

Вотъ что говорилъ съ каѳедры Кронштадтскаго морского собранія, въ 60-хъ годахъ т. е. значитъ вскорѣ послѣ проигранной восточной войны, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ адмирала Григорія Ивановича Бутакова—лейтенантъ Сѣмечкинъ, доказывая необходимость заручиться военными знаніями*):

„Что русскіе моряки не боятся умереть и умѣютъ умирать, то это давно извѣстно и тому доказательствомъ служатъ бастіоны Севастополя, гдѣ одинъ слой жизни ложился на другой при добросовѣстномъ исполненіи святого долга. Что умереть не страшно, то въ этомъ намъ убѣждать другъ друга не нужно, но за то будемте милостивые государи убѣждать другъ друга, что умереть пѣшкою—ужасно! Отдать свою жизнь за родину легко и отрадно, но отдать ее не умѣючи, дешево, не за дорогую цѣну, невыносимо тяжело и трудно! Поэтому намъ необходимо развивать въ себѣ и усваивать тѣ знанія, которыя должны составлять достояніе моряка воина. Будемте укрѣплять въ себѣ убѣжденіе, что слѣдуетъ *учиться* милостивые государи и флагъ нашъ снова покроется давно знакомою ему славою!“

На это могутъ возразить—да вѣдь восточную войну и на сушѣ и на морѣ мы проиграли изъ за несовершенства въ матеріальной части. Что могли сдѣлать

---

*) Лекціи о морской тактикѣ. 1868 г. стр. 35.

наши моряки съ немногочисленными парусными кораблями противъ превосходившихъ ихъ въ численности паровыхъ флотовъ союзниковъ?

Все это такъ, и все таки Сѣмечкинъ призывалъ не къ постройкѣ новѣйшихъ кораблей, а къ тому чтобы *учиться*. И онъ былъ правъ. Дѣйствительно коренная причина нашего пораженія лежала не въ отсталости матеріальной части нашего флота, а именно въ невѣжествѣ въ военномъ дѣлѣ, ибо только оно могло допустить эту отсталость. Обладающій хорошимъ военнымъ образованіемъ личный составъ не допустить созданія *отсталой* матеріальной части, и при наличіи гражданскаго мужества, даже, въ случаѣ непониманія государствомъ его нуждъ и вслѣдствіи этого при отсутствіи достаточныхъ ассигнованій, онъ добьется и этихъ ассигнованій. Но тогда не въ этомъ было и дѣло. Государство давало достаточныя деньги, но ихъ тратили на устарѣлую матеріальную часть, *не умѣя оцѣнить*, по недостатку въ военныхъ знаніяхъ, значенія парового флота, а тѣ, которые были на это способны (см. стр. 420 и 457), не имѣли гражданскаго мужества пожертвовать—не жизнью, а матеріальнымъ своимъ положеніемъ и пріятными отношеніями съ окружавшей ихъ средой, чтобы протестовать, и чтобы громкимъ протестомъ добиться обличенія невѣжества.

И не думалъ Сѣмечкинъ, что слова его останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что черезъ 40 лѣтъ русскому флоту придется испить еще болѣе горькую чашу и по той-же причинѣ, что и въ восточной войнѣ. Вѣдь не потому-же оказалась въ русскомъ флотѣ отсталая матеріальная часть къ войнѣ съ Японіей, что государство отпустило на нее мало денегъ. Въ тотъ моментъ когда Японія вступила на путь соревнованія съ нами въ созданіи морской силы, мы находились въ болѣе выгодномъ положеніи, и истратили послѣ того денегъ больше чѣмъ японцы, но истратили ихъ *неумѣло*, обнаруживъ этимъ все тотъ-же, давно намъ свойственный недостатокъ въ той составной части моральнаго элемента, которая называется умѣньемъ и

обученіемъ—въ широкомъ смыслѣ этого слова. И дай Богъ, что-бы мы еще разъ не повторили ту-же ошибку, которой не мало способствовало представленіе о моральномъ элементѣ, какъ только о военномъ мужествѣ.

И особенно надо помнить при этомъ, что слово „обученіе" не относится только до техническаго умѣнья владѣть средствами морской войны (попаданіе въ цѣль снарядомъ и миной, управляемость кораблемъ и эскадрой въ эволюціонномъ отношеніи), а неизмѣнно заключаетъ въ себѣ представленіе объ умѣньѣ правильно использовать всякое средство отдѣльно и любую ихъ комбинацію въ зависимости отъ обстановки т. е. напр. комендору умѣть приспособиться къ различнымъ особенностямъ своего корабля для попаданія въ указанную ему цѣль, управляющему огнемъ умѣть выбрать наивыгоднѣйшую при данныхъ обстоятельствахъ цѣль, командиру умѣть согласовать свои дѣйствія съ другими командирами для достиженія цѣли поставленной адмираломъ, и адмиралу умѣть выбрать правильныя цѣли для дѣйствій и умѣть направлять къ достиженію этихъ цѣлей всѣ находящіеся съ его распоряженіи средства.

Искусство руководительства—главная составная часть моральнаго элемента.

Въ этомъ представленіи соединятся *обученіе* и *техническое* и *военное* и *мужество*—на морѣ главнымъ образомъ *пассивное*, и проникающее какъ первое такъ и второе и третье и расширяющее и освѣщающее ихъ въ той или иной степени, въ зависимости отъ различныхъ слоевъ іерархіи, *военное образованіе*, и въ этомъ представленіи само собою займетъ подобающее ему главное мѣсто—*умѣнье руководительства*, опредѣляющее собою *качества командного элемента*, въ особенности *высшаго командованія*, и это представленіе и опредѣлитъ собою тотъ моральный элементъ, который даетъ столь рѣшительный перевѣсъ на войнѣ, и который всѣ великіе военные люди ставятъ на первое мѣсто, по отношенію къ элементу матеріальному.

И повторяю еще разъ—это не значитъ пренебрегать матеріальнымъ элементомъ, а это значитъ на немъ не успокаиваться, не класть на него надежду, если онъ не сопровождается моральнымъ элементомъ, и, въ особенности, если нѣтъ главной составной части этого

моральнаго элемента—искусства руководительства въ командномъ персоналѣ. Не то, чтобы это искусство руководительства давало побѣду, при отсутствіи другихъ составныхъ частей моральнаго элемента, хотя случаи успѣха благодаря искусству руководительства при значительныхъ пробѣлахъ въ этихъ остальныхъ составныхъ частяхъ и нерѣдки въ исторіи, но это искусство руководительства, проявляющееся въ широкихъ размѣрахъ, замѣтное для внимательнаго наблюдателя и въ мирное время, именно оно-то и служитъ показателемъ, что и остальныя составныя части моральнаго элемента достаточно пропитали личный составъ. Если надъ массой возвысились люди, умѣющіе выбрать лучшія средства войны, умѣющіе организовать ихъ созданіе и поддержаніе въ боевой готовности, умѣющіе установить порядки, при которыхъ всякому легко выполнять свое дѣло, то это показываетъ, что элементы позволяющіе переводить это умѣнье въ дѣло, уже широко разлиты въ массѣ, и что она представляетъ изъ себя среду, въ которой можетъ развиться это умѣнье, наконецъ, что она придаетъ дѣйствительную цѣну именно такому умѣнью и этимъ и выдвигаетъ обладающихъ такимъ умѣньемъ людей. Напр. стройность организаціи германскаго флота—его эскадры, корабли, порта, плаванія, маневрированіе, военное образованіе—все это признаки, позволяющіе угадывать наличіе въ немъ всѣхъ частей моральнаго элемента, а также и главной изъ нихъ—искусства руководительства, которое создавъ все это въ мирное время, проникнутое значитъ пониманіемъ—для чего все это создавалось,—съумѣетъ и въ военное время направить все это къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя значитъ такъ ясны въ его представленіи.

Относительно значенія командного персонала не надо никогда забывать словъ Леера.

Въ руководительствѣ военной силой за-

„Считаю долгомъ“ говоритъ онъ *) „поставить еще и еще разъ въ особенности на видъ первостепенную важность *команднаго элемента* въ арміи, *начальство-*

*) Стратегія. Часть I стр. 432, изд. 1893 г. Курсивы подлинника.

ванія надъ войсками, *руководительства* ими; въ немъ заключается главная причина (причина всѣхъ причинъ) успѣховъ или неудачъ на войнѣ".

ключается главная причина успѣховъ или неудачъ на войнѣ.

„На войнѣ, главное значеніе принадлежитъ *моральнымъ, духовнымъ* средствамъ, т. е. человѣку. Тамъ, гдѣ онъ лучше обученъ и воспитанъ (въ *военномъ* отношеніи), тамъ долженъ быть и успѣхъ. Вотъ гдѣ вѣрнѣйшее средство нарушить равновѣсіе въ свою пользу и склонить успѣхъ на свою сторону; но и тутъ, какъ показываетъ военная исторія, нужно отличать *человѣка—солдата* отъ *человѣка—начальника* (въ особенности теперь). Человѣкъ—солдатъ болѣе или менѣе вездѣ былъ и есть одинаковъ съ точки зрѣнія *военнаго духа* (разница нѣкоторая только въ отношеніи *народнаго духа* и *воинственнаго* духа). Всѣ европейскія арміи дрались и дерутся одинаково хорошо. Каждая изъ нихъ, *при одномъ и томъ-же человѣкѣ—солдатѣ,* одерживала побѣды и несла пораженія, имѣла свои дни славы и омраченія, *въ зависимости отъ того, какъ арміей управляли, какъ вели ее,* отъ генія и таланта *человѣка—начальника,* отъ генерала, полководца, отъ *степени ихъ подготовки*".

„*Начальствующій персоналъ* и является главнымъ носителемъ и выразителемъ духовнаго начала, отъ котораго на $^3/_4$ зависитъ успѣхъ на войнѣ. Въ немъ коренится и коренилась всегда главная причина успѣховъ и неудачъ на войнѣ. Вотъ на что должно быть обращено особенное вниманіе теперь, помня, что подготовка начальниковъ, какъ и всякаго рода подготовка въ духовномъ отношеніи, какъ дѣло *воспитанія,* является дѣломъ не только многотруднымъ (даже самымъ труднымъ), но и въ то-же время—дѣломъ *многолѣтнимъ,* задачею нѣсколькихъ преемственныхъ поколѣній. Та армія, которая превзойдетъ въ этомъ отношеніи другія арміи, будетъ имѣть и всѣ шансы на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что сравниться съ нею въ этомъ, въ относительно короткій срокъ, какъ то возможно въ отношеніи къ матеріальнымъ средствамъ, едва-ли мыслимо!"

„Я не могу лучше закончить изслѣдованіе вопроса объ управленіи арміями, какъ слѣдующими словами Наполеона I: „...не римскіе легіоны овладѣли Галліей а Цезарь; не карѳагенскія войска заставили трепетать Римъ, а Аннибалъ; не македонская фаланга проникла до Инда, а Александръ; не французская армія доходила до Везера и до Инна, а Тюреннъ; не прусскія войска 7 лѣтъ защищали Пруссію противъ трехъ сильнѣйшихъ державъ Европы, а Фридрихъ Великій“.

Едва-ли стоитъ говорить, на сколько слова Леера оказались пророческими относительно операцій на сухомъ пути въ минувшей русско-японской войнѣ.

И остается только разрѣшить вопросъ—на сколько приложимы эти разсужденія къ морской войнѣ? Но вѣдь и въ области морской войны у всѣхъ на устахъ одно заключеніе—все зависитъ отъ личнаго состава. А значитъ надо только выяснить,—на столько-ли изъ общей роли личнаго состава выдѣляется роль флотоводца?

Подробное выясненіе этого вопроса—задача курса исторіи военно-морского искусства, а потому ограничусь здѣсь лишь краткими ссылками общаго характера.

Военно-морская исторія утвердительно разрѣшаетъ вопросъ объ огромной роли высшаго командованія въ морѣ.

Адмиралы, которые побѣждали, внѣ зависимости отъ эпохи, національности и обстановки, въ которой они дѣйствовали (Ѳемистоклъ и Форміо, Рюйтеръ и Турвиль, Нельсонъ и Сюффренъ, Ушаковъ и Сенявинъ), дали образцы высокаго искусства въ стратегіи и въ тактикѣ. А между тѣмъ далеко не всегда, не только матеріальная часть, но и качество личнаго состава были на сторонѣ побѣдителей.

Ѳемистоклъ побѣждалъ съ малочисленнымъ, плохо обученнымъ, на скоро организованнымъ и совсѣмъ не опытнымъ флотомъ.

Сюффренъ командовалъ эскадрой изъ очень плохихъ кораблей, дурно снабженныхъ, съ недисциплинированнымъ и плохо обученнымъ личнымъ составомъ, и у него не было ни одной базы, когда онъ началъ свои операціи.

Большая часть кораблей Ушакова собственно и не могли называться кораблями—боевая его линія состояла на половину изъ фрегатовъ; притомъ эти корабли уступали турецкимъ и въ ходѣ и въ количествѣ и въ качествѣ артиллеріи. Кромѣ того Ушакову приходилось выдерживать борьбу и со своимъ личнымъ составомъ, который относился къ нему не всегда сочувственно, какъ къ новатору въ пріемахъ морской войны.

Знаменитая кампанія Сенявина въ Средиземномъ морѣ протекла въ то время, когда русскій флотъ находился въ полномъ упадкѣ.

Извѣстный военный писатель М. И. Богдановичъ о состояніи флота въ царствованіе Александра I пишетъ: „Безпрестанныя войны, веденныя Россіей съ 1805 по 1815 годъ, заставя правительство обратить исключительное вниманіе на умноженіе и содержаніе военно-сухопутныхъ силъ, были причиною тому, что нашъ флотъ оставался въ небреженіи. Исправленіе старыхъ кораблей и постройка новыхъ почти совершенно прекратились, по недостаточности суммъ отпускаемыхъ на содержаніе флота. Наши моряки, выходя изъ портовъ съ ветхими судами, едва могшими держаться въ морѣ, дѣйствовали успѣшно противъ шведовъ въ Балтійскомъ морѣ и противъ турокъ въ Архипелагѣ, но такое состояніе флота угрожало совершеннымъ разрушеніемъ нашей морской силы“.

Но во главѣ такого флота стоялъ Сенявинъ и онъ побѣждалъ, уступая противнику и въ численности.

И такихъ примѣровъ изъ прежнихъ морскихъ войнъ можно привести сколько угодно.

А развѣ вліяніе адмирала Макарова не было огромно на Портъ-Артурскую эскадру, и развѣ она не преображалась совершенно въ его рукахъ?

А развѣ несчастный характеръ адмирала Рождественскаго, его мрачная суровость, его отчужденность отъ личнаго состава, который не былъ посвященъ въ его планы и намѣренія—развѣ все это не отразилось въ извѣстной мѣрѣ на тяжести пораженія при Цусимѣ, дѣйствуя въ ту-же сторону съ другими многочисленными причинами, ужъ отъ адмирала Рождественскаго

независящими, которыя готовили 2-й эскадрѣ печальную судьбу, тогда какъ при другомъ руководительствѣ эти причины могли быть въ извѣстной мѣрѣ ослаблены? Развѣ его могучая воля и энергія, вылившіяся почти исключительно въ отчаянную рѣшимость необузданнаго мужества, не могли получить лучшаго примѣненія въ развитіи единаго военнаго мышленія на эскадрѣ и въ примѣненіи на ней всѣхъ указаній прежняго и недавняго боевого опыта? А между тѣмъ комиссія по разслѣдованію причинъ пораженія при Цусимѣ, указавъ съ полною опредѣленностью на главныя причины пораженія, лежавшія внѣ эскадры и ея начальника, отмѣтивъ превосходное мужество его и его личнаго состава, вмѣстѣ съ тѣмъ указала и на серіозные пробѣлы въ руководительствѣ, отсутствіе которыхъ могло въ извѣстной мѣрѣ уменьшить размѣры бѣдствія.

Разъ будетъ въ мирное время существовать школа для адмираловъ — она будетъ удовлетворять требованіямъ школы для всѣхъ.

И потому всѣ эти примѣры неустанно твердятъ намъ—не будемте забывать, что $^3/_4$ успѣха на войнѣ зависитъ отъ духовнаго начала, а главнымъ его носителемъ и выразителемъ является *начальствующій персоналъ*. Важность утвержденія этого положенія прежде всего скажется въ томъ, что ничто не будетъ упущено, чтобы имѣть въ мирное время *школу адмираловъ* т. е. такія *постоянныя* эскадры, въ которыхъ адмиралы дѣйствительно могутъ учиться своему дѣлу, могутъ пробовать и изощрять свое творчество, чтобы уже увѣренно прилагать его въ военное время. При такомъ образѣ мыслей, напр. совершенно невозможенъ случай несообщенія результатовъ критическаго разбора маневровъ даже его участникамъ √ (см. стр. 486). И разъ это будетъ сдѣлано, разъ будетъ создана обстановка, въ которой могутъ учиться и изощрять свое творчество адмиралы, разъ будетъ дана имъ возможность пріобрѣтать военныя знанія въ той полной мѣрѣ, въ которой они нужны для успѣшнаго веденія войны, то этимъ самымъ эта возможность откроется для всего личнаго состава т. е. значитъ созданіе одной изъ частей моральнаго элемента будетъ обезпечено.

На сколько отсутствіе „школы адмираловъ" въ мирное время вліяетъ на пробѣлы въ руководитель-

ствѣ въ военное время, показываетъ та-же русско-японская война. И эти пробѣлы въ руководительствѣ, оказавшіеся въ этой войнѣ, было-бы несправедливо приписывать личностямъ—это было послѣдствіемъ системы, такъ какъ искусство въ руководительствѣ флотомъ можетъ быть получено только при практикѣ въ командованіи постоянно плавающими боевыми эскадрами, а не учебными отрядами.

А между тѣмъ изъ адмираловъ, бывшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, только 4 командовали передъ тѣмъ въ мирное время боевыми эскадрами, но въ дѣйствіяхъ на морѣ во время войны изъ нихъ приняли участіе только два. Первый былъ смѣненъ въ самомъ началѣ войны, второй безвременно погибъ, пробывъ во главѣ флота только одинъ мѣсяцъ. Остальные двое оставались на берегу. Одинъ—вслѣдствіе того, что считалъ свое присутствіе болѣе полезнымъ при арміи для направленія ея дѣйствій, а другой—потому что былъ отрѣзанъ отъ флота.

Изъ прочихъ-же 13 адмираловъ, трое командовали въ мирное время только учебными отрядами, и одинъ плавалъ младшимъ флагманомъ, а остальные никогда ничѣмъ не командовали. Странно было-бы и требовать отъ нихъ искуснаго руководительства эскадрами и отрядами въ бою.

То-же самое оказалось и въ арміи.

„Одинъ изъ парадоксовъ послѣдней войны" говоритъ публицистъ М. Меньшиковъ*) „состоялъ въ томъ, что чѣмъ выше были военныя части и чины, тѣмъ они были хуже. Солдаты были, въ среднемъ, нисколько не хуже японскихъ, скорѣе—лучше. Низшіе офицеры нисколько не уступали японскимъ. Небольшой русскій отрядъ всегда билъ соотвѣтствующій японскій отрядъ: русская рота всегда гнала японскую роту. Батальонъ успѣшно дрался съ батальономъ. Полкъ еще не уступалъ полку. Но, начиная съ бригады, начинался переломъ: японцы начинали брать верхъ. Русская дивизія уже пугалась японской дивизіи, корпусъ нашъ—коле-

*) „Новое Время" отъ 17 Января 1910 г. Курсивы мои.

бался, армія наша—отступала. Въ чемъ-же тутъ причина? Одинъ изъ главнокомандующихъ (а я съ обоими велъ обстоятельныя бесѣды на эту тему) объяснилъ мнѣ эту загадку. Дѣло въ томъ, что мелкіе чины и мелкія военныя части у насъ *имѣютъ школу*, а крупныя, начиная съ бригады, не имѣютъ ея. Въ мирное время все военное обученіе у насъ сосредоточено преимущественно на нижнемъ чинѣ—оттого онъ всего и удовлетворительнѣе оказался на войнѣ. Достаточно времени тратится на ротныя и баталіонныя ученья,—вотъ почему роты и баталіоны у насъ были побѣдоносны. Полковыхъ ученій уже почти нѣтъ. Бригадныхъ, дивизіонныхъ, корпусныхъ—совсѣмъ нѣтъ; объ арміи и говорить нечего. Армія въ мирное время никогда не собирается и какъ цѣлое не существуетъ вовсе. Наши полководцы, вродѣ А. Н. Куропаткина, командовали ротой, много—полкомъ. Такъ называемые маневры далеко не даютъ генераламъ настоящей практики управленія частями. На маневрахъ, къ сожалѣнію, собирается слишкомъ высокопоставленная публика и однимъ изъ рѣшающихъ условій боя ставится то, чтобы въ часъ дня ихъ превосходительства могли позавтракать безъ помѣхъ, а въ семь пообѣдать. Куропаткина сгубило то, что ему не могли дать—какъ Кутузову—постоянной боевой практики, а сдѣлали чиновникомъ, а также то, что ему не могли дать и мирной практики, т. е. достаточнаго опыта управлять полевой арміей. Очень авторитетный во множествѣ второстепенныхъ отношеній, *знаменитый генералъ растерялся на новомъ для него дѣлѣ—полководческомъ*".

На войнѣ человѣкъ дѣлаетъ только то, что онъ привыкъ дѣлать въ мирное время.

Опредѣливши—что слѣдуетъ понимать подъ обученнымъ практически личнымъ составомъ, логично было-бы перейти къ вопросу—чему и какъ слѣдуетъ его учить (см. стр. 243). Но всѣ подробности этого относятся уже къ области морской тактики и здѣсь достаточно отмѣтить только нѣсколько общихъ основныхъ положеній.

Главное изъ нихъ заключается въ томъ, что *на войнѣ человѣкъ дѣлаетъ только то, что онъ привыкъ дѣлать въ мирное время.*

Это положеніе, формулированное маршаломъ Морицемъ Саксонскимъ, выведенное имъ изъ обширнаго боеваго опыта, постоянно подтверждаемое опытомъ каждой новой войны, предостерегаетъ противъ часто встрѣчающагося разсчета на то, что будто-бы, когда придетъ война, люди сдѣлаются какими-то другими, измѣнятъ свои навыки, сами пополнятъ то, что было упущено въ мирное время, что они забудутъ свои несогласія и вражду, что они пожертвуютъ всѣми своими личными чувствами, чтобы дружными усиліями сломить врага (см. стр. 474-481).

На самомъ дѣлѣ такой разсчетъ болѣе чѣмъ обманчивъ. Ужъ не говоря про то, что при использованіи матеріальной части на войнѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время, будутъ употребляться лишь пріемы, практиковавшіеся въ мирное время, но если не было въ мирное время дружной работы и согласованныхъ усилій, если не было дисциплины, основанной на взаимномъ довѣріи, если не проявлялась личная иниціатива, то тѣмъ болѣе не окажется этихъ качествъ въ военное время.

Все это значитъ должно быть создано въ мирное время посредствомъ образованія и воспитанія.

Какъ распредѣляется работа созданія моральнаго элемента между образованіемъ и воспитаніемъ.

Образованіе даетъ умѣнье создавать надлежащую матеріальную часть, держать ее въ исправности, искусство при использованіи ея въ бою, увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ и проистекающее отсюда хладнокровіе.

Воспитаніе создаетъ нравственныя качества личнаго состава: неустрашимость, безпрекословное повиновеніе волѣ начальника, находчивость и собственную иниціативу, когда человѣкъ предоставленъ самому себѣ, чувство долга, доведенное до самоотверженія, заключающее въ себѣ готовность пожертвовать собой для выручки другихъ, и способность выносить тягости и лишенія военнаго времени безропотно и безъ быстраго истощенія силъ.

Образованіе даетъ указанія для практическаго изученія военнаго дѣла, воспитаніе—создаетъ ту почву, которая необходима для того, чтобы одна часть личнаго

состава, болѣ сознательная, могла направлять къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей массу, не способную подняться до высокой степени сознательности.

Чему учить—это относится къ образованію, а *какъ* учить--неизмѣнно заключаетъ въ себѣ и элементъ воспитательный.

Въ задачу настоящаго изслѣдованія, какъ уже было указано выше (стр. 260), не могутъ входить какія либо подробности по этимъ вопросамъ и въ особенности—по первому изъ нихъ, какъ зависящему исключительно отъ современнаго состоянія оружія и пріемовъ обращенія съ нимъ. Поэтому, кромѣ уже приведеннаго общаго и *вѣрнаго для всякой эпохи* указанія, что при обученіи надо разсчитывать, что люди на войнѣ только и будутъ дѣлать то, чему ихъ учили въ мирное время, и скорѣе будутъ дѣлать это хуже, чѣмъ лучше, я приведу только, для лишняго подтвержденія того, о чемъ уже было говорено во второй главѣ (стр. 69—77), мнѣніе генерала Драгомирова*) о томъ--слѣдуетъ ли вводить въ обученіе и теорію военнаго дѣла, какъ вопросъ тоже стоящій *внѣ* какой-бы то ни было *обстановки*.

Драгомировъ о значеніи теоріи военнаго дѣла въ методѣ сообщенія военныхъ знаній.

На вопросъ—можно-ли пренебрегать изученіемъ теоріи военнаго дѣла, такъ какъ на войнѣ требуется лишь практическое его приложеніе, Драгомировъ отвѣчаетъ—отнюдь нѣтъ. Напротивъ,—значеніе теоріи въ обученіи личнаго состава огромно. Чѣмъ сложнѣе то или другое средство боя, чѣмъ труднѣе имъ владѣть, тѣмъ необходимѣе самое тщательное изученіе его свойствъ, *до* употребленія его въ бою. Иначе придется знакомиться съ этими свойствами изъ ряда горькихъ опытовъ, между тѣмъ, какъ это можно сдѣлать безъ малѣйшаго пожертвованія, теоретически, въ спокойномъ состояніи духа.

Зная эти свойства, придется на дѣлѣ разрѣшить только одну задачу—какимъ изъ нихъ воспользоваться въ данномъ случаѣ? Не зная-же свойствъ, вмѣсто одной задачи, придется разрѣшить двѣ, т. е. знакомиться сначала со свойствами изъ кроваваго опыта, и затѣмъ уже ими пользоваться.

---

*) Тактика. Изд. 1881 г.

И сколько разъ приходилось именно такъ дѣлать и на сушѣ и на морѣ впродолженіи нашей войны съ Японіей! Пригоденъ на войнѣ только тотъ человѣкъ, который умѣетъ прикладывать свои познанія къ дѣлу, но самыя познанія безъ помощи теоріи для него недостижимы.

Теорія требуетъ разложенія всякаго предмета изученія на составные элементы и послѣдовательнаго изслѣдованія каждаго изъ нихъ,—иначе его свойства (качества и недостатки) не могутъ представиться въ полной ясности, заслоняя другъ друга. Практика-же требуетъ умѣнья пользоваться предметами въ полной совокупности всѣхъ ихъ свойствъ, выдвигая впередъ качества, и именно тѣ, которые наибольше соотвѣтствуютъ обстановкѣ и прикрываютъ недостатки.

Сообразно съ этими требованіями распредѣляется и обученіе, но при этомъ каждый, какъ обучающій, такъ и обучающійся, долженъ ясно сознавать, что первый способъ служитъ, хотя и необходимою, но только ступенью къ тому, чтобы приступить къ второму—гораздо болѣе важному. Поэтому на первомъ слѣдуетъ остановиться лишь по стольку, по скольку это дѣйствительно необходимо; иначе легко имъ увлечься, начать считать результаты такого обученія не за средство, а за цѣль, и пренебречь или не поспѣть удѣлить достаточно времени для второго способа.

Этими общими и не зависящими отъ какой либо обстановки указаніями я и ограничусь въ вопросѣ объ образованіи.

На вопросѣ о воспитаніи остановлюсь нѣсколько подробнѣе, потому что именно воспитаніе, которое должно создать нравственныя качества, входящія въ составъ моральнаго элемента (см. стр. 261), участвуетъ въ созданіи той почвы, которая необходима для того, чтобы одна часть личнаго состава, болѣе сознательная, имѣла возможность направлять къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей, не обладающую такой-же степенью сознательности, массу.

Здѣсь я опять обращусь прежде всего къ Драгомирову, много поработавшему надъ этимъ вопросомъ,

исходя изъ того, что основы воспитанія человѣка не зависятъ ни отъ обстановки, ни отъ эпохи—вѣдь человѣкъ по существу не мѣняется.

Драгомировъ объ условіяхъ при которыхъ развивается чувство долга.

Нравственное воспитаніе, по мнѣнію Драгомирова, требуетъ того-же, что и физическое—упражненія того органа, который желаютъ развить. Если вы хотите, чтобы человѣкъ былъ возможно болѣе способенъ приводить себя въ извѣстное нравственное настроеніе, старайтесь обставить его такимъ образомъ, чтобы это настроеніе возникало въ его душѣ по возможности чаще. Наоборотъ: должно избѣгать возбужденія тѣхъ настроеній, которыя противны назначенію воина. *А что въ военномъ можетъ быть презрительнѣе страха, который парализуетъ и умъ и волю* (см. стр. 144—152)—восклицаетъ Драгомировъ. Слѣдовательно военный человѣкъ долженъ быть веденъ такъ, чтобы чувство страха возникало въ его душѣ по возможности рѣже, ибо кто пріученъ безсознательно бояться своего, тотъ уже тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ пріученъ бояться и непріятеля. Уже изъ этого видно, что *нравственное воспитаніе военнаго коренится въ характерѣ отношеній его къ старшимъ*—чѣмъ менѣе они даютъ мѣсто безотчетному страху, тѣмъ лучше. Въ особенности это важно относительно нижнихъ чиновъ. Такъ напр. гдѣ нижній чинъ увѣренъ, что, если онъ сдѣлаетъ свое дѣло, его пальцемъ никто не имѣетъ права тронуть,—чувство безсознательнаго страха развиться не можетъ; тамъ, гдѣ этой увѣренности нѣтъ,—такой страхъ развивается. Что-же можетъ дать ему эту увѣренность?

Ее можетъ дать только такое положеніе, при которомъ нижній чинъ знаетъ всегда напередъ, что онъ долженъ дѣлать и чего съ нимъ не должны дѣлать; такая система, при которой, въ мирное время, *произволъ какъ со стороны старшаго, такъ и со стороны младшаго одинаково являются преступленіемъ;* при которой *законъ становится выше личности каждаго изъ служащихъ.* Это—неизбѣжное условіе нравственнаго воспитанія и начальниковъ и подчиненныхъ: безъ него чувство долга выработаться не можетъ, ибо послѣднее возникаетъ только тамъ, гдѣ человѣкъ изъ

практики видитъ, что законъ, *обязывая* его, въ то-же время *обезпечиваетъ* его отъ неправыхъ посягательствъ. Гдѣ законъ не былъ поставленъ въ такое положеніе, начиналось съ того, что начальникъ переставалъ его исполнять въ случаяхъ его стѣсняющихъ, а кончалось тѣмъ, что и подчиненный дѣлалъ то-же.

Драгомировъ о выработкѣ правственной самостоятельности, исполнительности и находчивости.

Нравственная самостоятельность только тогда и можетъ создаться, когда начальникъ внушаетъ подчиненному не безотчетный страхъ, а *вѣру* въ то, что онъ никогда не отдастъ незаконнаго приказанія, и *уваженіе*, составляющее слѣдствіе этой вѣры.

Можно подумать, что строгая законность отношеній въ мирное время можетъ сдѣлать человѣка не совсѣмъ гибкимъ исполнителемъ воли начальника въ военное. Но это, по мнѣнію Драгомирова, совершенно невѣрно. Вынося изъ практики мирнаго времени убѣжденіе въ ненарушимости закона и вѣру въ то, что требованіе начальника не можетъ быть не дѣльно или внушено личнымъ капризомъ, онъ въ военное время не можетъ допустить мысли, чтобы требованія того-же начальника измѣнили свой характеръ. Должно помнить, что *исполнительность на войнѣ опредѣляется для большинства людей, не столько страхомъ взысканія, сколько убѣжденіемъ въ томъ, что приказывающій требуетъ дѣла.*

Такая система отношеній вырабатываетъ слѣдовательно и нравственную самостоятельность, и привычку безпрекословнаго исполненія служебныхъ требованій; она вырабатываетъ наконецъ то чувство внутренняго единства части (корабля, отряда, эскадры), которое называется ея *духомъ*, и при которомъ выручка своихъ во всѣхъ смыслахъ, какъ для подчиненныхъ, такъ и для начальниковъ,—становится святѣйшимъ закономъ.

Но вырабатываетъ-ли эта система находчивость? Непосредственно—нѣтъ. Но она способствуетъ развитію послѣдней уже тѣмъ, что пріучаетъ къ спокойствію духа, т. е. къ возможности яснѣе видѣть и судить въ опасныя минуты, а слѣдовательно и легче находиться.

Суворовъ, глубоко постигшій человѣческую природу и знавшій, какое парализующее вліяніе на чело-

вѣка производитъ всякая неожиданность, имѣлъ свою оригинальную манеру возбуждать находчивость неожиданными вопросами, на которые требовалъ хоть какого нибудь, но непремѣнно положительнаго отвѣта. Какъ-бы отвѣтъ не былъ неудовлетворителенъ, все-же онъ показывалъ въ человѣкѣ *способность рѣшаться;* и потому-то „не могу знать“, какъ представитель отсутствія этой способности, такъ было имъ ненавидимо. „Тотъ“, говорилъ Суворовъ, „кто растеряется отъ простого вопроса, растеряется еще болѣе отъ неожиданной атаки непріятеля“.

Но когда возможна подобная манера развитія находчивости? Опять тогда, когда спрошенный будетъ думать о томъ только, чтобы быстро и дѣльно отвѣтить, а не о томъ, чтобы прочесть отвѣтъ въ глазахъ спрашивающаго.

Наилучшая обстановка для развитія нравственныхъ качествъ личнаго состава—это плаванiе, и въ особенности—въ эскадрѣ.

Въ мирное время наилучшей ареной для созданія этихъ качествъ у личнаго состава флота является плаваніе, и въ особенности плаваніе въ эскадрѣ, съ высокой отвѣтственностью вахтенной службы для всѣхъ нижнихъ чиновъ и младшихъ офицеровъ, и еще болѣе отвѣтственной службой командировъ и адмираловъ по руководительству кораблями и эскадрами, въ особенности во время ихъ передвиженій.

Въ этомъ и состоитъ единственная дѣйствительная служба строевого личнаго состава въ мирное время; всѣ остальные отдѣлы занятій представляютъ не болѣе какъ подготовку къ этой службѣ.

Напр. нижній чинъ, стоя на часахъ, иногда охраняетъ предметы величайшей важности и облекается правомъ употребленія оружія. Это право ставитъ его въ положеніе, въ высшей степени трудное, ибо несвоевременное употребленіе оружія является въ мирное время одинаково преступнымъ, какъ и несвоевременное воздержаніе отъ такого употребленія, и рѣшать вопросъ—что дѣлать въ извѣстномъ случаѣ—часовой долженъ *самъ,* такъ какъ вблизи его руководителя можетъ и не быть. Съ честью выйти изъ такого противорѣчиваго положенія можетъ только человѣкъ съ вѣрно развитымъ, въ кругѣ доступныхъ ему понятій,

чувствомъ и умомъ. А также и обратно—только такія положенія могутъ утвердить человѣка въ способности оцѣнивать положеніе и рѣшать быстро—что дѣлать въ данномъ случаѣ. Также здѣсь нижній чинъ утверждается въ правильномъ отношеніи къ получаемымъ приказаніямъ, ибо относительно ихъ часовой поставленъ также въ противорѣчивое положеніе, будучи обязанъ исполнять приказанія только разводящаго и караульнаго начальника, и не имѣя права принимать приказанія даже отъ прямыхъ своихъ начальниковъ, коимъ внѣ часовъ, онъ обязанъ безусловно повиноваться.

Въ плаваніи, въ особенности во время хода, не только офицеры, но и цѣлый рядъ нижнихъ чиновъ несутъ очень большую отвѣтственность по безопасности, представляющаго изъ себя огромную стоимость, корабля и большого количества человѣческихъ жизней. Здѣсь требуется нешуточное пониманіе этой отвѣтственности и неуклонная бдительность; здѣсь люди пріучаются преодолѣвать утомленіе усиліемъ собственной воли.

Такимъ образомъ плаваніе вызываетъ дѣятельность всѣхъ духовныхъ и физическихъ качествъ личнаго состава и оно и представляетъ наилучшую подготовку къ бою. Корабль или эскадра, содержащіеся въ дѣйствительномъ, а не показномъ лишь или формальномъ порядкѣ въ мирное время, не могутъ и въ бою показать себя дурно.

Воспитательное значеніе характера обученія.

Однако не малое вліяніе на развитіе нравственныхъ качествъ личнаго состава имѣетъ и подготовка къ дѣйствительной службѣ, т. е. его обученіе, или вѣрнѣе характеръ этого обученія. Обученіе это заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ частностей, которыми легко могутъ увлекаться какъ обучающіе, а за ними иногда и обучающіеся, забывая при этомъ ту, часто очень ограниченную, роль, которую должна играть та или другая частность обученія въ общей боевой подготовкѣ.

Въ особенности сильно это проявляется иногда въ стрѣльбѣ, одной изъ важнѣйшихъ отраслей обученія нижнихъ чиновъ. Иногда на стрѣльбу обнаруживается взглядъ, не какъ на средство для боя, а какъ на ис-

кусство, само по себѣ составляющее цѣль. Отсюда часто вытекаетъ погоня за выбиваніемъ опредѣленнаго процента попаданія. И это еще не составляетъ бѣды, такъ какъ конечно извѣстный процентъ попаданія даетъ возможность оцѣнить искусство въ стрѣльбѣ корабля или эскадры. Но вотъ бѣда начинается тогда, когда не ставятъ стрѣльбу въ обстановку наиболѣе подходящую къ боевой, только изъ за того, что въ этомъ случаѣ затрудняется опредѣленіе процента попаданія. Напр. быстрая буксировка щита заставляетъ настолько уменьшить его размѣры, что о дѣйствительности стрѣльбы приходится судить по близости къ нему мѣстъ паденія снарядовъ, а не по непосредственному подсчету числа пробоинъ въ щитѣ. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что надо стрѣлять по тихо движущимся, или еще того хуже, по неподвижнымъ щитамъ, или стрѣлять съ небольшихъ разстояній?

Конечно нѣтъ, а между тѣмъ, и не только прежде, а даже и теперь, и въ самыхъ лучшихъ европейскихъ флотахъ, имѣются примѣры увлеченій въ эту сторону, какъ будто нужно учить стрѣльбѣ, для повѣрки, а не для того, чтобы поражать врага.

Упражненіе въ стрѣльбѣ, въ обстановкѣ наиболѣе приближающейся къ боевой, представляетъ изъ себя не только обязанность личнаго состава, но и его *право,* потому-что отъ большаго или меньшаго его искусства въ таковой стрѣльбѣ зависитъ сравнительная безопасность его въ бою.

Упражненіе въ стрѣльбѣ кораблей въ одиночку не должно заслонять упражненій въ эскадренной стрѣльбѣ, въ которой надо умѣть не мѣшать другимъ, а напротивъ надо умѣть имъ содѣйствовать, и въ которой нельзя свободно располагать своими движеніями; въ особенности это важно для эскадренныхъ броненосцевъ, главное назначеніе которыхъ—сражаться совмѣстно и для которыхъ одиночный бой всегда явится исключеніемъ. Нельзя ждать того, чтобы каждый корабль въ отдѣльности дошелъ до опредѣленной степени совершенства. Непріятель не ждетъ съ объявленіемъ войны того времени, когда это совершенство будетъ достигнуто;

въ бою не спросятъ, какой корабль, и тѣмъ болѣе, какой комендоръ *выбилъ* извѣстный процентъ,—а въ бой пойдетъ эскадра и результатъ будетъ зависѣть отъ ея умѣнья стрѣлять, связаннаго съ умѣньемъ совмѣстнаго маневрированія.

Это соображеніе еще разъ подчеркиваетъ правильность уже высказаннаго положенія (стр. 258), что дѣйствительная подготовка личнаго состава къ боевой дѣятельности возможна лишь при наличіи въ мирное время такихъ эскадръ и отрядовъ, составъ которыхъ соотвѣтствуетъ требованіямъ военнаго времени, и которые находятся въ плаваніи непрерывно—круглый годъ.

Но, какъ было упомянуто выше, увлеченіе обучающихъ передается и обучающимся. Въ прежнее время увлеченіе процентомъ осязаемыхъ пробоинъ на щитѣ доводило послѣднихъ до того, что передъ щитами на берегу накладывали кучу камней и старались попасть даже не въ щиты, а въ эту кучу, чтобы камни, разлетаясь, произвели-бы цѣлый рядъ пробоинъ въ щитѣ.

Уже изъ этихъ примѣровъ явствуетъ, какъ всякая лишняя прибавка въ обученіи противъ того, что требуется для войны опасна: въ конечномъ результатѣ она обращается въ самостоятельный предметъ занятій, неимѣющій ничего общаго съ боевымъ дѣломъ.

Замѣчаются увлеченія и въ обратную сторону. Напр. говорятъ иногда—зачѣмъ добиваться особой стройности въ эскадренныхъ эволюціяхъ—вѣдь эта стройность все равно и недостижима, да и существенно не нужна въ бою.

Все это правда, но при этомъ забываютъ, что не эта одна цѣль и преслѣдуется при упражненіяхъ въ совмѣстномъ маневрированіи. Здѣсь развивается въ эскадрѣ сплоченность, способность быстро подчиняться одной волѣ, способность въ необходимый моментъ дѣйствовать какъ одинъ,—и это все въ бою нужно.

Затѣмъ нѣкоторыя упражненія производятся далеко въ недостаточной мѣрѣ, напр. изъ за того, что они представляютъ извѣстную опасность или требуютъ

значительныхъ затратъ. Напр. въ тотъ періодъ, когда таранъ еще считался оружіемъ, почти совершенно не упражнялись въ его употребленіи, тогда какъ это искусство дается еще труднѣе, чѣмъ искусство стрѣльбы.

Далеко не всегда стоитъ на достаточной высотѣ стрѣльба минами, все таки производящаяся главнымъ образомъ по щитамъ и днемъ, хотя—главное назначеніе, напримѣръ миноносцевъ—дѣйствовать ночью, и стрѣльба минами, при рѣшимости произвести на это соотвѣтствующія матеріальныя затраты, можетъ производиться по кораблямъ.

Какъ противодѣйствовать увлеченію частностями обученія.

Средство противодѣйствовать увлеченію частностями обученія, въ ущербъ боевому его значенію, заключается, по мнѣнію генерала Драгомирова, въ исполненіи основнаго закона всякой человѣческой дѣятельности, по которому человѣкъ, приступая къ изученію какого нибудь предмета, начинаетъ съ разложенія его на составныя части, изучаетъ ихъ отдѣльно, и затѣмъ соединяетъ ихъ въ одно, *не останавливаясь слишкомъ долго на отдѣльномъ изученіи*. Учитесь-ли вы читать, писать, пахать, плотничать,—вы постоянно держитесь этого пути. Слѣдуетъ его держаться и въ образованіи личнаго состава.

Увлеченіе грамотностью.

Увлеченіе частностями обученія, напр. увлеченіе изученіемъ тонкостей современной сложной матеріальной части, которое облегчается съ развитіемъ грамотности, можетъ повести напр. къ увлеченію грамотностью. Противъ такого увлеченія также предостерегаетъ генералъ Драгомировъ.

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что грамотность важна и что къ развитію ея въ средѣ нижнихъ чиновъ должны быть прилагаемы настойчивыя мѣры, но въ число ихъ не должны входить служебныя награды. Должно помнить, что для того, чтобы быть унтеръ-офицеромъ, нужно прежде всего умѣть управляться съ людьми и знать свои обязанности; неграмотный, но удовлетворяющій этимъ условіямъ, долженъ становиться на служебной лѣстницѣ выше, не только грамотнаго, но даже пожалуй, и ученаго, который этихъ условій не

представляетъ. Это въ особенности должно имѣть въ виду въ странахъ, гдѣ грамотность мало еще распространена, т. е. гдѣ оба условія (способность управлять и грамотность) не всегда встрѣчаются въ одномъ лицѣ. Военная часть не есть школа грамотности; одно знаніе грамоты не можетъ быть въ ней служебнымъ отличіемъ; кто ставитъ вопросъ иначе, тотъ, самъ того не замѣчая, обращаетъ военную часть въ школу грамотности, отклоняетъ ее отъ прямаго ея назначенія. Вообще, сколько кажется, слѣдуетъ принять основнымъ правиломъ, что военное производство должно стремиться къ одному только—къ расширенію власти тѣхъ людей, которые, управляя меньшимъ числомъ себѣ подобныхъ, показали, что могутъ справиться и съ большимъ, но не быть наградой за частное совершенство въ какомъ либо отдѣлѣ образованія.

Конечно въ буквальномъ смыслѣ, это указаніе Драгомирова гораздо менѣе приложимо къ флоту, гдѣ цѣлый рядъ обязанностей, по управленію даже небольшими группами людей, требуетъ превосходнаго знакомства со столь сложной матеріальной частью, что это знакомство не можетъ быть получено, не только безъ хорошей грамотности, но даже и безъ значительныхъ познаній по цѣлому ряду предметовъ. Но мысль высказанная Драгомировымъ, понимаемая широко—возможное несовмѣщеніе въ одномъ лицѣ *способности управлять* и *способности* въ полной строгости *удовлетворить* всѣмъ *требованіямъ программы* обученія, и тѣ выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этой мысли—будутъ небезполезны и для флота, и эту мысль, широко понимаемую, я считаю въ числѣ тѣхъ, которыя ложатся въ основу созданія нравственнаго элемента личнаго состава, внѣ зависимости отъ обстановки, а потому и включилъ ее въ настоящее изслѣдованіе.

Пріученіе къ выносливости.

Очень важно укрѣпить силы людей и пріучить ихъ къ выносливости. Первое качество достигается хорошой пищей, хорошей гигіеной, обдуманнымъ распредѣленіемъ времени впродолженіи дня, въ которомъ достаточное его количество отводилось-бы физи-

ческой работѣ и гимнастикѣ (напр. греблѣ), въ соединеніи съ достаточнымъ временемъ для сна и отдыха.

Выносливость развивается вахтенной службой. Для машинистовъ и въ особенности для кочегаровъ очень важно быть выносливыми при полномъ ходѣ.

Необходимость всеобщаго обученія плаванію.

Затѣмъ необходимо, чтобы не было на кораблѣ людей боящихся воды—а это достижимо только при неослабномъ обученіи, всѣхъ безъ исключенія, плаванію. Съ сожалѣніемъ приходится констатировать фактъ, что эта отрасль обученія, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и будущихъ офицеровъ, въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, находится въ пренебреженіи.

Наконецъ, бодрость и хорошее расположеніе духа поддерживается разумными развлеченіями во время плаванія, и достаточнымъ пребываніемъ на берегу.

Характеръ отношеній начальниковъ къ подчиненнымъ.

Громадную роль въ этомъ случаѣ играетъ и характеръ отношеній начальниковъ къ своимъ подчиненнымъ.

Жюрьенъ-де-ла-Гравьеръ указываетъ, что Нельсонъ, кумиръ своихъ матросовъ, умѣлъ въ той-же степени заслужить и любовь своихъ офицеровъ. Нельсонъ изъ всѣхъ англійскихъ адмираловъ былъ лучше другихъ поддерживаемъ своими капитанами, но онъ обязанъ было этимъ, не какому либо счастливому стеченію обстоятельствъ, а собственно себѣ и тому ревностному повиновенію, какое внушаютъ, не неумолимо строгія постановленія, но добровольная преданность. Трудно точно формулировать, какими средствами достигалась эта *добровольная* преданность, которая и представляетъ изъ себя идеалъ отношеній подчиненныхъ къ начальнику, но нѣкоторыя указанія на эти средства мы найдемъ у того-же историка.

Послѣ побѣды Нельсонъ всегда великодушно слагалъ честь ея на своихъ подчиненныхъ. Никогда, писалъ онъ про одного изъ нихъ, ни одинъ офицеръ не подавалъ лучшаго совѣта въ болѣе благопріятную минуту. Геройское сердце этого человѣка чувствовало, что между нимъ и его офицерами преданность должна быть взаимна, и, дѣйствительно, во всѣхъ случаяхъ, онъ

защищаетъ ихъ интересы съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ они старались содѣйствовать его славѣ.

Нельсонъ никогда не осуждалъ офицера, которому не посчастливилось,—по его мнѣнію, дѣятельный капитанъ былъ всегда правъ. Потерявъ судно, онъ заслуживалъ, чтобы ему дали другое. Когда до него дошли слухи о томъ, что адмиралтейство хочетъ лишить награды одного изъ его командировъ за то, что корабль его сталъ на мель, онъ сейчасъ-же обратился въ адмиралтейство съ такимъ письмомъ:

„Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые боятся земли. Тѣ, которые опасаются приблизиться къ берегу, рѣдко совершаютъ какой-нибудь великій подвигъ. Въ потерѣ судна утѣшиться легко, но потеря услугъ храбраго офицера была-бы, по моему мнѣнію, потеря національная. И позвольте вамъ замѣтить, милорды, что если-бы меня самого судили всякій разъ, когда я ставилъ въ опасное положеніе мой корабль, или мою эскадру, то вмѣсто того, чтобы засѣдать въ палатѣ пэровъ, я давно-бы уже долженъ былъ быть исключенъ изъ службы“.

Вмѣстѣ съ этимъ рвеніемъ въ защитѣ интересовъ своихъ подчиненныхъ, Нельсонъ соединялъ простоту обращенія, которая всегда такъ привлекательна въ людяхъ высокаго достоинства. Онъ не боялся унизить свое званіе, показывая себя сообщительнымъ съ окружающими, и охотно признавалъ превосходство ихъ во многихъ изъ тысячи мелочныхъ подробностей, которыми изобилуетъ морское дѣло. Такимъ образомъ, онъ отдавалъ справедливость спеціальнымъ познаніямъ каждаго, и умѣлъ вызвать совѣты, которые часто неожиданнымъ свѣтомъ озаряли его соображенія.

Впрочемъ, онъ думалъ, что это участіе каждаго въ окончательномъ планѣ дѣйствій должно только облегчить его выполненіе. Увѣренный, что не должно быть ничего безусловнаго въ предначертанномъ заранѣе планѣ, онъ требовалъ не столько точнаго исполненія своихъ приказаній, сколько искренняго и усерднаго содѣйствія.

Но этого было ему мало: ему надо было, чтобы не онъ одинъ былъ предметомъ этого чувства, а чтобы между всѣми людьми, назначенными сражаться подъ однимъ флагомъ, царствовали взаимная любовь и взаимное довѣріе; этого онъ и добивался, сознавая, какъ хорошій психологъ, всю важность такого положенія.

Въ какихъ-бы онъ ни находился критическихъ обстоятельствахъ, даже наканунѣ сраженія, среди важнѣйшихъ занятій, онъ находилъ время входить во всѣ мелочи личныхъ отношеній своихъ подчиненныхъ. Вмѣсто того, чтобы держать себя далеко отъ всѣхъ, подъ предлогомъ какого-то ошибочнаго понятія о своемъ достоинствѣ, Нельсонъ, напротивъ, всѣми силами вмѣшивался въ частную жизнь своихъ подчиненныхъ; такимъ образомъ, онъ скоро самъ сдѣлался центромъ этой жизни, и, привлекая къ себѣ всѣ эти, готовыя подняться одна на другую, воли, онъ соединялъ ихъ въ одну мысль, заставлялъ ихъ стремиться къ одной общей цѣли—къ уничтоженію французскихъ эскадръ. Онъ вникалъ въ малѣйшія распри, доходилъ до самой мелочной заботливости въ примиреніи сторонъ, и всегда вѣрною рукою удерживалъ готовыя возникнуть несогласія.

Обращая громадное вниманіе на дисциплину и обученіе командъ, онъ понималъ, на сколько болѣе цѣнными являются эти качества, если они достигнуты безъ обычныхъ, въ то время, грубыхъ насилій и жестокихъ наказаній.

И въ то время, когда почти каждый англійскій матросъ носилъ на плечахъ слѣды кошки, Нельсонъ питалъ отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. „Могу похвалиться“—говорилъ онъ—„что я исполнилъ мой долгъ такъ-же хорошо, какъ и самый строгій изъ этихъ господъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ я не потерялъ любви своихъ подчиненныхъ“. Онъ умѣлъ дѣйствовать на массы энергіей безъ суровости, убѣжденіемъ безъ слабости, и дѣйствовалъ болѣе посредствомъ окружавшаго его обаянія, нежели посредствомъ находившейся въ рукахъ его власти, въ полной увѣренности, что никогда его власть не потерпитъ отъ близости его

сношеній съ подчиненными. Какъ не повторить вмѣстѣ съ Жюрьенъ-де-ла-Гравьеромъ его слова: „Счастливы тѣ энергичные люди, которыхъ снисходительность нельзя назвать слабостью, и которые могутъ безнаказанно оставаться человѣколюбивыми и добродушными“.

Этими положеніями (стр. 261—274) обрисовываются въ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя дѣлаютъ массу гибкой и способной воспринимать указанія начальниковъ, хотя-бы въ полной мѣрѣ она и не была способна совершенно сознательно отнестись къ тому дѣлу, которое отъ нея требуютъ и къ тѣмъ способамъ, которые ей указываютъ для достиженія поставленныхъ цѣлей. Здѣсь очень много зиждется на довѣріи, на способности воспринимать внушеніе другихъ, а для этого должна быть создана соотвѣтствующая почва, и создается она вышеуказанными условіями. Какъ управлять массой.

Подготовленная такимъ образомъ масса представляетъ изъ себя организованную толпу, и чтобы изучить искусство управлять ею—а для этого вѣдь ее и подготовляли—нельзя пренебрегать указаніями людей занимавшихся изученіемъ психологіи толпы.

Всѣ они *) сходятся на томъ, что логикой и разсужденіями толпой управлять нельзя. Это годится для отысканія истины, для убѣжденія отдѣльныхъ относящихся вполнѣ сознательно къ дѣлу людей, это годится для книги, которая имѣетъ дѣло съ отдѣльными людьми, и которые путемъ логики и разсужденій, путемъ научныхъ методовъ и различныхъ пріемовъ, о которыхъ шла рѣчь въ первой части этой главы, можетъ *убѣдить* въ истинности того или другого положенія людей искренно ищущихъ истину и готовыхъ ее принять съ любой стороны, откуда-бы она ни пришла, внѣ зависимости отъ личныхъ качествъ доказывающаго ея истинность, лишь-бы только онъ *умѣлъ ее доказать*— въ этомъ главное. Логикой и разсужденіями массой управлять нельзя.

Но для толпы этотъ способъ совершенно непригоденъ.

*) Лебонъ, Компсано, Зыковъ.

Нужно-ли вселить въ нее какую либо идею, или нужно ее заставить совершить какой нибудь поступокъ—способы для этого совершенно другіе, не имѣющіе ничего общаго съ научнымъ методомъ. Но все таки это—*методы* сообщенія результатовъ научныхъ методовъ для непосредственнаго ихъ приложенія къ дѣлу, а потому нельзя о нихъ не говорить въ настоящей главѣ.

Чтобы заставить идею проникнуть въ душу толпы, лучшія средства—утвержденіе, повтореніе, зараза.

По мнѣнію Лебона*), когда дѣло идетъ о томъ, чтобы заставить душу толпы проникнуться какими нибудь идеями или вѣрованіями, то наилучшіе способы для того, чтобы этого достигнуть—это *утвержденіе, повтореніе, зараза.* На мгновеніе толпу еще легче можно увлечь какимъ либо быстрымъ внушеніемъ—и самое лучшее—личнымъ примѣромъ, но дѣйствіе такого внушенія быстро проходитъ, тогда какъ дѣйствіе вышеуказанныхъ способовъ, хотя и медленно, но результаты достигаемые ими, очень стойки.

„Простое *утвержденіе,* не подкрѣпляемое никакими разсужденіями и никакими доказательствами, служитъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для того, чтобы заставить какую нибудь идею проникнуть въ душу толпы. Чѣмъ болѣе кратко утвержденіе, чѣмъ болѣе оно лишено какой-бы то ни было доказательности, тѣмъ болѣе оно оказываетъ вліяніе на толпу. Священныя книги и кодексы всѣхъ вѣковъ всегда дѣйствовали посредствомъ простого утвержденія; государственные люди, призванные защищать какое нибудь политическое дѣло, промышленники, старающіеся распространить свои продукты посредствомъ объявленій, хорошо знаютъ, какую силу имѣетъ утвержденіе **)“.

„Утвержденіе тогда лишь оказываетъ дѣйствіе, когда оно повторяется часто и, если возможно, въ

---

*) Психологія народовъ и массъ. Стр. 253—258.

**) При этомъ надо отмѣтить, что все это вѣрно именно когда надо внушить идею толпѣ. Когда-же дѣло идетъ объ убѣжденіи болѣе сознательныхъ слоевъ, на первый планъ выступаютъ логика и разсужденія. Истинность религіозныхъ понятій *доказывается* въ курсахъ богословія, государственные люди *доказываютъ* передъ парламентами истинность своихъ политическихъ воззрѣній, промышленники *доказываютъ* превосходство своихъ фабрикатовъ оптовымъ торговцамъ или тѣмъ, которыхъ они хотятъ привлечь къ участію въ своемъ предпріятіи. *Н. К.*

одних и тѣхъ же выраженіяхъ. Кажется Наполеонъ сказалъ, что существуетъ только одна, заслуживающая вниманія, фигура риторики—это повтореніе. Посредствомъ повторенія идея водворяется въ умахъ до такой степени прочно, что въ концѣ концовъ она уже принимается какъ доказанная истина".

Двигатели поступковъ людей вырабатываются въ области безсознательнаго.

„Вліяніе утвержденія на толпу становится понятнымъ, когда мы видимъ, какое могущественное дѣйствіе оно оказываетъ на самые просвѣщенные умы. Это дѣйствіе объясняется тѣмъ, что *часто повторяемая идея, въ концѣ концовъ, врѣзывается въ самыя глубокія области безсознательнаго, гдѣ именно и вырабатываются двигатели нашихъ поступковъ* *)".

„Отсюда-то и происходитъ изумительное вліяніе всякихъ публикацій... Читая постоянно въ одной и той-же газетѣ, что *A*—совершенный негодяй, а *B*—честнѣйшій человѣкъ, мы становимся сами въ концѣ концовъ убѣжденными въ этомъ, конечно, если только не читаемъ при этомъ еще какую нибудь другую газету, высказывающую совершенно противуположное мнѣніе. Только утвержденіе и повтореніе въ состояніи состязаться другъ съ другомъ, такъ какъ обладаютъ въ этомъ случаѣ одинаковой силой".

Для возникновенія заразы повтореніе должно быть частымъ и единогласнымъ.

„Послѣ того какъ какое нибудь утвержденіе повторялось уже достаточное число разъ, и повтореніе было единогласнымъ..., образуется то, что называется теченіемъ и на сцену выступаетъ могущественный факторъ—зараза. Въ толпѣ идеи, чувства, эмоціи, вѣрованія—все получаетъ такую-же могущественную силу заразы, какой обладаютъ нѣкоторые микробы... Человѣкъ, также какъ и животное, склоненъ къ подражанію; оно составляетъ для него потребность, при условіи конечно, если не обставлено затрудненіями. Кто-же посмѣетъ не подчиниться ея власти—все равно, касается-ли это мнѣній, идей, литературныхъ произведеній или просто на просто—одежды? Управляютъ толпою не при помощи аргументовъ, а лишь при помощи образцовъ. Во всякую эпоху существуетъ небольшое число индивидовъ, внушающихъ толпѣ свои

Толпой управляютъ не при помощи аргументовъ, а при помощи образцовъ.

*) Курсивъ мой. *Н. К.*

дѣйствія, и безсознательная масса подражаетъ имъ. Но эти индивиды *не должны* все таки *слишкомъ удаляться отъ преобладающихъ въ толпѣ идей—иначе подражать будетъ трудно, и тогда все вліяніе ихъ сведется къ нулю*).* По этой-то причинѣ люди, стоящіе много выше своей эпохи, не имѣютъ вообще на нее никакого вліянія. Они слишкомъ отдалены отъ нея. Потому-то и европейцы, со всѣми преимуществами своей цивилизаціи, имѣютъ столь незначительное вліяніе на народы Востока—они слишкомъ отличаются отъ этихъ народовъ".

Передъ могуществомъ заразы отступаетъ личный интересъ.

„Зараза на столько могущественна, что она можетъ внушать индивидамъ не только извѣстныя мнѣнія, но и чувства... Можно напр. ясно прослѣдить, какъ зараза, дѣйствующая вначалѣ только въ народныхъ слояхъ, постепенно переходитъ въ высшіе слои общества; мы можемъ убѣдиться въ этомъ на нашихъ современныхъ соціалистическихъ доктринахъ, которыми въ настоящее время начинаютъ увлекаться уже тѣ, кто осужденъ сдѣлаться первыми жертвами ихъ торжества. Дѣйствіе заразы на столько сильно и могущественно, что передъ нимъ отступаетъ всякій личный интересъ".

Приложимость указаній психологіи толпы къ управленію военными организмами.

Эти мысли Лебона конечно не могутъ всегда и во всѣхъ случаяхъ непосредственно прилагаться въ военномъ дѣлѣ для того, чтобы заставить массу проникнуться извѣстной идеей, но сущность его мыслей даетъ цѣнныя указанія и для управленія военными организмами. Надо помнить, что двигатели извѣстныхъ поступковъ людей скрыты гдѣ-то въ глубинѣ ихъ, въ области безсознательнаго, и что въ эту область нельзя проникнуть никакой логикой, никакими разсужденіями, что въ нее нужно толкаться механически—утвержденіемъ и повтореніемъ, создающимъ нѣчто вродѣ внушенія, дѣйствующаго не на разумъ, а на чувства. Чтобы создалось кромѣ того теченіе—зараза, которая охватила-бы всю массу, нужно чтобы эти утвержденія и повторенія были единогласны—разноголосица нарушаетъ эту механическую работу проникновенія въ

*) Курсивъ мой. *Н. К.*

область безсознательнаго. Отсюда вытекаетъ еще одна причина крайней необходимости единства военной мысли, (см. стр. 9, 42 и 43) и если она достигнута въ высшихъ слояхъ, то въ низшіе она и перейдетъ въ видѣ единогласныхъ подтвержденій и повтореній. Притомъ эти подтвержденія и повторенія должны быть родственны массѣ, они не должны уходить слишкомъ далеко отъ привычныхъ ей понятій—иначе зараза, распространяющаяся путемъ подражанія, не будетъ имѣть мѣста, а также трудно будетъ проникнуть и въ область безсознательнаго отдѣльныхъ индивидовъ.

И чѣмъ проще будутъ обращенія къ массѣ, чѣмъ прямѣе они будутъ идти къ этой области безсознательнаго въ человѣкѣ, которая руководитъ его чувствами и вызываетъ поступки, тѣмъ легче эти поступки будутъ вызваны.

Въ непосредственномъ управленіи военнымъ организмомъ огромную роль играетъ личность управляющаго.

Вотъ здѣсь, въ противуположность тому, что можетъ имѣть мѣсто въ военной наукѣ (стр. 199 и 200), огромную, преобладающую роль играетъ личность обращающагося къ массѣ или ей приказывающаго. Здѣсь наилучшій способъ внушенія—это примѣръ, и на примѣрѣ надо показать и выносливость и хладнокровіе и умѣнье и презреніе къ смерти. И если примѣра не будетъ, то трудно вызвать и соотвѣтствующія дѣйствія со стороны массы.

Характеръ обращенія къ массѣ.

Самый-же характеръ обращенія къ массѣ для вызова извѣстныхъ дѣйствій долженъ быть еще проще и еще больше дѣйствовать на чувства, а не на умъ, чѣмъ при внушеніи толпѣ извѣстныхъ идей, такъ какъ здѣсь особенно важно добиться быстраго результата.

Причина малоуспѣшности логики при обращеніи къ массѣ, говоритъ Зыковъ*), кроется въ томъ, что поступокъ вызывается только положительнымъ (см. стр. 139—142) чувственнымъ тономъ, сопровождающимъ главенствующую идею. Логикой можно привести къ главенству извѣстную идею, т. е.—убѣдить, но логика безсильна придать ей желаемый тонъ, т. е. заставить ощущать ее—какъ пріятную. За то чувственный тонъ

*) Какъ и чѣмъ управляются люди. Стр. 68—99.

легче всего сообщается толпѣ напр. мимикой, жестами и интонаціей. А создавши чувственный тонъ, уже не трудно создать главенство извѣстной идеи—и поступокъ совершится просто стихійно. Перенесеніе центра тяжести съ логики на чувство находитъ постоянное примѣненіе когда нужно быстро подѣйствовать на собраніе людей. Напр. Шопенгауеръ въ своей Эристикѣ (искусствѣ спорить) совѣтуетъ употреблять выраженія, выставляющія противника въ смѣшномъ видѣ, ибо „люди всегда готовы смѣяться, а смѣющійся оказывается на нашей сторонѣ". Цѣль логики—правда: цѣль мимики, жестовъ и краснорѣчія—удовольствіе, и такъ какъ толпа инстинктивна, то она болѣе живетъ чувствами, чѣмъ отвлеченными идеями, стремясь къ удовольствіямъ, а не къ истинѣ. Поэтому управлять толпою при помощи логики—невозможно. Всѣ рѣчи къ толпѣ и въ особенности военныя должны затрагивать чувства.

Чтобы внушить массѣ поступокъ надо откинуть логику и обратиться къ ея чувствамъ.

„Войска любятъ видѣть" говоритъ Компсано*) „въ трудныя минуты въ своемъ начальникѣ сосредоточеніе того безстрашія, тѣхъ воли и рѣшимости, которыхъ они не находятъ въ самихъ себѣ. Вотъ почему они расположены къ абсолютному повиновенію приказаніямъ своего начальника, лишь-бы онъ обладалъ авторитетомъ. Начальникъ долженъ при помощи простыхъ средствъ заставить совершать подвиги. Быстрота внушенія, слова, образность рѣчи—вотъ оружіе начальника. Чтобы убѣдить и заставить проникнуться какимъ либо мнѣніемъ или вѣрою, начальникъ не нуждается ни въ спорахъ, ни въ доказательствахъ; онъ долженъ лишь утверждать, повторять и повторять. Часто повторяемое въ концѣ концовъ проникаетъ въ разумъ войскъ, такъ же какъ и въ разумъ всякаго множества, какъ непреложная истина".

Особенности военнаго краснорѣчія.

„Итакъ, военное краснорѣчіе отличается отъ краснорѣчія гражданскаго; вотъ почему знаменитѣйшія рѣчи военной исторіи необъяснимо просты для насъ. И не взирая на эту простоту, могущество этихъ рѣчей

*) Опытъ военной психологіи. Стр. 99—100.

было удивительно. Причина этого заключается въ томъ, что военачальникъ говоритъ живыми образами вмѣсто пышныхъ фразъ, что его слово идетъ отъ сердца а не отъ разума, и идетъ къ сердцу, а не къ разсудку. Сердце не любитъ ученыхъ фразъ, что и доказывается повседневной жизнью".

„Рѣчи трибунныхъ ораторовъ—академичны, искусственны, подготовлены; военныя рѣчи составляются изъ менѣе правильныхъ, но болѣе удачныхъ фразъ; фразы эти могутъ быть угловаты, но должны быть оригинальны, новы, производить впечатлѣніе и, въ особенности, исходить изъ глубокаго убѣжденія, мощнаго и заразительнаго".

„Въ то время какъ трибунные ораторы не рискуютъ ни своей личностью, ни тѣмъ, что есть самого дорогого для человѣка—*жизнью*, военные дѣлаютъ то-же, чего требуютъ отъ другихъ"...

И вотъ это-то и есть главное для массы.

ГЛАВА V.

Задачи изученія и преподаванія исторіи военнаго искусства.

„Что ты наслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, пріобрѣти то вновь, чтобы сдѣлаться полнымъ его обладателемъ". *„Фаустъ". Гете.*

„Истинныя слова не бываютъ пріятны. Пріятныя слова не бываютъ истинны". *Лао-Тсе.*

Задача исторіи военнаго искусства обыкновенно формулируется не полно.

Всякая военная сила ощущаетъ настоятельную необходимость въ *общности истинной военной мысли* въ области ея примѣненія *).

Выработка и распространеніе правильныхъ *общихъ идей о веденіи войны*—задача военныхъ наукъ, дающихъ военное образованіе.

Дѣло каждой отдѣльной военной науки—способствовать этой задачѣ. Исторія военнаго искусства способствуетъ этой задачѣ тѣмъ **), что такъ подбираетъ и освѣщаетъ факты изъ военной исторіи, чтобы получилось возможно ясное представленіе о существованіи извѣстныхъ *общихъ* идей, которыя руководили подготовкой и веденіемъ войны во всѣ эпохи существованія человѣчества, т. е. она даетъ представленіе о независимости извѣстныхъ военныхъ идей отъ обстановки. Безъ этой независимости, въ виду безконечнаго разнообразія обстановки, не можетъ и существовать исходныхъ началъ для общности военной мысли.

Этими исходными началами, какъ мы видѣли ***), являются принципы военнаго дѣла, и исторія военнаго искусства имѣетъ задачей выводъ этихъ принциповъ путемъ индукціи и аналогіи, чтобы повѣрить и дополнить выводъ тѣхъ-же принциповъ, сдѣланный путемъ дедукціи, и тѣмъ вопервыхъ—окончательно

---

*) См. предисловіе, стр. 7—9.

**) См. предисловіе, стр. 12, и гл. I стр. 38—39.

***) См. главу III стр. 85—86 и гл. IV стр. 226—227 и 229—230.

установить ихъ неоспоримость, а во вторыхъ—умѣрить ихъ отвлеченность и влить въ нихъ осязательный смыслъ и содержаніе. Именно *трудъ* ихъ извлеченія изъ изслѣдованія историческихъ фактовъ, трудъ анализа самыхъ различныхъ способовъ ихъ примѣненія, въ зависимости отъ обстановки, представляетъ наилучшее средство, чтобы они преобразились въ *способъ военнаго мышленія*.

Эта задача исторіи военнаго искусства безспорно чрезвычайно важна, но она не заключаетъ въ себѣ всеобъемлющаго доказательства, что для изученія и преподаванія военнаго дѣла обойтись безъ исторіи военнаго искусства безусловно нельзя.

Могутъ возразить, что принципы военнаго дѣла столь ясны сами по себѣ—и это правда, и на это я указывалъ въ своемъ мѣстѣ*),—что *настоятельной* надобности доказывать такія простыя вещи нѣтъ, а тѣмъ болѣе нѣтъ надобности посвящать этому особый курсъ. Могутъ указать, что—кто-же собственно будетъ спорить противъ того, что всегда выгодно сосредотачивать свои силы, поддерживать другъ друга, подставлять свою сильную сторону и уклонять слабую, что всегда выгодно появиться передъ противникомъ внезапно, а самому обречься отъ внезапнаго появленія противника и т. п..? Что-же касается до неизмѣнности принциповъ, до ихъ независимости отъ обстановки, то могутъ сказать, что и это собственно ясно—и это то-же правда—изъ самаго ихъ содержанія.

Необходимость усвоенія принциповъ *трудомъ* тоже можетъ оспариваться все на основаніи той-же ихъ простоты и ясности.

Я конечно не хочу этимъ сказать, что всѣ эти возраженія правильно обоснованы—совсѣмъ нѣтъ. Но возможность возражать противъ *настоятельной* необходимости изученія и преподаванія исторіи военнаго искусства, на основаніи тѣхъ задачъ, которыми до сихъ поръ опредѣлялась эта необходимость—все таки есть.

*) См. стр. 172 и 228.

Задачу исторіи военнаго искусства надо формулировать такъ, чтобы необходимость ея изученія являлась безспорной.

А потому, не пренебрегая и такими возраженіями, надо разобраться—достаточно-ли полно формулированы эти задачи? Нельзя-ли опредѣлить эти задачи такъ, чтобы необходимость изученія и преподаванія исторіи военнаго искусства являлась безспорной? Неполнота формулировки напр. прямо бросается въ глаза—если поставить себѣ вопросъ—*необходимо-ли* включить въ исторію военнаго искусства факты изъ русской военной исторіи?

Существующая формулировка исторіи военнаго искусства не опредѣляетъ безспорной необходимости включенія въ нее событій русской военной исторіи.

И оказывается эту необходимость, на основаніи—пока выставленныхъ задачъ—доказать нельзя. И дѣйствительно, какъ самые принципы, такъ и ихъ вѣчность могутъ быть выведены и безъ фактовъ изъ русской военной исторіи, а также безъ нихъ будетъ имѣть мѣсто достаточный трудъ для преобразованія принциповъ въ способъ мышленія.

А тогда для обоснованія изученія фактовъ изъ русской военной исторіи останутся собственно только слова—какъ-же молъ русскому военному человѣку не основывать своихъ заключеній на фактахъ изъ русской военной исторіи?

Но такой доводъ страдаетъ значительной неопредѣленностью. Напр. такой неопредѣленности совершенно нѣтъ, когда возникаетъ вопросъ—для какой именно цѣли и необходимо-ли изучать напр. математику, технику военнаго дѣла, тактику, стратегію, русскій и иностранные языки.

Задачи изученія математики, техники, тактики, стратегіи, языковъ—вполнѣ опредѣленны.

Тамъ все совершенно ясно и опредѣленно.

Математику *необходимо* изучать для возможности изученія напр. техники морского дѣла.

Технику морского дѣла, напр. морскую практику, кораблевожденіе, машины, артиллерію, мины—*необходимо* изучать, чтобы знать то, съ чѣмъ приходится обращаться въ морѣ и въ морскомъ бою.

Тактику и стратегію—*необходимо* изучать, чтобы знать—какъ готовиться къ войнѣ и какъ вести войну и бой.

Русскій языкъ *необходимо* изучать, чтобы быть грамотнымъ, а иностранные—чтобы имѣть возможность изучать свою спеціальность по болѣе богатой ино-

странной литературѣ, и напр., для морского офицера—чтобы не быть глухимъ и нѣмымъ въ заграничномъ плаваніи.

А вотъ когда рѣчь заходитъ, въ частности, о военной исторіи, и даже объ исторіи вообще, эта ясность въ опредѣленіи задачъ и мѣста этихъ наукъ въ образованіи переходитъ въ нѣкоторую расплывчатость.

Какъ формулируется задача преподаванія исторіи въ средней школѣ.

„Право исторіи на существованіе въ школѣ", говорится въ одномъ изъ трудовъ по этому вопросу*) „опредѣляется, между прочимъ, тѣмъ общимъ основаніемъ, въ силу котораго каждая изъ наукъ является и учебнымъ предметомъ. Каждой наукѣ необходимы работники... Высшій фазисъ въ развитіи исторіи, какъ науки, наступилъ, когда она подошла близко къ тому понятію, которое мы имѣемъ о наукѣ, такъ какъ цѣлью ея стало исканіе истины, безъ отношенія къ занимательности предмета и степени *приложимости* его къ жизни".

Объ этой-же степени приложимости говорится такъ: „Основное право на существованіе въ среднихъ школахъ исторіи, какъ учебнаго предмета, сообщается ей тѣмъ, что**) *она является однимъ изъ наиболѣе могучихъ факторовъ въ образовательно-воспитательномъ процессѣ.* Каждый человѣкъ переживаетъ въ своей собственной жизни тѣ фазы развитія, которыя пережило культурное человѣчество до послѣдняго момента".

По мнѣнію цитируемаго автора, исторія развиваетъ *умъ*, а также и другой могучій факторъ въ дѣлѣ человѣческаго развитія—*воображеніе или фантазію* и даетъ послѣдней нормальное направленіе. Она затрагиваетъ и *чувство* и оказываетъ вліяніе и на *волю* и, по выраженію нѣмецкаго педагога Іоанна Мюллера, это изученіе „должно породить въ юношествѣ ненависть къ гнету всякаго рода, любовь къ свободѣ, труду и порядку, воодушевленное отношеніе ко всему великому, однимъ словомъ—гуманность".

Что-же касается до необходимости изучать русскому именно русскую исторію, цитируемый авторъ

---

*) К. А. Ивановъ. Очерки по методикѣ исторіи. Курсивъ—мой.
**) Курсивы автора.

говоритъ, что „каждый изъ воспитуемыхъ будетъ современемъ гражданиномъ родной страны. Но онъ можетъ быть истиннымъ гражданиномъ, т. е. сознательно относиться къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ только въ томъ случаѣ, если знаетъ минувшія судьбы своей родины... а для того, кто желаетъ *основательно* изучить свою родную исторію, необходимо знакомство со всеобщей исторіей“.

Послѣдствія неполноты формулировки задачъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

Эта расплывчатость цѣли еще увеличивается, когда дѣло идетъ о цѣли изученія напр. военно-морской исторіи вообще и русской военно-морской исторіи въ частности.

Здѣсь ужъ сплошь и рядомъ можно услышать въ отвѣтъ „да какъ-же военному моряку не знать военно-морской исторіи, а русскому военному моряку—исторіи русскаго флота“?

Но вѣдь это совсѣмъ и не отвѣтъ. Отвѣтъ на вопросъ о цѣли изученія и преподаванія военной исторіи въ видѣ исторіи военнаго искусства является болѣе опредѣленнымъ, и онъ формулированъ въ началѣ этой главы, но, какъ было указано, помимо возможности его оспаривать, онъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ—въ чемъ задача изученія для русскаго военнаго моряка русской военно-морской исторіи? Напр., какъ уже указывалось выше *), въ курсѣ „Исторіи военно-морского искусства“, составленномъ спеціально для русскаго морского корпуса, совершенно не затронуты событія относящіеся къ русскому флоту. Вѣроятно это произошло оттого **), что не существуетъ ясной и точной формулировки—почему факты изъ русской морской исторіи *должны* входить въ курсъ исторіи военно-морского искусства, какъ не формулированы совершенно точно и достаточно полно и тѣ задачи, которыя преслѣдуетъ такой курсъ вообще. Неполнота такой формулировки ведетъ къ тому, что каждый авторъ пытается такъ или иначе ее пополнить.

---

*) См. предисловіе стр. 14.

**) Выставляемая нѣкоторыми причина этому, что факты изъ русской морской исторіи еще не достатотно освѣщены, не можетъ быть признана основательной. См. предисловіе. Стр. 16—19.

Напр. авторъ вышеуказаннаго курса посвящаетъ особую главу *) опредѣленію „цѣли изученія военно-морской исторіи“. Въ ней онъ отмѣчаетъ, что главная польза этого изученія заключается въ томъ, что изъ разбора образцовъ искусства мастеровъ военно-морского дѣла является убѣжденіе, что искусство веденія войны и боя имѣетъ незыблемыя основы—принципы—которые совершенно не зависятъ отъ обстановки и потому—эти основы являются таковыми-же и теперь, а истинное пониманіе принциповъ и изученіе разнообразныхъ способовъ ихъ примѣненія величайшими мастерами даетъ возможность принять правильное рѣшеніе въ зависимости отъ сложившихся условій, и такимъ образомъ развивается методъ военнаго мышленія путемъ ознакомленія со стратегическими и тактическими образцами въ критическомъ ихъ разборѣ.

Это все конечно совершенно вѣрно, но, какъ было уже указано, принципы могутъ быть выведены и другимъ путемъ—не историческимъ (см. главу III-ю), а созданіе метода военнаго мышленія не заключаетъ въ себѣ необходимости изученія событій русской военно-морской исторіи—или наоборотъ—иностранной.

Но какъ только авторъ пытается дополнить эту задачу другими соображеніями, онъ попадаетъ въ область еще болѣе спорную.

Такъ напр. онъ указываетъ, что изученіе военно-морской исторіи „даетъ возможность правильно оріентироваться при дальнѣйшемъ развитіи современнаго морского дѣла“, причемъ онъ приводитъ соображенія, по которымъ это изученіе даетъ напр. возможность разобраться въ правильности развитія типа эскадреннаго броненосца, въ правильности эволюціи тактики миноносцевъ, въ примѣненіи тепловаго двигателя, въ появленіи госпитальныхъ кораблей и т. п. Вотъ тутъ ужъ возраженія напрашиваются сами собой, конечно только въ смыслѣ доказательности этихъ соображеній въ защиту *необходимости* именно и для этой цѣли изученія прошлаго.

---

*) А. Н. Щегловъ. „Исторія военно-морского искусства“ 1908 г. стр. 5—12.

Вѣдь, если теперь вводятъ госпитальныя суда и вообще обозъ, то вѣдь безспорно, что дѣлаютъ это не потому, что вычитали, что таковые типы состояли при эскадрахъ парусного флота послѣ англо-голландскихъ войнъ, а просто потому, что въ нихъ явилась ясная и настоятельная необходимость. Также зная, что въ древнія времена существовала идея бронированія и подводной войны, могли начать строить броненосныя и подводныя суда только тогда, когда техника дала эту возможность. Точно также, изъ за того, что въ парусныхъ флотахъ въ извѣстный моментъ исчезли брандеры, никто не откажется отъ миноносцевъ, пока этого не покажетъ современный опытъ мирнаго или военнаго времени.

И если всѣ эти соображенія безспорно полезны въ смыслѣ общаго развитія ума, указывая на вѣчность сущности идей, возрождающихся въ различныя эпохи лишь въ новыхъ каждый разъ оболочкахъ, то столь-же безспорно, что эти идеи появляются и совершенно самостоятельно, и значитъ эти соображенія интересны, полезны, но не *необходимы*.

Еще болѣе рискованно сказать, что примѣненіе теплового двигателя — это правильный путь для совершенствованія боевого корабля, именно потому, что будто-бы существуетъ совершенно ясный законъ, основанный на исторіи гребнаго и парусного флотовъ, что двигатель главнымъ образомъ совершенствуется *послѣ того*, когда твердо установился типъ и сила боевого корабля, и что значитъ „тепловой двигатель въ примѣненіи къ машинамъ броненосца долженъ имѣть за собой будущность“.

Я ничего не хочу возразить противъ тепловыхъ двигателей, а указываю только на рискованность закона.

Вѣдь изъ той-же исторіи легко можно сдѣлать выводъ, что именно перемѣна двигателя (весла—паруса—паръ) совершенно мѣняли типъ корабля, и что въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ, въ особенности въ паровомъ — именно совершенствованіе двигателя сильно вліяло на типъ и силу корабля. Именно появленіе тепловыхъ двигателей двинуло впередъ типъ подвод-

ной лодки, который безъ этого двинуться впередъ не могъ. Именно появленіе *легкаго* двигателя двинуло впередъ развитіе типовъ воздушныхъ кораблей.

Да такъ было и прежде.

Только усовершенствованіе паруснаго двигателя (возможность лавировки) дало толчекъ появленію парусныхъ военныхъ кораблей, только извѣстная—наиудобнѣйшая комбинація веселъ (трирема) опредѣлила типъ боевого корабля V-го вѣка до Р. X.

Вообще со всякими частностями изъ исторіи надо обращаться очень осторожно въ примѣненіи ихъ къ настоящему. *Изъ исторіи надо брать только вѣчное, безспорно примѣнимое и теперь — и только если таковое не можетъ быть получено инымъ путемъ, какъ изученіемъ исторіи* (принципы мы видѣли могутъ быть получены инымъ путемъ), *только тогда можно съ полной точностью доказать, что изученіе исторіи настоятельно необходимо,* а не только полезно, или интересно.

Когда мнѣ пришлось впервые взяться за составленіе курса военно-морской исторіи, то я опредѣлялъ себѣ ея задачу тѣмъ, что *) „искусство войны на морѣ основано на неизмѣнныхъ началахъ, и только глубокое изученіе военно-морской исторіи дастъ сознательное пониманіе этихъ началъ, увѣренность въ ихъ силѣ и возможность пользоваться ими на дѣлѣ“. В. К. Дитерихсъ **) указывалъ, что „курсъ военно-морской исторіи имѣетъ цѣлью подготовить къ сознательному изученію тѣхъ неизмѣнныхъ началъ, на которыхъ основано искусство войны на морѣ“.

Оба эти опредѣленія, какъ указано было выше, нельзя признать полными, и можетъ быть именно вслѣдствіе этого оказалось, что ни я, ни В. К. Дитерихсъ, не ввели въ эти курсы событій изъ русской военно-морской исторіи, какъ это не нашелъ возможнымъ сдѣлать черезъ 13 лѣтъ и А. Н. Щегловъ.

---

*) Военно-морская исторія. Курсъ старшаго спеціальнаго класса Морского Кадетскаго Корпуса. Изд. 1895 г. Эпиграфъ на заглавномъ листѣ.

**) Записки по военно-морской исторіи. Изд. 1898 г. стр. 4.

Правда, въ 1896 году я ввелъ въ свой курсъ разборъ русскихъ морскихъ сраженій и характеристику состоянія военно-морского искусства въ русскомъ флотѣ*), но сдѣлалъ я это скорѣе случайно, лишь для полноты изложенія, а совсѣмъ не потому, чтобы у меня тогда явилось сознаніе, что существуетъ какой-то недостатокъ въ опредѣленіи задачи исторіи военно-морского искусства. Это сознаніе явилось у меня только теперь, по причинамъ, которыя мною уже были изложены въ своемъ мѣстѣ**).

Мегенъ***) опредѣляетъ задачу военно-морской исторіи тѣмъ, что, представляя анализъ хода событій въ теченіи цѣлаго ряда годовъ, съ цѣлью показать вліяніе морской силы на исторію, она можетъ внушать изучающимъ ее сознаніе возвышеннаго значенія ихъ профессіи и, освѣтивъ политическую роль морской силы, будетъ содѣйствовать тому, чтобы моряки и вообще граждане страны прониклись яснымъ сознаніемъ въ необходимости имѣть флотъ, соотвѣтствующій великимъ государственнымъ задачамъ.

Чего-то нехватаетъ во всѣхъ формулировкахъ задачъ изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

Резюмируя все вышесказанное, я прихожу къ заключенію, что чего-то не хватаетъ во всѣхъ этихъ указаніяхъ—для чего надо изучать военно-морскую исторію, нѣтъ полной увѣренности, или скорѣе—убѣдительности, что это изученіе настоятельно необходимо, а не только—просто полезно.

Я конечно не надѣюсь, что мнѣ удастся внести полную ясность и опредѣленность въ этотъ вопросъ, что мнѣ удастся поставить эту трудно уловимую точку на „і“.

Но рѣшаюсь сдѣлать эту попытку,—ибо добросовѣстно не могу признать неопровержимыми тѣ цѣли и задачи и въ той формулировкѣ, какъ мнѣ ихъ приходилось слышать и читать. Чего-то въ нихъ недостаетъ.

---

*) Лекціи читанныя на курсѣ военно-морскихъ наукъ въ 1897/8 г. Морская Тактика. Выпускъ второй. Періодъ парусного флота.

**) См. предисловіе. Стр. 13—22.

***) Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Предисловіе.

Рѣшаюсь сдѣлать эту попытку съ нѣкоторымъ рискомъ—получить упрекъ въ уклоненіи въ метафизику, въ погонѣ за вопросомъ „а что такое вервіе“, когда „простой здравый смыслъ“ даетъ необходимый отвѣтъ.

И все таки я рѣшаюсь попытаться, и въ своей попыткѣ именно ухватываюсь за напоминаніе о „здравомъ смыслѣ“. Именно черезъ него-то я и надѣюсь намѣтить путь къ разрѣшенію поставленнаго вопроса.

Стратегія и тактика—это обобщенный и приведенный въ систему здравый смыслъ о веденіи войны и боя.

Напомню, что Контъ, творецъ позитивной философіи. т. е. познанія основаннаго на изученіи дѣйствительности. опредѣляетъ ее только какъ обобщенный и приведенный въ систему здравый смыслъ *).

Графъ Л. Толстой, характеризуя различныя философскія системы **). говоритъ, что „позитивная (критическая—опытная) философія признакомъ истиннаго знанія признаетъ научный методъ и сама опредѣлила то, что она называетъ научнымъ методомъ. Научнымъ методомъ она называетъ здравый смыслъ“.

Переходя къ разбираемому вопросу, вѣдь надо признать, что прямо—непосредственно для приложенія къ дѣлу—никакая военно-морская исторія не нужна.

Нужна-же напр. стратегія и тактика.

А если мы спросимъ себя—что въ сущности представляютъ изъ себя стратегія и тактика, то, исходя изъ опредѣленія Конта, мы можемъ сказать, что они представляютъ изъ себя не болѣе, какъ обобщенный и приведенный въ систему здравый смыслъ въ приложеніи его къ веденію войны и боя. И если быть *совершенно увѣреннымъ* въ существованіи у кого либо здраваго смысла, то можно и не интересоваться—изучалъ-ли онъ стратегію или тактику. Совершенно достаточно знать, что онъ знакомъ съ современной техникой дѣла, которая сама собой войти въ представленіе человѣка не можетъ.

Вѣдь въ тѣ времена, когда дѣйствовали Александръ Македонскій, Ѳемистоклъ, Аннибалъ, Цезарь, Рюйтеръ,

---

*) См. гл. I стр. 29.

**) О назначеніи науки и искусства. Полн. собр. соч. Томъ XII стр. 293.

Петръ Великій—не было точно формулированной стратегіи и тактики.

И вѣдь нельзя сказать, что они побѣждали именно потому, что превосходно знали технику современнаго имъ военнаго дѣла. Конечно они знали эту технику, но не они одни ее знали, а однако всѣ эти другіе не стали великими полководцами и флотоводцами и имена и дѣла ихъ не сохранились для потомства.

И если главное заключалось-бы въ томъ, чтобы знать технику, то какъ могли-бы написать образцовыя сочиненія по морской тактикѣ священникъ Гостъ и мелкій чиновникъ Джонъ Клеркъ? И если допустить, что Гостъ писалъ по указаніямъ адмирала Турвиля, то про Клерка ужъ этого сказать совсѣмъ нельзя, такъ какъ некому было давать ему указаній, и онъ никогда не ступалъ ногой на палубу корабля. Также—какъ могъ создать первоклассный военный флотъ и дать ему образцовую организацію секретарь и управляющій дѣлами Мазарини—Кольберъ?

И объяснить это можно только однимъ—это были люди въ высшей степени обладавшіе здравымъ смысломъ.

Попробую опредѣлить—что-же собственно представляетъ изъ себя здравый смыслъ?

Что такое здравый смыслъ.

Мнѣ представляется, что здравый смыслъ—это умѣнье (способность) правильно оцѣнить обстановку, въ которой приходится дѣйствовать, и умѣнье (способность) изъ этого вывести правильный образъ дѣйствій.

Здравый смыслъ и вдохновеніе, по опредѣленію Леера *)—это высшіе выразители творческой силы. И жизнь показываетъ, что качество это въ высшей степени рѣдкое **). Въ общежитіи-же принято называть этимъ именемъ нѣчто гораздо болѣе мелкое и къ тому-же нѣчто далеко не опредѣленное, и отсюда и проистекаетъ тотъ фактъ, что всякій считаетъ себя одареннымъ здравымъ смысломъ.

Именно эта разница между житейскимъ и настоящимъ значеніемъ этого слова заставляетъ съ большой

---

*) Коренные вопросы.

**) См. глава III стр. 113 и 173.

осторожностью полагаться на различныя ссылки на здравый смыслъ и на рекомендаціи руководствоваться главнымъ образомъ здравымъ смысломъ*).

Отчего здравый смыслъ рѣдко проявляется на дѣлѣ.

Можетъ быть вѣрнѣе было-бы даже опредѣлить здравый смыслъ просто какъ проявленіе ума. А тогда является вопросъ—отчего именно такъ рѣдко можно наблюдать проявленіе здраваго смысла и притомъ со стороны людей безспорно умныхъ и даже талантливыхъ и обладающихъ творческой силой?

А потому, что для своего свободнаго проявленія *здравый смыслъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго вліянія,* онъ долженъ для этого быть способнымъ дѣйствовать, подчиняясь только *своимъ* веленіямъ и ничему больше. Вотъ именно про такой здравый смыслъ и идетъ рѣчь, и потому-то такъ рѣдокъ настоящій здравый смыслъ, или, если хотите допустить его существованіе у многихъ, то именно потому онъ такъ рѣдко и проявляется, что онъ рѣдко получаетъ свободу и есть что-то, что держитъ его въ плѣну.

Знаніе и опытъ—опора здраваго смысла.

Ну а какую-же роль, при вышеприведенномъ опредѣленіи здраваго смысла, играютъ знаніе и опытъ?

Знаніе и опытъ служатъ *опорой* здраваго смысла (ума, творчества)—они расширяютъ ту арену, на которой можетъ проявляться здравый смыслъ, но замѣнить его не могутъ.

Всякая *новая* обстановка, не входившая въ область извѣстнаго знанія или опыта, можетъ ихъ сбить съ правильнаго пути при отсутствіи здраваго смысла. Развитіе только одного знанія или опыта, безъ внутренней ихъ оцѣнки здравымъ смысломъ, ведутъ къ склонности къ рецептамъ и къ узкимъ формуламъ.

Здравый смыслъ пользуется знаніемъ и опытомъ какъ средствомъ для уясненія обстановки.

Здравый смыслъ можетъ быть даже затемненъ или вѣрнѣе—*плѣненъ* знаніемъ и опытомъ, если онъ подпадетъ подъ ихъ вліяніе, вмѣсто того, чтобы пользоваться ими только какъ *средствомъ* для уясненія обстановки (см. стр. 292). Знаніе и опытъ—это его пріобрѣтенныя достоянія, и онъ не можетъ, не долженъ быть ихъ плѣнникомъ.

*) См. главу III стр. 112—113 и гл. IV стр. 230—233.

Это его броня и оружіе, но не клѣтка въ которую онъ посаженъ.

Здравый смыслъ въ житейскомъ обиходѣ и въ исторіи.

Въ житейскомъ обиходѣ всякому кажется, что онъ полонъ здраваго смысла *). Люди совершенно различныхъ взглядовъ, поступающіе въ аналогичныхъ случаяхъ совершенно различно, такъ и сыпятъ выраженіями—„здравый смыслъ говоритъ“, „это противно здравому смыслу“.

А между тѣмъ вѣдь истина-то въ каждомъ вопросѣ—одна, и не можетъ быть различныхъ здравыхъ смысловъ, въ зависимости отъ точекъ зрѣнія на вопросъ, такъ какъ здравый смыслъ и представляетъ собою единую правильную точку зрѣнія.

Вотъ мнѣ и представляется, что исторія разбирающая—не технику, не средства для поступковъ, а самые поступки, должна отрезвлять людей—она должна имъ наглядно показывать, что *свободный* здравый смыслъ—это рѣдкость, что часто его очень мало, а еще чаще онъ чѣмъ-то затемненъ или плѣненъ, на немъ лежитъ какой-то гнетъ.

Напр. принципы веденія войны, которые служатъ основаніемъ приложенія военныхъ знаній къ дѣлу, вѣдь это не болѣе, какъ обобщенный и формулированный здравый смыслъ **). А между тѣмъ военная исторія показываетъ, что на войнѣ гораздо чаще отступаютъ отъ здраваго смысла, чѣмъ дѣйствуютъ съ нимъ въ согласіи, т. е. значитъ что сплошь и рядомъ здравый смыслъ чѣмъ-то затемненъ.

Какъ уже упоминалось не разъ—понять принципы веденія войны можно очень быстро, и для этого не нужна военная исторія.

За то исторія должна выяснить—отчего такія простыя, понятныя истины столь рѣдко примѣнялись? Вотъ это любопытно. И вотъ этого безъ помощи исторіи сдѣлать пожалуй нельзя, хотя и существуютъ къ тому попытки ***). И мало того—не изучавшій исторію—даже не повѣритъ, что это такъ.

*) См. главу III, стр. 113 и 172.
**) См. главу III стр. 113.
***) См. главу III стр. 172—173.

И вотъ мнѣ представляется, что *доказать, что здравый смыслъ людей имѣетъ какого-то могущественнаго врага, который имѣетъ надъ нимъ огромную власть, указать—кто этотъ врагъ, и выяснить—какъ съ нимъ бороться*—вотъ въ чемъ заключается главный смыслъ изученія исторіи вообще и исторіи военно-морского искусства въ частности. И эта задача, какъ мнѣ представляется, обобщаетъ всѣ остальныя, и исходя именно изъ нея, можно доказать, что изученіе исторіи военно-морского искусства настоятельно необходимо для веденія войны, и что столь-же необходимо, чтобы русскіе военные моряки изучали именно русскую морскую исторію.

Задача изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства вообще и исторіи русскаго военно-морского искусства въ частности.

Развитіе этой мысли и составляетъ предметъ настоящей главы.

И дѣйствительно все это доказать никакъ нельзя безъ помощи исторіи.

Что даетъ исторія при изслѣдованіи вопроса о здравомъ смыслѣ.

Какъ доказать людямъ, которые всѣ считаютъ себя здравомыслящими,—и нерѣдко даже, чѣмъ въ меньшей степени они обладаютъ этимъ качествомъ, тѣмъ убѣжденіе у нихъ крѣпче—что *приложить къ дѣлу здравый смыслъ страшно трудно,* что въ большинствѣ случаевъ этотъ здравый смыслъ болѣе или менѣе затемненъ, и что сознать это затемненіе самому невозможно, и что освободиться отъ него страшно трудно?

Какъ доказать имъ, что тутъ не помогаетъ даже ни исключительный умъ, ни талантъ, что затемненіе здраваго смысла отнюдь не участь людей только ограниченныхъ или среднихъ?

Этого *логикой* доказать нельзя—тогда какъ напр. *логичность* принциповъ веденія военнаго дѣла, какъ уже указывалось выше—неоспорима съ перваго слова. А значитъ, правильность принциповъ очень хорошо подтвердить и исторіей—это очень полезно, но это не настоятельно необходимо, т. к. имѣются и другія для этого средства, а правильность высказанныхъ сейчасъ положеній о здравомъ смыслѣ—совсѣмъ нельзя доказать чѣмъ либо существующимъ—это можно доказать только *прошлымъ*—другого пути нѣтъ.

И этотъ путь такой. Въ исторіи передъ нами пройдетъ цѣлый рядъ лицъ—и между ними будутъ и талантливые и умные (талантъ и умъ ихъ отчеканены и запечатлѣны ихъ дѣлами) и будетъ показано, что здравый смыслъ ихъ сплошь и рядомъ чѣмъ-то былъ затемненъ, и что *сами они этого не сознавали.* И намъ это можетъ быть доказано съ полною ясностью—такъ какъ событія эти уже отошли отъ насъ.

Повторяемость этого на протяженіи всей исторіи даетъ выводъ—*значитъ тоже самое происходитъ и теперь, но мы только это не сознаемъ* *).

*) Интересные факты для иллюстраціи этого пути можно извлечь изъ очерка Камилла Фламаріона—„Невѣрующіе" (Бирж. Вѣд. 28-го и 29-го Ноября 1908 г.). Онъ указываетъ, что громадное количество людей одержимо духовной близорукостью. Новые факты, новыя идеи ослѣпляютъ и отталкиваютъ ихъ отъ себя. *Они какъ-бы забыли прошлое человѣчества*—каменный вѣкъ, изобрѣтеніе огня, открытія въ области науки и самые разнообразные запросы духа—они какъ-бы формулировали все это такъ—да прежде это было, но *теперь* идти дальше некуда. Изъ массы приводимыхъ имъ примѣровъ укажу только нѣкоторые.

Напр. идея о томъ, что нелѣпо думать, будто всѣ свѣтила вращаются около земли, зародилась давно—въ Пиѳагорейской школѣ. И вотъ такіе огромные умы какъ Платонъ и Архимедъ, какъ Гиппархъ и Птоломей высмѣяли предположеніе пиѳагорейцевъ, что земля движется вокругъ какого-то центра міра.

Лавуазье, по поводу извѣстіи о паденіяхъ метеоровъ, удостовѣренныхъ надежными свидѣтелями, въ обстоятельномъ докладѣ, представленномъ въ академію, доказываетъ, что камни съ неба падать не могутъ.

Фультонъ былъ осмѣянъ Наполеономъ, а между тѣмъ онъ давалъ ему въ руки средство для осуществленія завѣтной его идеи—вторженія въ Англію.

Араго доказывалъ, что изъ за огромнаго сопротивленія воздуха, передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ будетъ столь медленно, что перевозка по нимъ будетъ вдвое дороже прежней. Прудонъ говорилъ, что было-бы смѣшно и тривіально утверждать, что желѣзныя дороги могутъ способствовать распространенію идей. Королевская-же медицинская коллегія въ Баваріи признала, что устройство желѣзныхъ дорогъ—величайшее преступленіе противъ народнаго здравія, такъ какъ такое быстрое движеніе вызоветъ у пассажировъ сотрясеніе мозговъ, а у зрителей—обморочное состояніе, и поэтому она рекомендовала—если ужъ устроятъ желѣзную дорогу—то надо устроить по обѣ стороны полотна заборы.

11 Марта 1878 г. въ Парижской академіи демонстрировался фонографъ Эдиссона. На этомъ засѣданіи присутствовалъ и Фламаріонъ. Когда фонографъ заговорилъ, изъ рядовъ ученыхъ поднялся престарѣлый академикъ. и, не скрывая своего негодованія, онъ набросился на представителя Эдиссона, схватилъ его за горло и закричалъ—„шарлатанъ! неужели вы думаете, что насъ можетъ одурачить всякій чревовѣщатель"!

Развѣ не достаточно даже этихъ фактовъ, чтобы придти къ заключенію, что подобное этому происходитъ и *теперь,* что умъ не спасаетъ отъ духовной слѣпоты, и не даетъ-ли это мудрое правило—не относиться свысока ни къ чему новому, и что надо бороться съ такой слѣпотой, чтобы *имѣть разумъ свободнымъ.* „Я далекъ отъ мысли" говоритъ Фламаріонъ „бросать упрекъ Лавуазье или другимъ ученымъ—*я хочу лишь заклеймить деспотизмъ предразсудковъ*".

Значитъ надо съ этимъ считаться и бороться—если только борьба возможна.

И опять только изъ исторіи можно почерпнуть указанія на средства борьбы, такъ какъ только она покажетъ—*что именно* затемняетъ здравый смыслъ людей.

Когда можно сказать, что изученіе исторіи настоятельно необходимо.

И если дѣйствительно исторія все это можетъ дать, т. е. можетъ дать:

1) признаніе возможности затемненія своего здраваго смысла, внѣ зависимости отъ ума, таланта и опыта;

2) пониманіе—отчего это происходитъ;

3) средства борьбы съ этимъ явленіемъ—

то *значитъ изучать исторію настоятельно необходимо*.

Притомъ именно тогда будетъ видно,—*что надо искать* въ изученіи исторіи.

И тогда сейчасъ-же будетъ видно—*какъ* надо ее изучать.

А также тогда выяснится вопросъ—какую роль въ этомъ изученіи будетъ играть русская исторія, дастъ-ли она для тѣхъ цѣлей, которыя мы себѣ поставили, подходящій матеріалъ,—а также какой степени подробности достаточны для этого источники т. е.—можетъ-ли быть достигнута поставленная нами себѣ цѣль при помощи печатныхъ источниковъ, или для этого необходимо требуются и значительныя дополнительныя изысканія въ архивахъ*).

Можетъ-ли исторія выяснить причины омраченія здраваго смысла.

И теперь является вопросъ—можетъ-ли это дать исторія?

И не можетъ на это быть другого отвѣта какъ—*должна* дать.

Ибо вѣдь исторія человѣческихъ дѣлъ—это исторія проявленія человѣческаго разума—это исторія человѣческихъ идей въ разныя эпохи, исторія борьбы различныхъ идей между собою.

А военно-морская исторія—это не болѣе какъ исторія приложенія человѣческаго разума, приложенія различныхъ идей къ веденію войны на морѣ.

---

*) См. предисловіе. Стр. 16—17.

А значитъ причины затемненія разума непремѣнно найдутся въ исторіи—или въ свойствахъ самого разума при проявленіи его дѣятельности, или во вліяніи на него господствующихъ или борящихся между собою идей.

Рутина и ея пособники— невѣжество и лѣнь.

Однако, что-же это за причина, затемняющая здравый смыслъ?

Что это за страшилище, которое не щадитъ почти никого, которое лишаетъ человѣка свободы въ проявленіи самого драгоцѣннаго его свойства—разума?

Имя этому страшилищу—*рутина.*

Самые дѣятельные его пособники—*невѣжество* и *лѣнь.* На почвѣ этихъ свойствъ рутина разцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ, хотя и безъ нихъ она овладѣваетъ иногда и лучшими умами.

Однако—что такое рутина? Всѣ-ли мы одинаково понимаемъ это слово? Употребляемъ мы это слово очень часто, даже сплошь и рядомъ, а отдаемъ-ли мы себѣ ясный отчетъ—что именно это такое? Окрестивъ какое либо явленіе или фактъ рутиной, мы въ большинствѣ случаевъ какъ-бы хотимъ сказать, что по существу—этотъ фактъ *нелѣпъ.*

Однако такое заключеніе окажется не совсѣмъ справедливымъ, если попробовать вдуматься поглубже—что такое дѣйствительно представляетъ изъ себя рутина*).

Какъ создается рутина.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что въ извѣстный моментъ устанавливается извѣстный порядокъ въ

*) Рутина, по мнѣнію Леера, даже допустима въ той области военнаго искусства, гдѣ оно является *ремесломъ.* Но подымаясь все выше и выше въ область искусства, одни и тѣ-же вопросы начинаютъ получать все болѣе и болѣе разнообразное рѣшеніе, *рутина* (методизмъ объективный) начинаетъ все болѣе и болѣе уступать *творчеству* (методизму объективному). Методъ военныхъ наукъ. Стр. 58.

Рутинѣ больше всего подвержены именно „практики". „Практикъ" говоритъ Зыковъ „не выходитъ почти изъ области конкретныхъ предметовъ, а потому каждая его идея покоится на широкомъ чувственномъ основаніи. Поэтому скорѣе можетъ случиться, что онъ придастъ ей чрезмѣрно большое значеніе, и даже оцѣнивъ значеніе вновь появляющагося фактора, будетъ поступать по прежнему, ибо старыя идеи богаты чувствами—и мы будемъ имѣть дѣло съ упрямствомъ, *рутиной*". „Какъ и чѣмъ управляются люди". Стр. 15—16.

какомъ либо дѣлѣ, порядокъ вполнѣ разумный, совершенно соотвѣтствующій требованіямъ дѣла и той обстановкѣ, въ которой это дѣло дѣлается.

Тотъ, кто устанавливаетъ этотъ порядокъ, *знаетъ* для чего онъ установленъ, какія обстоятельства вызвали его къ жизни, а потому—когда дѣло *не требуетъ* этого именно порядка, а требуетъ другого, когда значитъ мѣняется обстановка, онъ *легко* и *просто* отступаетъ отъ *установленнаго имъ* порядка,—ибо у него въ головѣ этотъ *порядокъ неизмѣнно связанъ съ причинами его вызвавшими*, съ самымъ дѣломъ и съ обстановкой.

Но вотъ поколѣніе, установившее этотъ порядокъ, сходитъ со сцены. Слѣдующее поколѣніе уже получаетъ этотъ порядокъ въ *готовомъ* видѣ.

Конечно, если оно въ него вдумается поглубже, если оно его не приметъ слѣпо, а ощупаетъ его корни и изслѣдуетъ ту почву, на которой онъ выросъ, то оно будетъ имъ пользоваться такъ-же, какъ пользовалось имъ и предыдущее поколѣніе, т. е. будетъ сообразовать степень его примѣнимости съ обстановкой.

Ну а если оно не вдумается, не найдетъ нужнымъ изслѣдовать ту почву, которая породила переданный ему въ готовомъ видѣ порядокъ? Что тогда? И тамъ ужъ все равно—отчего это произойдетъ—отъ лѣни, отъ вялости ума, отъ того, что не пришло въ голову, или что это не въ обычаѣ...

И если это произойдетъ, то новое поколѣніе, можетъ случиться,—будетъ примѣнять этотъ порядокъ, внѣ зависимости отъ его цѣлесообразности, и не отступитъ отъ него и при измѣненіи обстановки.

И можетъ случиться и такъ, что у кого нибудь мелькнетъ мысль (проявится здравый смыслъ), что вѣдь обстановка-то измѣнилась, что надо иначе примѣнить унаслѣдованный отъ прежняго порядокъ, или нарушить его—и вдругъ, при первой-же попыткѣ это сдѣлать, онъ подвергается репрессіи или своего начальника, или окружающей среды—такъ какъ не вдумались въ сущность дѣла они.

А тогда можетъ случиться, что и этотъ человѣкъ, при извѣстной инертности и *стремленіи къ покою*— уже не повторитъ своей попытки. А другіе, ему подобные, которые видѣли или слышали—какой результатъ имѣла его попытка, тоже на нее не рискнутъ.

И когда смѣнится еще поколѣніе—ужъ можетъ оказаться, что *нѣтъ и помина о причинахъ* вызвавшихъ все еще существующій между тѣмъ порядокъ, что ужъ совершенно утеряна связь его съ корнями и съ взростившей его почвой, что онъ уже *отдѣленъ отъ корней*, что стволъ его высохъ и не даетъ ни листьевъ ни плодовъ, что онъ продолжаетъ существовать только по инертности его примѣняющихъ только потому, что онъ уже освященъ давностью, обычаемъ, привычкой— хотя-бы обстоятельства и требовали отступленія отъ этого порядка.

И вотъ тутъ-то такое положеніе дѣла окрещивается словомъ „рутина". Но далеко не все равно—кѣмъ и какъ, т. е. съ какими чувствами и на какихъ основаніяхъ это дѣлается.

Когда это слово—„рутина", произноситъ, презрительно скрививъ губы, молодежь, въ первый моментъ какъ-бы является лучъ надежды, что изъ этого можетъ выйти и кое что хорошее. Да, вѣрно,—это и есть „рутина", и какъ было-бы отрадно вывести изъ этого заключеніе, что именно молодежь сознала, что это рутина, что осталась только *форма* порядка, а исчезли его содержаніе, его причинность, что именно молодежь, сознавши это, давъ назрѣть въ головѣ этой мысли, сдѣлаетъ заключеніе, что она-то ужъ—познавши врага—приложитъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уберечься отъ него, видя воочію вредъ рутины...

Но быстро наступаетъ и разочарованіе.

Вслѣдъ за словомъ „рутина", вы слышите—„глупый, идіотскій порядокъ!", а по адресу настаивающаго на примѣненіи порядка—обыкновенно по адресу начальства—еще болѣе крѣпкіе эпитеты.

А тогда это—увы, совсѣмъ плохо. И плохо потому, что значитъ сознательности, пониманія явленія—

нѣтъ. Потому-что и порядокъ самъ по себѣ не „глупый“, и примѣняющій этотъ порядокъ быть можетъ очень разумный человѣкъ, но въ данномъ случаѣ его разумъ затемненъ обычаемъ, привычкой, если хотите—даже традиціями (о традиціяхъ еще будетъ особая рѣчь впереди), или разумъ его подавленъ боязнью отвѣтственности за измѣненіе порядка, или просто онъ тоже просто не вдумался въ несоотвѣтствіе порядка, съ обстановкой...

И такъ и хочется сказать такому, непродумавшему свою мысль, критику—разъ ты думаешь, что вся причина поразившаго тебя явленія кроется въ недостаткѣ здраваго смысла у примѣняющаго порядокъ и въ „глупости“ самого порядка, то ясно—*ты тоже* не вдумался въ истинный смыслъ явленія, и ты приписалъ только *глупости* то, что имѣетъ гораздо болѣе сложныя причины, и ты тоже значитъ не способенъ къ здравому анализу, къ изслѣдованію связи порядка съ почвой, на которой онъ создается, а потому и тебѣ самому грозитъ опасность того, что, быть можетъ завтра-же, тебя будутъ называть такими-же именами, которыми ты только вчера честилъ „рутинеровъ“, и быть можетъ даже по поводу примѣненія того-же порядка, но только въ другомъ случаѣ!

Если ты такъ говоришь и думаешь, то значитъ ты не знаешь, или не сознаешь, что если-бы „рутина“ совпадала только съ глупостью, т. е. являлась-бы только *ея* послѣдствіемъ, то бороться съ нею было-бы легко—на то и существуютъ на свѣтѣ умные люди.

И если-бы она происходила только отъ недобросовѣстности, даже отъ боязни отвѣтственности, отъ отсутствія иниціативы—и то полбѣды—на то есть люди добросовѣстные, не боящіеся отвѣтственности, съ широкой иниціативой...

Могущество рутины.

Но въ томъ-то и ужасъ „рутины“, не въ томъ смыслѣ, какъ она понимается часто въ общежитіи, а *настоящей рутины*, что она медленно, но вѣрно, какъ мягкая тина, засасываетъ и обволакиваетъ самые сильные характеры—и главнымъ образомъ потому ей удается

это сдѣлать, что они, *съ самаго перваго раза,* когда имъ стала претить въ чемъ нибудь рутина, *тоже не вдумались* въ настоящее происхожденіе и смыслъ этого явленія, а потому не приняли сразу мѣръ, чтобы оберечь себя отъ ея вліянія, и какъ ржа точитъ и самую плохую и самую лучшую сталь, такъ и рутина незамѣтно подточила и ихъ умъ и характеръ и сами они, понемногу и незамѣтно для себя, обратились въ рутинеровъ!

Вотъ кто созналь весь *ужасъ* этого медленнаго превращенія, только тотъ сдѣлалъ шагъ къ тому, чтобы бороться противъ этого чудовища— тотъ ужъ все таки на сторожѣ...

А то вѣдь подпасть подъ это вліяніе болѣе чѣмъ легко.

Вѣдь такъ пріятно идти по проторенной колеѣ — дѣлать какъ *всѣ*, и не утруждать себя ломаніемъ головы— *почему* дѣлается именно такъ или иначе *)!

Какъ покойно и хорошо жить такимъ людямъ, а кто-же не жаждетъ покоя и легкой пріятной жизни— если не всегда, то непремѣнно въ извѣстные періоды?

Какъ это соблазнительно и для умныхъ и для талантливыхъ и добросовѣстныхъ —тѣмъ болѣе, что вѣдь *никто и не требуетъ* отъ нихъ переворотовъ,—они будутъ признаны и умными и талантливыми и добросовѣстными и въ существующей по старинѣ и обычаю области.

Вотъ почему легко подкрадывается къ нимъ рутина, нѣжно обвиваетъ- сначала легкой дымкой—ихъ здравый смыслъ, затѣмъ накладываетъ на него слѣдующій, столь-же тонкій, слой, напѣваетъ ему въ ухо сладкія пѣсни—какой ты хорошій служака, какъ тобою

*) „Ни разсудокъ, ни убѣжденіе не въ состояніи бороться противъ извѣстныхъ словъ и извѣстныхъ формулъ.. Бываетъ такъ, что слова вызвавшіе раньше образы, изнашиваются и уже болѣе ничего не пробуждаютъ въ умѣ. Они становятся тогда пустыми звуками, главная польза которыхъ заключается въ томъ, что они избавляютъ тѣхъ, кто ихъ употребляетъ, отъ *обязанности думать*. Имѣя маленькій запасъ такихъ формулъ и общихъ мѣстъ, заученныхъ нами въ молодости, мы обладаемъ всѣмъ, что нужно, чтобы прожить жизнь, не утомляя себя размышленіями" **Лебонъ. Психологія народовъ и массъ. Стр. 235.**

довольно начальство, какую ты пользу приносишь родинѣ, ты всегда на стражѣ закона, ты хранитель традицій... и готово—человѣкъ застываетъ въ обычномъ и привычномъ кругѣ понятій.

Здравый смыслъ—драгоцѣнный вложенный въ человѣка даръ Божій—сдается не сразу.

Онъ протестуетъ, бурлитъ... Но вспышки становятся все рѣже и рѣже... Здравый смыслъ даже и не пропадаетъ—онъ постепенно просто вливается въ опредѣленные берега, и въ нихъ льется даже свободно,—но истинная свобода его, свобода духа уже утеряна... Какъ говорится въ сказкѣ—злая фея сдѣлала свое дѣло... Наступаетъ сонное царство, заростаетъ оно кругомъ дремучими лѣсами и ждетъ оно своего сказочнаго принца, который пробрался-бы сквозь густыя чащи и разбилъ-бы злыя чары. И мало для этого одного „осужденія" рутины, тѣмъ болѣе ничего не сдѣлаетъ презрительная брань по ея адресу... Очарованіе можетъ растаять только подъ яркимъ свѣтомъ сознательнаго познанія сонного царства—самого себя и окружающей среды, и обросшаго его кругомъ лѣса—исторіи. И когда явится этотъ сказочный принцъ, въ видѣ всепроникающаго познанія сущности,—тогда слетитъ очарованіе съ соннаго царства и ключомъ забьетъ въ немъ жизнь*)...

Только сознательное познаніе можетъ побороть рутину.

И если соблазнительно поддаться рутинѣ умнымъ, талантливымъ и добросовѣстнымъ, то какое она представляетъ роскошное прибѣжище для невѣждъ, тупыхъ и лѣнивыхъ!

*) Еще одно изъ благопріятныхъ обстоятельствъ, помогающихъ противустоять рутинѣ—это связь военной силы съ народомъ. Рутина легче развивается въ той отрасли военной силы, связь съ народомъ которой чувствуется меньше. Поэтому она легче развивается именно во флотѣ такого государства, въ которомъ считаютъ, что истинный оплотъ его—армія.

„Въ корпусѣ офицеровъ, сознающихъ, что за ними слѣдуетъ главная масса народа" говоритъ Фрейтагъ Лорингофанъ „сознаніе отвѣтственности будетъ гораздо сильнѣе, и сильнѣе разовьются крупныя военныя идеи; только въ этомъ случаѣ можетъ сохраниться идеализмъ, необходимый офицеру, когда его обязанность покажется ему скучною и когда начнетъ внѣдряться, худшій изъ всѣхъ тирановъ—именно рутина". Господство личности на войнѣ. Изслѣдованіе по Клаузевицу. Стр. 113.

Значитъ рутина питается безотвѣтственностью.

И какъ они гордо и независимо себя чувствуютъ подъ сѣнью рутины! Она даетъ имъ возможность существовать безъ знаній, безъ работы ума и даже вовсе безъ ума,—она даетъ имъ *готовыя мнѣнія* и она-же даетъ и крѣпкую опору этимъ мнѣніямъ...—„наши отцы и дѣды, такъ думали...“—„славныя традиціи намъ это завѣщали...“

И единственная возможность сбросить съ себя это очарованіе, этотъ кошмаръ, единственная возможность дать точку опоры своему здравому смыслу, чтобы онъ могъ прорвать опутывающую его сѣть—это *черезъ головы отцовъ и дѣдовъ, черезъ традиціи—заглянуть въ неизмѣримое пространство исторіи...*

И исторія намъ покажетъ, что такое понимается иногда подъ завѣтами отцовъ и дѣдовъ, что изъ себя представляютъ многія изъ такъ называемыхъ традицій, *исторія намъ покажетъ—какъ создается и работаетъ рутина* и къ чему она приводитъ...

Тогда быть можетъ мы поколеблемся въ своей самонадѣянности, въ своей легковѣсной увѣренности,—что *мы-то ужъ никогда не будемъ рутинерами...*

Мы увидимъ -какъ опасенъ врагъ, мы будемъ тогда на сторожѣ, и только благодаря этому быть можетъ—о не навѣрно!—мы избѣгнемъ страшныхъ объятій рутины.

Главный смыслъ изученія и преподаванія военнаго искусства.

Вотъ въ этомъ и заключается главный смыслъ изученія и преподаванія исторіи военнаго искусства.

Провести въ такомъ духѣ все дѣло изученія и преподаванія исторіи военнаго искусства—это дѣло будущаго, и по всей вѣроятности и не очень близкаго—слишкомъ обширна такая работа, слишкомъ непосильна она отдѣльнымъ людямъ—нужна цѣлая историческая школа съ такимъ направленіемъ, и возможность изученія въ такомъ направленіи исторіи военнаго искусства вообще, и въ частности—исторіи военно-морского искусства—сильно зависитъ отъ того, что сдѣлано въ этомъ направленіи въ области общей исторіи.

Пока-же я возьму для иллюстраціи своей мысли отдѣльные примѣры изъ исторіи военно-морского искусства съ тѣмъ, чтобы понемногу, постепенно увеличи-

вать число подобныхъ изслѣдованій, и, когда ихъ накопится достаточное количество, и недостатки ихъ по существу будутъ выяснены путемъ критики — тогда сдѣлать попытку соединить ихъ въ одно стройное цѣлое въ видѣ законченнаго курса исторіи военно-морского искусства.

За примѣрами обращусь къ уже законченному періоду существованія морской силы, и притомъ наиболѣе изслѣдованному — къ эпохѣ парусныхъ флотовъ.

Возникновеніе правилъ и нормъ для морского боя во второй половинѣ XVII столѣтія.

Вторая половина XVII столѣтія въ области морской войны характеризуется тѣмъ, что морской бой теряетъ безпорядочный, хаотическій характеръ и устанавливается цѣлый рядъ правилъ и нормъ. Всѣ онѣ вытекали изъ стремленія приложить къ современной тому періоду обстановкѣ основные принципы боя. Принципы эти хотя и не были тогда формулированы военной наукой, которая находилась еще въ зачаточномъ состояніи, въ особенности въ области войны на морѣ, но они зарождались въ умѣ выдающихся флотоводцевъ, въ видѣ проявленія естественнаго ихъ здраваго смысла, и благодаря ясному съ ихъ стороны пониманію обстановки, выработанныя ими правила и нормы отличались полной цѣлесообразностью.

Самымъ опаснымъ врагомъ боевыхъ кораблей того времени былъ брандеръ, который особенно было легко употреблять въ дѣло именно потому, что флоты двигались въ бою нестройными кучами. Увернется отъ него одинъ корабль, легко было сцѣпиться съ другимъ, идущимъ у перваго подъ вѣтромъ. Кромѣ того такой безпорядокъ въ расположеніи кораблей велъ къ тому, что часто очень трудно было использовать всѣмъ кораблямъ силу своей артиллеріи, такъ какъ корабли заслоняли другъ другу непріятеля.

Извѣстный голландскій адмиралъ Рюйтеръ вышелъ изъ этого затрудненія тѣмъ, что онъ установилъ для боя строй одной кильватерной колонны. Этимъ онъ далъ возможность всѣмъ кораблямъ использовать всю силу своей артиллеріи и избавилъ ихъ отъ случайностей брандерныхъ атакъ, такъ какъ брандеръ, пройдя въ промежутокъ между друмя кораблями, уже не на-

ходилъ новыхъ жертвъ подъ вѣтромъ у пройденной имъ линіи непріятельскихъ кораблей.

Такимъ образомъ Рюйтеръ, установленіемъ для боя строя кильватера, прикрывалъ слабую сторону тогдашнихъ кораблей—легкую ихъ загораемость, и выдвигалъ сильнѣйшую ихъ сторону—артиллерію, которая могла при такомъ строѣ не только свободно вступать въ состязаніе съ артиллеріей противника, но и всей своей силой могла обрушиваться на приближавшіеся брандеры и топить ихъ, не допуская ихъ до своей линіи.

Создатели нормъ и ихъ сознательные преемники не могли смотрѣть на нихъ какъ на рецепты.

Но конечно изъ этого не слѣдовало, чтобы эта норма—строй *одной* кильватерной колонны во время боя—примѣнялась какъ рецептъ, слѣпо—внѣ зависимости отъ обстановки. И этого и не могъ дѣлать создатель этой нормы, который *понималъ*—на почвѣ какихъ требованій она создалась.

И такъ это было и на самомъ дѣлѣ.

Въ сраженіи при Солебеѣ Рюйтеръ не задумался нарушить свой строй и отдѣлить отъ главныхъ силъ авангардъ, чтобы отвлечь союзниковъ англичанъ-французовъ, съ тѣмъ чтобы сосредоточить какъ можно больше кораблей противъ главнаго врага—англичанъ. Французы не особенно охотно поддерживали своихъ союзниковъ и Рюйтеръ разсчитывалъ, что достаточно будетъ противупоставить имъ сравнительно небольшое количество кораблей, чтобы французы могли найти достаточное оправданіе для вялости своихъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, стремленіе къ сосредоточенію силъ (принципъ), примѣненное Рюйтеромъ къ правильно оцѣненной имъ обстановкѣ, привело его къ нарушенію нормальнаго строя (нормы).

Точно также поступали адмиралы послѣдующаго за Рюйтеромъ поколѣнія, которые еще сами участвовали въ тѣхъ войнахъ, въ которыхъ устанавливались первоначальныя нормы для боя парусныхъ флотовъ, такъ какъ они понимали, изъ какихъ требованій вытекали эти нормы.

Такъ напр. поступилъ съ нормальнымъ строемъ французскій адмиралъ Турвиль въ сраженіи при Бичи-Хедъ и англійскій адмиралъ Шовель въ сраженіи при

мысѣ Барфлеръ—и опять цѣль ихъ была—сосредоточить свои силы противъ извѣстнаго участка непріятельскаго строя, и для этого они жертвовали своимъ строемъ, ломали его и посылали часть своихъ силъ въ обходъ.

Одновременно съ установленіемъ нормальнаго строя былъ установленъ и нормальный промежутокъ между кораблями въ строю. Установилъ его опытъ, поставившій требованіе, чтобы это разстояніе было не меньше извѣстной величины, необходимой для того, чтобы корабли не подвергались опасности столкновенія при маневрированіи въ строю, а увеличить это разстояніе не позволяло требованіе сосредоточенія силъ на наименьшемъ участкѣ.

Но это конечно не значило для людей, понимавшихъ связь этихъ требованій съ установленной нормой разстоянія, чтобы оно не могло быть соотвѣтственно видоизмѣнено, разъ этого требовала обстановка.

Такъ напр. адмиралъ Турвиль въ сраженіи при Бичи-Хедъ, имѣя преимущество въ числѣ кораблей передъ противникомъ, и желая сосредоточить на немъ всю силу огня своихъ кораблей, сжалъ ихъ въ полукружіе, т. е. нарушилъ и нормальный строй и нормальное разстояніе.

Напротивъ, въ сраженіи при Барфлерѣ, тотъ-же адмиралъ Турвиль, но только при другой обстановкѣ—здѣсь противникъ обладалъ превосходствомъ въ числѣ—значительно увеличилъ промежутки противъ нормы между кораблями своего авангарда, чтобы противникъ его не могъ обойти т. е. для того, чтобы помѣшать противнику сосредоточить свою силу противъ его авангарда и въ свою очередь оставить какъ можно больше своихъ силъ, т. е. сосредоточить ихъ противъ главнаго участка непріятельскаго строя—его центра.

Рюйтеръ и Турвиль пользовались нормами какъ средствами для примѣненія принциповъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что въ тотъ періодъ, когда создавались правила и нормы для эскадреннаго боя парусныхъ кораблей, работавшіе надъ этимъ люди не ставили себѣ цѣлью—избѣгать абордажа, держаться въ строѣ кильватера, сохранять

опредѣленное разстояніе между кораблями, а цѣль ихъ была—сосредоточить силу, оказать другъ другу взаимную поддержку, выдвинуть сильную свою сторону и прикрыть слабую, и для этого-то именно они, то избѣгали абордажа, то прибѣгали къ нему, то держались въ строю, то его ломали, то сжимали, то растягивали строй.

Значитъ на всѣ эти правила и нормы, на абордажъ, на брандеръ, на строй, на разстояніе между кораблями они смотрѣли только какъ на *средства*, а не какъ на *цѣль*.

Прогрессъ военно-морского искусства во второй половинѣ XVII вѣка.

И прогрессъ въ искусствѣ веденія боя въ то время выражался лишь въ накопленіи, въ разнообразіи средствъ, въ ихъ усовершенствованіи. Военное знаніе того періода говорило—вотъ какія средства можно употреблять въ бою—абордажъ, брандеръ, артиллерію, строй, промежутки между кораблями и т. п...—вотъ ихъ свойства положительныя и отрицательныя, выбирайте *свободно* изъ нихъ, и примѣняйте ихъ сообразно ихъ свойствамъ и обстановкѣ. Вотъ это—правильное состояніе военнаго знанія, да не только военнаго, а и всякаго вообще.

И вотъ—сознательное отношеніе къ средствамъ войны, соединенное съ умѣньемъ оцѣнить обстановку и съ умѣньемъ примѣнить одно къ другому—вотъ весь секретъ военныхъ успѣховъ.

Но *сознательное* отношеніе—это и есть *знаніе*, и знаніе не только изъ опыта, а непремѣнно *полученное изученіемъ корней дѣла*.

Какъ нормы превратились въ рецепты.

Когда смѣнилось нѣсколько поколѣній послѣ установленія извѣстныхъ правилъ и нормъ эскадреннаго боя парусныхъ кораблей, то обладающимъ таковымъ знаніемъ могъ быть признанъ лишь тотъ, который такъ или иначе зналъ и понималъ—*для чего* созданы эти правила и нормы. Пусть онъ получилъ это знаніе посредствомъ изученія исторіи дѣла, или пусть пониманіе явилось у него благодаря наличію у него свободнаго здраваго смысла—все равно. Тотъ-же, который только формально усвоилъ себѣ эти правила, нормы и средства, т. е. тотъ, который путемъ опыта

умѣлъ хорошо держаться въ линіи кильватера и на опредѣленномъ разстояніи, который умѣлъ хорошо руководить абордажемъ, брандеромъ и артиллеріей, чтобы взять, сжечь и обезоружить указаннаго ему въ видѣ цѣли противника, тотъ тѣмъ знаніемъ, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, не обладалъ.

Представимъ себѣ даже человѣка—современника той эпохи, когда создавались вышеупомянутыя нормы, проведшаго напр. всю службу въ голландскомъ флотѣ, очень много плававшаго, участвовавшаго въ бояхъ, котораго заставляли плавать постоянно въ строѣ кильватера, при опредѣленномъ разстояніи между кораблями, но который самъ себѣ никогда не задавалъ вопроса—*а почему это дѣлается именно такъ?*,—и никто его въ это не посвящалъ. Быть можетъ случалось и такъ, что при случайныхъ выходахъ изъ строя, когда это происходило по его винѣ, онъ подвергался за это непріятностямъ,-или наблюдалъ какъ таковымъ непріятностямъ подвергались за это другіе,—и тогда въ его сознаніи крѣпло только представленіе о томъ, что *нельзя* выходить изъ строя, *нельзя* преступать указаннаго разстоянія между кораблями, но рядомъ съ этимъ не укладывалась суть дѣла—*почему* нельзя было это дѣлать именно при имѣвшей тогда мѣсто обстановкѣ.

Вотъ тѣ обстоятельства, въ которыхъ зарождается такой типъ, который почти навѣрно—когда самъ будетъ начальникомъ—во всѣхъ случаяхъ, хотя-бы это было противно здравому смыслу,—будетъ держаться строя и разстоянія, какъ слѣпой стѣны.

И чѣмъ дальше мы будемъ отходить отъ эпохи *создателей* извѣстныхъ правилъ и нормъ, тѣмъ возможнѣе и чаще будетъ встрѣчаться такой типъ. Вотъ одинъ изъ путей, какъ создается и овладѣваетъ человѣкомъ рутина. Лучшимъ пособникомъ рутины является система—„не разсуждать, а исполнять“, и подавленіе личной иниціативы.

Рутина—это потеря сознательности дѣйствій.

Значитъ рутина—не способъ, не фактъ—въ данномъ случаѣ—не строй, или разстояніе между кораблями, а потеря знанія—*для чего*, потеря *сознательности* дѣйствій.

Такъ изъ живого дѣла понемногу вывѣтривается духъ—сознаніе—суть, и остается шелуха—форма—бездушная, тупая рутина.

Средства борьбы съ рутиной—сознательное познаніе и способность къ инпціативѣ, основанные на общности военной мысли.

И если это такъ, если именно такимъ путемъ создается рутина, то лучшее средство, чтобы бороться съ ней въ настоящемъ и будущемъ—это широкое, разностороннее, критическое познаніе предмета—познаніе связи всего что дѣлается съ причинами этого всего, съ корнями, съ почвой все это взростившей т. е. иначе говоря—научное познаніе предмета. А неоцѣнимымъ пособникомъ проявленію такого познанія будетъ широкое развитіе въ личномъ составѣ способности къ разумной иниціативѣ, базирующейся на общности военной мысли, безъ чего и иниціатива можетъ выродиться въ своевольство.

Рутина и шагистика.

Яркій примѣръ, что дѣлаетъ изъ разумнаго дѣла рутина, имѣется въ сухопутномъ военномъ дѣлѣ. Извѣстный полководецъ Морицъ Саксонскій первый ввелъ шагъ въ ногу, чтобы увеличить скорость и стройность передвиженій своихъ войскъ. Однако цѣль эта скоро была позабыта, осталась только бездушная форма, и хорошо извѣстно, какъ черезъ нѣсколько поколѣній шагистика задушила живую мысль въ военномъ дѣлѣ и становилась поперекъ всякому проявленію здраваго смысла, и сколько человѣческихъ жертвъ пожрало это чудовище.

И сколь оно живуче, показываетъ тотъ фактъ, что еще недавно (послѣ войны) одинъ изъ русскихъ полковыхъ командировъ приказалъ во всѣхъ ротахъ расчертить полъ, чтобы добиться у солдатъ шага законнаго размѣра, совершенно не принимая во вниманіе, что у первой и шестнадцатой роты не можетъ существовать общаго *удобнаго* шага.

Что сдѣлала рутина съ нормами для эскадреннаго боя черезъ 50 лѣтъ послѣ нхъ созданія.

Тоже самое случилось и съ правилами и нормами эскадреннаго морского боя, установленными въ концѣ XVII столѣтія, черезъ нѣсколько поколѣній—въ серединѣ XVIII столѣтія. Въ тѣхъ-же самыхъ флотахъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли выше, такъ разумно, сообразно обстановкѣ, примѣнялся строй всего 50 лѣтъ тому назадъ, теперь оказалось, что поклоняются не

разумнымъ и вѣчнымъ принципамъ, стремленіе къ примѣненію которыхъ и породило строй, а предметомъ поклоненія и совершенно слѣпого—сталъ уже самый строй. Значитъ рутина и тутъ уже поспѣла наложить на живую мысль свою тяжелую руку и подсунула вмѣсто нея бездушное правило съ утеряннымъ содержаніемъ, и то что было средствомъ, обратилось въ цѣль, и на мѣсто сознательности стала безсознательность. И не будь на лицо достаточно хорошо обслѣдованныхъ историческихъ фактовъ, трудно было-бы даже повѣрить— во что обратилось въ эту эпоху искусство веденія эскадреннаго боя, и безъ исторіи раскрытіе этой губительной работы рутины прямо было-бы невозможно. Въ эту эпоху считали, что для достиженія побѣды достаточно выполнить цѣлый рядъ правилъ вмѣсто того, чтобы стремиться къ сосредоточенію силъ, къ взаимной поддержкѣ и т. п... И эта эпоха ложнаго направленія въ тактикѣ, эта эпоха господства рутины, *попиранія принциповъ, не по ошибкѣ, а изъ преклоненія передъ бездушными правилами*—заняла цѣлое полстолѣтіе. Это была настоящая реакція противъ предыдущей эпохи расцвѣта военно-морского искусства.

Особенно характерно, что происходило въ эту эпоху въ лучшемъ тогда флотѣ—англійскомъ.

Характерной иллюстраціей этой эпохи являются дѣйствія англичанъ въ Тулонскомъ (1744) и Минорскомъ (1756) сраженіяхъ, и еще болѣе характерно отношеніе англійскаго военно-морского сословія къ этимъ дѣйствіямъ.

Въ Тулонскомъ сраженіи задача англичанъ состояла въ томъ, чтобы не позволить соединенному франко-испанскому флоту выйти изъ Тулона. Тулонское сраженіе.

Условія благопріятствовали англичанамъ, такъ какъ при выходѣ союзниковъ въ море, англичане оказались на вѣтрѣ и значитъ они легко могли принудить противника къ бою. Дѣло еще облегчалось тѣмъ, что арьергардъ союзнаго флота, состоявшій изъ испанцевъ, сильно растянулся и отсталъ отъ главныхъ силъ (французовъ), а кромѣ того собственно испанцы и являлись главной цѣлью англичанъ, такъ какъ

официально Англія находилась въ войнѣ только съ Испаніей, и французы лишь конвоировали испанскій флотъ.

Однако англичане медлили нападать. И причина этого лежала въ томъ, что командовавшій англійскимъ флотомъ адмиралъ Матьюсъ, находился съ главными силами на траверзѣ центра и арьергарда противника и поджидалъ далеко отставшій свой арьергардъ, которымъ командовалъ адмиралъ Лестокъ, а послѣдній не торопился догнать свои главныя силы и не прибавлялъ парусовъ.

Наконецъ, видя, что противникъ можетъ совсѣмъ избѣгнуть боя, Матьюсъ потерялъ терпѣніе, и, имѣя поднятымъ сигналъ „вступить въ бой“, вышелъ со своимъ кораблемъ изъ линіи и спустился на непріятеля. За нимъ послѣдовали только нѣкоторые изъ его командировъ — остальные продолжали держаться въ строю въ отдаленіи отъ противника, также продолжалъ медлить и Лестокъ, соразмѣряя ходъ арьергарда по наихудшему ходоку, т. е. сохраняя строй.

Между тѣмъ Матьюсъ съ нѣсколькими послѣдовавшими за нимъ кораблями вступилъ въ бой съ разрозненными испанскими кораблями, и, благодаря этой разрозненности и очень вялой поддержкѣ, которую испанцы оказывали другъ другу, ему удалось нанести противнику значительный уронъ и даже завладѣть однимъ изъ испанскихъ кораблей.

Но въ это время французы, видя разгромъ испанцевъ, повернули къ нимъ на помощь, а Матьюсъ все продолжалъ оставаться безъ поддержки большинства своего флота, предпочитавшаго повидимому сохраненіе строя побѣдѣ. И тогда, чтобы не быть окруженнымъ превосходными силами французовъ, Матьюсъ былъ вынужденъ бросить столь удачно начатый бой и уже взятый непріятельскій корабль и вернуться къ своему флоту.

Послѣ того бой уже больше не возобновлялся и англичане потеряли изъ вида союзный флотъ, который и достигъ благополучно своей цѣли.

Что многіе изъ англійскихъ командировъ и Лестокъ не поддержали своего адмирала вышедшаго изъ строя, чтобы сблизиться съ непріятелемъ и не дать ему возможности избѣгнуть боя—это, съ точки зрѣнія интересующаго насъ въ данный моментъ вопроса—не представляетъ особой важности. Они могли какъ нибудь иначе объяснить себѣ его сигналы и маневры, они могли быть недисциплинированы — даже можно допустить, что они не хотѣли идти въ огонь, или что они сдѣлали это нарочно изъ непріязни къ своему адмиралу. Напр. извѣстно, что Лестокъ враждовалъ съ Матьюсомъ и не разъ доходилъ до явнаго неповиновенія своему начальнику.

Отчего Лестокъ и англійскіе командиры не поддержали Матьюса.

Но это все были-бы недоразумѣнія или болѣе или менѣе тяжкіе проступки, но это не были-бы идеи или мнѣнія англійскаго морского сословія того времени о значеніи строя, и о веденіи морского боя.

Но вотъ, если-бы Лестокъ и не послѣдовавшіе за Матьюсомъ командиры не атаковали непріятеля именно потому, что они считали недопустимымъ, даже для этого, нарушить строй, или если-бы они могли надѣяться именно этимъ оправдать свое бездѣйствіе, разсчитывая, что общественное мнѣніе морского сословія ихъ поддержитъ въ этомъ, то вотъ это—ужъ было-бы яркой характеристикой господствовавшихъ въ это время идей, и яркимъ показателемъ, что на эти идеи ужъ поспѣла наложить свою тяжелую руку рутина.

И это дѣйствительно такъ и оказалось.

Сраженіе это было разобрано на судѣ. Судьями были морскіе офицеры. И этотъ судъ осудилъ Матьюса и оправдалъ Лестока. И онъ осудилъ Матьюса не за то, что онъ не держалъ свою эскадру въ порядкѣ, не за то, что онъ не съумѣлъ внушить своему личному составу воинскую дисциплину, не за то, наконецъ, что онъ не съумѣлъ вести бой, что онъ напр. не сосредоточилъ свою силу, имѣя возможность это сдѣлать, что онъ не создалъ обстановки для проявленія взаимной поддержки, или что онъ не прикрылъ свою слабую сторону или не выставилъ сильную—нѣтъ, а *осудилъ онъ его за то, что онъ вышелъ изъ строя.*

Рѣшеніе англійскаго морского суда по поводу Тулонскаго сраженія.

И не смотря на то, что непринявшіе участіе въ бою очевидно поступили и противъ принципа сосредоточенія силъ и противъ принципа взаимной поддержки т. е. прямо противъ здраваго смысла, и не смотря на то, что они оказались недисциплинарны и *уклонялись отъ боя*—судъ ихъ оправдалъ и только потому, что *они остались въ строю!*

Развѣ это не ясный показатель того, что въ это время ставили на первый планъ уже не принципы боя, не здравый смыслъ—какъ это дѣлали Рюйтеръ, Турвиль и ихъ современники—а пустую безъ содержанія форму—строй, который такимъ образомъ сталъ на мѣсто принципа-здраваго смысла, который его и породилъ въ свое время, будучи приложенъ къ извѣстной обстановкѣ.

И пока исторія не показала, что такой фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, до тѣхъ поръ трудно повѣрить чтобы это было возможно, и вотъ для убѣжденія себя въ этомъ, для убѣжденія себя въ томъ, что такое явленіе можетъ имѣть мѣсто и теперь, вотъ для этого-то и нельзя обойтись безъ изученія исторіи.

Послѣдствія рѣшенія суда по поводу Тулонскаго сраженія.

Вѣдь выводъ изъ суда надъ дѣйствіями эскадры Матьюса могъ получиться только такой—все можешь сдѣлать, можешь упустить непріятеля, можешь даже проиграть сраженіе, но только не можешь нарушать строй, и разъ строй сохраненъ-пропадай все остальное.

И дѣйствительно такой выводъ и сдѣлало англійское морское сословіе, не смотря на то, что оно состояло изъ опытныхъ практиковъ—мастеровъ военнаго дѣла, не смотря на то, что въ числѣ его конечно было не мало и умныхъ и талантливыхъ людей.

Но рутина, какъ указано было выше, не щадитъ и ума и таланта.

Рецептъ веденія эскадреннаго боя въ серединѣ XVIII столѣтія созданный рутиной.

И вотъ, благодаря этому слѣпому преклоненію передъ строемъ, благодаря боязни его нарушить, посмотрите только—какой создался въ это время *рецептъ* для атаки противника находящагося подъ вѣтромъ.

Считалось, что для этого надо, тщательно равняясь въ линіи, держать немного полнѣе противника, держась вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобы авангардъ прихо-

дился на траверзѣ авангарда, центръ—на траверзѣ центра, арьергардъ—на траверзѣ арьергарда, и вообще каждый корабль—на траверзѣ соотвѣтствующаго корабля въ линіи непріятеля.

Вѣдь ясно, что такой рецептъ прямо противорѣчитъ напр. принципу сосредоточенія силъ, такъ какъ въ основѣ его лежитъ мысль—распредѣлить всю свою силу по соотвѣтственной силѣ непріятеля. Кромѣ того ясно, что такая эквилибристика для кораблей, для выполненія которой надо было равняться въ строю и держать все время на траверзѣ соотвѣтствующій корабль непріятеля, должна была требовать такого огромнаго вниманія со стороны командира, что ему некогда уже было и думать о чемъ либо другомъ. Очевидно, что это требованіе кромѣ того было и невыполнимо, такъ какъ неизбѣжныя поврежденія въ бою въ двигательномъ аппаратѣ—въ парусахъ, снастяхъ и рангоутѣ, потери въ людяхъ, виляніе рулемъ и т. п... должны были постоянно выбивать корабли изъ этихъ рамокъ. Ясно, что такое требованіе не позволяло лучшимъ ходокамъ воспользоваться своимъ ходомъ и обрекало всѣхъ равняться по худшимъ ходокамъ, и даже по болѣе поврежденнымъ кораблямъ. Ясно, что тутъ не могло быть и рѣчи о какой либо взаимной поддержкѣ.

И развѣ это увлеченіе правильностью и ненарушимостью строя не было подобно увлеченію шагистикой на сухомъ пути?

Вѣдь для того, чтобы примѣнить принципъ сосредоточенія силъ, надо выбрать извѣстный участокъ непріятельскаго строя и окружить его или скучить противъ него больше кораблей чѣмъ имѣется на этомъ участкѣ у непріятеля. А для этого надо сломать строй и дѣйствовать отдѣльными свободными отрядами, которые лишь имѣютъ въ виду общую поставленную имъ цѣль.

Но вотъ это именно, т. е. иначе говоря—свободное проявленіе здраваго смысла въ веденіи морского боя—совершенно не допускалось въ англійскомъ флотѣ въ тотъ періодъ времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь.

Минорское сраженіе.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно познакомиться со способомъ дѣйствій англичанъ въ Минорскомъ сраженіи.

Обстановка этого сраженія была такова. Французы высадили корпусъ войскъ на принадлежавшій англичанамъ островъ Минорку, который занялся осадой крѣпости, а французскій флотъ охранялъ свободу дѣйствій этого корпуса отъ какой либо помѣхи со стороны моря. Задача прибывшаго спѣшно къ Миноркѣ англійскаго флота состояла въ томъ, чтобы разбить французскій флотъ, такъ какъ этимъ самымъ обрекались на гибель и французскія войска и въ этомъ заключался единственный шансъ на спасеніе Минорки.

Нѣкоторое время англичане находились подъ вѣтромъ и не могли атаковать противника—по тогдашнимъ понятіямъ атака съ подвѣтра не допускалась совсѣмъ,—но наконецъ перемѣна вѣтра позволила имъ выйти на вѣтеръ, и адмиралъ Бингъ, командовавшій англійской эскадрой, рѣшилъ немедленно атаковать непріятеля. И дѣйствительно терять времени было нельзя—всякое промедленіе могло грозить потерей крѣпости, малочисленный гарнизонъ которой съ трудомъ противустоялъ напору французовъ.

Случилось однако такъ, что спускаясь на французовъ, англійскіе командиры не смогли удержаться въ линіи параллельной непріятелю, да оно и понятно—такая эквилибристика пригодна только для смотра а не для боя, и въ бою она никогда и не удавалась. Вопервыхъ ушелъ впередъ авангардъ—и это тоже понятно, такъ какъ онъ въ своихъ движеніяхъ былъ меньше стѣсненъ чѣмъ задніе корабли. Затѣмъ передовой корабль центра изъ за поврежденія въ рангоутѣ бросился къ вѣтру и загородилъ дорогу сзади него идущимъ кораблямъ, на одномъ изъ которыхъ держалъ свой флагъ адмиралъ Бингъ. Между тѣмъ авангардъ, которымъ командовалъ адмиралъ Вестъ, уже сблизился въ это время съ французами и вступилъ съ ними въ бой, но очень сильно терпѣлъ отъ ихъ огня, такъ какъ вся французская линія дефилировала мимо него и всѣ корабли поочереди выпускали въ него свои залпы.

Казалось-бы, центру и арьергарду англійской эскадры надо было, не обращая вниманія на порядокъ строя, какъ можно скорѣе спуститься, чтобы поддержать свой авангардъ. Вѣдь именно этого требовалъ здравый смыслъ.

Но не тутъ-то было.

Бросившійся къ вѣтру передовой корабль центра, загородившій дорогу остальнымъ, заставилъ ихъ сбиться въ кучу, такъ какъ командиры стремились удержать свое мѣсто въ строю. Вотъ здѣсь-то могъ поправить все дѣло своимъ примѣромъ адмиралъ. Онъ могъ выйти изъ строя и спуститься на непріятеля, и этимъ увлечь за собой остальныхъ, и если-бы онъ не надѣялся на вліяніе своего примѣра—онъ могъ приказать сигналомъ слѣдовать всѣмъ кораблямъ за нимъ, не соблюдая порядка номеровъ. И тогда дѣло было-бы поправлено.

Дѣйствія адмирала Бинга какъ слѣдствіе судьбы адмирала Матьюса.

Но на самомъ дѣлѣ произошло вотъ что. Сначала адмиралъ Бингъ со своимъ кораблемъ бросился было впередъ, но потомъ приказалъ поднять сигналъ—держаться въ линіи, и обратился къ своему флагъ-капитану Гардинеру (капитану флагманскаго корабля) со слѣдующими словами*)—„Вы видите—сигналъ—быть въ линіи—виситъ, и что я впереди кораблей *„Louisa“* и *„Trident“* (по порядку нумеровъ эти корабли должны были находиться сзади адмирала). Вѣдь вы не можете-же себѣ представить, чтобы *я*—командующій флотомъ—спустился—точно я хотѣлъ-бы вступить въ бой съ однимъ какимъ нибудь кораблемъ. Въ этомъ и было несчастье адмирала Матьюса (Бингъ былъ однимъ изъ членовъ суда судившемъ Матьюса), что онъ увлекся ложной идеей—спускаться не со всей своей силой, и я—постараюсь избѣгнуть этого. Кладите марсель на стеньгу“, т. е. остановите корабль на мѣстѣ. И онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своей линіи, и когда всѣ корабли заняли свои мѣста, онъ подошелъ къ своему авангарду...

Но, увы—онъ нашелъ его въ плачевномъ состояніи. Мимо него поспѣла уже продефилировать вся фран-

---

*) Изъ судебнаго дѣла объ адмиралѣ Бингѣ. *The history of the Royal Navy.*

цузская эскадра и онъ былъ жестоко избитъ, а противника на мѣстѣ уже не было. Французы поспѣли уже спуститься далеко подъ вѣтеръ, вновь выстроили свою линію и въ полномъ порядкѣ ожидали новаго нападенія.

Имѣя значительное количество своихъ кораблей обитыми, Бингъ не рѣшился вторично атаковать французовъ и пошелъ въ Гибралтаръ исправлять свои поврежденія.

При этомъ надо замѣтить, что именно вышеприведенный рецептъ для атаки, которому послѣдовалъ и Бингъ, болѣе всего и способствовалъ вѣроятности тяжелыхъ поврежденій для атакующаго по такому рецепту флота. Дѣйствительно, чтобы сблизиться съ непріятелемъ, каждому кораблю навѣтреннаго флота надо было держать полнѣе и этимъ значительно ослабить свой огонь, такъ какъ углы обстрѣла тогда были очень не велики, а самъ онъ подвергался самому опасному въ то время—продольному огню со стороны непріятеля, который свободно обстрѣливалъ его всѣмъ бортомъ во все время сближенія.

Такимъ образомъ французы получили свободу дѣйствій, и Минорка попала въ ихъ руки.

Судъ надъ адмираломъ Бингомъ.

Адмиралъ Бингъ былъ отданъ подъ судъ.

И не правда-ли, прежде всего конечно напрашивается мысль—ну конечно судъ разобралъ въ чемъ дѣло, конечно онъ выяснилъ, что Бингъ былъ неправъ, заботясь о строѣ въ такой моментъ, что онъ долженъ былъ увлечь свою эскадру движеніемъ своего корабля на быструю помощь Весту, что судъ выяснилъ—сколь нелѣпъ былъ принятый рецептъ для атаки съ навѣтра, что въ основѣ его лежитъ невѣрная идея—разброска силъ и подставленіе своей слабой стороны въ видѣ подставленія своихъ кораблей подъ продольный огонь, безъ возможности выставить на первый планъ свою сильную сторону—огонь своего борта...

Но для этого надо было чтобы судьи были способны къ свободному проявленію своего здраваго смысла, надо было имъ сознать, что ими владѣетъ рутина и сбросить съ себя это иго...

Но это оказалось не такъ-то легко.

И на самомъ дѣлѣ произошло вотъ что.

Прежде всего до суда прошло очень много времени. Сраженіе произошло въ концѣ Мая, адмиралъ Бингъ былъ смѣненъ въ концѣ Іюня, прибылъ въ Англію въ концѣ Іюля, а судъ начался въ Декабрѣ и тянулся еще цѣлый мѣсяцъ.

Значитъ нельзя сказать, чтобы рѣшеніе суда было скороспѣлымъ, подъ вліяніемъ неудачи постигшей англичанъ - было достаточное время хладнокровно обсудить событія.

А постановленіе суда было такое. „Когда англійскій флотъ, находясь на правомъ галсѣ, оказался на траверзѣ непріятельскаго флота, адмиралъ Бингъ долженъ былъ заставить поворотить свои корабли одновременно, и долженъ былъ немедленно спуститься прямо на непріятеля, направляясь: авангардъ на авангардъ непріятеля, арьергардъ - на его арьергардъ, каждый корабль - на соотвѣтствующій ему корабль въ непріятельской линіи, имѣя такое количество парусовъ, которое позволило-бы худшему ходоку держаться въ линіи баталіи. Адмиралъ Бингъ опоздалъ съ арьергардомъ сблизиться съ непріятелемъ вслѣдствіе того, что убавилъ парусовъ съ тѣмъ, чтобы дать возможность кораблямъ „*Trident*“ и „*Louise*“ (см. стр. 317) занять свои мѣста впереди флагманскаго корабля. Между тѣмъ онъ долженъ былъ сдѣлать этимъ кораблямъ сигналъ, чтобы они прибавили парусовъ, и самъ долженъ былъ прибавить столько парусовъ, *чтобы худшій ходокъ могъ-бы держаться въ линіи* съ полными парусами,—и такимъ образомъ—съ *возможною* быстротой подойти къ непріятелю и такимъ образомъ поддержать дивизію адмирала Веста“.

На основаніи этого, согласно закону, судъ присудилъ адмирала Бинга къ смерти черезъ разстрѣляніе.

Значитъ судъ вопервыхъ—подтвердилъ правильность того рецепта, по которому было принято въ то время производить атаку подвѣтреннаго флота, и во вторыхъ—подтвердилъ, что Бингъ долженъ былъ придти на помощь не иначе какъ вмѣстѣ со всѣми своими

кораблями т. е. онъ одобрилъ и планъ атаки Бинга и планъ его придти на помощь Весту. А осудилъ онъ только способы выполненія этихъ плановъ, считая ихъ значитъ вполнѣ удобовыполнимыми, но только не такъ какъ это сдѣлалъ Бингъ.

Между тѣмъ для насъ ясно, что именно способъ атаки принятый Бингомъ былъ основанъ на ложной идеѣ, выполненіе его въ бою было связано съ исключительными трудностями, и такъ-же ложенъ былъ и планъ Бинга идти на помощь Весту именно со *всѣми* кораблями, равняясь по худшему ходоку. Мы это видимъ потому, что все это явно противорѣчитъ основнымъ принципамъ веденія боя—здравому смыслу. А тогда спрашивается, почему-же судъ вынесъ такое постановленіе?

Быть можетъ судьи не были достаточно опытны, чтобы видѣть тѣ ложныя основы, на которыхъ они строили свои сужденія?

Такое предположеніе надо отбросить. Судъ состоялъ изъ одного вице-адмирала, трехъ контръ-адмираловъ и девяти капитановъ 1-го ранга—значитъ судьи выражали именно мнѣніе морского сословія, значитъ такъ думали о веденіи боя всѣ въ англійскомъ флотѣ.

Быть можетъ судьи имѣли что либо противъ адмирала Бинга и были къ нему пристрастны?

Но противъ этого говоритъ ихъ отношеніе къ адмиралу Бингу, какъ оно выразилось на судѣ и послѣ суда.

Постановленіе суда кончается такими словами по адресу адмирала Бинга: „такъ какъ по свидѣтельству всѣхъ бывшихъ на кораблѣ—они не замѣтили никакихъ признаковъ трусости или смущенія и растерянности въ его поведеніи, а напротивъ—онъ отдавалъ свои приказанія вполнѣ хладнокровно и ясно и отчетливо, а также и по многимъ другимъ обстоятельствамъ, судъ не думаетъ, чтобы его поведеніе вытекало изъ недоброжелательства или трусости или малодушія, а потому *единогласно* считаетъ своимъ долгомъ горячо ходатайствовать объ его помилованіи“.

Вмѣстѣ съ приговоромъ въ адмиралтейство было кромѣ того препровождено коллективное письмо судей, въ которомъ они выражаютъ глубокую свою горесть, что по буквѣ закона имъ пришлось осудить на смерть человѣка, который виновенъ только въ *ошибочномъ сужденіи о положеніи*, и, ради успокоенія ихъ совѣсти, горячо просили о снисхожденіи.

Вслѣдствіе этого адмиралтейство запросило 12-ть коронныхъ судей—правиленъ-ли приговоръ съ юридической стороны? Отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный.

Тогда нѣкоторые изъ членовъ суда обратились къ парламенту съ ходатайствомъ объ освобожденіи ихъ отъ тайны преній при составленіи приговора. Они хотѣли указать, что нѣкоторые члены суда считали, что по тѣмъ пунктамъ, которые были установлены въ приговорѣ, не можетъ быть назначена смертная казнь, и что, если-бы они это знали, то не согласились-бы на такую редакцію пунктовъ.

Парламентъ удовлетворилъ эту просьбу и издалъ соотвѣтствующій билль, но палата лордовъ его отвергла.

Тогда одинъ изъ лордовъ адмиралтейства—вице-адмиралъ Форбесъ—отказался скрѣпить приговоръ своею подписью, а адмиралъ Вестъ, тотъ самый, который не былъ во время поддержанъ Бингомъ, и получившій теперь въ командованіе эскадру, отказался отъ этого командованія, ибо, по его мнѣнію, онъ можетъ отвѣчать за свою вѣрность престолу и за свои добрыя намѣренія, но совершенно не можетъ быть отвѣтственъ за полную правильность своихъ сужденій во всѣхъ случаяхъ.

Но ничего не помогло—приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 14 Марта 1757 года, значитъ черезъ полтора мѣсяца послѣ его постановленія.

Спасти адмирала Бинга могло только освобожденіе отъ рутины.

Значитъ судьи и товарищи по оружію стремились спасти Бинга, они употребляли всевозможныя для этого мѣры, но кромѣ одной—и притомъ единственной, которая могла спасти не только Бинга, но и англій-

скій флотъ отъ многихъ бѣдъ, явившихся слѣдствіемъ осужденія Бинга. И мѣра эта состояла въ томъ, чтобы осудить господствовавшія въ тѣ времена, подъ вліяніемъ рутины, ложныя идеи о веденіи боя, осудить свои собственныя мнѣнія, выставить Бинга жертвой не ему лично присущихъ, а *общихъ* всему сословію заблужденій.

Но вотъ этого-то они и не могли сдѣлать, и именно потому, что *сами* не сознавали, что здравый смыслъ ихъ плѣненъ рутиной, а потому и не видѣли они единственнаго выхода спасти Бинга и вынести изъ сраженія при Миноркѣ поучительный урокъ для будущаго. Они, по волѣ какого то злого рока, обагрили свои руки въ крови невиннаго человѣка, который былъ плотью отъ ихъ плоти, и котораго они искренно жалѣли и уважали, они какъ загипнотизированные шли на новыя неудачи близкаго и дорогого имъ флота, чуя эту опасность, но не зная какъ отъ нея отдѣлаться.

Казнь адмирала Бинга.

И всю эту мрачную драму цѣлаго морского сословія создала именно рутина, и однимъ изъ сильнѣйшихъ аккордовъ этой драмы—и къ сожалѣнію далеко не послѣднимъ—явилась смерть Бинга.

А умеръ онъ героемъ и этимъ еще разъ доказалъ, что тѣмъ болѣе умеръ-бы героемъ въ бою, и что флотъ потерялъ въ немъ не преступника, а одного изъ лучшихъ своихъ членовъ, виноватаго только въ томъ, что онъ мыслилъ по существу одинаково со своими судьями.

14-го Марта 1757 года—въ день казни—морская пѣхота корабля *„Monarch“*, на которомъ содержался адмиралъ Бингъ, была выстроена на ютѣ, шкафутахъ и одной сторонѣ шханецъ этого корабля. На другой сторонѣ шханецъ палуба была густо засыпана опилками и на нихъ положена была подушка. Посрединѣ шханецъ—на рѣшетчатомъ люкѣ—расположился взводъ морской пѣхоты съ заряженными ружьями. Командиры всѣхъ судовъ, находящихся на Спитгедскомъ и Портсмутскомъ рейдахъ, держались на веслахъ на своихъ шлюпкахъ на траверзѣ *„Monarch“*—а.

За нѣсколько минутъ до полдня адмиралъ Бингъ удалился въ свою каюту. Черезъ три минуты послѣ

этого наружныя двери его каюты распахнулись и Бингъ вышелъ совершенно спокойный и полный достоинства. Онъ раскланялся со знакомыми и, подойдя къ представителю адмиралтейства, сказалъ—„*come along my friend*“, и вышелъ съ нимъ на шханцы. Тамъ, повернувшись къ нему, онъ съ вѣжливымъ поклономъ подалъ ему бумагу, въ которой былъ изложенъ его взглядъ на его дѣло и резюмирована его защита. При этомъ онъ сказалъ—„не забудьте сэръ, что я Вамъ говорилъ относительно этой бумаги“—и прямо направился къ подушкѣ и склонилъ колѣни.

Одинъ изъ его друзей предложилъ завязать ему глаза, но онъ отказался и завязалъ себѣ глаза самъ.

Взводъ между тѣмъ сдѣлалъ два шага впередъ и взялъ ружья на изготовку, ожидая знака адмирала чтобы стрѣлять.

Около минуты Бингъ молился, а затѣмъ—въ видѣ сигнала—подбросилъ платокъ.

Раздался залпъ изъ шести ружей. Одна пуля пролетѣла мимо, но одна—попала прямо въ сердце. Адмиралъ—мертвый—склонился на палубу.

Тѣло положили въ гробъ и отправили на берегъ, а затѣмъ перевезли въ Бедфордшейръ, гдѣ адмиралъ Бингъ былъ похороненъ въ фамильномъ склепѣ.

Надпись на его могилѣ гласила:

„Къ вѣчному стыду общественной справедливости, Джонъ Бингъ, Эсквайръ, адмиралъ синяго флага, палъ жертвой политическаго преслѣдованія 14 Марта 1757 г., когда храбрость и вѣрность были недостаточны, чтобы обезпечить жизнь и честь морскому офицеру“.

Я нарочно привелъ нѣкоторыя подробности суда надъ Бингомъ и его казни, чтобы можно было себѣ ясно представить—какое потрясающее впечатлѣніе это событіе должно было произвести на англійскій флотъ.

И конечно легко понять, что родные адмирала Бинга, потерявшіе въ немъ близкаго, дорогого имъ человѣка, сдѣлали вышеприведенную надпись на его могилѣ. Они не могли понять—да кто собственно это ясно понималъ—за что его казнили?

Но надпись эта не объясняла сущности дѣла. На могилѣ адмирала Бинга надо было начертать— *„Джонъ Бингъ, Эсквайръ, адмиралъ синяго флага, палъ жертвой профессіональной рутины“*.

Адмиралъ Бингъ— жертва професіональной рутины.

Быть можетъ тогда, прочитавшій эту надпись, вдумавшись въ нее, созналъ-бы какое это страшное чудовище—рутина, какихъ тяжелыхъ жертвъ требуетъ этотъ темный богъ!

Вѣдь вся сущность этой мрачной драмы, въ которой участниками были адмиралъ Бингъ и его судьи, а зрителями—весь англійскій флотъ, въ томъ и состояла, что тутъ ничего нельзя было разъяснить, ни оправдать, ни оправдаться, что тутъ вѣдь выхода не было—когда, ни самъ Бингъ, ни его судьи, ни зрители— не отдавали себѣ яснаго отчета, не понимали—что собственно произошло,—въ чемъ дѣло?

Вотъ что именно и страшно, по своей тупости, по своей безвыходности!

И развѣ можно было показывать слѣпымъ, говорить—глухимъ?

А слѣпыми и глухими сдѣлала англійскихъ моряковъ того времени—рутина.

Развѣ не поразителенъ тотъ фактъ, что изъ 13-ти судей—а это были все боевые офицеры—*никто* не понялъ—почему въ Минорскомъ сраженіи былъ униженъ англійскій флагъ?

Никто изъ нихъ не видѣлъ, что причина эта лежала—въ ложныхъ идеяхъ англичанъ о веденіи морского боя, въ нелѣпомъ преклоненіи передъ бездушной формой, уже лишенной всякаго содержанія!

Послѣдствія казни Бинга для англійскаго флота.

И пускай-бы даже осудили адмирала Бинга за нелѣпый способъ атаки—онъ и въ этомъ случаѣ пострадалъ-бы невинно, такъ какъ въ ту эпоху онъ думалъ только какъ думали всѣ,—но тогда, по крайней мѣрѣ, искупивъ своей смертью грѣхи всего своего сословія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ-бы своей смертью начало возрожденію здравыхъ идей о веденіи морского боя,—онъ положилъ-бы начало возрожденію личнаго состава англійскаго флота, запутавшагося въ тенетахъ рутины.

Его смерть заставила-бы тогда обратить вниманіе на нелѣпость существовавшихъ въ то время идей.

А тутъ—когда судъ поставилъ эти идеи за образецъ, да еще обвинилъ адмирала Бинга въ недостаточно точномъ и умѣломъ слѣдованіи именно этимъ идеямъ—казнь адмирала Бинга тяжелымъ гнетомъ легла на умы англійскаго морского сословія. Какое вѣдь надо было имѣть послѣ этого мужество, чтобы преступить столь опредѣленно указанный и высоко превознесенный образецъ!

Странное отношеніе новѣйшихъ историковъ англійскаго флота къ адмиралу Бингу.

Къ сожалѣнію этотъ глубоко трагическій эпизодъ англійской морской исторіи не получилъ соотвѣтствующей оцѣнки и до сихъ поръ со стороны англійскихъ морскихъ историковъ.

Вотъ что читаемъ мы по поводу казни адмирала Бинга, въ новѣйшей и подробнѣйшей исторіи англійскаго флота*).

„Главная вина Бинга—въ томъ, что онъ не былъ геніемъ; онъ не былъ достаточно независимъ, чтобы освободиться отъ выполненія правилъ и слѣдованія прецедентамъ, когда того требовали обстоятельства. Но съ другой стороны приговоръ имѣлъ и хорошую сторону. Онъ долженъ былъ научить адмираловъ водившихъ англійскіе флоты послѣ несчастнаго Бинга, что имъ слѣдуетъ больше обращать вниманіе на погоню за побѣдой, нежели за красной ленточкой, и что самая честная преданность установленнымъ правиламъ не есть достоинство для морского офицера,—онъ долженъ умѣть побѣждать враговъ своей родины“.

Авторъ безусловно правъ въ заключительныхъ своихъ словахъ—о необходимости умѣть *побѣждать* уже говорилось въ своемъ мѣстѣ (см. гл. IV стр. 249—254), но вѣдь онъ ничего не говоритъ о томъ—на чемъ собственно зиждется это умѣнье побѣждать. Онъ какъ-бы слегка критически относится къ *правиламъ* и *прецедентамъ*, но онъ ровно ничего имъ не противупоставляетъ. Онъ ни словомъ не упоминаетъ о *принципахъ*, онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о

*) *Laird Clowes. The royal navy.* Томъ III стр. 160.

страшной силѣ этихъ правилъ и прецедентовъ, когда они не вытекаютъ изъ принциповъ, а существуютъ сами по себѣ—въ видѣ рецептовъ преемственно воспринятыхъ и вошедшихъ въ традиціи. Онъ даже какъ будто обвиняетъ несчастнаго Бинга въ томъ, что тотъ какъ-бы считалъ, что слѣдованіе установленнымъ правиламъ обезпечитъ ему награду—красную ленточку на грудь—а отступленіе отъ правилъ не дастъ ему никакого оправданія при неудачѣ. Онъ какъ-бы обвиняетъ его въ карьеризмѣ, въ погонѣ за орденомъ, даже въ ущербъ дѣлу. Конечно нельзя отказать этому его замѣчанію въ мѣткости—такіе случаи бывали всегда и бываютъ сплошь и рядомъ теперь—но онъ въ разбираемомъ случаѣ какъ будто совершенно игнорируетъ фактъ, что адмиралъ Бингъ самъ былъ искренно убѣжденъ въ спасительности правилъ, что такъ думала вся среда его окружавшая, что такъ думали и его судьи, что въ этомъ-то и состоялъ весь трагизмъ положенія.

Чему научила смерть Бинга послѣдующихъ англійскихъ адмираловъ.

И авторъ ужъ совсѣмъ неправъ, когда онъ говоритъ, что приговоръ имѣлъ и хорошую сторону и что онъ научилъ чему-то положительному англійскихъ адмираловъ водившихъ флоты послѣ Бинга. Вѣдь подъ этимъ онъ какъ-бы подразумѣваетъ, что послѣ Бинга англійскіе адмиралы дѣйствовали свободно, сообразно обстоятельствамъ, игнорируя правила—рецепты.

Но вѣдь это просто невѣрно. Вѣдь Бингъ не могъ побѣдить потому, что *не съумѣлъ принудить противника къ бою,* и это было и невозможно при общепринятомъ тогда рецептѣ атаки.

А такъ какъ судъ этотъ рецептъ одобрилъ, то напротивъ—можно было ожидать. что и въ будущемъ—и въ этомъ и скажется вліяніе приговора—англійскіе адмиралы будутъ лишены умѣнья принудить противника къ бою.

И это такъ и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Именно послѣ суда надъ Бингомъ начинается періодъ цѣлаго ряда нерѣшительныхъ сраженій между англичанами и французами—очень выгодныхъ съ точки зрѣнія французовъ, которые ставили главною цѣлью

сбереженіе своихъ кораблей, и страшно невыгодныхъ для англичанъ, которымъ во что-бы то ни стало надо было нанести рѣшительный ударъ возрождающемуся морскому могуществу своего исконнаго врага.

А конечно, если-бы къ рѣшительному бою стремились-бы французы, то о нерѣшительныхъ сраженіяхъ не могло-бы быть и рѣчи, каковы-бы ни были способы нападенія англичанъ, и можетъ быть еще долго не проявился тотъ заколдованный кругъ въ который попали англичане со своими рецептами для веденія боя.

Вотъ перечень тѣхъ сраженій, которые характеризуютъ этотъ періодъ.

Два Куддалорскихъ (адмиралъ Пококъ) 29 Апрѣля и 3 Августа 1758 года; Уэссанское (адмиралъ Кеппель) 27 Іюня 1778 года; Гренадское (адмиралъ Байронъ) 6 Іюня 1779 года; три Мартиникскихъ (адмиралъ Родней) 17 Апрѣля, 15 и 19 Мая 1780 года; первое Чезапикское (адмиралъ Арбутнотъ) 16 Марта 1781 года; Фортъ-Рояльское (адмиралъ Гудъ) 19 Апрѣля 1781 года и второе Чезапикское (адмиралъ Гревсъ) 5 Сентября 1781 года.

И ни въ одномъ изъ этихъ сраженій англичане принудить французовъ къ рѣшительному бою не могли—тѣ неизмѣнно ускользали отъ нихъ такъ, какъ они избѣжали рѣшительнаго боя при Минорке, когда ихъ атаковалъ Бингъ.

Вотъ значитъ чему приговоръ надъ Бингомъ научилъ англійскихъ адмираловъ!

А между тѣмъ большинство изъ этихъ сраженій имѣло мѣсто въ столь чувствительный и для самолюбія и для кармана англичанъ войнѣ, какъ борьба за независимость ихъ американскихъ колоній, и вѣдь въ результатѣ—и главную роль въ этомъ результатѣ сыграла невозможность или вѣрнѣе ихъ неумѣнье уничтожить французскій флотъ—американскія колоніи добились независимости. Давно уже Англія не переживала такого униженія.

Протесты общественнаго мнѣнія противъ англійскаго флота.

Общественное мнѣніе громко негодовало, и предметомъ этого негодованія сдѣлался никто иной какъ именно англійскій флотъ.

И его обвиняли не только въ неумѣньѣ, но даже въ трусости!

Выступленіе Джона Клерка, какъ защитника англійскаго флота.

И вотъ именно это обвиненіе и оскорбительное и совершенно несправедливое выдвинуло горячаго защитника англійскаго флота.

Но явился этотъ защитникъ не изъ рядовъ англійскихъ военныхъ моряковъ—они *не умѣли* объяснить своихъ неудачъ, такъ какъ не понимали ихъ дѣйствительной причины.

Защитникомъ этимъ явился, не только не морякъ, а даже не военный—это былъ нѣкто Джонъ Клеркъ, мелкій чиновникъ, не имѣвшій никакого отношенія къ морю, ни разу даже не ступавшій на палубу военнаго корабля, интересовавшійся военно-морскимъ дѣломъ чисто отвлеченно.

И вотъ онъ, возмущенный до глубины души въ своемъ патріотическомъ чувствѣ обвиненіемъ англійскихъ моряковъ въ недостаткѣ съ ихъ стороны мужества, взялся доказать, что это—клевета.

Онъ познакомился съ судебными дѣлами Матьюса, Лестока и Бинга, и ему—человѣку постороннему морскому сословію, а потому и свободному отъ *профессіональной рутины*—сразу бросилась въ глаза причина неудачъ англійскаго флота. И ему ясно представилось, что эта причина—не отсутствіе мужества—а отсутствіе сознательнаго знанія—невѣжество.

Чтобы оправдать англійскій флотъ отъ обвиненій въ трусости, пришлось доказать его невѣжество.

И чтобы оправдать англійскихъ моряковъ отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій въ недостаткѣ мужества—а эту именно цѣль онъ и поставилъ себѣ, начиная свою работу,—*ему пришлось доказать, что англійскіе моряки*, въ извѣстномъ отношеніи—*невѣжды въ своей профессіи.*

Конечно легко себѣ представить какъ приняли на первыхъ порахъ эту защиту извѣстные слои и типы англійскихъ моряковъ—очевидно въ штыки. Клеркъ удостоился съ ихъ стороны эпитетовъ выскочки, нахала, человѣка взявшагося судить о томъ, чего онъ не по-

нимаетъ и т. п., и вообще большинство отнеслось къ нему съ пренебреженіемъ.

Но образовался во флотѣ и небольшой кружокъ его сторонниковъ—и между ними былъ и талантливый Чарльзъ Дугласъ—извѣстный въ то время своимъ широкимъ образованіемъ.

Какъ въ первый разъ были приложены на дѣлѣ идеи Клерка.

Дѣйствительно, мысли Клерка были такъ просты, такъ ясны и логичны, что не могли не поражать непредубѣжденный умъ.

Вскорѣ Дугласъ оказался флагъ-капитаномъ адмирала Роднея, принявшаго вторично командованіе англійской эскадрой у береговъ возставшихъ американскихъ англійскихъ колоній. Онъ уже три раза имѣлъ случай испытать на самомъ себѣ невозможность принудить французовъ къ бою (см. стр. 327), и Дугласъ познакомилъ его съ изслѣдованіемъ Клерка и убѣждалъ его попробовать примѣнить его идеи при первой-же встрѣчѣ съ французами. Но Родней очень туго поддавался на это. Онъ все таки сущности идей Клерка не понималъ, не вѣрилъ въ то, что они могутъ ему помочь, и боялся инициативы, прекрасно понимая, что, въ случаѣ неудачи—ему будетъ поставлена эта инициатива въ вину, сколь-бы ни была она логична.

При такой обстановкѣ Родней встрѣтился съ французской эскадрой въ Апрѣлѣ 1782 года около острова Доминики.

Французы избѣгали боя и это уже готово было удаться имъ и въ этомъ случаѣ. Благодаря перемѣнѣ вѣтра, они выходили на вѣтеръ передъ самымъ носомъ Роднея, и единственное средство помѣшать имъ было—прорѣзать ихъ строй—это и совѣтовалъ въ такихъ случаяхъ дѣлать Клеркъ—но это совершенно недопускалось существовавшими идеями о веденіи атаки и прецедентами. По нимъ требовалось—выиграть сначала вѣтеръ, а затѣмъ атаковать съ навѣтра по разобранному уже выше, и вполнѣ нелѣпому, рецепту. Дугласъ предлагалъ поднять передовому кораблю—адмиралъ Родней держалъ свой флагъ на одномъ изъ кораблей центра—сигналъ, чтобы онъ прорѣзалъ французскую линію. Родней не согласился. Поэтому передовой англійскій

корабль, видя, что непріятель выходитъ у него подъ носомъ на вѣтеръ, спустился и легъ съ нимъ контръ-курсомъ, обмѣниваясь съ быстро мелькавшими передъ нимъ французскими кораблями спѣшными и мало дѣйствительными выстрѣлами.

Его примѣру послѣдовали и всѣ послѣдующіе за нимъ корабли. Наконецъ дошла очередь поворачивать и до флагманскаго корабля Роднея—французскій флотъ еще не поспѣлъ весь выйти на вѣтеръ у англичанъ. Дугласъ, ясно видѣвшій—да это конечно видѣлъ и Родней, что французскій флотъ опять ускользнетъ изъ рукъ, продолжая убѣждать Роднея прорѣзать непріятельскую линію, приказалъ положить для этого лѣво на бортъ. Родней все еще не рѣшаясь, приказалъ положить право руля. Рулевой остановился въ нерѣшительности, не зная что дѣлать, но Дугласъ вновь повторилъ свое приказаніе—лѣво на бортъ. На это Родней съ досадой сказалъ—ну дѣлайте какъ знаете.

Вотъ какъ былъ произведенъ знаменитый маневръ прорѣзанія строя въ Доминикскомъ сраженіи, доставившій адмиралу Роднею—такую славу, а Англіи—первую рѣшительную побѣду надъ противникомъ въ открытомъ морѣ послѣ цѣлаго періода досадныхъ неудачъ.

Но извѣстные кружки и типы англійскихъ морскихъ офицеровъ даже не убѣдились и этимъ блестящимъ доказательствомъ правильности идей Клерка—долго еще они продолжали шипѣть противъ *штатскаго* человѣка, посмѣвшаго имѣть свое сужденіе о дѣйствіяхъ ихъ—профессіональныхъ моряковъ—въ морскомъ бою. Конечно главный контингентъ таковыхъ состоялъ изъ людей съ тяжело ворочающимися мозгами, которымъ особенно трудно было освободиться отъ рутины.

Вражда противъ Клерка въ средѣ англійскихъ моряковъ.

Особенно характерно въ этомъ отношеніи довольно извѣстное сочиненіе адмирала Экинса, — „Описаніе сраженій англійскаго флота съ 1690 по 1827 годъ“, появившееся уже долго спустя—послѣ Наваринскаго сраженія. Изложеніе болѣе чѣмъ безталанное, иногда даже совсѣмъ непонятное, спутанное—безъ какой либо руководящей идеи, не смотря на то, что оно сопро-

вождается „критическимъ разборомъ“, и единственное его достоинство состоитъ въ томъ, что авторъ даетъ нѣкоторыя чисто фактическія свѣдѣнія и документы сообщенные ему различными лицами. Но главная цѣль этого сочиненія—критика положеній Клерка, и не смотря на формальные комплименты, которые онъ ему дѣлаетъ—не признавать Клерка было невозможно—всѣ его разсужденія склоняются къ тому, чтобы показать, что ничего особеннаго Клеркъ не сдѣлалъ, и все что онъ сказалъ было давно извѣстно и указано другими.

Еще болѣе странно видѣть, что въ новой и обширной исторіи англійскаго флота*), составленной при участіи цѣлаго ряда лучшихъ изслѣдователей по англійской морской исторіи, почти ничего не упоминается о Клеркѣ—точно онъ совершенно не интересенъ для англійскаго флота. Мегенъ**) тоже довольно сдержанно выражается о Клеркѣ: „что-бы ни думали о притязаніяхъ Клерка на оригинальность въ предложенныхъ имъ методахъ морской тактики,—а эта оригинальность сильно оспаривается (Мегенъ вѣроятно подразумѣваетъ именно книгу Экинса)—не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что его критика прошлаго основательна. Въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ признанія полной оригинальности, замѣчательной въ человѣкѣ, не бывшимъ ни морякомъ ни сухопутнымъ офицеромъ“.

Участвуя-же въ составленіи вышеупомянутой исторіи англійскаго флота, и именно той ея части, которая содержитъ въ себѣ періодъ когда выступилъ на сцену Клеркъ, Мегенъ ужъ ровно ничего не говоритъ о немъ.

Русскій морякъ о Клеркѣ.

Но за то должное отдаетъ этому замѣчательному человѣку переводчикъ его книги на русскій языкъ—флота капитанъ-лейтенантъ Юрій Лисянскій, почти современникъ Клерка.

---

*) *The Royal Navy. A History from the Earliest times to the Present, by Wm. Laird Clowes assisted by Sir Markham, Captain Mahan, Mr. Wilson, Theodore Roosevelt. In six volumes. 1900.*

**) Вліяніе морской силы на исторію. Стр. 89—выноска.

„Подлинникъ книги сея“ говоритъ онъ въ предисловіи къ своему переводу „есть сочиненіе Г-на Клерка, въ которомъ показаны ошибки прежде бывшихъ въ употребленіи нападеній, и предлагаются новыя правила, посредствомъ коихъ нападающій флотъ всегда почти можетъ принудить своего непріятеля къ рѣшительному сраженію. Не прошло болѣе 20 лѣтъ (переводъ сдѣланъ въ 1801 году и изданъ въ 1803 году) какъ французы, пользуясь обыкновеннымъ нападеніемъ англичанъ, всегда ихъ разбивали, но теперь (1801 г.) сами дорого платятъ за прошедшее превосходство. Англичане, послѣдуя мнѣнію автора, исправили недостатки и уже торжествуютъ надъ своими соперниками. Первое испытаніе системы сея было учинено лордомъ Родни въ 1782 г. въ западной Индіи, и хотя сей искусный адмиралъ несовершенно послѣдовалъ наставленіямъ автора, но при всемъ томъ былъ увѣнчанъ побѣдой дотолѣ еще никѣмъ не пріобрѣтенною. Ему послѣдовали Гоу, Джарвесъ, Дункенъ, и Англія нынѣ возведена на самую высокую ступень морской силы. Сіи великіе вожди британскихъ флотовъ не постыдились признать господина Клерка своимъ путеводителемъ и общенародно объявить, что ему отечество обязано за всѣ ихъ побѣды“.

Что предложилъ Клеркъ англійскимъ морякамъ.

Однако надо-же указать—что именно предложилъ Клеркъ англійскимъ морякамъ, чтобы выпутать ихъ изъ бѣды.

Да ровно ничего особеннаго, все—болѣе чѣмъ простое, но только потому высоко—цѣнное, что онъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и предположеніяхъ исходилъ изъ вѣрныхъ идей—изъ здраваго смысла.

Ходъ его мыслей былъ таковъ.

Англичане не могутъ принудить своего противника къ бою. Причина этого заключается въ томъ, что въ тотъ моментъ, когда они подходятъ къ нему для рѣшительнаго боя, они оказываются значительно поврежденными (подставляютъ себя подъ продольные выстрѣлы, не имѣя сами возможности стрѣлять), и потому оказываются неспособными вновь съ нимъ сблизиться, когда онъ послѣ того уклонится подъ

вѣтеръ. А это происходитъ потому, что англичане направляются на непріятеля всей своей линіей на всю его линію (авангардъ на авангардъ, центръ на центръ, арьергардъ на арьергардъ, каждый корабль на соотвѣтственный корабль въ линіи противника). А это, въ свою очередь, вызывается стремленіемъ вступать въ бой всѣмъ строемъ—сразу, стремленіемъ сохранить строй неизмѣннымъ и при сближеніи съ противникомъ и во время боя. А значитъ надо сближаться съ противникомъ въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, не подставляя себя подъ продольные выстрѣлы. И если-бы для этого пришлось атаковать только часть кораблей противника и нарушить у себя строй, то надо это и сдѣлать, такъ какъ суть дѣла не въ этомъ.

А при такихъ условіяхъ такая возможность существуетъ. Надо поставить корабли съ наибольшимъ ходомъ въ авангардъ и послать ихъ догонять непріятеля. У того конечно окажутся корабли съ худшимъ ходомъ, чѣмъ у этихъ отборныхъ кораблей, и ихъ можно будетъ догнать. Если непріятель, желая во что-бы то ни стало избѣжать боя, броситъ своихъ худшихъ ходоковъ, то они будутъ окружены и захвачены, а тогда значитъ одержана побѣда. А если противникъ сдѣлать этого не пожелаетъ, и будетъ равнять свой ходъ по худшимъ своимъ ходокамъ, то значитъ будетъ завязанъ бой съ его арьергардомъ, и къ мѣсту боя съ одной стороны подойдутъ—передовые корабли атакованнаго, а съ другой—остальные корабли атакующаго, нѣсколько отставшіе вслѣдствіе своего худшаго хода. Такимъ образомъ первоначально поставленная себѣ цѣль достигнута—*противникъ принужденъ принять бой.*

Клеркъ руководствовался въ своихъ разсужденіяхъ истинными боевыми принципами.

А средство для этого вытекло изъ стремленія сосредоточить свои силы противъ части противника. А выборъ той части противника, противъ которой сосредотачивается своя сила — именно арьергарда — вытекъ изъ соображенія, что тогда противнику труднѣе всего придти на помощь этой атакованной части, такъ какъ переднимъ кораблямъ для этого надо поворачивать, что для парусныхъ кораблей всегда было сопря-

жено съ потерей времени и съ паденіемъ подъ вѣтеръ, а также и изъ стремленія подойти такъ, чтобы не подставлять себя подъ продольные выстрѣлы всего борта противника.

Значитъ основы разсужденія—стремленіе къ сосредоточенію силъ, стремленіе къ затрудненію у противника взаимной поддержки и къ облегченію этой поддержки у себя, и стремленіе къ уклоненію своей слабой стороны (чувствительности къ продольнымъ выстрѣламъ) и къ невозможности противнику выставить свою сильную сторону (бортовой огонь).

Клеркъ обладалъ дѣйствительнымъ здравымъ смысломъ.

Такимъ образомъ въ основѣ разсужденія Клерка—правильные принципы веденія боя. И конечно онъ ихъ не формулировалъ себѣ въ видѣ такихъ принциповъ, а разсуждалъ лишь съ точки зрѣнія здраваго смысла, но такъ какъ, благодаря тому, что онъ не былъ зараженъ профессіональной рутиной, и благодаря своей талантливости, онъ на самомъ дѣлѣ обладалъ настоящимъ здравымъ смысломъ, и этотъ здравый смыслъ былъ дѣйствительно свободенъ и ничѣмъ не былъ затѣмненъ, то онъ и разсуждалъ, какъ-бы съ точки зрѣнія боевыхъ принциповъ, потому что боевые принципы—это и есть формулированный здравый смыслъ въ области веденія боя (стр. 294).

Вотъ въ этомъ состояли *цѣли*—поставленные себѣ Клеркомъ. И когда онъ себѣ поставилъ вопросъ—а если для достиженія этихъ цѣлей понадобится нарушить строй—то можно-ли это сдѣлать, то онъ безъ колебанія себѣ отвѣтилъ—должно сдѣлать, ибо средства служатъ цѣлямъ, а не наоборотъ.

И если для достиженія этихъ цѣлей понадобится врѣзаться въ строй противника, устроить общую свалку—вмѣсто стройнаго картиннаго боя линіи съ линіей на извѣстной дистанціи—то Клеркъ себѣ отвѣтилъ и на этотъ вопросъ—очень полезно, ибо кто это дѣлаетъ *по разсчету* и *неожиданно* для противника, тотъ приводитъ его этимъ въ замѣшательство, изъ котораго тоже можно извлечь соотвѣтственную пользу все для достиженія тѣхъ-же поставленныхъ себѣ цѣлей.

Такимъ образомъ, только продолжая разсуждать строго логично, Клеркъ приходитъ еще къ одному боевому принципу—*внезапности*.

Этотъ фактъ—выводъ правильныхъ указаній Клеркомъ для морского боя—самымъ нагляднымъ образомъ иллюстрируетъ огромное значеніе наличія свободнаго здраваго смысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принциповъ военнаго дѣла, когда они, тѣмъ или инымъ путемъ (см. стр. 172—174, 201 и 229) обратятся въ способъ военнаго мышленія.

Случай съ Клеркомъ ярко иллюстрируетъ важное значеніе принциповъ военнаго дѣла.

Дѣйствительно, роль ихъ огромна въ искусствѣ веденія войны на морѣ.

Вѣдь были-же, въ разсмотрѣнную нами эпоху, въ англійскомъ флотѣ и умные и талантливые люди, ужъ не говоря о томъ, что это были—въ массѣ—превосходные практики, мастера своего дѣла.

И вотъ они не видѣли того, что для насъ ясно съ точки зрѣнія боевыхъ принциповъ, и что оказалось ясно для Клерка,—не моряка и не военнаго, но имѣвшаго способность посмотрѣть на это съ точки зрѣнія здраваго смысла.

Достаточно ему было составить себѣ вѣрныя исходныя идеи, чтобы дать *практическій* выходъ, котораго не могли найти практики, зараженные ложными идеями.

Быть можетъ нѣкоторые думаютъ, что такой случай, такой профессіональный гипнозъ въ наши дни невозможенъ. Мнѣ представляется, что это не такъ, что это такъ-же возможно и теперь, что и нашими умами могутъ владѣть, и быть можетъ владѣютъ ложныя идеи, а только мы этого можемъ не замѣчать, какъ не замѣчали этого англійскіе моряки въ разсмотрѣнную нами эпоху.

Исторію надо изучать, чтобы допускать существованіе профессіональнаго гипноза и теперь.

И для того-то и надо изучать исторію, чтобы умѣть допускать возможность такого случая и съ нами, и чтобы дѣлать посильныя попытки выбиться изъ такого положенія.

Мы видѣли, что, въ разобранномъ нами случаѣ, для этого надо было подойти къ дѣлу со свободнымъ здравымъ смысломъ, хотя-бы даже безъ профессіональныхъ знаній.

Никто конечно самъ про себя не можетъ рѣшить—на сколько дѣйствительно онъ обладаетъ настоящимъ здравымъ смысломъ, и на сколько свободенъ этотъ здравый смыслъ. Этотъ путь значитъ для насъ закрытъ, и даже когда проявляется такой случай, мы быть можетъ не съумѣемъ его констатировать—быть можетъ именно настоящій здравый смыслъ мы признаемъ за заблужденіе и даже за безуміе. Исторія достаточно даетъ примѣровъ этому во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности.

Всѣ окружающіе насъ военныя явленія мы должны разсматривать съ точки зрѣнія принциповъ военнаго дѣла.

Но мы можемъ вотъ что сдѣлать. Мы можемъ пробовать разсматривать всѣ происходящія вокругъ насъ явленія въ области приготовленія къ войнѣ и ея веденія, съ точки зрѣнія принциповъ военнаго дѣла, которые въ томъ отношеніи и являются для насъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ прошлаго. что они и представляютъ изъ себя собранный и формулированный здравый смыслъ тѣхъ людей, работавшихъ въ области военнаго дѣла. которыхъ природа наградила этимъ свойствомъ.

Конечно мы не застрахованы еще отъ ошибочности въ способѣ приложенія этихъ принциповъ къ тому, чтобы разобраться съ ихъ помощью въ окружающихъ насъ явленіяхъ, но все таки ужъ это будетъ гораздо лучше, чѣмъ полагаться въ этой разборкѣ лишь на свое собственное мнѣніе, на господствующее мнѣніе окружающей насъ среды и т. п...

Вѣдь вотъ знакомство съ принципами военнаго дѣла и разслѣдованіе—что собственно они изъ себя представляютъ и откуда они получаются—показало намъ, что всѣ они вытекаютъ изъ духовной стороны человѣка, что значитъ все зависитъ отъ воспитанія и направленія дѣятельности этой духовной стороны, отъ тѣхъ идей, которыя владѣютъ ею.

Отношеніе къ человѣку и техникѣ въ русскомъ флотѣ передъ послѣдней войной.

А между тѣмъ, несмотря даже на то, что на словахъ всѣ соглашались съ тѣмъ, что главное на войнѣ человѣкъ, а техника—это только средство въ его рукахъ, задолго до послѣдней несчастной войны, на самомъ дѣлѣ ставили на первое мѣсто технику, и на второе—человѣка, и поклонялись этой техникѣ подобно тому,

какъ англійскіе моряки въ XVIII столѣтіи поклонялись строю, и въ жертву этой техникѣ сплошь и рядомъ приносили въ жертву человѣка.

Вѣдь только изъ такого пренебреженія человѣкомъ могло создаться такое положеніе, что затрачивали огромныя деньги на созданіе всѣхъ техническихъ средствъ войны, но не создавали—потому что жалѣли на это денегъ—практической школы для личнаго состава, въ видѣ постоянно плавающихъ и правильно организованныхъ эскадръ, а также такой теоретической школы, гдѣ могли-бы вырабатываться *общія* правильныя идеи о веденіи войны *).

Въ то-же время школы для изученія исключительно техники различныхъ боевыхъ средствъ обстав-

*) Около 10 лѣтъ тому назадъ собраніе изъ высшихъ представителей флота, разсматривая результаты военной игры, въ которой принимали участіе исключительно строевые офицеры, притомъ преимущественно занимавшіе высокое служебное положеніе (адмиралы и командиры судовъ), пришло къ заключенію, что нашимъ строевымъ офицерамъ въ значительной мѣрѣ недостаетъ *военнаго образованія*. Въ виду такого заключенія я рѣшился предложить высокому собранію сдѣлать и такое еще постановленіе: „Исключить изъ новой программы судостроенія (таковая какъ разъ обсуждалась въ это время) *одинъ миноносецъ* и стоимость его обратить на постановку на твердую почву высшаго *военнаго* образованія, т. е. на созданіе *военно-морского* отдѣла въ академіи, которая впродолженіи 75-ти лѣтняго своего существованія занималась исключительно *техникой*. На содержаніе этого отдѣла отчислять ежегодно такую сумму, которая требуется для содержанія одного миноносца круглый годъ въ плаваніи“. Это предложеніе я мотивировалъ тѣмъ, что уменьшеніе боевой силы флота на одинъ миноносецъ, само по себѣ почти незамѣтное, сторицею возмѣстится тѣмъ, что только обладающій хорошимъ *военнымъ* образованіемъ личный составъ съумѣетъ использовать создающійся флотъ, а *военное невѣжество* обойдется страшно дорого государству, такъ какъ при отсутствіи военнаго образованія, не съумѣютъ подготовиться къ войнѣ, а во время войны флотъ погубятъ. Однако это предложеніе не нашло никакого сочувствія и даже вызвало враждебное отношеніе со стороны нѣкоторыхъ изъ высшихъ чиновъ флота. Такимъ образомъ высокое собраніе ограничилось *словами*, а отъ *дѣла* отказалось. Именно этимъ объясняется тотъ фактъ, что и до сихъ поръ не могутъ наладить дѣло высшаго военнаго образованія во флотѣ. Нѣтъ людей среди власть имущихъ на столько убѣжденныхъ—не на словахъ только, а и на дѣлѣ—въ огромной выгодѣ для могущества флота высшаго военнаго образованія, чтобы положить достаточную энергію и трудъ на прочную организацію этого дѣла и *дѣйствительно* не жалѣть для этого ни средствъ ни трудовъ. Нѣтъ вѣры, нѣтъ и дѣлъ. А вотъ профессоръ военной академіи полковникъ Головинъ въ послѣднемъ трудѣ своемъ (отчетъ о пребываніи въ высшей военной школѣ во Франціи) пишетъ: „*Лучше сократить нашу армію на цѣлый корпусъ, но имѣть надлежаще поставленную военную академію*. Въ вопросѣ денежныхъ средствъ, требуемыхъ правильной постановкой высшей военной школы не можетъ быть затрудненій. Это вѣдь одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ военной мощи государства“. Но увы—это голосъ одинокій и повидимому вопіющій и въ военномъ вѣдомствѣ въ пустынѣ. *Н. К.*

лялись роскошно. Однако, поклоняясь техникѣ, принося ей въ жертву человѣка, попали въ тотъ-же заколдованный кругъ, въ который попали англійскіе моряки въ XVIII столѣтіи.

Тѣ, поклоняясь строю, возведя его изъ средства въ цѣль, потеряли способность правильно его оцѣнивать именно какъ средство, изъ за чего получился нелѣпый способъ его примѣненія. А въ періодъ передъ войной, возведя технику изъ разряда средствъ въ цѣль, привели личный составъ къ потерѣ способности правильной оцѣнки той-же техники какъ средства, къ неумѣнью выбора именно хорошихъ и подходящихъ средствъ изъ той массы техники, которая предлагалась на рынкѣ.

Именно отсюда и возникли плохіе корабли, плохія пушки, плохіе снаряды, плохіе порта и т. п.., потому-что личный составъ, не подготовленный къ критической оцѣнкѣ этихъ средствъ съ точки зрѣнія правильныхъ идей о веденіи войны, не умѣлъ создавать и выбирать наилучшія и наиболѣе подходящія средства, не умѣлъ оцѣнить всю важность извѣстныхъ элементовъ подготовки военныхъ успѣховъ, напр. ту-же важность подготовки ресурсовъ (портовъ) и важность той-же подготовки личнаго состава, не умѣлъ оцѣнить силу своего противника иначе напр., какъ по количеству кораблей и т. п. Однимъ словомъ получился настоящій заколдованный кругъ. Преклоненіе передъ техникой привело личный составъ къ неумѣнью держать на высотѣ боевыхъ требованій времени ту-же технику.

И это неумѣнье не могло быть компенсировано *подражаніемъ* другимъ флотамъ—а къ этому пришлось прибѣгнуть за отсутствіемъ собственныхъ взглядовъ—такъ какъ при подражаніи неизмѣнно все запаздывало и являлось устарѣлымъ, не говоря ужъ о томъ, что при отсутствіи собственнаго взгляда не знали точно—въ чемъ именно и подражать.

Вѣдь это было-бы безумно думать, что всѣ наши бѣды произошли только отъ злоупотребленій, лѣни и неспособности. Все это конечно было, но самая главная причина—была незнаніе, а это незнаніе было порож-

дено тѣмъ, что человѣкъ и его духовная сторона были поставлены на второй планъ, противно здравому смыслу, а потому конечно и противно принципамъ военнаго дѣла.

Сходство событій въ нашемъ флотѣ послѣ войны съ событіями въ англійскомъ флотѣ въ серединѣ XVIII столѣтія.

А когда кончилась война, то личный составъ бросился искать причины пораженія прежде всего въ той-же техникѣ—въ типахъ кораблей, въ снарядахъ, въ скорости—а не въ ошибочности во взглядахъ и въ идеяхъ своихъ объ этой техникѣ, о военномъ искусствѣ, которые привели не только къ плохой техникѣ, но и къ плохому использованію и этой техники на войнѣ—главнымъ образомъ къ плохому руководительству.

Но вѣдь именно такъ дѣлали и англійскіе моряки въ XVIII столѣтіи. Они тоже причины своихъ неудачъ искали въ томъ, что былъ нарушенъ строй, что не умѣли его соблюсти достодолжнымъ образомъ, тогда какъ истинная причина лежала въ ихъ ложномъ взглядѣ на строй, и въ неумѣньѣ именно его достодолжнымъ образомъ использовать въ бою,—и тоже главнымъ образомъ—въ руководительствѣ.

И также какъ и тогда, такъ и теперь личный составъ подвергся несправедливымъ и оскорбительнымъ нареканіямъ и только потому, что оставалась скрытой истинная причина постигшихъ его неудачъ.

Суды, разбиравшіе дѣйствія эскадръ Матьюса и Бинга, какъ мы видѣли, еще больше запутали дѣло, такъ какъ они ничего не разъяснили въ самомъ главномъ—въ идеяхъ о веденіи боя.

А спрашивается—что сказали, и послѣ послѣдней войны, суды и слѣдственныя комиссіи—объ идеяхъ, положенныхъ въ основу подготовки къ войнѣ и руководительства военными дѣйствіями, о подготовкѣ начальниковъ, о подготовкѣ начальниками личнаго состава въ отношеніи подъема его духа, въ созданіи у него разумной иниціативы на основаніи знакомства съ идеями начальниковъ, въ созданіи у него вѣры въ начальниковъ и т. п..?

Явно для всѣхъ—публично—во время судебныхъ разбирательствъ—ничего. Напротивъ всѣми мѣрами эти разбирательства направлялись въ узкія рамки

обвиненія или оправданія отдѣльныхъ лицъ, а попытки къ раскрытію истинныхъ и главныхъ причинъ несчастій постигшихъ флотъ даже и не допускались. Тайно—въ работахъ слѣдственныхъ комиссій—такія попытки были сдѣланы, но эти попытки остались тайной для личнаго состава, а потому и не могли принести ему надлежащей пользы для будущаго.

А о плачевномъ состояніи кораблей, снарядовъ и т. п., технических недостаткахъ, безъ упоминанія истинныхъ причинъ ихъ происхожденія, а лишь въ видѣ обстоятельствъ многое оправдывавшихъ—говорилось болѣе чѣмъ много.

А тогда—какой же выводъ получился для будущаго?

Его можно опредѣлить такъ.

Имѣй хорошіе корабли, снаряды, умѣй хорошо стрѣлять и маневрировать—а остальное все приложится.

А между тѣмъ нуженъ выводъ—имѣй правильно воспитанный и правильно думающій личный составъ и вотъ тогда именно—дѣйствительно все остальное приложится.

Чѣмъ должны быть судебныя дѣла по поводу военныхъ неудачъ.

Вообще судебныя дѣла, возникающія по случаю различныхъ военныхъ неудачъ, должны были-бы носить совсѣмъ особый характеръ.

Здѣсь вѣдь въ большинствѣ случаевъ на скамьѣ подсудимыхъ являются не злоумышленники, а люди, стремившіеся сдѣлать какъ можно лучше, а лишь не сумѣвшіе это сдѣлать.

И разъ на судѣ выяснится, а иногда это ясно всѣмъ и каждому до суда, что подсудимые, дѣйствуя такъ или иначе, не преслѣдовали никакихъ личныхъ цѣлей и не подлежатъ никакому нареканію въ отношеніи военнаго ихъ мужества, то этимъ самымъ они уже должны выйти изъ разряда подсудимыхъ и являться лишь свидѣтелями на судѣ, гдѣ судятъ не того или другого человѣка, а гдѣ судъ ставитъ себѣ цѣлью выяснить—какія стороны *организаціи* военнаго дѣла повліяли на неудачу. Здѣсь *на скамьѣ подсудимыхъ должна быть система,* а не тѣ или иные люди—чаще всего жертвы этой системы. Въ *неумѣньѣ* на войнѣ обвинять

нельзя, разъ будетъ доказано, что умѣнья и быть не могло. Адмиралъ Бингъ не съумѣлъ принудить французовъ къ бою, но если-бы на судѣ присутствовалъ Клеркъ, то онъ-бы доказалъ, что не Бингъ, а вообще англійскій флотъ не умѣлъ принуждать противника къ бою, что виновата въ этомъ неумѣньѣ общепринятая тогда въ англійскомъ флотѣ система вести бой, которая базировалась не на здравомъ смыслѣ, не на принципахъ, а на привычномъ правилѣ.

И если бы судили не Бинга, а эту систему, то быть можетъ и нашли-бы эту ея вину, но такъ какъ ее и не искали, а искали вину Бинга, то и нашли ее въ его неумѣньѣ сдѣлать то, что само по себѣ было невыполнимо.

Если-бы судилась система — англійскій флотъ извлекъ-бы огромную пользу изъ этого суда, такъ какъ никто-бы ужъ послѣ этого не пытался-бы достигнуть невозможнаго, а всѣ изыскивали-бы новые пути и конечно нашли-бы ихъ очень скоро и безъ Клерка. А такъ какъ судили и осудили Бинга, то всѣ послѣдующіе адмиралы только и стремились къ тому, чтобы сдѣлать то, чего требовалъ судъ отъ несчастнаго Бинга, и въ безплодныхъ своихъ усиліяхъ доходили до отчаянія.

Точно также и теперь,—если-бы судили не отдѣльныхъ людей, а судили-бы систему, то быстро пришли-бы къ заключенію, что коренная причина неудачъ лежала въ незнаніи — какъ теоретическомъ, такъ и практическомъ (см. стр. 258—260), въ отсутствіи военнаго образованія и въ отсутствіи постоянно плавающихъ и широко снабженныхъ всѣми средствами для обученія эскадръ—въ отсутствіи школы для личнаго состава. А тогда немедленно послѣ войны именно на эти дефекты и обратили-бы вниманіе.

А такъ какъ судили отдѣльныхъ людей, то думаютъ, что разъ нѣтъ уже тѣхъ людей, разъ они устранены, разъ на ихъ мѣсто поставлены другіе, то и результаты будутъ другіе. Вѣдь только этимъ и можно объяснить, что по прежнему не сдѣлано серьезныхъ шаговъ, чтобы создать военное образованіе, что нѣтъ

и до сихъ поръ правильно организованныхъ и постоянно плавающихъ тактическихъ организмовъ, что и до сихъ поръ корабли плаваютъ только половину года, и изъ этого времени могутъ проводить въ морѣ только одну шестую часть (5 дней въ мѣсяцъ) и могутъ пользоваться только половиной мощности своихъ машинъ—такъ какъ больше имъ не отпускается угля, что и теперь критическіе разборы маневровъ скрываются даже отъ ихъ участниковъ.

А кромѣ того, такъ какъ судили отдѣльныхъ людей, то не свободны были и свидѣтельскія показанія. Многіе чувствовали, что не виноваты по существу тѣ люди, которыхъ судили, и сообразовали свои показанія съ благороднымъ чувствомъ—не повредить этимъ людямъ, и безъ того несчастнымъ. Совсѣмъ иное было-бы если-бы судили систему.

А значитъ по сущности продолжается именно то самое, что и привело къ неудачѣ, и этого какъ-бы не видятъ. А тогда поневолѣ напрашивается мысль, не находимся-ли мы опять подъ властью рутины?

Теперь существованіе рутины не имѣетъ такихъ оправданій какъ прежде.

И правду сказать, для невѣрныхъ идей, для созданія рутины во времена Клерка было больше оправданій, этому больше способствовала обстановка того времени. Тогда жили по непосредственно передаваемому опыту—отъ отцовъ къ дѣтямъ. Тогда не откуда было черпать идеи кромѣ какъ отъ окружающей среды и повѣрять эти идеи—не было *изложеннаго* историческаго опыта, не было исторической литературы, тѣмъ болѣе—критической.

Между тѣмъ въ настоящее время, если гнететъ рутина, полученная непосредственно отъ отцовъ—имѣется полная возможность заглянуть черезъ ихъ головы—въ исторію (см. стр. 304).

Теперь собственно не должно быть рутины—при возможности прослѣдить—какъ она создается, при наглядности историческихъ образцовъ—къ чему она приводитъ, при указаніи исторіи—какъ съ ней бороться.

Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, не такъ. Не то чтобы рутины не должно быть—это конечно недостижимо,

но теперь рутина не можетъ имѣть такого оправданія какъ прежде.

И все таки... она существуетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это можно оправдать...

И не только рутина разрушила нашъ флотъ и привела его къ гибели, но на нашихъ глазахъ она продолжаетъ свою разрушительную работу, она разрушаетъ даже *надежду* на его возрожденіе.

Рутина разрушаетъ надежду на возрожденіе нашего флота.

И часто приходится слышать мнѣнія и нельзя съ ними не соглашаться, что до войны дѣло обстояло лучше чѣмъ теперь. Тогда многіе предчувствовали разгромъ, но надѣялись, что когда придетъ этотъ разгромъ, то именно онъ—другія средства были безсильны—устранитъ тѣ причины, которыя привели къ нему, что тогда эти причины сдѣлаются ясными всѣмъ.

И вотъ теперь исчезаетъ и эта надежда, а значитъ всякая почва ускользаетъ изъ подъ ногъ.

И мы оказываемся даже не въ силахъ, не только сбросить съ себя крѣпкія путы рутины, выбраться изъ засосавшей насъ тины, но мы какъ будто-бы на столько *отъмъли*, что нѣтъ уже силъ распахнуть окно, чтобы избавиться отъ обезсилившаго насъ угара, нѣтъ силъ, чтобы приподнять и раскрыть глаза, чтобы посмотрѣться въ зеркало и увидѣть и сознать—что мы собственно такое изъ себя представляемъ?

Трагизмъ положенія, какъ это было и во времена Бинга, въ томъ и заключается, что не замѣчаютъ, что топчутся на мѣстѣ, предполагая что идутъ впередъ. Выдумываются яко-бы новые законы о прохожденіи службы, не замѣчая, что по сущности это тотъ-же законъ о цензѣ, и что недостатки его лежали не въ немъ самомъ, а въ способѣ его примѣненія, а измѣненія въ этихъ способахъ не произошло; въ многочисленныхъ комиссіяхъ разрабатываются всевозможныя предположенія не получающія осуществленія, такъ какъ истинной, живой, непреоборимой потребности въ нихъ не чувствуютъ остро сами составители, а потому нѣтъ у нихъ соотвѣтствія всѣхъ этихъ предположеній съ какой нибудь общей, обоснованной на твердомъ фундаментѣ, системой, и нѣтъ у нихъ потому энергіи и умѣнья

убѣдить въ необходимости своихъ предположеній представительныя учрежденія, которыя никакъ не могутъ повѣрить въ серьезность и плодотворность ихъ дѣятельности; перекраиваютъ положенія объ управленіи *плавающимъ* флотомъ по нѣскольку разъ, стремясь поставить его на первое мѣсто, но не дѣлаютъ такъ, чтобы флотъ дѣйствительно *плавалъ;* строятъ какія-то суда, принимаютъ новые образцы пушекъ, снарядовъ и минъ, стрѣляютъ на дальнее разстояніе, потому-что наткнулись именно на недостатокъ въ этомъ въ послѣднюю войну...

И кажется даже гордятся всѣмъ этимъ и думаютъ даже, что возрождаются... а въ отвѣтъ на это—повальное бѣгство изъ службы и полная невозможность завлечь достаточный и удовлетворительный контингентъ для этой службы. И повидимому нѣтъ сознанія, что все это дѣлается въ темнотѣ—ощупью—безъ ясной сознательности. Какъ слѣпые отъ рожденія—не представляютъ себѣ другого способа какъ только *ощупать* предметъ, а—что лежитъ за предѣлами руки, не знаютъ и ощупываютъ лишь то, что случайно подвертывается подъ руки... *Освѣтить-же* все сознательнымъ воспитаніемъ и образованіемъ личнаго состава никакъ не могутъ.

Вотъ это топтанье на мѣстѣ, безъ сознанія, что это именно такъ—вотъ это ясный признакъ, что мы переживаемъ періодъ засилія рутины, не дающей намъ сдвинуться съ мертвой точки.

И Богъ вѣсть—дождемся-ли мы своего Джона Клерка—быть можетъ какого нибудь парикмахера или аптекаря, или актера, который, заинтересуется нашимъ дѣломъ, и, какъ стоящій внѣ одолѣвшей насъ профессіональной рутины, съумѣетъ объяснить намъ—отчего мы обезсилѣли, какое проклятіе виситъ надъ нашей головой, что мы какъ зачарованные, не имѣемъ энергіи сдѣлать необходимое усиліе, стряхнуть съ себя какой-то навалившійся на насъ кошмаръ, и что мы, хотя и съ отчаяніемъ въ душѣ, но все продолжаемъ погружаться въ хаосъ...

Конечно отношеніе къ строю въ эскадренномъ бою у нѣсколькихъ поколѣній военныхъ моряковъ въ эпоху отъ Рюйтера до Клерка далеко не единственный примѣръ засилія рутины, но для поясненія моей мысли пока онъ достаточенъ.

Какіе выводы дало историческое изслѣдованіе объ отношеніи къ строю въ эпоху отъ Рюйтера до Клерка.

Онъ позволяетъ сказать:

1) что здравый смыслъ, что умъ, при наличіи профессіональнаго опыта, можетъ быть затемненъ;

2) что причина этого затемненія—рутина, которая создается тѣмъ, что при преемственной передачѣ того или другого знанія, теряется *причина* вызвавшая необходимость въ этомъ знаніи, т. е. она создается *безсознательностью* знанія;

3) что средства для борьбы съ рутиной—это:

a) критическое (научное), а не только практическое познаніе предмета;

b) развитіе привычки къ иниціативѣ—къ свободѣ духа и крайняя осторожность въ установленіи авторитетовъ *);

c) тщательный пересмотръ такъ называемыхъ традицій, и критическое къ нимъ отношеніе, чтобы въ нихъ не нашло себѣ пріюта то, что должно быть отнесено къ рутинѣ.

Значитъ вотъ какіе драгоцѣнные результаты даетъ изученіе исторіи.

Вредное вліяніе рутины огромно—а *единственное* средство бороться съ нею, дѣлать свой духъ свободнымъ—это изучать исторію.

Изученіе исторіи не только полезно, но настоятельно необходимо.

А значитъ изученіе исторіи не только полезно, но и настоятельно необходимо.

Методъ изученія исторіи.

А разъ ясна цѣль изученія, совершенно ясно—какой методъ изученія исторіи долженъ быть принятъ.

Очевидно—критико-историческій (см. главу IV стр. 235—241).

---

*) „Просвѣщеніе есть выходъ человѣка изъ своего, имъ-же самимъ поддерживаемаго ребячества. Ребячество состоитъ въ его неспособности пользоваться своимъ разумомъ безъ руководства другого. Имъ-же самимъ поддерживается это ребячество тогда, когда причина его лежитъ не въ недостаткѣ разума, но въ недостаткѣ рѣшительности и мужества пользоваться имъ безъ руководительства другихъ". Кантъ. По кругу чтенія Л. Толстого, на 28 Сентября.

Надо не столько знать, сколько *умѣть разсуждать*. Надо создать въ себѣ способность не подражать— а умѣнье создавать, умѣнье примѣнять вѣчное и истинное къ любой обстановкѣ.

Въ этомъ смыслѣ и говорилъ Спенсеръ (см. стр. 197), что только то знаніе цѣнно, которое преобразуется въ умственныя мышцы, а всякое другое знаніе только отягчаетъ мозгъ въ видѣ умственнаго жира.

Конфуцій уже давно выразилъ эту истину такъ*): „Когда опредѣлится взглядъ на вещи, то (только тогда) будетъ пріобрѣтено знаніе; когда пріобрѣтено (такое) знаніе, то воля будетъ (имѣть возможность) стремиться къ правдѣ“.

Выдвигая въ этой главѣ постоянно въ видѣ цѣли изученія исторіи—способность ея дать въ руки единственное оружіе въ борьбѣ съ рутиной, я нисколько не исключаю этимъ другія цѣли этого изученія, т. е. выводъ и повѣрку принциповъ военнаго дѣла, изученіе примѣровъ примѣненія ихъ къ различнымъ обстановкамъ и т. п...

Но дѣло въ томъ, что все это сдѣлается само собою при стремленіи къ первой цѣли. а главное это все общеизвѣстно, общепринято, а потому нѣтъ никакой опасности, что это будетъ забыто. Между тѣмъ о выясненіи огромной и губительной роли рутины почему-то мало думаютъ,—это могутъ упустить. Поэтому я не то чтобы хочу выдѣлить эту задачу изъ другихъ, но только настаиваю—*и* эту задачу не упускайте, тѣмъ паче, что другія задачи (сами по себѣ тоже очень важныя) можно рѣшить и другими способами, а эту можно рѣшить только изученіемъ исторіи и ничѣмъ другимъ.

И разъ ясна цѣль изученія исторіи, становится яснымъ и *что* брать изъ нея и какой степени подробности нужны источники.

Такъ напр. сейчасъ-же выясняется вопросъ—для чего русскому моряку надо изучать именно исторію русскаго флота.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1901 г.) мнѣ случилось поставить этотъ вопросъ такому талантли-

---

*) Л. Толстой. Кругъ чтенія. На 21 Сентября.

вому и просвѣщенному человѣку, каковымъ являлся адмиралъ Иванъ Ѳедоровичъ Лихачевъ, то онъ отвѣтилъ мнѣ такъ:

Мнѣніе адмирала И. Ѳ. Лихачева о задачахъ преподаванія исторіи русскаго военно-морского искусства.

„Зачѣмъ намъ искать поученія въ чужихъ или болѣе или менѣе отдаленныхъ событіяхъ... событія нашей собственной исторіи, факты несравненно больше близкіе и доступные нашему изслѣдованію и изученію—проходятъ мимо, какъ будто насъ не касается наша исторія—даже современная... уроки ея не внѣдрятся въ разумѣ и памяти тѣхъ будущихъ морскихъ воителей, готовить которыхъ—составляетъ задачу военно-морской науки...“

„Главная цѣль преподаванія должна состоять не въ пичканіи или нагроможденіи всевозможныхъ подробностей, которыя естественнѣе изучаются на практикѣ службы—а въ томъ, чтобы *приготовить и направить умъ слушателей къ размышленію о военно-морскихъ задачахъ*—пріучить и пріохотить ихъ къ изученію этихъ задачъ, а для этой цѣли *вѣроятно* болѣе всего можетъ послужить изученіе нашей собственной военно-морской исторіи, разборъ и знакомство съ подвигами и ошибками нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Какъ изученіе своего собственнаго, а не чужого, языка должно быть основаніемъ всякаго раціональнаго обще-образовательнаго воспитанія, такъ на тщательномъ изученіи своего современнаго и прошедшаго, въ наиболѣе выдающихся эпизодахъ, нашихъ успѣховъ и нашихъ недочетовъ и ошибокъ, и на ничемъ иномъ должно быть по преимуществу основано военное образованіе. На школьной скамьѣ или въ аудиторіи невозможно научить искусству одерживать морскія побѣды, и не создать боевыхъ флотоводцевъ, но можно *подготовить умы слушателей и дать имъ такое оріентированіе, которое руководило-бы ихъ въ желаемомъ направленіи, словомъ сдѣлало-бы ихъ истинно, а не по мундиру только, военными людьми*“.

Почему русскимъ морякамъ нельзя обойтись безъ изуче-

Прекрасное и точное опредѣленіе въ тѣхъ своихъ мѣстахъ, въ которыхъ говорится о значеніи изученія исторіи вообще, и неопредѣленность и расплывчатость доводовъ—когда указывается, что русскимъ морякамъ

нія русской военно-морской исторіи. надо изучать именно русскую исторію, потому что цѣли изученія исторіи поставленныя авторомъ достигаются точно также и изученіемъ исторіи какого угодно флота.

Но если мы въ эти цѣли включимъ выясненіе работы рутины и изслѣдованіе традицій, то мы сейчасъ же придемъ къ совершенно опредѣленному представленію, что намъ безъ изученія исторіи русскаго военно-морского искусства обойтись нельзя.

Дѣйствительно намъ вѣдь важно не только доказательство въ существованіи и вліяніи рутины вообще, но нужно еще и имѣть возможность разобраться именно въ той рутинѣ, которая окружаетъ именно насъ, добраться до корней, до происхожденія, до причинности именно тѣхъ идей, традицій, авторитетовъ и порядковъ, которые управляютъ именно нашими поступками. А создались они именно въ нашемъ флотѣ, въ созданіи ихъ могли участвовать и національныя наши особенности и обычаи, и событія пережитыя именно нашимъ флотомъ, и разъ мы добиваемся *сознательности* познанія всего того что насъ окружаетъ, то мы только и можемъ добиться этой сознательности посредствомъ изученія именно исторіи нашего военно-морского искусства, для полнаго освѣщенія котораго должна изучаться и исторія военно-морского искусства другихъ флотовъ, а для убѣжденія себя въ повторяемости выводовъ и ихъ вѣчности—непремѣнно не только однихъ какихъ либо эпохъ, напр. позднѣйшихъ, а напротивъ—самыхъ различныхъ и самыхъ отдаленныхъ отъ насъ.

Вотъ какъ можно возразить на начальныя слова отвѣта И. Ѳ. Лихачева—„зачѣмъ намъ искать поученія въ чужихъ или болѣе или менѣе отдаленныхъ событіяхъ“?

Напр. періодически для организаціи нашего флота приглашались иностранцы (Петръ I, Екатерина II), и въ зависимости отъ того, въ какомъ состояніи находилось военно-морское искусство въ тѣхъ флотахъ, въ которыхъ они служили, они приносили къ намъ или здравыя мысли или рутину. То-же можно было наблю-

дать и у русскихъ людей, посылавшихся въ различные періоды для обученія въ иностранные флоты.

А для выясненія вліянія иностранныхъ морскихъ офицеровъ на нашъ флотъ необходимо изученіе и исторіи военно-морского искусства въ другихъ флотахъ.

Для этого очень хороши параллельные разборы нѣкоторыхъ иностранныхъ и русскихъ морскихъ сраженій, напр. Минорского и Гогландского, Хіосского и Абукирского и т. п...

Удобства, которыя представляетъ исторія русскаго флота для изученія работы рутины.

Кромѣ того нашъ флотъ, благодаря постояннымъ колебаніямъ въ представленіи объ его необходимости для страны, имѣлъ особую судьбу, не совсѣмъ похожую на судьбу другихъ флотовъ—онъ быстро очень создавался энергіей тѣхъ рѣдкихъ правителей страны, которые ясно понимали его значеніе, но еще быстрѣе онъ приходилъ въ полный упадокъ, когда эти лица сходили со сцены. Съ одной стороны въ періоды этого упадка и бездѣятельности, когда все живое, энергичное и честолюбивое бѣжало изъ флота, въ оставшемся наступало настоящее сонное царство, въ которомъ на почвѣ лѣни, вялости, равнодушія и презренія къ знанію пышнымъ цвѣтомъ распускалась и все собою обнимала рутина.

Съ другой стороны, когда внезапно сверху налетала буря требованій кипучей дѣятельности, когда нужно было на жалкихъ развалинахъ, поросшихъ бурьяномъ рутины, строить нѣчто совсѣмъ новое, все вновь создавать, то именно эта предыдущая бездѣятельность, засосавшая среднихъ и плохихъ, позволяла выдающимся талантамъ проявить свой природный здравый смыслъ и давала имъ силу и энергію бороться съ рутиной и развернуть всю силу своего творчества.

Напр., рутина, заполонившая англійскій флотъ въ періодъ его лихорадочной боевой дѣятельности, захватила въ свои руки всѣхъ, такъ какъ она развилась именно на почвѣ этой боевой дѣятельности и яркимъ примѣромъ этого служитъ описанная выше эпоха отъ Тулонскаго до Доминикскаго сраженія.

Если-же таковой боевой дѣятельности не было, если флотъ едва влачилъ свое существованіе, то не

создавалось ни правильныхъ ни ложныхъ боевыхъ навыковъ, въ которыхъ могла гнѣздиться рутина—такихъ навыковъ просто не было никакихъ, рутина переходила на мелочи, а относительно боевой дѣятельности она существовала развѣ скорѣе въ теоретическихъ представленіяхъ, нежели въ практическихъ навыкахъ. Поэтому при возобновленіи этой боевой дѣятельности талантливые люди видѣли передъ собою чистое мѣсто, на которомъ надо было начинать дѣйствовать, не имѣя установившихся образцовъ, полученныхъ отъ отцовъ и дѣдовъ, а потому они и имѣли возможность проявлять свое свободное творчество. Вотъ именно такая обстановка имѣла нѣсколько разъ мѣсто въ русскомъ флотѣ, и очевидно тогда выдѣлялись своею дѣятельностью именно русскіе таланты, а не приглашенные иностранцы, такъ какъ тѣ приходили изъ флотовъ, въ которыхъ такой обстановки не было, и если тамъ въ эти періоды царила рутина, то они являлись заядлыми рутинерами и у насъ.

У насъ-же именно въ такіе періоды выступали такіе люди какъ Петръ, Потемкинъ, Ушаковъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Поповъ и Бутаковъ.

Если ясна цѣль изученія исторіи русскаго флота, можно получить все главное изъ самыхъ общеизвѣстныхъ краткихъ описаній, не прибѣгая къ архивной работѣ.

Сдѣлавши себѣ ясной необходимость изученія для насъ именно исторіи и русскаго военно-морского искусства, остается себѣ отвѣтить на вопросъ—достаточныя-ли для этого имѣются данныя, т. е. въ достаточной-ли мѣрѣ подготовлена для этого почва разработкой архивныхъ матеріаловъ? Какъ я имѣлъ уже случай указывать (см. предисл. стр. 20)—этихъ данныхъ уже достаточно. Но этого еще мало. Мнѣ еще хочется показать—конечно я вполнѣ сознаю возможность ошибиться въ этомъ—что разъ совершенно *ясна цѣль* - для чего мы изучаемъ извѣстную область исторіи, разъ мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ—*чего именно мы въ ней ищемъ*, то изъ самыхъ краткихъ описаній событій мы извлечемъ то, что намъ нужно, потому-что самая незначительная фраза въ описаніи, на которую мы-бы не обратили вниманіе при неясности для насъ цѣли нашей работы, дастъ намъ въ данномъ случаѣ яркую картину.

Да такъ оно и должно быть. Потому-что вѣдь мы и не ищемъ никакихъ мелочей и деталей, мы хотимъ отмѣтить только крупное, вѣчное, неизмѣнное—рутина также вѣчна какъ и принципы, такъ какъ она возникаетъ изъ извѣстныхъ сторонъ человѣческаго духа, который неизмѣненъ—а потому это крупное, вѣчное—непремѣнно бросится намъ въ глаза и при знакомствѣ съ самыми краткими описаніями событій, разъ мы только будемъ понимать—что изъ себя представляетъ тотъ или другой фактъ, и будетъ умѣть его связыватъ съ тѣмъ что было раньше и что было у другихъ, т. е. разъ мы будемъ примѣнять критико-историческій методъ. Углубленіе въ различные источники можетъ намъ нарисовать картину болѣе полную, точнѣе выяснить мотивы, руководившіе исполнителями—хотя и не всегда, такъ какъ иногда эти мотивы изложенные въ различныхъ документахъ изложены совершенно невѣрно въ стремленіи оправданія или обвиненія отдѣльныхъ лицъ—но главнаго они опровергнуть не могутъ, т. е. не могутъ сдѣлать изъ побѣжденнаго побѣдителя, изъ спускавшагося на непріятеля всей линіей на всю линію, охватившаго его арьергардъ, изъ промедлившаго послѣ открытія непріятеля цѣлыя сутки—напавшаго на него немедленно и т. п...

И притомъ, при сопоставленіи цѣлаго ряда фактовъ изъ разныхъ эпохъ, неважно если нѣкоторые факты окажутся недостаточно достовѣрными. Если у этихъ фактовъ подбираются только сходственныя стороны, то не можетъ оказаться, что именно эти-то сходственныя стороны изложены во всѣхъ описаніяхъ совершенно невѣрно—вѣрнѣе предположить, что эти сходственности, какъ характеризующія вѣчное и неизмѣнное, выдѣляются такъ рѣзко и выпукло, что самыя простыя описанія не могутъ ихъ обойти, и никакія детали тщательнаго разбора отдѣльныхъ фактовъ не могутъ подорвать ихъ значеніе.

Вотъ этими соображеніями и вызывается моя попытка въ настоящимъ введеніи—попробовать освѣтить нѣкоторыя событія исторіи русскаго флота на основаніи самыхъ краткихъ печатныхъ и общеизвѣстныхъ опи-

саній, совершенно не прибѣгая ни къ какимъ архивнымъ изысканіямъ. Мѣсто для всевозможныхъ подробностей—въ особыхъ курсахъ читаемыхъ въ академіи—курсѣ русской военно-морской исторіи, курсѣ исторіи русскаго военно-морского искусства и въ подробномъ описаніи двухъ кампаній (см. гл. IV стр. 241).

Характеръ творчества Петра Великаго.

Русскій флотъ народился въ блестящую эпоху расцвѣта военно-морского искусства на западѣ—вслѣдъ за англо-голландскими войнами. Родился онъ по волѣ военнаго генія—Петра.

Поѣздка Петра заграницу произошла при самой счастливой обстановкѣ. Онъ самъ въ высшей мѣрѣ обладалъ свободнымъ здравымъ смысломъ, на него не давили никакіе завѣты отцовъ и дѣдовъ въ области военно-морского искусства, и наконецъ и та среда моряковъ, въ которую онъ попалъ на западѣ—это была среда создателей искусства веденія войны на морѣ и ихъ непосредственныхъ преемниковъ. И мы видѣли, что онъ вернулся, не съ какими либо рутинными пріемами для веденія морской войны, а лишь съ укрѣпившимся сознаніемъ необходимости и важности морской силы, съ хорошимъ подспорьемъ этому—основательнымъ знакомствомъ съ матеріальною частью флота того времени. И въ дѣлахъ Петра нигдѣ не проявляется слѣпое подражаніе тому, что онъ видѣлъ или о чемъ онъ слышалъ. Напротивъ—каждый его шагъ—проявленіе совершенно свободнаго здраваго смысла. На западѣ онъ видѣлъ только корабельные флоты—у себя же онъ создаетъ рѣчной и шхерный флоты, такъ какъ именно они соотвѣтствовали обстановкѣ, и именно посредствомъ этихъ флотовъ, и изъ за того, что этого значенія не поняли его противники—такъ какъ это не входило въ ихъ привычныя навыки, онъ одолѣваетъ турокъ на югѣ и шведовъ на сѣверѣ. И всего этого онъ достигъ посредствомъ талантливаго руководительства дѣломъ, уступая противнику въ познаніяхъ личнаго состава въ техникѣ дѣла, въ опытности и вообще и въ самой техникѣ т. е. въ матеріальной части.

Также здравый смыслъ Петра сказался въ томъ

морскомъ сраженіи, которое было разыграно подъ его руководствомъ—въ Гангутскомъ.

Петръ Великій въ Гангутскомъ сраженіи.

Историки не даютъ намъ точныхъ указаній—какіе именно мотивы руководили различными дѣйствіями Петра въ этомъ сраженіи—они ограничиваются болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Но если разбирать эти дѣйствія съ точки зрѣнія боевыхъ принциповъ, т. е. того-же здраваго смысла, который намъ удалось только формулировать, то эти дѣйствія становятся совершенно ясными.

Дорогу гребному флоту Петра заслонялъ шведскій корабельный флотъ и небольшой отрядъ гребныхъ судовъ. Именно этотъ отрядъ особенно стѣснялъ Петра, такъ какъ корабельный флотъ можно было-бы и обойти въ случаѣ штиля, но гребной флотъ въ этомъ могъ ему помѣшать, какъ непосредственно самъ, такъ и подбуксировавши къ мѣсту прорыва и парусныя суда. Поэтому надо было отдѣлить отъ шведскаго парусного флота этотъ отрядъ гребныхъ судовъ.

Это соображеніе являлось естественнымъ послѣдствіемъ стремленія примѣнить, къ той обстановкѣ въ которой находился флотъ Петра, принципъ раздѣленія непріятельскихъ силъ, устраненія сильной его стороны, нарушить у него взаимную поддержку съ тѣмъ, чтобы свою силу сосредоточить и имѣть возможность воспользоваться своей сильной стороной (свободой передвиженія въ штиль) и укрыть свою слабую сторону (слабость артиллеріи гребныхъ судовъ по сравненію съ артиллеріей парусныхъ кораблей).

Способъ примѣненія этого стремленія конечно совершенно зависѣлъ отъ обстановки. Эта обстановка—низменный и узкій перешеекъ у Лапвика—допускала возможность перетаскиванія галеръ и это грозило шведамъ прорывомъ флота Петра въ абосскія шхеры. А потому, какъ только до нихъ дошли слухи о постройкѣ русскими помоста для такого перетаскиванія—а объ особыхъ мѣрахъ со стороны русскихъ для сохраненія этой работы въ тайнѣ мы свѣдѣній не имѣемъ—шведы отдѣлили свой отрядъ гребныхъ судовъ къ тому

мѣсту, гдѣ русскія галеры должны были спускаться на воду.

И такимъ образомъ цѣль Петра—раздѣленіе шведскихъ силъ—была достигнута.

Онъ заставилъ ихъ это сдѣлать. Но едва-ли онъ думалъ, что это движеніе шведовъ сдѣлаетъ для него перетаскиваніе невозможнымъ. Дѣйствительно, если допускалась возможность перетаскиванія галеръ, то тѣмъ легче было возможно перетащить сначала къ мѣсту спуска на воду самыя тяжелыя имѣвшіяся пушки, и вооружить ими нѣсколько батарей на берегу—тогда шведскій отрядъ былъ-бы лишенъ возможности помѣшать спуску на воду русскихъ галеръ.

Но разъ шведы раздѣлились, едва-ли Петръ и думалъ прибѣгнуть къ самому перетаскиванію—слишкомъ это было сложно, громоздко и длительно. Теперь онъ ждалъ штилей—обычныхъ въ это время—они остались обычными и до нашихъ дней. И какъ только эти штили наступили, онъ и выполнилъ свое главное намѣреніе—обойти шведовъ воднымъ путемъ.

Послѣ этого онъ могъ-бы даже продолжать свой путь, пренебрегая небольшимъ гребнымъ шведскимъ отрядомъ, оставшимся у него въ тылу, но это было-бы неосторожно, такъ какъ могла представиться опасность новой комбинаціи шведскихъ парусныхъ и гребныхъ судовъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а между тѣмъ представлялся превосходный случай сосредоточить превосходныя силы противъ небольшого шведскаго отряда. А кромѣ того Петръ ясно понималъ—какое огромное значеніе для его юнаго флота и для отношенія къ этому его дѣтищу общественнаго мнѣнія будетъ имѣть рѣшительная его побѣда хотя-бы и надъ слабой частью такого противника какъ шведы. И дѣйствительно моральное значеніе Гангутской побѣды было очень велико.

Русскій флотъ при преемникахъ Петра Великаго.

Послѣ смерти Петра русскій флотъ быстро подвергся почти полному разложенію, и хотя кое какія мѣры и принимались для его возрожденія при ближайшихъ преемникахъ Петра, но все это было сонно и вяло, такъ какъ настоящаго сознанія въ необходимости

и важности значенія морской силы для Россіи у нихъ не было. Сонное царство царило и во флотѣ.

Серьезно взялась за возрожденіе флота только Екатерина II-я. Балтійскій флотъ она рѣшила возродить, а черноморскій—создать.

Екатерина Великая взялась серьезно за возрожденіе русскаго флота.

Личный составъ оказался въ такомъ плачевномъ состояніи, что пришли къ рѣшенію пригласить на службу значительное количество иностранцевъ и конечно англичанъ, царившихъ въ то время на морѣ.

Однако моментъ былъ выбранъ очень неудачный. Шестидесятые годы XVIII столѣтія—это была, какъ мы видѣли выше, эпоха наибольшаго гнета ложныхъ идей о веденіи морского боя въ англійскомъ морскомъ сословіи—всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ казненъ несчастный адмиралъ Бингъ. Мы видѣли, что въ эту эпоху рутина въ англійскомъ флотѣ не щадила никого—ни умныхъ ни талантливыхъ. Не избѣгъ ея и такой выдающійся по своимъ достоинствамъ человѣкъ, какъ англичанинъ Грейгъ, который былъ приглашенъ на службу въ русскій флотъ прямо съ чиномъ командора. Я уже не говорю объ остальныхъ англичанахъ—никто изъ нихъ не выдѣлился чѣмъ либо особеннымъ на службѣ въ Екатерининскомъ флотѣ.

Приглашенные Екатериной въ русскій флотъ англичане принесли съ собой рутину.

Напротивъ изъ иностранцевъ скорѣе выдѣлились своими разумными дѣйствіями—Кинсбергенъ (голландецъ), Поль-Джонсъ *) (американецъ) и Нассау-Зигенъ **) (французъ).

И достаточно разобрать дѣйствія Грейга—самаго способнаго изъ приглашенныхъ тогда на службу англичанъ, чтобы понять—почему отъ нихъ нельзя было ожидать чего-либо въ наукѣ руководительства.

---

*) Его выжили изъ нашего флота англичане, не желавшіе служить со своимъ національнымъ врагомъ, очень удачно притомъ дѣйствовавшимъ противъ англичанъ въ крейсерской войнѣ.

**) Нассау-Зигенъ, выигравши первое Роченсальмское сраженіе, проигралъ второе, но не потому, чтобы идеи его о веденіи боя находились подъ гнетомъ рутины, а потому, что онъ поддался преступному соблазну подогнать ожидаемую побѣду ко дню восшествія на престолъ Екатерины II-й. Къ сожалѣнію этотъ прецедентъ не забылся въ русскомъ флотѣ и въ наши дни.

Грейгъ руководилъ двумя сраженіями Екатерининскаго флота—Хіосскимъ (1770 г.) и Гогландскимъ (1788 г.).

Въ первомъ изъ этихъ сраженій, правда, онъ не былъ начальникомъ эскадры—онъ былъ только флагъ-капитаномъ Орлова.

Но вѣдь извѣстно, что Орловъ не былъ морякомъ, что онъ ничего не понималъ въ морскомъ дѣлѣ, и что онъ принялъ начальствованіе надъ флотомъ именно для того, чтобы своимъ авторитетомъ—руководителя всей Архипелажской экспедиціи—прекратить нескончаемыя пререканія между адмиралами Спиридовымъ и Эльфинстономъ.

Свой флагъ онъ держалъ на кораблѣ 3 Іерарха, которымъ командовалъ командоръ Грейгъ и такимъ образомъ онъ могъ пользоваться его совѣтами. Такимъ образомъ отвѣтственность за способъ веденія Хіосскаго сраженія падаетъ на Грейга.

Здравый смыслъ Графа Орлова.

Что-же касается до Орлова, то въ области, которая для него была доступна и именно въ той, гдѣ онъ и долженъ былъ распоряжаться какъ руководитель всей экспедиціи—въ области общаго руководительства и принятіи направляющихъ рѣшеній, онъ проявилъ свой природный, не затемненный профессіональной рутиной, здравый смыслъ. Рѣшеніе, не смотря на значительное неравенство въ силахъ, искать турецкій флотъ и принудить его къ рѣшительному бою, такъ какъ безъ этого, по его мнѣнію, нельзя было имѣть къ дальнѣйшимъ побѣдамъ свободныя руки,—принадлежитъ лично ему, и показываетъ, что онъ ясно понималъ все значеніе морской силы въ порученномъ ему дѣлѣ. А исполненіе принужденія турецкаго флота къ бою онъ предоставилъ Грейгу.

Вліяніе рутины на Грейга.

А Грейгъ и на новой своей службѣ, не смотря на свой умъ и талантливость, не съумѣлъ освободиться отъ коренныхъ заблужденій той среды, изъ которой онъ пришелъ—въ частности отъ поклоненія картинной стройности, ненарушимости строя, систематичности наперекоръ всему—однимъ словомъ тому, что на сухомъ пути такъ мѣтко выражено словомъ „шагистика“.

Поэтому онъ не представлялъ себѣ, что можно свой флотъ разбить на отдѣльные отряды, что начальникамъ этихъ отрядовъ можно поставить для руководительства ими лишь общія цѣли—туда-то сосредоточить свою силу, стремиться къ взаимной поддержкѣ, къ подставленію свой сильной стороны и уклоненію слабой [redacted] и т. п.—и затѣмъ предоставить имъ въ *исполненіи* всего этого свободу, такъ какъ трудно предвидѣть всѣ детали обстановки, которая представится въ бою. Онъ не могъ также понять, что ошеломить непріятеля внезапностью гораздо важнѣе, чѣмъ атаковать его въ хорошо устроенномъ и выравненномъ строѣ.

А между тѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ всего, люди, не зараженные профессіональной рутиной, или такіе, которые были поставлены въ обстановку облегчавшую возможность ихъ творческому таланту выбиться изъ путъ рутины—Клеркъ, Сюфренъ, Ушаковъ—именно такъ и дѣлали въ веденныхъ ими сраженіяхъ, а Грейгъ и черезъ 18 лѣтъ—въ Гогландскомъ сраженіи—остался подъ властью рутины.

Онъ представлялъ себѣ, что въ открытомъ морѣ, когда противникъ на ходу, нельзя на него нападать иначе, какъ занявъ навѣтренное положеніе и иначе какъ спускаясь всей линіей на всю его линію. Если-же противникъ на якорѣ, то нѣтъ другого способа нападенія, какъ дефилировать мимо него со своими кораблями, несмотря на то, что, приближаясь и удаляясь отъ него, подставляешь свои корабли продольнымъ выстрѣламъ, и что во время дефилированія противникъ имѣетъ явное преимущество въ мѣткости стрѣльбы.

И происходило такое ложное направленіе въ идеяхъ потому, что—стать на якорь—это значило нарушить красоту маневрированія и строй, а тѣмъ болѣе скучить свои корабли на якорѣ противъ какого нибудь участка непріятельской линіи—это уже представлялось полной ересью, и людей проповѣдующихъ это тогда не слушали. Напр. въ сраженіи между англичанами и французами при островѣ С. Лючіи, во время войны за независимость американскихъ колоній, французскому флоту чрезвычайно было важно выбить англичанъ съ позиціи,

занятой ими на якорѣ, и когда они начали бой, дефилируя мимо англичанъ, то нашелся одинъ горячій командиръ, который во время боя послалъ начальнику эскадры письмо, страстно убѣждая его стать на якорь, такъ какъ иначе нельзя достигнуть результата. Но этотъ командиръ былъ—Сюффренъ, и его не послушали, и проиграли дѣло.

И все это дѣлали, несмотря на то, что это явно противорѣчило здравому смыслу—иначе говоря—принципамъ веденія боя.

Хіосское сраженіе.

И такъ поступилъ и Грейгъ въ Хіосскомъ сраженіи.

Русскій флотъ по матеріальной своей силѣ значительно уступалъ противнику—у Орлова было 9 кораблей противъ 17 турецкихъ, не говоря ужъ о значительномъ превосходствѣ турокъ въ мелкихъ судахъ. Преимущество въ моральномъ элементѣ за то, въ извѣстной степени, было на сторонѣ русскихъ, не смотря на раздоры между нѣкоторыми изъ частныхъ начальниковъ. Русскія команды были лучше обучены стрѣльбѣ.

А тогда значитъ особенно было важно устроить такую обстановку боя, въ которой можно-бы было использовать преимущество свое въ стрѣльбѣ, и прикрыть свою слабую сторону—численность, а для этого непремѣнно надо было стать на якорь и скучить свои корабли противъ какого нибудь участка непріятельскаго строя.

А также важно было воспользоваться всякимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, если-бы случай послалъ таковое.

И случай это сдѣлалъ.

23-го Іюня наши крейсеры открыли мѣстонахожденіе турокъ—въ Хіосскомъ проливѣ, причемъ донесли, что турки находятся въ безпорядкѣ. А это означало, что появленіе нашей эскадры было для турокъ неожиданнымъ, и здравый смыслъ подсказывалъ, что надо воспользоваться тѣмъ, что противникъ находится въ безпорядкѣ, и немедленно его атаковать. То-же самое говоритъ и принципъ внезапности.

Но тогда—какъ-же было быть со стройностью атаки, съ тѣмъ, что открывшіяся обстоятельства не были подвергнуты обсужденію военнаго совѣта, какъ-же было атаковать безъ особой диспозиціи?.. Вотъ Нельсонъ, когда онъ открылъ французскую эскадру стоявшую на якорѣ въ Абукирской бухтѣ, немедленно ринулся въ атаку, не смотря на то, что наступала ночь, что бухта эта ему была совершенно незнакома, не смотря на то, что флотъ его шелъ нестройной кучей, и нѣкоторые корабли были страшно отставши—онъ не хотѣлъ упускать ни одного момента.

Но это было 28 лѣтъ спустя послѣ встрѣчи русскихъ съ турками въ Хіосскомъ проливѣ, когда въ англійскомъ флотѣ ужъ вѣяли совсѣмъ другія мысли, основанія которымъ положилъ Клеркъ.

Тутъ-же рѣшено было выждать слѣдующаго дня, собрать военный совѣтъ, и послѣ того атаковать турокъ.

Никакія детальныя изслѣдованія не могутъ устранить факта—чѣмъ-бы ни былъ онъ вызванъ—*промедленія* русскаго флота, т. е. не принятія во вниманіе принципа внезапности. И какія-бы ни были приведены къ тому причины, выводъ все остается тотъ-же—могли быть, значитъ, для Орлова и Грейга причины болѣе важныя чѣмъ здравый смыслъ или боевой принципъ, а вотъ для Нельсона, и для Ушакова, какъ мы увидимъ ниже—причинъ такихъ не было.

И вотъ краткое упоминаніе историка (Кроткова), что 24-го Іюня (тогда какъ непріятель былъ открытъ 23 Іюня) „когда русская линія была устроена по диспозиціи къ атакѣ, данъ былъ сигналъ спускаться“ вполнѣ характеризуетъ эту потерю времени, это пренебреженіе къ принципу внезапности—къ здравому смыслу—и эта короткая фраза становится для насъ показательной только потому, что мы ясно представляемъ себѣ, чего мы именно ищемъ при изслѣдованіи Хіосскаго сраженія.

Какъ-же была устроена русская линія. О!—очень обстоятельно и картинно и по всѣмъ правиламъ искусства. Авангардія, кордебаталія и арьергардія заключали въ себѣ по три корабля, каждая имѣла своего адми-

рала въ центрѣ, главнокомандующій Орловъ находился въ центрѣ всего флота—порядокъ былъ образцовый.

А что дѣлали турки, пока такъ образцово устраивалась русская эскадра, пока на военномъ совѣтѣ вырабатывался планъ веденія боя?

А они—изъ безпорядка пришли въ порядокъ, выстроили свои корабли въ двѣ линіи, расположили свои гребныя суда между берегомъ и флотомъ, чтобы свозить раненыхъ и подвозить подкрѣпленія—и ожидали русскихъ.

А какимъ способомъ русскіе атаковали такую крѣпкую позицію? Воспользовались-ли они тѣмъ, что вѣтеръ дулъ вдоль турецкой линіи, чтобы напасть на авангардъ противника, такъ какъ центру и арьергарду турокъ трудно было въ данномъ случаѣ придти на помощь—какъ это сдѣлалъ Нельсонъ въ Абукирскомъ бою?

Нѣтъ, они не воспользовались благопріятной обстановкой, они не предполагали, даже видя эту обстановку, становиться на якорь, они вели атаку по опредѣленному существовавшему тогда *рецепту,* по рутинѣ,—спускаясь на линію противника перпендикулярно, дефилируя мимо него, и затѣмъ отъ него удаляясь.

И опять достаточно одной фразы историка (Кроткова), чтобы видѣть, что это именно такъ и было, противно здравому смыслу и требованіямъ боевыхъ принциповъ. „Всѣ три корабля, подходя къ турецкой линіи, выдержали турецкій огонь, *не отвѣчая на него,* пока не подошли на пистолетный выстрѣлъ (20 саж.), тогда, поворотясь бортомъ, открыли бѣглый огонь". И въ этихъ словахъ, если не посмотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія боевыхъ принциповъ, даже звучитъ нѣкоторая гордость—вотъ молъ наши какіе храбрецы, турки въ нихъ палятъ, а они выдерживаютъ. Но на самомъ дѣлѣ вѣдь это могло происходить только изъ за того, что наши корабли приближались къ турецкой линіи по перпендикулярному направленію, а потому *не могли стрѣлять,* въ то время какъ турки разстрѣливали ихъ продольнымъ огнемъ, и значитъ, не страдая сами—наносили имъ серьезный вредъ.

А значитъ въ этихъ словахъ ясная картина подставленія своей слабой стороны подъ удары сильной стороны противника, постановки своего хорошо обученнаго личнаго состава въ несравненно худшее положеніе, по сравненію съ противникомъ, предоставленія возможности противнику сосредоточить свою силу по очереди противъ отдѣльныхъ нашихъ кораблей!

А что сдѣлалось изъ за такого способа нападенія съ русскими кораблями?

Изъ русскаго авангарда корабль „Евстафій“ былъ такъ обитъ, что не могъ выполнить предположеннаго въ планѣ атаки маневра, и навалилъ на турецкую линію, загорѣлся и взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ турецкимъ кораблемъ. Слѣдующій за нимъ корабль „Три Святителя“ также, изъ за поврежденій, не могъ выполнить плана и свалился за первую турецкую линію, гдѣ ему пришлось двигаться между двухъ огней, отстрѣливаясь на оба борта.

И хотя въ реляціи (Кротковъ) про этотъ корабль сказано, что онъ дѣйствовалъ „рѣшительно и храбро“, и конечно честь и слава за это личному составу этого корабля, но нельзя забыть о *томъ, что-же поставило этотъ корабль въ такое тяжелое положеніе?*—А это былъ нелѣпый рецептъ атаки, принятый подъ давленіемъ господствовавшей въ то время рутины. Та-же рутина погубила и „Евстафій“, и это должно было-бы быть начертано огненными буквами на мостикѣ строющагося корабля „Евстафій“, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ на корабляхъ „Память Меркурія“ и „Память Азова“ начертаны для поученія потомству слова о подвигахъ этихъ кораблей.

Гибель корабля „Евстафій“— послѣдствіе рутины.

А про арьергардъ историкъ (Веселаго) говоритъ, что „находившіеся въ арьергардѣ 3 корабля Эльфинстона успѣли подойти только къ концу сраженія“.

А это показываетъ, что они отстали, какъ всегда отставалъ арьергардъ, такъ какъ обыкновенно онъ составлялся изъ худшихъ ходоковъ. Но кромѣ того это показываетъ, что русская эскадра вводилась въ бой по частямъ, и что событія въ авангардѣ и центрѣ, и очень для нихъ неблагопріятныя, произошли такъ быстро, что арьергардъ не поспѣлъ къ нимъ на по-

мощь, и затрудненія въ оказаніи помощи другъ другу были обусловлены самымъ способомъ нападенія, т. е. планъ атаки противорѣчилъ и принципу взаимной поддержки. У нѣкоторыхъ историковъ замѣтны намѣренія объяснить запозданіе арьергарда раздорами Эльфинстона съ другими адмиралами, изъ за чего онъ будто-бы нарочно замедлилъ ходъ своихъ кораблей, и они намекаютъ даже на его измѣну. Но не говоря ужъ о томъ, что они не приводятъ тому никакихъ доказательствъ, надо вѣдь помнить о томъ, что Эльфинстонъ вѣдь не дѣлалъ никакихъ сигналовъ объ уменьшеніи хода, и опоздалъ не одинъ его корабль, а всѣ три, находившіеся подъ его начальствомъ, и одинъ изъ нихъ находился впереди него. Если-же его командиры, видя затруднительное положеніе своихъ передовыхъ, не шли къ нимъ на помощь, предпочитая стройно держаться вмѣстѣ со своимъ непосредственнымъ начальникомъ, то это только новый признакъ того, что рутина въ рецептахъ нападенія, черезъ приглашенныхъ на службу въ нашъ флотъ англичанъ, уже посиѣла себѣ свить прочное гнѣздо и въ русскомъ флотѣ. И если допустить злую волю или измѣну Эльфинстона, надо допустить то-же самое со стороны всѣхъ командировъ арьергарда, и тогда дѣло не могло кончиться иначе, какъ отдачей ихъ всѣхъ подъ судъ—а объ этомъ мы свѣдѣній не имѣемъ.

Дѣло, надо полагать, было гораздо проще. Какъ только начались аваріи съ передовыми кораблями, несуразность плана атаки проявилась сама собой. Самъ флагманскій корабль „Три Іерарха“ первый сталъ на якорь противъ турецкаго флагмана. Можно предполагать, что на этомъ настоялъ находившійся на немъ Орловъ,—человѣкъ обладавшій природнымъ здравымъ смысломъ, и, какъ не морякъ, не зараженный профессіональной рутиной, онъ увидѣлъ—на сколько невыполнимъ принятый для атаки планъ. Измѣнить сигналомъ этотъ планъ было уже трудно. Вопервыхъ, самъ флагманскій корабль велъ жаркій бой съ турецкимъ главнокомандующимъ, а во вторыхъ, надо было очень много объяснить сигналомъ, а наши корабли всѣ раз-

метались въ разныя стороны. Понятно, видя это, арьергардъ былъ въ нерѣшительности—что ему дѣлать, и не желая подвергнуться участи авангарда и центра, привелъ раньше чѣмъ слѣдовало и велъ бой на дальней дистанціи, что явилось быть можетъ слѣдствіемъ его желанія—какъ можно раньше открыть огонь, вмѣсто того чтобы подвергаться продольному огню противника, не имѣя возможности ему отвѣчать. Однимъ словомъ произошелъ просто безпорядокъ, въ которомъ не былъ виноватъ никто, кромѣ ложныхъ идей, которыми были проникнуты люди руководившіе всѣмъ этимъ дѣломъ. Не были виноваты и эти люди, такъ какъ они *не умѣли* сдѣлать иначе. Желая сдѣлать лучше, они дѣлали хуже, потому что всѣ ихъ дѣйствія были противны боевымъ принципамъ, и сами они этого не замѣчали.

Дѣло грозило окончиться полной неудачей, но тутъ русскимъ помогъ случай. Начался пожаръ на турецкомъ кораблѣ, на который навалилъ „Евстафій" и пожаръ перешелъ и на него. Корабли эти находились въ навѣтренной части турецкой линіи, и у турокъ явилось опасеніе, что пожаръ распространится по всей линіи. Они начали рубить канаты и уходить въ расположенную подъ вѣтромъ Чесменскую бухту. Если-бы наши корабли находились въ исправномъ состояніи, то они могли-бы извлечь изъ этого безпорядочнаго бѣгства большія выгоды, завладѣвъ отстававшими и наиболѣе поврежденными кораблями. Но на самомъ дѣлѣ наша эскадра находилась въ такомъ-же безпорядкѣ какъ и турецкая, а корабли авангарда и центра были еще такъ повреждены въ то время, когда турки ихъ обстрѣливали продольными выстрѣлами, что они не въ состояніи были гнаться за турецкими. Такимъ образомъ, если-бы турки бѣжали не въ Чесменскую бухту, а въ открытое море, то они были-бы совсѣмъ упущены, и день Хіосскаго сраженія, собственно, это столь-же неудача русскихъ сколь и турокъ. Потери были одинаковыя (по одному кораблю, причемъ для малочисленнаго русскаго флота эта потеря была гораздо тяжелѣе), и турки хотя и отступили, но и русскіе своей цѣли—уничтоженія турецкаго флота не достигли,

хотя возможность этого имъ представлялась—обстоятельства имъ благопріятствовали.

Уничтоженіе это было достигнуто только черезъ нѣсколько дней посредствомъ бомбардировки и брандеровъ. А это уже насъ, при разборѣ вопроса объ *искусствѣ* веденія *эскадреннаго* боя, не интересуетъ.

Гогландское сраженіе.

Гогландскимъ сраженіемъ Грейгъ уже руководилъ совершенно самостоятельно. Но онъ остался все тотъже и черезъ 18 лѣтъ, которыя прошли послѣ его неудачныхъ дѣйствій въ Хіосскомъ проливѣ.

Въ данномъ случаѣ обстановка въ особенности не соотвѣтствовала примѣненію, принятаго въ англійскомъ флотѣ, въ то время когда тамъ служилъ Грейгъ, рецепта—спускаться всей линіей на всю линію непріятеля. Русская эскадра была на вѣтрѣ, но вѣтеръ былъ очень слабый и все стихалъ. Такимъ образомъ, до сближенія съ непріятелемъ должно было пройти очень значительное время, впродолженіи котораго приходилось подвергаться продольнымъ выстрѣламъ, не будучи въ состояніи отвѣчать. Кромѣ того, это было особенно выгодно шведамъ, которыхъ команды были гораздо опытнѣе и лучше обучены, и невыгодно русскимъ и въ матеріальномъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Между тѣмъ атака части противника, и въ особенности арьергарда, была особенно выгодна русскимъ, такъ какъ они были слабѣе, и центру и авангарду шведовъ при все стихающемъ вѣтрѣ въ особенности трудно было помочь своему арьергарду, такъ какъ при такомъ вѣтрѣ особенно затруднительны повороты парусныхъ кораблей.

Но Грейгъ не былъ способенъ направить свои мысли на этотъ путь—въ головѣ его крѣпко сидѣлъ рецептъ, на которомъ онъ выросъ, и онъ приказалъ спускаться всей своей линіи на всю линію непріятеля.

Вслѣдствіе этого произошло только то, что происходило всегда, да и должно было происходить, при выполненіи принятаго имъ рецепта, т. е.—арьергардъ все отставалъ, авангардъ былъ сильно поврежденъ, а непріятель уклонился отъ боя и ушелъ, а, яко-бы, по-

бѣдитель не былъ въ состояніи его преслѣдовать—не могъ догнать даже худшихъ его ходоковъ.

И, чтобы отмѣтить эти характерныя черты, опять не требуется никакихъ детальныхъ изслѣдованій—онѣ бросаются прямо въ глаза при знакомствѣ даже съ самыми краткими описаніями боя—разъ только извѣстны признаки этихъ характерныхъ чертъ, т. е. разъ извѣстно—чего именно мы ищемъ при изслѣдованіи этого боя.

Напр. у Кроткова *) говорится—„сраженіе началось въ 5 час. по полудни, когда *нашъ авангардъ, вышедшій впередъ* при маловѣтріи отъ *ОХО и спустившись, вступилъ въ бой...*"

„...Извѣщенный въ 12 ч. ночи о плѣненіи корабля „Владиславъ", адмиралъ Грейгъ поднялъ сигналъ погони, но темнота ночи и *полученныя поврежденія не позволяли авангарду и кордебаталіи гнаться за непріятелемъ; аррьергардія* (контръ-адмирала Фонъ-Дезина), меньше другихъ пострадавшая, *была далеко*".

А вотъ что говоритъ Головачевъ **). „Въ нашей авангардіи сыпали картечью—здѣсь Грейгъ надвигался неотступно и вмѣстѣ съ Козляниновымъ надѣялся сломить *переднюю половину* флота непріятельскаго... На гротъ-брамъ стеньгѣ корабля Грейга развивался сигналъ—*аррьергардіи вступить въ свое мѣсто...* наши корабли только *издали развлекали шведскую аррьергардію...* Въ 7 ч. авангардія наша имѣла уже по *одному* противнику—*лишнихъ она выбила изъ строя* (т. е. значитъ имѣла раньше больше чѣмъ по одному противнику, т. е. непріятель сосредоточилъ противъ нея превосходныя силы)... *даже аррьергардія приняла нѣкоторое участіе въ дѣлѣ...* около 9 час. вечера... у нашей *авангардіи* рангоутъ и шлюпки были *избиты... аррьергардія снова* успѣла *отдалиться...* корабли у болѣе храбрыхъ командировъ были *избиты*, а *аррьергардія совсѣмъ отстала*".

*) Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ. Стр. 246—247. Курсивы мои.

**) Дѣйствія русскаго флота во время войны Россіи со Швеціей въ 1788—90 г.г. Курсивы мои.

Эти выписки говорятъ сами за себя. А въ результатѣ—побѣды въ тактическомъ смыслѣ не было, потери у насъ и у шведовъ въ корабляхъ были случайныя и равныя (по одному кораблю), а поврежденій у русскихъ было гораздо больше, такъ какъ они не въ состояніи были преслѣдовать уклонившагося отъ рѣшительнаго боя противника.

Но за огромнымъ стратегическимъ значеніемъ этого сраженія (вслѣдствіе отступленія шведскаго флота рушился планъ шведовъ овладѣть Петербургомъ) никто не обратилъ вниманія на тѣ ложныя идеи, да и не понимали ихъ,—которыя руководили Грейгомъ, на то, что шведы не были разбиты—довольны были и тѣмъ, что они отступили. Грейгъ былъ осыпанъ наградами— онъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго и похвальный листъ отъ адмиралтействъ коллегіи, а несчастный адмиралъ Бингъ за такое-же веденіе боя заплатилъ своей жизнью, такъ какъ послѣдствіемъ его явилась потеря англичанами острова Минорки. И для кампаніи 1788 г. въ Финскомъ заливѣ—Гогландское сраженіе—это огромный стратегическій успѣхъ русскаго флота, но такой успѣхъ, которымъ онъ въ значительной мѣрѣ обязанъ *шведамъ*. Для исторіи-же военноморского искусства дѣйствія адмирала Грейга въ этомъ бою—примѣръ чисто отрицательный. Да и стратегическій результатъ былъ не безъ изъяна, благодаря тому, что шведы не были разбиты. Какъ говоритъ Головачевъ—„безуспѣшность всѣхъ попытокъ выманить шведскій флотъ изъ Свеаборга парализовала всѣ наши дальнѣйшіе успѣхи въ этомъ году“.

Ревельское сраженіе.

Но совсѣмъ такія-же ложныя идеи о веденіи боя характеризуютъ и шведовъ въ эту эпоху. Это прямо бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи Ревельскаго и Красногорскихъ сраженій въ 1790 г. Обладая огромнымъ преимуществомъ въ силѣ, шведы не могли нанести никакого вреда малочисленной эскадрѣ Чичагова, расположенной на якорѣ на удобной позиціи, и именно изъ за того, что они не стали на якорь, а подставляли себя подъ продольные выстрѣлы при приближеніи и удаленіи, и подводили свои

силы подъ разстрѣлъ русскихъ по частямъ, причемъ поставили въ дурныя условія стрѣльбы своихъ комендоровъ, такъ какъ тѣмъ приходилось стрѣлять съ подвѣтреннаго борта при значительномъ кренѣ. Однимъ словомъ вся атака противорѣчила принципамъ веденія боя, а потому противорѣчила и здравому смыслу. Здѣсь мы видимъ почти полное сходство съ Хіосскимъ сраженіемъ, и разница лишь въ томъ, что русскій флотъ не отступилъ въ Ревельскую гавань, и не былъ тамъ сожженъ шведами съ помощью брандеровъ. Шведы-же потеряли два корабля и принуждены были отступить. Также принужденъ-бы былъ отступить и русскій флотъ послѣ Хіосскаго сраженія, если-бы турки остались на своей позиціи. А отступленіе шведовъ имѣло очень серьезныя послѣдствія—подходъ Ревельской эскадры къ Сескарю когда шведы сражались съ эскадрой Круза у Красной горки, вслѣдствіе чего имъ пришлось укрыться въ Выборгскій заливъ, гдѣ они и были заблокированы соединившимся русскимъ флотомъ.

Красногорскія сраженія.

На тѣхъ-же ложныхъ основаніяхъ вели шведы и серію Красногорскихъ сраженій, спускаясь на своего противника все время всей линіей на всю его линію. А въ результатѣ всѣ эти сраженія оказались нерѣшительными, а это для шведовъ было очень невыгодно, такъ какъ съ минуты на минуту могъ подойти на помощь Кронштадской эскадрѣ изъ Ревеля Чичаговъ, и шведы очутились-бы между двухъ огней. Такимъ образомъ, именно изъ за отсутствія искусства въ веденіи боя, какъ противъ непріятеля стоящаго на якорѣ, такъ и находящагося въ морѣ, шведы упустили случай разбить силы противника по частямъ и сами оказались въ ловушкѣ.

Адмиралъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ.

Но какъ явилась реакція противъ ложнаго направленія въ военно-морскомъ искусствѣ на западѣ, въ лицѣ Клерка у англичанъ и Сюффрена у французовъ, такъ проявилась она и у русскихъ, но не въ лицѣ кого либо изъ иностранцевъ, а тѣмъ паче англичанъ, служившихъ въ то время во множествѣ въ русскомъ флотѣ—и объясненіе этому уже было приве-

дено въ своемъ мѣстѣ—а въ лицѣ чисто русскаго человѣка—адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова.

Обстановка ему благопріятствующая состояла въ томъ, что онъ дѣйствовалъ въ Черномъ морѣ, гдѣ флотъ только что возникъ, гдѣ не успѣла еще сформироваться школа „англичанъ", гдѣ и вообще англичане были очень малочисленными*), гдѣ все надо было создавать вновь, гдѣ борьба съ рутиной была гораздо легче. Наконецъ Ушаковъ нашелъ поддержку своимъ идеямъ у всемогущаго тогда Потемкина, который, не будучи морякомъ, не будучи зараженъ профессіональной рутиной, обладая при этомъ яснымъ умомъ и настоящимъ природнымъ здравымъ смысломъ—легко понималъ и другихъ, когда ему развивали здравыя мысли.

Князь Потемкинъ Таврическій.

А Ушакову пришлось прибѣгнуть къ авторитету Потемкина потому, что все таки подчиненный ему личный составъ не всегда способенъ былъ его понимать и оказывалъ ему пассивное сопротивленіе—слишкомъ ужъ идеи его шли въ разрѣзъ съ установившимися навыками, которые все таки были принесены съ собою офицерами посылавшимися изъ Балтики на службу въ Черноморскій флотъ.

Здравый смыслъ адмирала Ушакова въ приложеніи къ обстановкѣ.

Какъ мы увидимъ дальше, Ушаковъ всегда ставилъ себѣ цѣлью—сосредоточить силу, поддерживать своихъ, нарушить у противника взаимную поддержку, ошеломить его внезапностью, отыскать у него слабую сторону и т. п... т. е. его здравый смыслъ выливался въ истинные принципы веденія боя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ-же здравый смыслъ предохранялъ его отъ обращенія этихъ принциповъ въ какіе либо рецепты и направлялъ его на правильное примѣненіе этихъ принциповъ сообразно обстановкѣ.

А обстановка, въ которой приходилось дѣйствовать Ушакову, дѣйствительно была особенная. Противникомъ его были турки, матеріяльная часть у которыхъ

*) Напримѣръ англичане не хотѣли служить вмѣстѣ съ знаменитымъ американскимъ морякомъ Полемъ Джонсомъ—американцемъ, приглашеннымъ на русскую службу въ Черноморскій флотъ, видя въ немъ своего заклятаго врага. По проискамъ англичанъ Поль Джонсъ принужденъ былъ покинуть русскую службу.

была несравненно выше нашей. Большинство судовъ Ушакова даже и кораблями не могли называться— это были собственно фрегаты, носившіе до 50 орудій, но ихъ приходилось ставить въ линію, за неимѣніемъ настоящихъ линейныхъ кораблей. Постройки они были очень плохой, тихоходы, а кромѣ того ни одинъ изъ нихъ не былъ обшитъ мѣдью,—вообще по силѣ своей съ турками ихъ нельзя было и сравнивать. Такимъ образомъ являлась особая необходимость возмѣстить отсутствіе матеріальной силы качествами личнаго состава и искусствомъ руководительства. Какъ *морякамъ*, русскимъ командамъ трудно было превзойти турокъ— турецкія команды были природные моряки, набранные изъ жителей Архипелага. Но въ отношеніи организаціи, искусства военнаго и искусства руководительства превзойти ихъ можно было легко. Турецкія команды заключали въ себѣ значительный элементъ подвластныхъ туркамъ народовъ, которые шли на войну только изъ подъ палки, офицерскія и адмиральскія мѣста часто доставались за деньги, или съ помощью самаго откровеннаго фаворитизма—и въ результатѣ внутренней спайки, органической связи (см. гл. III стр. 160–164) въ турецкомъ личномъ составѣ было такъ мало, что обыкновенно турецкія эскадры упорно сражались только до тѣхъ поръ, пока упорно сражались ихъ адмиралы, и какъ только тѣ сдавали, такъ сейчасъ-же разсыпалась и вся эскадра и обращалась въ бѣгство.

Эту особенность своего противника уловилъ Ушаковъ, и очень умѣло ею пользовался, постоянно направляя всѣ свои усилія именно противъ турецкихъ флагманскихъ кораблей.

Совмѣстная работа Ушакова и Потемкина.

Потемкинъ и Ушаковъ—это были люди легко понимавшіе другъ друга, и чтобы поддержать Ушакова въ его идеяхъ, Потемкинъ, которому были подчинены всѣ морскія силы въ Черномъ морѣ, снабдилъ его особой инструкціей, согласно которой, Ушаковъ долженъ былъ во время сраженія имѣть при своемъ флагманскомъ кораблѣ четыре лучшихъ фрегата, которымъ присвоено было названіе—„эскадры кейзеръ-флага“. „Съ помянутой эскадрою“ гласитъ инструкція

„толкайтесь на флагманскій корабль, объявъ его огнемъ сильнымъ и живымъ; раздѣлите которое судно должно бить въ такелажъ, которое въ корпусъ, и чтобы при пальбѣ ядрами, нѣкоторыя орудія пускали бомбы и брандскугели. Что Богъ дастъ въ руки, то его милость; но не занимайтесь брать, а старайтесь истребить, ибо одно бываетъ скорѣе другого. Требуйте отъ всякого, чтобы дрались мужественно, или, лучше скажу,—по Черноморски“.

Принципъ сосредоточенія силъ противъ самаго важнаго участка непріятельскаго строя здѣсь выраженъ совершенно ясно. Довольно самаго бѣглаго просмотра дѣйствій Ушакова въ веденныхъ имъ сраженіяхъ—хотя-бы только по краткимъ даннымъ помѣщеннымъ въ „Повседневной записи“ Кроткова, чтобы характерныя черты творчества Ушакова сдѣлались совершенно ясными.

Керченское сраженіе.

Въ первой-же своей встрѣчѣ, въ роли начальника эскадры, съ турками въ Керченскомъ проливѣ, 8-го Іюня 1790 г., Ушаковъ ясно показалъ—къ чему онъ стремился и къ какимъ средствамъ онъ прибѣгалъ, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Турки были на вѣтрѣ и спускались на русскую эскадру всей линіей на всю линію. Какъ это обыкновенно случалось, авангардъ ихъ оказался впереди, и значитъ наша кордебаталія была свободна. Ушаковъ не задумался нарушить строй и кораблями кордебаталіи подкрѣпить авангардъ, и нанесъ тѣмъ туркамъ серьезныя поврежденія. Затѣмъ, воспользовавшись тѣмъ, что вѣтеръ отошелъ на 4 румба, онъ отдѣльными отрядами, не соблюдая какого либо строя, прорѣзалъ и обошелъ непріятельскую эскадру, и, очутившись на вѣтрѣ, сейчасъ-же обрушился со всѣми своими силами на центръ и арьергардъ, повернувшаго на другой галсъ, турецкаго флота (см. моментъ 4-й на чертежахъ приложенныхъ къ „Повседневной записи“ стр. 251), причемъ его флагманскій корабль уже оказался не посреди строя, какъ это было въ началѣ сраженія, а впереди эскадры, которой онъ стоими движеніями указывалъ—куда идти. Главное свое вниманіе онъ обратилъ на одолѣніе флагманскаго турец-

каго корабля, и когда ему это удалось и тотъ обратился въ бѣгство, побѣжалъ и весь турецкій флотъ, но вслѣдствіе тихоходности нашихъ кораблей догнать турокъ не удалось.

Самъ онъ говоритъ объ этомъ сраженіи такъ*)— „я съ передовыми, будучи уже на вѣтрѣ (т. е. послѣ прорѣзанія турецкой линіи), и желая воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возобновить нападеніе съ навѣтра, сдѣлалъ сигналъ: авангардіи всей вдругъ поворотить оверштагъ, кораблю „Рождество Христово“ (его флагманскій корабль)—быть передовымъ, и сигналомъ-же велѣлъ всѣмъ кораблямъ, *не наблюдая своихъ мѣстъ, каждому по способности*, съ крайнею поспѣшностью войти въ кильватеръ моего корабля, черезъ что линія на правый галсъ устроилась весьма скоро“.

При этомъ нужно отмѣтить, что на сторонѣ турокъ имѣлся значительный перевѣсъ и въ числѣ и въ силѣ кораблей. Противъ турецкихъ 10 линейныхъ кораблей и 8 фрегатовъ, Ушаковъ имѣлъ только 5 настоящихъ линейныхъ кораблей,—остальные 10 его судовъ были фрегаты, изъ которыхъ только два имѣли крупную артиллерію.

Черезъ полтора мѣсяца—28 Августа—Ушаковъ, имѣя въ распоряженіи тѣ-же силы—съ прибавкой лишь одного 50 пушечнаго фрегата—открылъ турецкій флотъ, стоявшій на якорѣ между Хаджибеемъ и Тендрою, причемъ турки были еще сильнѣе чѣмъ во время предыдущей встрѣчи—у нихъ было 14 линейныхъ кораблей и 8 фрегатовъ. Турки при появленіи Ушакова начали сниматься съ якоря и направились въ море съ цѣлью уклониться отъ боя, но Ушаковъ, не теряя ни одного момента на какія либо перестроенія, направился въ походномъ строю трехъ кильватерныхъ колоннъ на турецкій арьергардъ и угрожалъ его отрѣзать. Это заставило турокъ повернуть и принять бой (этотъ-же пріемъ предлагалъ и Клеркъ, чтобы принудить противника къ бою), но такъ какъ адмиральскіе корабли оказались у него въ авангардѣ, Ушаковъ

Тендровское сраженіе.

*) Скаловскій. Жизнеописаніе адмирала Ушакова.

обрушился именно на авангардъ и принудилъ турецкихъ адмираловъ къ бѣгству,—за ними началъ отступать и весь турецкій флотъ. Такъ какъ подъ вѣтромъ былъ берегъ, то русскимъ на этотъ разъ удалось овладѣть двумя кораблями, изъ которыхъ одинъ взорвался, а третій турецкій корабль погибъ въ морѣ отъ нанесенныхъ ему въ бою поврежденій. Въ этомъ сраженіи, значитъ, Ушаковъ немедленно перенесъ сосредоточеніе своихъ силъ съ турецкаго арьергарда на авангардъ, какъ только того потребовала обстановка. Ему были чужды всевозможные рецепты—съ ними не мирился присущій ему здравый смыслъ.

Сраженіе при Каліакріи.

На слѣдующій (1791) годъ Ушаковъ еще разъ имѣлъ случай вступить въ бой съ турецкимъ флотомъ. Произошло это у мыса Каліакріи 31 Іюля. Къ флоту Ушакова прибавилось два линейныхъ корабля,—бывшіе турецкіе, но турки были еще гораздо сильнѣе—флотъ ихъ состоялъ изъ 18 линейныхъ кораблей и 17 фрегатовъ.

Турки стояли на якорѣ за мысомъ Каліакрія, на которомъ была выстроена батарея. Они не ожидали появленія русскаго флота и *внезапное появленіе* Ушакова произвело у нихъ страшный переполохъ. Чтобы не дать имъ оправиться, и *использовать внезапность* своего появленія, Ушаковъ, находившійся въ походномъ строѣ трехъ кильватерныхъ колоннъ, не сталъ терять времени на перестроенія и прямо направился на турецкій флотъ. Турки начали рубить канаты и сдаваться подъ вѣтеръ, Ушаковъ послѣдовалъ за ними и, выбравши ту группу, въ которой находились турецкіе адмиралы, сосредоточилъ всѣ свои усилія противъ нихъ, и опять это кончилось общимъ бѣгствомъ турецкаго флота.

Характеръ творчества адмирала Ушакова.

Всѣ эти характерныя особенности творчества Ушакова не являются какой либо новостью, которую нужно отрывать въ архивахъ—ихъ можно найти въ общеизвѣстномъ жизнеописаніи Ушакова, составленномъ Скаловскимъ. На стр. 169 и 170 этого описанія читаемъ: „Удержаніе навѣтренной позиціи и неразрывная линія баталіи составляли главныя, выгоднѣйшія

условія для успѣха сраженія по тогдашнимъ правиламъ морской тактики, и *начальники флотовъ не рѣшались уклоняться отъ этихъ утвердившихся понятій, принявшихъ даже силу закона;* но въ нападеніяхъ адмирала Ушакова мы видимъ сколько соблюденіе тактическихъ правилъ своего времени, столько и поучительные примѣры храбрости, которые навсегда останутся достойными подражанія. Ни одна минута времени не была имъ потеряна при нападеніи, и боевая линія устраивалась изъ ордера похода, не прекращая сближенія съ непріятелемъ. Чтобы остановить намѣренія противника,—какъ въ сраженіи 31 Іюля 1791 года,—онъ смѣло выступаетъ изъ линіи на встрѣчу ему и увлекаетъ за собой ближайшіе корабли, приказывая остальнымъ употребить всѣ усилія для возможнаго сближенія съ непріятелимъ. Чтобы ввести флотъ въ дѣло съ большею увѣренностью,—какъ въ сраженіи 8 Іюля 1790 года—онъ поставляетъ свой корабль передовымъ; и вообще, чтобы призвать всѣхъ подчиненныхъ къ одинаковой рѣшимости, избираетъ для себя самыя опасныя положенія, такъ что, наблюдая движенія корабля своего главнокомандующаго, командиры всѣхъ прочихъ судовъ не могли уже ошибаться въ истинныхъ его намѣреніяхъ. Быть можетъ распоряженія и дѣйствія Ушакова показали-бы намъ еще болѣе образцовъ смѣлаго и искуснаго нападенія, если-бы могъ онъ вполнѣ разсчитывать на храбрость и знаніе всѣхъ командировъ судовъ во флотѣ своемъ; а изустные разсказы передаютъ намъ, что не всѣ подчиненные съ одинаковой готовностью стремились поддерживать неустрашимаго начальника“.

Разъ мы опредѣлили цѣль—*что* мы собственно ищемъ въ исторіи военно-морского искусства, слова эти являются въ высшей степени показательными и личность Ушакова, какъ новатора, какъ борца съ рутиной, какъ человѣка слѣдовавшаго лишь веленіямъ своего здраваго смысла—выступаетъ совершенно ярко, и является совершенною противуположностью личности Грейга—типичнаго таланта, находившагося во власти рутины. Такъ развѣ, имѣя возможность получить

такіе цѣнные выводы изъ общеизвѣстныхъ и самыхъ краткихъ по содержанію источниковъ, можно говорить, что нельзя прилагать критико-историческій методъ къ изученію событій русскаго флота безъ спеціальныхъ работъ въ архивахъ (см. предисл. стр. 15—20)? Не оказывается-ли на самомъ дѣлѣ вся сущность въ томъ, что надо себѣ составить лишь ясное представленіе о цѣли изученія исторіи, и разъ эта цѣль будетъ установлена—а это и составляетъ предметъ настоящей главы—всѣ имѣющіеся на лицо источники получатъ совершенно другое значеніе и смыслъ!

Русскій флотъ не далъ надлежащей оцѣнки адмираламъ Ушакову и Сенявину.

А что значеніе Ушакова и его достойнаго ученика и преемника въ работѣ въ области русскаго военно-морского искусства—Сенявина не понимали и продолжаютъ не понимать и теперь, показываютъ факты.

Когда въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія начали, послѣ несчастной Крымской кампаніи, возстановлять нашъ флотъ, цѣлый рядъ новыхъ кораблей получилъ имена различныхъ адмираловъ, на которыхъ очевидно хотѣли указать какъ на образцы. И оказалось, что перебрали раньше всѣхъ кого только можно, и только тогда вспомнили объ Ушаковѣ и Сенявинѣ, и назвали ихъ именами небольшіе броненосцы береговой обороны. Также и теперь—возстановили имена „Паллады“ и „Баяна“, а не вспомнили объ адмиралахъ Ушаковѣ и Сенявинѣ, хотя корабль носившій первое имя совершилъ выдающійся подвигъ въ послѣднею войну. А между тѣмъ три однотипныхъ крейсера съ именами „Ушаковъ“, „Сенявинъ“ и „Макаровъ“—выражали-бы недурную идею—„инціатива и искусство руководительства“.

Характеръ творчества адмирала Сюффрена.

Какъ сейчасъ было указано, преемникомъ Ушакова и продолжателемъ въ дѣлѣ развитія русскаго военно-морского искусства явился адмиралъ Сенявинъ. Но раньше, чѣмъ перейти къ нему, дополню нѣсколько картину возстановленія истинныхъ идей веденія морского боя на западѣ, такъ какъ я указалъ только на начало этого возстановленія и только въ англійскомъ флотѣ, благодаря работамъ Клерка.

Въ французскомъ флотѣ иниціаторомъ въ этой области явился адмиралъ Сюффренъ.

И опять, чтобы указать на это, нѣтъ необходимости ни въ какихъ подробныхъ изслѣдованіяхъ—достаточно ознакомиться съ небольшимъ, всего въ нѣсколько строкъ, письмомъ Сюффрена.

Это письмо было написано имъ въ морѣ, сейчасъ послѣ смерти адмирала Орвеса, командовавшаго французской эскадрой, благодаря чему Сюффренъ, какъ старшій изъ командировъ—а старшимъ онъ оказался потому именно, что его не любило начальство и не производило его въ адмиралы—случайно оказался начальникомъ эскадры. Вотъ это письмо, адресованное имъ капитану I ранга Тромелену, командовавшему отрядомъ въ этой эскадрѣ.

„Если мы будемъ такъ счастливы, что окажемся на вѣтрѣ у англичанъ, то—такъ какъ они располагаютъ не больше чѣмъ 9 кораблями, я имѣю намѣреніе окружить ихъ аррьергардъ и поставить его въ два огня“.

„Если мы будемъ подъ вѣтромъ, постарайтесь, идя какъ можно круче, выйти со своей дивизіей на вѣтеръ и тогда нападите на непріятеля съ другой стороны“.

„Во всякомъ случаѣ я прошу Васъ располагать движеніями Вашей дивизіи, какъ Вы найдете болѣе удобнымъ и полезнымъ для одержанія побѣды надъ непріятелемъ“.

Идеи Сюффрена о веденіи боя здѣсь ясны какъ день, и прямо бросается въ глаза общность его идей съ идеями Клерка—да оно и понятно—и тѣ и другія служатъ проявленіемъ дѣйствительнаго здраваго смысла въ области веденія эскадреннаго боя въ эпоху парусинаго флота; тѣ и другія берутъ свое начало изъ истинныхъ боевыхъ принциповъ.

Очевидно, что Сюффренъ стремился къ тому, чтобы сосредоточить свои силы противъ части непріятельскаго флота, что онъ считалъ лучшимъ для этого средствомъ *раздѣлиться на отдѣльные отряды,* чтобы дѣйствовать согласно при преслѣдованіи общей цѣли,

что ясно указавъ эту цѣль, онъ понималъ, что въ способѣ выполненія надо предоставить свободу исполнителю, что все это онъ считалъ гораздо важнѣе, чѣмъ сохраненіе линіи, что о нападеніи всей линіи на всю линію у него нѣтъ и помина, что онъ считалъ возможнымъ нападать и съ подвѣтра и т. п...

Когда имѣетъ смыслъ предоставлять своимъ помощникамъ свободу дѣйствій.

Остановлюсь нѣсколько на предоставленіи Сюфреномъ свободы дѣйствій своему младшему флагману.

Это предоставленіе свободы является дѣломъ вполнѣ разумнымъ и логичнымъ, разъ младшему флагману ясна поставленная ему цѣль, разъ онъ понимаетъ въ чемъ состоитъ планъ боя принятый его начальникомъ. Тогда онъ, что-бы ни случилось въ бою, будетъ добиваться, сообразно съ обстановкой, поставленной ему цѣли, и способствовать выполненію плана своего начальника.

Но представьте себѣ, что этотъ начальникъ предоставилъ-бы младшему флагману свободу дѣйствій, умолчавъ о принятомъ имъ планѣ дѣйствій и не указавъ ему никакой цѣли, къ которой ему слѣдуетъ стремиться. Очевидно младшій флагманъ былъ-бы поставленъ въ большое затрудненіе, очевидно онъ легко могъ-бы совершенно неправильно истолковать себѣ движенія начальника эскадры въ бою, и вмѣсто того, чтобы способствовать выполненію его плана, онъ легко могъ-бы испортить все дѣло, да былъ-бы и невиновенъ въ этомъ.

Нѣчто подобное произошло-бы и въ томъ случаѣ, если-бы командующій адмиралъ, выяснивъ свой планъ, и указавъ опредѣленную цѣль своему помощнику, точно-бы регламентировалъ различныя детали выполненія. Непредвидѣнная и чрезвычайно разнообразная обстановка можетъ нарушить всѣ предположенія о способахъ выполненія, въ особенности въ деталяхъ, и младшій флагманъ много разъ будетъ въ затрудненіи—можетъ-ли онъ отступить отъ полученныхъ имъ указаній, какъ ему поступать, чтобы согласить ихъ, когда они исключаютъ другъ друга, и чѣмъ для чего надо жертвовать? И опять, вмѣсто того, чтобы способствовать выполненію предположеній своего начальника, онъ

легко можетъ ихъ нарушить. Еще хуже было-бы, если-бы не былъ выясненъ и планъ, не была-бы поставлена цѣль, а только была-бы предоставлена свобода дѣйствій, но тутъ-же она была-бы скована всевозможными детальными указаніями.

Предоставленіе свободы дѣйствій безъ указанія цѣлей для этихъ дѣйствій, какъ и детальность указаній—признакъ безсознательности.

Все это показывало-бы, что командующій флотомъ не относится сознательно къ тому, что онъ приказываетъ и чего онъ требуетъ отъ другихъ, что онъ взялъ откуда-то, какую-то форму для своихъ распоряженій, но въ чемъ сущность, которая должна заключаться въ этой формѣ, онъ не видитъ. А тогда, здѣсь уже чувствуется рутина.

Вотъ почему у талантливыхъ не зараженныхъ рутиной полководцевъ и флотоводцевъ, въ ихъ инструкціяхъ и приказахъ передъ боемъ, мы не видимъ никакихъ мелочныхъ распоряженій и указаній младшимъ начальникамъ о способахъ выполненія, а напротивъ—всегда они предоставляютъ своимъ помощникамъ свободу въ выборѣ способовъ выполненія, но лишь послѣ того, какъ они выяснили имъ свои планы и указали имъ цѣли, къ которымъ младшіе начальники должны стремиться, чтобы способствовать выполненію общаго плана.

Творчество Нельсона въ Абукирскомъ бою.

Напр. въ чемъ была сущность плана Нельсона въ Абукирскомъ бою? Онъ рѣшилъ—и это рѣшеніе его было извѣстно задолго до боя его командирамъ—сосредоточить свои силы противъ одного изъ участковъ непріятельскаго флота—въ морѣ—противъ арьергарда, на якорѣ—сообразно обстановкѣ. Въ случаѣ, если онъ застанетъ противника на якорѣ, онъ рѣшилъ тоже стать на якорь. Когда онъ подошелъ къ Абукирской бухтѣ и убѣдился, изъ за отсутствія сторожевыхъ судовъ, что его не ожидали и что значитъ появленіе его внезапно для противника, онъ рѣшилъ извлечь всѣ выгоды изъ этой внезапности и атаковалъ противника немедленно, несмотря на наступавшую ночь, на незнакомство съ бухтой, на то что нѣкоторые корабли его были сильно отставши, что эскадра его была не въ строю и т. п. На это рѣшеніе его подвигало еще то, что вѣтеръ дулъ вдоль линіи про-

тивника, что затрудняло ему помощь своимъ, еслибы былъ атакованъ его авангардъ, и завтра уже этого благопріятнаго обстоятельства, способствовавшаго планамъ Нельсона, могло и не быть.

А тогда понятно, что распоряженія Нельсона были очень несложны. Онъ указалъ, что онъ намѣренъ атаковать авангардъ противника, и что слѣдуетъ становиться на якорь, отдавая его съ кормы, что избавляло, при постановкѣ на якорь съ попутнымъ вѣтромъ, отъ разворачиванія подъ сосредоточеннымъ непріятельскимъ огнемъ.

Во всемъ остальномъ онъ предоставилъ полную свободу своимъ командирамъ и это было вполнѣ логично, такъ какъ они ясно понимали къ чему стремится ихъ флагманъ, и что нужно дѣлать, чтобы способствовать его предначертаніямъ. А о сохраненіи строя Нельсонъ нисколько не заботился, такъ какъ въ данномъ случаѣ строй не игралъ никакой роли.

Однимъ словомъ, и по распоряженіямъ, и по идеямъ положеннымъ въ ихъ основу, и по ходу боя, Абукирское сраженіе было полной противоположностью Хіосскому, хотя обстановка въ которой застали русскіе турокъ и англичане французовъ—была очень схожа. А потому такъ различны оказались и результаты.

Творчество Нельсона въ Трафальгарскомъ бою.

Также и при Трафальгарѣ. Планъ Нельсона состоялъ въ томъ, чтобы съ превосходными силами атаковать непріятельскій арьергардъ, а остальную часть своего флота использовать на то, чтобы не позволить непріятельскому центру и авангарду придти на помощь атакованному арьергарду. Первую задачу онъ поручаетъ младшему флагману, а вторую беретъ на себя, да и понятно, ибо въ первой задачѣ все ясно, а во второй все зависитъ отъ того, *какъ* будетъ поступать противникъ, чтобы выручить своихъ, и тутъ-то Нельсону и надо быть самому, такъ какъ ему, по своему положенію главнаго отвѣтственнаго лица, легче взять на себя отвѣтственность за оригинальность своихъ пріемовъ, въ зависимости отъ обстановки,— здѣсь особенно нужна способность къ проявленію личной инициативы.

Выяснивъ все это своему помощнику Коллингвуду, вполнѣ понятно, что Нельсонъ предоставляетъ ему полную свободу въ выполненіи.

Также логично онъ поступаетъ и въ способѣ выполненія своего плана. Сначала онъ хотѣлъ чтобы Коллингвудъ подошелъ къ непріятельскому арьергарду сзади, чтобы не подвергаться при сближеніи продольнымъ выстрѣламъ противника, а самъ хотѣлъ, съ тою-же цѣлью, выйти къ непріятельскому центру подъ прикрытіемъ уже вступившаго въ бой Коллингвуда, т. е., иначе говоря, онъ хотѣлъ очень близко придержаться способа рекомендованнаго Клеркомъ. Но когда Вильневъ повернулъ въ Кадиксъ, когда изъ за промедленія противникъ могъ совершенно уклониться отъ боя, тогда онъ рѣшилъ, не мѣняя своего плана по сущности, привести его въ исполненіе болѣе опаснымъ путемъ—спускаться на противника перпендикулярно къ его линіи, и на такой способъ давала ему право обстановка—неопытность противника въ стрѣльбѣ и попутная зыбь, очень сильно затруднявшая стрѣльбу противнику.

Такимъ образомъ, сходясь въ идеяхъ о веденіи боя съ Клеркомъ, Нельсонъ прилагаетъ ихъ не слѣпо, не въ видѣ рецепта, а сообразно съ обстановкой.

Характеръ творчества адмирала Д. Н. Сенявина.

Совсѣмъ тѣ-же черты мы видимъ и у Сенявина, и опять таки безъ всякихъ обращеній къ архивнымъ изысканіямъ, такъ какъ для этого совершенно достаточно ознакомиться съ его приказомъ передъ Аѳонскимъ сраженіемъ.

Вотъ этотъ приказъ.

„Обстоятельства обязываютъ насъ дать рѣшительное сраженіе, но покуда флагманы непріятельскіе не будутъ разбиты сильно, до тѣхъ поръ ожидать должно сраженія весьма упорнаго, посему сдѣлать нападеніе слѣдующимъ образомъ: по числу непріятельскихъ адмираловъ, чтобы каждаго атаковать двумя нашими, назначаются: „Рафаилъ“ съ „Сильнымъ“, „Селафаилъ“ съ „Уріиломъ“, и „Мощный“ съ „Ярославомъ“. По сигналу № 3, немедленно спускаться симъ кораблямъ на флагмановъ непріятельскихъ и атаковать ихъ со

всевозможною рѣшительностью, какъ можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы непріятель пожелалъ зажечь себя. Прошедшее сраженіе 10 мая показало, чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ отъ него меньше вреда, слѣдовательно, если-бы кому случилось и свалиться на абордажъ, то и тогда можно ожидать вящшаго успѣха. Пришедъ на картечный выстрѣлъ, начинать стрѣлять. Если непріятель подъ парусами, бить по мачтамъ, если-же на якорѣ, то по корпусу. Нападать двумъ съ одной стороны, но не съ обоихъ бортовъ, если случится дать мѣсто другому кораблю, то ни въ какомъ случаѣ не отходить далѣе картечнаго выстрѣла. Съ кѣмъ начато сраженіе, съ тѣмъ и кончать, или потопленіемъ или покореніемъ непріятельскаго корабля. Какъ по множеству непредвидѣнныхъ случайностей невозможно сдѣлать на каждый положительныхъ постановленій, я не распространяю оныхъ болѣе; надѣюсь, что каждый сынъ отечества почтится выполнить долгъ свой славнымъ образомъ. Корабль „Твердый", „Дмитрій Сенявинъ".

Приказъ этотъ—превосходный образецъ сознательнаго и оригинальнаго творчества, прекрасно примѣненнаго къ обстановкѣ. Послѣ такихъ указаній всѣмъ на эскадрѣ было ясно чѣмъ руководствуется и чего хочетъ адмиралъ.

Дѣйствительно, приказъ этотъ содержитъ въ себѣ:

1) Характеристику положенія—необходимость рѣшительнаго боя;

2) характеристику противника;

3) цѣль—сосредоточеніе силъ противъ турецкихъ флагмановъ;

4) общія указанія—какъ именно сосредоточить силы противъ флагмановъ, причемъ предлагаетъ пріемъ совершенно новый (2 корабля съ *одной* стороны), но соображенный со своей сильной стороной—превосходнымъ маневрированіемъ, благодаря продолжительному совмѣстному плаванію;

5) общія указанія о веденіи боя и о стрѣльбѣ;

И на основаніи всего сказаннаго, вполнѣ логичное —

6) предоставленіе свободы въ способахъ выполненія всѣхъ этихъ общихъ предначертаній.

Объ одномъ только нѣтъ ничего въ этомъ приказѣ и это единственная его отрицательная сторона—не указано, какую себѣ поставилъ цѣль командующій адмиралъ, съ тѣми 4 кораблями, которые остались подъ непосредственнымъ его руководительствомъ. Напр. Нельсонъ передъ Трафальгаромъ указалъ, что его задача—не дать возможности непріятелю помѣшать дѣйствіямъ той части своего флота, которую онъ отдѣлилъ для сосредоточенія силъ противъ опредѣленнаго участка непріятельскаго строя.

Но самый бой показалъ, что и въ этомъ отношеніи Сенявинъ совершенно сошелся съ Нельсономъ въ своихъ взглядахъ на роль командующаго флотомъ. И опять это становится яснымъ при знакомствѣ съ самыми обыкновенными источниками. Аѳонское сраженіе.

Вотъ что читаемъ въ „Повседневной записи" Кроткова (стр. 197—198): „Сенявинъ приказалъ напасть контръ-адмиралу А. С. Грейгу съ кораблями „Ретвизанъ" и „Елена" на турецкій корабль и два большихъ фрегата, бывшихъ *впереди* кордебаталіи (въ кордебаталіи шли рядомъ всѣ три турецкихъ флагмана, противъ которыхъ Сенявинъ сосредоточилъ 6 кораблей), и самъ на кораблѣ „Твердый", вмѣстѣ съ кораблемъ „Скорый" напалъ на *передовые* турецкіе корабли, дабы *остановить* турецкую линію... показался корабль „Рафаилъ"... выбиравшійся на вѣтеръ... турецкій корабль началъ спускаться, чтобы дѣйствовать по кораблю „Рафаилъ", но былъ *остановленъ въ своемъ намѣреніи* кораблемъ „Твердый", ставшимъ поперекъ непріятельской линіи; маневръ этотъ далъ возможность кораблю „Рафаилъ" выбраться на вѣтеръ... Бывшіе въ арьергардѣ 2 турецкихъ корабля и 1 фрегатъ, обойдя кордебаталію, спѣшили на помощь своему авангарду; корабль „Твердый", *замѣтивъ это,* привелъ къ вѣтру, напалъ на передовой корабль арьергарда... принудилъ его остановиться и тѣмъ остановилъ корабль и фрегатъ. Въ то-же время ко-

рабли „Ретвизанъ“ и „Елена“, подъ начальствомъ контръ-адмирала Грейга, *помогали* кораблю „Скорый“ справиться съ турецкимъ авангардомъ. Значитъ вотъ для чего Сенявинъ оставилъ себѣ четыре корабля. Онъ распредѣлилъ ихъ по два между собою и своимъ младшимъ флагманомъ и, вопервыхъ остановилъ турецкую линію, что было необходимо для рѣшительнаго боя, отъ котораго турки уклонялись, и во вторыхъ,— тщательно наблюдая за движеніями турецкихъ кораблей, останавливалъ всѣ ихъ попытки помочь своимъ, и далъ спокойно докончить свою работу тѣмъ своимъ 6 кораблямъ, которые были предназначены для главной цѣли— сбить турецкихъ флагмановъ.

Сенявинъ значитъ еще развилъ мысль Нельсона— онъ далъ совершенно опредѣленную задачу тремъ группамъ своихъ командировъ, а дѣло требующее быстрой инициативы, какъ непредвидимое—никто не могъ предвидѣть—какъ именно поступятъ остальные турецкіе корабли, когда будутъ превосходными силами атакованы всѣ ихъ флагманы—онъ взялъ на себя и привлекъ къ этому и младшаго своего флагмана. Это былъ главнокомандующій мѣтко разсчитавшій свой главный ударъ, и зорко наблюдавшій за ходомъ боя, чтобы руководить своевременнымъ направленіемъ резервовъ именно туда, гдѣ они могутъ принести наибольшую пользу.

Вотъ съ помощью какихъ пріемовъ болѣе слабый матеріально (у Сенявина было 754 орудія противъ 1196 турецкихъ) можетъ побѣждать.

Въ этомъ сраженіи Сенявину, какъ и Нельсону при Трафальгарѣ, пришлось спускаться на турокъ съ навѣтра перпендикулярно къ ихъ линіи, но онъ не задумался это сдѣлать, такъ какъ иначе турки—болѣе быстроходные—могли избѣгнуть боя, и обстановка— плохая стрѣльба турецкихъ командъ—давала ему на это право.

Но это вѣдь былъ только *способъ* приведенія въ исполненіе плана, а самый планъ Сенявина былъ построенъ исключительно на соображеніяхъ о сосредоточеніи своихъ силъ противъ важнѣйшаго участка непріятельскаго строя, на взаимной поддержкѣ, на стрем-

леніи воспользоваться слабой стороной противника— его неустойчивостью при сбитіи адмираловъ—и воспользоваться своей сильной стороной—превосходнымъ маневрированіемъ, которая и давала возможность сосредоточить огромныя—двойныя—силы въ важнѣйшемъ пунктѣ и быстро приходить на помощь своимъ.

Также очевидно изъ его приказа, что, въ случаѣ если-бы онъ засталъ противника на якорѣ, то и онъ сталъ-бы на якорь, такъ какъ иначе нельзя было-бы исполнить его приказаній—тремъ группамъ атаковать трехъ турецкихъ адмираловъ и кончать сраженіе съ тѣмъ противникомъ, съ которымъ оно начато. А изъ его собственныхъ маневровъ въ Аѳонскомъ сраженіи очевидно, что онъ самъ съумѣлъ-бы атаковать именно ту группу турецкихъ судовъ, которой всего удобнѣе было-бы помочь атакованнымъ адмираламъ.

А о сохраненіи строя онъ очевидно нисколько не заботится тамъ гдѣ строй не имѣетъ смысла, т. е. для своихъ двухъ кораблей и для двухъ кораблей Грейга, и напротивъ—ставитъ очень тяжелую задачу—именно въ смыслѣ строя—тѣмъ 6 кораблямъ, которые должны атаковать трехъ шедшихъ впереди турецкихъ адмираловъ. Вѣдь имъ приходилось выстроить линію, подъ выстрѣлами турокъ. на *половинныхъ* промежуткахъ, и они это сдѣлали, какъ говоритъ Кротковъ,—„подойдя на пистолетный выстрѣлъ, привели къ вѣтру, сомкнули линію такъ тѣсно, что бушприты лежали на сѣткахъ передовыхъ кораблей, отчего образовалась *плотная стѣна съ пушками* и атаковали 3 непріятельскіе корабля“.

Вотъ это было правильное, искусное и сообразное обстановкѣ использованіе превосходной выучки своего личнаго состава маневрированію и строю, а не стремленіе держаться строя яко слѣпой стѣны, которое замѣчалось у начальниковъ находившихся въ этомъ отношеніи подъ властью рутины, т. е. безсознательныхъ.

И насколько правъ былъ Сенявинъ, рѣшившись, сообразно съ требованіями обстановки, спускаться на турокъ перпендикулярно къ ихъ линіи въ разсчетѣ на плохую ихъ стрѣльбу, показываетъ тотъ фактъ, что

изъ 6 кораблей, атаковавшихъ турецкихъ флагмановъ, только передовой „Рафаилъ“ не могъ изъ за повреждений занять назначенное ему мѣсто въ линіи, а изъ остальныхъ кораблей наиболѣе сильныя поврежденія получили корабли „Твердый“ и „Скорый“, т. е. та пара, съ которою самъ Сенявинъ поочередно сражался то съ той, то съ другой группой турецкихъ кораблей, т. е. съ превосходными силами, но которымъ онъ съумѣлъ помѣшать придти на помощь своимъ адмираламъ, атакованнымъ въ свою очередь превосходными силами русскихъ.

Разница по существу между возрѣніями Грейга и Сенявина.

Конечно, на первый взглядъ кажется, что можно сказать, что вѣдь и Грейгъ имѣлъ право спускаться на турокъ въ Хіосскомъ сраженіи перпендикулярно къ ихъ линіи въ разсчетѣ на плохую ихъ стрѣльбу.

Но на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Въ Хіосскомъ бою турки стояли на якорѣ, вѣтеръ дулъ вдоль ихъ линіи, а потому *имѣлась полная возможность* подойти къ ихъ авангарду съ навѣтра, не подвергаясь продольному ихъ огню и окружить авангардъ, какъ это сдѣлалъ Нельсонъ при Абукирѣ. А въ Аоонскомъ бою, какъ и Нельсону въ Трафальгарскомъ—*иначе поступить было нельзя,* ибо противникъ могъ уклониться отъ боя и уйти совсѣмъ – турки въ Дарданеллы, французы и испанцы—въ Кадиксъ.

Значитъ у Сенявина и Нельсона это былъ *болѣе опасный* способъ выполненія плана построеннаго на *истинныхъ* боевыхъ принципахъ, *вынужденный* обстановкой, а у Грейга—*гораздо болѣе опасный*—ибо турки стояли на якорѣ и имъ стрѣлять было легко—способъ выполненія плана, построеннаго на *ложныхъ* представленіяхъ и притомъ совершенно *не требовавшійся* обстановкой. А это большая разница.

Имена Корнилова и Нахимова затмили имена Ушакова и Сенявина.

И вотъ прошло около полустолѣтія. Началась Крымская кампанія. Прогремѣлъ Синопскій бой. Палъ Севастополь, и на бастіонахъ его а не въ морскомъ бою нашли свою смерть адмиралы Корниловъ и Нахимовъ. Память ихъ сдѣлалась священной въ русскомъ флотѣ. Съ ихъ именами связались русскія морскія традиціи. За ихъ именами стушевались имена

Ушакова и Сенявина, и въ то время какъ послѣ Крымской войны сплошь и рядомъ можно было слышать о традиціяхъ завѣщанныхъ русскому флоту Корниловымъ, Нахимовымъ, Навариномъ и Синопомъ, никто ничего не говорилъ о традиціяхъ воспринятыхъ отъ Ушакова и Сенявина, изъ боевъ при Керчи, при Тендрѣ, при Каліакріи или при Аѳонѣ.

Выше уже я указывалъ, что именно объ Ушаковѣ и Сенявинѣ—прибавлю сюда еще и Потемкина—вспомнили послѣ всѣхъ, когда захотѣли напомнить русскому флоту объ именахъ морскихъ дѣятелей наиболѣе заслуживающихъ подражанія. И то-же самое было и съ напоминаніемъ о сраженіяхъ. Появились имена кораблей—„Наваринъ“, „Синопъ“, „Петропавловскъ“, „Чесма“, „Сысой, (въ память Гогландскаго сраженія)“, но не было и повидимому не предполагается въ русскомъ флотѣ именъ—Каліакрія, Тендра, Керчь, Аѳонъ!

„Битва славная, выше Чесмы и Наварина!“ пишетъ про Синопскую побѣду Корниловъ. И ему значитъ тоже не приходитъ въ голову сравнить эту побѣду съ побѣдами Ушакова и Сенявина.

„Съ удовольствіемъ вижу, что Чесма *не забывается* въ русскомъ флотѣ и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ“ пишетъ въ рескриптѣ по поводу Синопской побѣды Императоръ Николай I—значитъ и онъ считаетъ черноморскихъ моряковъ правнуками грейговцевъ-чесменцевъ, но не ушаковцевъ-сенявинцевъ-аѳонцевъ.

„Плеяда славныхъ черноморскихъ именъ дѣйствовала чрезвычайно обаятельно на тогдашнюю флотскую молодежь“ пишетъ историкъ Наварина и Синопа—бывшій морякъ Черноморскаго флота—Е. Богдановичъ. „Со свойственною однимъ юношамъ впечатлительностью, мы проникались какимъ-то святымъ трепетомъ при разсказахъ о подвигахъ нашихъ любимцевъ, воодушевлялись славою *Грейговъ*, Гейденовъ, Лазаревыхъ, Казарскихъ... Нахимовъ и Корниловъ были живыми идолами молодежи!“. И опять тутъ

нѣтъ именъ Ушакова и Сенявина, хотя и они, и особенно первый, были казалось-бы не чужіе Черноморскому флоту.

А стоятъ-ли въ колыбели Черноморскаго флота—Севастополѣ, рядомъ съ памятниками Нахимову и Корнилову—памятники Ушакову и Сенявину? А вѣдь Ушаковъ своими побѣдами укрѣпилъ за Россіей обладаніе Севастополемъ и Крымомъ, которому постоянно угрожалъ турецкій десантъ!

Отчего-же все это такъ случилось? Тутъ что нибудь одно—либо дѣйствительно Грейгъ, Корниловъ и Нахимовъ оставили русскому флоту гораздо болѣе цѣнные завѣты и поученія чѣмъ Ушаковъ и Сенявинъ, либо русскіе моряки вообще, или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныя эпохи, одни завѣты понимали, они были близки ихъ сердцу, а другіе завѣты имъ были чужды и непонятны. Вѣдь третьяго отвѣта на поставленный вопросъ быть не можетъ. Однихъ цѣнятъ, другихъ—нѣтъ. Значитъ, или первые дѣйствительно болѣе цѣнны, либо у цѣнящихъ неправильныя основы для оцѣнки.

Вотъ въ этомъ вопросѣ должна разобраться исторія русскаго военно-морского искусства и съ доказательствами въ рукахъ она должна сказать современникамъ и послѣдующимъ поколѣніямъ—вотъ вамъ славныя имена и дѣянія прошлаго—вотъ что чтите, вотъ отъ кого учитесь, вотъ на чемъ стройте свои традиціи, но отнеситесь къ этимъ именамъ и событіямъ сознательно, берите отъ всякаго именно то, что у него хорошо и принесетъ вамъ пользу, соберите въ одну сокровищницу только чистое золото прошлаго, но не мѣшайте его съ облѣпившими его не имѣющими цѣны породами!

Имена Ушакова и Сенявина отодвинула на второй планъ рутина.

Въ настоящей работѣ я дѣлаю только слабую къ тому попытку, пробую только намѣтить путь къ этому, притомъ по самымъ грубымъ лишь признакамъ, пользуясь только краткими и общеизвѣстными источниками. Но и эти источники позволяютъ ужъ видѣть и тутъ руку всемогущей рутины, сдѣлавшей изъ „традицій“, во многихъ случаяхъ, пустую форму, безъ внутренняго содержанія, безъ сознательнаго отношенія къ словамъ

и именамъ ихъ выражающимъ, безъ отдѣленія чистаго золота отъ перемѣшанныхъ съ нимъ неблагородныхъ породъ.

Чтобы прослѣдить и въ данномъ случаѣ работу рутины, какъ мы прослѣдили это въ англійскомъ морскомъ сословіи отъ эпохи англо-голландскихъ войнъ до Матьюса и Бинга, посмотримъ, что-же *„дѣды“*—ушаковцы и сенявинцы оставили въ наслѣдіе своимъ *„внукамъ“*—корниловцамъ и нахимовцамъ.

Что „ушаковцы“ и „сенявинцы“ оставили въ наслѣдіе своимъ внукамъ—„корниловцамъ“ и „нахимовцамъ“.

Помимо дѣяній Ушакова и Сенявина, ихъ боевъ и двухъ исключительныхъ ихъ кампаній въ Средиземномъ морѣ, когда ими покорялись неприступныя крѣпости (Корфу), забирались города, острова и цѣлыя провинціи, когда русскіе адмиралы и капитаны оказывались столь-же блестящими политиками и дипломатами, сколь и военными и моряками, ушаковцы и сенявинцы, не имѣвшіе для дѣятельности своей образцовъ, такъ какъ извѣстія о блестящихъ дѣлахъ ихъ современниковъ—Сюффрена и Нельсона—проникали къ нимъ очень туго и случайно, ибо дѣла и тѣхъ еще не были описаны, а тѣмъ паче переведены на русскій языкъ, оставили своимъ внукамъ очень внушительную морскую литературу съ описаніемъ лучшихъ образцовъ современнаго имъ творчества.

Въ эту эпоху были переведены сочиненія Госта, Клерка, Кинсбергена. Русскій флотъ получилъ въ наслѣдство отъ нихъ превосходную сигнальную книгу—тактику, переведенную съ англійскаго однимъ изъ русскихъ офицеровъ на эскадрѣ Макарова, во время совмѣстныхъ ея дѣйствій съ англичанами въ Голландіи. Особенность ея состояла въ томъ, что каждый боевой сигналъ сопровождался краткими примѣчаніями, въ которыхъ былъ резюмированъ богатый боевой опытъ той эпохи. Напр. при сигналѣ „атаковать непріятеля стоящаго на якорѣ“ имѣлось примѣчаніе—приготовить якоря для отдачи съ кормы и т. п...

О трудахъ Клерка было уже мною сказано. Также приведена была мною одна выписка изъ Кинсбергена (см. гл. II, стр. 59). Теперь дополню эту выписку нѣкоторыми поучительными его положеніями.

Какими качествами долженъ обладать адмиралъ по Кинсбергену.

„Въ утвержденіе вышеписаннаго“ говоритъ Кинсбергенъ „не почтется можетъ быть излишнимъ и непріятнымъ, когда предложу въ самой краткости,—что существенно требуется, дабы быть великимъ адмираломъ, и тогда меньше покажется удивительнымъ, что въ нынѣшнія времена толь мало является Руйтеровъ и Тромповъ (писано въ періодъ перелома, когда Клеркъ еще не былъ извѣстенъ внѣ Англіи, а Сюффренъ внѣ Франціи, а Нельсонъ еще не имѣлъ случая себя проявить)“.

„Главныхъ имствъ великому адмиралу существенно положить можно пять: 1) Храбрость. 2) Основательное знаніе обоихъ вѣтвей морской тактики, особливо названной мною вышней: можно твердо сказать, что главноначальствующій адмиралъ долженъ непремѣнно въ мысляхъ обнять связь своихъ дѣйствій, до малѣйшаго, не токмо въ своемъ, но и въ непріятельскомъ флотѣ производимыхъ, дабы непріятельскія предпріятія уничтожить, погрѣшностьми его воспользоваться, напротивъ-же того, учиненныя въ его флотѣ погрѣшности самоскорѣйшимъ образомъ исправить. 3) Великая практика. Острый разумъ и сильное умовоображеніе. 4) Знаніе человѣческаго сердца, дабы, соединя благосклонность со строгостью, чрезъ то сохранить во флотѣ всю дисциплину, не подвергая себя потерянію любви и почтенія, какъ офицеровъ, такъ и рядовыхъ. 5) Совершенное свѣдѣніе о политическомъ состояніи и торговлѣ своего отечества, такъ-же объ отношеніяхъ онаго къ чужестраннымъ державамъ, для избѣжанія проступковъ, могущихъ приключить оному вредъ“.

Значитъ Кинсбергенъ требовалъ отъ адмирала соединенія храбрости, опыта и *свободнаго* (сильное умовоображеніе) ума, съ обширнымъ военнымъ образованіемъ (пункты 3 и 5), а вотъ такая-то комбинація и встрѣчается очень рѣдко, въ особенности въ такія эпохи, когда „сильное умовоображеніе“ и „наука“ обрѣтаются не въ авантажѣ.

Кинсбергенъ предчувствовалъ пере-

Кинсбергенъ, писавшій въ эпоху перелома, уже предчувствовалъ нарождающихся великихъ мастеровъ

дѣла. Онъ пишетъ: „хотя въ части морской тактики, содержащей въ себѣ дѣйствіе кораблемъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи великіе пріобрѣтены успѣхи, но ни мало не сумнительно, что во многомъ исправить и въ лучшее состояніе оную привести можно, и по истинѣ, ежели-бы въ какомъ нибудь народѣ явился такой адмиралъ, который-бы морскую тактику до такой-же степени возвелъ, въ какую поставилъ безсмертный Фридрихъ сухопутную тактику, тогда-бы, какъ я твердо увѣренъ и могу предрещи, флоты получили-бы новое сіяніе, и отечество сего мужа таковую-же верховность надъ непріятелями-бы возымѣло своими на морѣ, каковую сей государь имѣлъ надъ своими на сухомъ пути“.

ворот въ военно-морскомъ искусствѣ.

Это было прямо предчувствіе переворота въ военно-морскомъ искусствѣ, и Кинсбергенъ только выразилъ предчувствіе своихъ современниковъ, угнетенныхъ застывшими формами своего искусства. А вслѣдъ за тѣмъ и проявились Сюффренъ, Нельсонъ, Ушаковъ, Сенявинъ.

Самъ по себѣ Кинсбергенъ былъ человѣкъ очень талантливый и способный къ иниціативѣ и къ воспринятію новыхъ формъ. Онъ это показалъ и во время своей службы въ русскомъ флотѣ, когда онъ встрѣчался съ турками—но средства у него были въ рукахъ ничтожныя.

Дань Кинсбергена рутинѣ.

Пробуетъ онъ вырываться изъ путъ рутины и въ своей морской тактикѣ, но при каждой попыткѣ, какъ-бы со страхомъ оглядывается назадъ — застывшія формы — рутина—не выпускали и его изъ подъ своего вліянія.

Въ своемъ курсѣ тактики, изложивши всѣ *узаконенные обычаемъ и стариной* пріемы, онъ только въ примѣчаніяхъ и добавленіяхъ даетъ извѣстный просторъ своимъ мыслямъ, предлагая нѣсколько новыхъ пріемовъ. И всѣ эти пріемы—ломаютъ строй для сосредоточенія силъ. Но сейчасъ-же, говоря объ ихъ примѣненіи, онъ совѣтуетъ быть осторожнымъ.

„Чѣмъ больше я объ ономъ (одномъ изъ новыхъ пріемовъ) разсуждалъ, тѣмъ оно казалось мнѣ безопаснѣе, чувствуя однако-же, что новое сіе дѣйствіе при

сраженіи не иначе должно быть исполнено, какъ въ крайней нуждѣ и съ великою осторожностью; ибо ежели-бы, по какимъ нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ, случилось быть разбиту, то большая часть людей, *размѣряющая искусство другихъ по своему собственному,* и не разсуждающая объ истинныхъ причинахъ происшедшаго, конечно припишетъ оное новому и еще неизвѣстному дѣйствію адмирала. Почему и должно не иначе, какъ по особливымъ обстоятельствамъ приступать къ исполненію сего: *командующій, долженствуя отвѣчать* передъ Государемъ, *всегда опасается и предпочитаетъ употребленіе извѣстнаго,* и рѣдко, развѣ въ весьма важномъ дѣлѣ, приступитъ къ испытанію чего нибудь новаго".

Что должны были вынести „Корниловцы" и „Нахимовцы" изъ изученія дѣяній своихъ дѣдовъ

Но корниловцы и нахимовцы, познакомившись съ этимъ трудомъ своего-же Черноморца, могли видѣть и послѣдующую блестящую эпоху Сюффрена, Нельсона, Ушакова, Сенявина и могли убѣдиться—чѣмъ именно истинно служили своимъ государямъ и своей странѣ великіе флотоводцы—предусмотрительнымъ-ли, въ видахъ самосохраненія, употребленіемъ застывшихъ, узаконенныхъ обычаемъ и стариной, формъ, или смѣлой инціативой, руководимой свободнымъ здравымъ смысломъ. Они имѣли передъ своими глазами этотъ примѣръ.

„Корниловцамъ" и „Нахимовцамъ" мѣшала видѣть и понимать—рутина.

Но мало смотрѣть—надо видѣть. Мало знать—надо понимать. А это очень трудно было сдѣлать поколѣнію, вынесшему на своихъ плечахъ несчастную Крымскую кампанію, и не менѣе трудно было это сдѣлать самымъ выдающимся—и умнымъ и талантливымъ!

Печальная для личнаго состава эпоха передъ Крымской кампаніей.

За полстолѣтія послѣ ушаковцевъ и сенявинцевъ, рутина ужъ поспѣла сдѣлать свое дѣло, тѣмъ болѣе, что обстановка для ея работы была болѣе чѣмъ благопріятная. Еще когда Сенявинъ дѣйствовалъ въ Средиземномъ морѣ, началъ падать русскій флотъ, совершенно заброшенный Александромъ I, который весь ушелъ въ сухопутныя войны. Знаменитый маркизъ де-Траверсе всѣми мѣрами способствовалъ этому такъ, что про него въ морскихъ кругахъ говорили, что

вѣроятно онъ принялъ тайное обязательство передъ Англіей—уничтожить русскій флотъ*).

Нѣкоторые русскіе морскіе историки приняли почему-то манеру опредѣлять эпоху Императора Николая I, какъ такую, которая ознаменовалась возстановленіемъ русскаго флота. Но какъ-то трудно это совмѣстить съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ оказался какъ Балтійскій, такъ и Черноморскій флотъ къ Восточной войнѣ. Спрашивается въ чемъ-же заключалось это возрожденіе флота, когда онъ, вмѣсто того, чтобы оказаться впереди другихъ флотовъ, напр. по матеріальной части, что всегда легче именно возрождающимся флотамъ, оказался страшно отставшимъ? Развѣ можно приписать это единственно дѣйствіямъ министра или правительства? Чего-же думалъ личный составъ, мирясь съ созданіемъ явно негоднаго матеріала, не выполняя даже Высочайшихъ повелѣній о созданіи парового флота, которое послѣдовало въ 1838 г., т. е. за 15 лѣтъ до Крымской войны? А развѣ не личный составъ показывалъ на смотрахъ своему Императору корабли выкрашенные съ одного лишь борта, развѣ не онъ тратилъ огромное время на головоломную рейдовую гимнастику, развѣ не онъ увлекался чистотой, въ ущербъ военному дѣлу?.. Нѣтъ, тѣ люди, которые возстановляли флотъ въ царствованіе Императора Николая I. не слѣдовали завѣтамъ Ушакова и Сенявина. Они брали отъ прежняго и отъ западныхъ сосѣдей только внѣшнюю форму. Свободнаго духа, умѣющаго брать суть дѣла и воплощать его въ имѣемую обстановку не было...

Да и гдѣ было ему быть. Вѣдь вотъ что пишетъ про Николаевскую эпоху такой добросовѣстный на-

---

*) „Въ результатѣ дѣятельности маркиза де-Траверсе Черноморскій флотъ былъ развращенъ, былъ доведенъ до полнаго упадка". Лейт. Каллистовъ. М. Сб. Февраль 1910 г. стр. 12.

„Вообще, въ управленіи маркизомъ де-Траверсе Черноморскимъ флотомъ, онъ былъ доведенъ до такого жалкаго состоянія, что когда адмиралъ Грейгъ вступилъ имъ въ командованіе, то вотъ какой былъ его отзывъ Князю Меньшикову: онъ нашелъ флотъ и всѣ принадлежности въ гнусномъ и отвратительномъ положеніи, офицеровъ невѣждъ, корабли гнилые, дурно вооруженные и флагмановъ и капитановъ боящихся ночью плавать". Цитирую по Лейтенанту Каллистову, который приводитъ мнѣнія Огородникова и Шильдера. М. Сб. 1910 г. Февраль. Стр. 14.

блюдатель и изслѣдователь, какъ адмиралъ В. А. Стеценко **).

„Жизнь (Балтійскаго) флота шла по намѣченному пути, *безъ реформъ* и потрясеній. Все двигалось по старшинству и по линіи, не перескакивая другъ друга, безъ заманчивыхъ перспективъ карьеры, при однообразіи плаванія въ одномъ и томъ-же морѣ, подъ двадцатипятилѣтнимъ управленіемъ одного и того-же лица...“

Неправда-ли, картина настоящаго соннаго царства? Гдѣ тутъ было создавать паровой флотъ и двигать впередъ военно-морское дѣло!

Нѣсколько лучше обстояло дѣло въ Черноморскомъ флотѣ, благодаря тому, что тамъ нашелся такой человѣкъ какъ М. П. Лазаревъ, служившій въ англійскомъ флотѣ въ самый блестящій его періодъ. Но вѣдь и въ Черноморскомъ флотѣ не былъ созданъ паровой флотъ. Значитъ и Лазаревъ не съумѣлъ настоять на этомъ, значитъ личный составъ не понималъ всего значенія совершившагося переворота, значитъ его мало это безпокоило.

Для состоянія умовъ личнаго состава въ то время можно привести одинъ фактъ, не то чтобы крупнаго значенія, но очень характерный.

Выше уже упоминалось о сигнальной книгѣ—тактикѣ, которую русскій флотъ заимствовалъ отъ англичанъ въ эпоху блестящаго расцвѣта ихъ флота, и о значеніи „примѣчаній“ къ сигналамъ въ этой книгѣ (см. стр. 387). Начали эту книгу пересматривать и рѣшили ее замѣнить другой. И конечно это естественно—всякое дѣло требуетъ совершенствованія. Но, вмѣстѣ съ измѣненіемъ флаговъ и другихъ внѣшнихъ формъ, рѣшили уничтожить эти „примѣчанія“—какъ совершенно ненужныя, какъ-бы посягающія чему-то учить адмираловъ, которыхъ-де учить уже нечему. Вотъ это—ужъ посягательство на сущность дѣла, это ужъ непониманіе этой сущности! Или это была боязнь, что русскіе адмиралы и капитаны, уже не смогутъ смотрѣть

**) Морск. сб. за 1896 г.

на эти „примѣчанія“, какъ на общія указанія, что они будутъ исполнять ихъ буквально, какъ рецепты, а такъ какъ въ видѣ рецептовъ ихъ допустить было нельзя, то ихъ и уничтожили. Не спасло „примѣчаній“ и энергичное заступничество за нихъ М. П. Лазарева.

Это похоже на правду *). Въ это время во флотѣ вырабатывались только хорошіе служаки—формалисты—только это и требовалось. Не разсуждать а исполнять—это былъ лозунгъ той эпохи. На сухомъ пути все поглотила шагистика, все съѣлъ формализмъ. Во флотѣ—на первомъ планѣ стояла умопомрачительная рейдовая гимнастика, чистота въ отдѣлкѣ, умѣнье показать товаръ лицомъ. Вотъ обстановка, въ которой пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла рутина и задушила и умныхъ и талантливыхъ. Вся Россія тогда погрязла въ рутинѣ, и флотъ служилъ только отраженіемъ общаго состоянія государства...

М. П. Лазаревъ дѣйствительно много сдѣлалъ для воспитанія молодежи, но эта молодежь играла далеко не первую роль въ несчастной Крымской кампаніи. Это были будущіе сотрудники Великаго Князя Константина Николаевича, а коренные черноморцы были таковы—каковымъ вообще былъ въ то время личный составъ русскаго флота, постигавшій лишь внѣшнія формы военно-морского дѣла,—строй, выправку, маневрированіе, но не сущность его—искусство руководительства, основанное на свободномъ здравомъ смыслѣ, способномъ правильно оцѣнить обстановку.

И что цѣнно для нашего изслѣдованія это то, что рутина заѣла и такихъ выдающихся людей какъ Корниловъ и Нахимовъ. Посмотримъ дѣйствительно на дѣла ихъ съ точки зрѣнія здраваго смысла, т. е. съ

---

*) Это еще на разъ повторилось въ русскомъ флотѣ. Въ 1890 году адмиралъ В. А. Стеценко, которому поручено было составить новый сводъ сигналовъ, сдѣлалъ попытку ввести „примѣчанія“, но потерпѣлъ полную неудачу.

Въ 1889—1909 г.г. мнѣ самому пришлось, участвуя въ комиссіи по выработкѣ новаго сигнальнаго свода, присутствовать при новой попыткѣ ввести въ текстъ сигнальной книги тактическія „примѣчанія“, но и на этотъ разъ они были отвергнуты подъ предлогомъ того, что „адмиралы могутъ подумать, что ихъ хотятъ учить“. Очень щепетильно относились наши адмиралы къ дерзновенной возможности ихъ чему нибудь учить, и ужъ слишкомъ хорошо выученными они себя считали. А черезъ нѣсколько лѣтъ война показала ихъ науку. *Н. К.*

точки зрѣнія принциповъ веденія войны и боя, посмотримъ какіе завѣты именно въ этой области они оставили русскому флоту?

Адмиралъ И. Ѳ. Лихачевъ о Синопскомъ боѣ и о Крымской кампаніи.

Но раньше чѣмъ приступить къ разбору дѣйствій на морѣ въ Крымскую кампанію, приведу относящійся къ этому вопросу отрывокъ изъ статьи адмирала И. Ѳ. Лихачева, которая, по существовавшимъ въ 1901 г. цензурнымъ условіямъ, не была допущена къ печати.

„...Наивныя увлеченія патріотическаго шовинизма, недопускающаго никакихъ пятенъ въ „героизмѣ" своихъ соотчичей, равно какъ предвзятыя псевдо-научныя придирки педантическаго критицизма мало помогутъ къ уясненію дѣйствительнаго хода событій въ ихъ естественной послѣдовательности. Только отрѣшась и остерегаясь опасныхъ увлеченій въ сторону того или другого изъ названныхъ направленій, и оставаясь на твердой почвѣ простой, натуральной реальности, можно болѣе или менѣе успѣшно и поучительно изучать и уразумѣвать примѣры военной исторіи".

„Вопросъ о роли и характерѣ дѣятельности Черноморскаго флота въ Крымскую войну самъ по себѣ представляется простымъ и яснымъ, если посмотрѣть на него безъ предубѣжденій и отложивъ въ сторону, какъ патріотическую гордость и щекотливость, такъ и педантическія претензіи на псевдо-научную критику".

„Осенью 1853 года эскадра адмирала Нахимова уничтожила турецкую эскадру на Синопскомъ рейдѣ. Наша эскадра была вдвое сильнѣе непріятельской матеріально и конечно въ нѣсколько разъ сильнѣе ея въ нравственнымъ отношеніи. Слѣдовательно, особеннаго „геройства" тутъ не представлялось, и „свѣтъ" этимъ „удивленъ" также быть не могъ. Но наши моряки сдѣлали, всѣ и каждый, свое дѣло отчетливо и точно, за что имъ честь и слава,—и въ этихъ простыхъ словахъ заключается высшая похвала, какую человѣку заслужить дано..."

„...Послѣ того почти цѣлый годъ флотъ ничего не сдѣлалъ и оставался въ полномъ бездѣйствіи на Севастопольскомъ рейдѣ..."

„Исторія Крымской войны заключаетъ въ себѣ длинный рядъ ошибокъ, стратегическихъ и другихъ, для перечисленія которыхъ не достало-бы здѣсь мѣста...“

И вотъ, рискуя быть обвиненнымъ въ „псевдо-научныхъ придиркахъ педантическаго критицизма“, я все таки рѣшаюсь на попытку сдѣлать краткій разборъ дѣйствій Корнилова и Нахимова, не на бастіонахъ Севастополя—нѣтъ, а на родной имъ стихіи—на морѣ.

При этомъ я отнюдь не задаюсь цѣлью „разсматривать на солнцѣ пятна, за которыми можно проглядѣть его лучи“—я хочу только взглянуть на солнце черезъ такое стекло, которое даетъ возможность глядѣть на него прямо, и получить ясное понятіе объ его формѣ, вмѣсто того, чтобы зажмуривать глаза передъ яркостью сіянія его лучей.

Стратегія адмирала Корнилова.

Адмиралъ Корниловъ въ 1853 году былъ распорядителемъ передвиженій Черноморскаго флота, его роль была—стратегическое руководительство.

Посмотримъ, каковы-же были его распоряженія въ области стратегіи?

Осенью 1853 года ожидали выхода изъ Босфора турецкой эскадры.

Рѣшеній для нашего флота могло быть два—или нашей всей эскадрѣ, вмѣстѣ съ развѣдчиками—пароходами, надо было крейсеровать у Босфора, или эскадрѣ надо было находиться въ Севастополѣ, выславъ къ Босфору однихъ развѣдчиковъ, которые извѣстили-бы ее о появленіи непріятеля.

Во всякомъ случаѣ должна была быть *одна* сила и *одинъ* начальникъ.

Дѣйствія Корнилова явно показывали, что онъ горѣлъ желаніемъ быть во главѣ эскадры при встрѣчѣ съ турками. Но тогда для него былъ одинъ выходъ—принять командованіе эскадрой. Но при этомъ отъ него ускользало руководительство на берегу, ускользала непосредственная связь съ Меньшиковымъ, котораго мѣстопребыванія были Одесса—Николаевъ.

Силы наши были раздѣлены.

Въ концѣ концовъ оказалось, что эскадра наша была раздѣлена—съ одной частью адмиралъ Нахимовъ

былъ посланъ въ крейсерство къ Анатолійскому берегу, другая часть—бóльшая—осталась въ Севастополѣ, а Корниловъ—*самъ* съ тремя пароходами отправился на рекогносцировку къ Босфору.

Это давало ему возможность, въ случаѣ открытія непріятеля у Босфора, быстро вернуться въ Севастополь, чтобы взять тамъ эскадру и идти къ нему на встрѣчу, а если онъ окажется уже вышедшимъ въ Черное море, то быстро присоединиться къ Нахимову, мимо котораго они должны было пройти. Такимъ образомъ онъ поспѣлъ-бы всюду, не говоря ужъ о томъ, что именно онъ и открылъ-бы непріятеля.

26-го Октября Корниловъ увидѣлъ у Босфора турецкую эскадру.

Казалось-бы первое, что слѣдовало сдѣлать—это извѣстить объ этомъ Нахимова, второе—извѣстить Севастопольскую эскадру, а третье—слѣдить за движеніями противника. Для этого былъ особенно пригоденъ пароходъ „Владиміръ", очень сильно вооруженный и быстроходный.

На самомъ дѣлѣ, одинъ пароходъ былъ отправленъ въ Одессу, чтобы сообщить о выходѣ турецкаго флота Меньшикову, а съ двумя остальными Корниловъ поспѣшилъ въ Севастополь.

А кто-же остался слѣдить за открытымъ непріятелемъ? Да никто.

Турецкая эскадра и отрядъ пароходовъ, вышедшіе изъ Босфора, были упущены.

И когда Корниловъ вышелъ изъ Севастополя съ эскадрой изъ 5 кораблей, оказалось, что турки исчезли, да конечно иначе и не могло быть.

А Корниловъ отъ встрѣчныхъ купцовъ узналъ, что изъ Босфора ушло еще 3 турецкихъ парохода.

А конечно ушли они оттого, что никто не слѣдилъ за движеніями турецкаго флота.

А вѣдь эти три парохода были какъ разъ тѣ, которые безнаказанно прошли къ Кавказскому берегу и атаковали тамъ фрегатъ „Флору", и хорошо, что ему удалось отъ нихъ отбиться. А если-бы они его осилили, гдѣ была-бы причина этой неудачи?

Корнилову теперь оставалось одно—спѣшить съ эскадрой къ Нахимову, который всякій моментъ могъ быть атакованъ турками.

Онъ могъ-бы даже потерпѣть неудачу вѣдь никто точно не зналъ—каковы силы вышедшаго изъ Босфора турецкаго флота, а русскій флотъ былъ раздѣленъ.

Но идти съ эскадрой долго. Нахимовъ могъ уже прикончить дѣло. Поэтому Корниловъ переноситъ свой флагъ на быстроходный пароходъ „Владиміръ“ и спѣшитъ къ Нахимову... А эскадра, почему-то попадаетъ... въ Севастополь.

5 Ноября Корниловъ на „Владимірѣ“ видитъ во мглѣ 6 большихъ судовъ, а вдали—дымъ парохода.

Ходъ его мыслей могъ-бы быть таковъ: если эти 6 кораблей—Нахимовъ—скорѣе къ нему—сообщить ему о выходѣ турецкой эскадры и трехъ пароходовъ; если-же это турки—то выслѣдить ихъ и опять таки скорѣе сообщить о результатахъ Нахимову.

Но... дымъ на горизонтѣ. Это могъ быть непріятельскій пароходъ; у турокъ—мало пароходовъ равныхъ „Владиміру“,—можетъ оказаться легкая добыча.

И вотъ Корниловъ—*главнокомандующій*—на „Владимірѣ“ гонится за дымомъ, настигаетъ ничтожный по силѣ пароходъ „Первазъ-Бахри“ и беретъ его почти безъ потерь.

Но теперь—что дѣлать съ призомъ? Конечно потопить, чтобы скорѣе присоединиться къ Нахимову и дать ему наконецъ свѣдѣнія о непріятелѣ! Но оказывается не то—„Владиміръ“ ведетъ призъ въ Севастополь.

Нахимовъ былъ оставленъ безъ извѣстій и безъ развѣдчиковъ.

А какъ разъ видѣнные Корниловымъ 6 судовъ были турки, которые направлялись въ Синопъ, и Нахимовъ такъ и не зналъ про нихъ ничего, ибо онъ, командовавшій боевой силой, на которую возложена была задача—не пропустить турокъ, именно онъ-то и сидѣлъ безъ развѣдчиковъ—безъ пароходовъ, такъ какъ они все время состояли при Корниловѣ. А Корниловъ уже поспѣлъ опять побывать въ Николаевѣ и пароходы все его ждали въ Севастополѣ.

Въ это время Нахимовъ открылъ турокъ стоящими на якорѣ въ Синопѣ, и прислалъ въ Севастополь за подкрѣпленіями. И оттуда къ нему пошли три корабля, но ихъ не сопровождалъ ни одинъ пароходъ. Но какъ только Корниловъ прибылъ въ Севастополь,—это было 17 Ноября—и узналъ, что Нахимовъ блокируетъ турокъ въ Синопѣ, онъ немедленно направился туда-же съ тремя пароходами, но... опоздалъ—сраженіе уже началось, когда онъ подходилъ къ Синопу.

А отсутствіе пароходовъ, ожидавшихъ Корнилова въ Севастополѣ, очень невыгодно отозвалось на Нахимовѣ. Какъ разъ у турокъ въ Синопѣ былъ лучшій ихъ пароходъ „Таифъ", очень сильный, который могъ-бы нанести очень серьезный вредъ русскимъ, если-бы онъ захотѣлъ принять участіе въ бою. Къ счастью этого не случилось, но за то онъ, благодаря отсутствію у русскихъ пароходовъ, ушелъ—а это могло грозить еще худшими послѣдствіями. Онъ вѣдь и далъ знать туркамъ о Синопскомъ разгромѣ, а тогда ожидали, что разгромъ турецкой эскадры поведетъ за собой вмѣшательство французовъ и англичанъ, и очень было важно, чтобы извѣстіе о Синопѣ распространилось-бы только по возвращеніи русской эскадры въ Севастополь.

Такова-то была морская стратегія въ 1853 году, и едва-ли она соотвѣтствовала истиннымъ принципамъ веденія войны.

Тактика адмирала Нахимова.

А теперь посмотримъ—какова была тактика?

Адмиралъ Нахимовъ подошелъ къ Синопу 11 Ноября съ тремя 84 пушечными линейными кораблями и засталъ тамъ турецкую эскадру въ составѣ 7 фрегатовъ, 3 корветовъ и двухъ пароходовъ, стоявшихъ подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей.

Промедленіе въ нападеніи на турокъ грозило серьезными послѣдствіями.

Промедленіе въ нападеніи на турокъ грозило при той обстановкѣ, которая представлялась Нахимову, серьезными послѣдствіями.

Прежде всего турки могли прорваться и уйти. У Нахимова не было, не только ни одного парохода, но даже—ни одного фрегата. Каждую ночь турки могли выйти, а выйдя, фрегаты и корветы, въ осо-

бенности разсыпавшись въ разныя стороны, чтобы сойтись въ назначенномъ рандеву, болѣе чѣмъ легко ушли-бы отъ тяжелыхъ линейныхъ кораблей.

Во вторыхъ—если-бы турки рѣшили защищаться на Синопскомъ рейдѣ, то при промедленіи Нахимова, они могли привести свою позицію прямо въ неприступное состояніе.

Благодаря малому своему углубленію, турецкія суда могли расположиться къ западу отъ города на отмели перпендикулярно къ направленію городского берега. Орудія съ того борта, который былъ-бы тогда обращенъ къ берегу, они могли свезти съ судовъ и на городскомъ берегу построить цѣлый рядъ батарей. Это не только-бы увеличило артиллерійскую силу турокъ вдвое, но кромѣ того поставило-бы русскую эскадру, противъ кого-бы она ни обратилась—противъ турецкихъ судовъ или береговыхъ батарей, подъ перекрестный огонь, причемъ, либо съ тѣхъ или другихъ, русскіе корабли разстрѣливались-бы продольнымъ огнемъ, не будучи въ состояніи сами отвѣчать на этотъ огонь.

И это соображеніе не дѣлается только теперь—*post factum*—когда можно фантазировать на какія угодно темы. Нѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ Шестаковъ*), такъ именно думалъ Нахимовъ, да и не могъ не думать, такъ какъ, по справедливому выраженію Шестакова „не дозволяя себѣ презирать противника, Нахимовъ, безъ сомнѣнія, полагалъ, что турецкій адмиралъ поступитъ такъ, какъ онъ поступилъ-бы на его мѣстѣ“... Та-же позиція которую заняли турки на Синопскомъ рейдѣ была чрезвычайно для нихъ невыгодна. Половина береговыхъ батарей не могла принять никакого участія въ бою, а другая половина могла стрѣлять только по опредѣленнымъ направленіямъ, такъ какъ эти батареи заслонялись стоявшими какъ разъ передъ ними турецкими судами.

Все это должно было еще больше побуждать Нахимова къ скорѣйшему нападенію.

*) Богдановичъ. Синопъ, стр. 56.

Между тѣмъ, онъ, имѣя уже свѣдѣнія о непріятелѣ, отослалъ для исправленія въ Севастополь два корабля изъ пяти, и остался съ тремя. Эти два корабля и привезли въ Севастополь извѣстіе объ открытіи турецкой эскадры *). И если эти корабли пришли для исправленія въ Севастополь, то тѣмъ болѣе, они могли войти съ Нахимовымъ на Синопскій рейдъ.

Почему-то изъ Севастополя пошли на помощь не 5 находившихся тамъ кораблей, а всего три и съ ними не пошелъ ни одинъ пароходъ, хотя ихъ было тамъ три, готовыхъ выйти въ море. А что если-бы посланные корабли заштилѣли? Сколько времени ихъ дожидался-бы Нахимовъ, и что могли-бы за это время сдѣлать турки? Но пароходы ждали Корнилова, и какъ только онъ пріѣхалъ—17 Ноября, онъ сейчасъ-же **) „полетѣлъ на всѣхъ парахъ къ Синопу...“

Нахимовъ медлилъ изъ за неправильной оцѣнки своихъ силъ сравнительно съ непріятельскими.

Итакъ Нахимовъ медлилъ съ нападеніемъ, такъ какъ не считалъ себя достаточно сильнымъ.

Вотъ это его рѣшеніе очень характерно. Въ эпоху парусмаго флота фрегаты, а тѣмъ болѣе корветы, совершенно не считались серьезными противниками линейнымъ кораблямъ. Въ исторіи англійскго флота Джемса, имѣвшейся въ то время и на русскомъ языкѣ —ее перевелъ еще при Лазаревѣ Шестаковъ— Нахимовъ могъ-бы прочитать, что во время прорыва черезъ Дарданеллы англійскій адмиралъ, узнавъ что на пути, у Абидоса, подъ прикрытіемъ сухопутныхъ батарей, стоитъ турецкая эскадра состоящая изъ фрегатовъ и корветовъ,—сравнительно она не уступала по силѣ турецкой эскадрѣ въ Синопѣ,—отдѣлилъ отъ своей эскадры только два корабля и два фрегата и тѣ, быстро уничтоживъ и турецкія суда и батареи, вскорѣ присоединились къ главнымъ силамъ.

А главное—линейные корабли Нахимова были вооружены *бомбическими* пушками самаго крупнаго калибра, а у турокъ таковыхъ пушекъ совсѣмъ не было, за исключеніемъ двухъ такихъ орудій на пароходѣ

*) Богдановичъ. Синопъ, стр. 57.

**) Богдановичъ. Синопъ, стр. 57.

„Таифъ“. А это давало ему огромное преимущество въ силѣ, и благодаря именно этому преимуществу, а не числу кораблей, турки были истреблены въ Синопскомъ бою меньше чѣмъ въ часъ времени.

Такимъ образомъ Нахимовъ неправильно оцѣнивалъ свои силы по сравненію съ силами противника, а изъ за этого упускалось время.

Противорѣчіе пріемовъ Нахимова съ принципами веденія боя.

И эта оцѣнка становится понятной, когда мы знаемъ—*какъ* велъ Синопскій бой Нахимовъ. Онъ спускался на противника перпендикулярно къ его линіи, подвергаясь его продольнымъ выстрѣламъ, онъ распредѣлилъ свои 6 кораблей *по всей длинѣ линіи противника*... Это характерныя черты Хіоскаго сраженія, но не сраженій при Порто-Прайя (Сюффренъ) и при Абукирѣ (Нельсонъ). Это было подставленіе своей слабой стороны, это была разброска силъ.

Вотъ *при такихъ намѣреніяхъ* можно понять, что Нахимовъ считалъ себя слишкомъ слабымъ.

При этомъ Нахимовъ считалъ, что самый благопріятный для него вѣтеръ для атаки—это сѣверный*), т. е. перпендикулярный къ направленію турецкой линіи, т. е. такой вѣтеръ, при которомъ любое турецкое судно могло сняться съ якоря и перейти въ любое мѣсто своего строя, т. е. самый удобный для проявленіи турками взаимной поддержки, не говоря уже про то, что это былъ самый удобный вѣтеръ, чтобы туркамъ уйти съ рейда... Но разъ Нахимовъ не предполагалъ сосредоточивать свои силы противъ какого либо одного участка непріятельскаго строя, то и эта его идея получаетъ извѣстное освѣщеніе. Вотъ Нельсонъ, такъ тотъ считалъ наиболѣе выгоднымъ, когда вѣтеръ дуетъ вдоль непріятельской линіи, такъ какъ тогда, при атакѣ навѣтреннаго участка, подвѣтреннымъ кораблямъ противника очень трудно придти къ нему на помощь. Но это его мнѣніе вытекало изъ его *намѣренія сосредоточить превосходную силу противъ части противника*, а такъ какъ у Нахимова было намѣреніе обратное, то, понятно, и представленіе о болѣе выгодномъ вѣтрѣ

*) Богдановичъ. Синопъ. Стр. 74. Приказъ Нахимова передъ Синопскимъ боемъ.

у него было совсѣмъ другое. Нельсонъ считалъ, что, имѣя въ виду атаковать навѣтренный участокъ строя непріятеля, очень выгодно подойти къ нему съ попутнымъ вѣтромъ, и становиться при этомъ на якорь, отдавая его съ кормы, чтобы не разворачиваться подъ выстрѣлами, а Нахимовъ *избѣгалъ* отдавать якорь съ кормы *), идя съ попутнымъ вѣтромъ—значитъ онъ не отдавалъ себѣ отчета—какую изъ этого можно извлечь выгоду при сосредоточеніи силъ на навѣтренный участокъ непріятельскаго строя **).

Вотъ эта разница въ системѣ мышленія Нельсона и Нахимова и привела послѣдняго къ неправильной оцѣнкѣ обстановки, къ промедленію, которое могло имѣть очень печальное послѣдствіе, и къ неправильному руководительству въ бою, благодаря которому русской эскадрѣ успѣхъ достался цѣною серьезныхъ потерь, которыхъ можно было избѣжать, и избѣжать которыхъ было существенно важно, такъ какъ задержка русской эскадры въ Синопѣ для исправленій могла оказаться для нея фатальной.

Ничего этого не случилось, турки остались на своей болѣе чѣмъ неудачной позиціи, единственный турецкій пароходъ, вооруженный бомбическими пушками не принялъ участія въ бою и бѣжалъ, русская эскадра поспѣла исправить свои поврежденія, и, благодаря сравнительно хорошей погодѣ, съ помощью пароходовъ, добралась до Севастополя, но... не одинаково-ли мы обязаны этимъ туркамъ, сколь и самимъ себѣ, и можно-ли отсюда дѣлать выводъ, что такія дѣйствія надо себѣ ставить за образецъ для будущаго?

*) Богдановичъ. Синопъ. Стр. 74. Приказъ Нахимова передъ Синопскимъ боемъ.

**) А между тѣмъ въ эпоху „ушаковцевъ“ и „сенявинцевъ“ въ предписаніи адмиралу, предназначенному способствовать Сенявину въ атакѣ Константинополя со стороны Чернаго моря указывалось: „До отправленія еще и па пути старайтесь экзерцировать людей въ тѣхъ особенно маневрахъ и дѣйствіяхъ, до коихъ по прибытіи въ каналъ наиболѣе дѣло дойти можетъ, и изъ которыхъ главнѣйшія суть: исправное дѣйствіе пушками, предосторожности отъ каленыхъ ядеръ, положеніе шпринговъ и искусство становиться на якорь, *бросая оный съ кормы*, какъ то въ подобной по важности своей экспедиціи подъ Абукиромъ сдѣлалъ съ толикою удачею, пріобрѣтшій безсмертную себѣ славу, англинскій адмиралъ Нельсонъ“. М. Сб. Январь 1910 г. стр. 23—24. Курсивъ мой.

Оцѣнка Нахимовымъ творчества Нельсона.

Изучалъ-ли Нахимовъ опытъ прошлаго? Повидимому—да. Вотъ что онъ говоритъ о Нельсонѣ*) „Вы помните Трафальгарское сраженіе? Какой тамъ былъ маневръ? Вздоръ-съ! Весь маневръ Нельсона состоялъ въ томъ, что онъ зналъ слабость непріятеля и свою собственную силу и *не терялъ времени*, вступая въ бой. Слава Нельсона заключается въ томъ, что онъ постигъ духъ народной гордости своихъ подчиненныхъ, и однимъ простымъ сигналомъ возбудилъ запальчивый энтузіазмъ *въ простолюдинахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками*".

Значитъ по его мнѣнію все дѣло въ духѣ и умѣньѣ имъ пользоваться, да еще въ удачномъ сигналѣ!

И конечно нельзя оспаривать огромной важности постиженія Нельсономъ духа своего и противника. Именно это—обстановка—давало ему право дѣйствовать иногда опасными путями, но Нахимовъ какъ будто совершенно и не замѣтилъ, изучая дѣянія Нельсона, что эти пути, менѣе или болѣе опасные—*всегда вели къ цѣлямъ, совпадающимъ съ истинными боевыми принципами.* Но Нахимовъ видѣлъ только пути, только внѣшнее, только форму, а сущность отъ него ускользала. Онъ повидимому не задавалъ себѣ вопроса—а что-же англійскіе адмиралы до Нельсона, значитъ, не постигали духа народной гордости, что-же они постоянно теряли время, что-же ихъ команды не были заражены запальчивымъ энтузіазмомъ, и именно благодаря этому они терпѣли цѣлый рядъ неудачъ?

Власть рутины надъ Нахимовымъ.

И вотъ такая-то слѣпота къ сущности, такое стремленіе схватывать лишь форму, и притомъ у такого выдающагося моряка какъ Нахимовъ—это и есть проявленіе огромной власти рутины!

И если Нахимовъ изучилъ Трафальгарское сраженіе, то вѣроятно не пропустилъ онъ и боя при Абукирѣ, и зналъ и про сраженіе при Абидосѣ, и конечно изучалъ дѣянія и Ушакова и Сенявина! Можетъ быть онъ не пренебрегъ и Клеркомъ и Кинсбергеномъ! Но смотрѣть и не видѣть, изучать и не схватывать сущ-

*) Богдановичъ. Синопъ. Стр. 71 и 72. Первый курсивъ мой.

ности—это характерная черта ума заполоненнаго рутиной. Таковы были и судьи несчастнаго Бинга.

И вотъ Нахимовъ цѣнилъ въ Нельсонѣ, что онъ не терялъ времени, а самъ онъ его терялъ передъ Синопомъ. И когда 16 Ноября и присоединились къ нему три корабля Новосильскаго, и когда преимущество его въ силѣ сдѣлалось прямо подавляющимъ, онъ не пошелъ сейчасъ-же на Синопскій рейдъ, а пошелъ только 18 Ноября, такъ какъ считалъ необходимымъ собрать военный совѣтъ, и объявить результаты работы этого военнаго совѣта по эскадрѣ. „17 Ноября были приглашены на флагманскій корабль Новосильскій и всѣ командиры судовъ. Вскорѣ затѣмъ появился знаменитый Нахимовскій приказъ*)“. А время все шло.

План боя и руководительство въ эпоху отъ Ушакова до Нахимова.

Когда мы задались цѣлью прослѣдить работу рутины въ англійскомъ морскомъ сословіи послѣ эпохи англо-голландскихъ войнъ, мы взяли одну изъ частныхъ идей о веденіи боя—отношеніе къ строю, и разбирали—какъ глядѣли военные моряки на эту идею въ различные періоды разсматриваемой эпохи?

Будемъ держаться того-же метода и въ данномъ случаѣ, такъ какъ иначе, разбросавшись по различнымъ идеямъ и ихъ комбинаціямъ, мы не сможемъ въ нихъ разобраться съ достаточной ясностью.

За эту частную идею мы возьмемъ идею командующаго флотомъ о формулированіи плана боя и его представленія—что именно онъ считалъ для себя обязательнымъ сообщить передъ боемъ своимъ подчиненнымъ, чтобы направить ихъ дѣйствія въ бою.

Мы видѣли какъ смотрѣли на это дѣло Сюффренъ, Нельсонъ, Потемкинъ—Ушаковъ и Сенявинъ. Сущность ихъ указаній—была характеристика обстановки, указаніе цѣли для сосредоточеніи силъ и *послѣ того*—предоставленіе своимъ подчиненнымъ свободы въ выборѣ путей для выполненія ихъ предначертаній, причемъ ни въ какія техническія мелочи они не входили. Военныхъ совѣтовъ *передъ самымъ боемъ*—у нихъ нѣтъ, ибо когда противникъ въ виду—это прямая потеря

*) Богдановичъ. Синопъ. Стр. 73.

времени. Они раньше, задолго обсуждали со своими командирами различныя комбинаціи, вливали въ своихъ подчиненныхъ свои мысли, но передъ боемъ они ограничивались лишь общими, *но полными сущности*, указаніями.

А теперь посмотримъ—какъ это дѣлали, черезъ два поколѣнія послѣ нихъ—Корниловъ и Нахимовъ, наиболѣе выдающіеся и талантливые среди черноморскихъ моряковъ.

У Корнилова и Нахимова имѣются два приказа, выражающіе ихъ намѣренія въ области веденія боя, про которые черноморскій морякъ, ихъ современникъ говоритъ *): „Послѣднія слова приказовъ обоихъ адмираловъ доказываютъ, что они *одинаково* понимали условія боя... Нахимовъ благородно соперничалъ съ Корниловымъ въ морскомъ искусствѣ... оба зрѣло обдумывали всякое предпріятіе и съ быстротою пользовались обстоятельствами...“

Черноморская школа веденія боя въ Крымскую кампанію.

Эта выписка показываетъ, что значитъ въ это время въ черноморскомъ флотѣ существовала школа, имѣвшая извѣстный взглядъ на веденіе боя, и Корниловъ и Нахимовъ являлись талантливыми представителями этой школы.

Вотъ эти приказы, о которыхъ идетъ рѣчь.

Приказъ Корнилова появился 28 Октября 1853 г., когда онъ послѣ своей развѣдки (см. стр. 396) вернулся въ Севастополь, чтобы принять начальство надъ эскадрой, съ которой онъ намѣревался атаковать открытую имъ турецкую эскадру **).

„...со свѣтомъ я намѣренъ сняться, надѣясь, что если-бы счастье намъ благопріятствовало, и мы-бы встрѣтили непріятеля, то съ помощью Божіей, офицеры и команды судовъ, со мною отплывающихъ, вполнѣ воспользуются случаемъ увеличить нашъ флотъ новыми кораблями... При могущемъ встрѣтиться боѣ, я не считаю нужнымъ излагать какія либо наставленія: дѣйствовать соединенно, помогая другъ другу и на

*) Жандръ. Матеріалы для обороны Севастополя. Стр. 87. Богдановичъ. Синопъ. Стр. 48—49. Курсивъ мой.

**) Жандръ. Стр. 87. Богдановичъ. Стр. 46 и 48, 76 и 77.

самое близкое разстояніе—по моему лучшая тактика“. На слѣдующій день, уже въ морѣ, адмиралъ Корниловъ сдѣлалъ сигналъ—„объявить командамъ, что Государь ожидаетъ усердной службы, а Россія всегдашней славы своего оружія. Съ нами Богъ!“.

Приказъ Нахимова отъ 3-го Ноября, значитъ еще раньше чѣмъ турецкая эскадра была заблокирована имъ въ Синопѣ, гласитъ такъ:

„Непріятель иначе не можетъ исполнить свое намѣреніе атаковать Сухумъ, какъ пройти мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ я полагаюсь на бдительный надзоръ командировъ и офицеровъ; во второмъ, съ Божьей помощью и увѣренный въ своихъ офицерахъ и командахъ, надѣюсь съ честью принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю г.г. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превосходящимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ исполнитъ свой долгъ“.

Затѣмъ передъ самымъ боемъ—17-го Ноября—Нахимовъ заканчиваетъ свой приказъ такъ: „Въ заключеніе, выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота. Отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія“.

Оба эти приказа превосходны въ смыслѣ возбужденія „запальчиваго энтузіазма“. Какъ сигналъ Корнилова, такъ и заключительныя слова второго приказа Нахимова—довольно близкая перефразировка знаменитаго сигнала Нельсона. Оба адмирала рекомендуютъ близкое разстояніе, соединенныя дѣйствія и помощь другъ другу, оба предоставляютъ командирамъ

свободу... все это совсѣмъ какъ у Сюффрена, Нельсона, Сенявина... Но вмѣстѣ съ тѣмъ это *только форма этихъ образцовъ*, сущность которыхъ пропущена, какъ у Корнилова, такъ и у Нахимова.

Черноморская школа веденія боя заимствовала отъ „дѣдовъ" только форму, упустивъ сущность.

Они предоставляютъ своимъ командирамъ свободу, но не указываютъ *цѣли* для примѣненія этой свободы. Сюффренъ говоритъ (см. стр. 375—384): „если мы будемъ на вѣтрѣ я имѣю намѣреніе окружить ихъ арьергардъ и поставить его въ два огня... если мы будемъ подъ вѣтромъ, выйдите на вѣтеръ и нападите на непріятеля съ другой стороны". Нельсонъ указалъ при Абукирѣ свое намѣреніе атаковать непріятельскій авангардъ, а при Трафальгарѣ поставилъ своему младшему флагману цѣль—атаковать непріятельскій арьергардъ, а себѣ—не позволить остальному непріятельскому флоту придти на помощь атакованнымъ. Ушаковъ указывалъ цѣль—атаку непріятельскихъ флагмановъ, тоже сдѣлалъ и Сенявинъ, поставивъ себѣ и Грейгу задачу задерживать остальныя суда противника, чтобы они не могли помочь своимъ.

И вотъ такихъ указаній, составляющихъ сущность руководительства, характеризующихъ идеи и творчество адмираловъ, у Корнилова и Нахимова нѣтъ. У нихъ только красивая заимствованная ими форма, причемъ заимствованы только *заключенія* копированныхъ ими образцовъ. Но вѣдь *заключенія* эти потеряли свою логику, когда отъ нихъ оказались отрѣзанными тѣ соображенія, которые давали смыслъ этимъ заключеніямъ (см. стр. 376—377). И эти соображенія ускользнули отъ вниманія подражателей, ибо они понимали руководительство только въ видѣ „подъема духа", только въ видѣ „возбужденія запальчиваго энтузіазма", а той почвы, на которой этотъ запальчивый энтузіазмъ приносилъ у взятыхъ ими образцовъ столь роскошные плоды, они не видѣли, или вѣрнѣе видѣли, но не придавали этой почвѣ (основѣ) значенія, такъ какъ это было внѣ области привычнаго имъ формальнаго мышленія.

Вѣдь командиры Корнилова и Нахимова, получивъ свободу, могли понять ее или очень широко, т. е.

выбирай всякій любого противника,—а это была-бы анархія—полное отсутствіе руководительства; или они могли представлять себѣ эту свободу въ видѣ момента открытія огня, улаженія шпринга на якорѣ, выбора противника въ предѣлахъ ограниченныхъ сохраненіемъ своего мѣста въ строю и т. п. Но въ такомъ случаѣ, и гораздо болѣе вѣроятномъ, такъ какъ онъ гораздо болѣе соотвѣтствовалъ царившему тогда формализму, они непремѣнно нуждались еще въ *точной диспозиціи*, хотябы безъ указанія общей цѣли, къ которой имъ нужно-бы было стремиться. Это всего болѣе соотвѣтствовало-бы ихъ понятіямъ.

Нахимовъ давалъ командирамъ массу детальныхъ указаній.

И дѣйствительно таковая точная диспозиція имъ и была дана Нахимовымъ въ его приказѣ передъ самымъ боемъ, и кромѣ этой диспозиціи онъ далъ имъ цѣлый рядъ самыхъ мелочныхъ указаній, подобныхъ которымъ нѣтъ и помина въ тѣхъ образцахъ, у которыхъ онъ заимствовалъ свои заключительныя слова.

Вотъ этотъ приказъ. *)

„Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ въ числѣ 7 фрегатовъ, 2 корветовъ, одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, *я составилъ диспозицію для атаки ихъ и прошу командировъ стать по оной на якорь* и имѣть въ виду слѣдующее“:

„1. При входѣ на рейдъ бросать лоты, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководіе (см. стр. 399), и тогда стать на возможно близкомъ отъ него разстояніи, но на глубинѣ не менѣе 10 саженъ“.

„2. Имѣть шпрингъ на оба якоря; *если при нападеніи на непріятеля будетъ вѣтеръ N—самый благопріятный* (см. стр. 401), тогда вытравить цѣпи 60 саженъ, имѣть столько-же шпрингу, предварительно заложенномъ на битенгѣ; идя па фордевинъ при вѣтрѣ *O* или *ONO*, *во избѣжанія бросанія якоря съ кормы* (см. стр. 402), становиться также на шпрингъ, имѣя его до 30 саженъ, и когда цѣпь, вытравленная до 60 саженъ, дернетъ, то вытравить еще 10 саженъ; въ этомъ случаѣ цѣпь ослаб-

*) Богдановичъ. Синопъ. Стр. 73—77. Курсивы мои.

нетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ, на кабельтовѣ; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недѣйствительными отъ малѣйшаго невниманія и промедленія времени“.

„3. Предъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволитъ погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на рострахъ, я сдѣлаю сигналъ спуститъ ихъ у борта на противулежащей сторонѣ отъ непріятеля, имѣя на одномъ изъ нихъ на всякій случай, кабельтовъ и верпъ“.

„4. При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флаги; *посылать-же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала,* стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ или батарей, которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, если-бы съ непріятельскими судами дѣло и было кончено“.

„5. Нынѣ-же осмотрѣть заклепки у цѣпей, на случай надобности расклепать ихъ“.

„6. *Открыть огонь по непріятелю по второму адмиральскому выстрѣлу,* если передъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на него наступленію; въ противномъ случаѣ, палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ“.

„7. Ставъ на якорь и уладивъ ширингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому-же положенію орудія, какъ и при первыхъ выстрѣлахъ“.

„8. Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть, какъ и подъ парусами, одного офицера на гротъ марсѣ, или салингѣ, для наблюденія, при батальномъ огнѣ, за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, а буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга“.

„9. Фрегатамъ „Кагулъ“ и „Кулевчи“, во время дѣйствія оставаться подъ парусами, для наблюденія за непріятельскими пароходами, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ по выбору своему“.

„10. Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться, по возможности, не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные ихъ флаги“.

А дальше идетъ заключеніе уже приведенное мною выше (см. стр. 406).

Характеръ творчества Нахимова.

Вотъ въ этомъ приказѣ и вылился весь Нахимовъ— превосходный знатокъ паруснаго дѣла, заботливый старшій офицеръ, вспоминающій—не забылъ-ли онъ что записать въ книгу приказаній. Съ какой любовью онъ даетъ подробныя наставленія о постановкѣ на шпрингъ, только съ точки зрѣнія удобства этого маневра расцѣниваетъ и вѣтеръ (см. стр. 401), вспоминаетъ и о заклепкахъ у якорнаго каната, подаетъ практичный совѣтъ и артиллерійскому офицеру, дѣлаетъ попытку сберечь гребныя суда, благо бой предстоитъ на якорѣ, и, приготовившись посредствомъ подробной диспозиціи и детальныхъ распоряженій къ бою, какъ онъ готовился всю свою службу къ *смотрамъ*, не забывъ ничего, присоединивъ къ своимъ распоряженіямъ сверхъ всего и тѣ слова, которыя должны были возбудить „запальчивый энтузіазмъ“ въ командахъ, съ чистымъ сердцемъ и со спокойнымъ духомъ, готовый положить свою жизнь за родину и увѣренный въ таковой-же готовности своихъ подчиненныхъ, онъ направилъ свою эскадру на непріятеля. Но высшая область руководительства, проникновенная оцѣнка обстановки, смѣлое направленіе своихъ силъ такъ, чтобы быстрѣйшимъ образомъ и съ наименьшими потерями вырвать у непріятеля побѣду—это не былъ удѣлъ Нахимова. Его удѣломъ было беззавѣтное исполненіе долга, но не окрыленное проникновеннымъ военнымъ мышленіемъ творчество. И не потому, чтобы онъ не былъ способенъ къ такому творчеству. Нахимовъ былъ несомнѣнно способный и умный человѣкъ, но такое творчество не

входило въ область его навыка, онъ не видѣлъ его кругомъ себя, такое творчество, какъ послѣдствіе развитія военнаго мышленія, не требовалось въ окружающей его средѣ, оно не заключалось въ понятіи о долгѣ, съ точки зрѣнія этого творчества не цѣнился въ то время морской офицеръ, все застыло тогда въ неподвижныхъ формахъ изощренія въ морячествѣ, въ артиллерійскомъ ученьѣ и въ чистотѣ, и подъ словомъ— „военный духъ" понималась лишь готовность беззавѣтно пожертвовать жизнью за отечество (см. стр. 250 и дальше).

Вотъ такая среда и привела къ полной отсталости въ матеріальной части, при превосходномъ порядкѣ въ которомъ содержалась эта матеріальная часть, и при превосходномъ навыкѣ въ обращеніи съ нею. Она привела къ отсталости и въ моральномъ элементѣ— въ той его части, которую занимаютъ сознательныя военныя познанія, при превосходномъ культивированіи другой стороны моральнаго элемента—непоколебимаго мужества и самоотверженнаго патріотизма.

Флотъ и армія въ періодъ Крымской войны имѣли тѣ-же характерныя черты.

Такова была армія передъ Крымской кампаніей, храбрая, патріотичная, доведшая до умопомрачительной чистоты въ отдѣлкѣ обращеніе съ совершенно устарѣлымъ оружіемъ, погрязшая въ шагистикѣ, руководимая въ большинствѣ бурбонами презиравшими всякую научность, всякую живую мысль...

Таковъ былъ и флотъ. Такова была вся Россія.

„Наша армія ко времени Восточной войны 1853—55 годовъ" говоритъ генералъ Куропаткинъ*) „была весьма многочисленна и, какъ въ отношеніи корпуса офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, представляла отличный матеріалъ. Значительная часть офицерскаго состава происходила изъ дворянъ. Нижніе чины служили 25 лѣтъ. Унтеръ-офицеры и фельдфебели были опытные и авторитетные служаки. Но послѣ успѣшныхъ войнъ начала 19 столѣтія, армія наша, по отношенію къ выучкѣ и вооруженію пошла не впередъ, а назадъ. Аракчеевскій взглядъ на службу глубоко проникъ во всѣ слои арміи. Особенно былъ

*) „Итоги войны". Томъ 4 отчета Генералъ-Адъютанта Куропаткина. Стр. 8. Курсивы мои.

слабъ старшій начальствующій персоналъ. *О томъ, что армія назначается для войны было забыто. Показная сторона взяла верхъ надъ сущностью. Ружейные пріемы и церемоніальный маршъ поставлены выше всего.* Наилучшимъ показателемъ взглядовъ той эпохи на нашу боевую силу служатъ несомнѣнные факты подскобки и подпиливанія, съ разрѣшенія начальства, разныхъ частей въ ружьѣ (гаекъ и шомполовъ), чтобы при ружейныхъ пріемахъ получался особый дружный звонъ тысячи ружей, пріятно ласкавшій ухо начальниковъ того времени. Успѣхъ службы офицеровъ зависѣлъ отъ протекціи. Безъ протекціи пробирались впередъ наиболѣе послушные волѣ начальства, въ какихъ-бы дикихъ формахъ эта воля не проявлялась. Начавшееся въ Россіи, по почину Императора Александра I, послѣ наполеоновскихъ войнъ, освободительное движеніе, проникшее и въ ряды арміи, смѣнилось административнымъ гнетомъ, тяжело отразившимся на всѣхъ видахъ дѣятельности въ Россіи, на всѣхъ сословіяхъ, въ томъ числѣ и на военномъ. Вся Россія облеклась какъ-бы въ мундиръ, застегнутый на всѣ пуговицы, и вытянулась въ струнку. Россія, а съ нею и армія могли говорить только: „слушаю", „такъ точно" и „все благополучно"... Всякое проявленіе въ арміи иниціативы, не по командѣ, было караемо. Печать робко молчала. Обсужденіе въ военномъ органѣ даже вопросовъ о формѣ одежды признавалось иногда вреднымъ вольнодумствомъ. Въ результатѣ армія въ духовномъ отношеніи, не смотря на ея многочисленность, не подвинулась впередъ. Но и въ матеріальномъ отношеніи мы отстали отъ европейскихъ армій. Очевидно, что при взглядѣ на ружье, какъ на средство производить шумные ружейные пріемы, мы не спѣшили съ перевооруженіемъ арміи..."

Въ другой средѣ былъ-бы другой и Нахимовъ. Это былъ-бы Коллингвудъ русскаго флота, какъ Корниловъ могъ-бы быть его Нельсономъ.

Характеръ Корнилова и его творчества.

Корниловъ обладалъ болѣе широкимъ умомъ чѣмъ Нахимовъ. По характерному выраженію Кинсбергена (см. стр. 388) „острый разумъ и сильное умовообра-

женіе“ имѣлись у него въ наличности, хотя чувство долга—истиннаго долга, все приносящаго въ жертву пользѣ дѣла, которымъ въ высшей степени обладалъ Нахимовъ,—у него было значительно ослаблено непомѣрнымъ личнымъ честолюбіемъ и желаніемъ играть первую роль. Но и на него наложила свои путы рутина. И онъ не постигалъ сущности дѣла, а гонялся, только съ большей энергіей и съ меньшей разборчивостью въ средствахъ чѣмъ другіе, за той-же внѣшней формой.

Это сказалось и въ вышеприведенномъ его приказѣ. Какъ велъ-бы онъ самый бой, мы не знаемъ,—далъ-ли бы онъ тѣ указанія, которыя влили-бы содержаніе въ его приказъ, размѣнялся-ли-бы онъ на мелочи, съумѣлъ-ли-бы оцѣнить обстановку, распредѣлилъ-ли-бы онъ свою силу сообразно истиннымъ принципамъ военнаго дѣла въ бою,—сдѣлалъ-ли бы онъ все это лучше чѣмъ Нахимовъ—всего этого мы не знаемъ, такъ какъ боя не было,

Но, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, надежды на это не было. Дѣйствительно, вѣдь онъ вышелъ въ море съ эскадрой при возможности въ каждый данный моментъ вступить въ бой съ непріятелемъ. Со своими командирами столковаться раньше, влить въ нихъ свои намѣренія ему было затруднительно, такъ какъ онъ съ ними не плавалъ и вступилъ въ командованіе эскадрой лишь наканунѣ выхода въ море. Значитъ именно ему приходилось ознакомить ихъ въ значительной подробности со взглядами своими на веденіе боя въ приказѣ, и время у него на это было, пока онъ шелъ на пароходѣ отъ Босфора послѣ открытія непріятеля съ опредѣленнымъ намѣреніемъ принять командованіе эскадрой и немедленно вывести ее въ море для боя съ турками. И все таки ничего кромѣ вышеприведеннаго приказа онъ своимъ командирамъ не далъ.

Впрочемъ 3 Ноября, черезъ 5 дней послѣ выхода, онъ сдѣлалъ два сигнала, относящихся къ предстоящему бою—„Завтра, если открою непріятеля въ Балчикѣ или Варнѣ, намѣренъ атаковать его; для сего

заранѣе изготовить съ обѣихъ сторонъ пеньковые канаты съ кормы, со шпрингами къ рымамъ запасныхъ якорей. Каната потребуется до 75 саженъ на битенгѣ, и надобно чтобы былъ не прикрѣпленъ къ бимсу, чтобы можно было выпустить", и „полагаю полезнымъ имѣть барказныя карронады на элеваціонныхъ станкахъ на ютѣ *)". Распоряженія безспорно разумныя, и первое изъ нихъ показываетъ, что, готовясь къ бою на якорѣ, Корниловъ держалъ въ головѣ Абукирское сраженіе, но все таки это не сущность, не главное, а частности, и также какъ и Нахимовъ, на частностяхъ онъ останавливался легко, а по сущности скользилъ, какъ-бы ее не замѣчая.

Что Корниловъ передъ боемъ обдумывалъ разные способы атаки и отраженія намъ свидѣтельствуетъ близкій ему человѣкъ - Жандръ, но когда Жандръ приводитъ тому доказательства, то онъ предлагаетъ намъ эти два сигнала, которые приведены выше. А это намъ показываетъ, *что* именно и онъ и Корниловъ подразумѣвали подъ обдумываніемъ „различныхъ способовъ атаки и отраженія"? Идей о руководительствѣ, въ которыхъ-бы выдѣлились принципы, на которыхъ базировалось военное мышленіе Корнилова—мы не видимъ, а видимъ только частности. У Нельсона мы ясно видимъ, что идея объ отдачѣ якоря съ кормы логично вытекала изъ идеи о сосредоточеніи силъ противъ авангарда противника, идя къ нему попутнымъ вѣтромъ, и изъ желанія прикрыть слабую сторону подходя къ противнику стоящему на якорѣ,—а здѣсь признаковъ мы этого не видимъ. Видимъ фактъ, извѣстное распоряженіе, извѣстную частность, а поставить эту частность въ логичный строй идей, связать ее съ какимъ нибудь основаніемъ мы не можемъ.

Имѣются и другія указанія о намѣреніяхъ Корнилова, но опять это частности—очень разумныя, но все-же частности... Тотъ-же Жандръ сообщаетъ, что Корниловымъ были сдѣланы слѣдующія замѣтки его рукой, вложенныя въ рапортъ лейтенанта Желѣзнова отъ 4 Ноября.

*) Жандръ. Стр. 93.

„Нельсонъ мочилъ коечные чехлы и брезенты на случай пожара“.

„Надлежитъ стрѣлять въ корпусъ“. „Въ Абукирскомъ сраженіи одинъ марсель оставался отданнымъ для перемѣны, въ случаѣ нужды, позиціи“.

„Въ Абукирскомъ сраженіи корабли стояли противъ скулы противника“.

„Всѣ предосторожности противъ огня. Помнить „Оріонъ“ при Абукирѣ и „*Achille*“ въ Трафальгарѣ“.

„Ергомышеву (к-ръ корабля В. К. Константинъ) исправлять должность начальника штаба“. „Изготовиться къ атакѣ непріятеля на якорѣ, привязавъ оба пеньковыхъ каната съ кормы, со шпрингами къ якорнымъ рымамъ съ носу“.

„Якоря съ носа имѣть также въ совершенной готовности со шпрингами съ кормы. Гребныя суда, если возможно, то спустить“.

Значитъ адмиралъ Корниловъ собиралъ замѣтки для составленія плана, но никакъ нельзя обойти странности того факта, что планъ этотъ такъ и не появился, а между тѣмъ сраженія можно было ожидать каждый моментъ.

И нельзя также не отмѣтить того, что въ этихъ замѣткахъ Корнилова хотѣлось-бы видѣть такія слова— „Нельсонъ воспользовался тѣмъ что вѣтеръ дулъ вдоль линіи противника и сосредоточилъ свои силы сначала противъ авангарда, а потомъ противъ центра, и использовалъ внезапность своего появленія, и для этого пожертвовалъ и строемъ и военнымъ совѣтомъ“, или „Нельсонъ сосредоточилъ при Трафальгарѣ превосходныя силы противъ арьергарда противника, а самъ поставилъ себѣ задачей не позволить противнику оказать помощь атакованной части его флота“, или хотѣлось-бы видѣть ссылки на Ушакова или Сенявина...

Вліяніе рутины на Корнилова и Нахимова.

Но увы—этого ничего мы не находимъ, ни у Корнилова, ни у Нахимова. Сознательная связь съ „дѣдами“ порвалась, осталась связь формальная, они заимствовали отъ „дѣдовъ“ частности безъ проникно-

венія въ тѣ причины, которыя тогда вызывали эти частности, а это и есть признакъ уже *законченной* работы рутины.

Рутина съѣла „сущность“ въ два поколѣнія. Вотъ во что превратила она людей, считавшихся самыми способными и талантливыми! И эту „сущность“ не могли почерпнуть даже такіе люди какъ Корниловъ и Нахимовъ и изъ книгъ, въ которыхъ была описана дѣятельность ихъ „дѣдовъ“ — Сюффрена, Нельсона, Ушакова, Сенявина. Умъ ихъ скользилъ по „сущности“, не задѣвалъ за нее, не останавливался на ней, и именно потому, что ихъ умъ *и не искалъ* этой „сущности“, а искалъ только „формы“ и только ее и понималъ, только ею и пользовался.

Русское военно-морское сословіе, основавъ свои традиціи на Крымской кампаніи, обходится безъ критическаго разбора этой кампаніи.

И вотъ прошло больше полустолѣтія послѣ эпохи Корнилова и Нахимова. И такъ мало искали этой „сущности“ и до настоящаго времени, что до сихъ поръ мы не имѣемъ критическаго разбора дѣйствій на морѣ въ Крымскую войну, и всѣ описанія наполнены непрерывной похвальбой и патріотическими выкликами, за которыми стушевываются причины, приведшія насъ тогда къ разгрому—невѣжество и, распустившаяся пышнымъ цвѣтомъ на этой почвѣ, рутина.

Всѣ существующія описанія, по своему духу сходственны съ надписями подъ народными „лубочными“ картинками, которыми потѣшаютъ народъ на базарахъ раешники, но вѣдь онѣ и разсчитаны на извѣстную среду и на извѣстное время *). Чтобы не быть голословнымъ приведу надпись подъ лубочной картинкой, изображающей Синопскій бой **).

Лубочное описаніе Синопскаго боя какъ характеристика существующаго о немъ представленія.

„Какъ въ Азіи было, не въ Европѣ, при городѣ при Синопѣ, что стоитъ на Черномъ морѣ, отвѣдали турки лютова горя, и досель не образумятся. Мусульмане все ходятъ словно въ туманѣ“.

„Дѣло было этакъ далеко за ночь, какъ нашъ родной Павелъ Степанычъ, *задумалъ по морю поплавать,* паруса у корабликовъ порасправить и посмотрѣть

*) Въ особой запискѣ въ Государственный Совѣтъ въ 1851 г. (№ 5) графъ Блудовъ указываетъ на необходимость правительству пользоваться этими картинками „для внушенія мужества къ защитѣ отечества“.

**) Русскій Инвалидъ за 1903 г. № 256. Курсивы мои.

хозяину не мѣшаетъ, все-ли на морѣ въ порядкѣ пребываетъ, не мутятъ-ли его воды вражьи корабли и пароходы".

„Вотъ видитъ онъ вдали въ туманѣ, что по морю гуляютъ мусульмане, въ облакахъ гуляютъ ихъ вѣтрила, *а ихъ несмѣтная сила!* Иной-бы *изъ чужого флагу* далъ поскорѣе тягу, али навострилъ-бы лыжи, а онъ кричитъ—подходи ближе! Добро пожаловать непрошенные гости, быть вамъ сего дня на погостѣ. Впередъ вы у меня безъ спросу не покажете въ морѣ носу. Васъ сила велика, *а у насъ вѣра крѣпка.* У васъ кораблей супротивъ нашего *втрое,* а мы согнемъ васъ вчетверо! Мы силѣ вашей дивуемся, а все на васъ вблизи полюбуемся, ужъ назадъ не отступимъ и васъ на обѣ корки отлупимъ".

„Стой! *равняйся,* на якорѣ укрѣпляйся! Турецкіе канониры палятъ въ пушки и мортиры, только изъ за дыма все палили мимо, море волнуется, турки бѣснуются. *Наши все крѣпились, да молчали,* да вдругъ *разомъ* отвѣчали. Какъ грохнули съ Константина, *погибла половина,* а какъ начали палить остальные, стали турки словно шальные. Со страху взмолились Аллаху, звать его стали съ того свѣта, а Магометъ ихъ самъ зоветъ на тотъ свѣтъ".

„Важно гостей угощали, всѣ кораблики у нихъ взорвали! Одни полетѣли въ облака за птицами, другіе на дно морское за рыбами, третьи разбѣжались въ дремучій лѣсъ звѣрьми, и отъ всего турецкаго флота остались сита да рѣшота. А самъ ихъ адмиралъ Османъ паша лежитъ едва дыша; наши-же его пріютили, да съ собой захватили".

„Турокъ отщелкали, отхлопали и пошли домой къ Севастополю. Кораблики натѣшились, начальники орденами обвѣшались, матросамъ милости, подарки, вина пѣннаго по чаркѣ, да еще денежное Царское жалованье! Чарка намъ не диво, пивали вино и пиво, а любо Царское угощеніе и рубль не дорогъ, добудемъ ихъ цѣлый ворохъ, намъ дорого Царское пожалованье".

Цѣль такихъ картинокъ съ такими надписями—создать изъ извѣстныхъ событій культъ для народа,

а изъ извѣстныхъ лицъ народныхъ героевъ, или если такія картинки *сами собой* появились въ народѣ, то они показываютъ, что извѣстныя событія и лица самъ народъ выдѣлилъ, какъ наиболѣе имъ почитаемыя.

И противъ этого—для „народа", возразить нельзя ничего. Но возведеніе въ культъ такихъ событій какъ Крымская кампанія въ *военномъ* сословіи, да еще въ высшей его части—въ средѣ его руководителей—это чревато опасностями.

Нельзя безнаказанно возводить въ культъ свои пораженія.

Нельзя безнаказанно для военнаго сословія возвеличивать свои пораженія, и въ извѣстной степени возвеличеніе Севастополя привело къ Портъ-Артуру, а возвеличеніе Синопа—къ Цусимѣ, какъ возвеличеніе отечественной войны 1812 года привело къ „отступленію" и „терпѣнію" въ Манчжурскую кампанію. Надо отдать справедливость „героямъ", награждать ихъ и цѣнить ихъ заслуги, но нельзя возводить въ культъ эпоху, характерная черта которой—военная отсталость и военное невѣжество. Именно за такимъ культомъ *пропадаютъ тѣ причины, которыя привели къ пораженіямъ,* и тѣмъ самымъ затрудняется возможность яснаго сознанія и устраненія этихъ причинъ. А вѣдь въ этой возможности вся цѣнность изслѣдованія своихъ пораженій.

Мы изъ Корнилова и Нахимова создали не только „народныхъ героевъ", но и эмблему „военно-морскихъ традицій". И это слово „традиціи Корнилова и Нахимова" у всѣхъ на устахъ, а въ чемъ собственно заключаются эти „традиціи", мы не хотимъ себѣ отдать яснаго отчета, и въ этомъ случаѣ, какъ и въ остальныхъ вообще, мы относимся къ прошлому *безсознательно,* и часто поклоняемся случайнымъ *идоламъ,* а не *идеалу*, облеченному званіемъ божества.

Что такое традиціи.

Отсюда является безсознательность и въ томъ— что такое собственно традиціи. Это слово вѣдь надо понимать—какъ завѣты предковъ, вошедшіе въ плоть и кровь въ видѣ привычки доведенной до инстинктивности. Съ этими завѣтами какъ-бы рождаются, ихъ всасываютъ съ молокомъ матери—военными традиціями пропитываются, живя въ военной средѣ.

И такъ какъ обыкновенно военная среда относится безсознательно къ понятіямъ о традиціяхъ, т. е. не соединяетъ понятій, вложенныхъ въ слово „традиціи", съ явленіями породившими эти понятія—такая связь можетъ образоваться лишь посредствомъ критическаго изученія исторіи (см. стр. 346), то это понятіе и выражается въ видѣ *всѣхъ* доблестей, которыя считаются необходимыми для военнаго человѣка. а то-же самое неизученіе исторіи—награждаетъ этими *всѣми* доблестями какія нибудь, почему-то особо излюбленныя, имена.

Эта-же безсознательность часто дѣлаетъ списокъ *всѣхъ* этихъ доблестей далеко не полнымъ, и что именно помѣщается въ этомъ спискѣ и чего тамъ недостаетъ, можетъ служить извѣстной характеристикой военнаго сословія того или другого народа, той или другой эпохи.

Традиціи Корнилова и Нахимова.

Выше было приведено—какія „имства" долженъ имѣть адмиралъ по понятіямъ Кинсбергена (смотри стр. 388). Если-же разобрать, что собственно подразумѣвается подъ „традиціями", завѣщанными Корниловымъ и Нахимовымъ, то онѣ представляются въ видѣ беззавѣтной храбрости и пренебреженія къ смерти, въ видѣ боя до послѣдней капли крови и смерти съ патріотическимъ воззваніемъ на устахъ, наконецъ—въ видѣ всеобнимающей любви къ родинѣ и высоко развитого чувства долга.

Вотъ что пишутъ мнѣ въ коллективномъ письмѣ два черноморскихъ офицера въ отвѣтъ на вышеприведенныя мои мысли о Корниловѣ и Нахимовѣ, притомъ офицеры вполнѣ искренніе, вдумчивые и хорошо образованные. „Для насъ Нахимовъ дорогъ не какъ стратегъ, а какъ человѣкъ, сынъ родины. Мы не связываемъ съ нимъ науки, не создаемъ изъ него примѣра стратегическаго или тактическаго таланта—онъ дорогъ намъ какъ человѣкъ великаго духа, та именно „вѣха", которая показала, что можно сдѣлать духомъ живымъ и любовью къ младшему брату".

„Не „Синопъ" запечатлѣлъ намъ его въ сердцѣ, а его великая любовь и мощь духа, его нравствен-

ное величіе. Когда мы вошли въ семью черноморскихъ моряковъ, тамъ многое жило и оживлялось духомъ и именами ихъ (Корнилова и Нахимова). И это не былъ миражъ, увѣряю васъ. Пусть Нахимовъ былъ духъ безъ науки, но что такое наука безъ духа".

Это горячія и искреннія слова, и глубоко вѣрныя—все, что въ нихъ выражено, чрезвычайно важно.

Но когда возникаетъ вопросъ—*все*-ли здѣсь что нужно, достаточно-ли этого, можно-ли *такъ* формулировать „традиціи" русскаго флота, тотъ завѣтъ предковъ, который настоящее поколѣніе должно почерпнуть изъ прошлаго, то отвѣтъ получится отрицательный.

Почему забыты традиціи Ушакова и Сенявина.

И опять востаютъ тѣни забытыхъ Ушакова и Сенявина. И они горѣли любовью къ родинѣ, и они обладали и мощью духа и любовью къ младшему брату, но они кромѣ того обладали и свободнымъ здравымъ смысломъ и талантомъ руководительства—„наукой"—въ томъ смыслѣ, какъ употребляютъ это слово мои корреспонденты, и ихъ... забыли, и забыла и семья черноморскихъ моряковъ. Имъ чего-то не простили, хотя простили Корнилову и Нахимову то, что вся мощь и живость ихъ духа не подвинула ихъ на то, чтобы добиться, цѣною какихъ угодно личныхъ непріятностей и жертвъ, доведенія черноморскаго флота до уровня современныхъ боевыхъ требованій. И если они мирились съ этой опасной для горячо любимыхъ ими родины и флота отсталостью, то при наличіи мощи ихъ духа, выводъ одинъ—*они не понимали этой отсталости*. А если они понимали эту отсталость, мощь ихъ духа была одностороння, она не обнимала всего, что должно подразумѣваться подъ этимъ словомъ. (см. стр. 252).

И выходитъ, что Ушакову и Сенявину какъ-бы не простили... „науки", или вѣрнѣе не цѣнили ее, исключали ее изъ списка потребныхъ „имствъ". И такъ какъ смерть пощадила ихъ въ бою, и умерли они незамѣтно, да Сенявинъ проявилъ еще свою „мощь" духа—и огромную „мощь"—въ передачѣ своей эскадры англичанамъ, а эта сторона „мощи" куда менѣе понятна большинству, то ихъ и предали забвенію.

Существують-ли „національныя“ традиціи.

И почему собственно тѣ традиціи, которыя соединяются съ именами Корнилова и Нахимова—„морскія“. Онѣ столь-же и сухопутныя, а отсюда одинъ шагъ до вывода, да на самомъ дѣлѣ это такъ и понимается, что это традиціи—„національныя“—русскія.

Но вѣдь это жестокое заблужденіе.

Это все столь-же и французское и англійское и датское и японское и чье угодно!

Всякій народъ, пока онъ не началъ разлагаться, ставитъ на пьедесталъ такія традиціи—это самообольщеніе думать, что именно *въ этомъ* мы можемъ быть выше другихъ!

Это не вѣра, это *суевѣріе*, пригодное и понятное для массы, но не для руководителей...!

Нѣтъ, у нихъ должна быть *настоящая* вѣра, подобная основанной на преклоненіи передъ ясно сознаваемымъ величіемъ ученія Христа, а не суевѣріе, питающееся представленіями о лизаніи грѣшниками раскаленныхъ сковородъ въ аду!

Что надо подразумѣвать подъ національными „морскими“ традиціями.

Англійскій морякъ можетъ сказать—наши „морскія традиціи“—это пониманіе сущности морской войны, постоянное превосходство въ морской стратегіи *), постоянное стремленіе къ наступленію, рѣшительность въ нападеніи—и наконецъ въ нашихъ рукахъ высшее искуство веденія морского боя—вотъ это намъ завѣщали наши адмиралы. А храбрость, любовь къ родинѣ—это не адмиралы наши насъ этому научили—этимъ мы обладаемъ потому, что мы англичане.

Наши традиціи—скажетъ японскій морской офицеръ—это *тщательное изученіе* противника, тщательная, до мелочей, подготовка къ войнѣ, лучшее и новѣйшее оружіе, изученіе всего новѣйшаго въ морской наукѣ, а храбрость, презрѣніе къ смерти, патріотизмъ—это воспиталъ въ насъ нашъ народъ—японцы не могутъ быть другими.

А что *мы* отвѣчаемъ имъ на это? Мы могли-бы противупоставить имъ Петра, Ушакова, Сенявина, но

*) См. мою книгу „Основы организаціи морской силы“, часть II, стр. 4—7.

только въ томъ случаѣ, если-бы мы восприняли отъ нихъ то, что ихъ выдвигало изъ массы, и развили-бы и укрѣпили въ себѣ это воспринятое.

Но въ томъ-то и дѣло, что мы ихъ не знаемъ съ этой стороны, и ничего изъ проявленнаго ими не ввели въ понятіе о „традиціяхъ", и мы говоримъ вмѣсто этого—мы храбры, мы патріоты, мы ляжемъ до послѣдняго*),—это завѣщали намъ Корниловъ и Нахимовъ, подвиги капитана Сакена, брига „Меркурій" и тендера „Опытъ", эти „традиціи" поддержали „Стерегущій", „Рюрикъ", „Суворовъ", „Александръ III", Бородино", „Ушаковъ", „Свѣтлана", „Димитрій Донской" и многіе другіе... Все это дѣйствительно полно огромнаго мужества, самоотверженія и патріотизма, но вѣдь все это имѣется у *всѣхъ*, и въ особенности у нашихъ наиболѣе вѣроятныхъ противниковъ—японцевъ и нѣмцевъ!

Всѣ перечисленные факты ясно показываютъ, что мы въ этомъ не уступаемъ другимъ, вотъ и все и не больше!

Но гдѣ у насъ то, въ чемъ одна военная сила *можетъ* отличаться отъ другой, то, что не отъ природы, не отъ народа содержащаго военную силу, а происходящее отъ самой военной силы—отъ ея внутренней работы—гдѣ работа, искусство, умѣнье, образцы которыхъ у насъ были, но мы ихъ отбросили, какъ пѣтухъ отбросилъ попавшееся ему жемчужное зерно?

Попробую пояснить мою мысль еще такъ.

„Вѣхи" и „жертвы" невѣжества.

Перечисленныя выше имена лицъ и кораблей, совершившихъ великіе подвиги, я назвалъ-бы—сколь это ни парадоксально съ перваго взгляда—*„вѣхами", отмѣчающими длинный путь неумѣнья, отсутствія искусства и небрежности.*

Нѣчто вродѣ того—какъ пестритъ Финскій заливъ камнями и банками съ названіями русскихъ кораблей, открывавшихъ ихъ своими боками, —часто цѣной своей гибели. Повидимому созерцаніе такой карты Финскаго залива должно было-бы подвинуть къ изученію *дна,*

---

*) „Мы не боялись умирать и лишь просили указать намъ для того точное мѣсто". Куропаткинъ. „Итоги".

а не къ почитанію этихъ банокъ и камней, а на самомъ дѣлѣ изъ нашей исторіи—тоже пестрящей подобными крушеніями, въ реестръ нашего опыта какъ-бы заносятся только названія этихъ камней и мелей.

Что такое Корниловъ и Нахимовъ? Это образцы патріотизма, мужества и чувства долга, но не освѣщенныхъ искусствомъ, умѣньемъ, сознательнымъ стремленіемъ учиться у прошлаго! Да и самая гибель этихъ выдающихся людей, развѣ это не памятникъ, не „вѣха" на пути постоянныхъ нашихъ стратегическихъ заблужденій?

Запустивши и обезсиливши флотъ, *заставили* двухъ лучшихъ адмираловъ умереть на бастіонахъ въ чуждой имъ обстановкѣ. А не по той-ли же причинѣ погибла черезъ 50 лѣтъ Портъ-Артурская эскадра?

И такъ и все.

Капитана Сакена оставили въ одиночествѣ, не поддержали—новая „вѣха", въ видѣ героя, отмѣтившая ошибки въ руководительствѣ.

Бригъ „Меркурій"—тихоходъ, оказавшійся въ роли развѣдчика, далъ случай выставить новую „вѣху".

Тендеръ „Опытъ" былъ допущенъ попасться въ лапы фрегату—опять „вѣха"—новое геройство, вынужденное искупать неумѣнье.

Миноносцы, погибшіе около Портъ-Артура, изъ за отсутствія такой организаціи, которая позволяла-бы имъ не раздѣляться и легко отличать своихъ отъ чужихъ, дали цѣлый рядъ геройскихъ дѣлъ, но „безъ побѣды" и пополнили лишь списокъ жертвъ общей неподготовленности.

А за ними идетъ длинный рядъ „вѣхъ", заключаемый цѣлымъ лѣсомъ такихъ вѣхъ при Цусимѣ, и все выдающихся геройскихъ дѣлъ и все жертвъ застарѣлой неподготовленности, незнанія и безсознательныхъ пробѣловъ въ руководительствѣ.

И вотъ всѣ эти „вѣхи" наводятъ на выводъ— характерная черта наша, вошедшая и въ традиціи— *пренебреженіе къ той части военнаго искусства, которая заключаетъ въ себѣ умѣнье предвидѣнія, заблаговременной подготовки и руководительства.* Русскія „военныя" традиціи.

только въ томъ случаѣ, если-бы мы восприняли отъ нихъ то, что ихъ выдвигало изъ массы, и развили-бы и укрѣпили въ себѣ это воспринятое.

Но въ томъ-то и дѣло, что мы ихъ не знаемъ съ этой стороны, и ничего изъ проявленнаго ими не ввели въ понятіе о „традиціяхъ", и мы говоримъ вмѣсто этого—мы храбры, мы патріоты, мы ляжемъ до послѣдняго*),—это завѣщали намъ Корниловъ и Нахимовъ, подвиги капитана Сакена, брига „Меркурій" и тендера „Опытъ", эти „традиціи" поддержали „Стерегущій", „Рюрикъ", „Суворовъ", „Александръ III", Бородино", „Ушаковъ", „Свѣтлана", „Димитрій Донской" и многіе другіе... Все это дѣйствительно полно огромнаго мужества, самоотверженія и патріотизма, но вѣдь все это имѣется у *всѣхъ*, и въ особенности у нашихъ наиболѣе вѣроятныхъ противниковъ—японцевъ и нѣмцевъ!

Всѣ перечисленные факты ясно показываютъ, что мы въ этомъ не уступаемъ другимъ, вотъ и все и не больше!

Но гдѣ у насъ то, въ чемъ одна военная сила *можетъ* отличаться отъ другой, то, что не отъ природы, не отъ народа содержащаго военную силу, а происходящее отъ самой военной силы—отъ ея внутренней работы—гдѣ работа, искусство, умѣнье, образцы которыхъ у насъ были, но мы ихъ отбросили, какъ пѣтухъ отбросилъ попавшееся ему жемчужное зерно?

Попробую пояснить мою мысль еще такъ.

„Вѣхи" и „жертвы" невѣжества.

Перечисленныя выше имена лицъ и кораблей, совершившихъ великіе подвиги, я назвалъ-бы—сколь это ни парадоксально съ перваго взгляда—*„вѣхами", отмѣчающими длинный путь неумѣнья, отсутствія искусства и небрежности.*

Нѣчто вродѣ того—какъ пестритъ Финскій заливъ камнями и банками съ названіями русскихъ кораблей, открывавшихъ ихъ своими боками,—часто цѣной своей гибели. Повидимому созерцаніе такой карты Финскаго залива должно было-бы подвинуть къ изученію *дна*,

---

*) „Мы не боялись умирать и лишь просили указать намъ для того точное мѣсто". Куропаткинъ. „Итоги".

а не къ почитанію этихъ банокъ и камней, а на самомъ дѣлѣ изъ нашей исторіи—тоже пестрящей подобными крушеніями, въ реестръ нашего опыта какъ-бы заносятся только названія этихъ камней и мелей.

Что такое Корниловъ и Нахимовъ? Это образцы патріотизма, мужества и чувства долга, но не освѣщенныхъ искусствомъ, умѣньемъ, сознательнымъ стремленіемъ учиться у прошлаго! Да и самая гибель этихъ выдающихся людей, развѣ это не памятникъ, не „вѣха" на пути постоянныхъ нашихъ стратегическихъ заблужденій?

Запустивши и обезсиливши флотъ, *заставили* двухъ лучшихъ адмираловъ умереть на бастіонахъ въ чуждой имъ обстановкѣ. А не по той-ли же причинѣ погибла черезъ 50 лѣтъ Портъ-Артурская эскадра?

И такъ и все.

Капитана Сакена оставили въ одиночествѣ, не поддержали—новая „вѣха", въ видѣ героя, отмѣтившая ошибки въ руководительствѣ.

Бригъ „Меркурій"–тихоходъ, оказавшійся въ роли развѣдчика, далъ случай выставить новую „вѣху".

Тендеръ „Опытъ" былъ допущенъ попасться въ лапы фрегату—опять „вѣха"—новое геройство, вынужденное искупать неумѣнье.

Миноносцы, погибшіе около Портъ-Артура, изъ за отсутствія такой организаціи, которая позволяла-бы имъ не раздѣляться и легко отличать своихъ отъ чужихъ, дали цѣлый рядъ геройскихъ дѣлъ, но „безъ побѣды" и пополнили лишь списокъ жертвъ общей неподготовленности.

А за ними идетъ длинный рядъ „вѣхъ", заключаемый цѣлымъ лѣсомъ такихъ вѣхъ при Цусимѣ, и все выдающихся геройскихъ дѣлъ и все жертвъ застарѣлой неподготовленности, незнанія и безсознательныхъ пробѣловъ въ руководительствѣ.

Русскія „военныя" традиціи.

И вотъ всѣ эти „вѣхи" наводятъ на выводъ—характерная черта наша, вошедшая и въ традиціи—*пренебреженіе къ той части военнаго искусства, которая заключаетъ въ себѣ умѣнье предвидѣнія, заблаговременной подготовки и руководительства.*

Отнюдь не отсутствіе искусства въ обращеніи съ существующей техникой! Какъ это было и въ Крымскую кампанію, когда до тонкости хорошо управлялись съ парусами, такъ и въ послѣдней войнѣ—съ тѣми машинами, пушками и кораблями, которые имѣлись на лицо, управились превосходно, но *какіе* это были корабли, *какіе* снаряды и пушки, *какія* машины, *какое* руководительство всѣми комбинаціями этихъ средствъ!

Гдѣ было то военное умѣнье, результатъ не только таланта, но *уваженія къ знанію*)*, желанія и способности къ изученію, которое могло-бы скомбинировать имѣемыя средства такъ, чтобы извлечь изъ нихъ все, что они могли все таки дать?

Вотъ его-то не было, и нѣтъ. А когда оно и проявлялось, то быстро его забывали, изъ за нежеланія изучать, упорно работать не только физикой, не только вообще головой, а высшими тончайшими извилинами человѣческаго мозга.

Исторію надо изучать, чтобы бороться со своими недостатками.

И вотъ лѣность къ такой работѣ, это національная черта наша, и разъ мы ее можемъ отмѣтить посредствомъ изученія нашей исторіи, надо развить въ себѣ умѣнье и бороться съ нею—только для этого и стоитъ изучать исторію. Надо покончить съ открываніемъ камней своими боками, имѣть точныя карты и умѣть по нимъ плавать.

И эта національная черта проявляется отнюдь не только во флотѣ. Она у насъ во всемъ, но тѣмъ значитъ важнѣе съ ней бороться.

„Особенности“ русской сухопутной силы.

Генералъ Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ о минувшей войнѣ приводитъ чрезвычайно любопытныя данныя объ особенностяхъ русской военной силы, вытекающія изъ національнаго нашего характера. Вотъ что онъ говоритъ въ главѣ „Выводы изъ дѣятельности русской арміи въ 18-го и 19-го столѣтіяхъ“ **).

„Въ послѣднія войны, веденныя Россіей въ 1853—55 и 1877—78 годахъ, съ особой ясностью сказалось, что, съ усложнившейся обстановкой войны, нашъ

---

*) Владиміръ Соловьевъ говорилъ, что „русскимъ свойственно приниженіе *разумнаго* начала“.

**) „Итоги“. Стр. 64—70. Курсивы мои.

командный составъ во многихъ случаяхъ оказывался не на должной высотѣ. Младшіе офицеры, въ предѣлахъ своей дѣятельности, были *храбры*, распорядительны, но *недостаточно свѣдущи;* начальники частей, давая *иногда отрадныя исключенія*, не были достаточно подготовлены къ наилучшему использованію боевой способности ввѣренныхъ имъ частей. Но наиболѣе слабымъ оказался генеральскій составъ: бригадные, дивизіонные и корпусные командиры, За *исключеніемъ* нѣсколькихъ блестящихъ именъ, *большинство не было подготовлено* къ распоряженію въ бою войсками всѣхъ трехъ родовъ оружія; *не умѣли* установить связи между частями, входившими въ составъ ввѣренныхъ имъ силъ и *не умѣли* поддерживать связь по фронту съ сосѣдями. Чувство взаимной выручки не было сильно развито. *Бездѣйствіе* съ отговоркою „не получалъ приказанія", *когда били сосѣдей*, не было рѣдкимъ явленіемъ. Особенно *неумѣло* вели *наступной* бой".

„Въ общемъ тактическая подготовка войскъ нашихъ въ войны крымскую и турецкую 1877—78 г. г. была совершенно недостаточная. *Мы не умѣли съ малыми потерями достигать хорошихъ результатовъ.* При атакахъ мы ходили почти колоннами и несли тяжкія потери. Вспомогательными родами оружія: конницею, артиллеріей, саперами распоряжались *неумѣло* и часто *забывали* ими воспользоваться. Но у насъ *была и сильная сторона:* мы *не боялись умирать* и лишь просили указать намъ для того *точно* мѣсто".

„По опыту войнъ въ 18 и 19 столѣтіяхъ надлежало готовиться, для одержанія успѣха, къ сбору превосходныхъ силъ. *Безъ превосходства въ силахъ наши войска, особенно въ наступномъ бою, не могли побѣдить шведовъ, французовъ, а въ послѣднее время и турокъ*".

Тоже самое оказалось, по мнѣнію генерала Куропаткина и на большихъ маневрахъ подъ Курскомъ въ 1902 году *).

*) „Итоги". Стр, 207—209. Курсивы мои.

„Ближняя развѣдка не пополняла дальнюю. Ночью связь съ противникомъ большею частью утрачивалась, подъ предлогомъ необходимаго отдыха лошадямъ и людямъ. Десятки людей и лошадей жалѣли по ночамъ, и въ то-же время цѣлыя дивизіи и кавалерійскіе корпуса мотались днемъ въ направленіяхъ маловажныхъ и задавались цѣлями не всегда согласованными съ общею задачею маневра ...*сознательное* наступленіе намъ не часто удается... Въ особенности мы *не умѣли* вести наступленіе и атаку съ сильною подготовкою артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ“.

Развѣ все это не было похоже и на морскіе маневры! Люди все тѣ-же и въ арміи и во флотѣ.

„Понемногу мы прекращаемъ дѣлать разборы крупныхъ маневровъ войскъ“ продолжаетъ Куропаткинъ (во флотѣ ихъ не дѣлали почти совсѣмъ передъ войной). „Ошибки проходятъ незамѣченными и въ результатѣ—повторяются вновь. Въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ *встрѣчаются ошибки, имѣющія хроническій характеръ, и съ ними не ведется борьбы*“.

Все это оказалось на лицо и въ русско-японской войнѣ, и характерная черта всего этого—*неумѣніе, отсутствіе искуства, въ особенности въ области руководительства.*

Способность побѣждать.

Эта вялость, отсутствіе искуства въ руководительствѣ сказывается во всей нашей военной средѣ на протяженіи всей ея исторіи послѣднихъ вѣковъ. Нельзя пренебрегать никакими указаніями, чтобы выяснить себѣ причины этого явленія, сколь-бы ни казались онѣ на первый взглядъ парадоксальными.

И вотъ, раздумывая о причинахъ—почему наши военное и морское вѣдомства находятся въ какомъ-то оцѣпененіи, почему у нихъ не хватаетъ энергіи сдѣлать то, что совершенно ясно и необходимо для успѣшнаго веденія войны, отчего среди руководителей крупныхъ отраслей нашего военнаго дѣла—почти полное отсутствіе талантовъ, мнѣ поневолѣ приходятъ на умъ мысли одного англійскаго писателя—Фредерика Джена.

Онъ пишетъ исключительно о флотѣ, хотя онъ не морякъ и вообще не военный. Но это совсѣмъ не

значитъ, что мнѣніе его не имѣетъ вѣса. Мы уже видѣли, что Джонъ Клеркъ, мелкій чиновникъ, никогда ногой не ступавшій на палубу корабля, написалъ первое на англійскомъ языкѣ и притомъ превосходное сочиненіе по морской тактикѣ, въ которомъ совершенно ясно указалъ—отчего въ продолженіе 50 лѣтъ англійскій флотъ потерпѣлъ рядъ обидныхъ неудачъ, тогда какъ профессіональные моряки этихъ причинъ своихъ неудачъ не видѣли (см. стр. 335). А могъ онъ это сдѣлать потому, что, не принадлежа къ морскому сословію, не воспринялъ его предвзятыхъ взглядовъ, крѣпко скованныхъ рутиной и освященныхъ такъ называемыми традиціями, а могъ взглянуть на дѣло со стороны, просто съ точки зрѣнія здраваго смысла.

Про Джона Клерка всегда надо помнить тѣмъ господамъ военнымъ и морякамъ, и къ сожалѣнію, таковыхъ очень много, которые съ презрѣніемъ относятся къ сужденіямъ о военномъ дѣлѣ невоенныхъ людей.

А между тѣмъ еще безсмертный Кузьма Прутковъ изрекъ, что специалистъ подобенъ флюсу, ибо полнота его одностороння, и значитъ ему гораздо труднѣе судить о своемъ дѣлѣ, руководствуясь только здравымъ смысломъ. А со стороны это гораздо легче.

А потому не будемъ пренебрегать и мнѣніемъ г. Джена.

Послѣдняя его книга носитъ странное заглавіе— „Ереси въ ученіи о морской силѣ*)“. Ересями онъ называетъ собственное все, что професcіоналы называютъ военной наукой.

Онъ утверждаетъ, что на исходъ борьбы между различными государствами вліяли не тѣ средства борьбы, которыя оказались въ наличіи у противниковъ, а главнымъ образомъ наличіе у нихъ качества, трудно поддающагося точной формулировкѣ, но вмѣстѣ тѣмъ и яснаго по своему важному значенію. Это качество онъ называетъ „способностью побѣждать“ *(fittness to win)*.

Исходя изъ этого положенія, авторъ утверждаетъ, что, напр., обладаніе могущественной морской силой

*) Книга эта вышла въ русскомъ переводѣ въ 1907 году.

нисколько не обезпечиваетъ отъ пораженія, если противникъ, даже совершенный новичекъ въ морскомъ дѣлѣ, обладаетъ преимуществомъ въ „способности побѣждать". Разъ имѣется у него эта способность, противникъ найдетъ способы, иногда совершенно неожиданные, парализовать самую могущественную морскую силу, но принадлежащую государству, утратившему „способность побѣждать". Никогда, по его мнѣнію, не бывало такъ, чтобы сторона, болѣе „способная побѣждать", спасовала передъ матеріальнымъ превосходствомъ или передъ лучшими средствами боя.

Мѣриломъ этой „способности побѣждать" Дженъ считаетъ степень стремленія въ народѣ къ истребленію своего противника, выражающуюся въ личной живой къ нему *ненависти*. Это качество, по его мнѣнію, для войны—самое цѣнное, Онъ напоминаетъ, что знаменитый англійскій адмиралъ Нельсонъ говорилъ, что хорошій англійскій офицеръ „долженъ ненавидѣть француза, какъ самого чорта". Это было грубо, но, говоря такъ, Нельсонъ только показывалъ свое глубокое пониманіе сущности дѣла. По мнѣнію Джена, воспоминаніе объ Іенѣ, которое такъ заботливо поддерживалось въ Германіи, принесло нѣмцамъ не менѣе пользы, чѣмъ диспозиціи великаго Мольтке; онъ могъ строить планы, но *ненависть* нѣмцевъ и жажда мести имѣли громадное значеніе для выполненія этихъ плановъ. Напр., Ганнибалъ съ самаго дѣтства былъ воспитанъ въ самой непримиримой ненависти къ римлянамъ, и сила этой ненависти дала ему возможность преодолѣвать самыя тяжелыя затрудненія и внушать своимъ легіонамъ то стремленіе къ истребленію непріятеля, которое главнымъ образомъ и воодушевляло ихъ.

Знаніе, по мнѣнію Джена, еще не есть способность побѣждать, но духъ любознательности, стремленіе къ знанію указываетъ на присутствіе этой способности. Это указываетъ на *горячее желаніе истребить* своего врага.

Эта способность, говоритъ онъ, обращаетъ въ пустые звуки всѣ ученія относительно стратегіи и тактики. Въ основѣ всякой стратегіи лежитъ простая первобытная

истина—что одерживаетъ верхъ наиболѣе приспособленный, что во всѣ времена люди побѣждали благодаря тому же, что помогало одерживать побѣду доисторическому человѣку, и что все остальное, стратегія и тактика, являются только случайными обстоятельствами на ряду съ этимъ основнымъ факторомъ. Главное значеніе на войнѣ имѣютъ не начальники и не солдаты, а та нація, изъ которой они вышли.

Великими людьми, по мнѣнію Джена, въ исторіи были не тѣ, кто умѣли составлять блестящіе стратегическіе планы, но тѣ, кому было дано осуществить эти планы на дѣлѣ, благодаря тому, что они съумѣли заразить массы общимъ горячимъ стремленіемъ истребить непріятеля.

Обладаніе этимъ желаніемъ въ полной мѣрѣ заставляетъ примѣнять осторожность тамъ, гдѣ нужна осторожность, быстроту—гдѣ нужна быстрота, хитрость—гдѣ необходима хитрость. Все зависитъ именно отъ полноты желанія. Именно это и составляетъ секретъ побѣды во всемъ мірѣ природы. Это оправдывалось какъ на броненосцахъ и миноносцахъ въ Японскомъ морѣ, такъ и на триремахъ въ Эгейскомъ архипелагѣ. Сила этого фактора теперь та же, что и тогда. Она не могла ни уменьшиться, ни увеличиться, ибо этотъ факторъ лежитъ въ основаніи всякой борьбы на земномъ шарѣ.

Присуща-ли русскому народу „способность побѣждать?

А если это такъ, то любопытно разобраться въ вопросѣ—въ какой мѣрѣ русскій народъ обладаетъ этой способностью побѣждать? Попробуемъ это сдѣлать.

„Способность побѣждать“, по мнѣнію автора, пустившаго въ ходъ это выраженіе, является слѣдствіемъ живой личной *ненависти* къ врагу. Съ наибольшей силой это качество проявляется въ томъ случаѣ, если ненавистью пропитанъ весь народъ, но хорошо, если ею воодушевляется хотя бы только военное сословіе.

И мнѣ думается—нѣтъ у насъ этой ненависти, а потому и нѣтъ у насъ настоящей способности побѣждать.

Нѣтъ у насъ потому и хорошо налаженной военной силы, ибо нѣтъ къ созданію таковой достаточнаго

импульса въ народѣ. Мы можемъ, если не хорошо, то, во всякомъ случаѣ, съ огромнымъ упорствомъ обороняться, но наступать мы не умѣемъ. Мы вообще не воинственны, и ужъ ни въ коемъ случаѣ мы не завоеватели.

Русскій народъ не умѣетъ „ненавидѣть".

Едва-ли мы умѣли ненавидѣть даже татаръ во время татарскаго ига, а ужъ о ненависти къ другимъ народамъ, не знаю — можно ли и говорить? Развѣ мы ненавидѣли французовъ и англичанъ послѣ войны 1854 г., несмотря на унизительныя для насъ условія мира? Развѣ Берлинскій трактатъ, лишившій насъ плодовъ нашихъ побѣдъ, заставилъ насъ ненавидѣть нѣмцевъ и ожидать только удобнаго случая, чтобы отомстить? Вѣдь нѣтъ. А вотъ японцы, когда мы помѣшали имъ утвердиться на материкѣ послѣ ихъ войны съ Китаемъ, хотя мы ихъ и вознаградили Формозой, возненавидѣли насъ за это жестоко. Десять лѣтъ вся нація воспитывалась въ непримиримой ненависти къ Россіи и воспользовалась первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы жестоко намъ отомстить. Да едва-ли и теперь Японія считаетъ свою месть законченной.

А ненавидимъ-ли мы Японію за то, что она отобрала у насъ половину Сахалина, отбросила насъ отъ свободнаго океана, сдѣлалась хозяйкой въ нашихъ рыбныхъ промыслахъ, унизила насъ передъ всѣмъ міромъ? Мечтаемъ-ли мы о реваншѣ? Вѣдь нѣтъ, и совсѣмъ не только изъ-за нашей неготовности къ войнѣ, а изъ-за чего-то другого, что таится въ душѣ нашего народа.

А вотъ французы лелѣютъ мечту о реваншѣ до сихъ поръ. Мы, напр., черезъ 3 года послѣ Портсмутскаго договора радушно принимали у себя принцевъ японскаго императорскаго дома и знакомили ихъ съ нашими военными учрежденіями. Недавно (конецъ Марта 1910 года) вновь посѣтилъ Петербургъ принцъ Фушима, племянникъ Микадо, морякъ, участвовавшій въ Цусимскомъ бою. Онъ побывалъ и въ Кронштадтѣ и пріемъ былъ ему вездѣ оказанъ самый дружественный. И если бы вздумалъ насъ посѣтить самъ Микадо, мы его приняли-бы радушно. А вотъ попробуй-ка пріѣхать во Францію императоръ Вильгельмъ! И хоть

это завѣтная его мечта—онъ понимаетъ, что это совершенно невозможно. *Insitut de France* только что (Февраль 1910 г.) отклонилъ приглашеніе Берлинскаго университета на празднества по случаю его столѣтняго юбилея. А вѣдь французы были побѣждены германцами 39 лѣтъ тому назадъ*).

Вопросъ объ особой психикѣ русскаго народа, совершенно противоположной психикѣ остальной Европы, очень занималъ Достоевскаго. Съ него онъ начинаетъ свою первую публицистическую статью (Январь 1861 г. въ журналѣ „Время“), постоянно возвращается къ нему въ своемъ „Дневникѣ писателя“, и имъ-же и кончаетъ въ знаменитой своей Пушкинской рѣчи, которую можно назвать предсмертнымъ его словомъ.

„Душа“ русскаго народа по Достоевскому.

„Нищая земля наша“, говоритъ онъ, „можетъ быть, въ концѣ концовъ скажетъ новое слово міру... Я и не пытаюсь равнять русскій народъ съ народами западными, въ сферахъ ихъ экономической славы, или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что геній народа русскаго можетъ быть наиболѣе способны, изъ всѣхъ народовъ, вмѣстить въ себѣ идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, снимающаго противорѣчія... русскій народъ заключаетъ въ себѣ способность *не ненавидѣть* чужіе народы за то, что они не похожи на насъ... Выгода Россіи именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь-бы не нарушить справедливости... мы сознали всемірное назначеніе наше, личность и роль нашу въ человѣчествѣ, и не могли не сознать, что назначеніе и роль эта не похожи на таковыя же у другихъ народовъ, ибо тамъ каждая народная личность живетъ единственно для себя и въ себѣ, а мы начнемъ теперь, когда пришло время,

*) Только теперь французское общество начинаетъ „терпѣть“ нѣмцевъ. Объ этомъ съ сокрушеніемъ говоритъ историкъ Валишевскій (Нов. Вр. 3 Апрѣля 1910 г.) „Они проникаютъ даже въ нѣкоторыя гостиныя. Ихъ видишь и слышишь. Говоря на своемъ языкѣ, они уже не понижаютъ голоса, какъ раньше. Уже десять лѣтъ у нихъ существуетъ здѣсь свой журналъ „*Pariser Zeitung*“, но только нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, они рѣшились расклеивать проспекты по стѣнамъ. Придетъ и остальное“.

именно съ того, что станемъ всѣмъ слугами, для всеобщаго примиренія. И это все не позорно, напротивъ, въ этомъ величіе наше, потому-что все это ведетъ къ окончательному единенію человѣчества. Вотъ какъ я понимаю русское предназначеніе *въ его идеалѣ* *)“.

И если дѣйствительно правъ Достоевскій, а внутреннее чувство говоритъ, что онъ правъ—можетъ-ли у насъ проявиться *естественная* энергія къ возрожденію нашей военной силы, къ созданію воздушнаго флота, къ выступленію на арену всемірной торговли, къ добыванію рынковъ, къ захвату свободныхъ земель для избытка населенія **)?

И думается, естественнымъ путемъ, сама собой, какъ потребность—эта энергія не можетъ вылиться изъ народной русской души, ей чужда „способность побѣждать“, черпающая свою силу въ ненависти. Эту энергію, эту „способность побѣждать“ приходится къ русскому народу прививать искусственно, какъ подражаніе другимъ, какъ результатъ сознанія умомъ, что нельзя иначе, что по неволѣ надо пытаться дѣлать то же, что и другіе—а то въ кабалу къ нимъ попадешь. Но они дѣлаютъ это охотно, а мы какъ-бы только изъ-подъ палки. Наша народная душа другого жаждетъ.

„Душа“ западныхъ народовъ.

Совсѣмъ не то у другихъ европейскихъ народовъ. Какъ мѣтко выразился тотъ-же Достоевскій: „англичанинъ до сихъ поръ еще не состояніи допустить

---

*) „Истина не можетъ быть національной, истина универсальна, но разныя національности могутъ быть призваны къ раскрытію отдѣльныхъ сторонъ истины. Свойства русскаго національнаго духа указуютъ на то, что мы призваны творить въ области религіозной философіи.. Русская философія таитъ въ себѣ религіозный интересъ и примиряетъ знаніе и вѣру“. Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи. 5 изданіе 1910 г. стр. 18 и 19.

**) Англія напр. была явно не права въ своемъ спорѣ съ Бурами. Но она вела и закончила эту войну, какъ „національную“, и энергія британскаго народа не ослабѣвала, не смотря на цѣлый рядъ неудачъ въ началѣ войны. Мы тоже были неправы въ нашемъ спорѣ съ Японіей. Но когда началась война, русскій народъ *не могъ* положить свою душу въ неправое дѣло. Война эта не могла обратиться у насъ въ „національную“, и въ этомъ и лежитъ главная причина нашего пораженія. „Національной“ у насъ могла стать только такая война какъ турецкая 1878—78 г., которая, что-бы объ этомъ не говорили „трезвые“ политики, имѣла подъ собой „идеальную“, „общечеловѣческую“ почву. Стоитъ только прочитать пламенныя статьи по этому поводу Достоевскаго, чтобы убѣдиться—какое вліяніе имѣла эта „почва“ на русскій народъ, и главнымъ образомъ на толщу народа, на его низы.

разумности существованія француза; французъ платитъ ему совершенно тою-же монетою, даже съ процентами, несмотря ни на какіе союзы, *ententes cordiales* и проч. и проч.“. И дальше онъ говоритъ: „Они перестаютъ понимать другъ друга; они раздѣльно смотрятъ на жизнь, раздѣльно вѣруютъ и поставляютъ это себѣ за величайшую честь. Они все упорнѣе и упорнѣе отдѣляются другъ отъ друга своими правилами, нравственностью, взглядомъ на весь Божій міръ. И тотъ и другой во всемъ мірѣ замѣчаютъ только самихъ себя, а всѣхъ другихъ—какъ личное себѣ препятствіе, и каждый отдѣльно у себя хочетъ совершить то, что могутъ совершить только всѣ народы, всѣ вмѣстѣ, общими соединенными силами. Что-же? Неужели это только остатки старинныхъ соперничествъ? Неужели цивилизація такъ безсильна, что не могла одолѣть до сихъ поръ эти ненависти. Не искать-ли ихъ скорѣе въ самой почвѣ, а не въ случайностяхъ, въ крови, въ цѣломъ духѣ обоихъ народовъ? Большею частью таковы и всѣ европейцы. Идея общечеловѣчности все болѣе и болѣе стирается между ними. Даже наука не въ силахъ соединить все болѣе и болѣе расходящихся. Положимъ, они отчасти правы въ томъ отношеніи, что эти-то исключительности, это взаимное соперничество, эта-то замкнутость ото всѣхъ въ самихъ себя, эта гордая надежда на себя одного—и придаютъ каждому изъ нихъ такія исполинскія силы въ борьбѣ съ препятствіями на пути“.

Вотъ эти *исполинскія силы*, которыя Достоевскій подмѣтилъ у другихъ народовъ, Дженъ и называетъ „способностью побѣждать“. И вотъ ихъ-то у насъ и нѣтъ, и понятно отчего ихъ нѣтъ, и ничего зазорнаго нѣтъ въ томъ, что у насъ ихъ нѣтъ*).

*) Эта разница въ душевномъ укладѣ нашемъ и европейскомъ проявляется рѣшительно во всемъ. Возьмемъ даже такую далекую область отъ нашей спеціальной, какъ оперное искусство. Вотъ напр. какъ объясняетъ г. Станиславскій въ своей книгѣ „Вагнеръ въ Россіи“ (цитирую по рецензіи И. Иванова въ Новомъ Времени отъ 15 Февраля 1910 г.) причины неуспѣха большинства русскихъ оперъ въ западной Европѣ, хотя предубѣжденій и враждебности по отношенію къ нашей литературѣ и искусствѣ теперь тамъ не существуетъ. По его мнѣнію, наше искусство именно

„Душа“ японскаго народа.

Чтобы уже совсѣмъ ясно это понять, обратимся къ недавнимъ нашимъ противникамъ-японцамъ и посмотримъ,—какъ создалась у нихъ „способность побѣждать“. И стоитъ-ли намъ имъ завидовать?

Посмотримъ.

Минувшая война показала, что японцы въ высшей мѣрѣ обладали способностью побѣждать. Съ неутомимой энергіей и упорствомъ они создавали армію и флотъ и при этомъ не было забыто ничего, могущее способствовать успѣху на войнѣ. Предвидѣлась война зимой, въ обстановкѣ непривычной для жителей японскихъ острововъ, а потому дѣлались обширные опыты передвиженія войскъ на сѣверѣ Японіи, гдѣ бываютъ морозы, и опыты эти стоили не мало человѣческихъ жизней, но своего японцы добились. Ихъ войска оказались обмундированными сообразно климату и страдали отъ холодовъ меньше, чѣмъ наши сибиряки. Оружіе, порохъ, мины, корабли—все оказалось у нихъ новѣйшаго типа и лучшаго образца. Знаніе противника было удивительное. Несмотря на признававшуюся всѣми огромную мощь Россіи, они начали войну съ полною увѣренностью въ побѣдѣ и дѣйствительно

въ той мѣрѣ не можетъ завоевать себѣ сочувствія, на сколько оно опирается на міросозерцаніе чуждое западному европейцу.

„*Пассивный* героизмъ“ говоритъ онъ, „доведенный до *непротивленія злу*, наслажденіе собственной безпомощностью и житейскимъ горемъ, нытье и жалобы скопомъ на злосчастную „долюшку“, *смиреніе* передъ проявленіемъ безчеловѣчной тираніи,—все это остается для нѣмца, француза, англичанина, итальянца явленіями непонятными. Европейцы видятъ въ этомъ недостатки, а отнюдь не добродѣтель. Проявлять-же явные недочеты народной психики находятъ на западѣ задачей не подходящей для искусства. По ихъ представленію въ нашей національной оперѣ „Жизнь за Царя“ нѣтъ дѣятельнаго *общаго* героизма, всего населенія села Домнина, замѣненнаго *одиночнымъ* „пассивнымъ“ героизмомъ Сусанина. Вотъ почему европейцамъ понятнѣе „Борисъ Годуновъ“, типъ совершенно не русскій, а „Игоря“ пришлось для успѣха въ Парижѣ превратить въ балетъ съ пѣніемъ. Также и „Русланъ“ не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ внѣ Россіи. „Здѣсь разница міросозерцанія обѣихъ половинъ Европы проявляется еще глубже. Сказку въ ея чистой формѣ западная Европа давно пережила. Она терпитъ ее только при присутствіи въ ней символизма,—Метерлинкъ,—или героизма—„Кольцо Нибелунговъ“ Вагнера. *Серьезное*-же отношеніе къ сказкѣ она не допускаетъ“. Міросозерцаніе „Купца Калашникова“ совершенно невозможно для Европы и это приложимо къ большому числу русскихъ оперъ, напр. къ „Псковитянкѣ“, „Граду Китежу“, „Опричнику“ и др. А вотъ русскіе *примиряютъ* въ себѣ всѣ направленія. Они одинаково *могутъ понимать* и западное искусство и свое. Исключительности, отчужденности у нихъ нѣтъ.

побѣдили. А эта увѣренность явилась плодомъ тщательнаго изученія противника во всѣхъ отношеніяхъ посредствомъ цѣлой арміи шпіоновъ.

Спрашивается: гдѣ-же тотъ импульсъ, который далъ возможность японцамъ сдѣлать все это такъ хорошо и въ короткое время?

И вотъ, оказывается, этимъ импульсомъ явилась ненависть къ намъ, ненависть, пропитавшая весь народъ, ненависть тщательно воспитываемая, именно та ненависть, которую Дженъ считаетъ главнымъ условіемъ для наличія „способности побѣждать". Интересныя данныя по этому поводу сообщаетъ г. Азбелевъ въ своихъ статьяхъ „Къ характеристикѣ японскаго воина", помѣщенныхъ въ „Морскомъ сборникѣ". (NN1-4 за 1939 г.)

Японія пріобщилась къ европейской культурѣ въ смыслѣ введенія у себя всѣхъ европейскихъ техническихъ изобрѣтеній и обзаведенія европейскимъ оружіемъ, но моральный свой кодексъ она восприняла отъ своей феодальной эпохи. И какъ тогда, такъ и теперь, въ моральномъ кодексѣ японцевъ нѣтъ мѣста забвенію обидъ, и онъ требуетъ въ такихъ случаяхъ непремѣннаго отмщенія, для чего существуетъ и особый терминъ—„катакауци". Разница только въ томъ, что прежде требовалось отмщеніе за оскорбленіе своему господину, а теперь—за оскорбленіе націи.

И вотъ въ 1891 г. нѣкто Охара Такеоси—поручикъ японской милиціи—совершилъ „харакири" (вспоролъ себѣ саблей животъ) передъ могилами своихъ предковъ въ храмѣ Сентокудзи, въ Токіо. Изъ оставленной, согласно обычаю, запискѣ, которая объясняетъ мотивы его поступка, и которую онъ завѣщалъ опубликовать во всѣхъ газетахъ страны, онъ, между прочимъ, заявилъ: „Одиннадцать лѣтъ протестовалъ я противъ захватовъ русскими сѣверной части Японской имперіи (Сахалина), но всѣ мои усилія побудить правительство обратить на это должное вниманіе оставались тщетными. Теперь я рѣшился на харакири, надѣясь что смерть моя не будетъ безплодною"...

А вотъ что случилось въ 1896 году. Когда японское правительство уступило требованіямъ Франціи, Россіи и Германіи объ отказѣ отъ завоеваннаго Японіей у Китая Ляодунскаго полуострова (Портъ-Артуръ), 43 представителя военнаго сословія совершили надъ собой харакири, заявивъ предварительно, что они не въ силахъ вынести униженія своего отечества. Это событіе произвело огромное впечатлѣніе на все японское общество. Подвигъ жертвъ патріотическаго чувства воспѣвался въ народныхъ пѣсняхъ, которыя распространялись по всей странѣ, передаваясь народными разсказчиками изъ хижины въ хижину каждой деревни. Въ этихъ пѣсняхъ говорилось о томъ, что кровь героевъ требуетъ отъ народа возможно скораго „катакауци", т. е. отмщенія Россіи за обидное для Японіи вмѣшательство, и призываетъ всѣхъ, кто можетъ, готовиться къ мести съ такой же настойчивостью и изобрѣтательностью, какъ это дѣлали въ старину.

А вотъ какъ одушевляла войска японская военная пѣсня, сложенная не въ солдатской малокультурной, наивно и просто думающей средѣ, а написанная генералъ-лейтенантомъ японской арміи Фукусимой, знаменитая, такъ называемая, „Фукусима гунка".

Славная Японія, во всемъ мірѣ имѣющая
Флагъ съ восходящимъ солнцемъ,
И Императора наслѣдовавшаго потомственно безъ прекращенія династіи престолъ.
Японскихъ подданныхъ теперь около 50 милліоновъ.
Государство зиждется на милосердіи и доблести
Народа, отличающагося преданностью родинѣ и храбростью.
Непріятельская страна основана на совершенно противуположныхъ принципахъ, что знаетъ всякій.
Тамъ постоянно обманываютъ и лгутъ,
Отнимаютъ владѣнія чужого слабаго государства, жгутъ дома мирныхъ жителей;
Убиваютъ невинныхъ людей, насилуютъ женщинъ, разбиваютъ головы плачущихъ грудныхъ младенцевъ. О варвары!

Богъ и человѣкъ не простятъ славянъ.
Хотя и велико ихъ государство, но это дикая степь.
Народонаселеніе многочисленно, но разноплеменно.
Народонаселеніе 150 милліоновъ, но оно, состоитъ изъ 60 разныхъ племенъ.
При сраженіи на поляхъ Печили эти трусы боялись выступить впередъ,
И даже грозные казаки, извѣстные въ исторіи.
Все великое у нихъ отошло въ прошлое, кануло въ Лету.
Какъ снѣгъ и ледъ таютъ при восходящемъ солнцѣ,
Такъ пусть и русскіе воины исчезнутъ.
Наши храбрецы встаньте, подымайтесь, будьте бодрыми,
Настала весна и даже лошади становятся бодрѣе.
Враги погибнутъ отъ нашей доблести.
Эта война—война народа.
Владѣйте Портъ-Артуромъ и гор. Харбиномъ,
И на самой вершинѣ Урала поставьте знамя восходящаго солнца,
А славянъ старинной столицы Москвы прогоните въ ихъ лѣса.
Власть нашего Государя распространится широко во всемъ мірѣ,
И будутъ тогда всѣ наслаждаться ея миромъ.

Какая „ненависть" къ врагу разлита въ этой пѣснѣ!

А мы этому противупоставили юмористически добродушное и презрительно невѣжественное названіе „макаки", но справедливость заставила насъ признать, что если наши противники—„макаки", то мы-то сами—„кое-каки".

Если даже для интеллигентной части японскаго общества и было достаточно пониманія своевременности войны съ Россіей по экономическимъ и политическимъ соображеніямъ, то настроеніе въ пользу этой войны народныхъ массъ, одушевлявшее и войска,—въ значительной мѣрѣ объясняется исконными требованіями древняго моральнаго кодекса, взывавшаго къ *мести* оскорбителямъ отечества.

Этотъ кодексъ, въ свою очередь, естественно вытекъ изъ національной японской религіи „синто".

Сущность ея состоитъ въ поклоненіи силамъ природы и культѣ предковъ, родоначальниками которыхъ считаются боги. Эта религія учитъ: благоговѣйной любви къ родинѣ, „такъ какъ Японія, *и только она одна* изъ всѣхъ странъ, служила жилищемъ боговъ и передана богиней-солнцемъ въ наслѣдіе ея потомковъ“; благоговѣйной любви къ императору, „такъ какъ онъ, *и только онъ одинъ* изъ всѣхъ земныхъ правителей, имѣетъ божественное происхожденіе, чѣмъ и объясняется фактъ, что съ того времени, какъ впервые проявились небо и земля (изъ хаоса), наслѣдованіе трона сохраняется неизмѣннымъ въ одномъ и томъ же родѣ“.

Въ этомъ ученіи и вѣрѣ народа въ истинность его и заключается источникъ пониманія государственной жизни Японіи и ея международныхъ отношеній. Японцы, естественно, считали иностранные народы внѣ божественнаго промысла, *отбросами* человѣчества, присутствіе которыхъ въ божественной странѣ было въ большей или меньшей степени оскверненіемъ ея, и потому могло быть терпимо только какъ неизбѣжное зло.

Даже изъ столь краткаго очерка души японскаго народа явствуетъ, что русскій народъ, и по своей сущности и по своимъ идеаламъ, совершенно противоположенъ японцамъ.

И пусть японское міросозерцаніе въ высшей мѣрѣ способствуетъ созданію и проявленію „способности побѣждать“. Мы все-таки имъ завидовать не можемъ, и скорѣе помиримся съ отсутствіемъ таковой способности, чѣмъ откажемся отъ своего міросозерцанія.

Выводы изъ познанія „души“ русскаго народа для организаціи русской военной силы.

И съ этимъ фактомъ необходимо считаться у насъ лицамъ и учрежденіямъ, прикосновеннымъ къ созданію и поддержанію нашей военной силы.

Мы не воинственны—это фактъ.

И разъ, мы не воинственны, то въ русскомъ народѣ нѣтъ столь благопріятной почвы какъ у другихъ для развитія „способности побѣждать“. И не только побѣждать непріятеля, а побѣждать и природу и конкурента въ торговлѣ. Мы добродушно относимся и къ

природѣ, и къ конкуренту. Идеалъ нашей расы, по Достоевскому,—все примирить, все сдѣлать по справедливости—по-Божьи.

И вотъ мнѣ кажется, что эти національныя наши качества—именно качества, а не недостатки—упускаются совершенно изъ вида при организаціи у насъ той или иной государственной отрасли—въ частности нашихъ вооруженныхъ силъ*).

Въ народѣ нѣтъ охоты къ военной службѣ, нѣтъ охоты къ изученію военнаго дѣла, нѣтъ охоты къ военнымъ изобрѣтеніямъ.

Русскій считаетъ военную службу тяжелой повинностью, тогда какъ японецъ, по свидѣтельству г. Азбелева, вынувшій жребій, радуется этому и этимъ гордится, этимъ гордится его семья, а не попавшій на службу ему завидуетъ.

Напримѣръ, флотъ тамъ почти исключительно комплектуется волонтерами, и, чтобы попасть въ волонтеры, надо выдержать еще экзаменъ. Г. Дмитріевъ, лейтенантъ съ геройски погибшаго „Ушакова", въ своихъ запискахъ о пребываніи въ плѣну у японцевъ (журналъ „Море" 1908 г., № 2), говоритъ, что тамъ обучаются фехтованію и выступаютъ на публичныхъ состязаніяхъ и мальчики, и 70-лѣтніе старцы, и дѣвочки-подростки и даже совсѣмъ пожилыя женщины. Японцы дѣйствительно воинственны и умѣютъ *ненавидѣть* своихъ враговъ. Тотъ же г. Дмитріевъ, вернувшись съ оффиціальнаго обѣда, даннаго послѣ заключенія мира въ японскомъ офицерскомъ собраніи нашимъ плѣннымъ офицерамъ, и провѣривши свои впечатлѣнія, пришелъ къ выводу, что они преисполнены затаенной непримиримой ненависти ко всему русскому.

И вотъ, считаясь съ міросозерцаніемъ нашего народа, мы не можемъ дѣлать какъ другіе. Тамъ еще простительно пренебрегать изобрѣтателями по военной техникѣ, потому что у нихъ достанетъ энергіи

*) „Милитаризмъ никогда не былъ и не будетъ нашимъ идеаломъ" Проф. С. Котляревскій. Журналъ „Московскій Еженедѣльникъ" № 6 за 1910 г. стр. 20.

пробиться и они найдутъ поддержку въ частной промышленности, а мы должны дорожить такими людьми, беречь ихъ и обставить ихъ наилучшимъ образомъ—иначе они опустятъ руки. Тамъ можно надѣяться, что воздушный флотъ будетъ созданъ и преподнесенъ правительству аэро-клубами, хотя и то нѣмцы этого не дѣлаютъ, а у насъ нельзя—у насъ государство должно взять это дѣло въ свои руки и не жалѣть на него денегъ,—иначе оно будетъ прозябать, и мы отстанемъ и въ этой отрасли военнаго дѣла*). Другіе могуть вводить двухлѣтній срокъ военной службы, тамъ могутъ быть резервныя части флота, которыя не все время плаваютъ, а у насъ это опасно. Нашего военнаго и моряка надо все время учить, все время держать на чеку—иначе онъ сейчасъ же начнетъ распускаться. У насъ надо на вѣсъ золота цѣнить людей, имѣющихъ особую охоту, наклонность къ военному дѣлу, или хотя бы находящихъ въ немъ выгоду. Надо формировать изъ нихъ крѣпкіе кадры, чтобы они надежно вліяли на остальную инертную массу. Поэтому намъ нужно не меньше имѣть сверхсрочныхъ на службѣ, чѣмъ у другихъ, какъ это дѣлается теперь, а гораздо больше. У насъ больше, чѣмъ у другихъ, гибеленъ недостатокъ офицеровъ, мы не можемъ допускать, чтобы они бѣжали со службы,—они и такъ служатъ не охотно. Намъ во флотѣ нужнѣе, чѣмъ

---

*) Нѣмцы въ самое короткое время собрали на воздушный флотъ около 8 милліоновъ марокъ, въ Англіи газета „*Morning Post*" въ 15 дней собрала больше 80,000 руб. на то, чтобы подарить британской арміи военный управляемый аэростатъ, а открытый Императорскимъ *всероссійскимъ* аэроклубомъ сборъ пожертвованій на созданіе воздушнаго флота у насъ далъ за два мѣсяца... 27 руб. (газета Бирж. Вѣд. отъ 16 Іюля 1909 г.). Также вяло продолжаютъ поступать пожертвованія и теперь. Также равнодушно относится русское общество къ дѣятельности „Комитета по созданію воздушнаго флота въ Россіи на народныя пожертвованія", не смотря на всю энергію его предсѣдателя, и возможность дѣятельности этого комитета пока обусловливается только тѣмъ, что въ основаніе его денежнаго фонда положенъ остатокъ отъ денегъ пожертвованныхъ *во время войны* на созданіе флота. А относительно дѣятельности аэроклуба, находимъ въ Новомъ Времени отъ 12 Февраля 1910 года такое извѣстіе: „группой членовъ аэроклуба, главнымъ образомъ военныхъ, подано на дняхъ въ совѣтъ заявленіе о необходимости принять *какія нибудь* реальныя мѣры для осуществленія прямыхъ задачъ аэроклуба. До сихъ поръ клубъ почти ничего не сдѣлалъ для *изученія* воздухоплаванія, его развитія въ Россіи и т. д..."

другимъ, особый классъ долго служащихъ техниковъ по различнымъ отраслямъ морского дѣла—такъ называемыхъ кондукторовъ, а какъ разъ у насъ-то ихъ ужасно мало. Мы гораздо меньше, чѣмъ другіе, можемъ допускать на мѣста руководителей незнающихъ, лѣнивыхъ и недобросовѣстныхъ людей. Наша масса требуетъ слишкомъ много импульса сверху, и плохой военный и морской министръ гибельны у насъ для арміи и флота.

Отборъ руководителей у насъ долженъ производиться особенно тщательно: особенно тщательно должно у насъ быть военное обученіе, какъ теоретическое, такъ и, въ особенности, практическое. Мы особенно склонны къ теоріи, но и ее какъ-то признаемъ лишь въ отвлеченіи, и какъ будто не вѣримъ, что все это дѣйствительно можно приложить къ практикѣ, и на практикѣ дѣлаемъ какъ придется. А у насъ практика-то именно на второмъ планѣ. Японцамъ еще, пожалуй, это можно—они сами дойдутъ. Японскій писатель Инацо Нитобе говоритъ, что складъ ума японцевъ по преимуществу практическій. Самураи не цѣнили отвлеченныхъ знаній: они всецѣло проводили въ жизнь изреченіе китайскаго философа Ценъ-Янъ-Мина, согласно которому „знать и дѣйствовать—одно и то же“.

Другой—Окакура Іошисабуро замѣчаетъ, что „японцы, говоря вообще, не имѣютъ способности и склонности къ глубокимъ метафизическимъ размышленіямъ. Они не такого калибра, чтобы могли дать вамъ Канта или Шопенгауера, они всегда стремятся претворить идеалы въ практическія правила, а правила осуществить въ дѣйствія“.

И все-таки у японцевъ, напр., въ учебномъ планѣ *высшей земледѣльческой школы*, предмету „военное искусство“ отведено 2 часа въ недѣлю въ теченіи 4-хъ лѣтняго курса, и для практическаго обученія каждое лѣто на маневрахъ участвуетъ отрядъ, сформированный изъ учениковъ школы.

А мы, вѣдь, природные мечтатели, и насъ все время надо будить и подбадривать. Обученіе, практика у насъ должны быть интенсивнѣе, чѣмъ у другихъ,

Все это ведетъ къ тому, что наша военная сила, чтобы быть также хорошо обученной какъ у другихъ, будетъ обходится дороже, а чтобы мы могли имѣть такую силу на наши средства, *намъ нельзя гоняться за количествомъ, а все вниманіе мы должны обращать на качество*. Намъ особенно опасно гоняться за количествомъ, въ ущербъ качеству.

Разъ у насъ нѣтъ благопріятной почвы для развитія „способности побѣждать", намъ надо создавать ее искуственно. Путь пропаганды „ненависти" для насъ закрытъ—не пойдетъ на это народная душа.

Остается *путь тщательнаго отбора лучшихъ и неослабнаго обученія.*

А мы этого то и не дѣлаемъ.

И такъ вѣдь во всемъ, на всѣхъ поприщахъ.

Оттого то мы и топчемся безнадежно на мѣстѣ.

Намъ въ особенности нужно возводить въ культъ „искусство" а не „духъ", не „героевъ", жертвующихъ жизнью, иногда безполезно для дѣла, не „побѣдителей духомъ", а „побѣдителей искусствомъ", ибо имито мы особенно бѣдны, ихъ-то именно и надо создавать всѣми мѣрами.

Въ какомъ направленіи надо пересоздать русскія „военныя" традиціи.

Такъ воздадимъ-же должное героямъ, будетъ чествовать тѣхъ изъ нихъ, которыхъ пощадила смерть, преклонимся передъ памятью погибшихъ и никогда не забудемъ ихъ, но будемъ въ нихъ видѣть не только „героевъ", но и „жертвы", принесенныя на алтарь *неумѣнья и неискусства.*

Сознаемъ что „герои" явятся сами собою, только потому, что мы еще не умирающій народъ, потому, что мы—русскіе, что въ этомъ мы не уступимъ другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ-же наконецъ, что *знаніе и искусство сами собой не явятся,* что это мы должны создать сами, что намъ нужно учиться именно тому, чего у насъ не достаетъ, или по случайности, или вслѣдствіе нашего національнаго характера—все равно, и что именно на это нужно направить всѣ наши усилія! Вотъ въ этомъ направленіи надо пересоздать наши „традиціи", и именно участникамъ послѣд-

ней войны, вынесшимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть, наваленную на нихъ прежними традиціями, и надо это сдѣлать *).

Что собственно представляетъ изъ себя традиція „духа“.

Здѣсь вотъ намъ все говорятъ — традиціи наши — въ „духѣ“. Намъ выставляютъ на первый планъ Корнилова и Нахимова и заслоняютъ ими Ушакова и Сенявина. Всмотримся попристальнѣе въ эти явленія, не начнемъ-ли мы различать въ нихъ знакомыя черты, намъ родныя, быть можетъ еще крѣпко любезныя нашему сердцу... Не вырисовываются-ли на фонѣ этихъ явленій все ярче и ярче слова—„*шапками закидаемъ!*“... Они и есть голубчики—живъ курилка!“ „Васъ сила велика, *а у насъ вѣра крѣпка*“ вотъ нашъ лозунгъ (см. стр. 415). Именно вѣдь въ надеждѣ на особый нашъ „духъ“ мы собирались закидывать шапками всѣхъ нашихъ враговъ, и не вытравили изъ насъ этого стремленія всѣ тяжкія перенесенныя нами испытанія...

Напр. вотъ, что докладывалъ военный министръ за нѣсколько лѣтъ до нашей войны съ Японіей **).

„Планы обороны Артура разрабатывались западно-европейскими спеціалистами еще при китайскомъ управленіи, и по нимъ гарнизонъ крѣпости долженъ состоять не менѣе какъ изъ 20.000, а количество ору-

---

*) Традиціи, по своей сущности и не должны быть постоянными. „Безъ традицій не можетъ быть ни національной души, ни цивилизаціи“ говоритъ Лебонъ „Потому-то однимъ изъ главныхъ занятій человѣка, съ тѣхъ поръ какъ онъ существуетъ, было созданіе сѣти традицій и *разрушеніе* ея, *послѣ того, какъ благодѣтельное дѣйствіе традицій изсякло.* Безъ традицій не можетъ быть цивилизаціи; *безъ разрушенія традицій не можетъ быть никакого прогресса*“. Психологія народовъ и массъ. стр. 215,

Когда традиціи переживаютъ свою благодѣтельную дѣятельность, то они и обращаются въ рутину, и вотъ такихъ традицій слишкомъ у насъ много.

„*Традиція* должна быть и универсальной и національной,—тогда лишь она плодотворна для культуры“. Вѣхи. Сборникъ о русской интеллигенціи. Стр. 19.

„Сохраненіе-же отживающихъ традицій важно по стольку, по скольку эти традиціи воплотили въ себѣ дѣйствительно *безспорное* добро, безусловныя начала чести, истины и нравственности. Но на ряду съ добрыми бытовыми навыками, имѣющими значеніе практическаго облегченія къ правильному и хорошему житію, существуетъ еще историческая бутафорія, никакого значенія не имѣющая, кромѣ пожалуй вреднаго назначенія прикрывать пустоту испарившагося содержанія“. А. Столыпинъ. Нов. Время 5 Янв. 1910 г.

**) Газета „Русь“. 15 января 1907 года.

дій не менѣе 350; предположенія военнаго министерства ограничиваются сосредоточеніемъ *на полуостровѣ* всего 11.300 человѣкъ при 150 орудіяхъ; такое ограниченіе силъ военное министерство дѣлаетъ въ сознаніи необходимости возможно осторожнаго образа дѣйствій, и *въ разсчетѣ на доблесть русскаго воинства,* которое и при этихъ силахъ конечно съумѣетъ отстоять Портъ-Артуръ, по крайней мѣрѣ на необходимое для прибытія подкрѣпленій время“.

Ну развѣ это не характерно?

Исторія должна вывести на чистую воду наши дурныя національныя черты, чтобы дать возможность съ ними сознательно бороться.

И эта черта нашего національнаго характера не единственная, которая принесла и продолжаетъ приносить намъ не мало невзгодъ. Есть и другія.

И всѣ ихъ должна вывести на чистую воду исторія, и разъ это будетъ сдѣлано—не бороться съ ними—это ужъ будетъ недобросовѣстно—по крайней мѣрѣ—сдѣлать это—прямой долгъ каждаго живущаго поколѣнія по отношенію къ послѣдующему.

Я ни въ какой мѣрѣ не льщу себя надеждой, что мнѣ удастся сдѣлать хотя—бы небольшую часть этой работы. Я пробую намѣтить лишь направленія для такой работы, пробую дать лишь намеки, заронить лишь мысли о различныхъ сторонахъ такой работы.

И вотъ съ такой оговоркой я рѣшаюсь продолжать.

О „подковываніи блохи“.

У Лѣскова есть одна сказка, въ которой онъ, на мой взглядъ, удивительно мѣтко охарактеризовалъ одну нашу національную черту, которая не мало повредила намъ и въ военно-морскомъ дѣлѣ. Это извѣстная его сказка „О стальной блохѣ“.

Дѣло въ этой сказкѣ заключается въ томъ, что русскому царю прислали изъ за моря диво-дивное—стальную блоху, которая прыгала и танцовала, или какъ говорится въ сказкѣ—дѣлала „дансе“. Подивился царь искусству иноземныхъ мастеровъ и опечалился, что не могутъ слѣлать того-же русскіе мастера. Однако нашелся и русскій мастеръ „Тульскій лѣвша“, который, подзадоренный хитрой иноземной штукой, рѣшилъ переплюнуть заморскихъ мастеровъ, и... *подко-*

валъ сдѣланную ими стальную *блоху*. Работа была дивная, на рѣдкость, иноземные мастера были посрамлены, но... когда пустили блоху, то она уже больше не прыгала и не дѣлала „дансе", а лишь безпомощно подрыгивала ножками. Подковы были удивительны, но... безполезны и испортили тотъ тонкій разсчетъ, который дѣлалъ изъ стальной блохи „диво—дивное".

Эта стальная блоха, прыгающая и дѣлающая „дансе", явилась показателемъ высокаго искусства и умѣнья, какъ результата постояннаго и упорнаго труда, тщательнаго изученія и сознательности въ своемъ дѣлѣ. Подковы—же были результатомъ *вспышки* талантливаго „нутра"—раззадореннаго „духа", „запальчиваго энтузіазма", принужденнаго выпутываться изъ бѣды, къ которой его привели распущенность, лѣнь и отсталость. Но очевидно эта способность въ нужную минуту „подковать" не можетъ помочь бѣдѣ—это не есть пріобрѣтенное упорнымъ трудомъ и сознательно развиваемое искусство, эти вспышки „духа" приносятъ даже вредъ, создавая надежду въ нужную минуту „вывернуться"—„шапками закидать", которой оправдываются и бездѣлье и неподготовленность и отсталость.

Какъ „подковывали блоху" во флотѣ, и что изъ этого вышло.

Эта способность „вывернуться" проявлялась у насъ и во флотѣ, и не мало она принесла ему вреда, и лучше-бы ужъ у насъ этой способности не было. Въ свое время мы проспали значеніе морской силы, и флота не имѣли. А потомъ вдругъ, не только создали флотъ, но создали его въ огромномъ разстояніи отъ моря и перевезли его къ водѣ на саняхъ—мы подковали блоху. Но лучше-бы не удалась намъ эта затѣя, а то до сихъ поръ мы думаемъ, что когда придетъ дѣйствительная нужда—тогда мы какъ нибудь вывернемся, тогда создадимъ флотъ, а потому и не жалѣемъ времени, все раздумываемъ, все примѣряемся, все откладываемъ, все на „нутро" наше, на „духъ" надѣемся.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пропустивши всѣ сроки для распредѣленія кораблей на зимнія стоянки *),

*) По той-же причинѣ перевернулся на пути изъ Ревеля въ Кронштадтъ пустой „Лефортъ" и погибла броненосная лодка „Русалка".

послали одинъ изъ кораблей изъ Кронштадта въ Либаву въ бурное зимнее время, съ непровѣренной девіаціей, съ неполнымъ комплектомъ команды, съ ненадежнымъ командиромъ. Кораблю не удалось проскочить на „авось" и онъ въ мятель попалъ на камни. Вотъ когда попали въ бѣду, началось подковываніе блохи—водолазы работали подо льдомъ, камни вошедшіе внутрь корабля взрывали... Корабль стащили и даже черезъ ледъ привели въ Кронштадтъ. Сдѣлали невозможное—подковали блоху. Но лучше-бы не удалось этого сдѣлать, а то до сихъ поръ думаемъ, что можно на „авось" посылать корабли, съ совершенно ненадежными командирами. Также не много лѣтъ тому назадъ (до войны) случилось, что построили такіе корабли, которые, когда ихъ спустили на воду, взяли да и повалились на бокъ—оказывается ошиблись въ разсчетахъ, ширину кораблямъ придали недостаточную. И вотъ принялись подковывать блоху—готовые корабли расширили и стали они плавать. Но лучше-бы не удалось намъ это сдѣлать, тогда можетъ быть сильнѣе была-бы почувствована негодность этихъ кораблей, потому что послѣ войны взяли и выстроили опять такіе-же негодные корабли.

До войны корабли наши не были соединены въ эскадры, пригодныя для того чтобы служить школой для адмираловъ (см. стр. 258) и для всего личнаго состава; эти эскадры не плавали круглый годъ; не смотря на отсутствіе у насъ станцій на пути на дальній востокъ, мы не организовывали морской обозъ, не практиковались въ погрузкѣ угля въ морѣ съ транспортовъ и въ производствѣ ремонта съ помощью плавучихъ мастерскихъ—однимъ словомъ ничего не предвидѣли, ничего заблаговременно не изучали, не подготовлялись къ тому, что несомнѣнно намъ предстояло.

Настала война и эскадры наши, наскоро сформированныя, съ несплававшимся личнымъ составомъ, съ адмиралами никогда такими эскадрами не командовавшими, пошли въ огромное и трудное плаваніе, безъ возможности пользоваться портами...

Эскадры эти своими переходами на театръ военныхъ дѣйствій совершили блестящій подвигъ—нѣчто

изъ ряда вонъ выходящее, сдѣлали то, что считалось совершенно невозможнымъ, даже въ хорошо напрактикованныхъ и обученныхъ иноземныхъ флотахъ. Эти эскадры не потеряли ни одного корабля отставшимъ, онѣ грузили уголь въ морѣ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, дѣлали исправленія въ открытомъ океанѣ съ помощью водолазовъ, личный составъ показалъ чудеса, въ смыслѣ выносливости, терпѣнія, способности выходить съ честью изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ—въ полномъ смыслѣ подковали блоху.

Но лучше-бы все это не удалось. Лучше-бы было, если-бы эскадра не ушла дальше перваго порта и принуждена была-бы вернуться обратно изъ за аварій, столкновеній и т. п... Тогда быть можетъ это сдѣлало-бы намъ достаточно яснымъ, что на *импровизаціи* полагаться нельзя, что приходится къ нимъ прибѣгать, когда нѣтъ никакого другого выхода...

А то теперь, такъ какъ удался этотъ героическій походъ, даже не смотря на то, что онъ окончился разгромомъ, мы вновь заснули.

Нѣтъ и теперь круглый годъ плавающихъ и надлежащимъ образомъ организованныхъ эскадръ, нѣтъ и теперь школы для адмираловъ и для личнаго состава, нѣтъ и теперь организованнаго морского обоза и практики въ погрузкѣ угля въ морѣ, хотя станцій у насъ и не прибавилось Слышимъ-ли мы что нибудь о „рекордахъ" погрузки угля на нашихъ судахъ, даже въ портахъ? Флотъ нашъ, не одинъ, а много разъ подковываемый, пересталъ дѣлать „дансе", какъ перестала это дѣлать привезенная изъ за моря стальная блоха, когда ее подковали, которая только подрыгивала ножками.

И мало того.

Мы безумно растратили нашъ боевой опытъ.

Наша несчастная война дала намъ все таки и прибыль—опытность личнаго состава во многихъ вопросахъ, хотя-бы напр. въ той-же погрузкѣ угля въ морѣ. А что-же мы сдѣлали съ этимъ богатствомъ? Мы легкомысленно развѣяли его по вѣтру, точно мы архимилліонеры... Допустили многихъ боевыхъ офицеровъ, съ ихъ драгоцѣннымъ боевымъ опытомъ, добытымъ

столь дорогой цѣной, уйти въ отставку. Тѣмъ, которые остались на службѣ, не даютъ обстановки для продолженія и развитія ихъ опыта, никому они этотъ свой опытъ не передали, потому что его не цѣнили и отъ нихъ этой передачи даже и не требовали... И даже— невѣроятное дѣло—замѣчается отодвиганіе боевыхъ офицеровъ на второй планъ, и все свелось опять къ тому-же положенію, которое было до войны, и которое привело къ разгрому.

Значитъ опять надѣемся—придетъ нужда—опять подкуемъ блоху... Такъ ужъ лучше-бы мы ее не подковывали и въ прошлый разъ, все-бы надежда была, что мы образумимся.

И подобныхъ примѣровъ кругомъ множество— стоитъ только пристально вглядѣться.

Лучшее средство противъ „соннаго царства" развитіе личной иниціативы.

И разъ исторія даетъ такой выводъ, нельзя отъ него прятаться, надо бороться съ этимъ природнымъ недостаткомъ всѣми средствами. А одно изъ этихъ средствъ—*развитіе и поддержка личнаго почина—это одно изъ лучшихъ противусонныхъ снадобій.*

Но именно это-то качество меньше всего у насъ въ спросѣ.

Отчего въ русскомъ народѣ заглохла способность къ личной иниціативѣ.

Вотъ что говоритъ по этому поводу современный морской историкъ *). „Личной предпріимчивости у насъ дѣйствительно не много. Но, Господи помилуй, гдѣже ее у насъ набраться? Мы русскіе этому дѣлу не обучены и товаръ этотъ, и вообще-то весьма рѣдкій, давно уже у насъ не въ спросѣ. Встрѣчались конечно и у насъ самородки, но ихъ оцѣнивала обыкновенно уже „исторія", а не ближайшее начальство".

И это отсутствіе иниціативы характеризуетъ у насъ совсѣмъ не только одно военное сословіе. Оно— отзвукъ общаго состоянія народа и имѣетъ извѣстную связь съ замѣчающимся въ послѣднее время паденіемъ національнзма. Вотъ какъ объясняетъ это явленіе лидеръ націоналистовъ въ Государственной Думѣ Балашевъ **): „И такъ, почему у насъ пало чувство національнзма? Мнѣ кажется, что одну изъ главнѣйшихъ

*) Е. И. Аренсъ. Морск. Сб. за 1909 г. № 3. Библ. стр. 12.

**) Новое Время. 14 Декабря 1909 г. Курсивы мои.

причинъ найти не трудно, стоитъ только оглянуться назадъ и правильно освѣтить политику нашего правительства за послѣдніе 50 лѣтъ. Что-же мы видимъ? Впродолженіи полвѣка правительство наше, правильнѣе говоря, нашъ правящій аппаратъ, задается вполнѣ опредѣленною задачею—*задачею обезличенія.* Ища всюду крамолу, подозрѣвая ее во всякомъ проявленіи *индивидуальности*, видя общее счастье лишь въ общемъ ранжирѣ, правящая сила доводитъ до максимума, до виртуозности предупрежденіе и пресѣченіе того, что, по ея мнѣнію, составляетъ преступленіе, и пользуется этимъ оружіемъ такъ искусно, что предупреждаетъ и *пресѣкаетъ всякую личную инищіативу*, все самобытное и сильное, однимъ словомъ—все то, что въ своемъ цѣломъ составляетъ національный обликъ государства. Не занимайтесь завтрашнимъ днемъ,—говорило правительство,—о немъ за васъ подумаетъ отечески васъ любящая власть,—и русскій человѣкъ, по свойственной ему привычкѣ, рѣшилъ, хотя и не безъ *легкаго* протеста, что оно, пожалуй, *удобнѣе поменьше утруждать себѣ голову* вопросами будущаго, предоставивъ все на благоусмотрѣніе правительства и на волю всесильнаго русскаго „авось". Такимъ образомъ, мало по малу *у русскаго народа атрофировалось то неоцѣненное качество личной инищіативы и самодѣятельности,* которое является корнемъ и залогомъ національнаго совершенствованія, а у правительства всѣ графы всевозможныхъ данныхъ сходились безъ осѣчки; на всемъ необозримомъ полѣ Русскаго государства *не возникало безнаказанно ни одного индивидуальнаго явленія,* и все обстояло въ высшей мѣрѣ благополучно. Такъ мнѣ рисуется недавнее прошлое".

А вотъ характеристика начала этого „недавняго прошлаго", о которомъ говоритъ Балашевъ, сдѣланная историкомъ С. М. Соловьевымъ въ своихъ запискахъ о Крымской войнѣ *):

„Первое время новаго царствованія умы были заняты печальнымъ исходомъ Восточной войны... Изъ окружавшихъ Императора не было никого, кто-бы ос-

*) **Русскій Вѣстникъ. Май 1896 г. Курсивы мои.**

вѣтилъ тьму; все это были слѣпые. Нѣкоторые изъ нихъ не могли одобрить стремленій Императора, желали остаться при старомъ—Николаевскомъ, нѣкоторые желали идти потише, поосторожнѣе, но они обнаруживали свое неодобреніе тайнымъ или явнымъ ворчаніемъ, и *никто не смѣлъ, а главное—не умѣлъ высказать свое мнѣніе передъ Императоромъ. Но что хуже всего, эти господа не имѣли совсѣмъ гражданскаго мужества*, они привыкли преклоняться передъ всякою силою и когда... были ослаблены пружины власти и этимъ былъ данъ просторъ, такъ называемому отрицательному направленію, царедворцы, *привыкшіе только къ крикамъ команды*, приняли и эти крики за крики команды, смутились, не зная что дѣлать, попавши между двухъ огней,—и началось постыдное двоедушіе, двоевѣріе, начали ставить свѣчи двумъ богамъ, несмотря на ихъ противоположность. И кто, чѣмъ болѣе льстилъ, заявлялъ свою преданность власти, тотъ всего сильнѣе льстилъ представителямъ новой силы, всѣхъ болѣе либеральничалъ, и все въ одно и то-же время... Первое проявленіе дѣятельности интеллигенціи должно было состоять въ ругательствѣ, отрицаніи, обличеніи,—и все, что говорило и писало, бросилось въ запуски обличать, отрицать, ругать. А гдѣ-же созиданіе?... На это не было отвѣта, ибо некогда было подумать, некому было подумать, *не было привычки думать*, относиться критически къ явленію, сказать самимъ себѣ и другимъ: куда-же мы бѣжимъ, гдѣ цѣль движенія, гдѣ остановка?

„Для подобныхъ вопросовъ требовались твердость, *гражданское мужество; но на эти качества давно спросу не было; и перестали поэтому предлагать; онѣ вывелись...* Хотя ихъ было мало, очень мало; но все таки-же были люди съ авторитетомъ, люди науки, люди мысли и опыта, которымъ не подъ стать было бѣжать, какъ угорѣлымъ, невѣдомо куда, которые могли поднять голосъ... но для укрѣпленія ихъ авторитета не было почвы, ибо въ только что пережитое время все стремилось уничтожить эту почву; *человѣкъ мысли и знанія былъ гонимъ*“.

А развѣ не подобную-же картину мы видѣли недавно и продолжаемъ видѣть теперь! Такъ было вообще въ Россіи (см. стр. 411 и 412).

Какъ морской корпусъ передъ войной вносилъ разложеніе во флотъ.

А какъ отражалось это на флотѣ? Какія напр. задатки въ этомъ отношеніи закладывались въ будущихъ офицеровъ въ нашемъ морскомъ корпусѣ? Прослуживъ тамъ больше десяти лѣтъ, вотъ что пришлось мнѣ написать по этому поводу за четыре года до послѣдней нашей несчастной войны *) „учебное заведеніе должно пріучить къ добросовѣстному отношенію ко всякому дѣлу и къ *самодѣятельности*... а между тѣмъ какъ легко въ организаціи учебнаго дѣла стать на ложный путь, увлекаясь мнимымъ блескомъ кажущагося обширнаго знанія... и обширныя программы, превышающія силы учащихся, развиваютъ недобросовѣстность... заставляя преподавателя идти на компромиссъ, т. е. требовать на словахъ больше чѣмъ на дѣлѣ, а учащихся, чрезвычайно чуткихъ ко всякой фальши, приспособливаться къ такой системѣ, не вѣрить требованіямъ, и усвоить себѣ навыкъ не выполнять *все*, что отъ нихъ требуютъ... Вотъ если такой фальшью пропитаны всѣ требованія учебнаго заведенія, т. е. въ отношеніи наукъ, дисциплины, поведенія, нравственности, въ плоть и кровь учащихся войдетъ привычка относиться къ всякому требованію легко и только отчасти... *Достаточно 15–20 лѣтъ вышеуказанной системы въ учебномъ заведеніи, чтобы эта система начала доминировать во флотѣ*". Она и доминировала. „Огульное отсутствіе среди личнаго состава строгаго отношенія къ поставленнымъ требованіямъ, т. е. неуваженіе къ закону, отсутствіе неослабнаго вниманія къ своему дѣлу—страшная язва. Она то именно производитъ то непреодолимое *пассивное сопротивленіе* и равнодушіе, о которое разбиваются всѣ благія начинанія и реформы, и совершенно обезличиваетъ и обезсиливаетъ самый важный элементъ силы флота—его личный составъ".

*) См. мою книгу „Организація морской силы". Часть I, стр. 128—152 или Морской Сборн. 1900 г. № 1.

И развѣ мы не присутствуемъ при этомъ безсиліи что нибудь сдѣлать, даже при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ! Оказывается не такъ легко раздѣлаться съ долго практиковавшейся системой, и вмѣстѣ съ этимъ напрашивается мысль—а далеко-ли мы ушли отъ такой системы? „Именно съ учебнаго заведенія надо начинать борьбу съ этимъ пассивнымъ сопротивленіемъ, которое всякое живое начинаніе дѣлаетъ мертвымъ, энергію низводитъ до апатіи и обманной красивой внѣшностью прикрываетъ заживо гніющій организмъ. Въ виду такихъ вредныхъ послѣдствій, которыя могутъ быть вызваны несоразмѣрными съ силами учащихся программами, необходимо ихъ уменьшить... Также вредна и погоня за *полнымъ комплектомъ* въ ущербъ познаніямъ, которая широко практиковалась долгое время... Великая Екатерина выразилась по сходному съ этимъ вопросу такъ (Бильбасовъ. Исторія Екатерины т. II) „лучше имѣть меньшее число учениковъ, но вполнѣ обучаемыхъ, чѣмъ многое число дѣтей, которыя, заразившись малымъ знаніемъ, *развращенныя*, послѣ будутъ проповѣдывать враки, а иногда и плевелы“. Въ молодыхъ людяхъ, готовящихся быть морскими офицерами, слѣдуетъ развивать не только добросовѣстное отношеніе ко всякому дѣлу и уваженіе къ закону, но слѣдуетъ обращать не малое вниманіе и на созданіе въ нихъ способности къ *самодѣятельности*. Если будущаго офицера, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, все время вести на помочахъ, все давать ему вполнѣ готовое, устранять, будто-бы для легкости усвоенія, всякую самостоятельную работу, освободить его отъ всякой серіозной отвѣтственности,—онъ такъ привыкнетъ къ постоянной указкѣ, что окажется не въ состояніи шага безъ нея сдѣлать, а затѣмъ создастъ себѣ привычку оправдывать свою бездѣятельность таковымъ-же качествомъ своего ближайшаго руководителя“.

Инертность лежитъ въ русскомъ характерѣ и кромѣ того ее всѣми мѣ-

Отсылая за подробностями и доказательствами того, что мнѣ пришлось написать тогда, къ моей книгѣ, я резюмирую разбираемый вопросъ такъ—въ самомъ русскомъ характерѣ лежитъ извѣстная инертность и не-

подвижность, и эти качества еще всѣми мѣрами развивались впродолженіи долгихъ лѣтъ и государственнымъ и сословнымъ воспитаніемъ.

рами развивали впродолженіи долгихъ лѣтъ.

А все таки, и именно тѣмъ болѣе съ нею надо и бороться!

А есть въ нашей исторіи еще одна вещь, которая принесла намъ много вреда, когда она, пользуясь для того благопріятной почвой, обратилась въ рутину. Это—сужденіе о состояніи флота по смотрамъ.

Смотровая тенденція во флотѣ.

Самъ по себѣ смотръ прекрасная вещь и служитъ для того, чтобы убѣдиться въ пригодности всего представленнаго на смотръ именно къ тому дѣлу, для котораго это все создано. Если-же смотръ теряетъ этотъ внутренній смыслъ, если пригодность не испытывается, если оказавшаяся непригодность не устраняется, если результатъ смотра извѣстенъ впередъ, и онъ всегда благопріятный, то значитъ сущности уже не осталось, сохранилась только форма, приносящая только глубокій вредъ.

„Настоящій" и „рутинный" смотръ.

Смотры извѣстны съ очень давняго времени. Вотъ напр. отрывокъ изъ описанія смотра приготовленной къ плаванію галерѣ въ средніе вѣка.

Морской смотръ въ прежніе вѣка.

„Капитанъ приступаетъ къ обозрѣнію галеры; онъ начинаетъ съ гребцовъ и веселъ, удостовѣряясь сильны-ли гребцы. Производится пробная гребля, всѣми веслами заразъ или по очереди, впередъ, назадъ, тихо и наваливаясь. Потомъ отдаютъ паруса и галера мчится, повинуясь вѣтру и опытной рукѣ рулевого... Капитанъ все повѣряетъ, все осматриваетъ, удостовѣряется въ качествѣ оружія, латъ, налокотниковъ, шлемовъ и прочаго боевого снаряженія, заставляетъ команду дѣлать примѣрныя движенія оружіемъ и оцѣниваетъ степень ихъ умѣлости, причемъ *всѣ вещи, оказывающіеся неудовлетворительными, выбрасываются за бортъ* *)".

Если правду написалъ лѣтописецъ, то смотру придавалось тогда серьезное значеніе.

*) См. мой курсъ военно-морской исторіи. 1895 г. стр. 60—62.

Морскіе смотры Петра Великаго.

Но перейдемъ къ нашей исторіи. Чѣмъ были смотры Петра Великаго—мы знаемъ. Если онъ оставался доволенъ осмотрѣннымъ—значитъ это было пригодно для дѣла, а если что нибудь было не такъ, то это не укрывалось отъ его глаза и ни одна вина не проходила даромъ виновнымъ. Смотры его не имѣли ничего общаго съ рутиной.

Затѣмъ русскій флотъ былъ надолго заброшенъ, и рѣшила его возстановить Екатерина. Познакомиться съ его состояніемъ она рѣшила сама, посредствомъ смотра.

Морской смотръ Екатерины II-й.

Позабывшіе про Петра адмиралы попробовали было представить Императрицѣ красивую картину. На берегу былъ построенъ городокъ, который должна была бомбардировать эскадра. Въ городкѣ находились люди, которые, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по эскадрѣ, должны были уйти и поджечь при этомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ городокъ, чтобы представить картину крѣпости разрушенной эскадрой. Всей этой бутафоріей вѣдалъ адмиралъ Мордвиновъ, по характеристикѣ данной ему Веселаго—обладавшій яснымъ умомъ, энергіей и глубокимъ морскимъ образованіемъ, какъ научнымъ, такъ и практическимъ. Но всѣ эти качества не предостерегли его отъ недобросовѣстной попытки обмануть Императрицу, и представить флотъ въ лучшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Но онъ не разсчиталъ на то, что имѣетъ дѣло съ Екатериной.

Вотъ какъ она описываетъ этотъ смотръ въ письмѣ къ Н. Панину *):

,,До 9 часовъ вечера стрѣляли бомбами и ядрами, которыя не попадали въ цѣль. Такъ какъ моей ушной перепонкѣ надоѣлъ этотъ шумъ, столь-же смѣшной сколько и безполезный, то я велѣла просить къ себѣ адмирала, простилась съ нимъ и просила не настаивать болѣе на сожженіи того, что оставалось отъ города, такъ какъ приняли предосторожность, прежде обстрѣливанія его, привязать въ разныхъ мѣстахъ его

*) Сборникъ Импер. Росс. историч. общ. т. X стр. 23—25.

пороховые приводы, которые не преминули произвести свое дѣйствіе гораздо лучше, чѣмъ ядра и бомбы. Эту пустѣйшую экспедицію только мы и видѣли. Самъ адмиралъ былъ чрезвычайно огорченъ такимъ ничтожествомъ, и онъ признается, что все, выставленное на смотръ, было изъ рукъ вонъ плохо. Надобно сознаться, что корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, но не на военный, такъ какъ ни одинъ корабль не умѣлъ держаться въ линіи. Адмиралъ хотѣлъ, чтобы они выравнялись въ линію, но ни одинъ корабль не могъ это исполнить".

Ну, а если-бы это была не Екатерина, то адмиралъ Мордвиновъ, вмѣсто того чтобы быть „чрезвычайно огорченнымъ"— еще-бы ему не быть огорченнымъ, когда Императрица уличила его въ обманѣ— былъ-бы очень доволенъ, что ему удалось обмануть главу государства, и съ гордостью носилъ-бы жалованный за удачный смотръ орденъ или чинъ. А еслибы послѣ того, обманутое имъ, въ лицѣ главы государства, отечество начало войну, понадѣявшись на силу флота, и потерпѣло-бы жестокое пораженіе, то онъ едва-ли счелъ-бы себя главнымъ виновникомъ, и сталъ-бы искать причину пораженія въ устарѣлости кораблей, ихъ артиллеріи, ихъ тихомъ ходѣ и т. п...

У него не достало гражданскаго мужества показать главѣ государства, а въ лицѣ его—своей родинѣ, дѣло въ томъ видѣ, какъ оно есть, и не достало и потому, что и онъ участвовалъ въ приведеніи флота въ столь печальное положеніе. И онъ счелъ возможнымъ попытаться обмануть...

Вотъ именно таковая обманно-смотровая тенденція крѣпко въѣлась въ личный составъ нашего флота, и трудно перечислить весь вредъ, который она ему принесла.

А тогда становится понятнымъ, что Екатерина II выбрала главнымъ своимъ помощникомъ Чернышева, а Павелъ—Кушелева, а Николай I—Меньшикова—лицъ постороннихъ флоту, не связанныхъ съ нимъ его традиціями, не имѣвшихъ крѣпкихъ связей въ его

средѣ. Конечно это имѣло свои крупные недостатки, иногда не имѣло никакихъ хорошихъ послѣдствій (Меньшиковъ), но одинъ этотъ фактъ показываетъ, какая потребность была бороться съ рутиной, засасывавшей специалистовъ съ головой на столько, что они уже не могли „понимать“.

„Дѣйствительное“ состояніе флота при Александрѣ I-мъ.

Про флотъ въ царствованіе Александра I, адмиралъ В. А. Стеценко *), приводитъ такія слова современника, характеризующія состояніе флота въ 1824-мъ году.

„Если-бы хитрое и вѣроломное начальство, пользуясь невниманіемъ ко благу отечества и слабостью правительства, хотѣло, по внушенію и домогательству внѣшнихъ враговъ Россіи, для собственной своей корысти, довести разными путями и средствами флотъ нашъ до возможнаго ничтожества, то и тогда не могло-бы оно поставить его въ положеніе болѣе презрительное и болѣе безсильное, въ какомъ онъ нынѣ находится. Если гнилые, худо и бѣдно вооруженные и еще хуже и бѣднѣе того снабженные корабли, престарѣлые, хворые, безъ познанія и присутствія духа на морѣ флотоводцы, неопытные капитаны и офицеры, и пахари, подъ именемъ матросовъ въ корабельные экипажи сформированные, могутъ составить флотъ, то мы его имѣемъ“.

„Если-бы въ Кронштадтъ явился Императоръ подобный Петру I, что увидѣлъ-бы онъ тамъ? Сначала представились-бы ему корабли, подобные распутнымъ дѣвкамъ. Какъ сіи послѣднія набѣлены, нарумянены и украшены снаружи, но, сгнивая внутри отъ грѣха и болѣзней, испускаютъ зловонное дыханіе, такъ и *корабли наши, поставленные въ строй и обманчиво снаружи выкрашенные*, внутри повсюду вмѣщаютъ лужи дождевой воды, груды грязи, толстые слои плѣсени и заразительный воздухъ, весь трюмъ ихъ наполняющій“.

Какъ долженъ относиться къ

Къ этимъ словамъ В. А. Стеценко дополняетъ: „Нужно сказать, что и во всѣхъ частяхъ этихъ запи-

*) Морск. Сб. 1896 г. № 3. Курсивы мои.

сокъ тонъ очень рѣзокъ, но *можетъ-ли правдивый и честный человѣкъ, современникъ совершающихся беззаконій, говорить спокойно о явномъ забвеніи долга и чести со стороны лицъ высокопоставленныхъ* и хотя не ими совершаемыхъ, но ими попускаемыхъ преступныхъ дѣйствій“.

Совершающимся событіямъ ихъ современникъ.

Значитъ флотъ былъ приведенъ въ такое состояніе, что дѣйствительно на него можно было только *смотрѣть* и то только снаружи, а дѣйствовать имъ было нельзя. Императоръ Александръ I не интересовался морскимъ дѣломъ, совершенно его не понималъ и ему могли показывать что угодно вмѣсто флота. Конечно немного понимала въ морскомъ дѣлѣ и его Великая Бабка, но та *хотѣла имѣть могущественный флотъ*—онъ былъ Ей нуженъ для достиженія поставленныхъ Ею себѣ цѣлей, и Она не поддалась наружному виду.

Смотровая тенденція во флотѣ Николая I.

Про царствованіе Николая I, адмиралъ В. А. Стеценко упоминаетъ: „Государь *ежегодно производилъ смотры* на рейдѣ, а иногда въ морѣ и случалось даже, что произносилъ самъ, проходя мимо кораблей, командныя слова своимъ звучнымъ голосомъ“. Всѣмъ извѣстна чудная картина Айвазовскаго, изображающая Высочайшій смотръ Черноморскому флоту въ 1852 году. Корабли на ходу вытянуты какъ по линейкѣ, картина красоты необычайной... Но если-бы это былъ смотръ не для усыпленія вниманія главы государства, а смотръ для рѣшенія вопроса—можетъ-ли нашъ флотъ при равной численности, вступить въ борьбу съ обозначавшимися уже тогда нашими врагами,—вѣдь это было наканунѣ Крымской кампаніи, то черноморскіе моряки, между которыми были и знаменитые ихъ вожди (см. стр. 410 и 420), могли раскрыть глаза своему Императору, а черезъ него и отечеству, и доказать, что сила это мнимая. Быть можетъ и были-бы тогда приняты экстренныя мѣры къ обновленію матеріальной части*), а если не могли и не поспѣли-

*) Но какая была на это надежда, если въ то время (см. стр. 412) существовалъ взглядъ „на ружье, какъ на средство производить шумные ружейные пріемы“, а на корабли, какъ на матеріалъ для построенія красивыхъ картинъ и декорацій на Высочайшихъ смотрахъ. И это было въ такъ называемую „славную“ эпоху черноморскаго флота!

бы этого сдѣлать, то можетъ быть внѣшняя политика была-бы совсѣмъ другая, основанная на сознательности, а не на казовомъ лишь знакомствѣ со своимъ военнымъ могуществомъ, и кто знаетъ—можетъ быть и не было—бы „вѣхи“—многострадальнаго Севастополя.

А какъ подготовлялись тогда смотры, и какое они играли значеніе въ жизни флота показываютъ слова нашихъ морскихъ историковъ*).

„Во главѣ флота оказался сухопутный человѣкъ—Меньшиковъ. Хотя онъ не могъ помѣшать успѣхамъ черноморскаго флота, управлявшагося въ значительной мѣрѣ самостоятельно, но балтійскій флотъ привелъ къ чисто *показному* состоянію. На смотры выводили, наряду съ эффектными, картинными кораблями, и *суда безъ палубъ*, не могущія управляться парусами“.

„Политическія обстоятельства послѣдующихъ 20 лѣтъ (царствованіе Николая I) не потребовали активнаго участія флота, который, совершая обычныя практическія плаванія, преимущественно въ своихъ водахъ, *совершенствовался лишь съ показной стороны*. Наружный порядокъ былъ безукоризненъ. Въ такомъ-же блестящемъ видѣ представлялъ Государю и всѣ дѣла по управленію морскимъ вѣдомствомъ въ своихъ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ кн. Меньшиковъ, предоставленный самостоятельному управленію флотомъ и упоенный сознаніемъ своего собственнаго величія. Онъ только восхвалялъ существующіе порядки и перечислялъ благоволенія, изъявленныя Его Величествомъ при посѣщеніяхъ флота, портовъ и заведеній, *гдѣ всегда старались показать лишь наружный блескъ и порядокъ*“.

Тоже было и въ арміи (см. стр. 411).

А въ результатѣ—Севастополь.

Обращаюсь опять къ цитированной уже мною выше статьѣ адмирала В. А. Стеценко.

---

*) Беклемишевъ. „О морской силѣ Россіи“. стр. 11. Бѣлавенецъ „Нуженъ-ли намъ флотъ и значеніе его въ исторіи Россіи“ стр. 191 и 192. Курсивы мои.

„Какая будущность предстоитъ этому флоту“?—поставилъ себѣ вопросъ о судьбѣ флота эпохи написанія своей статьи (1896 г.) почтенный адмиралъ, давно въ то время уже удалившійся отъ активнаго участія въ дѣлахъ флота, и наблюдавшій его со стороны, но какъ членъ адмиралтействъ—совѣта, очень хорошо знавшій—что въ немъ происходитъ. „Разовьется-ли онъ до того, что на дальнемъ востокѣ, въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, въ состояніи будетъ не за батареями, а въ морѣ встрѣтить врага, или *опять обратится въ пятнадцать или двадцать милліоновъ пудовъ* (водоизмѣщеніе нашего флота) *плавающихъ кусковъ железа*, какъ нѣкогда наши корабли обратились въ прекрасные куски дерева и опять сдѣлается *мнимымъ?*“

Тревога адмирала В. А. Стеценко въ 1896 году за флотъ будущаго.

Не правда-ли, какая тревожная нота звучитъ въ этихъ словахъ адмирала. Онъ писалъ въ офиціальномъ морскомъ органѣ, онъ не могъ сказать больше, но тревога его за будущее флота становится понятной, если привести слова адмирала И. Ф. Лихачева, написанныя имъ за годъ до этого (1895 г.) въ частной докладной запискѣ, поданной имъ одному высокопоставленному лицу во флотѣ, на котораго одно время была серьезная надежда но то̀, что онъ выведетъ русскій флотъ изъ того тупика, въ который онъ зашелъ.

Мнѣніе о русскомъ флотѣ въ 1895 году адмирала И. Ф. Лихачева.

Вотъ эти слова*):

„Наши практическія эскадры въ Балтійскомъ морѣ не могутъ дать ничего кромѣ *парадныхъ смотровъ*, похожихъ болѣе на пикники съ дамами и букетами. Можно сказать, не рискуя много ошибиться, что всѣ сложныя программы и практическія занятія на этихъ эскадрахъ имѣютъ *конечную цѣль —приготовленіе къ смотру*. Къ нему готовятся, трудятся, какъ учащіеся къ экзамену. Экзаменъ сошелъ съ рукъ и книги въ печь. Послѣ такихъ смотровъ наступаетъ реакція и охлажденіе ко всему... а на будущій годъ перемѣняются лишь актеры, но пьеса будетъ разыграна та-же“.

---

*) Курсивы мои.

Работа рутины во флотѣ отъ Севастополя до Цусимы.

И къ такому положенію флотъ пришелъ конечно не сразу. Рутина дѣлала свое дѣло медленно... но вѣрно.

При вступленіи своемъ въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ наканунѣ Крымской кампаніи Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ „требовалъ, чтобы представляемые ему отчеты начальствующихъ лицъ*) не ограничивались сухимъ разсказомъ о томъ что сдѣлано, или содержали похвалы удивительному порядку и благоустройству", а напротивъ выражалъ желаніе, чтобы въ нихъ откровенно излагались тѣ несовершенства и непорядки, которые слѣдуетъ устранить и улучшить, присовокупляя: „Я буду особенно взыскивать за непоказаніе безпорядковъ и никакихъ не дозволю похвалъ. Нужно, чтобы факты, а не фразы хвалили насъ". Нельзя не пожалѣть, что Великій Князь... не слѣдовалъ этому благому принципу до конца. Опять начались похвалы, во многомъ не соотвѣтствовавшія дѣйствительному состоянію флота".

Тревожная нота въ словахъ адмирала Г. И. Бутакова.

И уже въ 1863 году адмиралъ Григ. Ив. Бутаковъ писалъ**): „Чего-же нужно ожидать отъ спеціалистовъ въ наше время, или отъ людей умѣющихъ, подобно капитану Кользу или Эриксону, *высвободиться въ дѣлѣ науки изъ заколдованнаго круга рутины и идей, заповѣданныхъ преданіями?*... Туго проникаетъ свѣтъ тамъ, гдѣ *мракъ* имѣетъ много прелести"! Опять звучитъ грустная нота по отношенію къ личному составу, и именно въ смыслѣ его способности къ иниціативѣ и къ способности выпутаться изъ рутины.

Отстраненіе отъ дѣлъ адмираловъ А. А. Попова и И. Ѳ. Лихачева.

А вѣдь въ это время русскій флотъ обладалъ такими дѣятелями какъ И. Ф. Лихачевъ, и А. А. Поповъ. Въ другой средѣ они сдѣлались-бы выдающимися руководителя флота... та-же среда, въ которой они очутились, выкинула ихъ обоихъ за бортъ. Кипучая дѣятельность, иниціатива, строгія требованія, не поклоненія, а познаній и неутомимаго труда, пришлись не по сердцу этой средѣ.

---

*) Бѣлавенецъ. „Нуженъ-ли намъ флотъ и значеніе его въ исторіи Россіи". Стр. 192, 194 и 224.

**) „Новыя основанія пароходной тактики" стр. 184. Курсивы мои.

А въ 70 годахъ вывели на смотръ въ Кронштадтѣ, устроенный для англійскаго „моряка“ Принца Эдинбургскаго, между другими судами броненосецъ „Петръ Великій“ съ башнями сдѣланными изъ *дерева и парусины!* Какая насмѣшка надъ именемъ Великаго Петра, и какое забвеніе его „дубинки“, и какое спокойствіе и увѣренность въ томъ, что „дубинка“ крѣпко заперта въ стеклянный ящикъ въ музеѣ! Съ какой ироніей отзывается объ этомъ одинъ изъ англійскихъ морскихъ офицеровъ бывшимъ въ свитѣ принца въ своихъ воспоминаніяхъ! И мы думали обмануть декораціей „настоящихъ“ моряковъ! „Петръ Великій“ на смотру съ декоративными башнями.

Очень характерную картину какой-то забитости личнаго состава, его руководительства мыслью — „моя хата съ краю, я ничего не знаю“ — даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ адмиралъ Бурачекъ *). Совѣтъ флагмановъ и капитановъ въ Кронштадтѣ въ 80 годахъ.

Вотъ какъ онъ описываетъ собраніе флагмановъ и капитановъ въ Кронштадтѣ въ серединѣ 80 годовъ прошлаго столѣтія, на которомъ былъ предложенъ къ обсужденію знаменитый законъ о цензѣ, перевертывавшій всю организацію личнаго состава флота. „Былъ Шестаковъ. Одинъ два командира изъ Петербурга разъясняли значеніе и всю важность реформы. *Собраніе осталось безучастно.* Помню, какъ одинъ изъ Петербургскихъ адмираловъ (Чихачевъ), стоящихъ тогда въ верхахъ управленія, обращался то къ тому, то къ другому, если не словами, то взорами, *но отвѣтовъ имъ не было,* или отдѣлывались незначущими словами. *А собраніе состояло изъ лицъ съ именами во флотѣ.* Были на немъ почтенные ветераны адмиралы и командиры, помнившіе другія времена, съ честью носившіе на своихъ корабляхъ Андреевскій флагъ, которые естественно изъ многолѣтней своей службы на морѣ въ различныхъ ея условіяхъ создали свои взгляды и мнѣнія на вопросы, относящіеся до ихъ родной службы, до ея пользы и процвѣтанія, и могли-бы, казалось, высказать свое мнѣніе на поднятый неожиданно для нихъ вопросъ о цензѣ... И собраніе про-

*) Морск. Сб. за 1909 г. № 1 стр. 1 и 2. Курсивы мои.

водило представителей министерства молча и сосредоточенно“.

Отчего-же они промолчали? Почтенный авторъ воспоминаній полагаетъ, что отъ... неожиданности. Мнѣ-же представляется, что это яркая картина забитости, инертности, отсутствія инціативы, которыя таили въ себѣ и готовили... катастрофу.

И если это дѣлали лучшія „имена во флотѣ“, то что-же представляли изъ себя остальные? И во что они обратились еще послѣ двадцатилѣтняго примѣненія ценза?

Уже тогда разгромъ чувствовался въ воздухѣ.

Почему ушелъ изъ флота адмиралъ И. Ѳ. Лихачевъ.

Это чувствовалъ такой человѣкъ какъ И. Ѳ. Лихачевъ и ушелъ, чтобы не имѣть на своей душѣ отвѣтственности за участіе въ дѣлѣ разрушенія флота. Вотъ, что онъ пишетъ по этому поводу*): „я былъ тогда уже не молодымъ офицеромъ (состоялъ уже лѣтъ 10 въ чинѣ вице-адмирала),—и не могъ сдѣлать себѣ иллюзіи и примириться съ „новымъ курсомъ“, такъ рѣзко обозначившимся съ назначеніемъ Шестакова. Въ 1883 г. я вышелъ въ отставку, не унося съ собою другой награды за службу, кромѣ личнаго чувства избавленія отъ участія въ фатальномъ, какъ мнѣ всегда казалось, и преступномъ дѣлѣ реакціи и нравственнаго пониженія или „притупленія“, что было тогда лозунгомъ для Шестакова и сотрудниковъ его „реформъ“.

„Декоративное“ направленіе въ русскомъ флотѣ въ 90-хъ годахъ.

А до чего дошло при преемникѣ Шестакова это нравственное пониженіе, въ связи съ *декоративнымъ направленіемъ* и стремленіемъ ввести въ заблужденіе декораціями не только Главу государства и свое отечество, но и другія государства (уже одинъ такой разсчетъ—притупленіе сознанія), показываютъ слова одного изъ стоящихъ въ сторонѣ пристальныхъ наблюдателей того, что дѣлается въ рускомъ флотѣ**). „Многіе поражены разгромомъ нашего флота японцами. Но

*) Въ письмѣ къ Н. Н. Беклемишеву отъ 7 Апрѣля 1906 года, помѣщенному въ журналѣ „Море“ вып. III за 1909 г., стр. 85.

**) Н. Н. Беклемишевъ. „Петербургскія Вѣдомости“ 4 Іюня 1907 г. Курсивы мои.

какъ-же могло быть иначе, если онъ и не готовился для войны? Когда въ серединѣ 90-хъ годовъ морское министерство подверглось энергичной атакѣ съ помощью записокъ и докладовъ, то фактическій его руководитель, черезъ посредство своего приближеннаго (Обручева), печатно заявилъ, что въ наше время *воевать — не разсчетъ*, и вліяніе флота выражается самымъ *наличіемъ* кораблей, построеныхъ за данную сумму, а относительно недостатка морскихъ офицеровъ было объяснено, что и Англія терпитъ его. Такимъ образомъ, направленіе *декоративнаго* развитія русскаго флота было предрѣшено".

Это „декоративное" и „смотровое" направленіе, въ русскомъ флотѣ (какъ и вообще въ Россіи) было далеко не случайнымъ. Это была система, твердое основаніе для которой закладывалось, хотя можетъ быть и не совсѣмъ сознательно, еще въ Морскомъ Корпусѣ. Достаточно указать на всѣмъ памятное „ожиданіе" Высочайшихъ посѣщеній. Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль, въ извѣстные часы, воспитанники переодѣвались въ новое смотровое платье, на кровати настилались парадныя одѣяла, на полы — ковры, производились постоянныя „репетиціи" встрѣчи и проводовъ, для чего считалось возможнымъ отмѣнять и занятія и лишать воспитанниковъ пребыванія на воздухѣ (чтобы не портить смотровое платье) и т. п... Такая систематическая подготовка, собственно, ни къ чему иному, какъ къ „введенію въ заблужденіе" Верховнаго Вождя флота относительно дѣйствительнаго состоянія корпуса, за счетъ „декоративной", „казовой" стороны, хотя и возмущала молодежь, но постоянно повторяемая, въ концѣ концовъ входила въ привычку, занимала свое мѣсто въ обычныхъ навыкахъ и пропитывала питомцевъ корпуса на столько, что уже на службѣ они возмущались все меньше и меньше, и наконецъ и сами проводили этотъ навыкъ въ жизнь. Такой порядокъ продолжался вплоть до послѣдней нашей несчастной войны, и не нашлось ни одного начальника училища, который имѣлъ-бы гражданское мужество отступить отъ такого порядка, просто хотя-бы изъ примитивной честности, такъ какъ

это было явное развращеніе молодежи. Такъ прививалось къ флоту и развивалось въ немъ „византійство“, принесшее и продолжающее приносить ему столько вреда.

Эпоха „грошевой“ экономіи.

А потомъ настала знаменитая эпоха „грошевой экономіи“, которая имѣла такія фатальныя послѣдствія. И часто въ тѣ времена раздавались обвиненія въ этой экономіи того или другого отдѣльнаго лица, точно отдѣльныя лица тутъ могли что нибудь значить. Тутъ была система, и она ярко выразилась въ томъ, что единственный благодарственный приказъ по флоту, за время нахожденія во главѣ его преемника Чихачева, былъ командиру одного изъ судовъ за крупную экономію на матросскомъ продовольствіи. Направленіе было дано—всѣ ему и слѣдовали, въ особенности при той скачкѣ съ препятствіями, и при томъ отборѣ посредственностей, къ которымъ привелъ цензъ—или вѣрнѣе—практиковавшійся способъ его примѣненія.

Смотръ—маневръ въ Ревелѣ въ 1902-мъ году.

Однако вернусь къ декоративному направленію и смотрамъ – имъ еще суждено было сыграть фатальную роль.

Смотры часто соединялись съ маневрами, и отношеніе къ смотрамъ перенеслось и на маневры, и какъ затерялось истинное значеніе смотровъ, которые обратились въ „случаи выразить всѣмъ и всему похвалы“, такъ утерялось истинное значеніе и маневровъ, долженствовавшихъ служить упражненіями и экзаменомъ личному составу въ пригодности его къ бою, и обратившихся въ новый способъ для введенія въ заблужденіе объ истинномъ состояніи флота правительства и страны, полагающей, что если производятся маневры, значитъ флотъ готовится къ войнѣ.

Особенно характеренъ и чреватъ своими послѣдствіями смотръ—маневръ въ Ревелѣ въ 1902 году, всего за полтора года до войны съ Японіей.

То что было показано на этомъ смотру не имѣло ничего общаго съ боевой готовностью русскаго флота. Всѣ маневры были тщательно подготовлены и продѣланы много разъ, и на смотру отъ нихъ не отступили ни на одну іоту. Все это дѣлалось на виду у

цѣлаго города, да еще и съ нѣмецкимъ населеніемъ, а потому конечно Германскій Императоръ, для котораго и устраивался этотъ смотръ, превосходно былъ освѣдомленъ о всемъ, что онъ увидѣлъ и какъ это подготовлялось, т. е. на сколько смотровое благополучіе соотвѣтствуетъ дѣйствительному.

Поэтому едва-ли *онъ* былъ введенъ въ заблужденіе, а вотъ мы *сами* повидимому попались на свою собственную удочку! У насъ какъ будто-бы повѣрили, что—вотъ каковъ русскій флотъ, вотъ какъ онъ можетъ маневрировать и стрѣлять, и за этимъ какъ будто и забыли, что и маневры то были очень несложные, и сколько времени потѣли надъ непрестаннымъ ихъ повтореніемъ, и что стрѣляли—спеціалисты-инструкторы съ артиллерійскаго отряда, въ издавна знакомой имъ обстановкѣ, съ небольшихъ и точно размѣренныхъ разстояній!

Высшіе морскіе чины, присутствовавшіе въ полномъ комплектѣ на этомъ смотру, и отвѣтственные за то представленіе и оцѣнку, которая создалась, по отношенію къ этому смотру Главы государства и правительства, легко могли-бы представить дѣло въ его дѣйствительномъ освѣщеніи, и оно не имѣло-бы особыхъ послѣдствій. А при болѣе вдумчивомъ отношеніи руководителей морского вѣдомства къ тому, что они видѣли, могла-бы создаться такая точка зрѣнія, что флотъ еще не готовъ для серьезныхъ дѣйствій, что надо выяснить это правительству, чтобы оно сообразовало съ этимъ и свою внѣшнюю политику. Достаточно было того факта, что „временно прикомандированные“ къ артиллерійскому отряду, продѣлавшему всѣ эти фокусы, дѣйствительно боевыя суда, броненосцы „Побѣда“ и „Ретвизанъ“, не могли принять участія въ этихъ фокусахъ, и стояли на якорѣ лишь въ видѣ „декораціи“.

Но ничего этого не было сдѣлано. Когда Екатерина II-я производила смотръ флоту, то у нея нашлись люди (стр. 454), которые сумѣли ей показать и выяснить декоративную подкладку этого смотра—самой Ей конечно трудно было во всемъ разобраться, а тутъ...

такихъ людей не нашлось. И вотъ посыпались, какъ изъ рога изобилія восхваленія *всѣмъ* за „*боевыя* упражненія“, за „усердную и дружную работу въ самой *существенной* отрасли боевой службы флота“, а кораблямъ не участвовавшимъ въ маневрахъ за „здоровый и бодрый видъ ихъ командъ“*).

И если-бы этимъ дѣло и ограничилось, то нельзя было-бы ничего и возразить. Дѣйствительно для приготовленія маневра люди трудились день и ночь, и разъ ихъ заставили терять на это драгоцѣнное время *учебнаго* отряда, и они, съ огромнымъ трудомъ и рвеніемъ, сдѣлали только то, чего отъ нихъ требовали, то они заслуживали похвалы и наградъ, хотя упражненія въ которыхъ они практиковались и не были ни „боевыми“, ни „самой существенной отраслью боевой службы флота“.

Послѣдствія Ревельскаго смотра.

Но въ томъ-то и дѣло, что этимъ не ограничились результаты смотра. Результатомъ его явился самогипнозъ, самомнѣніе—„вотъ мы-де какіе“!

И нѣмцы насъ похвалили. И главное—чѣмъ были поражены нѣмцы, говорили тогда—это тѣмъ, что такъ искусно маневрировали и стрѣляли совершенно устарѣлые корабли, съ рядовыми командирами—что-же тогда—говорили нѣмцы—можно ожидать отъ новѣйшихъ боевыхъ судовъ, подъ управленіемъ лучшихъ командировъ!

Да, именно такъ и говорили тогда нѣмцы, но думали-ли они это—вотъ вопросъ? Что они знали истинное положеніе дѣла—въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. А значитъ, если они пѣли намъ дифирамбы, то причина этому была любезность, а можетъ быть и... приказаніе. И объясненіе такому приказанію найти не трудно.

Вѣдь у всѣхъ въ памяти, что Императоръ Вильгельмъ, уходя съ Ревельскаго рейда, сдѣлалъ ошеломившій всѣхъ въ первый моментъ сигналъ—„Адмиралъ Атлантическаго океана привѣтствуетъ Адмирала Тихаго океана“. Этотъ знаменательный сигналъ выбралъ эпиграфомъ Персиваль А. Хисламъ къ своей

*) Выраженія въ ковычкахъ взяты изъ приказовъ по случаю смотра.

столь нашумѣвшей книгѣ „Господство на Атлантическомъ океанѣ“, но мы уже забыли объ этомъ сигналѣ.

А между тѣмъ не былъ-ли этотъ сигналъ первымъ шагомъ въ томъ несомнѣнномъ наталкиваніи насъ на дальній востокъ, которое легло въ основу германской политики по отношеніи къ намъ, и привело насъ черезъ полтора года къ войнѣ съ Японіей?

И не помогъ-ли нѣмцамъ насъ натолкнуть на этотъ опасный путь именно Ревельскій смотръ, или точнѣе—нашъ самогипнозъ этимъ смотромъ? Вѣдь имъ, такъ расхваливнимъ насъ за этотъ смотръ, и вѣроятно не безъ намѣренія, такъ легко было потомъ говорить — вамъ, да съ такимъ флотомъ, такъ хорошо маневрирующимъ и стрѣляющимъ, вамъ да не овладѣть Тихимъ океаномъ и не справиться съ японцами!

Да полноте! Дерзайте, успѣхъ вашъ обезпеченъ, а мы вамъ окажемъ нравственную поддержку!

Не было-ли тогда разыграно между нами и нѣмцами нѣчто вродѣ басни о воронѣ и лисицѣ и быть можетъ мы не такъ легко поддались-бы на льстивыя рѣчи, если-бы не Ревельскій смотръ?

Да, фатальные бываютъ смотры, когда въ нихъ видятъ лишь одну показную сторону, а не сущность дѣла. Потому-что, если-бы производили смотры, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ, а не показномъ только, состояніи военной силы, то они кромѣ пользы ничего принести не могутъ.

Что долженъ былъ показать Ревельскій смотръ.

Такъ и Ревельскій смотръ оказался-бы полезнымъ, если-бы изъ него заключили, что съ Японіей надо быть болѣе чѣмъ осторожнымъ, ибо еще очень ненадежна пока наша морская сила.

Маневры на дальнемъ востокѣ въ 1903-мъ году.

А на самомъ дѣлѣ самогипнозъ только пошелъ дальше, какъ въ сказкѣ Андерсена, въ которой король, обманутый ловкими проходимцами, что будто-бы они сшили ему великолѣпное платье, а на самомъ дѣлѣ только ими раздѣтый, выходитъ голымъ къ своимъ приближеннымъ, и они всѣ, боясь—кто показаться

Предупрежденія „науки“.

Этотъ самогипнозъ пытались разсѣять курсы военно-морскихъ наукъ при Николаевской Морской Академіи, которые путемъ двукратной стратегической игры—послѣдняя изъ нихъ была за годъ до войны—пришли къ заключенію, что флоту нашему грозитъ неминуемый разгромъ. Результаты этихъ работъ были отпечатаны и разосланы всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ стоящимъ во главѣ флота.

Но все было напрасно. Это вѣдь говорила, хотя и въ младенческомъ состояніи—„наука“. А „наука“ не была въ фаворѣ и взглядъ на „курсы“ во флотѣ былъ далеко для нихъ не лестный. (См. предисловіе стр. 1 и 5).

Представленіе о могуществѣ флота у правительства въ 1903 году.

При такомъ состояніи умовъ на мѣстѣ, поддерживалось въ самогипнозѣ и правительство, и этимъ подвигалось все дальше и дальше на путь неминуемаго столкновенія, въ результатѣ котораго—на морѣ по крайней мѣрѣ—вырисовывался явный разгромъ.

А побывавшій въ такой атмосферѣ военный министръ такъ оріентировалъ правительство*): „успѣхъ работъ для образованія внутренняго порта полный и часть флота можетъ найти безопасное и надежное закрытіе во внутреннемъ портѣ. Дальнѣйшія работы дадутъ возможность найти безопасное убѣжище всей нашей Тихо-океанской эскадрѣ. *Уже и нынѣ эта эскадра можетъ смѣло мѣрять свои силы со всѣмъ флотомъ Японіи съ надеждою на полный успѣхъ*“.

А какова была подготовка личнаго состава этой эскадры и вообще личнаго состава всего русскаго флота къ бою, объ этомъ и не думали. Только внѣшняя, декоративная сторона и принималось въ разсчетъ! А вотъ что говоритъ про личный составъ нашего флота передъ войной одинъ изъ талантливыхъ боевыхъ нашихъ офицеровъ:

„Наша неготовность заключалась въ томъ, что личный составъ, хотя и былъ въ комплектѣ, но не былъ подготовленъ къ бою. Возьмемъ бой, что знали мы, офицеры, руководители боя, по вопросу о тактикѣ морского боя“?

---

*) Всеподданнѣйшая записка отъ 23 Ноября 1903 года. Курсивы мои.

„Я не сдѣлаю большой ошибки, если скажу, что для большинства это было пустой звукъ, ничего не говорящій ни уму, ни сердцу... Мы имѣли оружіе, мы были въ достаточной для боя мѣрѣ снабжены имъ, но увы, свойствъ этого оружія мы не знали.. Мы имѣли различнаго рода снаряды, но ни одинъ даже артиллерійскій офицеръ никогда не видѣлъ, какъ рвется боевой снарядъ, да рвется-ли онъ вообще. Стрѣлять стальными снарядами въ мирное время было запрещено... Дорогой цѣной заплатили мы за наше *невѣжество...*" *) (см. стр. 61—64).

Ну развѣ не кстати опять указать, какъ правы были адмиралы Г. И. Бутаковъ, И. Ѳ. Лихачевъ и В. А. Стеценко, когда ихъ тревожила будущая участь нашего флота! (см. стр. 459 и 460).

Указывая на различные недостатки въ нашей морской силѣ съ единственной цѣлью—намѣтить средства и изыскать способы борьбы съ этими недостатками, я указываю параллельно на тѣ-же недостатки и въ нашей арміи. Я убѣжденъ что это недостатки не „флота", а недостатки вообще или „русскіе", или „общечеловѣческіе", и можно было-бы приводить параллели и изъ другихъ отраслей службы и изъ жизни другихъ народовъ. Не дѣлаю этого просто потому, что нѣтъ у меня для этого матеріала и это слишкомъ расширило-бы рамки моего изслѣдованія. И только поэтому ограничиваюсь параллелями съ военнымъ вѣдомствомъ. Но все равно, каковы-бы ни были эти недостатки—„національные" или „общечеловѣческіе", задача исторіи вообще, а въ частности исторіи военно-морского искусства—констатировать эти недостатки, стараться найти ихъ корни и пытаться выработать способы для борьбы съ ними.

„Армейская" атмосфера передъ войной по отзыву Р. И. Кондратенко.

Къ характеристикѣ той атмосферы, которая царила и въ нашей арміи, приведу два отрывка изъ письма Романа Исидоровича Кондратенко, написаннаго имъ 1 Октября 1900 г. изъ Сингапура во время слѣдованія со своей частью на дальній востокъ.

*) В. Н. Черкасовъ. Записки по курсу „Элементарная Морская Тактика" 1910 г. стр. 5, 7, 8 и 10. Курсивъ мой.

„...Чѣмъ я становлюсь старше годами, тѣмъ тяжелѣе становится для меня не служба, а тѣ дрязги, которыя соединены со службой, особенно въ строю, когда приходится имѣть дѣло со многими подчиненными и начальниками самыхъ разнообразныхъ степеней образованія, воспитанія и взглядовъ. Жить въ этомъ винегретѣ, *постоянно лавируя, чтобы не заварить каши,* становится съ каждымъ годомъ противнѣе“.

„...Два мѣсяца пребыванія на пароходѣ (путешествіе со стрѣлками на дальній востокъ) познакомило меня съ нашими офицерами несравненно болѣе, чѣмъ $4^1/_2$ лѣтнее командованіе полкомъ. Выводъ мой—не дай Богъ нашимъ дѣтямъ служить даже въ лучшемъ армейскомъ полку: узкіе взгляды, перемѣшиваясь съ самонадѣянностью, не знающей во многихъ случаяхъ границъ, даютъ такую атмосферу, среди которой воспитанному и болѣе широко развитому человѣку приходится жутко, если онъ подчиненный или товарищъ, а если начальникъ, какъ былъ на пароходѣ я, то онъ осужденъ на полное одиночество и недоброжелательство, а при малѣйшей снисходительности—не гарантированъ и отъ нарушенія дисциплины“.

Представленіе о силѣ Портъ-Артура въ концѣ 1903 года.

Но самогипнозъ обнималъ тогда не одинъ флотъ. Изъ той-же записки военнаго министра мы узнаемъ его мнѣніе и о Портъ-Артурѣ, какъ крѣпости сухопутной: „Нынѣ можно не тревожиться, если даже большая часть, напр. японской арміи обрушится на Портъ-Артуръ. *Мы имѣемъ силы и средства* отстоять Портъ-Артуръ, даже борясь одинъ противъ 5—10 враговъ... Такимъ образомъ *Портъ-Артуръ, обезпеченный съ моря и съ суши,* снабженный сильнымъ гарнизономъ и поддержанный *могущественнымъ флотомъ,* представляетъ вполнѣ самостоятельную силу. Запасовъ собрано столько, что *наши войска успѣютъ собраться въ Манчжуріи, нанести рѣшительное пораженіе противнику,* и освободить осажденный и блокированный Портъ-Артуръ. Два года тому назадъ, даже годъ тому назадъ, мы могли тревожиться оторванностью Портъ-Артура отъ Россіи и Пріамурья. *Теперь можно и не тревожиться*“.

Эта записка помѣчена 23-мъ Ноябремъ 1903 года, а черезъ годъ въ этотъ день пала Высокая гора и участь Портъ-Артура и флота была рѣшена.

Работа рутины въ послѣдствіяхъ навыка „все и всегда хвалить“.

Такъ говорили люди, отвѣтственные за состояніе морскихъ и сухопутныхъ силъ, знавшіе, что война на носу и... все таки, гдѣ-то въ тайникахъ своей души, надѣявшіеся, что авось войны не будетъ, и смѣло исполнявшіе веленія рутины—все и всегда хвалить.

И когда все таки грянула война, такъ какъ противникъ-то въ точности зналъ *дѣйствительное* положеніе дѣла, то какъ-было признать свои заблужденія, какъ было открыть наконецъ глаза правительству, какъ было съ перваго-же момента войны требовать огромныхъ средствъ и подкрѣпленій, когда только что было донесено о полномъ благополучіи и о надежной мощи нашихъ военныхъ силъ! Одна обманчивая надежда тянула за собой другую. Не было *гражданскаго* мужества разрушить созданное заблужденіе, и съ тайнымъ страхомъ и, не смотря на все, съ неумирающей все таки надеждой на „авось“ и на традиціонный „духъ“, заблужденіе поддерживалось.

Только черезъ два мѣсяца начали думать о серьезныхъ морскихъ подкрѣпленіяхъ, и то послали ихъ въ два пріема, и все таки въ недостаточномъ количествѣ. Еще гораздо позже взглянули серьезно на положеніе нашихъ сухопутныхъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, и отправили туда подкрѣпленія въ видѣ настоящихъ войскъ первой линіи, а не въ видѣ старыхъ сроковъ, забывшихъ все военное, омужичившихся, пожилыхъ запасныхъ. Эти подкрѣпленія пришли только къ заключенію мира.

Еще въ Ноябрѣ 1903 года нашелся въ Главномъ Морскомъ Штабѣ одинъ человѣкъ—капитанъ 1-го ранга Брусиловъ,—который подалъ Начальнику Штаба докладную записку о необходимости немедленно приступить къ экстреннымъ и ночнымъ работамъ для быстрѣйшей достройки всѣхъ строившихся судовъ и для исправленія неисправныхъ кораблей—впослѣдствіи они и составили 2-ю и 3-ю эскадры—и въ этой докладной запискѣ онъ указывалъ на неизбѣжность войны, и на

невозможность обойтись съ имѣемыми на дальнемъ востокѣ морскими силами... Но эта записка была ему возвращена съ самыми обидными для него резолюціями Начальника Главнаго Морского Штаба—адмирала Рожественскаго.

И произошло все это потому, что, связавши себя первоначальнымъ обманомъ, все оттягивали „откровенное признаніе въ своей ошибкѣ“, и рѣшились на это только тогда, когда и безъ того всѣмъ было это ясно. А пока, въ тайнѣ, морская отрасль военной силы разсчитывала—авось армія вывезетъ, а сухопутная отрасль—а не вывезетъ-ли какъ нибудь флотъ!

Люди дѣлаютъ на войнѣ то, что привыкли дѣлать въ мирное время.

Въ своемъ мѣстѣ, въ настоящемъ введеніи было указано (см. гл. IV стр. 260–261), что война не измѣняетъ людей, что нельзя разсчитывать, что они будутъ поступать какъ-то иначе, противно своимъ навыкамъ мирнаго времени, что они пожертвуютъ всѣми своими личными интересами для пользы дѣла. Мы сейчасъ видѣли, какъ вліяніе укоренившейся привычки къ смотровому благополучію и къ восхваленію всего передъ высшей властью протянулось вглубь военныхъ событій, и какой оно принесло огромный вредъ. Мы видѣли то-же самое и въ Крымской войнѣ (см. стр. 457 и 458). Мы видѣли также, какъ вредно вліяло на наше стратегическое положеніе на Черномъ морѣ передъ Синопскимъ сраженіемъ—честолюбіе Корнилова, подвигавшее его на соперничество въ явный ущербъ для дѣла (см. стр. 395—398 и 413).

Яркіе образчики такого соперничества дала и послѣдняя война. Всѣмъ извѣстно—какой подъемъ духа на Портъ-Артурской эскадрѣ возбудилъ по пріѣздѣ туда адмиралъ Макаровъ. Вотъ какъ пишетъ про него морской офицеръ, одинъ изъ видныхъ участниковъ войны *):

„Въ короткое время, своей доступностью, *отвращеніемъ къ показной сторонѣ, желаніемъ быть, а не казаться,* умѣніемъ разгадывать людей, а главное—своей дѣятельностью, онъ заслужилъ полное довѣріе

---

*) Курсивы мои.

личнаго состава и небольшія его слабости охотно прощались. Всѣ понимали, что новый вождь русскаго флота знаетъ, хочетъ и умѣетъ воевать".

Такъ смотрѣли на адмирала Макарова его подчиненные. А вотъ какъ смотрѣли на него морскіе-же чины, отъ которыхъ онъ зависѣлъ.

Издѣвательство надъ адмираломъ Макаровымъ

„Отправляясь на войну", пишетъ тотъ-же офицеръ, „адмиралъ Макаровъ, ходатайствовалъ о напечатаніи и высылкѣ въ Артуръ для раздачи личному составу его книги—„Разсужденія по вопросамъ морской тактики". Начальникъ Главнаго Морского Штаба, адмиралъ Рожественскій, кладетъ резолюцію, которая телеграфируется за подписью Управляющаго Морскимъ Министерствомъ: „Нѣтъ средствъ въ соотвѣтствующемъ параграфѣ". Командующій флотомъ вновь возобновляетъ ходатайство: „Если Ваше Превосходительство не находите возможнымъ исполнить мою просьбу, то благоволите ее доложить Его Высочеству Генералу-Адмиралу" (телеграмма отъ 10 Марта за № 226). На этой телеграммѣ положено рукой Начальника Главнаго Морского Штаба резолюція: „На будущій годъ". А адмиралу Макарову отвѣчаютъ: „За неимѣніемъ средствъ въ текущемъ году и не признавая возможнымъ отнести расходъ на военный кредитъ, Его Высочество приказалъ отвѣтить, что печатаніе книги можетъ быть разрѣшено изъ кредитовъ будущаго года, о чемъ приказано войти своевременно съ представленіемъ. Авеланъ. № 1021". „Не устрашенный именемъ Генералъ-Адмирала, на котораго ссылались представители Морского Вѣдомства, раздраженный мелочными препятствіями, дѣлаемыми ему людьми, обязанность которыхъ, казалось-бы, устранять ихъ, командующій флотомъ, несмотря на военныя заботы и труды, находитъ время и энергію, чтобы заговорить языкомъ, котораго нельзя не понять при всемъ желаніи: „просилъ-бы теперь-же напечатать мою книгу „Разсужденія по вопросамъ морской тактики" для раздачи ея командирамъ, дабы они ознакомились со взглядами своего начальника. *Книга нужна теперь, а не въ будущемъ году*. Не допускаю мысли, что министерство

не можетъ найти 500 рублей, и *отказъ въ печатаніи понимаю, какъ неодобреніе моихъ взглядовъ на веденіе войны,* и потому, если моя книга не можетъ быть напечатана теперь, то прошу меня замѣнить другимъ адмираломъ, который пользуется довѣріемъ высшаго начальства. (Телеграмма 18 марта № 322)".

Вотъ тогда деньги нашлись немедленно, потому-что вѣдь надо было доложить и Государю Императору—почему отказывается отъ командованія флотомъ адмиралъ Макаровъ?

Но развѣ это не издѣвательство надъ адмираломъ, назначеннымъ вести эскадру въ бой, издѣвательство и надъ военной силой въ военное время, и надъ важнѣйшими интересами страны! И еще неизвѣстно даже—въ какой мѣрѣ къ этому издѣвательству примѣшивалось только „непониманіе" сущности военнаго дѣла, преклоненіе передъ формой!

„Думалъ-ли адмиралъ Рожественскій", продолжаетъ цитируемый авторъ „сыгравшій, несомнѣнно, видную роль въ вышеприведенномъ инцидентѣ, доставившемъ конечно непріятныя минуты командующему флотомъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему придется испытывать со стороны морского министерства такое-же равнодушное(?) къ себѣ отношеніе, какое онъ проявилъ къ адмиралу Макарову, трудящемуся при условіяхъ, переносить которыя было возможно лишь при благожелательной поддержкѣ высшаго командованія и морского министерства даже въ малѣйшихъ начинаніяхъ".

Но этимъ инцидентомъ далеко не ограничивались тѣ препятствія, которыя чинили адмиралу Макарову.

Прибывъ на мѣсто, онъ счелъ нужнымъ выяснить главнокомандующему (намѣстнику) дѣйствительное состояніе дѣла. „Цѣль моего настоящаго рапорта" заключаетъ адмиралъ Макаровъ*) „не въ томъ, чтобы жаловаться на недостатки, а въ томъ, чтобы Ваше Высокопревосходительство представили себѣ положе-

*) Продолжаю цитировать все того-же автора. Курсивы мои.

ніе, въ которомъ находится флотъ (27 Февраля № 95)". На свое донесеніе адмиралъ Макаровъ получаетъ отвѣтъ, изъ котораго слѣдуетъ, что всѣ, указываемые командующимъ флотомъ, недочеты были *въ свое время* замѣчены, и что по поводу каждаго изъ нихъ *писались соотвѣтствующія бумаги*...

Получивъ только это, вмѣсто помощи, ободренія и утѣшенія, въ которыхъ, ~~очевидно~~, очевидно нуждался даже такой крѣпкій духомъ человѣкъ, какъ адмиралъ Макаровъ, онъ продолжалъ энергичную ликвидацію прежнихъ порядковъ. Для этого, однако, необходимо была ему „полная мочь" въ выборѣ помощниковъ... И морской уставъ давалъ ему совершенно опредѣленныя права надъ личнымъ составомъ ввѣренной ему силы (статьи 48 и 54). Но онъ встрѣтилъ большія затрудненія въ пользованіи своимъ правомъ, не говоря ужъ о неудовлетвореніи своихъ ходатайствъ о чинахъ, не находившихся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Такъ онъ желалъ имѣть своимъ помощникомъ на должности капитана надъ портомъ капитана I ранга Миклуха-Маклай, впослѣдствіи доблестно погибшаго на броненосцѣ „Адмиралъ Ушаковъ". Хотя, повидимому, онъ не исполнялъ никакой особой важной обязанности въ Кронштадтѣ*), но ему было отвѣчено: „Миклуха капитаномъ порта назначенъ быть не можетъ" (телеграмма 23 Марта № 1559)... Чтобы сохранить хоть какую нибудь связь съ многолѣтнимъ прошлымъ, командующій флотомъ просилъ адмирала Алексѣева о назначеніи къ нему въ штабъ бывшаго флагъ-капитана (25 Февраля). Но Высшимъ командованіемъ было отвѣчено, что это лицо „переводится въ мой полевой штабъ" (телеграмма отъ 27 Февраля). Между тѣмъ, нельзя не признать, что желаніе командующаго флотомъ сохранить въ своемъ штабѣ лицо, стоявшее такъ близко у дѣлъ, было справедливо... Командующій флотомъ доноситъ адмиралу Алексѣеву о томъ, что имъ выбраны кандидатами на освободившіяся вакансіи командировъ; В. на „Цесаревичъ" и Ф. Э.—на „Се-

---

*) На должность командира „Ушакова" онъ было назначенъ много мѣсяцевъ спустя.

вастополь“ (24 Марта № 382). Главнокомандующій выставилъ на должность командира „Цесаревича“ *своего* кандидата—Х., соглашаясь на назначеніе В. на „Севастополь“ (25 Марта № 655). Но командующимъ флотомъ былъ уже отданъ приказъ о назначеніи В. и Ф. Э., о чемъ увѣдомлено морское министерство*). Дѣло обострилось на столько, что адмиралъ Алексѣевъ телеграфируетъ управляющему морскимъ министерствомъ: „Командующій флотомъ вошелъ съ представленіемъ о назначеніи В. непосредственно, *безъ предварительнаго сношенія,* ограничиваясь однимъ донесеніемъ. Ввиду состоявшагося уже Всеподданнѣйшаго доклада, прошу вакансію на „Севастополь“ не замѣщать до моего представленія“ (26 Марта № 675). Въ то-же время онъ возбуждаетъ вопросъ *объ измѣненіи статей 48 и 54 морского устава,* по измѣненію правъ командующаго флотомъ, вызваннаго „вредными для дѣла частыми смѣнами старшихъ чиновъ“ (телеграмма № 1297). Вѣроятно, чувствуя себя не въ состояніи командовать флотомъ, имѣя помощниками не имъ выбранныхъ лицъ, адмиралъ Макаровъ рѣшается пойти на конфликтъ съ высшимъ командованіемъ, донося ему нижеслѣдующее: „Представленіе Х. поведетъ къ отмѣнѣ моего приказа о назначеніи Ф. Э. командующимъ броненосцемъ „Севастополь“, и Ш. командиромъ „Новика“, послѣ чего мое дальнѣйшее пребываніе въ настоящей должности сдѣлается невозможнымъ, а потому, въ случаѣ, если Ваше Высокопревосходительство настаиваете на отмѣнѣ моего приказа и пожелаете Х., который не можетъ командовать кораблемъ, то прошу о моемъ отчисленіи, ибо въ такой обстановкѣ я не въ силахъ исполнить возложеннаго на меня Его Высочествомъ порученія (26 Марта № 398)“.

Два раза на протяженіи 8 дней адмиралъ Макаровъ вынужденъ былъ дѣйствіями высшихъ морскихъ чиновъ къ постановкѣ вопроса ребромъ о „довѣріи“. И только этимъ путемъ ему удавалось настоять на томъ, на что онъ имѣлъ несомнѣнное закономъ предоставленное ему право.

---

*) Т. е. адмиралъ Макаровъ поступилъ согласно своему праву, указанному въ законѣ.

Но только что погибъ Макаровъ, пришлось и самому намѣстнику испытать на себѣ тотъ-же самый гнетъ, которымъ онъ давилъ покойнаго адмирала. Теперь ему самому предстояло осуществить свое право выбрать непосредственнаго своего помощника—командующаго флотомъ. Зная, что въ Петербургѣ всегда готовы преподнести ему „непріятный сюрпризъ“, онъ поспѣшилъ телеграммой назвать трехъ кандидатовъ на мѣсто безвременно погибшаго Макарова, но ему назначили... четвертаго и притомъ такого, который былъ ему наиболѣе непріятенъ. Пришлось теперь и ему ставить вопросъ о „довѣріи“, но и на этомъ пришлось ему потерпѣть неудачу вслѣдствіе такого вмѣшательства, что настаивать на своемъ у него уже не хватило гражданскаго мужества.

А дѣло все страдало. И спрашивается—кому это было нужно?

Военное министерство ставило препоны командующему арміей въ осуществленіи его правъ.

Тоже самое происходило и въ арміи. Несмотря на то, что генералъ Куропаткинъ получилъ назначеніе командующаго арміей прямо съ поста военнаго министра, люди только что бывшіе его непосредственными подчиненными начали ему чинить на каждомъ шагу препятствія, и цѣлый рядъ такихъ препонъ онъ приводитъ въ своемъ отчетѣ *).

„Я увѣдомлялъ военнаго министра о несоотвѣтствіи двухъ генераловъ, стоявшихъ во главѣ корпусовъ, слѣдовавшихъ въ армію. Заявленіе мое во вниманіе принято не было... Отставленіе мною отъ должности начальника *N-й* стрѣлковой дивизіи, обнаружившаго болѣзненную нервность въ бою и оставившаго свою дивизію передъ рѣшительнымъ боемъ, вызвало рядъ запросовъ объ основаніяхъ такого моего распоряженія. Лица, оставившія ряды арміи по неспособности, болѣзненности или даже по недостатку мужества, получали въ Россіи иногда высокія назначенія... Представленія о продвиганіи впередъ достойнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба встрѣчали препятствія въ томъ, что они обходили своихъ сверстниковъ сидѣвшихъ въ канцеляріяхъ... Моя просьба о высылкѣ топо-

*) „Итоги“. Стр. 199—201.

графовъ не была уважена въ самое важное для насъ время...“ и т. д...

Адмирала Макарова донимали военнымъ невѣжествомъ.

Возвращаясь къ адмиралу Макарову, надо еще отмѣтить—сколько ему портили крови различными болѣе чѣмъ странными сообщеніями и вопросами, прямо непостижимыми со стороны серьезныхъ лицъ и учрежденій.

Цитируемый мною авторъ*) приводитъ нѣсколько такихъ курьезовъ. „Такъ консулъ въ Гонгконгѣ сообщаетъ, что японцы намѣрены взять Артуръ, прорывъ подъ землею проходъ (телеграмма 30 Января). Главное Управленіе кораблестроеній проситъ сообщить—*сколько времени продолжится война*, на что приходится отвѣчать, что это неизвѣстно (31 Января № 198). Начальникъ главнаго морского штаба, адмиралъ Рожественскій, сообщаетъ, что нашъ морской агентъ въ Англіи телеграфируетъ, что „*въ Лондонѣ намъ совѣтуютъ* ночныя минныя атаки“ (31 Января № 378). Управляющій морскимъ министерствомъ проситъ „сообщать болѣе подробно случаи по морскому вѣдомству“ (30 Января № 337)“.

А когда адмиралъ Макаровъ, который понималъ—какое огромное значеніе имѣетъ подъемъ духа въ личномъ составѣ, писалъ, что онъ считаетъ безусловно необходимымъ, чтобы отрядъ адмиралъ Вирениуса слѣдовалъ на дальній востокъ—„иначе это произведетъ огромный нравственный ударъ“, то оказалось, что отрядъ уже получилъ въ это время приказаніе возвратиться обратно и что приказаніе отмѣнено не было.

„Полагалъ-бы полезнымъ“—хлопоталъ передъ Высшимъ Командованіемъ энергичный адмиралъ—„объявить, что ни Артуръ, ни Владивостокъ не блокируются непріятелемъ“. Казалось-бы, что моральное значеніе подобнаго заявленія понятно, но Высшее Командованіе, повидимому, совершенно отвыкло отъ мысли и забыло о духѣ, и на документѣ пишется резолюція: „Какія соображенія заставляютъ объявлять объ этомъ? Переговорить съ начальникомъ Диплома-

*) Курсивы мои.

тической Канцелярiи“. (15 Марта 1904 г. № 288). Адмиралъ Макаровъ просилъ опубликовать его намѣренiе ставить мины у береговъ Кореи, какъ-бы для предупрежденiя иностранныхъ коммерческихъ пароходовъ въ этихъ водахъ, но конечно все съ тою-же цѣлью—заставить вѣрить и непрiятеля и своихъ, что русскiй флотъ живъ, что съ нимъ надо считаться“...

Но на все это не обращалось вниманiя, и адмиралъ Макаровъ такъ и не могъ добиться, чтобы его поняли и исполнили его предложенiя, которыя собственно по праву и по здравому смыслу должны были-бы считаться за приказанiя, не долженствовавшiя вызывать никакихъ возраженiй.

Адмиралъ Макаровъ бился въ тенетахъ рутины и недоброжелательства.

Вотъ въ какихъ тенетахъ рутины, непониманiя, соперничества и недоброжелательства бился человѣкъ, одаренный настоящимъ здравымъ смысломъ и не только военнымъ, но и гражданскимъ мужествомъ!

Но онъ безвременно погибъ, и ничто уже не стояло препятствiемъ на пути... къ Цусимѣ.

Смотръ второй эскадрѣ.

И наконецъ еще одинъ смотръ, и опять въ Ревелѣ—передъ отправленiемъ 2-й эскадры на театръ военныхъ дѣйствiй! И если-бы хоть этотъ смотръ имѣлъ задачей—отдать себѣ ясный отчетъ въ дѣйствительномъ состоянiи части нашей морской силы, и ея способности выполнить возлагаемую на нее тяжелую задачу, то сколько важныхъ это имѣло-бы послѣдствiй! Выяснить слабость этой эскадры во всѣхъ отношенiяхъ и непосильность для нея достигнуть поставленной для нея цѣли было болѣе чѣмъ легко. Отсюда былъ-бы прямой выводъ—начать переговоры о мирѣ, такъ какъ безъ владѣнiя моремъ эта война не могла быть закончена благополучно. Колебанiя посылать или не посылать эскадру уже были въ то время. Тщательный, *сознательный* смотръ далъ-бы вѣскiя основанiя къ тому, чтобы перетянуть чашу вѣсовъ въ пользу мира.

Но не для этой цѣли производился и этотъ смотръ. Его задача была поднять „духъ“. Единственнымъ маневромъ на смотру была эффектная картина взрыва „миннаго поля“, заранѣе тщательно подгото-

вленная, и не имѣвшая никакого отношенія къ назначенію эскадры!

А въ результатѣ—Цусима.

Не даромъ тревожились за будущность русскаго флота адмиралы Г. И. Бутаковъ, И. Ѳ. Лихачевъ и В. А. Стеценко (см. стр. 459 и 460).

Что сулитъ намъ будущее?

А теперь спрашивается—что сулитъ намъ будущее?

Если держаться въ рамкахъ разбираемаго вопроса, т. е. въ области вредной склонности къ смотровому благополучію и вліянія этой склонности на личный составъ и на дѣло, то это будущее едва-ли можетъ представиться въ розовомъ свѣтѣ.

Смотры новобранцамъ флота.

24 Марта 1908 года въ обществѣ офицеровъ флота въ Кронштадтѣ состоялось сообщеніе „О приготовленіи новобранцевъ", и сообщеніе это было напечатано въ „Извѣстіяхъ Общества". Извлекаю оттуда характерную табличку того времени, сколько обучались *тому-же дѣлу* различныя роты новобранцевъ того-же призыва.

1	рота	имѣла	14	учебныхъ	недѣль
2	„	„	13	„	„
3	„	„	$12^1/_2$	„	„
4	„	„	11	„	„
.	.	.	.	.	.
.	.	.	.	.	.
10	„	„	2	„	„

А причина этого на первый взглядъ совершенно непонятнаго явленія такая.

Новобранцы прибываютъ не сразу, а отдѣльными партіями, причемъ это тянулось въ томъ учебномъ году, о которомъ идетъ рѣчь, отъ 11 Ноября по 29 Января, а всѣ занятія было приказано закончить къ 1-му Марта, чтобы представить всѣхъ одновременно на Высочайшій смотръ. Значитъ не „обученіе" поставлено было на первый планъ, а „смотръ".

Смотръ важнѣе знаній.

Значитъ не важно—*что* дѣйствительно знаютъ новобранцы и готовы-ли они для несенія службы во флотѣ, а важенъ ихъ успѣхъ на смотру. Но тамъ вѣдь

и не провѣряются всѣ ихъ знанія, а только внѣшняя форма ихъ выправки—„шагистика“!

И вѣдь характерно то, что Высшая власть этого и не требуетъ, и даже не знаетъ о такомъ положеніи дѣла, а *формально-смотровое направленіе сидитъ въ самомъ личномъ составѣ—вотъ въ чемъ опасность—въ византійствѣ!*

Работа „смотровой“ рутины въ настоящее время.

Вотъ и авторъ вышеуказаннаго сообщенія пишетъ: „На сколько нынѣ молодые матросы получили строевую подготовку судить не намъ, ихъ обучавшимъ, а объ этомъ будетъ судить высшее начальство на предстоящемъ Высочайшемъ смотру отряда въ Царскомъ Селѣ“.

Значитъ и онъ—обучавшій—видитъ главный критеріумъ своего труда—въ смотрѣ. Но вѣдь онъ отлично знаетъ, что тѣ люди, которыхъ онъ обучалъ всего двѣ недѣли вмѣсто четырнадцати, выучены сравнительно плохо, и не могутъ быть выучены хорошо, что они только „натасканы“ къ смотру, чтобы пройти хорошо въ ногу, что на томъ смотру, на который онъ поведетъ своихъ учениковъ, больше ничего и не требуется кромѣ „здороваго и бодраго вида командъ“, и что всякій такой смотръ, если не произошло чего нибудь исключительнаго, неизмѣнно кончается всеобщей благодарностью и похвалой.

И этого еще мало. Мнѣ случилось по этому поводу говорить съ однимъ выдающимся строевымъ офицеромъ, которому быть можетъ суждено играть важную роль въ управленіи флотомъ, офицеромъ, считающимся и умнымъ и образованнымъ и добросовѣстнымъ. Такъ вотъ этотъ офицеръ мнѣ отвѣтилъ, что онъ не видитъ ничего страннаго въ этомъ фактѣ обученія однихъ людей, двѣ, и другихъ—четырнадцать недѣль, что если-бы учить и первыхъ четырнадцать недѣль, то они не попали-бы на Высочайшій смотръ, а для новобранца не менѣе важно въ смыслѣ его „духа“ попасть на этотъ смотръ, чѣмъ обучаться нѣсколько лишнихъ недѣль.

Вотъ такія мнѣнія знаменательны. Тотъ фактъ, что кто-то, и можетъ быть руководствуясь далеко не идеальными цѣлями, отдалъ приказаніе, чтобы *всѣ* но-

вобранцы были „натасканы“ къ смотру, внѣ зависимости отъ того — сколько времени они имѣли учиться,— еще не представляетъ особой бѣды. Это обыкновенное злоупотребленіе, и если на него и смотрятъ, какъ на таковое, и терпятъ какъ временное необходимое зло, то значитъ - это не правило, не убѣжденіе и это легко уйдетъ въ свое время, и *другой* уже не отдастъ такого распоряженія.

Но вотъ приведенныя выше *„убѣжденія“*—это уже дѣло другое. Это признакъ прямо *страшный*, отнимающій надежду на будущее—по крайней мѣрѣ на близкое будущее. Тутъ ужъ проступаетъ разложеніе, отсюда вѣетъ мертвымъ духомъ, тутъ уже явно чувствуется работа рутины, заполонившей и самыхъ лучшихъ. Только рутина можетъ затушить здравый смыслъ и заставить быть „убѣжденнымъ“ въ худомъ, а не только подчиняться этому худому вслѣдствіе необходимости. Такой „убѣжденный“ и самъ будетъ дѣлать „худо“, и что главное - онъ будетъ думать, что онъ дѣлаетъ „хорошо“. Въ этомъ и ужасъ!

А разъ имѣется на лицо одинъ признакъ разложенія, разъ оно имѣетъ мѣсто, надо только поискать— найдутся и другіе признаки. Для этого обратимся напр. къ маневрамъ*). Здравый смыслъ говоритъ, что цѣль маневровъ —во первыхъ выяснить, извѣстныя стратегическія положенія, напр. рѣшить—можетъ-ли флотъ въ извѣстномъ морѣ выполнить извѣстную задачу по

*) Также повидимому обстоитъ дѣло и со „смотрами“. Если нѣтъ какой либо ошибки въ газетномъ сообщеніи (Новое Время отъ 9 Апрѣля 1910 г.) министерскій смотръ возвратившемуся изъ заграничнаго плаванія гардемаринскому отряду состоялъ въ томъ, что на одномъ изъ судовъ былъ произведенъ маневръ спуска всѣхъ гребныхъ судовъ на воду, на другомъ—артиллерійская тревога, на третьемъ—водяная тревога и на четвертомъ—пожарная тревога. Характерный смотръ добраго стараго времени! А казалось-бы куда показательнѣе былъ-бы смотръ напр., погрузки угля, и въ особенности съ транспортовъ въ морѣ, или стрѣльба въ цѣль на большихъ разстояніяхъ, или маневръ развѣдки (отрядъ состоитъ исключительно изъ крейсеровъ) и т. п... Особенно характерна *пожарная* тревога. Если не ошибаюсь, то еще задолго до войны было намѣчено, что пожарной „тревоги“, по которой чуть не все населеніе корабля, вооружившись ведрами, ломами и т. п. архаическими инструментами, несется сломя голову къ мѣсту пожара, и замираетъ въ картинныхъ позахъ по сигналу „слушайте всѣ“, собственно уже нѣтъ и не должно быть. Пожаръ не объявляютъ тревогой по всему кораблю. Едва-ли такіе смотры особенно поучительны для гардемаринъ наканунѣ ихъ производства въ офицеры.

отношенію къ извѣстному противнику, соотвѣтствуетъ-ли этой задачѣ извѣстное стратегическое развертываніе, и во вторыхъ—маневры должны выяснить различные тактическіе вопросы и способности тѣхъ или другихъ лицъ, и дать имъ практику на сколько возможно близкую къ тому, что имъ придется дѣлать въ военное время. Цѣли это очень важныя, и на такія цѣли не жалко затратить и очень большія средства. И вообще маневры стоятъ очень дорого. Напр. Рюйтеръ, который первый ввелъ маневры во флотѣ, смѣнялъ тѣхъ командировъ, которые оказывались неспособными. Вотъ это дѣйствительная и логичная цѣль маневровъ.

Но при этомъ очевидно, что для того чтобы маневры учили чему нибудь личный составъ, надо чтобы личный составъ во время маневровъ все время могъ-бы относиться къ нимъ сознательно, т. е. понималъ-бы задачу маневровъ, и что для чего дѣлается, а послѣ маневровъ, когда компетентными судьями будетъ составленъ отчетъ о дѣйствіяхъ сторонъ, участники должны быть ознакомлены съ отчетомъ, имъ должны быть указаны ихъ ошибки и ошибки ихъ соучастниковъ, имъ должны быть указаны образцы достойные подражанія. И если этого сдѣлано не будетъ, то значитъ даромъ потрачены деньги и время на маневры.

Вотъ напр. какъ уже давно пользуются маневрами для обученія офицеровъ во французскомъ флотѣ, причемъ я привожу то что я видѣлъ самъ, присутствуя на маневрахъ*).

Тамъ во время маневровъ каждый офицеръ можетъ относиться вполнѣ сознательно ко всему что дѣлается, такъ какъ ничего отъ него не остается скрытымъ. Штабы эскадръ разсылаютъ по всѣмъ судамъ и планы начальниковъ, дополняя ихъ по мѣрѣ хода событій, и очерки объ общемъ положеніи на театрѣ войны, и свѣдѣнія о непріятелѣ, и донесенія начальниковъ отрядовъ и командировъ, и задачи поставленныя различнымъ частямъ флота.

*) Подробнѣе см. мою книгу „Организація Морской Силы“ часть II. Организація французскаго флота. Стр. 222—228.

Сейчасъ-же по окончанiи маневровъ, въ эскадренныхъ штабахъ составляется общее описанiе дѣйствiй каждой стороны, съ критическими на нихъ замѣчанiями и выводами командующихъ адмираловъ. Описанiя эти литографируются, разсылаются на всѣ суда участвовавшiя въ маневрахъ, и *всѣ* офицеры обязаны ихъ прочитать и въ прочтенiи ихъ расписаться. Затѣмъ, результаты маневровъ обрабатываются въ Главномъ Морскомъ Штабѣ, печатаются и разсылаются на всѣ суда флота въ секретныя библiотеки командировъ, такъ что каждый офицеръ у себя на суднѣ можетъ легко познакомиться со всѣмъ, что дали французскiе маневры за много лѣтъ.

Напр. по окончанiи итальянскихъ маневровъ 1908 г. (см. Морск. Сб. № 10 за 1909 г. стр. 78) „8 Сентября въ морской академiи, въ присутствiи короля и 900 офицеровъ, вице-адмиралъ Беттоло произвелъ разборъ маневровъ".

Маневры должны имѣть еще одно важное значенiе въ жизни флота. Именно они должны въ мирное время служить главной основой для сужденiя о качествахъ личнаго состава (см. стр. 258), и въ особенности—начальствующаго персонала. Тогда въ личномъ составѣ создастся стремленiе изучать искуство руководительства, ставить это искусство на первый планъ, соперничать именно въ этомъ другъ передъ другомъ. А если напр. на результаты руководительства въ маневрахъ не будетъ обращаться никакого вниманiя при оцѣнкѣ личнаго состава, а напротивъ—будетъ приниматься во вниманiе напр. его способность показать товаръ лицомъ на смотру, то конечно въ личномъ составѣ разовьется стремленiе къ подготовкѣ смотровъ, онъ будетъ искать ихъ, будетъ стремиться попасться на пути лицъ власть имущихъ, въ надеждѣ на случайный смотръ и на благiя отъ него послѣдствiя.

Вотъ разъ мы установили такую точку зрѣнiя, то для насъ явится очень характернымъ фактъ, что отчетъ объ однихъ изъ послѣднихъ маневровъ не былъ показанъ *никому* изъ участниковъ, даже начальникамъ отрядовъ *).

---

*) Та-же система практиковалась во флотѣ и до войны. Та-же тенденцiя проводилась и въ армiи (см. стр. 426).

И опять это-бы еще была не такая бѣда, ибо на это можно смотрѣть какъ на злоупотребленіе со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Но тотъ фактъ, что начальники отрядовъ *не потребовали* этотъ отчетъ для того, чтобы ознакомиться съ нимъ самимъ и ознакомить съ нимъ своихъ офицеровъ—вотъ это знаменательно! А если присоединить къ этому фактъ, что одинъ изъ этихъ начальниковъ, когда его спросили—отчего онъ не потребовалъ для прочтенія этотъ отчетъ, отвѣтилъ, что онъ этого не сдѣлалъ потому, что такое требованіе было-бы непріятно извѣстному лицу, то другой признакъ разложенія въ личномъ составѣ тоже проступаетъ очень ярко. Знакомство съ результатами маневровъ, это не любопытство, даже не право, а *обязанность*, совершенно такая-же какъ обязанность выучиться стрѣлять раньше чѣмъ идти на войну. И личный составъ, спокойно мирящійся съ лишеніемъ его возможности выполнить эту важную свою обязанность, несетъ уже въ себѣ элементы разложенія, которые такъ или иначе проявятся на войнѣ, въ видѣ-ли отсутствія военныхъ знаній и искусства руководительства, или въ видѣ отсутствія способности къ иниціативѣ и энергіи.

А тутъ еще приходится отмѣтить и такой фактъ. Все таки, кое какіе свѣдѣнія изъ этого отчета о маневрахъ проникли въ личный составъ флота. Было извѣстно, что одинъ изъ отрядовъ, со своимъ начальникомъ во главѣ, подвергся со стороны посредниковъ очень жестокому и вполнѣ справедливому нареканію. А потомъ случилось такъ, что именно этотъ отрядъ попалъ подъ случайный смотръ, и по обыкновенію, будучи вполнѣ исправнымъ по внѣшности, получилъ обычныя благодарности и восхваленія. А черезъ нѣкоторое время, когда подошелъ первый формальный обычный срокъ, и начальникъ отряда и многіе изъ командировъ были отличены не въ примѣръ прочимъ.

Какое-же впечатлѣніе могъ произвести такой фактъ на личный составъ? Конечно удручающее. И не мало нашлось такихъ, у которыхъ прямо руки опустились. И можно-ли винить теперь тѣхъ, которые кладутъ

больше надежды на случайные смотры, чѣмъ на искусство въ маневрахъ, когда они воочію видятъ, что именно случайные смотры могутъ довести до какихъ угодно большихъ высотъ и благъ?

Въ признакахъ разложенія вырисовывается новый разгромъ.

Вотъ въ этихъ признакахъ несомнѣннаго разложенія уже вырисовывается новый разгромъ, ибо по мѣткому выраженію китайскаго философа Мен-цзы, сначала государство само себя разрушаетъ, а потомъ уже приходитъ кто нибудь другой и только добиваетъ его и „народъ можно только тогда побить, когда уже побиты его боги т. е. его нравственные идеалы, его лучшія стремленія*)". А разрушительные, разлагающіе элементы въ организаціи нашего флота имѣются на лицо и Богъ знаетъ на сколько далеко уже пошла разрушительная ихъ работа?

Какъ отразила въ себѣ признаки разложенія военно-морская печать.

Нельзя также не обратить вниманія на повременную военно-морскую печать. „Когда гдѣ нибудь кипитъ жизнь, когда что нибудь обновляется, или только хочетъ жить и обновиться" говоритъ талантливый публицистъ А. Столыпинъ**) „то это раньше всего отзывается на литературѣ. Всякій идетъ со своей мыслью, со своимъ трудомъ, со своимъ дѣловымъ, интереснымъ споромъ, живая газета читается нарасхватъ, возбуждаетъ не только спеціальный, но и общій интересъ. Посмотрите, какую литературу создала германская лига флота! А у насъ, если-бы какой нибудь шутникъ вздумалъ припугнуть иностранную державу возрожденіемъ нашего флота, достаточно было-бы показать ея морскому агенту нумеръ „Кронштадтскаго Вѣстника", чтобы тотъ успокоился... Неужели послѣ всѣхъ нашихъ пораженій, послѣ того остраго чувства обиды, которое испытало все русское общество, ознакомившись съ нашимъ морскимъ развалομъ, можно подавать читателямъ—морякамъ такое безсодержательное, такое убогое чтеніе, какъ этотъ захудалый листокъ? Объявленія, приказы и еле-еле собранныя двѣ полосы остальнаго текста съ двумя ничтожными статейками, съ неинтересной хроникой и типично—макулатурнымъ содержаніемъ".

---

*) Талмудъ. По кругу чтенія Л. Толстого. 11-го Мая.

**) Новое Время. 18-го Декабря 1909 г.

Увы, это горькая правда, бросившаяся въ глаза постороннему флоту человѣку, которому случайно попалъ въ руки номеръ морской газеты.

И виноваты въ этомъ не редакторъ газеты, не ея сотрудники, а переживаемый нами періодъ, не сулящій впереди хорошаго. Какая-то мертвящая тѣнь легла на жизнь флота и отразилась и на морской литературѣ. Вѣдь таковы-же и остальныя морскія газеты. Захирѣлъ также и „Морской Сборникъ". Сейчасъ послѣ войны онъ былъ наполненъ *оригинальными* статьями, горячими, талантливыми*). Достаточно напомнить о статьяхъ Д. Н. Вердеревскаго. А теперь, опять, какъ и до войны, онъ наполненъ почти исключительно переводными и сухими техническими статьями. Въ первомъ номерѣ за 1909 г. появилась было статья Д. Н. Вердеревскаго, очень много обѣщавшая, подъ которой значилось „продолженіе слѣдуетъ", но на этомъ она и оборвалась, по какой причинѣ—неизвѣстно... А въ слѣдующей статьѣ талантливый авторъ обѣщалъ „опредѣлить, почему, даже самая добрая воля офицерства, рѣшившагося посвятить себя дѣлу воспитанія нижнихъ чиновъ, при настоящемъ характерѣ службы, не можетъ принести сколько-нибудь рѣшительныхъ результатовъ".

Прекратился журналъ „Море", служившій органомъ „Лиги обновленія флота". Глохнетъ и дѣятельность всѣхъ, возникшихъ послѣ войны, морскихъ кружковъ и сообществъ, худѣютъ и все рѣже и рѣже появляются ихъ извѣстія, рѣже сообщенія и доклады, все малолюднѣе ихъ собранія...

Въ отчетѣ Лиги обновленія флота за 1908 г. значится:

„Къ сожалѣнію, въ истекшемъ году *не было представлено работъ на конкурсъ*, объявленный лигою, на темы: „Вице-адмиралъ С. О. Макаровъ въ его сочи-

---

*) Таковъ-же онъ былъ, когда флотъ *дѣйствительно* возрождался послѣ Крымской войны подъ управленіемъ Великаго Князя Константина Николаевича. То-же было тогда и въ арміи. „Трудно нынѣ повѣрить, какія горячія. убѣжденныя и либеральныя статьи появились въ Военномъ сборникѣ", говоритъ про это время генералъ Куропаткинъ („Итоги" стр. 15) „Но скоро все пошло по старому".

неніяхъ и дѣятельности“ и „Цусимское морское сраженіе 14-го Мая 1905 года“, что является *тѣмъ болѣе прискорбнымъ,* что преміи были предположены значительныя. Надо напомнить, что въ предыдущемъ году были присуждены двѣ преміи по 500 рублей за сочиненія техническаго характера—Ю. К. Руммелю и Р. М. Ловягину (оба не военные моряки), не считая значительнаго числа мелкихъ премій за малые рефераты; *пожертвованій на премію имени С. О. Макарова поступило только* отъ „неизвѣстнаго“ изъ Москвы *100 рублей,* переданыхъ сочленомъ лиги—Д. Н. Любавинымъ. Замѣченная разница въ отношеніяхъ мыслящей части общества къ духовной и технической сторонѣ въ особенности подчеркиваетъ необходимость развитія идейной дѣятельности лиги“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ лиги прекратилъ свое существованіе.

Профессоръ Николаевск. Морской Академіи Князь Б. Б. Голицынъ о современномъ состояніи морского вѣдомства.

Очень выпукло, хотя и съ большою рѣзкостью, охарактеризовалъ состояніе морского вѣдомства академикъ, профессоръ Николаевской Морской Академіи, Князь Б. Б. Голицынъ. 13 Декабря 1909 года онъ сдѣлалъ въ Академіи Наукъ, въ собраніи членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта докладъ „Объ общихъ директивахъ для правильной постановки дѣла воздухоплаванія въ Россіи“. Такъ какъ докладъ этотъ напечатанъ журналомъ „Библіотека Воздухоплаванія“ въ видѣ отдѣльной брошюры, широко разпространенной въ продажѣ (доходъ отъ этой продажи предназначенъ въ пользу студенческаго воздухоплавательнаго кружка при С.-Петербургскомъ Университетѣ), то я считаю прямо невозможнымъ не привести въ настоящемъ изслѣдованіи нѣкоторыя извлеченія изъ этого доклада, относящіяся къ современному состоянію морского вѣдомства. Всѣ курсивы мои.

„Хотя боевое значеніе воздушнаго корабля не можетъ считаться уже окончательно установленнымъ, но тѣмъ не менѣе, полагаю, что найдется мало людей, которые бы не сознавали, что воздушнымъ кораблямъ въ военномъ дѣлѣ предстоитъ громадная будущность, и то государство, которое первымъ всемѣрно овладѣетъ

этимъ новымъ оружіемъ и будетъ въ состояніи его широко примѣнять, будетъ имѣть значительный перевѣсъ надъ противникомъ. Закрывать глаза на все это и успокаивать себя тѣмъ, что примѣненіе воздушныхъ кораблей въ военно-морскомъ дѣлѣ есть вопросъ далекаго будущаго, совершенно не приходится. Болѣе подвижныя и отзывчивыя правительства западно-европейскихъ странъ, поддержанныя общественнымъ мнѣніемъ и широкой инициативой частныхъ лицъ, проявляютъ такую кипучую дѣятельность, что, если мы будемъ по прежнему *дремать,* то намъ могутъ устроить такой сюрпризъ, съ послѣдствіями котораго намъ долго и трудно будетъ справиться. Бѣда можетъ свалиться на насъ, какъ снѣгъ на голову и мы проснемся тогда отъ *спячки,* но будетъ уже поздно“.

„Что сдѣлало морское вѣдомство для развитія воздухоплаванія въ примѣненіи его къ морскому дѣлу? Этотъ вопросъ имѣетъ свою исторію. Въ прежніе годы кое-что и дѣлалось, были подъемы на змѣяхъ съ судовъ, примѣнялись для развѣдки, насколько мнѣ извѣстно, и привязные шары. Были тогда и фанатики этого дѣла въ лицѣ энергичныхъ молодыхъ офицеровъ, но все это какъ то заглохло, позабыто и въ настоящее время никакого серьезнаго значенія не имѣетъ. Всѣмъ, конечно, памятна плачевная исторія съ „Русью“, которая была предназначена специально для воздухоплавательныхъ цѣлей. Идея была хорошая, но что изъ всего этого вышло! Исторія раскроетъ со временемъ все это печальное происшествіе, но я имѣю вѣскія данныя, что оффиціальная версія дѣла не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности“.

„Существуетъ Россійскій Морской Союзъ, поставившій себѣ задачей широко рекламировать идею о необходимости для Россіи обладать сильнымъ военнымъ флотомъ и оказывать самое широкое содѣйствіе морскому вѣдомству въ разработкѣ разныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ морскому дѣлу. Союзъ этотъ считаетъ въ числѣ своихъ членовъ много извѣстныхъ адмираловъ и офицеровъ флота, какъ состоящихъ на дѣйствительной службѣ, такъ и находящихся въ от-

ставкѣ. Предсѣдателемъ Союза состоялъ, до назначенія его Министромъ Путей Сообщенія, С. В. Рухловъ, а въ настоящее время предсѣдателемъ состою я. Союзъ заинтересовался вопросами авіаціи въ примѣненіи къ морскому дѣлу, и пригласилъ на одно изъ своихъ очередныхъ собраній докладчикомъ мичмана Подгурскаго, читавшаго уже два раза докладъ въ Петербургѣ на ту же тему. По совѣту докладчика я обратился *заблаговременно* къ его начальству, командиру 1 Флотскаго Балтійскаго Экипажа, съ просьбой разрѣшить мичману Подгурскому прочитать докладъ въ Морскомъ Союзѣ. Поздно вечеромъ, за два дня до доклада, когда повѣстки уже были всѣмъ разосланы, получился отвѣтъ, что командиръ разрѣшить доклада не можетъ, такъ какъ это зависитъ не отъ него, а отъ командира порта. Неужели онъ не могъ самъ отъ себя испросить потребнаго разрѣшенія, зная, что не остается больше времени для переговоровъ. Въ довершеніе всего, наканунѣ самой лекціи, мичманъ Подгурскій получилъ экстренное предписаніе явиться изъ Петербурга въ Кронштадтъ и докладъ не могъ состояться".

„Я привелъ эти примѣры, чтобы наглядно иллюстрировать, съ какими трудностями приходится бороться разнымъ частнымъ организаціямъ при осуществленіи тѣхъ или иныхъ своихъ задачъ".

„Позвольте мнѣ еще привести характерный примѣръ, какъ отдѣльныя министерства относятся къ подобнымъ общественнымъ организаціямъ. Примѣръ этотъ относится къ тому же Морскому Союзу".

„Означенный Союзъ имѣлъ всегда обыкновеніе разбирать въ своемъ кружкѣ въ концѣ каждаго года смѣту Морского Министерства. Разборъ этотъ производился всегда въ спокойно дѣловомъ тонѣ, такъ какъ Союзъ никогда не ставилъ себѣ цѣлью дѣлать оппозицію для оппозиціи, а всегда стремился къ тому, чтобы помогать Морскому Министерству въ разработкѣ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, которыя могли бы служить къ усиленію нашего флота. Одинъ составъ Союза служитъ достаточной гарантіей тому, что онъ преслѣдуетъ только высоко-патріотическія цѣли. Смѣта

теперь ни для кого не секретъ, и вотъ, желая ускорить дѣло, я обратился оффиціально въ Морское Министерство, съ просьбой прислать въ Морской Союзъ одинъ экземпляръ смѣты. Докладъ по смѣтѣ долженъ былъ прочитать одинъ вице-адмиралъ".

„На эту болѣе чѣмъ скромную просьбу получился категорическій отказъ, несмотря на то, что со стороны морского начальства было высказано раньше полное сочувствіе задачамъ Союза".

„Этотъ фактъ является чрезвычайно характернымъ и наглядно иллюстрируетъ въ какой сильной мѣрѣ Морское Министерство страдаетъ свѣтобоязнью".

„Отсталость наша въ вопросахъ воздухоплаванія насъ не должна смущать. Дѣло еще новое и сосѣди наши не ушли еще такъ далеко впередъ. Если мы дружно возьмемся за дѣло, то сумѣемъ быстро ихъ догнать и даже перегнать. Русскій человѣкъ по природѣ апатиченъ, но если его разбудить и онъ только захочетъ, то онъ можетъ *творить* чудеса*). Военная и морская исторія Россіи даетъ достаточно тому примѣровъ".

„Воздухоплаваніе у насъ можетъ получить особое развитіе, благодаря наличію огромнаго количества молодежи, которая живо интересуется дѣломъ и которую нужно обучить и привлечь къ творческой дѣятельности. Она составитъ надежный кадръ будущихъ авіаторовъ. Далѣе, мы имѣемъ массу молодыхъ, смѣлыхъ, предпріимчивыхъ и энергичныхъ офицеровъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столько храбраго и отважнаго элемента, какъ въ Россіи. *Это отличительное свойство русскихъ(?).* Качества эти часто дремлютъ, но легко вызвать ихъ къ жизни. А въ дѣлѣ воздухоплаванія именно и требуется смѣлость, находчивость и удалость. Въ этомъ отношеніи *мы находимся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ**), чѣмъ любая другая страна, и всѣ эти доблестныя качества русской молодежи надо, конечно, использовать. Съ такимъ элементомъ можно всего достичь".

---

*) См. стр. 422 и 443—445.

„Передъ нами стоитъ дѣло огромной, первостепенной важности и къ осуществленію его надо приступить немедля“.

„Но какъ его организовать, съ чего именно начать“?

„Иниціатива и руководительство всѣмъ дѣломъ должны быть ввѣрены Правительству; время для этого настало, но работа Правительства должна итти рука объ руку съ работой частныхъ организацій“.

„Которому же изъ современныхъ правительственныхъ органовъ могло бы быть ввѣрено все дѣло воздухоплаванія въ Россіи“?

„Ближе всего вопросы воздухоплаванія касаются Военнаго Министерства, и его голосъ, конечно, долженъ имѣть первенствующее значеніе. Но ввѣрять все дѣло воздухоплаванія въ Россіи одному Военному Министерству совершенно невозможно. Исторія дѣятельности военно-воздухоплавательнаго парка за послѣдніе годы, черезъ которую красною нитью проходитъ полное отсутствіе творческой иниціативы, не даетъ никакой гарантіи тому, что Военное Министерство справится съ подобной задачей. Оно почти навѣрное замкнется въ узкой сферѣ своей спеціальности, тщательно отгородится отъ всѣхъ, подъ предлогомъ охраненія военной тайны, когда и тайны то на самомъ дѣлѣ можетъ быть никакой и нѣтъ, и будетъ совершенно игнорировать всякую частную иниціативу. Изъ этого несомнѣнно ничего не выйдетъ, и настоящаго объединенія всѣхъ дѣятелей по воздухоплаванію, которое и является залогомъ успѣха этого дѣла въ будущемъ, никогда не будетъ достигнуто“.

„Слѣдующимъ за Военнымъ Министерствомъ стоитъ Морское Министерство. Но можно ли довѣрить этому министерству какое либо новое и отвѣтственное дѣло, когда оно со своимъ то дѣломъ никакъ справиться не можетъ? Видимъ ли мы въ немъ энергичную, планомѣрную работу, привлекаются ли къ дѣятельному участію въ работѣ молодыя силы съ боевымъ опытомъ прошлой войны, проявляетъ ли это вѣдомство широкую, творческую дѣятельность? Къ сожалѣнію на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно. Про-

шло уже болѣе четырехъ лѣтъ послѣ окончанія войны, а что сдѣлано за это время? Построены ли новые броненосцы, реформированы ли центральныя учрежденія, сломлена ли канцелярская рутина всего вѣдомства, существуетъ ли согласованность работъ отдѣльныхъ частей? Мнѣ, какъ бывшему моряку и не покидающему связь съ флотомъ, такъ какъ уже 15 лѣтъ состою профессоромъ въ Николаевской Морской Академіи, больно смотрѣть на этотъ всеобщій развалъ. И это *не мое единоличное мнѣніе*. Бесѣды мои съ офицерами флота, съ молодыми и съ адмиралами, только подтверждаютъ справедливость только что высказаннаго. А сколько между тѣмъ имѣется во флотѣ дѣльныхъ и работоспособныхъ элементовъ, сколько храбрыхъ, беззавѣтно преданныхъ долгу офицеровъ. И всѣ эти высокія душевныя качества лежатъ подъ спудомъ и никѣмъ не утилизируются*). Механизмъ движется по инерціи, въ немъ дѣлаются тѣ или иныя мелкія, частичныя исправленія и заплаты, никакого серьезнаго значенія не имѣющія, но настоящей, бодрой, творческой, совмѣстной работы всѣхъ и каждаго нѣтъ и нѣтъ".

„Современное положеніе Морского Министерства настолько печально, что о передачѣ ему новаго отвѣтственнаго дѣла воздухоплаванія не можетъ быть, конечно, и рѣчи" **).

Не говорятъ-ли всѣ эти признаки, что флотъ облегла такая атмосфера, при которой опускаются руки... И вѣдь то-же самое и въ арміи***).

---

*) См. стр. 439—442.

**) А между тѣмъ это „естественное" дѣло флота. По существу „воздушный" флотъ, именно флотъ, а не армія. См. мои „Записки по военно-морскому дѣлу" для старшаго класса Николаевской Инженерной Академіи. Изданіе 1910 г. стр. 6—14.

***) И можно-ли удивляться, что значительное количество офицеровъ уходитъ изъ строевого флота, или вообще изъ службы? А главное уходятъ вѣдь молодые и лучшіе, которые именно потому, что они, лучшіе и по способностямъ и по нравственнымъ качествамъ, не могутъ мириться съ такимъ положеніемъ. А слабые и худшіе остаются. Имъ вопервыхъ и труднѣе куда нибудь уйти, и худшимъ по нравственнымъ качествамъ не столь претитъ атмосфера „византійства", а „старые" ужъ поспѣли принюхаться къ этой атмосферѣ.

То-же явленіе замѣчается и въ арміи. Въ книгѣ А. Геруа „Къ познанію арміи" приведены любопытные цифры относящіяся къ уходу офицеровъ изъ строя и изъ службы вообще. Бѣгство офицеровъ изъ службы и

История военно-морского искуства должна тщательно собрать признаки разложенія и показать, на основаніи прошлаго, картину будущаго,

Во всякомъ случаѣ дѣло добросовѣстнаго историческаго изслѣдованія (см. стр. 297, 304, 335, 424 и 444), если оно хочетъ служить практическому дѣлу—въ данномъ случаѣ—возрожденію флота и развитію его могущества—тщательно собрать эти признаки разложенія и представить яркую картину ихъ послѣдствій, основываясь на точномъ изслѣдованіи о томъ—какъ на протяженіи исторіи тѣ-же признаки во всѣ эпохи служили предвѣстниками пораженій.

Конечно мнѣ совершенно не по силамъ пока полное такое изслѣдованіе, и я набросалъ только попытку въ этомъ направленіи, выбравъ для этого между прочимъ одинъ изъ признаковъ—смотровую тенденцію, обратившуюся въ рутину. Именно въ этихъ видахъ и приведены мною нѣкоторые факты и изъ послѣдняго времени, а отнюдь не изъ стремленія къ какой либо критикѣ только ради критики. Это было-бы недостойно въ такомъ важномъ дѣлѣ—выясненія—какія задачи должно преслѣдовать историческое изслѣдованіе событій относящихся къ отечественному флоту.

О „секретности" по поводу существующихъ недостатковъ.

Здѣсь иногда встрѣчается возраженіе - не слѣдуетъ-ли замалчивать наши недостатки и различные признаки происходящаго внутренняго разложенія? Пусть все это существуетъ, но не лучше-ли объ этомъ молчать, чтобы не знали о нашихъ слабостяхъ наши недруги?

Вотъ соображеніе, тщету котораго давно пора было-бы сознать — въ особенности намъ! Неужели наши недруги — слѣпые? Неужели они не узнаютъ все, что имъ нужно, и не сдѣлаютъ должныхъ изъ этого выводовъ? И не хуже-ли будетъ, если они, вдобавокъ, присоединятъ къ констатированію нашихъ недостатковъ еще выводъ, что *мы* ихъ не сознаемъ и не исправляемся! И не будетъ-ли это выводъ для нихъ

строя принимаетъ въ нашей арміи эпидемическіе размѣры. И уходятъ именно молодые и лучшіе. „Становится яснымъ" говоритъ Геруа, „что въ строю въ большинствѣ остаются лишь *худшіе* (въ лучшемъ случаѣ неудачливые) изъ бывшихъ питомцевъ *военныхъ* училищъ, чѣмъ легко объясняется распространенный взглядъ многихъ строевыхъ начальниковъ на питомцевъ *юнкерскихъ* училищъ, какъ на наиболѣе желательный элементъ для пополненія ввѣренныхъ имъ частей".

самый радостный, какъ радостенъ былъ выводъ безчисленныхъ японскихъ шпіоновъ передъ войной, что мы пребываемъ въ полномъ самомнѣніи и заблужденіи относительно дѣйствительнаго положенія у насъ дѣла? И не этотъ-ли радостный выводъ далъ имъ смѣлость вступить въ единоборство съ сѣвернымъ колоссомъ, съ увѣренностью въ побѣдѣ, такъ какъ они ощупали у него глиняныя ноги, которыя тотъ самъ не ощущалъ?

Относительно всевозможнаго секретничанья и замалчиванія я продолжаю держаться того-же мнѣнія, котораго я держался и десять лѣтъ тому назадъ, и которое я выразилъ такъ въ заключеніи одного изъ моихъ трудовъ*):

„Вмѣсто того, чтобы хранить результаты различныхъ изслѣдованій подъ спудомъ, не лучше-ли познакомить съ ними хорошенько свой личный составъ, заставить эти результаты войти въ его плоть и кровь? И если отъ этого кое-какіе изъ этихъ результатовъ сдѣлаются извѣстными нашимъ недругамъ, будемъ утѣшаться тѣмъ, что у насъ останется то, чего никто у насъ похитить не можетъ, это—твердое, основанное на убѣдительныхъ фактахъ и опытахъ. знаніе, и въ такомъ-то знаніи и кроется настоящая сила“**).

---

*) „Основы организаціи морской силы“. Часть II-я стр. 228. Подробнѣе см. часть I-я стр. 222—228.

**) Напр. мы, слѣдуя примѣру нѣмцевъ и подражающихъ имъ теперь и англичанъ, обставляемъ таинственностью постройку нашихъ новыхъ кораблей. Очень сомнительно, чтобы уберегли какіе либо элементы этихъ судовъ отъ нашихъ враговъ. Вѣдь въ постройкѣ ихъ принимаютъ участіе и иностранные заводы и множество частныхъ лицъ. За то отъ *своихъ* тайна охраняется довольно удачно, и добыть полныя свѣдѣнія объ этихъ судахъ оказалось напр. недоступнымъ такому учрежденію какъ Морская Академія, которая готовитъ кораблестроителей для нашего флота. < А между тѣмъ эта тайна грозитъ еще и другими дурными послѣдствіями, которыя были выяснены во время преній по поводу доклада Лорда Брассея, сдѣланнаго въ прошломъ году въ Лондонскомъ обществѣ корабельныхъ инженеровъ (М. Сб. за 1909 г. № 11, стр. 12, 13 и 19). Лордъ Брассей, адмиралъ Фицъ-Джеральдъ, профессоръ Байль и др. указывали на то, что въ прежнія времена, когда типы предполагавшихся къ постройкѣ англійскихъ кораблей отдавались на общее обсужденіе въ обществахъ корабельныхъ инженеровъ, типы эти оказывались гораздо совершеннѣе, и могущество британскаго флота отъ этого нисколько не страдало. Между тѣмъ *„Dreadnought“*, проэктъ котораго былъ окруженъ завѣсой тайны, оказался съ большими недостатками, а секретъ все равно не удалось сохранить, и другіе флоты создали типы болѣе совершенные.

Такой-же примѣръ мы имѣемъ съ таблицами стрѣльбы. Морская Академія, которая подготовляетъ будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба,

< Эти свѣдения были присланы в Академию после напечатания этой книги.

Такъ отнимемъ-же радость у зорко за нами наблюдающихъ и все о насъ знающихъ недругахъ—сознаемъ наши недостатки съ помощью историческаго изслѣдованія, а разъ дѣйствительно *сознаемъ*—повѣрьте въ этомъ именно все дѣло—то и избавимся отъ нихъ! Пусть именно *это* донесутъ пославшимъ ихъ окружающіе насъ шпіоны, а не *то*, что мы спимъ крѣпкимъ сномъ въ сладкихъ объятіяхъ рутины. И ужъ одна эта вѣсть заставитъ нашихъ враговъ съ опаской относиться къ намъ.

Таковы очерченныя въ этой главѣ задачи изученія и преподаванія исторіи военно-морского искусства.

Какъ преподавать исторію военно-морского искусства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Теперь является послѣдній вопросъ. Тѣ-же ли задачи преподаванія исторіи военно-морского искусства, и въ особенности исторіи русскаго военно-морского искусства, въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, т. е. напр. въ морской академіи и въ морскомъ корпусѣ? Допустимо-ли именно въ послѣднемъ откровенное изслѣдованіе своихъ недостатковъ?

Именно молодежи надо гово-

Если кому нужно говорить правду и только одну правду *), такъ это именно молодежи. При обращеніи

не могла, несмотря на всѣ старанія, получить таблицъ стрѣльбы. А напр., благодаря этому остается въ значительной мѣрѣ скрытымъ тотъ фактъ, что корабли уже находящіеся въ строю два года, и которые состоятъ въ „дѣйствующемъ“ флотѣ, т. е. въ такомъ, который долженъ быть въ полной боевой готовности, совсѣмъ не имѣютъ таблицъ стрѣльбы, и съ вычисленіемъ ихъ и не торопятся И какъ будто позабыли тотъ фактъ, что тѣ таблицы стрѣльбы, которыми былъ снабженъ нашъ флотъ во время войны, оказались вычисленными невѣрно, и значитъ онъ могъ попадать только „случайно“, и что невѣрность эта была обнаружена лишь послѣ войны на опытныхъ стрѣльбахъ строевыми офицерами. При широкомъ распространеніи таблицъ стрѣльбы и легкости пользоваться ими каждому офицеру при рѣшеніи всевозможныхъ тактическихъ вопросовъ, такой фактъ не остался-бы подъ спудомъ. А любопытно было-бы знать—какое вредное употребленіе для нашего флота могутъ сдѣлать напр. изъ нашихъ таблицъ стрѣльбы наши враги, если-бы они могли ими свободно пользоваться?

*) „Сейчасъ мы духовно нуждаемся въ признаніи самоцѣнности истины, въ смиреніи передъ истиной и готовности на отреченіе во имя ея“. Вѣхи. Сборникъ о русской интеллигенціи. Стр. 21.

Въ этомъ своемъ трудѣ я очень часто обращаюсь къ философскимъ разсужденіямъ, конечно очень несовершеннымъ, неуклюжимъ и дубоватымъ, но все таки—философскимъ. Это поневолѣ вызывается тѣмъ, что собственно „философія—это школа любви къ истинѣ“. Вѣхи. Стр. 8.

именно къ ней особенно опасны и недомолвки и замалчиванія, такъ какъ эти пріемы возбуждаютъ *недовѣріе,* которое потомъ искоренить очень трудно и которое переносится на все.

ритъ одну правду, безъ всякаго замалчиванія.

„Правдивость вездѣ, а особенно въ воспитаніи—есть главное условіе“ говоритъ Л. Толстой *).

„Всякое заблужденіе есть ядъ“ говоритъ Шопенгауеръ **), и потому не можетъ быть безвредныхъ заблужденій. На что мнѣ такія утѣшенія, надъ которыми виситъ непрестанно Дамокловъ мечъ разочарованія? *Безопасна только одна истина.* Одна истина тверда и на одну нее можно положиться. *Знаніе того, что неправда—неправда, есть истина.* Заблужденіе всегда вредитъ. Рано или поздно, оно отзовется человѣку, который держится его“.

По отношенію къ военной исторіи примѣнимы слѣдующія слова Канта ***):

„Религія и законодательство обыкновенно *думаютъ ускользнуть отъ критики.* Первая—съ помощью своей святости, второе—съ помощью своего величія. Но въ такомъ случаѣ *они возбуждаютъ противъ себя справедливое подозрѣніе* и не могутъ разсчитывать на *непритворное* уваженіе, потому-что разумъ относится съ уваженіемъ только къ тому, что въ состояніи выдержать его свободное и публичное испытаніе“.

Особенно горячо заступается за одинаковую правдивость по отношеніи ко *всѣмъ* Клиффордъ ****). „Если это правда“ говоритъ онъ „то давайте вѣрить въ это всѣ: бѣдные, богатые, мужчины, женщины *и дѣти.* Если-же это неправда, то не будемъ вѣрить никто, ни богатые, ни бѣдные, ни толпы людей, ни женщины, ни дѣти. Истину надо провозглашать съ крышъ... Постоянно нашептываютъ, что опасно открывать нѣкоторыя вещи массамъ. Говорятъ: *мы знаемъ, что это неправда, но это такъ полезно для народа;* можно сдѣлать много зла, поколебавъ его вѣру. Но кривые пути остаются

*) Кругъ чтенія. 5-го Мая.

**) По Кругу чтенія. 6-го Декабря. Курсивы мои.

***) По Кругу чтенія 5-го Декабря. Курсивы мои.

****) По Кругу чтенія. 31 Января. Курсивы мои.

кривыми, хотя-бы они были предназначены для обмана большихъ массъ народа, а не отдѣльныхъ личностей. И потому мы признаемъ только одно побужденіе— *слѣдовать истинѣ, которую знаемъ, куда-бы она ни привела насъ*".

А вотъ, что считаетъ необходимымъ для воспитанія даже *нижнихъ* чиновъ и одинъ изъ талантливѣйшихъ военно-морскихъ писателей, въ своихъ, къ сожалѣнію внезапно прервавшихся статьяхъ *): „...разсказы и иллюстраціи славныхъ страницъ нашей военной исторіи и *тщательныя объясненія причинъ пораженій,* съ указаніемъ на *истинныя* причины бѣдъ, не боясь тѣмъ поколебать чей либо авторитетъ, памятуя, что *правда всегда повышаетъ начальника въ глазахъ его подчиненныхъ*".

Увы послѣдняя фраза Д. Н. Вердеревскаго, въ высшей степени мѣткая и вѣрная, часто позабывается начальниками, и быть можетъ именно потому, что обратнаго смысла она обыкновенно не имѣетъ, и—*правда далеко не всегда повышаетъ подчиненнаго въ глазахъ его начальника.*

А молодежи, повторяю, особенно опасно говорить неправду, ибо они вамъ этой неправды не простятъ и потеряютъ къ вамъ всякое довѣріе и всякій интересъ къ тому, что вы излагаете.

Критику развиваетъ не правда, а фальшь.

И не бойтесь возраженія, что будто-бы правда развиваетъ критику. Не правда ее развиваетъ, а фальшь и неправда!

Особенно важно предостеречь противъ рутины молодежь.

Молодежи особенно важно, сколь-бы ни было кратко изложеніе, совершенно правдиво излагать историческіе факты, ей особенно важно внушить ужасъ передъ властью рутины, показать ей всѣ признаки этой рутины, показать имъ ту пропасть, куда ведутъ насъ ложныя традиціи и наши національные и сословные недостатки.

Развѣ того мы добиваемся, чтобы молодежь говорила— мы всѣхъ шапками закидаемъ, ибо мы русскіе, и мы

*) Д. Н. Вердеревскій. „О воинскомъ воспитаніи" Морск. Сб. 1909 г. № 1, стр. 67. Курсивы мои.

преисполнены завѣтами нашихъ отцовъ и дѣдовъ, и намъ море по колѣно?

Не лучше-ли будетъ, если молодежь, не надѣясь на національность, и на то ложное, что есть въ традиціяхъ, и зная весь ужасъ рутины, и зная откуда она является, и что именно ее питаетъ,—будетъ работать, во имя того-же патріотизма, надъ тѣмъ, чтобы побороть эту рутину, чтобы *переродить русскія традиціи*, чтобы создать ихъ вновь!

Только грядущее поколѣніе способно воспринять новыя идеи и преобразовать традиціи.

Вотъ *этимъ* дѣйствительно можно увлечь молодежь, и *слѣдуетъ* ее этимъ увлечь, такъ какъ вѣдь—признаемся откровенно—намъ не по плечу побороть наши предразсудки и недостатки, мы вѣдь тоже находимся подъ властью рутины, и если кто можетъ дѣйствительно сдѣлать что-либо для будущаго, то именно только молодежь, еще не погрязшая въ этой рутинѣ, еще способная отъ нея обороняться. А мы можемъ только *указать* ей *опасность* и путь борьбы съ этой опасностью*). А обратнымъ способомъ дѣйствій, мы только

---

*) А преобразованіе надо начинать съ молодежи и потому, что никогда не слѣдуетъ надѣяться произвести какія либо преобразованія сразу. Только путемъ постепеннаго внѣдренія въ массу новыхъ идей можно сдѣлать что либо прочно,—иначе можетъ перемѣниться только внѣшность, а сущность останется та-же.

„Внимательное наблюденіе историческихъ фактовъ“ говоритъ Лебонъ, „заставило меня придти къ заключенію, что соціальные организмы столь-же сложны, какъ и организмы всѣхъ живыхъ существъ, и не въ нашей власти вызывать въ нихъ глубокія измѣненія. Природа дѣйствуетъ иногда радикально, но никогда въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ; вотъ почему манія великихъ реформъ бываетъ очень пагубна для народа, какъ-бы ни казались хороши эти реформы въ теоретическомъ отношеніи. Онѣ моглибы принести пользу лишь въ томъ случаѣ, если-бы можно было мгновенно измѣнить душу націй, но такимъ могуществомъ обладаетъ лишь время. Управляютъ людьми идеи, чувства, нравы,—то, что мы носимъ въ себѣ. Учрежденія и законы являются лишь отраженіемъ нашей души, выраженіемъ нашихъ нуждъ; поэтому-то они и не могутъ измѣнить душу народовъ, такъ какъ сами изъ нея происходятъ... Трудно понять исторію, и особенно исторію народныхъ революцій, если не уяснить себѣ хорошенько глубоко консервативныхъ инстинктовъ толпы. Толпа готова мѣнять названіе своихъ учрежденій и иногда устраивать бурныя революціи для того, чтобы добиться такой перемѣны, но основы этихъ учрежденій служатъ выраженіемъ наслѣдственныхъ потребностей расы, и поэтому толпа всегда къ нимъ возвращается... Не слѣдуетъ думать, что идея производитъ впечатлѣніе, даже на культурные умы, лишь въ томъ случаѣ, если доказана ея справедливость. Легко убѣдиться въ этомъ, наблюдая, какъ мало дѣйствуютъ даже самыя непреложныя доказательства на большинство людей... Идеалъ каждаго народа состоитъ въ сохраненіи учрежденій прошлаго и лишь въ постепенномъ и нечувствительномъ ихъ измѣненіи мало по малу... Не въ храмахъ надо искать самыхъ опасныхъ идоловъ, и

толкаемъ молодежь въ ту-же рутину, и отнимаемъ этимъ надежду на самую *возможность* возрожденія! Развѣ не важно именно для готовящихся еще служить во флотѣ выяснить, что не всѣмъ „традиціямъ" надо слѣдовать, что „традиціи" могутъ быть и худыя и вредныя, съ которыми надо бороться, въ которыя *именно имъ предстоитъ внести новое и живое,* взамѣнъ стараго и уже отжившаго (см. стр. 442 и 443).

Вѣдь они-же не дѣти—вѣрнѣе-же они таковы, какъ на нихъ смотрятъ и какъ съ ними поступаютъ... Это люди въ 18—20 лѣтъ, принявшіе присягу, которая обязываетъ ихъ не только къ исполнительности, но и къ творчеству.

Дайте имъ задачу—создать такія традиціи, сущность которыхъ заключалась-бы въ руководствѣ въ кругѣ ихъ служебной дѣятельности формулированнымъ здравымъ смысломъ—истинными принципами подготовки и веденія войны и боя... Вотъ такія *русскія* традиціи возродятъ *русскій* флотъ и поставятъ его на высшую степень могущества въ предѣлахъ его матеріальныхъ средствъ.

Говорите имъ—вотъ какія у насъ сложились исторически дурныя національныя и сословныя черты—боритесь съ ними, *пока не поздно*—иначе и васъ засосетъ.

Говорить имъ о дѣйствительномъ значеніи напр. Корнилова и Нахимова, по сравненію съ Ушаковымъ и Сенявинымъ—это совсѣмъ не значитъ—развѣнчивать первыхъ.

не въ дворцахъ обитаютъ наиболѣе деспотичные изъ тирановъ. И тѣ и другіе могутъ быть разрушены въ одну минуту. Но истинные, невидимые властелины, царящіе въ нашей душѣ, ускользаютъ отъ всякой попытки къ возмущенію и уступаютъ лишь медленному дѣйствію вѣковъ" Психологія народовъ и массъ. Стр. 105, 191, 197—198.

„Не слѣдуетъ заботиться о симметріи" говоритъ Маколей, „но больше всего думать о пользѣ; не отмѣнять аномалій только на томъ основаніи, что это—аномаліи; *не вводить новое пока не ощущается чувство неловкости,* причемъ нововведенія допускаются лишь по стольку, по скольку онѣ нужны для устраненія этого чувства; не переходить за предѣлы того частнаго случая, которому надо помочь,—вотъ правила, которыми обыкновенно руководствовались наши 250 парламентовъ со временъ Іоанна до эпохи Викторіи".

Вотъ въ томъ еще и состоитъ опасность рутины, что она отнимаетъ способность чувствовать эту „неловкость".

Это значитъ только говорить имъ—смотрите эти люди были—не вамъ чета, умные, талантливые, добросовѣстные, честные—лучшіе въ то время. А вотъ смотрите, что *и съ ними* сдѣлала рутина, разъ для нея была подходящая почва—византійство и невѣжество.

Значитъ—плавайте, запасайтесь непосредственнымъ опытомъ—иначе вы не будете военными моряками,—но помните, въ то-же время изучайте военное дѣло въ его сущности, въ его исторіи, создайте въ себѣ крѣпкую связь того что вы дѣлаете съ причинами на это вызывающими, создайте въ себѣ свободный духъ,—иначе, не смотря на весь вашъ опытъ, на способность, на талантъ—васъ съѣстъ рутина, какъ она съѣла напр. такого человѣка какъ Нахимовъ... Храните о немъ память не только потому, что онъ вамъ показалъ образецъ „великаго духа", который поставьте себѣ за образецъ, но и потому, что онъ вамъ служитъ наиболѣе яркимъ напоминаніемъ объ ожидающей васъ опасности. Пусть онъ вамъ служитъ путеводнымъ маякомъ, на который можно прокладывать курсъ, пока вы отъ него далеко, пока на васъ падаютъ только лучи съ его вершины, но какъ только вы подойдете ближе, вспомните, что его окружаютъ мели и камни, и не спускайте съ него глазъ, но правьте мимо него.

Какъ излагать въ среднемъ учебномъ заведеніи событія послѣдней войны.

Цѣлый рядъ вопросовъ возникнетъ въ головѣ преподавателя исторіи военно-морского искусства, когда ему придется касаться въ своемъ курсѣ событій русско-японской войны.

Какъ нужно излагать эти событія? Пройти-ли нѣкоторые факты умолчаніемъ, стараться-ли ихъ оправдать, брать-ли за исходныя точки резолюціи бывшихъ послѣ войны нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ?

На мой взглядъ—ни первое, ни второе, ни третье. Приговоры суда—это *тоже временныя* мнѣнія. Къ тому-же, здѣсь даже при полной безпристрастности, въ той обстановкѣ, въ которой обыкновенно происходятъ эти суды (см. стр. 339–342), можетъ выразиться только *формальная* точка зрѣнія, т. е. былъ или не былъ нарушенъ законъ.

Единственная почва—и та-же самая, на которой базируется изложеніе и самаго отдаленнаго прошлаго—историческая правда, и критическій разборъ исключительно съ одной точки зрѣнія—съ точки зрѣнія истинныхъ принциповъ военнаго дѣла.

Такъ надо излагать и нашу войну съ Японіей. Отнюдь не надо возлагать вину за постигшія насъ неудачи на какія либо отдѣльныя личности, а надо показать, и показать ярко и выпукло—отчего отдѣльныя личности заблуждались сами, или ничего не могли сдѣлать, несмотря и на умъ и на талантъ.

Иное изложеніе, напр. чисто фактическое, или тѣмъ паче—старающееся выставить въ благопріятномъ освѣщеніи то, что несомнѣнно и ясно для всѣхъ покрыто мракомъ—сейчасъ внушитъ мысль—насъ обманываютъ, къ намъ относятся какъ къ дѣтямъ, и конецъ довѣрію ко *всему,* что имъ будутъ говорить. Каждое слово тогда будетъ вызывать критику.

И вѣдь, надо еще считаться и съ тѣмъ фактомъ, что *все равно* скрыть правду нельзя, ибо объ этихъ событіяхъ уже существуетъ обширная литература, и именно лучшіе изъ молодежи не удовольствуются читаемымъ имъ курсомъ, а прочитаютъ многое *), и лучше-ли будетъ, если они повѣрятъ многому и вздорному и только изъ за того, что они *не вѣрятъ своему преподавателю,* и изъ за того, что имъ не дано правильнаго критеріума, посредствомъ котораго изъ всякаго событія и его описанія можно сдѣлать правильный выводъ.

А этотъ критерій—истинные военные принципы, а возможность свободно прилагать этотъ критерій создается свободой духа отъ рутины, отъ ложныхъ традицій и навыковъ.

Курсъ исторіи военно-морского искусства для морского корпуса

Вотъ почему я считаю, что курсъ исторіи военно-морского искусства для гардемаринъ Морского Корпуса долженъ быть по сущности тотъ-же самый, что для академіи, только въ болѣе сжатомъ изложеніи.

*) Напр. гардемарины выпуска 1908 года сами перевели и издали сочиненіе Давелюи о русско-японской войнѣ на морѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что въ такой курсъ теперь-же можетъ и должно быть введено изложеніе событій, относящихся къ исторіи русскаго флота, не ожидая какихъ либо особыхъ архивныхъ изысканій (см. предисловіе стр. 15—20). Пока вполнѣ достаточно и печатныхъ источниковъ, какъ мы видѣли это при разборѣ примѣровъ изъ русской морской исторіи, лишь-бы ясна была цѣль—*для чего* читается курсъ. Эту цѣль я и старался посильно выяснить въ этой главѣ.

должен̄ъ быть по сущности тотъ-же, что и для академіи и въ него теперь-же слѣдуетъ включить факты изъ исторіи русскаго флота, не дожидаясь какихъ либо особыхъ архивныхъ изысканій.

Заключеніе.

„Можетъ-ли правдивый и честный человѣкъ, современникъ совершающихся беззаконій, говорить спокойно о явномъ забвеніи долга и чести со стороны лицъ высокопоставленныхъ, и хотя не ими совершаемыхъ, но ими попускаемыхъ преступныхъ дѣйствій".

Адмиралъ *В. Стеценко.*

(Морск. Сб. 1896 г. № 3, стр, 5).

„Я буду особенно взыскивать за непоказаніе безпорядковъ и никакихъ не дозволю похвалъ. Нужно, чтобы факты, а не фразы хвалили насъ".

Великій Князь
Константинъ Николаевичъ.

(Изъ первыхъ распоряженій Великаго Князя, при назначеніи его Генералъ-Адмираломъ въ 1853 году).

„Сейчасъ мы духовно нуждаемся въ признаніи самоцѣнности истины, въ смиреніи передъ истиной и готовности на отреченіе во имя ея".

(Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи, стр. 21).

Начиная настоящее „Введеніе въ курсъ исторіи военно-морского искуства", въ видѣ изложенія цѣли и метода изученія и преподаванія исторіи военно-морского искуства, я выбралъ эпиграфомъ изреченіе Льва Толстого—„при стремленіи къ истинѣ надо идти до конца и не бояться—куда-бы ни привело логическое развитіе мысли *)".

Сумѣлъ-ли я не уклониться отъ логическаго развитія мысли, пришелъ-ли я къ истинѣ—судить конечно не мнѣ. Я могу, какъ я уже указалъ въ своемъ предисловіи (см. стр. 22), ручаться лишь за качество

**) См. Часть I, стр. 23.

своихъ намѣреній, но ни въ какомъ случаѣ за качество выполненія, и для того-то, чтобы не натолкнуть, въ случаѣ ошибочности моихъ выводовъ, на этотъ ошибочный путь моихъ слушателей въ академіи, я, несмотря на эскизность и неотдѣланность моей настоящей работы, все таки ее печатаю, чтобы дать возможность легче ознакомиться съ ней во флотѣ, откуда я жду компетентныхъ и доказательныхъ указаній моихъ невольныхъ заблужденій.

Но внѣ зависимости отъ того, удалось-ли мнѣ подойти близко къ истинѣ, или мнѣ выпало на долю уклониться отъ нея далеко въ сторону, я считаю своей обязанностью обратить вниманіе еще на одну сторону дѣла.

Найденную истину надо еще умѣть провести въ жизнь.

Найти истину—это еще далеко не все. Надо еще провести ее въ жизнь. Второе невозможно безъ перваго, но первое безъ второго безполезно.

Посильное освѣщеніе пути къ рѣшенію перваго вопроса—это и составляло задачу всѣхъ пяти главъ настоящей моей работы.

Попробую дать посильный отвѣтъ и на второй вопросъ—какъ провести тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, въ жизнь, чтобы они могли привести къ опредѣленнымъ результатамъ? Сознаю, что это страшно трудно, но все таки попробую—вѣдь безъ этого вся моя работа, даже при отсутствіи въ ней крупныхъ уклоненій отъ пути къ истинѣ—безполезна, и представляетъ изъ себя не болѣе какъ пустую болтовню.

Основная мысль всѣхъ частныхъ начинаній въ настоящее время—обезпечить себя отъ повторенія Цусимы.

Я думаю, что со мною согласятся, если я скажу, что, какое-бы теперь ни начиналось честное дѣло въ русскомъ флотѣ,—да и вообще въ Россіи—оно несетъ въ зародышѣ мысль—сдѣлаемъ такъ, чтобы не повторилось то ужасное, что мы пережили въ послѣдніе годы, въ частности во флотѣ—чтобы не повторилась Цусима.

И во всѣхъ областяхъ эта мысль должна быть одна—вездѣ есть своя Цусима.

Задачи морской академіи по новому уставу.

Одно изъ этихъ новыхъ начинаній—предстоящее преобразованіе Николаевской морской академіи, пред-

полагаемая *) задача которой: „а) распространять высшее военно-морское и спеціально техническое образованіе среди офицеровъ флота и корпусовъ; б) подготовлять офицеровъ для замѣщенія отвѣтственныхъ строевыхъ должностей во флотѣ и для такихъ отраслей службы, которыя требуютъ личнаго состава съ высшимъ военно-морскимъ образованіемъ, и в) содѣйствовать всѣмъ чинамъ флота и корпусовъ въ разработкѣ военно-морскихъ и техническихъ наукъ". На военно-морской отдѣлъ академіи, несмотря еще на то, что, по закону онъ еще не существуетъ, сдѣланъ уже первый пріемъ. Поступившимъ на этотъ отдѣлъ предстоитъ всѣмъ—пройти два курса, а нѣкоторымъ—лучшимъ—третій курсъ—дополнительный. Задача первыхъ двухъ курсовъ—„распространеніе высшихъ военно-морскихъ знаній среди офицеровъ флота вообще; дополнительный-же курсъ служитъ—для подготовки офицеровъ къ несенію службы генеральнаго штаба". И тѣ офицеры, которые пошли на вновь открытый военно-морской отдѣлъ, пришли туда конечно съ мыслью, что они найдутъ тамъ нѣчто такое, что давало-бы имъ отвѣтъ на мучительный вопросъ—какъ сдѣлать такъ, чтобы опять не придти къ Цусимѣ?

И если никакого отвѣта они на этотъ вопросъ не получатъ, то они вправѣ будутъ сказать, что они пришли за хлѣбомъ, а имъ дали камень.

Внести мою лепту въ этотъ отвѣтъ предстояло и мнѣ. И я имъ съ самого начала могъ сказать только одно—попробуемте вопервыхъ, въ отведенной намъ области—исторіи военно-морского искусства—отыскать истину, а потомъ сдѣлаемъ попытку представить себѣ—какъ провести эту истину въ жизнь.

Надо имѣть мужество поступать согласно со своими внутренними убѣжденіями.

Для достиженіи первой цѣли—будемъ руководиться логичнымъ развитіемъ своей мысли до конца, не боясь куда-бы она насъ ни привела, а для достиженія второй цѣли—разъ мы пришли къ какому нибудь выводу, почитаемому нами за истину, и разъ намъ не можетъ быть указана ошибка въ развитіи на-

*) Я беру эту задачу изъ „проэкта" положенія, которое еще не прошло черезъ законодательныя учрежденія.

шей мысли, и нашъ выводъ не можетъ быть опровергнутъ другой—столь-же логично развитой мыслью, будемъ принимать нашъ выводъ за то основаніе, согласно которому и будемъ поступать; опять таки —*каковы-бы ни были эти выводы.*

Но если мы не имѣемъ достаточно мужества—именно мужества—я настаиваю на этомъ словѣ—провести на дѣлѣ тотъ выводъ, который мы опровергнуть не можемъ, то тогда спрашивается—къ чему и выводъ и зачѣмъ тратить на полученіе его трудъ и время?

Выходовъ только два—или выводъ опровергнуть, или ему *подчиниться.*

Говоря объ опроверженіи, я говорю сейчасъ не объ открытомъ спорѣ. Я говорю про споръ, который не выносится внаружу, про внутреннее чувство каждаго отдѣльнаго человѣка.

Вѣдь всякій выводъ, откуда-бы ни былъ онъ полученъ, напр. высказанный въ томъ или иномъ курсѣ съ кафедры, оцѣнивается внутреннимъ чувствомъ каждаго отдѣльнаго слушателя. Споръ возникнетъ внутри, причемъ это не всегда будетъ состязаніе только строго логическихъ доказательствъ. Тутъ могутъ принять участіе чувства самыя тонкія, самыя сложныя, которыя никакими словами не выразить, такъ какъ справедливо выразился поэтъ—„мысль *изрѣченная* есть ложь *)“. И вотъ въ имѣющемся у каждаго внутри „святыя святыхъ“, которое люди, по тѣмъ или инымъ причинамъ не выставляютъ на показъ, но въ которомъ каждый самъ передъ собой *искрененъ до конца,* вотъ тамъ каждый скажетъ себѣ—правда или неправда—тотъ или иной выводъ.

И вотъ относительно этого-то внутренняго рѣшенія я и говорю—или надо его добросовѣстно опровергнуть, или ему подчиниться, и тогда, сообразно съ внутренней своей интимной правдой рѣшить—что такое представляетъ изъ себя данное указаніе—хлѣбъ или камень, а не рѣшать этотъ вопросъ въ зависимости

*) Тютчевъ „*Silentium*“.

отъ того, имѣется-ли на лицо достаточное мужество поступать согласно этому указанію, или этого мужества нѣтъ.

Вотъ въ этомъ все и дѣло, отъ этого все и зависитъ. *Надо умѣть не прятаться отъ внутренней своей правды* — ей подчиниться въ практической своей дѣятельности.

А нѣтъ на это мужества, надо его выработать. А если это недоступно, тогда надо сложить оружіе и ужъ пенять только и исключительно на себя, и ни на кого больше, а тѣмъ болѣе „не пенять на зеркало“.

Раздѣленіе причинъ нашего разгрома на первопричины и второпричины.

Чтобы добраться до рѣшенія вопроса—какъ сдѣлать такъ, чтобы не повторилась Цусима, надо добросовѣстно вдуматься—какія причины привели къ ней?

При этомъ я отбрасываю здѣсь причины *соціальныя,* т. е. внутреннее состояніе страны, и причины *политическія,* т. е. то международное положеніе, въ которомъ очутилась, или къ которому приведена страна.

И не потому я отбрасываю эти причины, что я не считаю ихъ важными.

Напротивъ — въ нихъ-то быть можетъ и вся суть, изъ нихъ-то все вѣроятно и исходитъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ надо-же признать и то, что *эти* причины—внѣ предѣловъ нашей досягаемости, внѣ возможности нашего воздѣйствія. Мы можемъ только ихъ сознавать, ихъ наблюдать—но измѣнить въ этомъ направленіи мы ничего не можемъ.

Мы можемъ считаться только съ *послѣдствіями* этихъ первопричинъ, которыя проявляются въ области, въ которой мы живемъ и дѣйствуемъ—въ области флота.

И вотъ этимъ *послѣдствіямъ* мы можемъ или подчиняться, или можемъ съ ними бороться.

Эта борьба конечно очень тяжела—именно по своей *вѣчности*, которая имѣетъ мѣсто потому, что не въ нашей власти измѣнить дѣло въ корнѣ. А значитъ надо бороться *всегда,* ибо первопричина, лежащая внѣ нашего воздѣйствія, все время даетъ послѣдствія.

Но неправда-ли, изъ за того, что мы не можемъ уничтожить первопричины, совсѣмъ не значитъ, что мы не должны считать важной борьбу съ этими—назовемъ ихъ—*второпричинами*.

Вѣдь это единственное, что мы *можемъ* дѣлать въ области того спеціальнаго дѣла, которому мы служимъ. Это долгъ *служебный*, тогда какъ первопричины и наше отношеніе къ нимъ касаются нашего долга *гражданскаго*—какъ граждан̂ъ своей страны. Да вѣдь это такъ и вездѣ. Всегда мы имѣемъ дѣло собственно со второпричинами. Вѣдь если ужъ говорить про настоящія первопричины, то они—въ стихіяхъ, и то только потому, что дальше не можетъ проникнуть нашъ разумъ, а на самомъ дѣлѣ онѣ можетъ быть и еще гораздо дальше.

Мы безсильны измѣнить движеніе земли, и изъ за этого мы обречены на вѣчную борьбу съ холодомъ, который періодически къ намъ приходитъ. И мы строимъ дома и шьемъ шубы, и когда первые развалятся, а вторыя износятся, мы принимаемся *вновь* за работу, изобрѣтаемъ различныя усовершенствованія и знаемъ, что эту работу мы будемъ производить *вѣчно*. А между тѣмъ если-бы мы могли измѣнить нашъ климатъ, вся бы эта работа отпала отъ насъ. И дѣлаемъ мы эту *вѣчную* работу потому, что иначе мы погибнемъ.

Такъ и въ нашемъ дѣлѣ.

Не въ нашей власти, какъ обслуживающихъ спеціально военное дѣло, видоизмѣнить соціальное и политическое положеніе нашей страны, не въ нашей власти—коренными образомъ видоизмѣнить человѣческую натуру, которая опредѣляетъ отношенія между людьми и сущность военныхъ явленій. Но изъ этихъ первопричинъ вытекаютъ извѣстныя второпричины, ведущія къ разгрому, и съ ними-то и суждена намъ вѣчная борьба, какъ земледѣльцу суждена вѣчная работа по борьбѣ съ сорными травами и зарослями, такъ какъ онъ не можетъ уничтожить *способности* земли ихъ производить. Но это не значитъ, что онъ не долженъ ихъ выпалывать и рубить.

И если мы будемъ разсуждать такъ—устранить основныя причины пораженія намъ недоступно, а потому—стоитъ-ли бороться со второпричинами? Это вѣчно, это скучно, это мелко—то что-же выйдетъ изъ такого разсужденія? Да правда—это такъ,—это также несносно, какъ возстановлять свои дома и одежду—но *если мы не будемъ этого дѣлать—мы будемъ разбиты тѣми, которые это дѣлаютъ.*

Второпричины нашего разгрома.

А потому помиримся съ тѣмъ, что намъ доступна борьба лишь со второпричинами, и вдумаемся—каковы-же эти второпричины, приведшія насъ къ пораженію?

Начнемъ съ причинъ непосредственныхъ.

Наше оружіе было хуже чѣмъ у противника. Наши типы кораблей были хуже—менѣе быстроходны, хуже защищены, вооружены худшей артиллеріей, установленной на худшихъ станкахъ, снабженной худшими снарядами и невѣрными таблицами стрѣльбы.

Мы не отдавали себѣ отчета въ близости войны и не были къ ней готовы. Не были подготовлены порты, доки, мастерскія, запасы, многіе корабли и другія боевыя средства были въ неисправности, другіе были недостроены.

Мы дурно распоряжались даже имѣемыми средствами. У насъ не было выработаннаго плана дѣйствій, мы разбросали свои силы, мы совершили цѣлый рядъ самыхъ досадныхъ стратегическихъ и тактическихъ промаховъ—не оказалось на лицо, ни искуства веденія кампаніи, ни искуства веденія боя.

Наконецъ мы дошли до того, что *сами выдавали настоящія военныя тайны врагу.* Никѣмъ другимъ, какъ высшимъ морскимъ органомъ вѣдь объявлялось въ газетахъ, что исправленія нашихъ кораблей въ Портъ-Артурѣ закончены, внезапность выхода эскадры нарушалась изъ за болѣзни одного изъ командировъ (см. стр. 163), наконецъ даже командиры кораблей, не смотря на строгія предписанія—а когда это не помогало, то и на просьбы—не могли удержаться, чтобы не увѣдомить своихъ близкихъ о выходѣ кораблей въ экспедицію, весь успѣхъ которой зависѣлъ отъ тайны

ихъ выхода, и по ничтожнымъ причинамъ эти корабли появлялись въ виду такого берега*), отъ возможности наблюденія съ котораго ихъ пути сильно зависѣлъ успѣхъ поставленной имъ задачи!

И вѣдь это было не только во флотѣ, но и въ арміи.

„Главный Штабъ" говоритъ генералъ Куропаткинъ**) „относился невнимательно къ опубликованію нашихъ донесеній съ театра войны. Онъ печаталъ такія данныя, какъ напр. названія мѣстностей, частей войскъ, которыя облегчали противнику точно опредѣлить мѣсто нахожденія частей. Въ то же время, зная достаточно точно цифры нашихъ потерь и утраченныхъ орудій въ сраженіи подъ Мукденомъ, Главный Штабъ очень долго не опубликовывалъ этихъ свѣдѣній, оставляя такимъ образомъ безъ опроверженія проникшія въ печать извѣстія о потерѣ нами нѣсколькихъ сотъ орудій".

То-же самое дѣлалъ Главный Морской Штабъ съ извѣстіями о сдачѣ отряда адмирала Небогатова, и вообще при очень многихъ нареканіяхъ на наши корабли (напр. „Изумрудъ"), когда онъ могъ легко это опровергнуть, и безъ всякаго нарушенія военной тайны***).

---

*) См. мой „Очеркъ военныхъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны", напечатанный въ морской справочной книжкѣ В. К. А. М. за 1906 г., стр. 38 и 42.

**) „Итоги". Стр. 201.

***) А развѣ нельза указать на такіе-же случаи и теперь? Напр. на ряду съ напусканіемъ секретности на проекты нашихъ линейныхъ кораблей и на таблицы стрѣльбы (см. стр. 497-8), которые по существу никакого секрета не должны-бы были представлять, и сохраненіе которыхъ въ секретѣ только плодитъ и скрываетъ ихъ недостатки, такія вещи, сохраненіе которыхъ въ тайнѣ могло-бы имѣть дѣйствительный смыслъ, объявляются во всеобщее свѣдѣніе. Напр. въ циркулярѣ Морского Техническаго Комитета отъ 7 Декабря 1909 г. за № 21, напечатанномъ въ Морск. Сборн., говорится о такой незначущей вещи, какъ объ уничтоженіи иа верхней палубѣ миноносцевъ линолеума и объ устройствѣ на ней упорныхъ для ногъ деревянныхъ брусковъ. Но къ этому циркуляру приложенъ чертежъ всей палубы миноносца, на которой вмѣстѣ съ мѣстомъ этихъ безобидныхъ брусковъ, вычерчены въ масштабѣ рельсы для минъ загражденія, по которымъ сейчасъ-же можно сказать сколько минъ загражденія беретъ миноносецъ.

А что можно сказать про торжественное опубликованіе въ газетахъ (Нов. Вр. отъ 21 Апрѣля 1910 г.) приказа Главнаго Начальника Кронштадта отъ 15 Апрѣля, въ которомъ отмѣчается фактъ окончанія особенно спѣшной постройки новыхъ батарей и о „безпримѣрныхъ трудахъ и рвеніи всѣхъ чиновъ Кронштадтской крѣпости!".

Попробуйте вдуматься—откуда все это?

Основныя второпричины нашихъ пораженій лежатъ не въ винѣ отдѣльныхъ лицъ, а въ общемъ незнаніи и отсутствіи гражданскаго мужества.

Вѣдь все это допустили и дѣлали не кто нибудь одинъ или нѣсколько, а многіе и спеціалисты дѣла!

Легче всего и очень заманчиво отвѣтить на это—да вотъ во всемъ этомъ виноваты такія-то и такія-то имена. Они были халатны, они были недобросовѣстны, они пожертвовали дѣломъ своимъ личнымъ интересамъ,—и наконецъ, самое любимое объясненіе всего—все-бы было, да не было ассигновано достаточныхъ средствъ.

Увы—если-бы дѣло было только въ этомъ!

Говорю—увы—именно потому, что если-бы дѣло было только въ извѣстной группѣ преступныхъ людей, то не трудно-бы и поправить дѣло. Устранить только отъ дѣла эту группу людей и готово.

А между тѣмъ давно уже нѣтъ большинства тѣхъ, противъ которыхъ раздавались эти обвиненія, замѣстители ихъ смѣнились послѣ того не разъ,—а если мы захотимъ отвѣтить откровенно—видимъ-ли мы перемѣну, загорается-ли въ насъ надежда, а тѣмъ болѣе—утвердилась-ли у насъ надежда—я ужъ не говорю—увѣренность,—что не повторится то ужасное, что произошло, то едва-ли мы рѣшимся на это отвѣтить утвердительно.

Значитъ не такъ это просто, дѣло значитъ не въ отдѣльныхъ людяхъ, а въ нравахъ, въ идеяхъ всего сословія, если на мѣсто однихъ ушедшихъ, оно выдвигаетъ другихъ—такихъ-же!

А относительно денегъ, вѣдь это-же точно установлено, что денегъ мы истратили передъ войной на флотъ больше, чѣмъ наши противники.

И надо сказать прямо—обвиненія отдѣльныхъ лицъ, безъ связи ихъ дѣлъ съ вліяніемъ среды, были и несправедливы и непродуманы *).

Вѣдь надо-же подумать о томъ—что-же *нарочно* эти люди выбирали плохіе корабли, плохія пушки и снаряды, что-же *нарочно* они разбрасывали силы, *нарочно* со-

*) „Недостойно свободныхъ существъ во всемъ всегда винить внѣшнія силы и ихъ виной себя оправдать“ Вѣхи. Сборникъ статей о русской интеллигенціи. Стр. 22.

вершали стратегическія и тактическія ошибки,—наконецъ—что-же *нарочно* они даже выдавали военныя тайны?

Вѣдь, не правда-ли, другого отвѣта на это быть не можетъ, какъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Вѣдь сказать—да—это-бы нелѣпо, чудовищно!

Столь-же нелѣпо было-бы утверждать, что они это сдѣлали ради своей выгоды—вѣдь гораздо выгоднѣе было для нихъ выбрать и хорошіе корабли, хорошія пушки и снаряды, и предвидѣть войну, и искусно ее вести—вѣдь именно этимъ утвердилось-бы и ихъ матеріальное благополучіе, и почетъ и слава, и почетное мѣсто въ исторіи!

И еще потому было-бы нелѣпо и несправедливо сказать—да,—что нѣтъ, вѣдь никакихъ основаній утверждать, что эти лица не желали блага своей родинѣ, что имъ не было столь-же горько и обидно, какъ и другимъ, за наши неудачи, чтобы они не были готовы положить всѣ свои силы на то, чтобы принести пользу.

И мы даже знаемъ—какъ много работали нѣкоторые именно изъ тѣхъ, которыхъ больше всего обвиняли въ нашихъ неудачахъ.

Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ несли въ жертву и жизнь свою. А затѣмъ—развѣ не оказалось, что надѣлали множество ошибокъ и выказали отсутствіе искусства и тѣ, которыхъ ужъ никакъ нельзя отнести къ вышеуказанной группѣ?

И по совѣсти надо признать—работы было много и работы самоотверженной. Наконецъ мужество и выносливость въ самыхъ тяжелыхъ, прямо отчаянныхъ обстоятельствахъ, были проявлены огромныя, и въ огромномъ большинствѣ личнаго состава.

И все таки—въ результатѣ цѣлый рядъ промаховъ, и въ созданіи средствъ, и въ пользованіи ими, и въ концѣ концовъ—жестокое пораженіе.

И вотъ, если остановиться на этихъ положеніяхъ, какъ на вѣрныхъ, то вырисовывается и отвѣтъ на вопросъ—почему все это произошло?

Одинъ французскій журналистъ *(L. Nodo)*, состоявшій военнымъ корреспондентомъ, очень хорошо

это прочувствовалъ, и озаглавилъ свои статьи о нашей арміи на войнѣ—„*Они не знали*“.

И по моему глубокому убѣжденію, то-же самое надо сказать и о нашемъ флотѣ. Одна изъ основныхъ причинъ нашихъ бѣдъ—незнаніе, темнота въ своемъ дѣлѣ (см. стр. 336—339)*).

Оттого и строили такіе типы кораблей, что *не знали*—какіе именно типы наиболѣе пригодны для войны. Эта-же причина породила несоотвѣтствующія потребностямъ современной войны пушки, станки и снаряды. Оттого и не предвидѣли войну, что *не могли разобраться* въ явныхъ казалось-бы ея предвѣстникахъ, оттого дѣлали и стратегическія и тактическія ошибки, что *не имѣли яснаго представленія* о томъ—чѣмъ собственно надо руководствоваться при веденіи кампаніи и боя. Оттого-то и выдавали настоящія военныя тайны, и

*) Къ этому заключенію я пришелъ не теперь. Сейчасъ послѣ войны въ „Очеркѣ военныхъ дѣйствій на морѣ“ (Справочн. книжка В. К. А. М. на 1906 г. стр. 137) я писалъ „Вѣдь никто не рѣшится сказать, что это пренебреженіе было проявленіемъ злой воли... Нѣтъ, это просто было *незнаніе* и результаты этого незнанія принадлежатъ къ главнѣйшимъ выводамъ изъ этой войны...“.

Напр. многіе изъ нашихъ офицеровъ воображали, и отмѣтили это въ своихъ описаніяхъ войны, что японцы обладали какимъ-то особымъ чудодѣйственнымъ фугаснымъ снарядомъ, какого не было ни у одного изъ флотовъ передъ войной, а потому эту причину—превосходство ихъ снарядовъ, надо зачислить въ число стихійныхъ. Между тѣмъ еще задолго передъ войной въ иностранныхъ флотахъ явилась тенденція къ введенію фугасныхъ снарядовъ съ значительнымъ количествомъ взрывчатаго вещества, и напр. англійскіе фугасные снаряды содержали до 14% лиддита отъ ихъ общаго вѣса, и еще въ 1900 году эти снаряды были испытаны при разстрѣливаніи броненосца „*Belleisle*“, причемъ картина разрушенія представилась именно такая, какая оказалась въ Цусимскомъ бою. И все это не было секретомъ, все это можно было найти въ находившихся въ продажѣ офиціальныхъ англійскихъ изданіяхъ (см. *Handbook of ammunition, 1901, by authority of the. Lords Commissioners of the Admiralty*), и въ общей морской литературѣ, въ видѣ описаній, фотографій и т. п.; изъ которыхъ мнѣ самому напр. пришлось заимствовать и печатно резюмировать эти свѣдѣнія (см. мою брошюру „Современная морская артиллерія“ 1903 г. стр. 4—5, 31—32, 47—50 и д.). А такъ какъ у японцевъ была англійская морская артиллерія, то значитъ *должно-ли* было быть дѣйствіе ихъ снарядовъ для насъ сюрпризомъ? Мы просто не знали, и потому именно, что не хотѣли знать“. Мы даже не знали, что мы „не знаемъ“! „Еще со временъ Зенона философы удивляются, до какой степени много вниманія люди отдаютъ тому, что отъ нихъ независитъ, и какъ мало вниманія тратятъ на то, что въ ихъ власти“ говоритъ публицистъ Меньшиковъ (Нов. Вр. 5 Января. 1910 г.).

А развѣ не яркій примѣръ наивнаго „незнанія“ геройскій подвигъ Василія Рябова! Вотъ какъ характеризуетъ этотъ подвигъ одинъ изъ военныхъ писателей въ статьѣ „Памяти незамѣтнаго героя“ (газета „Вечеръ“ отъ 10 Октября 1909 г.). „Какимъ-же образомъ Рябовъ очутился въ средѣ японцевъ? Дѣло было до чрезвычайности просто. Генералъ Куро-

рядомъ съ этимъ дѣлали секреты изъ всякихъ пустяковъ, что *не умѣли* разобраться въ вопросѣ—что такое настоящая военная тайна.

На это могутъ мнѣ возразить—позвольте, мы знаемъ случаи, когда тѣ или иные люди понимали тотъ или другой вопросъ,—разъясняли, предупреждали—но ихъ не послушали! Значитъ было не незнаніе со стороны непослушавшихъ, а злая воля!

паткинъ приказалъ произвести тщательную развѣдку расположенія японской арміи. Приказаніе это, спускаясь по ступенямъ іерархической лѣстницы все ниже и ниже, достигло наконецъ и до Чембарскаго полка. Это приказаніе командиръ полка передалъ въ роты и тамъ для этой цѣли были назначены охотники, въ томъ числѣ и Рябовъ. По сохранившимся свѣдѣніямъ, онъ для достиженія цѣли, одѣлъ китайскую кофту и шапку, но остался въ солдатскихъ шароварахъ и сапогахъ! Такимъ образомъ, это переодѣваніе, лишивъ его всякаго права на признаніе его военно-плѣннымъ, въ случаѣ захвата его японцами, въ то-же время нисколько не уменьшало вѣроятности быть узнаннымъ при первомъ-же соприкосновеніи съ японцами,—что и случилось въ дѣйствительности, какъ видно изъ письма японцевъ... Ни одинъ изъ развѣдчиковъ не зналъ ни слова ни по китайски, ни по японски, а Рябовъ, сверхъ того, какъ только что призванный изъ запаса, не былъ знакомъ ни съ картою, ни съ компасомъ, ни съ внѣшнимъ видомъ японскихъ солдатъ, ни съ организаціей японской арміи. Вслѣдствіе этого, даже при полной удачѣ его предпріятія, если бы ему удалось проникнуть въ самую середину японскаго расположенія, онъ не могъ-бы собрать сколько-нибудь цѣнныхъ свѣдѣній, и не могъ-бы доставить обратно даже то немногое, что ему удалось собрать. Насколько безпомощнымъ чувствовалъ себя Рябовъ, видно изъ того, что онъ пошелъ прямо по большой дорогѣ и, конечно, былъ схваченъ тотчасъ-же, какъ только наткнулся на постъ передней сторожевой цѣпи японцевъ.

Итакъ, охотники-чембарцы пошли къ японцамъ, и черезъ нѣкоторый промежутокъ времени возвратились обратно, но нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Рябовъ, остались тамъ навѣки. О судьбѣ Рябова мы узнали многое, а судьбы остальныхъ, такихъ-же точно незамѣтныхъ героевъ, намъ остались неизвѣстными. Тѣмъ не менѣе, всякому ясно, *что весь ихъ, дѣйствительно, великій подвигъ, въ сущности, былъ безцѣленъ, такъ какъ при этихъ условіяхъ онъ никакой пользы для арміи принесть* не могъ.

Сознавалъ-ли Рябовъ и его ближайшее начальство, что онъ идетъ почти на вѣрную смерть? Несомнѣнно, сознавалъ, и былъ готовъ по присягѣ „положить животъ свой за Вѣру, Царя и Отечество“. Въ этомъ пожертвованіи собою—сила Россіи. Сознавалъ-ли Рябовъ и все его начальство, что онъ идетъ на подвигъ совершенно безцѣльно, что онъ пожертвуетъ своей жизнью абсолютно безъ всякой пользы для этого отечества? Увы! не сознавалъ ни онъ, ни начальство вплоть до г. Куропаткина! Вотъ въ чемъ трагизмъ и ужасъ этого геройства! Мучила-ли совѣсть фельдфебеля, пославшаго на развѣдку Рябова, или его ротнаго, батальоннаго, полкового командира, когда они узнали о томъ, что Рябовъ разстрѣлянъ японцами?

Мучила-ли ихъ совѣсть, когда они увидѣли, что послали его на убой безъ всякой пользы для дѣла? Нѣтъ, не мучила, потому что они объ этомъ вовсе и не думали.

Вотъ въ чемъ несчастье Россіи! Высокая, твердая, самоотверженная душа и ребячье невѣдѣніе того, что ее окружаетъ во внѣшнемъ мірѣ! (см. стр. 252).

И такихъ примѣровъ дѣйствительно можно привести не мало.

Но, соглашаясь, что несомнѣнно были дѣйствительные случаи и преступные, и происшедшіе отъ злой воли, все таки относительно большинства случаевъ и преступность и злая воля—это были явленія лишь *кажущіяся.*

Вѣдь *и для того, чтобы понять—надо знать.*

Для того чтобы понять, надо знать.

Чтобы понять и повѣрить, надо имѣть *общность* мысли, надо чтобы убѣждающій и убѣждаемый признавали какія-то общія основы какого-то знанія, на основаніи которыхъ одинъ и убѣждаетъ другого. Если этого нѣтъ, если нѣтъ у убѣждаемаго широкихъ знаній, то слова убѣждающаго для него безполезны, онъ говоритъ для него на чуждомъ ему языкѣ, онъ его только раздражаетъ, убѣждаемый *не понимаетъ* важности того, что ему говорятъ! А потому онъ и не исполняетъ этихъ благихъ совѣтовъ, будучи убѣжденъ, что они безполезны и даже вредны.

И вѣдь такъ бываетъ всюду. Только *знаніе* даетъ критеріи для сознанія своихъ ошибокъ. Болѣе-же всего самолюбиво и высокомѣрно именно *невѣжество.*

И такъ одна изъ основныхъ причинъ (второпричинъ) нашихъ неудачъ—это незнаніе.

Но есть и другая и столь-же важная причина, и бороться съ которой еще труднѣе чѣмъ съ незнаніемъ, такъ какъ она, при извѣстныхъ условіяхъ, свиваетъ очень прочное гнѣздо въ человѣческой душѣ. Эта причина—рабство мысли и поступковъ, рабство не только передъ высшими и сильными, но и передъ равными и передъ низшими—рабство передъ средой.

Если непонятно употребленное мною слово „рабство“, замѣню его—отсутствіе независимости, самостоятельности мысли и поступковъ. Еще понятнѣе будетъ, если сказать—хотя ужъ очень затрепано и избито это выраженіе—*отсутствіе* такъ называемаго *гражданскаго мужества.*

Отчего гражданское мужество имѣетъ мѣ-

Однако, не смотря на эту затрепанность и избитость, вопросъ о гражданскомъ мужествѣ очень важный. Напр. удивительное дѣло—казалось-бы, что про-

явленіе гражданскаго мужества должно было-бы быть куда легче и чаще, чѣмъ проявленіе мужества военнаго, а на самомъ дѣлѣ этого не замѣчается. Вѣдь въ послѣднемъ случаѣ ставится на карту жизнь, т. е. то, что для человѣка дороже всего. А вмѣстѣ съ жизнью ставится на карту и благосостояніе какъ свое, такъ и дорогихъ близкихъ людей.

сто несравненно рѣже чѣмъ военное.

Значитъ не страхъ передъ лишеніями и страданіями своими и своихъ близкихъ заставляетъ отступать отъ проявленія гражданскаго мужества, разъ совершенно установленный фактъ, что въ широкихъ размѣрахъ проявляется мужество военное.

И нельзя тутъ сослаться и на требованія государства, такъ какъ напр. присяга требуетъ одинаково и военнаго и гражданскаго мужества.

Тутъ есть что-то другое, не совсѣмъ ясное, но несомнѣнно существующее, такъ какъ опять таки мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ фактомъ, что гражданское мужество встрѣчается несравненно рѣже чѣмъ мужество военное.

„То, что не ясно, слѣдуетъ выяснить“ сказалъ Конфуцій *). Попробуемъ это сдѣлать по отношенію къ факту рѣдкаго проявленія гражданскаго мужества, по сравненію съ военнымъ.

Военное мужество направлено исключительно противъ *внѣшняго* врага—а потому оно признается почетнымъ и высокимъ *всѣми* въ своей странѣ. Жертва именно жизнью сама по себѣ цѣнится очень высоко, и сложилось такъ, что военное мужество чтится даже врагами—оно лично ни противъ кого изъ нихъ не направлено.

Гражданское мужество, въ большинствѣ случаевъ, направлено противъ врага внутренняго, даже въ военное время. Говорю—въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ и на войнѣ проявляется гражданское мужество и въ томъ напр., чтобы имѣть рѣшимость брать на себя отвѣтственность въ различныхъ случаяхъ, и въ

*) По кругу чтенія. На 26 Сентября.

этой рѣшимости обыкновенно нѣтъ непосредственной угрозы жизни. Но не о такихъ проявленіяхъ гражданскаго мужества сейчасъ рѣчь.

Я говорю о томъ гражданскомъ мужествѣ, которое проявляется главнымъ образомъ противъ врага внутренняго, противъ злоупотребленій, противъ незнанія и невѣжества, противъ злой воли, противъ попустительства.

Вотъ такое мужество многими не признается за высокое качество—конечно прежде всего тѣми, противъ кого оно направлено, тѣми съ кѣмъ такъ или иначе связаны эти люди,—иногда не признается всей окружающей средой, чуящей въ проявленіяхъ этого мужества общую опасность своему благополучію и спокойствію.

Вотъ почему военное мужество чтится не только въ теоріи, но *и на дѣлѣ*, и награждается. Вотъ почему военное мужество заражаетъ, и человѣкъ, совершающій военный подвигъ, увлекаетъ за собой другихъ, усыпляя въ нихъ страхъ смерти.

Между тѣмъ *гражданское мужество чтится только въ теоріи*. На дѣлѣ-же оно возбуждаетъ злобу, ненависть и месть. Вотъ почему человѣкъ, совершающій подвигъ гражданскаго мужества, остается обыкновенно *одинокимъ*—многіе теоретически ему сочувствуютъ, но на дѣлѣ жмутся, пятятся и за нимъ не идутъ.

Вотъ почему такъ трудно и проявляется гражданское мужество—вмѣсто почета и наградъ, которые сопровождаютъ мужество военное, его спутники—озлобленіе и преслѣдованіе.

Истина можетъ принести пользу только тогда, если имѣется на лицо гражданское мужество примѣнить ее на дѣлѣ.

А между тѣмъ, если не прятаться отъ логическаго теченія мысли, если смотрѣть логическому выводу прямо въ глаза,—нельзя вѣдь не признать, что только тогда знаніе и можетъ принести дѣйствительную пользу дѣлу, когда оно идетъ рука объ руку съ гражданскимъ мужествомъ, какъ только тогда и можетъ быть использовано умѣнье владѣть оружіемъ, когда оно соединено съ военнымъ мужествомъ.

Изученіе, знаніе только откроетъ истину. Но чтобы приложить ее къ дѣлу, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, необходимо наличіе гражданскаго мужества, и отъ этого вывода, желая остаться добросовѣстнымъ, никуда спрятаться нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ хотя-бы въ вопросѣ о причинахъ разгрома, мы напр. указывали на одну изъ нихъ—нельзя было, изъ за нашей неподготовленности, затѣвать эту войну.

И вотъ были люди, которые *не знали*, что намъ нельзя воевать т. е. которые не видѣли, не понимали нашей неподготовленности, которые въ своемъ невѣжествѣ воображали, что все у насъ очень хорошо.

Это одно—*незнаніе.*

Но вѣдь были и другіе, которые *знали* и понимали, и все таки не предотвратили войну и способствовали ея продолженію. А произошло это потому, что у нихъ не оказалось гражданскаго мужества признать и ошибочность своей предыдущей дѣятельности, и претерпѣть за эти свои ошибки, и не хватило этого мужества для печальной необходимости обличить незнаніе другихъ, а тѣмъ болѣе не оказалось готовности—а она то и требовалась въ данномъ случаѣ—идти до конца по этому пути, т. е. въ случаѣ надобности—сложить съ себя званіе, должность—быть готовымъ считаться съ проявленіями отмщенія со стороны стоящихъ на пути къ исправленію ошибки.

Когда выбирались плохія пушки, снаряды, корабли—гдѣ были тѣ люди, которые *знали* и понимали негодность всего этого—вѣдь такіе были несомнѣнно на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы? Кто изъ нихъ ставилъ вопросъ ребромъ—„черезъ меня этотъ вопросъ не пройдетъ“, кто ставилъ изъ нихъ вопросъ о „довѣріи“, кто довелъ свой протестъ, если и были протесты, до конца?

Нѣтъ—они молчали. Они дали всему этому совершиться, при своемъ, хотя и вынужденномъ содѣйствіи. Они руководились не присягой, не пользой государства, а мыслью—„моя хата съ краю, я ничего

не знаю". И все это явилось слѣдствіемъ отсутствія гражданскаго мужества, вытекающаго изъ непризнаванія его почетнымъ и достойнымъ подражанія*).

Правда, при существовавшей системѣ „не смѣть свое сужденіе имѣть", если кто и рѣшался говорить, то его постигала судьба извѣстнаго юмориста Марка Твена,

---

*) И сколько такихъ примѣровъ можно привести! См. стр. 448—452, 455, 461, 463, Синопъ, борьба Макарова и другіе.

Вотъ что писалъ Графъ Витте (письмо въ редакцію газ. „Новое Время" отъ 20 Марта 1910 г.):

„Если наша бѣдная родина не въ состояніи справиться съ чѣмъ либо, то это не съ финансами, а съ чѣмъ либо инымъ, и прежде всего *съ отсутствіемъ не военной доблести, а доблести гражданской*". Отрадный признакъ, что на это заявленіе реагировалъ генералъ Куропаткинъ, который „счелъ эти слова за личное оскорбленіе, обличающее его въ недостаткѣ гражданскаго мужества" (Нов. Вр. отъ 27 Марта 1910 г.). Прежде это не считалось непригляднымъ. Но графъ Витте особымъ письмомъ на имя Куропаткина разъяснилъ; „я не имѣлъ намѣренія задѣть, ни тѣмъ менѣе оскорбить васъ лично или кого бы то ни было. Упоминаніе объ отсутствіи гражданскаго мужества, въ эпоху смущенія, охватившаго умы изъ за пережитого пораженія, я относилъ ко всѣмъ, не исключая и самого себя". И конечно съ такимъ изложеніемъ мысли генералъ Куропаткинъ не могъ не согласиться, ибо самъ онъ, по окончаніи кампаніи, прощаясь съ офицерами писалъ: „Въ общемъ, среди младшихъ и старшихъ офицеровъ не находится достаточнаго числа лицъ съ крупнымъ военнымъ характеромъ, съ желѣзными, несмотря ни на какія обстоятельства, нервами, способными выдерживать безъ ослабленія почти непрерывный бой въ теченіи многихъ дней. Очевидно ни школа, ни жизнь не способствовали подготовкѣ въ Россіи за послѣднія 40 или 50 лѣтъ сильныхъ, самостоятельныхъ характеровъ; иначе вѣроятно они были бы въ значительно большемъ числѣ въ арміи. Мы бѣдны выдающимися, самостоятельными, энергичными, съ иниціативою людьми. Ищите ихъ, поощряйте, продвигайте впередъ, вызывайте ростъ этихъ основныхъ для военнаго человѣка качествъ! Люди съ сильнымъ характеромъ, люди самостоятельные, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ въ Россіи не только не выдвигались впередъ, а преслѣдовались. Въ мирное время такіе люди для начальствующихъ лицъ казались неспокойными, казались съ тяжелымъ характеромъ и таковыми и аттестовались. Въ результатѣ, такіе люди часто оставляли службу; и наоборотъ, люди безъ характера, безъ убѣжденій, но покладистые, всегда готовые во всемъ соглашаться съ мнѣніемъ своихъ начальниковъ, выдвигались впередъ".

Командующій заканчиваетъ свой прощальный приказъ словами, которыя должны поднять надежду, пріободрить; онъ говоритъ: „Нынѣ, непреклонною волею Нашего Вождя, Россіи даруются блага свободы, съ народа снимается бюрократическая опека и ему предоставляется возможность свободнаго развитія и примѣненія своихъ силъ на пользу нашей родины. Будемъ вѣрить, что эти блага свободы, при хорошо поставленной школѣ, скоро отразятся на подъемѣ матеріальныхъ и духовныхъ силъ русскаго народа, и дадутъ на Руси во всѣхъ сферахъ дѣятельности людей самостоятельныхъ, предпріимчивыхъ, обладающихъ широкой иниціативой, крѣпкихъ тѣломъ и духомъ; тогда обогатится этими силами армія".

Вотъ что говорилъ по этому поводу, при обсужденіи военной смѣты въ Государственной Думѣ 27 Мая 1908 года, депутатъ Гучковъ:

„И вотъ теперь, когда со времени этого приказа прошло уже три года, мы вправѣ спросить: что же въ этой спеціальной области, въ области

когда онъ былъ рулевымъ на пароходѣ на Миссисипи и спорилъ со своимъ капитаномъ. Онъ такъ разсказываетъ про этотъ случай *): „Мы спорили цѣлыми часами и днями, пока я стоялъ у рулевого колеса. Обыкновенно мнѣ удавалось заставить его замолчать аргументами объ языкѣ Шекспира. Но у него былъ одинъ аргументъ, противъ котораго я ничего не могъ возразить, который всегда оставался у него на случай крайности, и при помощи котораго онъ всегда оказывался побѣдителемъ. Аргументъ этотъ заключался въ томъ, что я оселъ, и чтобы я заткнулъ фонтанъ! Онъ говорилъ это—и я повиновался. Какъ давно это было! Какъ страшно давно! И вотъ теперь я, старый, забытый, одинокій и печальный, стараюсь устроить все такъ, чтобы еще разъ выслушать отъ кого нибудь этотъ аргументъ".

Но вотъ тутъ и необходимо гражданское мужество, когда силой затыкаютъ фонтанъ.

Повторяю, одно знаніе еще не уничтожаетъ ни злоупотребленій, ни злой воли, ни лѣни, ни попустительства.

Начальникъ отряда участвовавшаго въ маневрахъ, не рѣшающійся потребовать отчетъ объ этихъ маневрахъ **) для собственнаго своего съ нимъ ознакомленія, и самое главное—для ознакомленія съ нимъ своихъ подчиненныхъ, изъ за нежеланія сдѣлать непріятность извѣстнымъ, выше его стоящимъ, лицамъ—тѣмъ самымъ способствуетъ огромному злоупотребленію, понижаю-

---

формированія желѣзныхъ характеровъ, выдвиганія талантливыхъ людей снизу, что же сдѣлано? И мы должны признать, что система, переламывающая сильные характеры, осталась прежняя; что тотъ противоестественный подборъ, который заставлялъ все непригодное, все легкое всплывать на верхъ, то, что отбрасывало талантливыхъ, сильныхъ, смѣлыхъ людей въ сторону,—все это осталось; мы должны признать, что въ дѣлѣ замѣщенія высшихъ должностей въ арміи царятъ все тѣ-же старые грѣхи, тотъже непотизмъ, тѣ-же общественныя и семейныя связи, то-же однокашничество и собутыльничество и тотъ-же—какъ хорошо выразился деп. Марковъ 2-й—„придворный шопотъ". И характерно, что тѣ два крупные военные таланта, которыхъ выдвинула послѣдняя война, были въ мирное время своимъ вѣдомствомъ забракованы. И вотъ надо было войну, этотъ послѣдній крайній экзаменъ, въ которомъ обманъ не допускается, гдѣ истинный талантъ скажется и будетъ свѣтиться,—чтобы пробить рутину и выдвинуть этихъ людей". (См. стр. 68).

*) Маркъ Твенъ. „Умеръ-ли Шекспиръ".

**) См. стр. 487.

щему качество боевой силы, и этотъ поступокъ яркій образчикъ отсутствія гражданскаго мужества, приносящій не меньшій вредъ дѣлу, чѣмъ сдача этого отряда непріятелю на войнѣ.

Спускъ флага передъ врагомъ въ мирное время имѣетъ меньше оправданія чѣмъ въ военное.

Это тотъ-же спускъ флага, только передъ внутреннимъ врагомъ, и притомъ имѣющій меньше оправданій, такъ какъ тамъ все таки можетъ играть роль опасеніе за жизнь ввѣренныхъ ему многихъ жизней, а здѣсь все таки опасеніе только за свое собственное, и ни за чье иное, благополучіе.

Только въ союзѣ съ гражданскимъ мужествомъ знаніе добьется практическихъ послѣдствій для дѣла. Не добьется этого и одно гражданское мужество безъ знанія, ибо оно не будетъ знать—куда направлять свою дѣятельность.

И опять повторю—что напр. въ теоріи присяга*) требуетъ совершенно одинаково и военнаго и гражданскаго мужества, а на дѣлѣ одно проявляется до величайшихъ жертвъ, а второе—останавливается передъ жертвами гораздо меньшими.

И вотъ, когда я говорилъ выше, что самое важное—это не прятаться отъ логическаго вывода и идти въ логическомъ развитіи мысли *до конца*, и дойдя до вывода—или его, внутри себя, въ своемъ „святое святыхъ" опровергнуть, или ему подчиниться,—то я имѣлъ въ виду и этотъ проклятый вопросъ—какъ сдѣлать такъ, чтобы не повторился разгромъ. Если мы дѣйствительно рѣшили, что разгромъ не долженъ повториться, и дѣйствительно не можемъ, сами передъ собой, добросовѣстно опровергнуть, что главныя второпричины разгрома, т. е. лежащія въ доступной намъ области—это невѣжество и отсутствіе гражданскаго мужества, то нашъ

*) „Объ ущербѣ-же Его Императорскаго Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, *какъ скоро о томъ увѣдаю,* не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и *не допущать* потщуся и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, а предпоставленнымъ надъ мною начальникамъ *во всемъ, что пользѣ* и службѣ государства касаться будетъ, надлежащимъ образомъ чинить послушаніе и все по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противъ службы и присяги не поступать...".

девизъ долженъ быть—*знаніе и открытое мужество мысли.*

„Имѣй мужество пользоваться собственнымъ разумомъ. Это—девизъ просвѣщенія“ говоритъ Кантъ*). Но этого мало—только рѣшиться имѣть *свое мнѣніе*—надо еще рѣшиться и прилагать его на дѣлѣ—а здѣсь ужъ главную роль играетъ гражданское мужество.

Знаніе и открытое мужество мысли, какъ девизъ будущихъ офицеровъ морского генеральнаго штаба.

Какъ было указано выше, преобразованная академія будетъ служить и для подготовки офицеровъ для несенія во флотѣ службы генеральнаго штаба. Первое ядро этой службы составитъ первый выпускъ изъ академіи. Именно отъ него будетъ зависѣть въ значительной мѣрѣ тонъ этой службы, по нему составитъ и флотъ свое мнѣніе объ этой службѣ, и дастъ ей соотвѣтствующую оцѣнку.

Всѣмъ хорошо извѣстно—какіе недостатки приприсываетъ армія своей службѣ генеральнаго штаба. Отъ этого перваго выпуска будетъ зависѣть сразу избѣгнуть этихъ нареканій, и сдѣлать такъ, чтобы флотъ относился къ офицерамъ морского генеральнаго штаба иначе, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ арміи. А если этого не будетъ, то и служба генеральнаго штаба не принесетъ всей той пользы флоту, которую она способна принести.

И если вдуматься—гдѣ причина извѣстнаго отношенія арміи къ своему генеральному штабу,—то главное здѣсь—не въ отсутствіи у него знаній.

Пусть эти знанія несовершенны, не совсѣмъ тѣ, которыя требуются, пусть ихъ надо измѣнить, но только въ общемъ, все таки, знанія нужныя для веденія войны имѣются именно у офицеровъ генеральнаго штаба. Никто и не отрицаетъ необходимости службы генеральнаго штаба—возстаютъ только противъ существующей корпораціи этихъ офицеровъ какъ таковой, противъ ея духа, противъ *захваченнаго* ею положенія.

И если-бы представить себѣ, что эти офицеры были-бы не только представителями военнаго знанія,

*) По Кругу чтенія. На 28 Сентября.

но и представителями открытаго мужества мысли, представителями гражданскаго мужества, если-бы они могли быть извѣстны тѣмъ, что они готовы всегда признавать свои ошибки, и готовы не только жертвовать жизнью на полѣ сраженія, но нести тяжелыя жертвы за правильное направленіе военнаго дѣла и въ мирное время, то такая корпорація получила-бы совершенно другую оцѣнку.

И потому, если у насъ во флотѣ, помимо *службы* генеральнаго штаба, которая нужна несомнѣнно, и — въ томъ или иномъ видѣ — все равно существуетъ, создадутся и *офицеры* генеральнаго штаба, то именно теперь, когда только формируется ядро этого сообщества — я нарочно не употребляю слово — корпорація или каста — пусть оно выдѣляется не только знаніемъ, и ужъ конечно не формой, не какими нибудь особыми привиллегіями и правами, тѣмъ болѣе не самомнѣніемъ и кичливостью, а помимо знанія — договоромъ объ открытомъ мужествѣ мысли и сообразованіемъ своей дѣятельности съ такой мыслью.

Такимъ образомъ этотъ девизъ — *знаніе и открытое мужество мысли* — я бы выставилъ девизомъ будущихъ офицеровъ морского генеральнаго штаба, и не на словахъ только, а на дѣлѣ — такъ, чтобы флотъ этому повѣрилъ.

И это въ значительной степени будетъ зависѣть отъ перваго выпуска и именно къ нему я и обращаюсь главнымъ образомъ съ этими словами.

Эпитетъ „красивыя слова“ даютъ истинѣ тѣ, которые почему либо хотятъ уклониться отъ примѣненія ея на дѣлѣ.

Я конечно предвижу возраженія противъ этого заключенія моего труда. Мнѣ могутъ сказать, да и скажутъ навѣрно — все это только общія мѣста, красивыя слова, прописи! Мы требуемъ дѣла, а не красивыхъ словъ — красивыя слова говорить легко!

А я возражу — не думайте, что это легко! Я прекрасно понимаю и сознаю — на какой скользкій путь я сталъ съ этимъ обращеніемъ, и напротивъ — мнѣ надо было сдѣлать огромное усиліе надъ собой, чтобы высказать это, скажу даже — мнѣ пришлось призвать на

помощь весь мой скудный запасъ гражданскаго мужества, чтобы не *считаться* съ возможностью, что мое обращеніе будетъ принято именно, какъ пустыя красивыя слова, какъ прописи, какъ форма безъ содержанія!

А я все таки настаиваю на своемъ. Пусть это будетъ принято какъ угодно, я готовъ на всѣ послѣдствія для меня изъ моего вывода, но я считаю, что если я хочу честно отвѣтить на вопросъ—какъ сдѣлать такъ, чтобы насъ опять не постигъ разгромъ, то по совѣсти иначе отвѣтить не могу, и весь порученный мнѣ курсъ исторіи военно-морского искусства я хотѣлъ бы видѣть, хотя-бы въ будущемъ, лишь развитіемъ, поясненіемъ и доказательствомъ этихъ мыслей.

Все таки основа истины лежитъ въ мысли, въ строгой логичности ея развитія, а то, что имѣется въ книгахъ, служитъ лишь матеріаломъ для ея поясненія.

Какъ говорится въ одномъ персидскомъ изреченіи *)—„ищи истину въ мысли, а не въ гніющихъ книгахъ. Если хочешь видѣть мѣсяцъ, то гляди на небо, а не въ лужу“.

Заканчивая этотъ свой трудъ, я опять долженъ повторить, что я не могъ дать въ немъ какихъ либо точныхъ знаній—ихъ слишкомъ мало у меня самого. Тѣмъ болѣе я не могъ дать какихъ либо неопровержимыхъ истинъ—я самъ ищу ихъ, и во многомъ иду еще ощупью.

Я поставилъ себѣ задачей только изложить тѣ пути, которыми я добивался истины. Пусть будутъ оцѣнены эти пути, и если они будутъ признаны правильными, пусть надъ дальнѣйшимъ проложеніемъ ихъ поработаютъ и другіе, и тогда легче будетъ добраться до истины. Но только повторяю—въ каждый данный моментъ, придя къ извѣстному выводу, который нельзя добросовѣстно опровергнуть, надо ему *подчиниться* и сообразно съ нимъ дѣйствовать,—иначе *практической* пользы отъ стремленія къ истинѣ не будетъ.

---

*) По Кругу чтенія. На 23 Августа.

Скажутъ, что это „прямолинейно“, но я совершенно согласенъ съ командиромъ одного изъ нашихъ броненосцевъ, который пишетъ мнѣ, что „намъ именно не хватаетъ логики и прямолинейности, а въ изворотливости намъ нѣтъ соперниковъ“.

Изворотливость передъ самимъ собой — это и мѣшаетъ намъ прилагать истину къ дѣлу.

АЛФАВИТЪ ИМЕНЪ И ПОНЯТІЙ.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

См. сначала 546 стр.

И.


См. раньше 547 стр.

І.

К.

Л.

М.

Н.

50 1/20

Р.

С.

Т.

У.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.


Собраніе
Н. С. Кровякова



